РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XL-й. ІЮЛЬ. 1909 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Полтава.** (27 іюня 1709 г.). Н. Л. Юнакова . 3—20

II. **Полтава.** Б. Колюбакина. . . . . 21—24

III. **Д. А. Скалонъ.** Н. . . . 27—30

IV. **Изъ жизни русскихъ въ Финляндіи, по письмамъ графа М. Ѳ. Каменскаго.** Н. А. Мурзанова. . . . 31—34

V. **Записки сенатора Есиповича** . . . . . 35—43

VI. **Депутатъ отъ Россіи** (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 47—62

VII. **Пребываніе Императора Николая I въ Эчміадзинѣ и въ Тифлисѣ по даннымъ армянскаго археолога.** (Изъ изслѣдованія А. Д. Ерицова: „Католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи"). Сообщ. М. Я. Аладердянцъ. . . . . 63—80

VIII. **Къ статьѣ Карцова „За кулисами дипломатіи".** Сообщилъ С. П. Зыковъ. 81—99

IX. **Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года.** Сообщила В. Т. 100—117

X. **Семь лѣтъ неурожайныхъ.** (Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ). П. Л. Юдина . . . . . 118—126

XI. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера** . . . . . 127—162

XII. **Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 г.г.** Сообщ. Е. Каменскій. . 163—206

XIII. **Изъ записной книжки „Русской Старины":**

а. 1) **Собственноручное письмо Императора Петра I генералъ-фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву изъ Карлсбада.**

2) **Собственноручное письмо Петра I князю Голицыну.** Сообщ. Н. Затворницкій . . . . 25—26

б. **Посѣщеніе Саратова Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 30 годахъ XIX столѣтія.** (Изъ записокъ стараго помѣщика). В. А. Шомпулева. . 44—46

XIV. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

25300
49 г.

Приложенія: **Петръ I въ Полтавскомъ сраженіи** (Съ офорта М. Мартена младшаго, которо[му] Петромъ I были заказаны картины, изображающія сраженія при Лѣс[ной] и Полтавѣ); **схема раіона Полтавской операціи** и **планъ сраженія [при] Полтавѣ.**

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1909 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.

1909.

VII-я книга „Русской Старины" вышла 25-го іюня 1909 года.

Библіографическій листокъ.

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. V томъ. 1-й выпускъ. СПБ. Экспедиція заготовленія Государственныхъ бумагъ. 1909.

Чудесное изданіе Августѣйшаго историка продолжается. Оно привлекаетъ не только по истинѣ еще небывалыми у насъ достоинствами и роскошью исполненія, но и выдающимся научнымъ значеніемъ. Нельзя не воздать должное рвенію издателя, взявшаго на себя нелегкое дѣло собиранія разсѣянныхъ тамъ и сямъ по всей Россіи сокровищъ и памятниковъ портретной живописи. У насъ, гдѣ стариною не умѣютъ дорожить, гдѣ остатки прошлаго изчезаютъ съ непонятной культурному Западу быстротой (стоитъ вспомнить хотя бы гибель знаменитой Зубриловки), гдѣ выставки историческихъ картинъ устраиваются очень рѣдко, и періодическихъ изданій, посвященныхъ искусству, обидно мало, такое изданіе, какъ „Русскіе портреты", не только даетъ занимающимся исторіей и искусствомъ немало цѣнныхъ указаній, но многое выводитъ изъ забвенія и многое, чему, быть можетъ, суждено не нынче—завтра исчезнуть, сохраняетъ навсегда въ превосходныхъ воспроизведеніяхъ, ставящихъ нашу экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ рядомъ съ лучшими подобными заведеніями въ Европѣ. Сжатые біографическіе очерки, сопровождающіе каждый портретъ, написаны съ чрезвычайной точностью и добросовѣстностью.

Римская исторія по **Моммсену**. Изданіе князя А. К. Горчакова. СПБ. 1909.

Какъ ни растетъ наука, какъ быстро ни мѣняются идеи и направленія, сколько ни появляется въ ней новыхъ открытій, какъ ни обогащается она новыми и новыми матеріалами, есть въ ней труды исключительной цѣнности и прочности, если не вѣчнаго, то по крайней мѣрѣ вѣкового значенія. Къ такимъ трудамъ въ области исторической науки принадлежитъ „Римская исторія" Моммсена, талантливѣйшая работа великаго историка-юриста. Но не всякому по плечу эти три внушительные тома, сразу ошеломляющіе неопытнаго читателя не только своими размѣрами, но серьезностью изложенія, трудностью его манеры. „Всегда и для всѣхъ"—говоритъ издатель — „будетъ поучительно и полезно познакомиться съ тѣмъ, какъ смотрѣлъ человѣкъ такого могучаго ума, какъ Моммсенъ, на жизнь народа, на задачи государства, на способы устраивать человѣческое благополучіе, на причины общественныхъ бѣдствій, на тотъ огромный и непрерывный трудъ вообще, какого требуетъ отъ людей государство и общество". Сокращенное изложеніе даетъ не простой пересказъ „своими словами" сочиненія Моммсена, но вполнѣ сохраняетъ духъ, вдохнутый великимъ ученымъ-художникомъ въ свой трудъ. Многимъ прочитавшимъ эту книгу легко будетъ послѣ нея перейти непосредственно уже къ самому Моммсену; особенно полезна будетъ она учащимся, которымъ очень доступна по своей баснословно дешевой цѣнѣ—рубль за прекрасно изданный томъ страницъ въ 400, съ превосходнымъ портретомъ Моммсена.

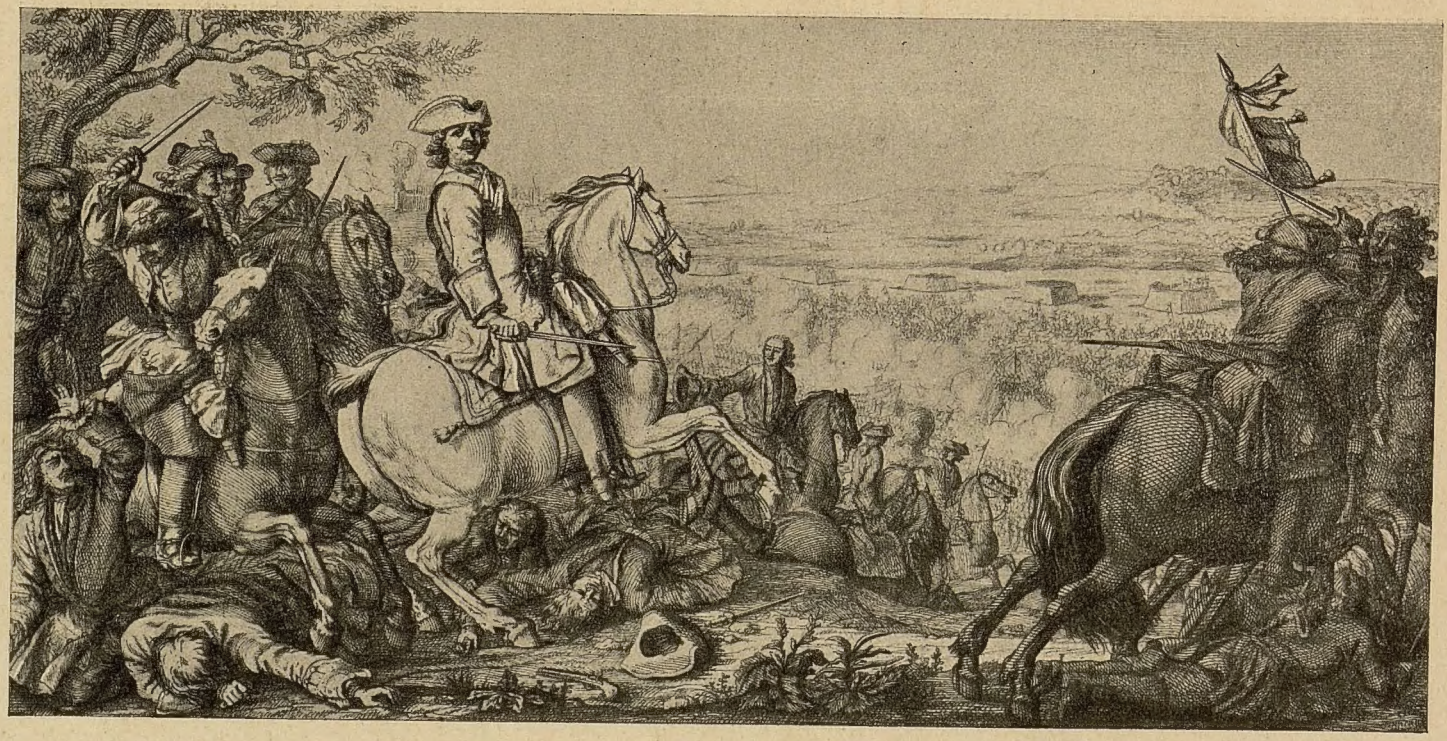
Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Гоголь въ его произведеніяхъ. М. 1909.

Новая книжка почтеннаго критика-ученаго о Гоголѣ содержитъ характеристику Гоголя-поэта. „То, что говорилъ онъ языкомъ художественныхъ образовъ, лирики и юмора, почти всегда было и ново, и интересно, и содержательно, и значительно. Когда онъ отъ этого языка переходилъ къ языку прозы, его мысль въ большинствѣ случаевъ оказывалась блѣдною, безпомощною, слабою". Оставивъ въ сторонѣ гоголевскую „прозу", критикъ разсмотрѣлъ поэтическое наслѣдіе Гоголя, на которомъ запечатлѣлся его „пафосъ", его поэтическія созданія, и на нихъ показалъ, какъ двигался великій писатель отъ романтизма къ реализму, какой путь прошелъ онъ отъ беззаботнаго хохота первыхъ „Вечеровъ на хуторѣ" до аристофановскаго смѣха, звучащаго въ „Мертвыхъ душахъ". Попутно авторъ если не вполнѣ рѣшаетъ, то во всякомъ случаѣ затрагиваетъ и выдвигаетъ на очередь нѣсколько донынѣ не рѣшенныхъ, глубокихъ и трудныхъ вопросовъ объ отношеніи Гоголя къ русской національной психологіи. И постановкой этихъ интересныхъ вопросовъ, и внимательнымъ анализомъ поэтическаго развитія Гоголя очень цѣнна эта вдумчивая и популярно написанная книжка.

Ал. Котовичъ. Духовная цензура въ Россіи (1799—1855 г.г.). СПб. 1909.

Исторія нашей гражданской цензуры, до сихъ поръ изучавшаяся лишь эпизодически и даже, можно сказать, анекдотически, не можетъ похвалиться ни однимъ трудомъ, равнымъ по серьезности исполненія и по объему произведенныхъ изученій книгѣ г. Котовича о духовной цензурѣ. Авторъ прослѣдилъ исторію этого учрежденія отъ 1799 г., когда духовная цензура получила точно регламентированную организацію, до начала царствованія Александра II, эпохи реформъ. „Предлагаемая работа"—говоритъ авторъ—„представляетъ собою попытку выясненія и обработки тѣхъ залежей, которыя въ нетронутомъ почти видѣ находятся въ архивахъ учрежденій, являвшихся въ свое время средоточіемъ духовно-цензурнаго надзора. Цѣль ея—воспроизвести на основаніи главнымъ образомъ этихъ архивныхъ данныхъ различныя перипетіи въ устройствѣ духовной цензуры за полу-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Петръ I въ Полтавскомъ сраженіи.

(Съ офорта М. Мартена младшаго, которому Петромъ I были заказаны картины изображающія сраженія при Лѣсной и Полтавѣ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „**Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ **1909** году:

А. Ѳ. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля»,—«Житейскія встрѣчи». Изъ архива А. Ѳ. Кони.—«Письма А. И. Чупрова съ предисловіемъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Г. П. Георгіевскаго**—«Гоголь въ его новыхъ письмахъ». **Князя А. Д. Оболенскаго** — «Мои воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ». Воспоминанія **И. И. Янжула** «О пережитомъ и видѣнномъ» 1864—1909 гг. **П. М. Ковалевскаго**—«Встрѣча на жизненномъ пути», «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», «Власти предержащія», «У Черныщова моста», «Въ Главномъ Адмиралтействѣ», «На Мойкѣ». **Г. К. Градовскаго** — «Изъ минувшаго». Записки сенатора Есиповича. **М. В. Безобразовой** — «Дневникъ академика В. П. Безобразова». П. Д. Паренсова. Изъ прошлаго: «Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.» **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ».—Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго**. **Д. А. Скалона** — «На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **А. В. Шомпулева**—«Изъ записокъ стараго помѣщика». Ѳ. Г. Тернера «Воспоминанія жизни». **А. Ф. Петрушевскаго**—«Первые годы службы». **В. Ф. Руднева**—На крейсерѣ «Африка». **В. Д. Корсаковой**—«Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Драке**—«Въ Финляндіи». **Н—ъ**—«Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. Э. И. Тотлебенѣ».—Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ».—Письма П. И. Чайковскаго И. А. Мельникову. **Дитлова**—«Въ походѣ и въ бою на «Адмиралѣ Ушаковѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ».—Воспоминанія **Тургенева, Де-Санглена, Леваковскаго, Юдина, Семенова** и др.; **А. А. Чебышева**—Письма П. А. Катенина Н. Н. Батхину. Воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1909.

ІЮЛЬ,—АВГУСТЪ,—СЕНТЯБРЬ.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

25300

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1909.

Полтава.

(27 іюня 1709 года).

СО СХЕМОЙ И ПЛАНОМЪ.

Съ полной вѣрой въ конечный успѣхъ кампаніи выступилъ Карлъ XII, въ послѣднихъ числахъ 1707 года, изъ Варшавы черезъ Литву въ Россію. Однимъ ударомъ, подобнымъ тому, какой былъ нанесенъ Россіи Швеціей 7 лѣтъ тому назадъ подъ Нарвой, надѣялся онъ сломить сопротивленіе своего противника и продиктовать ему мирный договоръ, соотвѣтствующій желаніямъ шведскаго короля.

Но вскорѣ однако Карлъ XII увидѣлъ, что планъ его не поддается столь легкому осуществленію: русская армія настойчиво ускользала отъ рѣшительнаго столкновенія со шведами и, втягивая противника въ глубь бѣдной, да въ добавокъ еще умышленно опустошаемой нашей конницей страны, заставляла его бороться не столько съ вооруженной силой, сколько съ бездорожьемъ, голодомъ и холодомъ.

Осенью 1708 года для короля, стоявшаго по близости отъ границы Россіи, верстахъ въ 70 отъ Смоленска, необдуманность предпринятаго имъ вторженія обрисовалась уже вполнѣ: шведская армія замѣтно таяла; весь пройденный шведами путь былъ рѣзко обозначенъ трупами умершихъ отъ истощенія и массами больныхъ, оставленныхъ противникомъ въ попутныхъ деревняхъ; послѣдняя надежда на то, что русскіе, вступивъ въ предѣлы Россіи, будутъ щадить мѣстныя средства, угасла: русская конница продолжала сжигать всѣ запасы продовольствія, строенія и даже хлѣбъ на корню . . . . . и подходившіе къ границѣ шведскіе отряды могли издали наблюдать постоянныя зарева пылавшихъ деревень.

При такихъ условіяхъ продолженіе наступленія на Москву становилось, конечно, совершенно немыслимымъ, а потому упорно

отклонявшій всякую мысль объ отступленіи Карлъ XII принялъ рѣшеніе свернуть въ Украину съ тѣмъ, чтобы, воспользовавшись видимо доброжелательнымъ отношеніемъ къ нему малороссійскаго гетмана Мазепы, спокойно выждать тамъ прибытія на помощь къ шведамъ польскихъ войскъ Станислава Лещинскаго и крымскихъ татаръ, и только тогда уже вторгнуться въ центральную Россію.

Полтора мѣсяца шли шведы по дремучимъ Сѣверскимъ лѣсамъ, испытывая по-прежнему нужду въ продовольствіи и постоянно тревожимые окружавшей ихъ со всѣхъ сторонъ русской конницей. А въ это время выдѣленному изъ главныхъ силъ нашей арміи особому отряду, начальство надъ которымъ принялъ самъ Царь, удалось уничтожить при д. Лѣсной шведскій отрядъ Левенгаупта, слѣдовавшій по приказанію Карла XII изъ Риги, съ громаднымъ транспортомъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ, въ которыхъ такъ нуждалась шведская армія.

Въ концѣ октября 1708 г. шведскій король подошелъ къ р. Деснѣ, гдѣ къ нему присоединился гетманъ Мазепа, приведшій съ собою около 2 тысячъ малороссійскихъ казаковъ. Черезъ нѣсколько дней шведы форсировали переправу и двинулись къ Батурину, въ которомъ находились большіе склады собранныхъ по распоряженію Мазепы боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ; но русскіе, правильно оцѣнивъ значеніе Батурина, успѣли предупредить противника въ этомъ пунктѣ и, овладѣвъ гетманской резиденціей путемъ штурма, разорили ее до основанія. Между тѣмъ настали сильные холода, и это обстоятельство, въ связи съ желаніемъ Карла XII дать своимъ войскамъ послѣ перенесенныхъ ими трудовъ и лишеній болѣе продолжительный отдыхъ, привело шведскаго короля къ рѣшенію расположить армію на зимнія квартиры между Ромнами, Гадячемъ, Лохвицей и Прилуками, что и было исполнено имъ во второй половинѣ ноября. Тогда и русская армія, находившаяся въ началѣ ноября у Глухова, передвинулась къ Лебедину и Сумамъ и расположилась по квартирамъ въ окрестностяхъ этихъ пунктовъ, прикрывъ своимъ расположеніемъ удобнѣйшіе пути, шедшіе изъ квартирнаго раіона шведовъ въ центральную Россію.

Надежды Карла XII на то, что въ Украинѣ его измученныя дальнимъ и труднымъ походомъ войска будутъ радостно встрѣчены мѣстнымъ населеніемъ, найдутъ удобныя спокойныя квартиры и усилятся малороссійскими казаками и запорожцами, далеко не осуществились. Малороссійскій народъ отнесся совершенно несочувственно къ предательской измѣнѣ гетмана Мазепы и за небольшимъ исключеніемъ остался вѣрнымъ своему законному государю; правда, на сторону Карла XII перешло нѣсколько тысячъ запорожцевъ, но

присоединеніе этого буйнаго полчища, искавшаго главнымъ образомъ разгульной жизни и легкой наживы, не принесло шведамъ никакой пользы. Продовольственные припасы при приближеніи шведовъ укрывались мѣстными жителями въ потайныя мѣста и ямы, благодаря чему нашему противнику удавалось добывать ихъ съ большимъ трудомъ. Въ теченіе всей зимовки шведская армія была окружена сплошнымъ кольцомъ легкихъ русскихъ отрядовъ, которые, опираясь на многочисленные укрѣпленные пункты Украины, производили постоянныя нападенія на шведскія квартиры, тревожили противника и не давали ему возможности хотя сколько-нибудь отдохнуть. Наконецъ, въ довершеніе всего зима 1708—9 г.г. отличалась небывалою суровостью, и жестокіе морозы вырывали изъ рядовъ шведовъ много лишнихъ жертвъ.

Въ результатѣ зимовка шведовъ въ Украинѣ привела лишь къ еще большему ослабленію шведской арміи, въ рядахъ которой къ веснѣ 1709 года насчитывалось не болѣе 35 тыс. человѣкъ.

Переходя въ теченіе зимы съ одного мѣста на другое, въ поискахъ за болѣе удобнымъ раіономъ для размѣщенія на отдыхъ, шведы къ марту 1709 года расположились по квартирамъ между Лютенькой, Опошней, Сенжарами и Рѣшетиловкой (см. схему).

Главныя силы русской арміи, бывшія подъ начальствомъ свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меншикова, находились въ это время въ окрестностяхъ Богодухова, прикрывая пути въ Россію черезъ Бѣлгородъ и Харьковъ; значительная часть русской конницы была выдвинута къ р. Ворсклѣ, откуда внимательно слѣдила за дѣйствіями противника; къ западу отъ шведской арміи между р.р. Сулой и Пселомъ расположились отряды фельдмаршала Б. П. Шереметева и новаго малороссійскаго гетмана Скоропадскаго, тревожившіе шведовъ своими нападеніями съ тыла и препятствовавшіе Карлу XII поддерживать связь съ Польшей. Наконецъ, ближайшіе къ расположенію шведовъ укрѣпленные пункты Украины (Ромны, Сорочинцы, Ахтырка, Полтава) были заняты особыми русскими гарнизонами.

Петръ Великій находился въ это время въ Воронежѣ и лично руководилъ производившимися тамъ грандіозными приготовленіями къ морскому походу въ Царьградъ.

Занявъ раіонъ, прикрытый съ востока и запада р.р. Ворсклой и Пселомъ, Карлъ XII разсчитывалъ, что онъ можетъ здѣсь оставаться совершенно спокойно въ ожиданіи подхода поляковъ Станислава Лещинскаго и крымскихъ татаръ. Но достиженію спокойнаго отдыха мѣшала Полтава. Расположенная на одной изъ немногихъ переправъ черезъ р. Ворсклу и занятая сравнительно сильнымъ

гарнизономъ, крѣпость эта служила для русскихъ опорнымъ пунктомъ, откуда они производили нападенія на шведскія квартиры.

При такихъ обстоятельствахъ, стремясь къ овладѣнію оборонительной линіей р. Ворсклы, Карлъ XII не могъ не обратить вниманія на Полтаву.

Нѣсколько лично произведенныхъ королемъ рекогносцировокъ привели его къ заключенію, что крѣпость эта едва-ли будетъ въ состояніи дать сильный отпоръ шведамъ, и окончательно способствовали тому, что Карлъ XII задумалъ захватить Полтаву въ свои руки.

Полтава (см. планъ боя) лежала на правомъ высокомъ крутомъ и лѣсистомъ берегу р. Ворсклы, близъ впаденія въ нее рѣчки Коломака. Широкая и низменная долина рѣки была покрыта непроходимыми болотами, разобщавшими крѣпость съ лѣвымъ берегомъ Ворсклы, а слѣдовательно и съ главными силами русской арміи.

Городъ былъ окопанъ глубокимъ рвомъ и обнесенъ земляннымъ валомъ, при чемъ ровъ и валъ были въ сравнительно недавнее время исправлены русскими. Гарнизономъ Полтавы, состоявшимъ изъ 4.000 солдатъ и 2.500 вооруженныхъ жителей, командовалъ храбрый и энергичный полковникъ Алексѣй Степановичъ Келенъ.

Въ концѣ апрѣля Карлъ XII сдѣлалъ нѣсколько попытокъ овладѣть Полтавой съ помощью неожиданнаго нападенія, но шведы потерпѣли неудачу и понесли большія потери. Тогда раздосадованный этой неудачей король рѣшилъ обложить Полтаву со всѣхъ сторонъ войсками и одновременно съ этимъ начать противъ нея правильную осаду.

Въ началѣ мая шведская армія сосредоточилась вокругъ Полтавы на правомъ берегу р. Ворсклы и приступила къ инженерной атакѣ крѣпости. Узнавъ объ этомъ, князь Меншиковъ немедленно выступилъ отъ Богодухова также по направленію къ Полтавѣ и расположился противъ крѣпости у д. Крутой Берегъ. Вскорѣ, не смотря на почти непроходимыя болота, отдѣлявшія наши войска отъ Полтавы, Меншикову удалось съ помощью хитрости усилить гарнизонъ города двумя баталіонами пѣхоты.

Тогда шведы соорудили на самомъ берегу Ворсклы, у подошвы горы, на которой находилась Полтава, противъ единственнаго моста черезъ рѣку, большой редутъ, благодаря чему осажденные оказались совершенно отрѣзанными отъ всякой помощи извнѣ.

Осадныя работы шведовъ противъ Полтавы шли довольно медленно, такъ такъ гарнизонъ крѣпости, руководимый мужественнымъ полковникомъ Келеномъ, прилагалъ всѣ старанія, чтобы помѣшать противнику приблизиться къ городу. Внимательно слѣдя

Схема раіона Полтавской операціи.

за дѣйствіями шведовъ, русскіе производили постоянныя вылазки: нападали на непріятельскія рабочія команды, тревожили противника, заставляли его прерывать работы, отбирали у шведовъ рабочій инструментъ, разрушали построенныя ими закрытія и вынимали порохъ изъ минъ, заложенныхъ непріятелемъ въ землю, съ цѣлью произвести обвалъ крѣпостного вала.

Чѣмъ дольше тянулась осада, тѣмъ больше сказывалось нетерпѣніе Карла XII. Въ концѣ мая, раздраженный, наконецъ, продолжительнымъ сопротивленіемъ русскихъ, шведскій король, не смотря на недостатокъ въ арміи боевыхъ припасовъ, рѣшилъ подвергнуть Полтаву сильному бомбардированію.

Передъ вечеромъ 1 іюня шведы „бросили“ въ крѣпость 32 бомбы, „отъ которыхъ учинился въ городѣ велікій пожаръ“. Тогда, воспользовавшись этимъ удобнымъ случаемъ, непріятельскія войска двинулись съ двухъ сторонъ на штурмъ и взобрались на валъ, но гарнизонъ Полтавы произвелъ блестящую контръ-атаку и отбросилъ противника назадъ.

На слѣдующій день Карлъ XII послалъ Келену предложеніе сдаться, угрожая, что въ противномъ случаѣ русскимъ не будетъ дано помилованія, и всѣ они „будутъ побиты“. Отвѣтомъ на предложеніе короля была вылазка, во время которой мужественнымъ защитникамъ Полтавы удалось отобрать у противника нѣсколько пушекъ.

Между тѣмъ русскія главныя силы оставались по-прежнему у д. Крутой Берегъ, тщетно пытаясь облегчить какимъ-либо способомъ положеніе полтавскаго гарнизона: черезъ непроходимыя болота р. Ворсклы строились гати изъ фашинъ; небольшіе русскіе конные отряды производили нападенія на шведовъ, стараясь отвлечь ихъ въ сторону отъ крѣпости... Ничто не помогало: армія Карла XII окружала Полтаву плотнымъ кольцомъ, проникнуть черезъ которое не было никакой возможности.

Въ концѣ мая на присоединеніе къ Меншикову прибылъ фельдмаршалъ Шереметевъ, а 4 іюня пріѣхалъ въ армію и Петръ Великій, принявшій на себя общее командованіе войсками.

Первою заботою Государя было увѣдомить гарнизонъ крѣпости о своемъ пріѣздѣ и ободрить его обѣщаніемъ скорой помощи. И Петръ достигъ этого въ полной мѣрѣ: царское письмо, переброшенное въ крѣпость въ пустой бомбѣ, сильно подняло духъ войскъ и жителей Полтавы, и они, собравшись въ соборной церкви, торжественно поклялись защищаться до послѣдней капли крови.

Съ пріѣздомъ Царя дѣятельность русскихъ войскъ, сосредоточенныхъ противъ Полтавы, оживилась: энергичнѣе стали вестись инже-

перныя работы въ долинѣ р. Ворсклы, чаще и смѣлѣе нападала на шведовъ русская конница, наконецъ, для дѣйствій противъ непріятеля съ цѣлью отвлечь его въ сторону отъ Полтавы и воспользоваться этимъ временемъ для усиленія гарнизона войсками и снабженія боевыми и продовольственными припасами, высылались нѣсколько разъ сильные отряды изъ трехъ родовъ оружія.

Однако, не смотря на цѣлый рядъ косвенныхъ мѣръ, принятыхъ Петромъ Великимъ для спасенія Полтавы, намъ не удалось достигнуть сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ: всѣ наши усилія по-прежнему разбивались о труднодоступную болотистую мѣстность и сильную непріятельскую армію, отрѣзывавшія гарнизонъ крѣпости отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

Между тѣмъ въ половинѣ іюня донесенія Келена свидѣтельствовали уже, что въ Полтавѣ истощились почти всѣ боевые и продовольственные припасы, и что шведы приблизились со своими окопами къ крѣпостному валу.

Собранный по этому случаю, 16 іюня, при русской главной квартирѣ военный совѣтъ пришелъ къ согласному заключенію, что, при сложившихся обстоятельствахъ, сопротивленіе полтавскаго гарнизона не можетъ быть продолжительнымъ, а потому для спасенія храбрыхъ защитниковъ Полтавы необходимо рѣшиться теперь же на „генеральную баталію“.

Генеральная баталія была дѣйствительно необходима. Девять долгихъ лѣтъ тянулась уже борьба между Россіей и Швеціей... Девять долгихъ лѣтъ Государь старательно избѣгалъ встрѣчи съ Карломъ XII и все это время хотя и медленно, но настойчиво стремился къ тому, чтобы создать себѣ обстановку, способную обезпечить побѣду.

Теперь наконецъ настала минута, когда можно и нужно было положить на вѣсы счастія судьбу Россіи.

Передъ превосходной по силамъ и отличной по качествамъ русской регулярной арміей стоялъ противникъ, когда-то грозный, но въ настоящее время ослабленный и измученный тяжелымъ походомъ, упавшій духомъ, страдавшій отъ недостатка продовольствія, нуждавшійся въ боевыхъ припасахъ...

Позволить Карлу XII овладѣть Полтавой, несомнѣнно близкой къ паденію—это значило передать въ его руки сильную оборонительную линію р. Ворсклы, а главное—это значило поднять духъ шведской арміи и способствовать распространенію въ колеблющейся Украинѣ вѣры въ непобѣдимость шведскаго короля.

Крѣпость необходимо было спасти во что бы то ни стало, а такъ какъ всѣ побочныя средства для выручки Полтавы были уже исчер-

паны и оказались недостаточными, то оставалось лишь рѣшиться на самое рискованное средство—бой.

И Петръ Великій рѣшился...

Понимая однако, что бой со шведами являлся „зѣло опаснымъ дѣломъ“, отъ успѣха или неуспѣха котораго зависѣло все будущее Россіи, Государь, несмотря на то, что русская армія была на 20 тысячъ сильнѣе шведской (50 тысячъ противъ 30), назначилъ для атаки противника лишь 29-е іюня, когда на присоединеніе къ намъ должны были прибыть съ береговъ Волги 30—40 тыс. калмыковъ, высланныхъ по просьбѣ Петра ханомъ Аюкой.

Но такъ такъ съ другой стороны гарнизонъ Полтавы могъ не выдержать осады до 29 іюня, то Петръ Великій рѣшилъ теперь же перевести армію на правый берегъ Ворсклы съ тѣмъ, чтобы, расположившись по близости отъ крѣпости, быть въ состояніи, въ случаѣ надобности, подать ей въ любую минуту руку помощи.

Въ ночь на 19 іюня наши войска выступили отъ д. Крутой Берегъ вверхъ по Ворсклѣ къ д. Черняхово. На слѣдующій день русская армія переправилась въ окрестностяхъ д. Петровки частью по мостамъ, а частью въ бродъ на правый берегъ рѣки [1]) и затѣмъ, видя, что шведы не препятствуютъ нашему наступленію, къ 25 іюня постепенно продвинулась къ д. Яковцы, оказавшись такимъ образомъ всего лишь въ 5 верстахъ отъ Полтавы.

Послѣ прибытія къ д. Яковцы, Петръ Великій сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы войска немедленно приступили къ постройкѣ укрѣпленнаго лагеря, и распоряженіе это „черезъ одну ночь“, т. е. къ утру 26 іюня, было уже исполнено.

Укрѣпленный лагерь, въ которомъ расположилась вся русская армія, прикрывался съ тыла обрывистымъ берегомъ р. Ворсклы, а съ лѣваго фланга—густымъ трудно проходимымъ лѣсомъ, тянувшимся почти вплоть до самой Полтавы. Передъ фронтомъ лагеря простиралась открытая равнина, которая оканчивалась отлогимъ спускомъ къ лѣсу, находившемуся между д.д. Мал. Будище и Тахтаулова и замыкавшему равнину съ запада. Между обоими указанными лѣсами оставался ровный открытый промежутокъ около 1 версты шириною, который, при тогдашнихъ построеніяхъ войскъ, являлся наиболѣе удобнымъ подступомъ какъ для русскихъ въ слу-

---

[1]) Переправа была исполнена подъ прикрытіемъ авангарда Рене, предварительно занявшаго правый берегъ Ворсклы и построившаго у д. Петровки тетъ-де-понъ.

чаѣ наступленія ихъ отъ Яковцевъ къ Полтавѣ, такъ и для шведовъ въ случаѣ движенія ихъ отъ Полтавы къ Яковцамъ [1]).

Въ ожиданіи прибытія калмыковъ нашимъ войскамъ приходилось простоять у д. Яковцы три дня.

Зная рѣшительный и нетерпѣливый характеръ своего противника, Петръ Великій считалъ вполнѣ возможнымъ, что Карлъ XII-й не станетъ ждать атаки русскихъ, а воспользуется ихъ близостью и самъ произведетъ на нихъ нападеніе. При такихъ обстоятельствахъ Государю нужно было подумать о томъ, чтобы не быть застигнутымъ непріятелемъ врасплохъ и въ случаѣ наступленія шведовъ принять бой въ наиболѣе выгодныхъ для насъ условіяхъ.

Цѣли эти могли быть достигнуты: 1) путемъ укрѣпленія подступовъ со стороны противника къ нашему лагерю съ помощью инженерныхъ сооруженій; 2) путемъ соотвѣтственной группировки войскъ.

Осмотрѣвъ лично окрестности д. Яковцы, Государь приказалъ: 1) промежутокъ между лѣсами—эти естественныя ворота, соединявшія лагери противниковъ, преградить 6-ю редутами, выстроенными на разстояніи ружейнаго выстрѣла одинъ отъ другого; 2) кромѣ того построить еще 4 редута перпендикулярно къ первымъ.

Эти десять редутовъ вмѣстѣ съ укрѣпленнымъ лагеремъ должны были образовать сильную укрѣпленную позицію, благодаря которой, въ случаѣ нападенія шведовъ, всѣ *выгоды инициативы*, присущія обыкновенно наступающему, переходили на сторону обороняющагося.

Дѣйствительно: не умѣя передвигаться по лѣсистой мѣстности, шведская армія была вынуждена наступать по открытому промежутку между лѣсами; на этомъ пути непріятель *неизбѣжно* встрѣчалъ четыре продольные редута, при чемъ могъ выбрать одно изъ двухъ: или штурмовать редуты, а слѣдовательно нести большія потери, или пройти мимо нихъ, что давало возможность защитникамъ редутовъ обстрѣливать противника во флангъ; при дальнѣйшемъ наступленіи шведы *непремѣнно* натыкались на линію поперечныхъ редутовъ и снова должны были или атаковать ихъ, или прорываться между ними, подвергая себя опасности перекрестнаго обстрѣла изъ сосѣднихъ редутовъ. Если бы шведской арміи удалось преодолѣть всѣ эти затрудненія, то она въ концѣ концовъ *должна была* неожиданно наткнуться на главныя силы русской арміи, которыя предполагалось, до поры до времени, держать укрыто въ укрѣпленномъ лагерѣ.

---

[1]) Въ разсматриваемую эпоху арміи всѣхъ государствъ сражались въ плотныхъ строяхъ, а потому предпочитали маневрировать на мѣстности ровной и открытой, напоминающей плацъ.

Только тогда, наконецъ, могло разыграться рѣшительное столкновеніе, при чемъ въ столкновеніи этомъ со стороны русскихъ должны были принять участіе войска свѣжія, сохранившія свои силы и порядокъ, а со стороны шведовъ—войска, разстроенныя предшествующимъ боемъ и ослабленныя потерями.

Такимъ образомъ, путемъ искуснаго укрѣпленія позиціи Петръ Великій ставилъ Карла XII-го въ необходимость дѣйствовать такъ, какъ это было бы желательно и выгодно для русскихъ.

Къ вечеру 26-го іюня постройка 8 редутовъ (кромѣ 2-хъ переднихъ) была уже закончена, и русскія войска (50 тысячъ) заняли такое положеніе: 2 баталіона и нѣсколько орудій составили гарнизоны редутовъ; непосредственно за линіей поперечныхъ редутовъ была поставлена вся русская регулярная конница (24 полка), ввѣренная свѣтлѣйшему князю А. Д. Меншикову; прочія части русской арміи (59 баталіоновъ пѣхоты и около 70 орудій) оставались по-прежнему въ укрѣпленномъ лагерѣ; наконецъ, казачій отрядъ гетмана И. И. Скоропадскаго расположился въ раіонѣ между д. д. Будище и Рѣшетиловка, преградивъ всѣ кратчайшіе пути изъ Полтавы, черезъ правобережную Украину, въ Польшу.

Такое расположеніе русскихъ приводило къ тому, что если бы шведы перешли въ наступленіе и потерпѣли неудачу, то для нихъ оставался лишь одинъ свободный путь отступленія—къ Переволочнѣ. Но, воспользовавшись этимъ путемъ, шведская армія въ концѣ концовъ попадала въ мѣшокъ, образуемый р. р. Днѣпромъ и Ворсклой. и въ этомъ мѣшкѣ должна была окончательно погибнуть.

Переправа русской арміи черезъ Ворсклу, наглядно свидѣтельствовавшая о намѣреніи Петра Великаго освободить Полтаву, повлекла за собою со стороны Карла XII-го новую попытку овладѣть крѣпостью путемъ штурма.

Въ теченіе 21-го и 22-го іюня шведы, съ необычайной храбростью и упорствомъ, не обращая вниманія на громадныя потери, стремились взобраться на крѣпостной валъ и нѣсколько разъ достигали цѣли. Но въ тѣ минуты, когда водруженныя на валу непріятельскія знамена свидѣтельствовали, казалось, о томъ, что побѣда склоняется на сторону нашего противника,—измученный долгой осадой полтавскій гарнизонъ находилъ въ себѣ новыя силы... и производилъ стремительныя контръ-атаки, сметавшія ликующаго непріятеля обратно въ ровъ. Всѣ жители города приняли участіе въ отраженіи штурмовъ 21-го и 22-го іюня, и даже женщины, и дѣти посильно помогали сражавшимся, поднося имъ снаряды, бревна и камни.

Только поздно вечеромъ 22-го іюня потерявшіе около $2^1/_2$ тысячъ убитыми и ранеными шведы прекратили свои атаки; уронъ русскихъ за эти два дня простирался до 1.300 человѣкъ.

Убѣдившись, что въ безплодныхъ попыткахъ овладѣть крѣпостью напрасно лишь разбиваются силы шведской арміи, а съ другой стороны, получивъ свѣдѣнія о движеніи на помощь къ русскимъ полчища калмыковъ, Карлъ XII-й рѣшилъ оставить пока Полтаву въ покоѣ и вмѣсто этого обрушиться на русскую армію, чтобы разбить ее до прибытія подкрѣпленій.

Передъ вечеромъ 26-го іюня большая часть шведской арміи была уже сосредоточена къ сѣверо-западу отъ Полтавы и ожидала своего короля, желавшаго напутствовать войска передъ предстоявшимъ боемъ. Карлъ, раненый за нѣсколько дней передъ этимъ, во время одной изъ рекогносцировокъ ружейною пулею въ ногу, не былъ въ состояніи сѣсть верхомъ на лошадь, а потому приказалъ пронести себя по рядамъ войскъ въ носилкахъ. Стараясь не обнаруживать своихъ страданій, спокойно и даже весело разговаривалъ шведскій король со своими солдатами и приглашалъ ихъ, шутя, на пиръ въ шатры московскаго царя.

Въ 2 часа по полуночи 27-го іюня, еще въ темнотѣ, Карлъ XII-й двинулъ свои войска по направленію къ русскому лагерю, надѣясь напасть на противника врасплохъ. Впереди шла пѣхота, построенная въ 4 колонны, а за нею конница, раздѣленная на 6 колоннъ. Численность наступавшихъ шведовъ доходила до 25 тыс. человѣкъ и 4 орудій, а остальныя 5—6 тысячъ были оставлены по близости отъ Полтавы съ цѣлью наблюденія за крѣпостью и охраны лагеря и находившейся въ немъ артиллеріи (26 орудій), которая не могла принять участіе въ бою вслѣдствіе недостатка въ шведской арміи боевыхъ припасовъ.

Выступленіе шведовъ изъ лагеря было, не смотря на темноту, сейчасъ же обнаружено нашими разъѣздами.

Русская армія начала готовиться къ бою, и войскамъ былъ прочитанъ слѣдующій приказъ царя: „Воины, вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества! Итакъ, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, будто бы непобѣдимаго, которой ложь вы сами своими побѣдами надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ. А о Петрѣ вѣдайте, что ему

жизнь его не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего".

Между тѣмъ Меншиковъ, желая выиграть время, необходимое для изготовленія къ бою главныхъ силъ, при первыхъ же донесеніяхъ о наступленіи шведовъ повелъ всю ввѣренную ему конницу навстрѣчу къ непріятелю,

На разсвѣтѣ передъ выстроенными нами редутами кипѣлъ уже горячій бой, въ которомъ русской конницѣ удавалось нѣсколько разъ опрокидывать выдвинувшуюся теперь впередъ конницу противника; но такъ какъ послѣдняя находила опору въ слѣдовавшей за ней пѣхотѣ, то шведы хотя и медленно, но продолжали все-таки приближаться къ редутамъ. Такъ дѣло тянулось около часа. За это время наши главныя силы уже изготовились къ бою, и конницѣ, такъ удачно выполнившей роль авангарда, слѣдовало начать отходить назадъ. Но частные успѣхи, выпавшіе на долю Меншикова, вывели свѣтлѣйшаго князя изъ состоянія спокойнаго равновѣсія: мало по малу имъ начала овладѣвать мысль, что при небольшой поддержкѣ изъ главныхъ силъ онъ совершенно самостоятельно сдержитъ напоръ всей шведской арміи, и, подъ вліяніемъ этой мысли, Меншиковъ началъ развивать въ своихъ дѣйствіяхъ все большее и большее упорство.

Не такъ однако смотрѣлъ на дѣло Петръ Великій, который уже успѣлъ объѣхать пѣхотные полки и убѣдиться, что они готовы къ бою: Государь считалъ, что дальнѣйшій отдѣльный бой кавалеріи безцѣленъ и опасенъ, а потому и приказалъ Меншикову отвести конницу за редуты.

Приказаніе царя настолько шло въ разрѣзъ съ предположеніями свѣтлѣйшаго князя, что послѣдній объяснилъ его недостаточною оріентировкою Петра Великаго въ обстановкѣ, а потому и рѣшилъ его не исполнять. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было послано Государю донесеніе, въ которомъ разъяснялось: 1) что шведы несутъ большія потери; 2) что мы не достигли пока рѣшительнаго успѣха только благодаря тому, что дѣйствуемъ безъ поддержки пѣхоты; 3) что переходить теперь въ отступленіе страшно опасно, такъ какъ шведы находятся отъ насъ всего лишь въ 100 шагахъ и, конечно, сейчасъ же начнутъ преслѣдовать. На этомъ основаніи Меншиковъ просилъ Петра Великаго разрѣшить ему продолжать бой и поддержать его пѣхотою изъ главныхъ силъ.

Между тѣмъ шведы постепенно подвигались впередъ и около 5 часовъ утра овладѣли двумя передовыми (не оконченными) редутами. Послѣ этого противникъ произвелъ нѣсколько попытокъ овладѣть двумя слѣдующими редутами, но встрѣтилъ при этомъ силь-

ный отпоръ, понесъ серьезныя потери и въ концѣ концовъ былъ вынужденъ отойти нѣсколько назадъ. Тогда, убѣдившись на опытѣ въ трудности штурма редутовъ и желая уберечь свои войска отъ напрасныхъ потерь, Карлъ XII-й прекратилъ атаки и приказалъ обойти редуты съ сѣверной стороны (слѣва). Но чуть только шведы начали этотъ маневръ, какъ наша конница сейчасъ же продвинулась также къ сѣверу и опять заслонила противнику дальнѣйшій путь.

На полянѣ сѣвернѣе редутовъ снова закипѣлъ горячій бой, въ которомъ русскимъ драгунамъ удалось овладѣть 14-ю шведскими знаменами и штандартами.

Какъ разъ въ это время Меншиковъ получилъ вторичное приказаніе Государя объ отступленіи... и снова рѣшился его не исполнять; но для того, чтобы нѣсколько успокоить Петра Великаго, свѣтлѣйшій князь послалъ къ нему наглядное доказательство успѣшныхъ дѣйствій конницы—только-что захваченные ею трофеи...

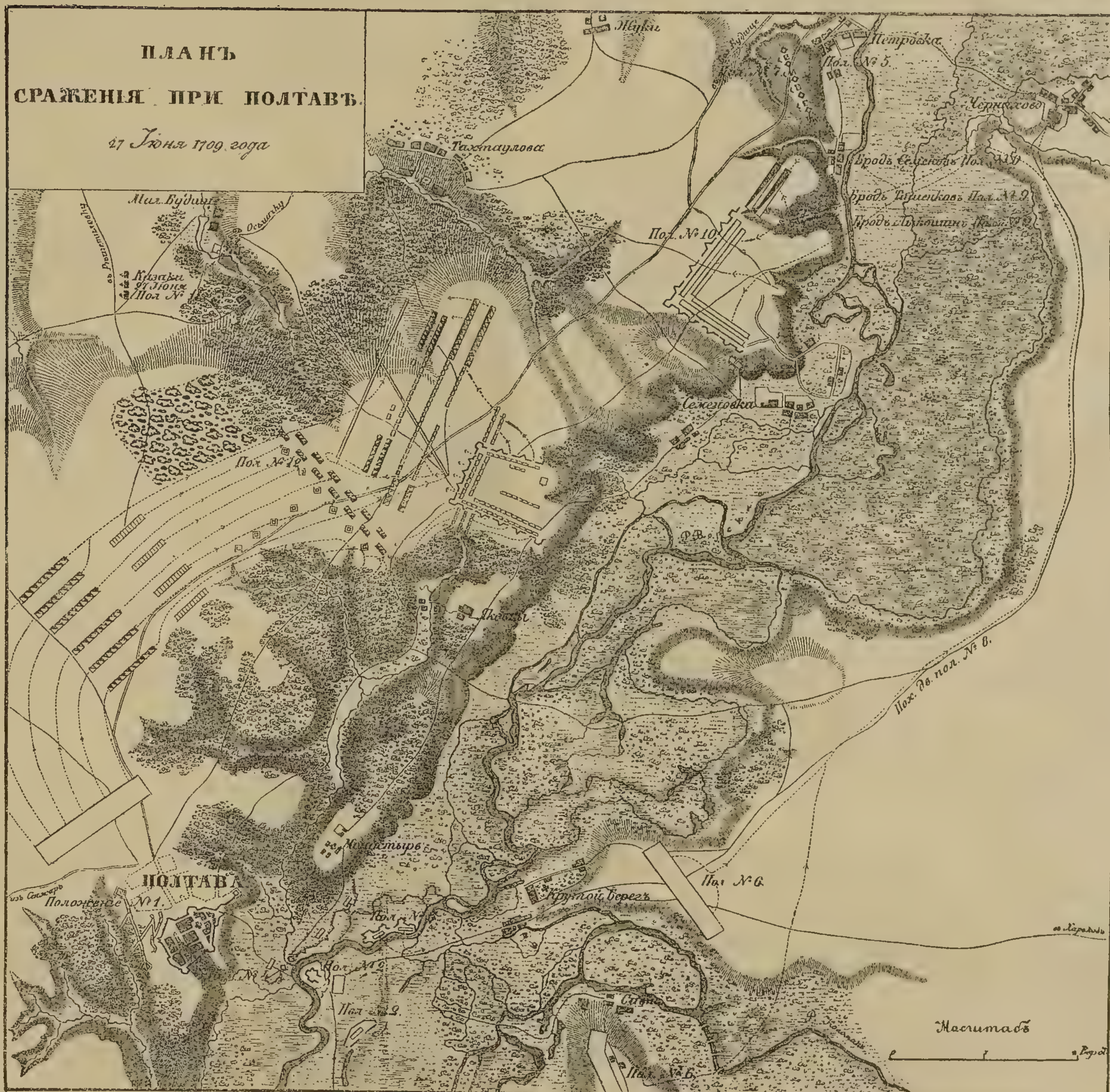
Когда шведская армія совершала обходъ линіи продольныхъ редутовъ съ сѣвера, то боевой порядокъ противника не помѣстился на сравнительно узкой полянѣ между редутами и Будищенскимъ лѣсомъ. Вслѣдствіе этого 6 баталіоновъ и нѣсколько эскадроновъ, двигавшіеся на непріятельскомъ правомъ флангѣ и находившіеся подъ начальствомъ генераловъ Росса и Шлиппенбаха, оказались отрѣзанными нашими редутами отъ остальныхъ своихъ войскъ и, опасаясь отдѣльнаго пораженія, укрылись въ южномъ лѣсу.

Около 6 часовъ утра у Государя, внимательно слѣдившаго за ходомъ боя, имѣлись свѣдѣнія и объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ русской конницы и объ опасномъ положеніи отряда Росса и Шлиппенбаха. Оцѣнивая обстановку и по-прежнему не сочувствуя стремленію Меншикова уклониться отъ первоначальнаго плана боя, Петръ Великій рѣшилъ поступить слѣдующимъ образомъ:

1) сформировать особый отрядъ изъ 5 бат. пѣхоты и 5 драгунскихъ полковъ для дѣйствій противъ шведовъ, укрывшихся въ южномъ лѣсу, и *начальство надъ этимъ отрядомъ поручить Меншикову*;

2) генералу Боуру, который, какъ старшій послѣ кн. Меншикова, долженъ былъ вступить въ командованіе конницей, послать приказаніе отходить за линію редутовъ и пристроиться къ правому флангу укрѣпленнаго лагеря.

Такимъ путемъ царь, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ по отношенію къ своему любимцу, проявлявшему слишкомъ большую самостоятельность, достигъ всего того, что ему было надобно: Меншиковъ, не имѣвшій основаній уклоняться отъ возложеннаго на


ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ПОЛТАВѢ.
27 Іюня 1709 года
Жуки
Петровка
Пол. № 5.
Чернохово
Тахтаулова
Мал. Будищи
Бродъ Тишенковъ Пол. № 9
Пол. № 10
Семеновка
Пол. № 12
Яковцы
Монастырь
ПОЛТАВА
Положеніе № 1.
Пол. № 6.
Крутой Берегъ
Пол. № 2
Пол. № 2.
Пох. дв. пол. № 8.
Масштабъ

него важнаго порученія, долженъ былъ оставить поляну сѣвернѣе редутовъ и направиться въ южный лѣсъ, а Боуръ—началъ сейчасъ же отходить въ указанномъ ему направленіи.

Послѣ отступленія русской конницы шведы свободно продвинулись къ линіи поперечныхъ редутовъ и атаковали ихъ всѣми силами, но снова потерпѣли неудачу. Тогда Карлъ XII-й приказалъ своимъ войскамъ пройти между редутами. Несмотря на сильный огонь русскихъ изъ редутовъ, маневръ этотъ былъ исполненъ нашимъ противникомъ удачно, и шведы, стремясь настигнуть медленно отходившую передъ ними конницу Боура, продолжали дальнѣйшее наступленіе на сѣверо-востокъ. При этомъ движеніи, въ то время какъ все вниманіе центра и лѣваго крыла шведской арміи было устремлено впередъ, правое непріятельское крыло неожиданно очутилось всего лишь въ 30 саженяхъ отъ укрѣпленнаго лагеря русскихъ и было обстрѣлено оттуда сильнымъ огнемъ всей нашей артиллеріи.

Внезапное появленіе на флангѣ шведовъ главныхъ силъ русской пѣхоты, страшный огонь, вырвавшій изъ рядовъ непріятеля въ короткое время массу жертвъ — все это произвело потрясающее впечатлѣніе на противника. Движеніе шведовъ вслѣдъ за русской конницей остановилось само собою, и непріятельская армія инстинктивно шарахнулась влѣво, въ сторону отъ укрѣпленнаго лагеря, стараясь поскорѣе выйти изъ сферы губительнаго огня русскихъ. Только у самаго Будищенскаго лѣса шведскимъ начальникамъ удалось, наконецъ, остановить свои части, послѣ чего они начали сейчасъ же приводить ихъ въ порядокъ.

Пока передъ фронтомъ укрѣпленнаго лагеря разыгрывался только-что описанный эпизодъ, Меншиковъ настигъ въ южномъ лѣсу отрядъ Росса и Шлиппенбаха. Произошла короткая стычка, въ которой почти вся шведская пѣхота была уничтожена русскими, а конница понесла большія потери и обратилась въ бѣгство по направленію къ Полтавѣ. Тогда Меншиковъ отрядилъ для преслѣдованія шведовъ часть своего отряда подъ начальствомъ г.-л. Рѣнцеля, а самъ съ остальными войсками двинулся на присоединеніе къ главнымъ силамъ.

Послѣ отступленія шведской арміи къ Будищенскому лѣсу Петръ Великій, ожидая, что непріятель скоро оправится и снова перейдетъ въ наступленіе, построилъ часть пѣхоты на флангахъ укрѣпленнаго лагеря съ тѣмъ, чтобы захватить противника какъ бы въ клещи.

Но время шло, а шведы продолжали стоять на томъ же мѣстѣ, и этотъ фактъ, наглядно свидѣтельствовавшій о сильной „конфузіи“

противника послѣ предшествовавшаго боя, наводилъ Царя на мысль, что Карлъ XII-й, испытавшій уже одну неудачу, можетъ попытаться уклониться отъ дальнѣйшаго сраженія. Тогда, чтобы имѣть возможность быстро перейти къ преслѣдованію непріятельской арміи, Государь рѣшилъ построить русскія войска передъ фронтомъ лагеря; но, чтобы не обнаружить въ то же время передъ шведскимъ королемъ, насколько велика наша армія, 9-ти баталіонамъ было приказано остаться по-прежнему въ лагерѣ въ видѣ резерва и укрыться за его валами.

Около 6 часовъ утра русскіе полки, окропляемые святою водою, начали выходить изъ лагеря и строиться въ боевой порядокъ въ 2 линіи, при чемъ въ центрѣ стала пѣхота, а на флангахъ расположилась конница.

Въ русской арміи находилось теперь въ строю около 40 тыс. бойцовъ, а въ шведской, послѣ отдѣленія отряда Росса и Шлиппенбаха, оставалось всего лишь 18 тысячъ.

Наблюдая за построеніемъ русскихъ войскъ и замѣтивъ, что фронтъ ихъ оказался значительно длиннѣе шведскаго, Карлъ XII-й, желая предохранить свою армію отъ охвата, приказалъ своей пѣхотѣ построиться въ одну линію съ небольшими резервами позади: шведская же конница расположилась на флангахъ пѣхоты въ двѣ линіи.

Къ $6^1/_2$ часамъ утра построеніе боевыхъ порядковъ было закончено, и арміи противниковъ стояли одна противъ другой вполнѣ готовыя къ бою.

Между тѣмъ мысль о томъ, что шведы постараются уклониться отъ боя, все больше овладѣвала умомъ Петра Великаго, а на-ряду съ этимъ у Государя возникало опасеніе, что Карлъ XII-й намѣрѣвается нанести отдѣльное пораженіе казачьему отряду Скоропадскаго, продолжавшему находиться въ раіонѣ между Будищемъ и Рѣшетиловкой.

Подъ давленіемъ этой идеи Петръ рѣшилъ отдѣлить отъ главныхъ силъ арміи 6 драгунскихъ полковъ подъ начальствомъ кн. Гр. Волконскаго и направить ихъ на присоединеніе къ гетману. Находившіеся по близости отъ Государя фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ и кн. А. И. Репнинъ пытались доказать Петру рискованность ослабленія арміи на полѣ сраженія; но ни просьбы Шереметева „умаленія фрунта не чинить, а учредить и съ фланговъ на непріятельскую линію (нападеніе)“, ни убѣжденія Репнина, что „надежнѣе имѣть баталію съ превосходнымъ числомъ, нежели съ равнымъ“— ничто не могло поколебать Петра Великаго. Государь остался при прежнемъ мнѣніи, что „*больше побѣждаетъ разумъ и искусство, нежели множество*“, и рѣшеніе его было приведено въ исполненіе.

Чуть только драгуны Волконскаго скрылись съ поля сраженія, Карлъ XII-й рѣшилъ перейти въ наступленіе. Рана лишала короля возможности управлять лично войсками, а потому онъ передалъ командованіе арміей фельдмаршалу Рейншильду и генералу Левенгаупту. Но не считая возможнымъ покинуть въ наступавшую рѣшительную минуту своихъ боевыхъ товарищей и надѣясь своимъ присутствіемъ воодушевить солдатъ, Карлъ приказалъ везти себя передъ правымъ флангомъ пѣхоты въ особой качалкѣ, запряженной двумя лошадьми.

Замѣтивъ наступленіе шведовъ, Петръ Великій приказалъ нашимъ войскамъ двинуться къ нимъ навстрѣчу. Въ это время командованіе арміей было передано имъ фельдмаршалу Шереметеву, а самъ Царь принялъ на себя должность начальника 1-й пѣхотной дивизіи, болѣе соотвѣтствовавшую носимому имъ скромному рангу полковника.

Въ 9-мъ часу утра противники сошлись на дистанцію ружейнаго выстрѣла и открыли убійственный огонь по всей линіи.

Въ центрѣ русской пѣхоты рѣзко выдѣлялся среди прочихъ частей Новгородскій пѣхотный полкъ, одѣтый въ сѣрые кафтаны. Предполагая, что полкъ этотъ набранъ изъ рекрутъ, а потому не способенъ оказать сильное сопротивленіе, Карлъ XII-й намѣтилъ его въ качествѣ пункта для прорыва боевого порядка русскихъ и направилъ противъ него свои лучшія войска—гвардію. Шведскіе гвардейцы смѣло бросились впередъ и потѣснили стоявшій въ передней линіи 1-й баталіонъ Новгородцевъ.

Настала критическая минута; еще одно усиліе со стороны шведовъ, и русскій боевой порядокъ былъ бы прорванъ... Но за ходомъ боя на этомъ участкѣ, получившемъ временно особенно важное значеніе, зорко слѣдилъ начальникъ дивизіи—Петръ Великій.

Замѣтивъ создавшееся опасное положеніе, онъ подъѣхалъ къ стоявшему во второй линіи другому баталіону того же полка и лично повелъ его на выручку земляковъ-однополчанъ.

Поступокъ Царя произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на войска. Сознавая громадную опасность, которой подвергалъ себя любимый монархъ [1]), 2-й баталіонъ Новгородцевъ яростно бросился на противника, а къ нему примкнули сейчасъ же и отступавшіе люди 1-го баталіона...

---

[1]) Одна пуля пробила шляпу Государя, другая попала въ его сѣдло, а третья (по преданію) ударила въ висѣвшій на груди Петра желѣзный крестъ, о который и расплющилась.

25300

Прошло еще нѣсколько минутъ, и шведы были оттѣснены назадъ: наши „паки въ линію стали“.

Къ этому времени ожесточенный бой кипѣлъ съ перемѣннымъ успѣхомъ уже на всемъ фронтѣ.

Карлъ XII-й, продолжавшій оставаться на правомъ флангѣ своей пѣхоты, подвергалъ себя также большой опасности. Приближенные короля упрашивали его уѣхать съ поля сраженія, но Карлъ XII-й не хотѣлъ объ этомъ и слышать... Вскорѣ ядро, попавшее въ королевскую качалку, убило запряженныхъ въ нее лошадей, а вслѣдъ затѣмъ другое ядро разбило и самую качалку. Король пересѣлъ, было, на верховую лошадь, но и та также была убита, при чемъ Карлъ, повредившій себѣ при паденіи больную ногу, лишился чувствъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались окружавшіе короля приближенные, посадили его въ карету и увезли въ сторону отъ мѣста боя.

Въ то время, какъ центръ и правый флангъ русской арміи сдерживали напоръ шведовъ съ фронта, драгунамъ нашего лѣваго крыла удалось охватить противника съ фланга. Обстоятельство это имѣло громадное значеніе. Шведская конница, угрожаемая ударомъ во флангъ, начала понемногу отступать и обнажила при этомъ правый флангъ своей пѣхоты, которой пришлось, такимъ образомъ, думать не только о сопротивленіи противнику съ фронта, но и объ огражденіи себя отъ опасности, грозившей съ фланга.

Не имѣя достаточнаго резерва для парированія возникшей случайности, шведы были вынуждены ослабить свое сопротивленіе противъ нашей пѣхоты, а этимъ воспользовались русскіе и потѣснили ихъ также и съ фронта. Подъ впечатлѣніемъ замѣтно переходившаго на сторону русскихъ перевѣса въ бою, правое крыло шведской пѣхоты дрогнуло и начало отходить назадъ, а черезъ нѣкоторое время безпорядокъ, возникшій на этомъ крылѣ, передался уже по всей линіи. Шведы, энергично тѣснимые всей русской арміей, своевременно перешедшей въ наступленіе, начали отходить назадъ, но отступленіе ихъ дѣлалось все суетливѣе, поспѣшнѣе и вскорѣ перешло въ бѣгство.

Во время этого паническаго бѣгства шведовъ нами было захвачено около 3 тыс. плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ оказался и фельдмаршалъ Рейншильдъ.

Настойчиво веденное русскими преслѣдованіе естественно повлекло за собою потерю порядка, а потому, когда наши войска дошли до Будищенскаго лѣса, то Петръ Великій, опасаясь непріятельской засады, не рискнулъ ввести въ лѣсъ пѣхоту и, приказавъ ей построиться, поручилъ дальнѣйшее преслѣдованіе противника одной конницѣ.

Между тѣмъ вошедшіе въ лѣсъ шведы, замѣтивъ, что дальнѣйшій путь на западъ прегражденъ казаками Скоропадскаго, повернули налѣво по направленію къ своему лагерю, надѣясь въ немъ укрыться отъ насѣдавшихъ на нихъ драгунъ и казаковъ. Но въ лагерѣ шведовъ ждало большое разочарованіе: тамъ находился уже генералъ Реншель, который, преслѣдуя остатки отряда Росса и Шлиппенбаха, ворвался на ихъ плечахъ въ шведскій „транжаментъ“ и частью уничтожилъ, а частью обратилъ въ бѣгство его защитниковъ.

Узнавъ, что лагерь занятъ русскими, остатки шведской арміи бросились бѣжать въ единственномъ открытомъ для нихъ направленіи—къ Переволочнѣ, а вечеромъ въ тотъ же день по ихъ слѣдамъ уже двигался 9-ти тысячный русскій отрядъ, высланный Царемъ подъ начальствомъ кн. Меншикова, для преслѣдованія.

30-го іюня въ окрестностяхъ Переволочны, въ тѣсномъ углу, образуемомъ сліяніемъ Ворсклы съ Днѣпромъ, столпилось 16 тысячъ шведовъ, не имѣвшихъ никакой возможности переправиться черезъ Днѣпръ, такъ какъ почти всѣ перевозочныя средства были заблаговременно убраны русскими къ Кіеву. Брошенная своимъ королемъ, бѣжавшимъ вмѣстѣ съ Мазепою въ Турцію, оставшаяся безъ боевыхъ запасовъ и безъ продовольствія, не успѣвшая еще оправиться послѣ только-что перенесеннаго тяжелаго нравственнаго потрясенія, шведская армія представляла жалкую толпу, готовую поддаться паникѣ при первомъ признакѣ новой опасности. Настроеніе этой толпы было вѣрно понято оставшимся во главѣ ея генераломъ Левенгауптомъ, и онъ безъ всякаго сопротивленія покорно склонилъ шведскія знамена передъ прибывшимъ въ этотъ день къ Переволочнѣ вдвое слабѣйшимъ отрядомъ кн. Меншикова.

Такъ кончилось Полтавское сраженіе, въ которомъ мы потеряли всего лишь $4^1/_2$ тысячи убитыми и ранеными и захватили громадные трофеи въ видѣ 19 тысячъ плѣнныхъ, 32 пушекъ, 264 знаменъ, массы оружія и снаряженія и болѣе 2 милліоновъ ефимковъ шведской казны.

Потери шведовъ убитыми простирались до 9 тысячъ.

Одержанная нами побѣда имѣла громадныя послѣдствія. На поляхъ полтавскихъ погибла шведская армія, а вмѣстѣ съ нею погибъ навсегда и тотъ престижъ непобѣдимости, которымъ пользовалась Швеція со временъ Густава-Адольфа.

На-ряду съ этимъ, на тѣхъ же поляхъ проявила впервые свою гигантскую силу, свое высокое военное искусство молодая русская

армія—дѣтище Петра. Европа съ изумленіемъ увидѣла могущество казавшагося до этого времени слабымъ Московскаго государства и признала за нимъ то политическое значеніе, которое принадлежало до этого Швеціи.

Правда, Полтавская побѣда не прекратила Сѣверной войны, но ближайшимъ послѣдствіемъ этой побѣды было возобновленіе Сѣвернаго союза противъ Швеціи, и ставшій во главѣ этого союза русскій царь могъ теперь быть увѣреннымъ, что завоеванные имъ берега Балтійскаго моря останутся неотъемлемымъ достояніемъ Россіи.

Высоко поднимается надъ полемъ битвы могильный холмъ, напоминающій потомкамъ петровскихъ богатырей о событіи, названномъ современниками „воскресеніемъ“ Россіи.

Подъ холмомъ этимъ спятъ непробуднымъ сномъ „воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся“.

Не чувствуютъ воины, что въ двухсотую годовщину славной Полтавской побѣды къ ихъ братской могилѣ стекается съ различныхъ концовъ необъятной Россіи русскій народъ, проникнутый единымъ стремленіемъ—почтить память своихъ героевъ-предковъ.

Не видятъ воины, какъ, подъ вліяніемъ воспоминаній объ ихъ подвигахъ, въ народѣ этомъ крѣпнетъ сознаніе его національной мощи, и какъ тысячи устъ начинаютъ шептать одни и тѣ же чудныя слова: „Послѣ Нарвы — Полтава. Мы русскіе, съ нами Богъ“.

Н. Л. Юнаковъ.

Полтава.

Трудъ Н. Л. Юнакова построенъ на первоисточникахъ большой цѣнности, изъ коихъ многіе использованы впервые, а равно и построенъ на изученіи вообще обширнаго матерьяла по Сѣверной войнѣ и Полтавскому періоду, а потому помимо другихъ достоинствъ представляетъ *новѣйшее и наиболѣе полное изслѣдованіе этого знаменательнаго* въ отечественной исторіи нашей *сраженія*.

Въ описаніи операціи и самаго сраженія мы встрѣчаемъ много новыхъ для исторіи факторовъ, изъ коихъ особый интересъ по своей новизнѣ и свѣжести представляетъ розыгрышъ самаго сраженія. Здѣсь молодой ученый выставляетъ рядъ новыхъ, *исключительно лично принадлежащихъ ему и его изслѣдованію факторовъ*, изъ коихъ мы отмѣтимъ: во-первыхъ, стремленіе начальника конницы Петра, „полудержавнаго властелина“, свѣтлѣйшаго князя Меншикова, *перенести центръ тяжести боя на линію редутовъ*, что было противно геніальному плану Петра, такъ какъ лишало сраженіе цѣльности, рѣшительности и послѣдствій, приготовленныхъ Петромъ, а во-вторыхъ, отмѣтимъ *мѣры, предпринятыя царемъ для развитія боя согласно Его предначертаніямъ*, щадя одновременно самолюбіе своего талантливаго и ретиваго сподвижника; и здѣсь Петръ глубокъ и великъ, какъ всегда и во всемъ.

Вообще эти новые выставленные Юнаковымъ факторы еще болѣе возвеличиваютъ Петра, какъ мастера руководить и управлять боемъ. По своей цѣльности, такъ сказать, пластичности, по искусству подготовки и геніальной простотѣ и рѣшительности розыгрыша, Полтава является вѣчнымъ и несравненнымъ образцомъ и во всей обширной исторіи борьбы человѣчества Полтаву можно сопоставить развѣ только съ Каннами Аннибала и Аустерлицемъ Наполеона.

Къ превосходному по полнотѣ и въ новомъ освѣщеніи описанію Полтавы нашего молодого ученаго Н. Л. Юнакова мы позволимъ

себѣ добавить лишь объясненіе сраженія съ точки зрѣнія творчества Петра въ управленіи событіями и искусства управленія Имъ боемъ.

Очутившись между р.р. Псёломъ и Ворсклой и тѣснимый повсюду отрядами Царя, уничтожившими его живую силу и средства для жизни и боя, Карлъ XII тѣмъ не менѣе прикрылся теченіями этихъ рѣкъ и сталъ мало уязвимымъ для набѣговъ русскихъ отрядовъ, полагая въ этомъ положеніи выжидать болѣе благопріятныхъ условій.

Единственнымъ слабымъ мѣстомъ его расположенія являлась укрѣпленная переправа черезъ Ворсклу у Полтавы, обезпеченной предусмотрительностью Царя достаточнымъ гарнизономъ и снабженіемъ, и эта укрѣпленная Полтава представляла исходный пунктъ и обезпеченное дебуше для набѣговъ русскихъ въ квартирный районъ шведовъ, а отсюда и естественно случайное, такъ сказать, маневренное на данномъ театрѣ дѣйствій значеніе Полтавы.

Въ Полтавѣ завязался узелъ всѣхъ послѣдующихъ событій этого послѣдняго періода кампаніи, и геній Петра схватился за Полтаву, какъ за средство овладѣть волей противника и блистательно завершить здѣсь кампанію.

Вернувшись изъ Воронежа въ началѣ іюня и считая операцію достаточно назрѣвшей, Царь вновь беретъ въ свои руки общее начальствованіе и управленіе событіями вообще и разрѣшаетъ Полтавскую операцію съ геніальной простотой.

Обезпечивъ и усиливъ Полтаву духовно и матеріально, Петръ, сохраняя величайшее благо воинскаго искусства—*свободу дѣйствій* и играя на характеръ своего противника, диктуетъ ему свою волю, въ чемъ и заключается величайшее творчество полководца. Петръ рѣшаетъ дать сраженіе на правомъ берегу Ворсклы, вблизи Полтавы, вызвавъ на это сраженіе Карла XII, принудивъ его къ тому и въ условіяхъ благопріятныхъ для себя и неблагопріятныхъ для своего противника, для чего принимаетъ по внѣшности яко бы оборонительное расположеніе, но по духу сохраняя во всей мѣрѣ починъ дѣйствій, шагъ за шагомъ вынуждая Карла къ тому или другому дѣйствію.

Петръ начинаетъ съ того, что въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ готовитъ своей арміи превосходное исходное положеніе для удара совокупно всѣми силами путемъ простого прямолинейнаго движенія прямо передъ собой, для чего въ укрѣпленіяхъ лагеря продѣлано множество выходовъ для войскъ. Развернуться шведской арміи Петръ указываетъ въ единственной здѣсь между лѣсами и рѣкой

открытой равнинѣ, прямо передъ фронтомъ своего лагеря. Но дабы шведская армія, долженствовавшая по волѣ Петра прослѣдовать на указанное ей мѣсто развертыванія, возможно по пути разстроилась бы, Петръ на пути къ Полтавѣ и подъ прямымъ угломъ къ фронту своего расположенія ставитъ линію редутовъ, на которые она неизбѣжно натыкалась.

Но и этого мало Петру въ его подготовкѣ сраженія и ему необходимо еще, чтобы армія противника, разстроясь, одновременно еще и раздѣлилась бы на двое, дабы была еще и возможность бить ее по частямъ, а потому перпендикулярно къ линіи первыхъ редутовъ и отъ середины ея Петръ выводитъ къ сторонѣ Полтавы еще рядъ редутовъ.

Желая еще направить шведовъ на пріуготовленный имъ плацъ для развертыванія, дабы они не уклонились отъ этого построенія передъ фронтомъ готовой арміи Петра, онъ приказываетъ поставленной имъ на линіи ближайшихъ къ нему редутовъ своей кавалеріи отходить послѣ боя не къ лѣвому флангу, а непремѣнно къ правому флангу своего лагеря, увлекая ихъ движеніемъ по дугѣ и выводя ихъ именно на этотъ плацъ передъ лагеремъ.

Какъ геніально и просто подготовлено Полтавское сраженіе, и гдѣ и когда видимъ мы примѣръ подобнаго?!

Петръ такъ говорилъ своему противнику: я стану въ укрѣпленномъ лагерѣ на правомъ берегу рѣки вблизи тебя и подготовлю тебѣ здѣсь мѣсто построенія, я знаю твой характеръ, ты не выдержишь и пойдешь на меня, наткнешься на линію ближайшихъ къ тебѣ редутовъ, полѣзешь на нихъ, разстроишься, расколешься здѣсь на двое, пойдешь далѣе лишь лѣвымъ крыломъ, полѣзешь на 2-ую линію редутовъ, разстроишься здѣсь еще болѣе и, тѣсня мою кавалерію, неизбѣжно потянешься за ней, ослабленный и разстроенный очутишься передъ моей въ полной готовности арміей, ты построишься здѣсь на равнинѣ на пріуготовленномъ тебѣ здѣсь мѣстѣ, и тогда я лично поведу на тебя одновременно и купно всю мою готовую и свѣжую армію, поведу ее прямо передъ собой и нанесу тебѣ здѣсь ударъ, который навсегда сокрушитъ твои прославленныя побѣдой войска.

Все произошло согласно волѣ геніальнаго Петра, заглянувшаго въ самую душу своего противника. Карлъ XII самъ пошелъ на Петра, раскололся на двое у ближайшихъ редутовъ, правое отколовшееся крыло скрылось въ лѣсу, лѣвое крыло бросилось на линію ближайшихъ къ лагерю Петра редутовъ, и здѣсь завязалось дѣло съ конницей князя Меншикова. Здѣсь горделивый сподвижникъ Петра,

„счастья баловень безродный“, пытается, вопреки волѣ Петра, *перенести рѣшеніе боя на линію редутовъ* и упорствуетъ въ исполненіи цѣлаго ряда настойчивыхъ приказаній Царя отходить конницѣ къ правому флангу лагеря. Наступаетъ моментъ въ сраженіи, когда геніальный планъ Петра встрѣчаетъ препятствіе въ своемъ осуществленіи. Но зорко управлявшій боемъ Петръ блистательно выходитъ изъ затрудненія и даетъ Меншикову отдѣльное почетное порученіе покончить съ отколовшейся правофланговой группой шведовъ, щадя такимъ образомъ самолюбіе и рвеніе своего талантливаго баловня; конница, ввѣренная Бауру, отходитъ согласно плану Петра, увлекая за собой шведовъ, не одолѣвшихъ редутовъ.

По построеніи шведовъ на пріуготовленномъ имъ мѣстѣ, Царь ведетъ свою армію изъ лагеря простымъ прямолинейнымъ движеніемъ впередъ, имѣя крылья для двойного охвата, и наступаетъ рѣшеніе, геніальное и безпримѣрное по своей простотѣ.

Канны Аннибала, Полтава Петра и Аустерлицъ Наполеона— таковы три сраженія въ исторіи борьбы человѣчества, гдѣ полководцы проявили высшее творчество военнаго искусства, и въ числѣ таковыхъ и нашъ родной великій полководецъ, вѣчныя памяти Императоръ Петръ Великій.

Какъ Аннибалъ, читая въ душѣ своего противника, диктовалъ римлянамъ свою волю и ждалъ на мѣстѣ ихъ наступленія въ готовности охватить ихъ обоими крыльями, съ цѣлью послѣдующаго полнаго окруженія и конечнаго истребленія, какъ Наполеонъ передъ Аустерлицемъ, заглядывая въ душу своего противника, ждалъ, притаившись въ низинахъ р. Гольдбаха, наступленія союзниковъ, находясь въ полной готовности разгрома ихъ простымъ прямолинейнымъ движеніемъ впередъ, такъ и Петръ, играя на характеръ своего противника, диктовалъ ему свою волю и ждалъ на мѣстѣ исполненія противникомъ внушеннаго ему движенія и построенія на указанномъ мѣстѣ, оставаясь самъ въ готовности разгрома шведской арміи простымъ и прямолинейнымъ движеніемъ впереди всей своей готовой арміи.

И если Наполеонъ могъ сказать передъ Аустерлицемъ, что онъ дастъ необыкновенное сраженіе, которое не забудутъ вѣка, такъ и Петръ могъ сказать, что онъ дастъ сраженіе, которое возвеличитъ Россію и которое послужитъ навѣки недосягаемымъ образцомъ русскаго военнаго искусства.

Б. Колюбакинъ.

1) Собственноручное письмо Императора Петра I генералъ-фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву изъ Карлсбада.

(Первая половина письма написана собственноручно государемъ. Двѣ послѣднія строки написаны шифромъ. Затѣмъ снова писано рукой Петра Великаго и послѣднія шесть строкъ закончены, вѣроятно, писцомъ).

Господинъ фельдмаршалъ!

Понеже мы зѣло отдалились и какъ къ Шафирову, такъ и къ вамъ частыхъ указовъ посылать невозможно, того ради всѣ тамошнія дѣла (по даннымъ вамъ указамъ) исполняйте и имѣйте частую корреспонденцію между себя, и по сношенію съ нимъ и по тамошнимъ конъюнктурамъ поступайте; а каковъ нынѣ къ Шафирову указъ посланъ, съ того вамъ прилагается копія; нынѣ ни о чемъ такъ стараться надлежитъ, какъ о томъ, „чтобъ турки скорѣе изъ своей земли выслали короля шведскаго“ [1]).

Петръ.

Изъ Карлсбада. Въ 14 день сентября
1711 г.

P. S. Изъ здѣшнихъ краевъ только къ вѣдѣнію, что войска союзныя наши осадили Стральзунтъ, а шведы шесть фортецій покинули и съ пушками для малолюдства, а сидятъ только въ трехъ: Висмарѣ, Стральзунтѣ и Штетинѣ. Изъ Копенгагена посланъ былъ командиръ отъ флота датскаго, который, нашедъ при шонскихъ берегахъ транспортныя шведскія суды, и изъ оныхъ 9 кораблей сжегъ, а 24 взялъ и привелъ къ датскому флоту; и по симъ вѣдомостямъ чаемъ, что уже нынѣшней кампаніей шведамъ транспорта учинить невозможно.

[1]) Заключенныя въ кавычкахъ слова написаны шифромъ.

2) Собственноручное письмо Петра I князю Голицыну.

Генералъ-лейтенанту, князю Голицыну.

Г. Генералъ-лейтенантъ!

Понеже я вамъ говорилъ, дабы вы трудились въ посылкѣ хлѣба сюда; а какъ я отъ васъ отъѣхалъ, въ самомъ устьѣ, также и межъ устья и Котлина встрѣтились много ластовыхъ судовъ, которые здѣсь зимовали, того ради и извольте немедленно, оныя нагрузя, а именно, которыя близко Петербурга—въ Петербургѣ, а которыя у Котлина—съ Котлина хлѣбомъ, сюда отпустить (кромѣ одной тялки [1]), которую въ Петербургѣ оставьте), и о семъ чини все съ согласія вице-адмирала, который нынѣ на Котлинѣ, куда самъ поѣзжай, и исправляйте не мѣшкавъ; также ежели успѣете и на тѣ, которыя провіантъ отвозили и паки къ вамъ возвратятся.

Петръ.

Изъ Выборга. Въ 25 день апрѣля
1712 г.

Сообщ. Н. Затворницкій.

[1]) Судно небольшихъ размѣровъ.

Д. А. Скалонъ.

16-го іюня исполнится 50 лѣтъ службы Д. А. Скалона въ офицерскихъ чинахъ. Случай, подходящій для того, чтобы отдать должное трудамъ маститаго генерала [1]). Служба и дѣятельность юбиляра достаточно извѣстна и теперь широкому кругу лицъ; но она будетъ еще болѣе извѣстна, когда плодами его трудовъ будетъ пользоваться все мыслящее русское общество, когда будетъ въ достаточной мѣрѣ оцѣненъ тотъ трудъ, который совершилъ и продолжаетъ еще Д. А. не только въ интересахъ военнаго дѣла, но въ интересахъ общечеловѣческой культуры. Мы говоримъ о редактированіи имъ исторіи столѣтія военнаго министерства; о томъ, что благодаря этому культурному предпріятію, раскрыты, спавшія вѣками, нѣдра военныхъ и гражданскихъ архивовъ; о томъ, что, благодаря его дѣятельности и энергіи, оттуда извлечено все цѣнное и сдѣлано доступнымъ образованной части русскаго общества; о томъ, что, благодаря той же энергіи, военное министерство имѣетъ свою первую полную исторію, въ которой отражена вся историческая жизнь военнаго вѣдомства и военнаго дѣла въ Россіи вообще. Описывать дѣятельность юбиляра и говорить о значеніи этой дѣятельности мы предоставляемъ будущему историку и біографамъ Д. А. Мы въ своемъ привѣтствіи маститому юбиляру бросимъ лишь самый бѣглый взглядъ на движеніе его по службѣ, съ намѣреніемъ воскресить въ памяти его почитателей знакомый имъ обликъ почтеннаго юбиляра.

Дмитрій Антоновичъ родился 27 октября 1840 года. Воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и окончилъ курсъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Службу началъ въ л.-гв. Уланскомъ полку, куда былъ опредѣленъ 16 іюня 1859 г. корнетомъ. Во время польскаго возстанія 1863 г. участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ поляками и за отличіе при мѣст. Живулишкахъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ. 21 августа 1864 г. былъ назначенъ адъютантомъ при Его Императорскомъ Высочествѣ, генералъ-инспекторѣ кавалеріи и командующемъ вой-

[1]) Портретъ Дмитрія Антоновича помѣщенъ въ іюньской книгѣ „Русской Старины“.

скими гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. И съ этого времени, въ теченіе болѣе 27 лѣтъ, состоялъ при Его Высочествѣ, занимая весьма важныя и отвѣтственныя должности. Въ 1872 г. сопровождалъ Его Высочество во время путешествія Его по „Востоку и Св. Землѣ“. Воспоминанія Д. А. по поводу этого путешествія, написанныя живымъ образнымъ языкомъ, представляющія живѣйшій интересъ и для настоящаго времени, были изданы имъ въ 1881 г. отдѣльною книгою подъ заглавіемъ „Путешествіе по Востоку и Св. Землѣ въ свитѣ Великаго Князя Николая Николаевича въ 1872 году“ [1]). Изданіе, представляющее капитальный трудъ, снабжено большимъ количествомъ иллюстрацій и посвящено Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему.

Во время турецкой войны, уже въ чинѣ полковника, Д. А. состоялъ членомъ кассаціоннаго присутствія при главнокомандующемъ дѣйствующей арміи. Близкія отношенія къ Е. И. В. ставили его въ весьма важное и отвѣтственное положеніе: онъ былъ фактическимъ докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ Е. И. В.; всѣ важнѣйшія распоряженія главнокомандующаго также проходили черезъ него и ему даже были знакомы многія интимныя обстоятельства дѣла и въ его рукахъ фактически сосредоточивались такимъ образомъ всѣ важнѣйшія нити. Поэтому нельзя не упомянуть здѣсь и не выразить надежды, что печатаемыя въ настоящее время въ „Русской Старинѣ“ воспоминанія Д. А. „На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ“ и спеціально посвященный послѣдней турецкой войнѣ большой трудъ „Походъ на Востокъ“, предназначенный къ напечатанію [2]) въ самомъ непродолжительномъ времени, прольютъ массу свѣта на ту обстановку, въ которой протекала война, дадутъ новое, болѣе яркое освѣщеніе тому ходу событій, который, послѣ столь побѣдоносно оконченной войны, привелъ къ Берлинскому трактату. Къ этой же серіи литературныхъ произведеній Д. А. относится напечатанная въ „Русской Старинѣ“ статья: „Забытый фельдмаршалъ“.

За турецкую войну, во время которой Д. А. помимо прямыхъ своихъ обязанностей, участвовалъ во многихъ дѣлахъ и сраженіяхъ съ непріятелемъ, онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3 степ. съ мечами и золотое оружіе съ надписью „За храбрость“, румынскій орденъ „Звѣзды“, сербскій — „Такова“, румынскій желѣзный крестъ, сербскую и черногорскую золотыя медали „За храбрость“, и признательная Болгарія, по случаю 25-лѣтія турецкой войны (въ 1903 г.), наименовала именемъ генерала Скалона, какъ

[1]) Изданіе въ настоящее время представляетъ библіографическую рѣдкость.

[2]) Въ „Русской Старинѣ“.

одного изъ видныхъ дѣятелей войны за ея освобожденіе, артиллерійскую батарею, поставленную рядомъ съ музеемъ Имени Великаго Князя Николая Николаевича. По возвращеніи въ Петербургъ, 18 мая 1878 г., былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи управленія генералъ-инспектора кавалеріи, съ зачисленіемъ по гвардейской кавалеріи; занимая эту должность, принималъ дѣятельное участіе въ реорганизаціи кавалеріи и увеличеніи ея состава. Въ 1883 г. произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1891—назначенъ начальникомъ кавалерійской части главнаго штаба; а въ 1895—состоящимъ въ распоряженіи военнаго министра, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Въ генералы-отъ-кавалеріи Д. А. произведенъ 6 декабря 1907 г.

Помимо прямыхъ своихъ обязанностей, онъ принималъ плодотворное участіе въ различнаго рода комиссіяхъ и совѣщаніяхъ; состоялъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи по выясненію причинъ пожара и размѣра убытковъ казны на заводѣ военно-врачебныхъ заготовленій и членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ.

Въ настоящее время Д. А. состоитъ предсѣдателемъ Императорскаго Русскаго военно-историческаго общества и почетнымъ членомъ Императорскаго археологическаго института и предсѣдательствуетъ въ комитетѣ при военномъ министерствѣ по распредѣленію пособій. Имѣетъ всѣ Россійскіе ордена до св. Александра Невскаго включительно и многіе изъ иностранныхъ, за литературные труды.

Съ 1900 г. состоитъ главнымъ редакторомъ историческихъ очерковъ столѣтія военнаго министерства. До настоящаго времени вышло уже около 40 томовъ этого изданія [1]), снабженныхъ весьма обстоятельнымъ систематическимъ указателемъ, который, въ качествѣ ключа ко всему изданію, даетъ возможность быстро оріентиро-

[1]) Вотъ ихъ краткій перечень: „Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи“, „Историческій очеркъ дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта“, „Исторія государевой свиты“, въ 3 томахъ, „Кодификаціонный отдѣлъ“, „Главный военно-санитарный комитетъ“, „Память о членахъ военнаго совѣта“, „Историческій очеркъ вооруженныхъ силъ Россіи до царствованія Императора Александра I“, „Комплектованіе вооруженныхъ силъ Россіи до 1802 г.“, „Комплектованіе войскъ въ царствованіе Императора Александра I“, „Комплектованіе войскъ въ царствованіе Императора Николая I“, „Возникновеніе и развитіе въ Россіи генеральнаго штаба до конца царствованія Императора Александра I“, „Организація, расквартированіе и передвиженіе войскъ съ 1801 по 1805 г.“, „Образованіе (обученіе) войскъ“, „Главное интендантское управленіе“, „Главное артиллерійское управленіе“, „Главное инженерное управленіе“, „Главное военно-медицинское управленіе“, „Императорская военно-медицинская академія“, „Главное управленіе военно-

ваться и дѣлаетъ удобнымъ пользованіе заключающимся въ очеркахъ громаднымъ матеріаломъ.

Весь этотъ колоссальный трудъ требовалъ большого напряженія силъ, умѣнія и опытности руководителя. Много возникаетъ въ разное время предпріятій съ солидными планами, но немногія изъ нихъ доводятся до конца. Какъ часто возникаетъ какое-нибудь большое культурное дѣло и гибнетъ, встрѣчая на пути массу препятствій самаго разнообразнаго характера, предъ которыми склоняется человѣкъ, восклицая: „суждены намъ благіе порывы“... Дмитрій Антоновичъ не счастливѣе въ этомъ отношеніи другихъ: и ему приходилось часто вести борьбу съ препятствіями, которыя становились на пути его дѣлу. Но благодаря своему такту и неутомимой энергіи, онъ всегда побѣждалъ эти препятствія. Порученное ему дѣло близится къ концу. Планъ выполненъ такимъ образомъ, что все уже сдѣланное имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе и доступно для всякаго. Очерки получили весьма широкое распространеніе въ Россіи и за границей и пользуются большой популярностью...

За свою литературную дѣятельность Д. А. неоднократно удостаивался Высочайшаго одобренія. Государь Императоръ „въ воздаяніе отлично-усердной службы... и за выдающіеся труды по составленію и редактированію Историческаго обозрѣнія столѣтія военнаго министерства 1802—1902 г.г.“ пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго при всемилостивѣйшемъ рескриптѣ. Самые же труды его одобрены многими выдающимися авторитетами военной исторіи, какъ русскими, такъ и иностранными, которые безусловно признали высокую цѣнность этого перваго въ Россіи литературнаго предпріятія по военной исторіи и отдали должное энергіи его руководителя, сумѣвшаго побороть всѣ стоявшія на его пути препятствія и создать единственный въ своемъ родѣ по своей обширности и полнотѣ военно-историческій трудъ.

Мы, съ своей стороны привѣтствуя юбиляра, пожелаемъ ему еще много лѣтъ плодотворной дѣятельности и выполненія его завѣтнаго желанія — довести до конца порученное ему дѣло, на служеніе которому онъ посвятилъ уже много лѣтъ и за которое онъ заслужилъ несомнѣнную благодарность многихъ грядущихъ поколѣній.

Н.

учебныхъ заведеній“, „Главное управленіе казачьихъ войскъ“, „Воинская повинность казачьихъ войскъ“, „Главное военно-судное управленіе и тюремная часть“, „Александровскій комитетъ о раненыхъ“, „Управленіе церквами и православнымъ духовенствомъ военнаго вѣдомства“, „Управленіе генералъ-инспектора кавалеріи (о ремонтированіи кавалеріи)“, „Конспекты историческихъ очерковъ столѣтія военнаго министерства“, „Систематическій указатель къ историческимъ очеркамъ“.

Изъ жизни русскихъ въ Финляндіи, по письмамъ графа М. Ѳ. Каменскаго.

На сколько хороши финляндцы къ русскимъ въ настоящее время, можно, пожалуй, судить по встрѣчающимся почти ежедневно въ нашихъ газетахъ статьямъ и письмамъ. Правда, находятся лица, вступающіяся за этотъ народъ и отвергающія правдивость сообщаемаго, говорящія, что въ Финляндіи нѣтъ никакого враждебнаго чувства по отношенію къ русскому народу. Допустимъ, что теперь финляндцы, дѣйствительно, желаютъ русскому человѣку только добра и заняты исключительно устройствомъ своей жизни. Но отношенія ихъ къ намъ въ прежнее время, болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, были, кажется, далеко не важными, такъ какъ заставили фельдмаршала графа Каменскаго вступить въ переписку по этому поводу съ генералъ-прокуроромъ и просить защиты.

Дѣло въ томъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ 1797 года нѣкоторые купцы просили въ Выборгскомъ городовомъ магистратѣ о высылкѣ изъ города находившихся въ торгахъ, въ лавочныхъ сидѣльцахъ и въ работникахъ у тамошнихъ купцовъ разныхъ россійскихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Прошеніе это магистратомъ было уважено, и 26 мая послѣдовало опредѣленіе, чтобы „по истеченіи двухъ мѣсяцевъ ни одинъ купецъ русскихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ сидѣльцахъ и по коммерціи своей въ приказчикахъ, ни подъ какимъ видомъ, у себя не имѣлъ, подъ опасеніемъ 320 руб. штрафа и лишенія купеческаго своего званія“.

Такое постановленіе магистрата вызвало со стороны крестьянъ графовъ Шереметева и Орлова жалобу. Въ жалобѣ этой крестьяне Караваевъ, Лиственниковъ, Кириловъ, Юшинъ, Худяковъ и другіе,

между прочимъ, говорили, что они съ давнихъ временъ въ Выборгѣ находились при торговыхъ промыслахъ, снабжая всѣхъ воинскіе чины, съ убыткомъ для себя, припасами; что торговали они подъ чужимъ именемъ, нанимая тамошнихъ купцовъ и давая имъ не только часть пріобрѣтаемаго барыша, но иногда и изъ настоящаго капитала своего, и что финлянскіе купцы по необращенію своему внутри государства, за тѣ цѣны воинскихъ людей снабдить не могутъ.

Получивъ означенную жалобу, графъ М. Ѳ. Каменскій, 17 іюля 1797 года, отнесся къ генералъ-прокурору князю Куракину слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь мой,
князь Алексѣй Борисовичъ!

По принесенной отъ меня Государю въ апрѣлѣ мѣсяцѣ жалобѣ, что финляндскіе обыватели чрезмѣрно все дорого продаютъ, не только противу внутреннихъ нашихъ цѣнъ, но и противу Петербургскихъ, должнымъ считаю себя я донести Ему о происшедшемъ вновь запрещеніи, мая 26 числа сего года сдѣланномъ, здѣшнимъ магистратомъ здѣшнимъ же купцамъ держать русскихъ сидѣльцевъ, которые продавали всякаго рода товары дешевле здѣшнихъ.

Если бъ какой-нибудь изъ внутреннихъ русскихъ магистратовъ сдѣлалъ опредѣленіе не держать сидѣльцами англичанъ, датчанъ или цесарсовъ, то министры ихъ не оставили бъ войти съ нотами къ князь Александу Борисовичу [1]), такъ мнѣ, русскому, съ сей къ вамъ нотой адресоваться должно.

Вступитесь за русскихъ,—долго ли имъ быть въ порабощеніи и въ Ригѣ, и въ Ревелѣ, и въ Выборгѣ. Долго ли симъ городамъ драть, такъ сказать, кожи съ бѣдныхъ служилыхъ, тамъ живущихъ.

Правда, что незаписанному въ купечество въ городѣ торговать и лавокъ имѣть подъ собственнымъ именемъ нельзя; но какъ же запрещать можно собственному того же города купцу занимать деньги, у кого онъ ихъ себѣ сыщетъ занять выгоднѣе, и торговать съ нимъ въ обществѣ, когда и вся торговля на кредитѣ основана. Но пусть оно такъ остается, лишь бы не касалось до товаровъ, солдатамъ нужныхъ.

Для лучшаго усмотрѣнія вашего, приложу здѣсь и просьбу нашихъ маркитантовъ, которую они мнѣ подали. Здѣшній магистратъ изъ сего общественнаго дѣла сдѣлалъ частное, и по апелляціи принудилъ не маркитантовъ, а тѣхъ, подъ чьимъ именемъ они торговали, перенесть сіе дѣло въ Юстицъ-коллегію; тамъ будетъ оно

---

[1]) Куракину, вице-канцлеру.

разсматриваться, а мы, между тѣмъ, будемъ покупать здѣсь товары, почему насъ обложатъ.

Вотъ бѣда моя и всей нашей дивизіи, сверхъ того, что жалко, что дѣды и отцы наши легли подъ Ригой, подъ Нарвой и Выборгомъ для того, чтобъ отдать имъ въ оброкъ своихъ внучатъ. Еще повторю,— пожалуйте, вступитесь.

Я прошу вѣрить, что съ искреннимъ высокопочитаніемъ и съ особою благодарностію пребываю, что одну изъ просьбъ моихъ уже удовлетворили".

За день до полученія письма гр. Каменскаго, а именно 20 іюля 1797 г., послѣдовалъ на имя гененалъ-прокурора кн. Куракина Высочайшій рескриптъ:

„Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ! Приложенный при семъ рапортъ фельдмаршала графа Каменскаго предложите Сенату, съ тѣмъ, чтобъ оный, разсмотря поступокъ Выборгскаго магистрата, предалъ виновныхъ строгому суду по законамъ, а губернатору тамошнему предписалъ учинить такія распоряженія, посредствомъ коихъ могли бы воинскіе чины получать покупкою нужныя имъ вещи, а маркитентеры, продающіе оныя, не имѣли отъ магистрата притѣсненія".

Задавшись цѣлью дать въ настоящей замѣткѣ лишь матеріалъ для біографіи гр. Каменскаго, заключающійся въ его письмахъ, мы находимъ лишнимъ входить въ существо трактуемаго въ этихъ письмахъ дѣла и закончимъ статью письмомъ гр. Михаила Ѳедотовича, присланнымъ кн. Куракину по полученіи извѣщенія о послѣдовавшемъ 20 іюля 1797 г. Высочайшемъ повелѣніи.

„Милостивый государь,
князь Алексѣй Борисовичъ!

Товарищи мои, финляндскіе служивые, и я съ ними покорнѣйше благодаримъ ваше сіятельство за заступленіе ваше противу здѣшняго магистрата и за увѣдомленіе о томъ, которое насъ оживило.

Если бъ жили мы теперь во времена крижаковъ и нужда настала бъ вамъ въ поборцахъ, выручать какихъ-нибудь красавицъ изъ неволи, или отомщать за обиду, всѣ бросили бы мы за васъ перчатки наши, не ожидая и требованія вашего.

Желалъ бы видѣть я, кто-то ихъ поднять отважился бъ.

Я сіе пишу не въ шутку и не рыцаремъ будучи, а простымъ дворяниномъ посредственнаго состоянія. Голодъ не тетка, а вы можетъ насъ отъ него избавите. Я говорю: можетъ, потому что запрещеніе здѣшнимъ купцамъ брать русскихъ сидѣльцевъ не кассиро-

*

вано Сенатомъ, а взять только велѣно отвѣтъ съ магистрата, а между тѣмъ онъ лупитъ съ насъ денежки по-прежнему.

Но какъ бы то ни кончилось, уваженіе ваше ко мнѣ навсегда останется мнѣ въ памяти пріятнымъ образомъ, и тѣмъ болѣе прежняго понуждаетъ меня увѣрять ваше сіятельство о томъ искреннемъ высокопочитаніи, съ коимъ пребываю, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! вашъ

всепокорнѣйшій слуга
графъ Михаилъ Каменскій.

Августа 4 дня 1797 г.
Выборгъ.

Вы столько обременены просьбами и дѣльными и не дѣльными о помѣщеніи людей, которые лишились своихъ мѣстъ, за тѣмъ, что тѣ мѣста кассированы, что я не смѣю назвать одного совѣтника, бывшаго городничимъ въ Рязанской губерніи, въ городѣ Спасскѣ, который уничтоженъ. Онъ бывалъ въ полку моемъ подпоручикомъ и поручикомъ; служилъ капитаномъ въ первую турецкую войну; во время намѣстничества моего взятъ былъ, изъ маіоровъ Рязанскаго полка, 781 года, тамъ бывъ, дослужился до совѣтническаго чина; нажилъ по мѣсту жену и семерыхъ дѣтей,—понеже красный его камзолъ съ позументомъ многихъ прельщалъ,—но не нажилъ денегъ ни полушки, ни малѣйшаго недвижимаго. Этотъ имя рекъ нѣмецъ, зовутъ его Гаузенъ.

Но вотъ уже и контрадикція въ письмѣ моемъ, для чего кончу замѣчаніемъ, что контрадикція въ припискѣ, а не въ самомъ письмѣ".

Н. А. Мурзановъ.

Записки сенатора Есиповича [1].

2 марта 1881 г.

Переживаемъ страшные дни.

Вчера убитъ на улицѣ Государь Александръ Николаевичъ...

При всеобщей тишинѣ во всей Россіи, при любви къ Государю, доходящей почти до обожанія, онъ убитъ, убитъ рукою одного презрѣннаго злодѣя!..

Мѣсто, гдѣ пала эта великая жертва звѣрства всемірнаго нигилизма, сдѣлалось какъ бы святынею для всего Петербурга: люди всѣхъ сословій тѣснятся на этомъ мѣстѣ и собираютъ обломки кареты и обрывки шинели Государя, кусочки стекла отъ оконъ, чтобъ что-нибудь сохранить на память...

Сегодня у насъ въ Сенатѣ было засѣданіе всѣхъ сенаторовъ вмѣстѣ съ членами Св. Синода. Выслушали манифестъ вступившаго на престолъ Императора Александра III и опредѣлили принести Ему и Его Наслѣднику Николаю Александровичу присягу. Затѣмъ всѣ сенаторы пошли въ сенатскую церковь и принесли присягу. Потомъ къ 1 часу по полудни отправились мы въ Зимній дворецъ, гдѣ назначенъ былъ большой выходъ, присяга и молебенъ. Сенаторы, члены Госуд. Совѣта, статсъ-секретари стояли въ концертномъ залѣ, т. е. первой комнатѣ, въ которую входитъ Царская Фамилія. Новый Государь вошелъ съ Императрицею, своею супругою; оба Они были очень разстроены, Онъ даже въ слезахъ; прошли они черезъ нашу залу молча; молчали и мы; въ слѣдующей залѣ были собраны военные генералы и вообще военные, тамъ Императоръ говорилъ рѣчь, присутствовавшіе отвѣтили ему громкими и продолжительными „ура“.

---

[1] См. „Русская Старина“, іюнь 1909 г.

Въ дворцовой церкви опять читали манифестъ и присягу и служили молебенъ. При обратномъ шествіи Императорской Фамиліи въ предпослѣдней передъ нашею залѣ крики „ура!"; въ нашей опять глубокое безмолвіе.

Набоковъ, министръ юстиціи, и Побѣдоносцевъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, читавшій нынѣшнему Государю законовѣдѣніе, близкій ему человѣкъ, самъ правовѣдъ (такъ же, какъ и Набоковъ изъ училища Правовѣдѣнія) не поняли, что ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобъ доложить молодому Монарху, что та зала, въ которой стоитъ Сенатъ, важнѣйшая изъ всѣхъ залъ Зимняго Дворца, что въ этой залѣ должны быть произнесены нѣсколько твердыхъ словъ о законности, о необходимости утвердить въ принимаемой Имъ Имперіи царство правды и закона. И вотъ великій моментъ въ исторіи пропущенъ и нечего сказать о вступленіи новаго Государя на престолъ, нечего сказать такого, что сразу привязало бы къ нему всю Россію, все человѣчество!

Когда Императорская фамилія возвратилась во внутренніе покои, кто-то изъ церемоніймейстеровъ объявилъ, что Государственный Совѣтъ приглашается въ Малахитовую комнату.

Сенаторы, стоявшіе въ Концертномъ залѣ вмѣстѣ съ членами Госуд. Совѣта, были въ недоумѣніи, оставаться ли имъ или уѣзжать. Рѣшили оставаться, въ ожиданіи, что можетъ быть Государю Императору благоугодно будетъ обратиться и къ нимъ, въ полномъ ихъ составѣ, въ эту великую минуту. Недоумѣніе продолжалось недолго. „Господа, здѣсь Государь будетъ принимать Свиту и Госуд. Совѣтъ", стали объявлять церемоніймейстеры, а министръ двора просто сталъ торопить насъ, какъ школьниковъ: „Сдѣлайте одолженіе, уходите, уходите, здѣсь должны остаться только Свита и Госуд. Совѣтъ. Сдѣлайте одолженіе, уходите, мы задерживаемъ Государя!.."

Такимъ образомъ Правительствующій Сенатъ былъ почти-что выгнанъ изъ Дворца.

Г-ну министру Двора можетъ быть не выяснена идея о значеніи Сената въ Россіи; но г-ну Побѣдоносцеву значеніе это вполнѣ извѣстно. Когда я былъ еще въ Госуд. Совѣтѣ, то самъ слышалъ, какъ онъ развивалъ мысль о томъ, что Сенатъ есть первое государственное учрежденіе въ Россіи, авторитетъ котораго стоитъ незыблемо въ понятіяхъ народа, что Сенатъ въ Россіи—это замѣна конституціи, что одному Сенату всѣ классы народа равно вѣрятъ, что рѣшеніямъ его одного всѣ безпрекословно подчиняются. И вдругъ: „уходите, уходите, господа, вы намъ мѣшаете!.."

Государь Императоръ огорченъ, опечаленъ и разстроенъ. Мысль Его у гроба мученически погибшаго отца. Но вы, г.г. министры, вы

не имѣете права, какъ бы ни были вы огорчены, забывать, что Россія переживаетъ великій кризисъ, что каждое слово, сказанное молодымъ Монархомъ при вступленіи Его на престолъ, пронесется по всему цивилизованному міру и будетъ истолковано, какъ программа царствованія, а малѣйшее умолчаніе о томъ, чего съ жадностію ожидаетъ оспротѣвшее царство, будетъ принято какъ знакъ отказа въ томъ, безъ чего жить нельзя—отказа въ надеждѣ на утвержденіе законности.

Я не сомнѣваюсь, что и мысли о такомъ отказѣ никогда не приходило и не придетъ Государю Императору; я вполнѣ Ему вѣрю, я вполнѣ на Него надѣюсь; но надѣюсь также, что Господь дастъ Ему лучшихъ совѣтниковъ, нежели тѣ, которые достались Ему по наслѣдству, и скажетъ таки Онъ, рано или поздно, своему вѣрному Сенату: „старина, береги Мнѣ правду и законъ; Я не ожидаю отъ тебя и не желаю такихъ расшаркиваній, на какія способны Мои придворные чины и совѣтники; Я ожидаю и требую отъ тебя справедливости или по меньшей мѣрѣ законности!...“

Да, я чувствую такія слова будутъ сказаны, но сегодня я ихъ не слыхалъ.

А можетъ быть старикъ Сенатъ уже отслужилъ свою историческую стосемидесятилѣтнюю службу (учрежденъ 22 февраля 1711 г.), и новое царствованіе имѣетъ въ виду вызвать на смѣну ему новыя силы. Можетъ быть, не нужна уже та служба Сената, о которой когда-то говорилъ Побѣдоносцевъ въ Госуд. Совѣтѣ, и тогда, конечно, онъ долженъ отступить на второй планъ. Тогда все, мною сказанное о нынѣшнихъ совѣтникахъ Государя, я беру назадъ. Тогда уже не мнѣ судить ихъ, не мнѣ славить или осуждать. Во всякомъ случаѣ молю Господа, да будетъ наступившее царствованіе долго и счастливо.

Былъ у насъ Александръ I Благословенный, былъ Александръ II Освободитель-Мученикъ, да будетъ нынѣшній Государь Александръ III Счастливый!...

Россія, молись!...

---

4 марта. Въ „Правит. Вѣстникѣ“ напечатано, что 2 марта Государь Императоръ, вступивъ въ залы, гдѣ находились члены Госуд. Совѣта, Сенатъ и свита Его Величества, изволилъ имъ выразить именемъ въ Бозѣ почившаго Государя признательность за ихъ службу и увѣренность въ томъ, что онъ встрѣтитъ съ ихъ стороны такое же довѣріе, какимъ пользовался Его покойный родитель.

Слѣдовательно, г. министръ Двора не въ мѣру поторопился, выпроваживая сенаторовъ изъ той залы, гдѣ Государь изволилъ при-

нимать Госуд. Совѣт. и Свиту; товарищи его, другіе министры, очевидно, были другого взгляда на значеніе Сената и поспѣшили, хотя для публики, исправить его личную ошибку, напечатавъ приведенное сообщеніе въ оффиціальной газетѣ.

Если ошибки министровъ исправляются такъ быстро, то я начинаю надѣяться, что дѣйствительно нынѣшній Государь будетъ счастливъ.

Первый Его указъ (о присягѣ крестьянъ) есть тоже исправленіе ошибки высшей администраціи минувшаго царствованія: 20 лѣтъ уже крестьяне освобождены, а никто не подумалъ отмѣнить закона о неприводѣ ихъ (какъ не свободныхъ) къ присягѣ.

Да, я начинаю вѣрить и надѣяться, что Государь Александръ III будетъ счастливый Государь: вступилъ Онъ на престолъ при такихъ тяжелыхъ, мрачныхъ и главное горестныхъ обстоятельствахъ, какихъ еще не было въ Россіи. Не было еще въ Россіи такихъ злодѣевъ, какъ нынѣшніе нигилисты, не было еще въ Россіи такого страшнаго событія, чтобъ любимый, почти обожаемый ею монархъ погибалъ на улицѣ своей столицы и погибалъ самою ужасною, самою мучительною смертью; не было, наконецъ, въ Россіи такого изступленнаго бѣшенаго звѣрства, которое, если бы оно не ограничивалось лишь ничтожною горстью нѣсколькихъ изверговъ, составляющихъ лишь позорное исключеніе въ человѣческомъ родѣ, то могло бы возбудить стыдъ и отвращеніе принадлежать къ человѣчеству. Но именно эти-то ужасныя событія и обстоятельства и возбуждаютъ, не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ глубочайшія симпатіи къ вступившему на престолъ Наслѣднику мученически погибшаго монарха. Да сопровождаютъ эти симпатіи новаго Государя во всемъ всегда и вездѣ.

Горько было начало царствованія; счастливо будетъ его продолженіе: контрасты принадлежатъ къ неизмѣннымъ законамъ и природы, и исторіи.

7 марта 12 часовъ безъ четверти. Каждую минуту раздается пушечный выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости, во всѣхъ церквахъ траурнаго Петербурга перезвонъ. Значитъ, тронулась печальная процессія перевезенія тѣла Императора Александра II въ Петропавловскій соборъ. Я не могъ участвовать въ этой процессіи по болѣзни; но два мои сына, одинъ правовѣдъ, другой пажъ, идутъ теперь отъ Зимняго Дворца вмѣстѣ съ другими передъ печальною колесницею; жена моя съ двумя дочерьми въ Сенатѣ на балконѣ. Я остался одинъ съ 8 лѣтнимъ сыномъ. Мальчикъ мой читаетъ церемоніалъ, я вспоминаю прошлое.

Почти 15 лѣтъ прошло съ того событія, описаніемъ котораго на-

чались эти записки. 4 апрѣля 1866 г. было первое покушеніе на жизнь нынѣ убитаго Императора. За первымъ слѣдовало еще шесть: выстрѣлъ Березовскаго въ Парижѣ, выстрѣлъ Соловьева въ Петербургѣ, взрывъ на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ и два слѣдовавшихъ одинъ за другимъ на Екатерининскомъ каналѣ. Сколько звѣрства и преступленій!...

А сколько бѣдствій во всемъ мірѣ за этотъ короткій срокъ; сколько войнъ (франко-германская, наша восточная и т. д.), сколько всякаго горя и зла, сколько преступленій, бѣдъ и несчастій, и частныхъ, и общихъ!...

Преступленія, всевозможныя бѣдствія и несчастія, войны, эпидеміи, неурожаи, нищета, дезорганизація вездѣ и во всемъ, нигилизмъ, доходящій до изступленія, звѣрства и глупости—вотъ главныя черты второй половины 19 столѣтія. А если вспомнимъ, каково было начало столѣтія, то благодаря Наполеону можемъ сказать, что и первая половина столѣтія начиналась немного лучше, нежели оканчивается вторая.

Гдѣ же тѣ блага, которыя обѣщаетъ намъ наша цивилизація? Когда же смягчатся нравы цивилизованнаго міра? Когда же поумнѣетъ человѣкъ? Неужели мы осуждены навсегда на вѣчный эгоизмъ, на вѣчное звѣрство, на вѣчную тупость и глупость, но на глупость такую, которая можетъ создавать и поддерживать нигилизмъ?

„Бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи!...“ Блаженъ, кто подобно апостолу Павлу можетъ сказать: „Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю“.

Скончался принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Сегодня, 7 мая, будетъ перенесеніе тѣла его въ Сергіевскую пустынь. До сегодняшняго дня покойникъ лежалъ въ своемъ дворцѣ. Надо было видѣть, какъ искренно и сердечно онъ былъ оплакиваемъ всѣми, кто былъ у него подъ вѣдомствомъ и кто его зналъ: кто же не зналъ его? Это было дѣйствительно общественное горе. Тутъ не было ничего искусственнаго, ничего показного. Общество глубоко сознавало, что оно понесло великую незамѣнимую утрату. И дѣйствительно, такихъ людей мало бываетъ. Безспорно, это былъ вовсе не геніальный государственный человѣкъ; но это былъ человѣкъ, который искренно сознавалъ, что хотя онъ и высоко поставленъ, но это не даетъ ему права проводить эгоистическую, безплодную для другихъ людей жизнь, а напротивъ обязываетъ его работать для бѣднаго человѣчества, любить его, заботиться о немъ, и онъ работалъ и заботился о всѣхъ всю свою жизнь. И всѣ поняли, что это былъ за человѣкъ, когда его не стало!

1883 г. октября 2 министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ прислалъ мнѣ записку, которою проситъ меня пріѣхать къ нему 3 октября. Когда я пріѣхалъ къ нему 3 октября, у него были оберъ-прокуроръ 1-го департамента Евреиновъ и управляющій кащеляріею м. ю. Казем-Бекъ. Они тотчасъ же вышли изъ кабинета министра, и я былъ тотчасъ же принятъ министромъ. Встрѣтилъ онъ меня очень любезно, попросилъ извиненія, что побезпокоилъ своимъ приглашеніемъ, и сейчасъ же началъ длинную рѣчь. Содержаніе ея было такое: вѣдомство наше понесло большую утрату вслѣдствіе смерти Михаила Ѳедоровича Гедда, бывшаго предсѣдательствующимъ сенаторомъ въ отдѣленіи 1-го департамента Сената по крестьянскимъ дѣламъ. Вѣсть объ этой утратѣ получилъ онъ, министръ, за границею въ Остенде и тогда же сталъ обдумывать, кого предложить Государю для замѣны покойнаго на этомъ важномъ посту. Условія, необходимыя для занятія этого поста, по мнѣнію министра, слѣдующія: необходимо, чтобъ назначаемый къ предсѣдательствованію сенаторъ былъ старше чиномъ всѣхъ присутствующихъ въ этомъ отдѣленіи сенаторовъ, такъ какъ въ этомъ отдѣленіи, составляющемъ отдѣленіе 1-го департамента, не можетъ быть назначенъ первоприсутствующій потому, что предсѣдателемъ 1-го департамента считается Государь, а предсѣдательствуетъ старшій въ чинѣ; затѣмъ необходимо, чтобъ предсѣдательствующій былъ юристъ, такъ какъ прочіе сенаторы лишь спеціалисты по крестьянскому дѣлу; наконецъ, самое главное условіе заключается въ томъ, чтобъ предсѣдательствующій былъ безпристрастенъ и рѣшалъ дѣла справедливо, не уклоняясь ни на сторону крестьянъ, ни на сторону помѣщиковъ. Онъ, министръ, долго думалъ объ этомъ и за границею, и возвратившись въ Петербургъ, и со многими совѣтовался и пришелъ къ заключенію, что всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяю я, а потому и проситъ меня разрѣшить ему доложить объ этомъ Государю послѣ завтра, 5 октября.

Такое предложеніе застало меня врасплохъ, я представлялъ всѣ возраженія, которыя пришли мнѣ въ голову, но въ концѣ концовъ долженъ былъ согласиться. И вотъ съ 5-го октября я состою предсѣдательствующимъ сенаторомъ отдѣленія 1-го департамента по крестьянскимъ дѣламъ.

Назначеніе этого отдѣленія (какъ самостоятельнаго департамента, какимъ оно въ дѣйствительности есть) очень важно. Ему слѣдуетъ громадный переворотъ, извѣстный подъ именемъ крестьянскаго дѣла, свести съ той невѣрной опасной колеи усмотрѣній и чрезвычайныхъ мѣръ, по которой онъ двигался въ покойномъ Главномъ Комитетѣ и въ разныхъ министерствахъ, и направить его по твердой и постоянной колеѣ законности. Съ освобожденія крестьянъ

прошло 22 года, выросло цѣлое поколѣніе, родившееся свободнымъ; необходимо, чтобъ всѣ эти родившіеся свободными люди, точно такъ же, какъ и всѣ прочіе ихъ сограждане, поняли и убѣдились, что имъ нечего бояться или же желать ни усмотрѣній, ни чрезвычайныхъ мѣръ, а слѣдуетъ жить и дѣйствовать по опредѣленнымъ, правильнымъ, всѣмъ извѣстнымъ нормамъ закона, по которымъ мое не можетъ по чьему-либо усмотрѣнію сдѣлаться твоимъ, а твое—моимъ.

Освобожденіе крестьянъ съ землею могло совершиться только посредствомъ экспропріаціи значительной части земельной собственности дворянства. Экспропріація вообще дѣло нежелательное, дѣло неизбѣжно нарушающее чьи-нибудь права, но часто необходимое; если она допускается лишь въ крайнихъ, рѣдкихъ и единичныхъ случаяхъ, то она не производитъ почти никакого впечатлѣнія на общество и народъ. Земельная экспропріація по случаю освобожденія крестьянъ совершилась въ громадныхъ размѣрахъ, во всѣхъ концахъ Россіи, въ каждомъ безъ исключенія дворянскомъ имѣніи, въ которомъ были крѣпостные люди, подлежавшіе надѣлу землею. Такая обширная, охватывающая всѣ помѣщичьи имѣнія, экспропріація не могла не произвести впечатлѣнія, и она произвела его на одну сторону—помѣщиковъ въ удручающемъ видѣ, на другую сторону—крестьянъ—въ ложно-розовомъ свѣтѣ. Помѣщики потеряли вѣру въ твердость гарантированныхъ имъ правъ собственности, крестьяне пріобрѣли несбыточныя надежды, что всѣ земли отъ помѣщиковъ будутъ отобраны и отданы имъ, крестьянамъ. Такимъ образомъ, самое основное начало существованія каждаго цивилизованнаго общества, право собственности, было глубоко потрясено и поколеблено. Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія и министерство внутреннихъ дѣлъ по земскому отдѣлу не только не содѣйствовали разрушенію ложныхъ опасеній помѣщиковъ и фальшивыхъ надеждъ крестьянъ, но какъ будто еще болѣе поддерживали и укрѣпляли ихъ. Большинство споровъ о землѣ между помѣщиками и крестьянами рѣшалось въ пользу послѣднихъ, при томъ такъ, что если этого нельзя было сдѣлать на основаніи существующихъ законовъ, то испрашивалось особое Высочайшее повелѣніе. Слѣдовательно, переворотъ, извѣстный подъ именемъ крестьянскаго дѣла, все еще могъ казаться не завершившимся ни въ объемѣ своемъ, ни въ принципахъ; все еще каждый день можно было ожидать чего-нибудь новаго, чего-нибудь худшаго для однихъ и лучшаго для другихъ. Вслѣдствіе этого крестьяне стали ждать новаго надѣла ихъ—крестьянъ—уже даровою землею. Положеніе становилось невыносимымъ, а главное опаснымъ. Надо было выйти изъ него во что бы ни стало.

Средство къ этому, я убѣжденъ, не придумано, а представилось само собою совершенно случайно. Великій князь Константинъ Николаевичъ, предсѣдатель Главнаго Комитета, сошелъ на время со сцены; управляющему земскимъ отдѣломъ Барыкову захотѣлось быть сенаторомъ, и вотъ завязалась переписка о закрытіи Главнаго Комитета, о сокращеніи земскаго отдѣла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и о передачѣ дѣлъ ихъ въ Сенатъ. Главный Комитетъ отстоять было некому, а потому онъ закрытъ, дѣла его переданы въ Сенатъ, для чего образовано при 1 департаментѣ особое отдѣленіе по крестьянскимъ дѣламъ (въ составъ присутствія котораго вошелъ конечно съ званіемъ сенатора О. Л. Барыковъ, очень полезный въ немъ сенаторъ), и вотъ этому отдѣленію предстоитъ теперь великая задача возстановленія между земледѣльцами непоколебимости законныхъ отношеній, безъ усмотрѣній и чрезвычайныхъ мѣръ.

Подъ выраженіемъ—законныя отношенія, я разумѣю тѣ отношенія, которыя установлены положеніями 19 февраля 1861 г. и послѣдующими за ними узаконеніями, изданными верховною властію по тому же предмету. Я и мысли не допускаю о возвратѣ къ какимъ-либо отношеніямъ, существовавшимъ до этихъ положеній; всѣ попытки для возврата тѣхъ другихъ, несвободныхъ отношеній должны быть безусловно отвергаемы; но также безусловно должно быть охраняемо и торжественное обѣщаніе, выраженное верховною властію въ 8 статьѣ Общаго Положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г., въ которой сказано, что помѣщики, надѣливъ крестьянъ землею на основаніи мѣстныхъ положеній, не обязаны впредь, ни въ какомъ случаѣ, надѣлять ихъ какимъ бы то ни было, сверхъ того, количествомъ земли. Вотъ два основныхъ положенія, которыя должны считаться на будущее время началами руководящими: 1) все, что получено крестьянами на основаніи тѣхъ узаконеній, изданныхъ на сей предметъ въ 1861 и послѣдующихъ годахъ, должно быть охраняемо за ними твердо и ненарушимо, и 2) болѣе того, что помѣщиками отдано крестьянамъ на основаніи тѣхъ узаконеній, не можетъ быть отъ нихъ ни требуемо, ни отбираемо. Когда эти мысли утвердятся въ сознаніи и помѣщиковъ и крестьянъ, тогда только наступитъ для нихъ возможность мирной и спокойной жизни, мирнаго и спокойнаго развитія для государства.

Вотъ эти-то мысли и должно утвердить во всѣхъ слояхъ общества, отдѣленіе Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ въ этомъ заключается, по моему убѣжденію, его призваніе, и выполнить это призваніе оно и можетъ и обязано, потому что Сенатъ опредѣленія свои основываетъ вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ на изданныхъ законахъ (226 ст. учр. Пр. Сен.), а не на личныхъ

усмотрѣніяхъ; основывая свои опредѣленія на законахъ, Сенатъ обязанъ охранять какъ пріобрѣтенныя крестьянами на законномъ основаніи права, такъ и гарантированныя закономъ помѣщикамъ оставшіяся у нихъ за надѣломъ крестьянъ земли. Слѣдовательно, съ передачею крестьянскихъ дѣлъ въ Сенатъ начинается новая эра подчиненія всѣхъ сословій одному безпристрастному закону безъ всякихъ личныхъ усмотрѣній. Отъ твердаго и послѣдовательнаго проведенія этого принципа въ отношенія между помѣщиками и крестьянами зависитъ въ значительной степени спокойствіе и будущность государства.

Имѣя въ виду такую великую задачу этого отдѣленія, я не могу раскаяваться, что согласился перейдти въ него предсѣдательствующимъ сенаторомъ, безъ всякой, лично для себя, матеріальной выгоды, потому что содержаніе мое осталось то же самое, но не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ.

Изъ отдѣленія 1-го департамента по крестьянскимъ дѣламъ образованъ особый 2 департаментъ Прав. Сената. Указъ объ этомъ Сенату подписанъ 24 января 1884 г., а 1 февраля я назначенъ первоприсутствующимъ въ этомъ департаментѣ. Составъ этого департамента остался тотъ же самый, какой былъ и въ отдѣленіи по крестьянскимъ дѣламъ, дѣла тѣ же, порядокъ производства тотъ же, все то же кромѣ названія. Зачѣмъ перемѣнено названіе, не знаю. Впослѣдствіи скажутъ, вѣроятно, да и теперь, быть можетъ, говорятъ, что этого домогался я, чтобъ быть первоприсутствующимъ. Но я смѣю увѣрить, что въ этой перемѣнѣ я не принималъ никакого участія, да и не имѣлъ надобности: для меня это bonnet blanc—blanc bonnet... Не все ли мнѣ равно?—Но не могу не признаться, что мнѣ доставили большое удовольствіе слова, сказанныя по этому поводу министромъ юстиціи. Дмитрій Николаевичъ сказалъ мнѣ: „Яковъ Григорьевичъ, я считаю себя счастливымъ, что предложилъ Государю назначить васъ на этотъ постъ, потому что въ эти четыре мѣсяца, въ которые вы предсѣдательствовали въ крестьянскомъ отдѣленіи 1-го департамента, вы внесли такой миръ, такое спокойствіе, такое безпристрастіе въ сужденія и рѣшенія этого отдѣленія, что ничего лучшаго ни желать, ни надѣяться было невозможно. Правит. Сенатъ всегда имѣлъ большое значеніе въ народѣ; я не сомнѣваюсь, что при вашемъ образѣ дѣйствій его авторитетъ еще болѣе утвердится“.

Вотъ этого-то я въ особенности желалъ бы. Дай Богъ, чтобъ не топоры, не насиліе представлялись грубой массѣ средствомъ защитить свои права, а обращеніе къ Сенату...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Посѣщеніе Саратова Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 30 годахъ XIX столѣтія.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Саратовъ, какъ извѣстно, никогда не посѣщался до упомянутаго времени не только Государями, но даже и никѣмъ изъ царской фамиліи, вѣроятно вслѣдствіе отдаленности его отъ столицъ, такъ какъ трудная ѣзда на почтовыхъ до Петербурга требовала цѣлый мѣсяцъ, а сообщеніе по Волгѣ производилось тогда медленно на парусныхъ судахъ, почему Николай I, предполагавшій осмотрѣть находившіяся въ Саратовѣ войска, сначала гусаръ, а затѣмъ конно-артиллерійскую дивизію, доѣхалъ только до Пензы, гдѣ заболѣвъ, вернулся въ Петербургъ.

И вотъ, наконецъ, повѣщено было о пріѣздѣ Цесаревича въ іюнѣ 1837 года, и Саратовъ, не имѣвшій и тѣни теперешней столицы Поволжья, но заселенный массой одноэтажныхъ небольшихъ домовъ дворянъ, сталъ готовиться къ пріему дорогого царственнаго гостя. Немощенныя улицы города, исключая части Московской, гдѣ преимущественно жило купечество, стали приводиться въ порядокъ. Городъ тогда освѣщался рѣдкими на столбахъ фонарями съ конопляннымъ масломъ и кое-гдѣ, на случай пожара, стояли большіе чаны съ деревянными рѣшетками, наполнявшіеся водой, которую возили бочками изъ Волги. Воду въ чанахъ на этотъ разъ мѣняли, такъ какъ она въ большинствѣ была гнилой и вонючей, а чаны и фонарные столбы поновлялись дикой краской. Чистились улицы, заросшія травой, и исправлялись ветхіе, деревянные тротуары.

И вотъ, наконецъ, городъ украсился разноцвѣтными флагами, и густая масса народа съ начальствомъ во главѣ встрѣчала на берегу Волги Наслѣдника престола, прибывшаго на пароходѣ, который для нашего края въ то время былъ также рѣдкой новинкой.

Я былъ въ то время мальчикомъ, нетерпѣливо ожидавшимъ, когда меня повезутъ въ Петербургъ, такъ какъ послѣ умершаго въ 30-мъ году моего отца, начальника жандармовъ Саратовской губ., я былъ зачисленъ кандидатомъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, но когда именно должна была меня привезти туда моя вдовая мать, увѣдомленія не было, почему на этотъ разъ мнѣ пришлось лично подать Цесаревичу о томъ прошеніе, и вотъ, я хорошо помню, какъ одѣли меня въ костюмъ маленькаго жандарма и въ сопровожденіи гувернера М-г Позе отправили на пристань, куда долженъ былъ пристать пароходъ.

Начальствующіе, хорошо знавшіе моего покойнаго отца и нашу семью, пропустили меня впередъ. Цесаревичъ взялъ отъ меня просьбу, которую я, стоя на одномъ колѣнѣ, держалъ на головѣ и передалъ ее сопровождавшему его воспитателю.

Юный Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ старше меня лѣтъ на десять; онъ былъ положительный красавецъ и жизнерадостный, плѣнявшій каждаго своей необычайной привѣтливостью. И послѣ этого его пріѣзда сохранилось немало интересныхъ о немъ анекдотовъ.

Съ пристани Цесаревичъ прямо поѣхалъ въ каѳедральный соборъ, гдѣ высшимъ духовенствомъ былъ встрѣченъ съ крестомъ. Мнѣ пришлось тамъ стоять впереди и видѣть курьезную вещь. Въ Саратовѣ былъ извѣстный своимъ необычайно сильнымъ басомъ протодіаконъ Иванъ Іевливичъ, большой, широкоплечій брюнетъ, говорившій всегда держа ротъ на сторону, и когда онъ провозглашалъ многолѣтіе, то безъ преувеличенія дрожали стекла въ церкви. И вотъ онъ такъ постарался рявкнуть на этотъ разъ, что близко стоявшій около него юный Цесаревичъ моментально зажалъ уши и отскочилъ въ сторону, и этотъ случай настолько запечатлѣлся въ моей дѣтской памяти, что я какъ сейчасъ на него смотрю.

Изъ собора Цесаревичъ проѣхалъ прямо въ приготовленный для него, лучшій того времени въ городѣ, Ивановскій домъ, гдѣ нынѣ помѣщается Отдѣленіе Государственнаго Банка.

Для осмотра Цесаревичемъ въ Саратовѣ, кромѣ находившихся войскъ, представлялось въ то время весьма немногое, такъ какъ изъ учебныхъ заведеній существовала только одна, открытая лѣтъ 18-ть передъ этимъ, мужская гимназія, почему, не останавливаясь на этомъ, я разскажу другой курьезный эпизодъ во время посѣщенія Его Высочествомъ бала въ дворянскомъ собраніи 28-го іюня того года.

При представленіи Его Высочеству мѣстныхъ властей, удостоился особаго вниманія, назначенный на мѣсто моего покойнаго отца, жандармскій полковникъ Быковъ, о дочеряхъ котораго Цесаревичъ

тутъ же справился, зная ихъ по Смольному монастырю, откуда Анна и Варвара Петровны не задолго передъ тѣмъ были, какъ первыя ученицы, выпущены съ шифрами. Наслѣдникъ, посѣщая этотъ институтъ, не разъ зимою катался съ ними съ горъ, почему и на этомъ балу онъ прежде всего протанцовалъ съ ними и, разговаривая, обратилъ вниманіе на находившагося тутъ Свѣчина, который былъ поразительно похожъ на обезьяну, а такъ какъ m-lle Быкова, не сказавъ фамиліи, сообщила Цесаревичу, что жена этого господина положительная красавица, то Его Высочество, танцуя въ этотъ вечеръ съ другими, которыхъ ему представляли и между прочимъ съ А. И. Свѣчиной, во время contre-danse сказалъ ей, указывая на ея мужа: „Покажите, пожалуйста, супругу это господина, который такъ ужасно похожъ на обезьяну?“

И когда смущенная Александра Ивановна отвѣтила:

— „Это я, Ваше Высочество“, то юный Цесаревичъ настолько сконфузился, что положительно не зналъ, что ему послѣ этого говорить, и оправился лишь, когда Александра Ивановна, улыбаясь, ему сказала:

— „Это сходство моего мужа, Ваше Высочество, находятъ всѣ, но онъ прекрасный человѣкъ и вполнѣ заслуживаетъ любви и уваженія“.

Затѣмъ Цесаревичъ тутъ же протанцовалъ съ ней еще вальсъ, подошелъ съ ней къ Свѣчину и пожалъ особенно сердечно ему руку. Этотъ случай знаютъ многіе саратовцы, и подробности его мнѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ повторила покойная дочь этого Свѣчина, Надежда Ивановна Мердеръ-Северинъ.

Государя Александра Николаевича мнѣ пришлось видѣть чаще другихъ государей и Цесаревичемъ на Кавказѣ, и Императоромъ въ 1871 году въ Саратовѣ, и затѣмъ неоднократно въ столицѣ, куда мнѣ приходилось отправляться съ адресами, и Его Высочество былъ всегда разговорчивъ, до крайности привѣтливъ и милостиво внимателенъ, и хотя военные болѣе любили твердый характеръ и непреклонную волю Николая I-го, но имя Царя-Освободителя АлександраII-го не умретъ во вѣки.

В. А. Шомпулевъ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Глава VI [1]).

Лордъ Кларендонъ и Чарльсъ Вилліе.

Первые замѣчательные государственные люди Англіи, съ которыми встрѣтилась г-жа Новикова, были два брата: графъ Кларендонъ и Чарльсъ Вилліе.

Въ 1866 году она познакомилась въ Эмсѣ съ Чарльсомъ Вилліе, которому было въ то время за шестьдесятъ лѣтъ. Въ его письмахъ съ неяснымъ почеркомъ, но съ обозначеніемъ года и числа, находится много интересныхъ данныхъ изъ политической и дипломатической жизни Западной Европы между 1866-мъ и 1870 годами.

Переписка начинается 20-го сентября 1866 г., три дня послѣ того, какъ г-нъ Вилліе и г-жа Новикова разстались въ Эмсѣ. Въ письмѣ изъ Женевы, гдѣ онъ нашелъ Hôtel d'Angleterre биткомъ набитымъ завоевательной арміей — пруссаковъ съ Богемскаго поля сраженія, г-нъ Вилліе пишетъ:

„Позволите ли Вы мнѣ рекомендовать Вашему вниманію сегодняшнюю (отъ 20-го) газету l'Europe. Это франкфуртское ежедневное изданіе. Она содержитъ, во-первыхъ, критику на письмо Лавалета— очень остроумную, по моему мнѣнію, а также статью д-ра Сибель въ Берлинѣ, въ которой онъ представляетъ оправданія на образъ дѣйствій Пруссіи и даетъ очеркъ прусской политики за прошлое столѣтіе. Это интересно, умно и какъ-то примиряетъ людей съ ихъ поступками. Хотя чтеніе это не такое, какое обыкновенно нравится дамамъ, но я думаю, Вы не обидитесь, если я скажу, что это не

[1]) См. „Русск. Стар.“ іюнь 1909 г.

значитъ, что Вамъ оно не понравится. Вы, очевидно, интересуетесь политикой и, вѣроятно, графъ де-Бюисси удостовѣрился теперь въ томъ, что слухи о Васъ, какъ о самой образованной женщинѣ изъ всѣхъ, о которыхъ онъ слышалъ, были справедливы".

Чтобы показать свое согласіе съ этой оцѣнкой ея ума, Вилліе проситъ у нея объясненій по Восточному вопросу:

„Въ одномъ отношеніи я бы желалъ, чтобы Вы были не такъ сдержанны и сказали бы мнѣ, что Ваша страна думаетъ на счетъ Греціи. Вижу, что начался бой на Критѣ, весь свѣтъ, конечно, говоритъ, что это дѣло Россіи. Людовикъ Наполеонъ жалуется на то, что не оставляютъ въ покоѣ Востокъ. Руссофобія готова проявиться снова, такъ скажите же мнѣ, что нѣтъ причины для этого или что нѣтъ достаточной причины, потому что при такомъ императорѣ, какой у Васъ, мы должны бы предпочесть туркамъ русскихъ и христіанъ".

Въ началѣ октября г-нъ Вилліе пишетъ изъ Женевы, упрашивая ее взять на себя роль толковательницы Россіи и русскихъ англійскимъ государственнымъ людямъ, о чемъ она, по всей вѣроятности, никогда до этого времени не помышляла. Онъ пишетъ:

„Я хочу, чтобы Вы разсказали мнѣ о Вашей странѣ, къ которой я выражаю Вамъ самый искренній интересъ и вѣру въ такую будущность, которую вообще отъ нее не ожидаютъ. Я желалъ бы знать настоящее настроеніе народа: воинственное ли оно, или торговое, промышленное и мирное, и каково его развитіе". Я предполагаю, что это разновидность славянской расы, т. е. люди не лѣнивые, не буйные и трудно управляемые, но степенные, настойчивые, трудолюбивые, нѣсколько поэтическіе и, за исключеніемъ верхнихъ слоевъ общества, не имѣющіе честолюбивыхъ замысловъ о пріобрѣтеніи новыхъ земель: при хорошемъ управленіи они не охотно разставались бы со своей страной, къ которой они очень привязаны, но которую, быть можетъ, клевета приписываетъ имъ желаніе оставлять, такъ какъ они увѣрены, что вездѣ будетъ лучше, чѣмъ дома.

„Вы такая чистосердечная, способная, начитанная и такъ любите свое отечество, скажите мнѣ искренно, чего намъ ждать отъ юной Россіи; а если Вы слишкомъ заняты обязанностями и удовольствіями, къ которымъ Вы теперь возвратились, то порекомендуйте мнѣ какое-нибудь сочиненіе, на которомъ бы я могъ основываться и почерпнуть въ немъ всѣ свѣдѣнія объ этой обширной и доблестной странѣ. Я вижу, что англійскія и иностранныя газеты уже приписываютъ ей разныя цѣли на Востокѣ и всячески грозятъ намъ этимъ question d'Orient. Вѣрите ли Вы грекамъ? и относятся ли греки (благодаря одинаковому вѣроисповѣданію) съ довѣріемъ къ Россіи? А если бъ

они возстали противъ турокъ, популяренъ ли былъ бы въ Россіи вопросъ о помощи, если не о руководствѣ ими? Турокъ дѣйствительно кажется безнадеженъ. Я не предвижу ему улучшенія, а онъ давно уже болѣетъ, и хотя онъ ловкій, злой джентльменъ, а джентльменъ онъ дѣйствительный, но всему бываетъ конецъ, въ томъ числѣ и турецкому джентльменству. Я знаю отъ Васъ, что теперь всякій въ Россіи можетъ говорить, писать и думать, что хочетъ. Поэтому Вы могли бы сообщить Ваше искреннее мнѣніе о всякомъ политическомъ вопросѣ, а такъ какъ я увѣренъ, что мнѣніемъ Вашимъ можно дорожить, то прошу оказать мнѣ милость, написавъ Ваши взгляды на все, что касается предметовъ, интересующихъ Вашу страну и, конечно, остальную Европу. Но, если Вы и дома такъ же осторожны, какъ въ Эмсѣ, то назовите мнѣ автора, къ которому бы я могъ обратиться. Вы, конечно, ни одному слову Кюстина не разрѣшите мнѣ повѣрить, да это все и устарѣло".

Г-жа Новикова отвѣтила безъ особеннаго энтузіазма на просьбу г-на Вилліе познакомить его съ Россіей. Русскіе плохіе корреспонденты, и г-нъ Вилліе въ нѣсколько обиженномъ тонѣ пишетъ изъ Парижа 26 октября 1866 г.

„Россія славится своей дипломатіей. Она также извѣстна тѣмъ, что довѣряетъ осуществленіе своей политики рѣшенію образованныхъ дамъ, представительницъ ея въ разныхъ столицахъ Европы. Нельзя поэтому удивляться мнѣнію о русскихъ дамахъ, какъ превзошедшихъ всѣхъ другихъ своей интеллектуальностью и познаніями, искусно соблюдающихъ при томъ осторожность въ сношеніяхъ съ иностранцами, что̀ должно дѣлать ихъ услугу неоцѣнимой для отечества.

Было бы признакомъ невѣдѣнія того, что̀ долженъ знать путешественникъ, если бы онъ нашелъ страннымъ, что дама, бывшая сама откровенность въ чужой странѣ и въ личныхъ разговорахъ съ иностранцами, сдѣлалась бы вдругъ сдержанной и невнятной, какъ только къ ней обратились съ просьбой сообщить свои мысли по поводу общественныхъ дѣлъ письменно.

На этотъ счетъ никто изъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье познакомиться съ г-жей Новиковой во время ея пребыванія въ Германіи, не имѣетъ права ожидать, что, обратясь за совѣщаніемъ къ оракулу письменно, съ далекаго края Европы, онъ получитъ большую пользу. Поэтому я не позволяю себѣ ничего, кромѣ одного замѣчанія: я написалъ четыре письма моему новому другу со дня моего отъѣзда изъ Эмса, а изъ писемъ, полученныхъ отъ нея за это время, я съ трудомъ могу сказать, получила ли она хотя бы одно изъ нихъ, нѣтъ—это преувеличено, подумавъ хорошенько, я прихожу къ заклю-

ченію, что свѣдѣнія, которыя она была такъ добра прислать мнѣ въ послѣднемъ письмѣ о сочиненіяхъ, могущихъ дать мнѣ правильное понятіе о дѣйствительномъ положеніи Россіи, были отвѣтомъ на мою просьбу—сообщить мнѣ ея личное мнѣніе о настоящей политикѣ Россіи и о будущности этой страны.

Я не могу объяснить, почему я иногда думаю, что въ мірѣ есть что-то независимое отъ причинъ, иные это называютъ инстинктомъ, другіе вдохновеніемъ, но что-то заставляетъ насъ дѣйствовать или заниматься вещами, не имѣющими никакого отношенія къ нашимъ прежнимъ мыслямъ или непосредственнымъ нашимъ интересамъ, это именно случается со мной уже нѣсколько времени по отношенію къ Россіи. Я думаю, что мы сильно обманывались въ ней, и что перемѣна обстоятельствъ открестъ намъ многое о настоящемъ характерѣ ея народа, противоположное всѣмъ прежнимъ понятіямъ о немъ. Во всякомъ случаѣ происходитъ опытъ среди величайшаго народонаселенія въ Европѣ, который заслуживаетъ вниманія каждаго государственнаго дѣятеля и каждаго филантропа; не имѣя претензіи на званіе того или другого, но просто имѣя любознательность англичанина, я не могу не думать иначе, какъ-что оно теперь достойно всякаго вниманія. Достаточно ли это извиненіе за доставленное Вамъ безпокойство моими вопросами и глупыми замѣчаніями, вызванными Вашими обширными познаніями и способностями, равно, быть можетъ, какъ Вашимъ добрымъ расположеніемъ, оказаннымъ мнѣ въ Эмсѣ".

Далѣе онъ говоритъ ей, что въ Петербургъ ѣдетъ Королевская миссія, чтобы присутствовать на бракосочетаніи будущаго императора. „Какъ легко было бы теперь посѣтить Петербургъ, будь я при дворѣ и съ полъ-вѣка помоложе. Вы увидите эти торжества. Какъ было бы интересно получить отъ Васъ описаніе того, что происходило, и какое впечатлѣніе произвелъ нашъ будущій король на Васъ и на всѣхъ знатныхъ особъ, тамъ присутствовавшихъ? Я былъ бы очень счастливъ, если бъ по этому случаю Вы посвятили бы нѣсколько минутъ на письмо ко мнѣ".

Г-жа Новикова не сохранила копій со своихъ писемъ, поэтому ея отзывъ о „нашемъ будущемъ королѣ" потерянъ для насъ. Мы имѣемъ однако нѣкоторые намеки въ слѣдующемъ письмѣ г-на Вилліе отъ 1-го декабря. Онъ пишетъ:

„Я хотѣлъ знать, какое впечатлѣніе произвелъ на Васъ нашъ будущій король и весь внѣшній видъ англійскаго персонала на этомъ торжествѣ, мнѣ, можетъ быть, нѣтъ причины жаловаться потому, что если бы Вы довѣрили письмо объ этомъ лорду Фридриху Пулетъ, Вы были бы также откровенны, какъ съ французскимъ гра-

фомъ въ Эмсѣ, просившимъ Вашей рецензіи на его рукопись, и я знаю, что бы Вы сказали. Однако мы знаемъ уже, что всѣ наши, включая Высочайшихъ особъ, очень довольны всѣмъ, что они видѣли, а также теплой, болѣе чѣмъ теплой вѣжливостью, съ которой они были приняты, и намъ здѣсь пріятна мысль о сближеніи между двумя государствами. Мнѣ она нравится несомнѣнно. Я хочу видѣть Англію какъ я и прежде говорилъ Вамъ, въ настоящемъ союзѣ съ Россіей и съ Соединенными Штатами, а если бы Китай былъ сильнымъ и благоустроеннымъ государствомъ (что и можетъ быть со временемъ), я бы сказалъ, что союзъ долженъ быть учтвереннный. Но при свободной торговлѣ и тройственный союзъ могъ бы много сдѣлать, чтобы остальной міръ держать въ покоѣ и самому процвѣтать".

Г-нъ Вилліе, надо сказать, былъ однимъ изъ иниціаторовъ фритредерства и братъ бывшаго секретаря иностранныхъ дѣлъ. Онъ всегда очень интересовался внѣшней политикой и былъ, повидимому, вполнѣ расположенъ принять г-жу Новикову за свою эгерію. Онъ кончалъ письмо любопытными соображеніями на счетъ вѣроятнаго хода событій въ Европѣ. Это былъ годъ Садовой, а четыре года спустя нѣмцы осаждали Парижъ. Онъ пишетъ:

„Желалъ бы я знать Вашъ взглядъ на счетъ будущаго (только будущаго года) въ Европѣ? Съ Вашимъ умомъ и начитанностью Вы, я знаю, составляете свое мнѣніе, и Вамъ извѣстно мнѣніе тѣхъ, кто хочетъ руководить своей страной посредствомъ печатнаго распространенія своихъ мыслей. Я думаю, что годъ не пройдетъ безъ шума. Бисмаркъ, какъ мнѣ кажется, еще не кончилъ своего предпріятія на-дняхъ, а такія вещи не начинаются иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы ихъ довести до конца. Я ничего не говорю о самой системѣ, но разъ вы пошли по такому пути, я сомнѣваюсь въ возможности уступокъ, потому что каждый компромиссъ приписывается слабости и возобновляетъ самоувѣренность противниковъ. Онъ имъ поставилъ условія, остальнымъ далъ передышку, но пока никого не удовлетворилъ. Не долженъ ли онъ представить общій для всѣхъ нѣмцевъ поводъ, изъ-за котораго стоитъ воевать, и въ то же время показать себя равнымъ сопротивленію, которое ему окажутъ внутри, а можетъ быть и извнѣ. Будь живъ Николай I, онъ бы вмѣшался непремѣнно и сталъ бы говорить о прекращеніи революціи. Большое счастье для Россіи имѣть Государя, который заботится о своихъ, а не о чужихъ дѣлахъ".

Г-нъ Вилліе въ каждомъ письмѣ къ г-жѣ Новиковой говоритъ о Россіи. Онъ говоритъ о томъ, что думаетъ самъ поѣхать въ Россію, чтобы судить о дѣлаемыхъ ею успѣхахъ. „Но что можно узнать, не

зная языка? Какъ я завидовалъ Вамъ, на-дняхъ, слыша—какъ Вы говорите, по крайней мѣрѣ, на пяти языкахъ, и съ какой легкостью! Пришлите мнѣ томъ Вашихъ размышленій и соображеній. Вы знаете столько умныхъ людей, и сами Вы такъ умны. Мы достигнемъ многаго нашей настойчивостью и погоней за богатствомъ, но мы очень „скучны“, какъ всѣ практичные люди“.

„Правда ли“, спрашиваетъ онъ далѣе, „что „новобрачная“, теперь вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна, „обворожительна“?

31 января 1867. Вилліе пишетъ съ восторгомъ о чаѣ, присланномъ ему изъ Москвы.

„Я никогда не пробовалъ болѣе вкуснаго чаю, пью его каждый вечеръ передъ сномъ, и, вспоминая о тѣхъ, отъ кого онъ полученъ, шлю имъ благословеніе“.

Онъ безпокоится о Критскомъ возстаніи [1]) и о симпатіи, которую оно внушаетъ въ Россіи, боится за европейскій миръ.

„Никто въ настоящее время не опасается Франціи, которая, бывало, служила пугаломъ для остальной Европы, но эта нація стала старше и занялась торговлей настолько, насколько Наполеонъ обвинялъ насъ въ томъ же самомъ, а это очень разумное занятіе. Оно не мѣшаетъ намъ наслаждаться жизнью, что̀ умнѣе—чѣмъ ее разрушать, хотя исторія почти доказала, послѣднее было любимымъ занятіемъ людей—до сихъ поръ“.

Семь мѣсяцевъ позднѣе онъ пишетъ: 24 августа 1867 г.

„Какая, повидимому, теперь тишина въ мірѣ. Императоры обнимаются, тѣ же самые, которые на-дняхъ избивали подданныхъ другъ друга, и великій турокъ обязывается покровительствовать христіанамъ. Почему бы папѣ не войти съ патріархомъ въ какія-нибудь дѣла? Какое пламя, должно быть, возгорается, а между тѣмъ какъ всѣ увѣряютъ, что желаютъ мира, можетъ быть, въ этомъ отношеніи искреннѣе всѣхъ Россія, однако, невѣжественные люди говорятъ, будто бы она возбуждала къ ссорѣ, надѣясь на побѣду. Я не вѣрю этому. Я бы желалъ знать Вашъ взглядъ на будущее теперь. Я имѣю два свѣдѣнія изъ Германіи: одно, что всѣ говорятъ о войнѣ между Франціей и Пруссіей, другое, что новые прусскіе подданные питаютъ отвращеніе къ своему новому правительству.

Они имѣютъ свой дорогой Einheit и должны платить за него больше, чѣмъ бы они желали; и ихъ новые правители нисколько не облегчили имъ эту тяжесть. Но въ такихъ дѣлахъ есть рокъ, ихъ

---

[1]) Критское возстаніе противъ турокъ въ сентябрѣ 1866 г., борьба продолжалась до декабря 1868 г.

судьба была подпасть подъ единое управленіе; если они не подпали подъ самое пріятное въ свѣтѣ, все же оно принадлежитъ нынѣшнему вѣку, а не среднимъ вѣкамъ".

Въ письмѣ изъ Ахена 29-го августа 1867 г-нъ Вилліе дѣлаетъ довольно странное замѣчаніе для человѣка, который былъ родоначальникомъ Палаты Общинъ, 60 лѣтъ засѣдалъ въ Парламентѣ и умеръ въ 1898 г. въ почтенномъ возрастѣ, 96 лѣтъ:

„Дѣло въ томъ, что я не только ослѣпъ, почему и былъ въ Кобленцѣ у окулиста, но присутствіе въ Парламентѣ такъ гибельно отражается на собственномъ настроеніи, что не многіе переживаютъ его дѣйствіе послѣ долгихъ лѣтъ службы".

15-го сентября онъ опять въ Эмсѣ, вздыхаетъ при воспоминаніи о ихъ встрѣчѣ, когда она была тамъ, и какъ всегда предлагаетъ ей вопросы на счетъ русской политики.

„Я бы очень хотѣлъ побесѣдовать съ Вами и услышать отъ Васъ что-нибудь относительно „больного человѣка", и что Вы думаете о многочисленныхъ слухахъ, распространяемыхъ теперь въ Европѣ о русской политикѣ. Я всегда сражаюсь за Васъ, когда слышу о нелѣпыхъ и сумасбродныхъ вещахъ, приписываемыхъ Вашей странѣ. Русскіе проявили въ послѣдніе годы совершенно столько же разума, какъ другія правительства, и они, вѣроятно, также живо относятся къ пользѣ для нихъ мира и нежеланія вмѣшиваться въ чужія дѣла, какъ всякое другое государство въ Европѣ. Немного было дѣйствительно проявлено проницательности на противоположной сторонѣ континента. Чего всего болѣе нужно бояться это, что по недостатку ума (о которомъ мы, бывало, столько слышали) мы можемъ быть въ скоромъ времени свидѣтелями войны".

Онъ прибавилъ:

„Я къ сожалѣнію не встрѣтился съ братомъ на его обратномъ пути, но онъ мнѣ писалъ о томъ большомъ удовольствіи, которое ему доставило знакомство съ Вами: считаетъ меня очень счастливымъ въ томъ, что внушилъ столько добраго участія съ Вашей стороны къ моей судьбѣ, какъ онъ говоритъ".

Братъ этотъ былъ его старшій братъ, четвертый графъ Кларендонъ, родившійся въ 1800 г. Онъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ государственныхъ людей изъ виговъ девятнадцатаго столѣтія. Началъ свою карьеру онъ посланникомъ въ Испаніи. Кончилъ ее въ 1870 г. секретаремъ иностранныхъ дѣлъ,—постъ, на который онъ былъ четыре раза назначаемъ королевой: въ 1853, въ 1855, въ 1865 и въ 1868 г. Онъ былъ наканунѣ своего послѣдняго возвращенія въ министерство, когда съ нимъ встрѣтилась г-жа Новикова. Братъ его, г-нъ Вилліе, побудилъ его воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы познако-

миться съ г-жей Новиковой, и онъ получилъ рекомендательное письмо отъ лэди Станлей Олдерлей. Г-жа Новикова посѣщала Парижскую выставку и жила у родителей своего мужа, когда лордъ Кларендонъ, тоже часто посѣщавшій Парижъ, находился тамъ. Лордъ Кларендонъ пользовался въ молодости репутаціей ухаживателя и по слухамъ былъ въ интимной, хотя и незаконной связи съ императорскимъ дворомъ. Достовѣрно одно, что онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ въ Тюильри.

Когда онъ въ первый разъ былъ у г-жи Новиковой, онъ ошибся дверью и чуть не былъ спроваженъ лакеемъ, который не могъ допустить возможности, чтобы джентльменъ вошелъ по черной лѣстницѣ. Лордъ Кларендонъ былъ настойчивъ, и, оставивъ его въ кухнѣ, лакей побѣжалъ наверхъ доложить, что странный господинъ, вошедшій черезъ заднюю дверь, ждетъ въ кухнѣ и желаетъ видѣть г-жу Новикову.

Войдя въ гостиную въ ту минуту, когда посѣтитель произносилъ имя Чарльса Вилліе, г-жа Новикова догадалась, что это былъ братъ его, лордъ Кларендонъ, столь извѣстный своимъ блестящимъ умомъ. Черезъ три года лордъ Кларендонъ умеръ, и изъ нихъ онъ пробылъ два года секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Его писемъ немного, но они появятся своевременно.

Г-нъ Вилліе гораздо болѣе неутомимый корреспондентъ, чѣмъ его братъ, постоянно подтверждалъ свое расположеніе къ Россіи.

21-го сентября 1867 г. онъ пишетъ:

„Въ Англіи расположены думать, что Россія врагъ свободы и какой-то людоѣдъ, ищущій больныхъ людей, чтобы ихъ проглотить. Я никогда этому не вѣрилъ и меньше всего вѣрю теперь. Европа, однако, мнѣ кажется, дѣлается христіанской и по разнымъ причинамъ будетъ дѣйствовать, какъ таковая. Англія собирается всѣхъ любить. Какъ долго это продолжится—неизвѣстно, но, можетъ быть, до конца года“.

Онъ былъ въ отчаяніи, что, несмотря на всѣ его старанія, ему не удалось встрѣтиться съ нею на континентѣ въ 1867 г., и оплакивалъ свою судьбу, что по случаю Абиссинской экспедиціи его возвращеніе въ Лондонъ стало необходимо.

11-го октября онъ пишетъ изъ Парижа:

„Я живу на выставкѣ. Столько вижу, чему можно удивляться, и столько, надъ чѣмъ можно задуматься, что я рѣшительно предпочитаю это разговорамъ и пустякамъ съ соотечественниками, толпящимися на улицахъ Парижа. Я не думаю, что кончу осмотръ ранѣе 28-го, все же я позднѣе, чѣмъ когда-либо возвращусь въ Англію, а Парламентъ, повидимому, соберется въ ноябрѣ, такъ какъ нѣтъ на-

дежды, чтобы король Ѳеодоръ [1]) сдался, напротивъ — онъ, говорятъ, очень гордится войной съ Англіей, единственная его забота сдѣлать соотвѣтствующія приготовленія и оказать намъ горячій пріемъ. Кто знаетъ, быть можетъ, онъ правъ? Я больше довѣряю желтой лихорадкѣ и англійскому плохому управленію, чѣмъ Армстронговской пушкѣ, для рѣшенія исхода. Мы теперь въ отличныхъ отношеніяхъ съ турками и, къ несчастью, это—одна изъ причинъ неудовольствія на насъ Ѳеодора, и любопытно то, что ненависть его къ туркамъ объясняютъ его ненавистью къ торгу невольниками, который турки поощряютъ, но къ чему онъ, какъ христіанинъ, имѣетъ отвращеніе. Онъ жалуется на то, что мы поддерживаемъ его враговъ.

Здѣсь все благополучно или, по крайней мѣрѣ, есть свѣтлый промежутокъ въ эту минуту, всѣ говорятъ съ ужасомъ о войнѣ (особенно потому, что не готовы къ ней). Ожидаются однако бури, когда соберутся Палаты, но если промышленность подымется, а цѣна на хлѣбъ упадетъ, то я не думаю, чтобъ одно краснорѣчіе помѣшало людямъ спать".

Въ письмахъ г-на Вилліе всегда проявляется циничная нотка.

Онъ пишетъ изъ Лондона 20-го ноября 1867 г.

„...Я никогда не слышу столько толковъ о мирѣ въ Англіи и во Франціи, какъ въ минуту вѣрнаго приближенія войны. Эта старая лисица (Наполеонъ III) очень искусно ведетъ свои дѣла и увѣренный въ томъ, что никакая цивилизація не отрѣшитъ человѣка отъ животной части его природы, и даже не позволитъ ей быть въ подчиненіи у другой, такъ называемой высшей, я считаю, что дѣйствительная его опасность была въ цѣнахъ на жизненные припасы. А теперь, такъ какъ я предполагаю, что онъ объявилъ максимумъ на цѣну хлѣба и намѣренъ взять денегъ взаймы, чтобы создать работы, миръ сохранится въ Парижѣ, и политикамъ не будетъ случая изливать свои горести. Вамъ это будетъ пріятно, такъ какъ Вы предполагаете провести зиму въ Парижѣ. Когда Вы будете тамъ, Вы будете имѣть возможность сообщить Вашимъ друзьямъ за границей Вашъ взглядъ на то, что есть, и что предвидится, и никто изъ всѣхъ, кого я знаю, не въ состояніи по проницательности ума и силѣ характера такъ это выполнить, какъ Вы. Я буду очень радъ слышать Ваши впечатлѣнія о французскихъ рѣчахъ и объ оффиціальномъ памфлетѣ. По моему мнѣнію,

---

1) Король абиссинскій Ѳеодоръ, заключившій въ тюрьму англійскаго консула капитана Камеронъ и другихъ англичанъ въ 1863 г. Наряжена была англійская экспедиція подъ начальствомъ лорда Непира для освобожденія заключенныхъ. Экспедиція прибыла въ Абиссинію 2-го января 1868 г. и оставила страну 25 іюня 1868 г. Магдала была взята штурмомъ, король Ѳеодоръ убитъ, и узники освобождены 10-го апрѣля.

Германія улыбнется, когда услышитъ изъ Парижа, что она созрѣла, и что никто не долженъ вмѣшиваться въ ея дѣла (по крайней мѣрѣ Франція), а предложеніе разоруженія будетъ считаться такимъ же искреннимъ, какъ предложеніе лисицы, у которой былъ отрубленъ хвостъ, чтобы всѣ лисицы въ будущемъ лишались этой принадлежности. Ничто, я думаю, не имѣетъ меньше правдоподобія, какъ то, чтобы Германія предпочла союзъ съ Франціей союзу съ Россіей. Сообщите мнѣ Ваше мнѣніе о всѣхъ этихъ елейныхъ разсказахъ про это необыкновенное существо, а если Вы знаете или встрѣтите кого-нибудь, кто не пугается его тѣни, или вѣрнѣе тѣни sergent de ville, дайте мнѣ знать, что говорятъ теперь въ Парижѣ".

28-го ноября онъ пишетъ, опять жалуясь на то, что онъ принужденъ оставаться въ Вестминстерѣ. „Я безконечно предпочелъ бы разсуждать хотя бы о дѣлахъ міра сего съ родственнымъ мнѣ по духу человѣкомъ, чѣмъ слушать всякую чепуху въ пользу траты нашихъ средствъ на борьбу съ африканскимъ цезаризмомъ: борьбѣ этой приписывается одинаково, какъ возможность поддержать нашъ престижъ въ свѣтѣ, такъ и невозможность окончиться съ пользой и славой для насъ. Мы съ братомъ говорили о Васъ на-дняхъ, когда я былъ у него, относительно Васъ мы съ нимъ согласны, но онъ мнѣ не сказалъ, что имѣетъ извѣстіе отъ Васъ. Я не часто видаюсь съ нимъ, такъ какъ онъ живетъ въ двадцати миляхъ отъ Лондона и только случайно бываетъ здѣсь. Онъ все еще склоняется къ поѣздкѣ въ Римъ. Между тѣмъ я наслаждаюсь Вашими письмами длинными и короткими".

11-го декабря онъ пишетъ кратко:

„Я имѣю время только просить у Васъ подробностей объ отставкѣ Горчакова и о томъ, что все это значитъ. Но можно быть готовымъ ко всему послѣ увертки Руэри на-дняхъ. Не вижу, почему бы христіане на Критѣ были менѣе достойны покровительства, чѣмъ самъ намѣстникъ Христа, и почему не можетъ генералъ Игнатьевъ сказать, чтобы турки не присылали никого другого защищать ихъ систему правленія.

Я чрезмѣрно интересуюсь тѣмъ, что происходитъ теперь въ Парижѣ. Больше всего я желалъ бы слышать Вашу критику на разныя рѣчи и проч."

Когда г-жа Новикова отвергала его постоянное довѣріе къ ея мнѣніямъ,—ей было всего 25 лѣтъ, а ему шестьдесятъ пять,—г-нъ Вилліе сталъ разубѣждать ее въ письмѣ отъ 15-го декабря.

„...Не могу понять, почему бы Вамъ быть такъ недовѣрчивой къ себѣ, потому что если Вамъ возможно обмануться въ идеалѣ, созданномъ Вами самой, все же Вы исключительный примѣръ между

обыкновенными смертными, сравненію съ которыми Вы подвергаетесь ежедневно, что должно бы внушить Вамъ довѣріе. Я вполнѣ допускаю, что чѣмъ больше мы знаемъ, тѣмъ больше мы ужасаемся своему невѣжеству, и сознаніе своего ничтожества заставляетъ насъ падать духомъ, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что никто не оцѣнивается въ этомъ мірѣ по достоинствамъ, по крайней мѣрѣ этотъ міръ не главная задача жизни; есть многое другое, и если Вы имѣете смѣлость не дорожить міромъ, Вы можете быть равнодушны къ мнѣнію его тварей. Но такая философія не пріобрѣтается въ одинъ день. Я хочу сказать, что, мнѣ кажется, Вы имѣете гораздо болѣе основаній для увѣренности, чѣмъ тысячи людей, имѣющихъ ее, и Вы сами въ дѣйствительности ее имѣете. Я иногда думаю: большое благо, что нѣкоторые люди не знаютъ, какой вредъ они могли бы приносить, и удивляюсь ихъ воздержанію, въ особенности, когда вижу самодовольство мужчинъ"...

Между декабремъ и февралемъ промежутокъ въ перепискѣ Вилліе пополненъ слѣдующимъ письмомъ лорда Кларендона отъ 4 января 1868 г. изъ Неаполя:

„Дорогая M-me Novikoff. Надѣюсь, что этотъ годъ принесетъ Вамъ всякое благополучіе, какое Вы только можете пожелать, а такъ какъ нельзя обойтись безъ маленькаго эгоизма, я долженъ надѣяться для себя самого, что этотъ годъ не пройдетъ, не доставивъ мнѣ удовольствія снова пожать Вашу руку. Прошлый годъ мнѣ былъ благопріятенъ, потому что онъ мнѣ доставилъ знакомство съ Вами.

„Везувій еще не погасъ, но гораздо менѣе грандіозенъ, чѣмъ былъ двѣ недѣли назадъ. Вездѣ слышно объ ураганахъ и всякихъ бѣдствіяхъ: физическій міръ кажется такимъ же свихнувшимся, какъ политическій, вездѣ духъ безпорядка и пренебреженія къ власти. Италія не дѣлаетъ, конечно, исключенія изъ общаго порядка вещей. Императоръ, король и папа въ одинаковомъ затрудненіи. Г-жу Моллъ я немного знаю и нахожу ее очень оригинальной и прелестной. На слѣдующія шесть недѣль мой адресъ Римъ poste restante, и я былъ бы очень счастливъ получить письмо отъ Васъ, чтобъ узнать, какъ Вы поживаете и какъ веселитесь въ родной странѣ. Вашъ искренно

Кларендонъ".

Г-жу Новикову, повидимому, тревожилъ слухъ, что пребываніе лорда Кларендона въ Римѣ означало его скрытую симпатію къ католицизму. Она объ этомъ пишетъ г-ну Вилліе, и онъ отвѣчаетъ 22 февраля 1868 г.

„Я радъ услышать, что онъ не католикъ, чѣмъ бы другимъ онъ ни былъ. Братъ не въ Парижѣ, какъ Вы могли думать изъ газетъ, которыя пишутъ, что онъ тамъ. Онъ еще съ Его Святѣйшествомъ

и двинется только въ концѣ мѣсяца. Насъ заботитъ болѣзнь лорда Дерби, положеніе котораго возбуждаетъ особый къ ней интересъ".

Лордъ Дерби, тогдашній премьеръ, выздоровѣлъ. Онъ умеръ въ октябрѣ 1869 г. За годъ до смерти онъ вышелъ въ отставку, чтобъ предоставить мѣсто первому министерству Гладстона, въ которомъ лордъ Кларендонъ былъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ.

Переписка г-жи Новиковой съ лордомъ Кларендономъ поддерживалась до его смерти. Въ 1867 г. они обмѣнялись фотографіями, при чемъ лордъ Кларендонъ извинялся, что его послѣдній портретъ отъ 1851 г. 7-го октября онъ писалъ ей изъ Гровъ-Ватфорда похвалы объ умѣньи ея владѣть нашимъ языкомъ:

„Я былъ очарованъ Вашимъ письмомъ и не могу достаточно надивиться Вашему характерному англійскому языку, въ самомъ дѣлѣ, поразительному. Скажите мнѣ, какъ и гдѣ Вы дошли до такого совершенства? Была ли у Васъ няня англичанка, или Вы жили много въ обществѣ англичанъ".

7-го февраля 1868 г. Кларендонъ пишетъ изъ Рима.

„Дорогая M-me Novikoff, я получилъ и очень благодаренъ за Ваше забавное письмо отъ 22 января. Надѣюсь получить другое, такъ какъ мы, вѣроятно, останемся въ Римѣ долѣе, чѣмъ мы сначала предполагали, вслѣдствіе событія очень меня интересующаго и благодаря которому я льщу себя тщеславной надеждой; Вамъ будетъ пріятно узнать, наша младшая дочь Эмилія выходитъ замужъ за г-на Одо-Руссель[1]), о немъ Вы, можетъ быть, слышали, такъ какъ онъ нашъ дипломатическій представитель здѣсь и кромѣ того пользуется какой-то всесвѣтной популярностью. Онъ не богатъ матеріальными благами, но очень богатъ всѣми качествами, которыя могутъ составить счастье женщины, потому что онъ не только умепъ, воспитанъ и съ большимъ образованіемъ, но самый милый и добросердечный изъ людей: въ этомъ я увѣренъ потому, что зналъ его еще мальчикомъ. Поэтому лэди С. и я поручаемъ ему наше дорогое дитя съ полнымъ довѣріемъ, хотя (говоря эгоистично) съ большимъ сожалѣніемъ, такъ какъ я просто не знаю, какъ мы будемъ жить безъ нея. Мы должны остаться здѣсь, чтобъ они могли не разставаться, иначе разлука была бы слишкомъ продолжительна, такъ какъ свадьба не можетъ быть раньше средины мая, потому что мои двѣ старшія дочери неудобно устроились съ своими родами въ апрѣлѣ, а безъ присутствія своихъ сестеръ Эмилія считала бы свой бракъ незаконнымъ. Я надѣюсь, что этими семейными подробностями я не слишкомъ самонадѣянно утомляю Ваше

[1]) Г-нъ Одо-Руссель, братъ 9-го герцога Бетфорда, родился въ 1829 г., былъ сдѣланъ лордомъ Аммтиль въ 1881 г., умеръ въ 1884 г.

вниманіе. Одо—племянникъ лорда Руссель, такъ что я, наконецъ, буду имѣть зятя вига. Мои старшія дочери, довольно странно случилось, замужемъ одна за сыномъ, другая за племянникомъ лорда Дерби.

„Погода была у насъ отвратительная и такая же была въ Неаполѣ: во всей Европѣ, повидимому, зима была очень суровая, и міръ вообще въ разстройствѣ нравственномъ, общественномъ и духовномъ. Италія очень болѣетъ, Франція въ броженіи, Англія тревожна, а неистовство къ усиленному вооруженію, охватившее всѣ правительства, заставляетъ дрожать за сохраненіе мира, нужнаго и желательнаго для всякой націи. Плачевно думать, какъ счастіе и благоденствіе милліоновъ людей зависитъ отъ воли, отъ каприза, отъ состоянія здоровья, даже полдюжины лицъ, которыя случайно управляютъ нашими судьбами. Опасность войны между Франціей и Пруссіей утихаетъ въ настоящее время, но Востокъ имѣетъ еще угрожающій видъ. Тамъ однако событія могутъ быть управляемы Россіей. Если она не будетъ слишкомъ рѣзка съ султаномъ и приметъ во вниманіе его затрудненія и прикажетъ Сербіи сидѣть спокойно и не будетъ поощрять безпокойное стремленіе славянъ къ національности, все будетъ мирно, но если нѣтъ, то мира не будетъ—и велика будетъ ея отвѣтственность, если она вольетъ масла въ огонь. Правительство папы спокойно ждетъ окончанія дѣлъ въ Италіи, но думаю, что будетъ разочаровано. Старшій сынъ лэди Станлей обратился въ магометанина, а теперь, кажется, буддистъ, онъ странный человѣкъ, хотя скорѣе умный.

Вѣрьте моей искренней преданности

Кларендонъ".

Замѣчательное письмо, первое, въ которомъ упоминается о вопросѣ усиленія вооруженій, вопросѣ, въ которомъ г-жѣ Новиковой суждено было проявить нѣсколько активный интересъ сорокъ лѣтъ спустя. Неистовство къ усиленію вооруженія было тогда легкимъ припадкомъ той болѣзни, которая въ наше время достигла гигантскихъ размѣровъ. Наша армія и флотъ стоили намъ въ 1863 г.—25.000.000 фунтовъ, а въ 1905 г. они стоили 66.000.000 фунт.

Г-жа Новикова отвѣчала на письмо поздравленіемъ лорда Кларендона по случаю предстоящаго замужества его дочери. Лордъ Кларендонъ пишетъ:

„Дорогая M-me Novikoff.—Я получилъ Ваше письмо отъ 19-го февраля, за которое очень благодарю, я вижу изъ него, что по репутаціи Вы знаете Одо-Руссель, и что онъ Вамъ нравится: онъ вполнѣ заслуживаетъ ту всеобщую популярность, которой пользуется.

„Я не могу похвастаться большими свѣдѣніями о томъ, что происходитъ въ мірѣ, и даже не читаю аккуратно газетъ, такъ какъ

многія запрещены совсѣмъ, а другія часто арестуются полиціей, если въ нихъ что-нибудь непріятное для папскаго престола. Поэтому, если я не совсѣмъ стою на Вашей точкѣ зрѣнія о русской политикѣ, Вы должны это приписать моему невѣдѣнію. Я считаю вполнѣ невѣроятнымъ, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ Россія начала войну или желала бы захватить Турцію или покусилась бы на рискованное и дорого стоющее предпріятіе, но что бы она смотрѣла съ полнымъ равнодушіемъ на смуты на Востокѣ, причиняемыя другими, я считаю вполнѣ правдоподобнымъ, и не могу повѣрить, чтобъ сербскій принцъ дѣлалъ приготовленія, возбуждающія къ войнѣ безъ санкціи Россіи. Россія, можетъ быть, можетъ по чистой совѣсти сказать, что она не совѣтовала такихъ мѣръ, но можетъ ли она заявить, что хотя бы однимъ словомъ она ихъ порицала или остановила? Если бъ она это сдѣлала и даже теперь проявила бы свой авторитетъ, принцъ сидѣлъ бы тихо, какъ мышь. Я не изъ категоріи тѣхъ, которые ни въ грошъ не цѣнятъ Россіи, потому что я знаю, какіе элементы величія она заключаетъ въ себѣ, и знаю, что если она предастся развитію своихъ средствъ и укрѣпленію своего могущества, а не поддастся алчности завоеваній, она должна будетъ стать величайшей націей въ мірѣ.

Для того ли, чтобъ изучать буддизмъ лорда Станлея и разсматривать зародышъ христіанства, могущаго въ немъ содержаться или по какой бы то ни было причинѣ, но я надѣюсь, что вы пріѣдете въ Англію въ этомъ году. Искренно вашъ

Кларендонъ".

Въ домашнюю политику лордъ Кларендонъ не особенно вдавался. Я нахожу только одну ссылку. Въ письмѣ отъ 10 іюля 1868 г. относительно предстоящихъ общихъ выборовъ:

„Вопросъ отдѣленія Ирландской церкви отъ государства полонъ затрудненій. Много пройдетъ времени до его установленія. Онъ будетъ играть мрачную роль на предстоящихъ выборахъ, такъ какъ ничто такъ не раздражаетъ въ политикѣ, какъ религія.

Въ 1868 г. г-жа Новикова въ первый разъ посѣтила Англію, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ квартиру своей бывшей гувернантки въ Olga House, St. Mary Crescent Regent's Park. „Зачѣмъ Вы поселяетесь въ такой необычайной мѣстности?" писалъ ей лордъ Кларендонъ [1]). Въ слѣдующемъ году она жила 9 Chapel Street Belgrave Square, куда она прибыла вскорѣ послѣ того, какъ лордъ Кларендонъ получилъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ въ первый

[1]) Повидимому, г-жа Новикова имѣла пристрастіе къ Ридданъ с' Паркъ. Въ позднѣйшее время она возвратилась къ своему любимому мѣсту и нѣсколько лѣтъ занимала домъ 4 Brunswick Place Regent's Park.

разъ въ новомъ кабинетѣ Гладстона. Въ этомъ же году г-жа Новикова впервые гостила въ Roxborough Castle въ Ирландіи.

Ни одинъ изъ корреспондентовъ г-жи Новиковой не былъ такъ ей вѣренъ и не обладалъ такимъ дурнымъ почеркомъ, какъ г-нъ Чарльсъ Вилліе, кромѣ Бейста, отличавшагося въ особенности послѣднимъ. Она, очевидно, имѣла на него вліяніе, которымъ пользовались по временамъ его друзья и родственники. Лордъ Кларендонъ, напримѣръ, упрашивалъ г-жу Новикову побудить его брата Чарльса принять титулъ пэра. Это однако оказалось выше ея силъ. Г-нъ Вилліе не только сопротивлялся искушенію, но и гораздо болѣе тонкимъ вліяніямъ убѣжденій г-жи Новиковой. „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ рѣшительно. „Не милордъ и не свѣтлость“ подобно Сидне Губерту, котораго однако убѣдили „посмотрѣть, что сдѣлаетъ палата лордовъ для меня въ смыслѣ уменьшенія работы“. Г-нъ Вилліе находилъ нижнюю палату крайне интересной и достойной борьбы въ ней.

Если г-жѣ Новиковой не удалось стараніе убѣдить г-на Вилліе принять достоинство пэра, ей удалось, по счастливой случайности доставить ему богатство. Такъ какъ объ этомъ случаѣ ходили болѣе или менѣе искаженные слухи, г-жа Новикова описала достовѣрный разсказъ о немъ въ письмѣ къ своему другу, который, повидимому, введенъ былъ въ заблужденіе нелѣпыми легендами. Вотъ ея отчетъ въ томъ, что она называетъ невинной шуткой, сдѣлавшей г-на Вилліе богатымъ человѣкомъ.

„Мой другъ, лэди Джильбертъ Кеннеди, разсказала мнѣ, однажды, что тридцать лѣтъ тому назадъ Чарльсъ Вилліе долженъ былъ жениться на очень некрасивой и немного обезображенной, но очень богатой дѣвушкѣ. Эта дѣвица была такъ осторожна, что въ одинъ прекрасный день сказала своему жениху, что она знаетъ, что онъ женится на ней изъ-за ея средствъ, а не изъ-за нея самой. Въ Чарльсѣ Вилліе проявилось его аристократическое достоинство. Онъ взялъ шляпу, раскланялся и объявилъ дѣвицѣ, что послѣ такого замѣчанія не можетъ быть и рѣчи о ихъ супружествѣ. Онъ ушелъ. Странно быть можетъ вамъ покажется, но покинутая дѣвица въ продолженіе тридцати лѣтъ тщетно искала случая его увидѣть, чтобъ помириться съ нимъ. Онъ никогда не встрѣчался съ нею и не давалъ ей возможности видѣть его. И знаете, прибавила лэди Джильбертъ, она его до сихъ поръ любитъ и хранитъ въ сердцѣ память о немъ. О, какъ это хорошо! воскликнула я, совершенный романъ, но я должна придти на помощь. Скажите этой дамѣ (мы были немного знакомы), чтобы она пріѣхала завтракать ко мнѣ завтра, Чарльсъ Вилліе будетъ у меня.

Не менѣе меня лэди Джильбертъ нашла это очень забавнымъ и передала мое приглашеніе. Они встрѣтились у меня, послѣ чего дама

смиренно просила Чарльса Вилліе заѣхать къ ней. Онъ, нѣсколько смѣясь, принялъ приглашеніе. Когда мы остались однѣ, она мнѣ сказала: знаете, M-me Novikoff, онъ совсѣмъ не измѣнился за все это время. Онъ совершенно тотъ же по наружности и по манерамъ. Объ этомъ я, конечно, не могла имѣть мнѣнія, но вѣроятно тридцать лѣтъ назадъ Чарльсъ Вилліе не былъ полусогбенный и полуслѣпой. Между тѣмъ старые влюбленные не только встрѣтились, но вскорѣ и интимность прежнихъ лѣтъ къ нимъ возвратилась. Нѣсколько недѣль спустя, она пришла меня благодарить за все, что я сдѣлала для ея счастья. И вы знаете, она говоритъ, онъ такъ же милъ, какъ всегда. Онъ почти каждый день обѣдаетъ у меня и вчера, о, какъ я была счастлива, „онъ побранилъ дворецкаго за то, что вино было не хорошо“, онъ поступилъ, какъ хозяинъ дома, и я была такъ счастлива, такъ ужасно счастлива, повторяла она, точно школьница. Бѣдная женщина стала надѣяться, что бракъ возможенъ, но Вилліе не согласился на такой смѣлый шагъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ она умерла, оставивъ ему большую часть своего очень большого состоянія. Чарльсъ Вилліе сдѣлался богатымъ человѣкомъ, но къ несчастью онъ также былъ тогда очень богатъ годами. Въ извѣстномъ возрастѣ нужнѣе всего маленькій комфортъ, и Чарльсъ Вилліе позволилъ себѣ завести карету.

Съ нимъ случилось разъ очень непріятное происшествіе. Онъ катался въ Гайдъ-Паркѣ, какъ вдругъ полицейскій останавливаетъ его карету и говоритъ: вашъ кучеръ мертвъ, вѣроятно, нѣсколько минутъ, какъ онъ умеръ; полисменъ взялъ возжи и довезъ испуганнаго старика домой въ Кадаганъ-плесъ. Несмотря на это непріятное событіе, Вилліе очень былъ радъ имѣть возможность въ старости позволить себѣ роскошь собственнаго экипажа“.

Сообщено Е. С. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пребываніе Императора Николая I въ Эчміадзинѣ и въ Тифлисѣ по даннымъ армянскаго археолога.

(Изъ изслѣдованія А. Д. Ерицова [1]): „Католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи“).

Извѣстно, что въ 1722 году, когда Петръ Великій — ведя войну съ персами—добрался до Дербента и Баку, мѣстные армяне съ чистымъ сердцемъ и горячею вѣрою приготовились къ встрѣчѣ великаго Повелителя Россіи, но Императоръ съ береговъ Каспійскаго моря поспѣшно вернулся въ Москву, такъ что надежды и ожиданія армянъ прошли даромъ.

Впослѣдствіи русское владычество хотя постепенно распространялось въ Закавказьи, но Самодержцы болѣе лично не посѣщали Кавказъ, и мѣстныя народности не удостаивались ихъ видѣть у себя.

---

[1]) Александръ Давидовичъ Ерицовъ (онъ же Ерціанъ), археологъ и историкъ, извѣстный своими трудами по кавказовѣдѣнію, родился въ городѣ Тифлисѣ 4-го октября 1841 года.

Законченнаго образованія онъ нигдѣ не получилъ, ни въ среднемъ, ни въ высшемъ учебныхъ заведеніяхъ; онъ былъ самоучка и обладалъ обширными познаніями по историческимъ и археологическимъ наукамъ, благодаря своему неутомимому труду.

Первоначально онъ учился въ Нерсесіанской семинаріи, гдѣ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ; затѣмъ поступилъ въ Тифлисскую гимназію и дошелъ до шестого класса, но по болѣзни принужденъ былъ оставить ученіе. По выходѣ изъ гимназіи поступилъ на государственную службу въ Казенную Палату, гдѣ прослужилъ всего 5 лѣтъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ служилъ также по вѣдомству Управленія Государственными Имуществами.

Въ концѣ 1836 года въ Тифлисѣ вдругъ распространился слухъ, что Императоръ Николай намѣренъ пріѣхать на Кавказъ. Слухъ этотъ оправдался, когда въ мартѣ 1837 года министръ графъ Чернышевъ оффиціально извѣстилъ барона Розена о намѣреніи Импе-

---

Съ 1886 года онъ окончательно покидаетъ всякаго рода службу и всецѣло отдается литературѣ. Его склонности къ литературѣ сказались еще въ гимназическую пору, когда въ шестидесятыхъ годахъ принималъ участіе въ сборникѣ гимназистовъ, гдѣ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Добрые совѣты". Тогда же сотрудничалъ въ армянскихъ газетахъ „Мегу" и „Крункъ".

Въ 1866 году въ Тифлисѣ сталъ выходить еженедѣльный журналъ на армянскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Ваджараканъ", т. е. „Купецъ"; журналъ просуществовалъ всего два года и весь заполнялся статьями Ал. Ерицова самаго разнообразнаго характера; тутъ онъ писалъ и передовицы, и финансовыя статьи, даже медицинскія статьи и вель литературное обозрѣніе.

Но его дѣйствительное призваніе опредѣлилось, когда онъ поступилъ въ Археографическую Коммиссію и былъ избранъ членомъ Общества любителей Кавказской археологіи, предсѣдателемъ котораго въ то время былъ извѣстный ученый археологъ Ад. Берже. Подъ руководствомъ Берже изучалъ древности Закавказья и въ 1870 и 1871 годахъ уже началъ печатать статьи по археологіи на русскомъ языкѣ, касающіяся преимущественно армянской исторіи и древностей.

Въ 1871 году произвелъ изслѣдованія Лорійскаго ущелья по бассейну рѣки Дбедъ, при чемъ выдано было ему въ пособіе на ученыя развѣдки 400 рублей, согласно приказу Великаго Князя Намѣстника Михаила Николаевича. Съ ноября 1872 года Ерицовъ начинаетъ самостоятельно издавать журналъ „Кавказская Старина", посвященный исключительно вопросамъ Кавказской археологіи; изданіе это, составляя въ настоящее время библіографическую рѣдкость, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ и цѣнныхъ статей по археологіи и исторіи Кавказа.

Этого журнала вышло всего восемь нумеровъ. Послѣ прекращенія изданія „Кавказской Старины", Ерицовъ печаталъ свои статьи въ газетѣ „Кавказъ".

Въ 1879 и 1892 годахъ въ „Кавказѣ" напечаталъ двѣ большія статьи, которыя впослѣдствіи вышли отдѣльными выпусками. Первая статья — „Чума въ Закавказьи", а вторая — „Исторія холерныхъ эпидемій въ Закавказьи". Въ 1876 году онъ дѣлается энергичнымъ сотрудникомъ армянскаго журнала „Порцъ". Кромѣ этого принималъ участіе въ составленіи Д. Кобяковымъ книги „Тифлисъ по однодневной переписи 25-го марта 1876 года".

Въ 1877 и 78 годахъ во время русско-турецкой войны былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при главнокомандующемъ войсками. Къ этому времени относятся его интересныя статьи, касающіяся описанія Турецкой Арменіи и напечатанныя въ „Запискахъ" русскаго Географическаго Общества. Въ то время Ерицовъ много сдѣлалъ для ознакомленія казказскихъ армянъ съ бытомъ и положеніемъ своихъ сородичей въ Турціи. Въ

ратора. Немедленно стали готовиться къ встрѣчѣ, и съ этою цѣлью составилась особая коммиссія изъ высокопоставленныхъ чиновъ.

Узнавъ, что Императоръ намѣревается посѣтить и Эчміадзинъ,

восьмидесятыхъ годахъ главнымъ образомъ сотрудничалъ въ мѣстныхъ русскихъ газетахъ: „Кавказъ“ и „Новое Обозрѣніе“. Въ 1883 году онъ помѣстилъ обширную статью въ журналѣ „Живописная Россія“ подъ заглавіемъ: „Историческій обзоръ Закавказья“. Вообще же его статьи разсѣяны по всѣмъ журналамъ и газетамъ того времени—какъ русскимъ, такъ и армянскимъ. Продолжительное время сотрудничалъ и въ мѣстной армянской газетѣ „Ардзаганкъ“. Въ 1894 и 1895 годахъ появляются его обширныя изслѣдованія на армянскомъ языкѣ: „Католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи“ въ двухъ томахъ. Въ 1898 году онъ издалъ на русскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ: „Патріархъ всѣхъ армянъ Нерсесъ V и князь М. С. и княгиня Е. К. Воронцовы въ ихъ частной перепискѣ“. И въ томъ же году напечаталъ на армянскомъ языкѣ книгу: „Исторія армянской во имя патріарха Нерсеса семинаріи“. Изъ позднѣйшихъ статей, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ въ журналѣ „Кавказскій Вѣстникъ“—интересны слѣдующія: „Царевичъ грузинскій Давидъ“ (1900 г., № 1); „Первоначальное знакомство армянъ съ С.-В. Русью“ (1901 г. № 12); „О землетрясеніяхъ на Кавказѣ и въ Передней Азіи“ (1902 г., № 3). Въ послѣдніе годы своей жизни Ерицовъ готовилъ къ печати обширный трудъ, посвященный „жизни и дѣятельности католикоса Іосифа Аргутинскаго-Долгорукаго“, сыгравшаго важную политическую роль въ концѣ 18-го столѣтія. Трудъ этотъ долженъ былъ состоять изъ 4-хъ большихъ томовъ.

Пишущему эти строки пришлось бесѣдовать съ покойнымъ Ерицовымъ лѣтомъ 1901 года въ то время, когда онъ сидѣлъ надъ обработкою матеріаловъ упомянутаго труда; какую громадную важность и значеніе онъ придавалъ этимъ историческимъ документамъ, можно заключить изъ слѣдующаго: показавъ прежде свою библіотеку и многія рѣдкія сочиненія, онъ подвелъ насъ къ столу, гдѣ были тщательно сложены рукописи, и, указывая на нихъ, сказалъ: „я надъ этими матеріалами сижу 30 лѣтъ и часто говорю женѣ своей,—Србухи, если нашъ домъ будетъ горѣть, то сначала бери эти рукописи изъ дому и помѣсти въ безопасное мѣсто, а потомъ выведи нашего единственнаго сына Гарегина“.

Въ этомъ трудѣ Ерицовъ собирался помѣстить обширную переписку католикоса Іосифа съ замѣчательными и выдающимися лицами и дѣятелями того времени; эта переписка можетъ имѣть огромное значеніе не только для армянъ, но и для исторіи Кавказа и Россіи. Она должна была составить продолженіе его интересныхъ изслѣдованій: „Католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи“, изъ II тома котораго мы перевели и дополнили предлагаемую статью: „Пребываніе Императора Николая I въ Эчміадзинѣ и въ Тифлисѣ по даннымъ армянскаго археолога“. Къ сожалѣнію, смерть пресѣкла жизнь этого высоко полезнаго для армянъ писателя и человѣка—прекрасно знавшаго обитателей, древности и развалины Закавказья—и означенный трудъ остался ненапечатаннымъ. Умеръ Александръ Ерицовъ 21 февраля 1902 года, имѣя отъ роду 60 лѣтъ и оставивъ по себѣ добрую память всѣхъ знавшихъ его. *М. Я. А.*

*

католикосъ [1]) поспѣшилъ привести въ порядокъ зданія монастыря, но такъ какъ Эчміадзинскій соборъ не располагалъ средствами для капитальнаго ремонта, то Карбскій прибѣгъ къ посредничеству Розена съ цѣлью получить разрѣшеніе на повсемѣстную среди армянъ подписку для производства вышеупомянутаго капитальнаго ремонта.

По этому поводу между барономъ, католикосомъ и министерствомъ возникла продолжительная переписка, но въ концѣ концовъ желаніе католикоса не сбылось, и верховный патріархъ принужденъ былъ довольствоваться имѣющимися средствами для приготовленія къ встрѣчѣ Августѣйшаго гостя.

Тифлисская консисторія также распорядилась, чтобы городскія армянскія церкви приняли подобающій имъ видъ, поручивъ это дѣло ктиторамъ и конгрегаціи.

Прибавимъ сюда и то, что, слѣдуя предразсудкамъ простолюдиновъ, будто встрѣча на дорогѣ со священникомъ—дурной признакъ, мѣстное русское духовенство строго наказало, чтобы ни одинъ священникъ не показывался на улицѣ за время пребыванія Императора въ Тифлисѣ. Такое же распоряженіе издала и армянская консисторія.

Лѣтомъ 1837 года стало извѣстнымъ, что путешествіе Императора должно состояться осенью, когда Онъ изъ Крыма выѣдетъ въ Редутъ-Кале и черезъ Кутаисъ поѣдетъ въ Сурамъ, откуда отпра-

---

[1]) Въ ту пору верховнымъ патріархомъ католикосомъ всѣхъ армянъ въ Эчміадзинѣ былъ Іоанессъ VIII—Карбскій.

Его Святѣйшество былъ утвержденъ въ санѣ католикоса Высочайшимъ рескриптомъ Императора Николая I 30 іюня 1831 года.

Одновременно съ утвержденіемъ онъ былъ удостоенъ и высокаго ордена Св. Александра Невскаго. Нужно вообще замѣтить, что Іоанессъ Карбскій пользовался благоволеніемъ Императора.

Государь, посѣтивъ Эчміадзинъ въ октябрѣ 1837 года, и, оставшись довольнымъ видѣннымъ тамъ, вновь наградилъ католикоса Іоанесса рыцарскимъ орденомъ Владиміра I степени.

Іоанессъ католикосомъ былъ почти одиннадцать лѣтъ. За время его патріаршества въ Эчміадзинѣ получили осуществленіе два весьма важныхъ вопроса въ духовной жизни армянскаго народа въ Россіи: первый — это „открытіе Эчміадзинскаго Армяно-Григоріанскаго Синода“, и второй—изданіе „Положенія объ управленіи дѣлами армяно-григоріанскихъ церквей въ Россіи“.

Съ изданіемъ „Положенія“ начинается новая эра въ жизни Эчміадзинской обители. Католикосъ Іоанессъ VIII скончался въ 1842 году въ глубокой старости, имѣя отъ роду 80 лѣтъ. *Примѣчаніе переводчика.*

вится въ Ахалцыхъ, Ахалкалаки и Александрополь, отсюда же черезъ Сардаръ-Абадъ отправится въ Эчміадзинъ и Эривань, а послѣ черезъ Делижанъ пріѣдетъ въ Тифлисъ и т. д.

Хотя для упомянутаго путешествія была выбрана осень, какъ самая пріятная пора въ нашемъ краѣ, но сверхъ ожиданія сентябрь и октябрь мѣсяцы того года противъ обыкновенія оказались самыми дождливыми, сырыми и обильными вѣтрами.

Нѣтъ сомнѣнія, что измѣненіе погоды въ такой степени къ худшему отчасти помѣшало наиболѣе торжественной встрѣчѣ Августѣйшаго Путешественника. Наконецъ, 27 сентября 1837 года Императоръ пріѣхалъ изъ Крыма на пароходѣ въ Редутъ-Кале, гдѣ Его уже ожидалъ баронъ Розенъ. Въ числѣ прочихъ сановниковъ Императора сопровождали графъ Орловъ и графъ Адлербергъ.

28 сентября Императоръ былъ въ Кутаисѣ, а 30 достигъ Сурама, откуда черезъ Боржомскій перевалъ направился въ Ахалцыхъ. Грузино-имеретинскій епархіальный начальникъ и вождь [1]) эмигрировавшихъ изъ Турціи армянъ—архіепископъ Карапетъ спеціально пріѣхалъ сюда изъ Тифлиса за нѣсколько дней впередъ, чтобы лично имѣть счастье представить свой народъ могущественному Царю.

Вечеромъ 2 октября Императоръ прибылъ въ Ахалцыхъ и остановился въ армянскомъ архіерейскомъ домѣ, приготовленномъ для Его Величества тѣмъ же архіепископомъ.

Говорятъ, что Императоръ Николай, заранѣе будучи освѣдомленъ о личныхъ качествахъ архіепископа Карапета и объ услугахъ, оказанныхъ имъ Русской державѣ, во время пріема спросилъ архіепископа со свойственнымъ Его Величеству рыцарскимъ благоволеніемъ:

— „Заявите, чего желали бы просить у меня?“

— „Эту маленькую горсть Твоего новаго вѣрноподданнаго армянскаго народа охранилъ и защитилъ своими слабыми силами въ магометанскомъ мірѣ, пока привелъ подъ Твои могущественныя крылья; послѣ этого, Великій Государь, Ты будь его отцомъ и защитникомъ, мой армянскій народъ Тебѣ поручаю и Тебя—Господу Богу“, отвѣтилъ, обнаживъ голову, архіепископъ - „начальникъ“ переселенцевъ.

---

[1]) Тутъ рѣчь идетъ объ армянахъ, переселенныхъ изъ Эрзерума; на мѣстѣ ими управлялъ архіепископъ Карапетъ, который и проводилъ эмигрантовъ въ Россію. *Примѣчаніе переводчика.*

Императоръ—довольный улыбнулся, пожалъ руку епархіальному начальнику [1]) и, обратившись къ своему адъютанту, сказалъ: „онъ дипломатъ“.

Изъ Ахалцыха черезъ Ахалкалаки Императоръ 4 октября достигъ Гимры, гдѣ въ тотъ же день положилъ основаніе русской церкви имени святой Александры и приказалъ городъ именовать Александрополемъ.

Отсюда Его Величество черезъ Мастару направился въ Эчміадзинъ [2]). Въ деревнѣ Мастарѣ Императора встрѣтилъ эриванскій губернаторъ князь Бебутовъ. По вступленіи въ Араратскій край, могущественному Императору съ первыхъ же шаговъ пришлось выслушивать многочисленныя недовольства и протесты жителей за чрезмѣрныя притѣсненія народа. Наивные жители, не владѣя русскимъ языкомъ и не зная законовъ, прибѣгали для иллюстраціи понесенныхъ ими притѣсненій передъ милосерднымъ царемъ къ страннымъ и примѣняемымъ въ персидскихъ областяхъ пріемамъ: они разстилали по дорогѣ солому и хворостъ и поджигали его передъ Императоромъ, желая этимъ сказать, что „вотъ и мы такъ точно сгораемъ отъ рукъ нашихъ властелиновъ“. Когда царь прибылъ въ Сардаръ-Абадъ, одинъ армянинъ представилъ Его Величеству совершенно на голо-общипаннаго, худого пѣтуха.

Удивленному Императору доложили, что молчаливо протестующій хотѣлъ дать понять, что начальствующія лица ихъ довели до дней этого пѣтуха. Изъ Сардаръ-Абада Императоръ направился въ Эчміадзинъ, гдѣ высокаго путешественника ожидалъ католикосъ Іоанессъ вмѣстѣ со своимъ духовнымъ клиромъ.

Приводимъ здѣсь имѣющійся у насъ подлинный кондакъ [3]) католикоса, написанный 30 октября 1837 года на имя грузино-имеретинскаго епархіальнаго начальника архіепископа Карапета, въ кото-

---

[1]) Епархіальный начальникъ архіепископъ Карапетъ удостоился получить отъ Государя Императора золотой наперстный крестъ, усыпанный дорогими брилліантами на золотой цѣпи. *Примѣчаніе переводчика.*

[2]) Эчміадзинъ въ переводѣ съ армянскаго значитъ—„сошелъ Единородный“. По свидѣтельству армянскаго историка—онъ построенъ въ 301 году по Р. Хр. по указанію Самого Спасителя, сошедшаго въ солнечномъ лучѣ къ Св. Григорію, Просвѣтителю Арменіи, и повелѣвшаго построить на этомъ мѣстѣ храмъ. *Примѣчаніе переводчика.*

[3]) Кондакомъ называется грамота католикоса.

Примѣчаніе переводчика.

ромъ его святѣйшество описываетъ оказанный имъ пріемъ [1]) Императору. „Въ 1 часъ дня, 5 октября 1837 года, въ сей знаменательный для армянъ день, при приближеніи Его Величества къ Эчміадзинскому монастырю, мы выѣхали верхомъ навстрѣчу Высокому Путешественнику за версту отъ стѣны монастыря въ рѣкѣ Касахъ въ сопровожденіи преосвященныхъ епископовъ нашихъ и почетныхъ вардапетовъ также верхами, въ сопровожденіи двухъ шатировъ нашихъ и почетной стражи, состоящей изъ 50 лицъ—армянъ, принадлежащихъ Эчміадзину, и двухъ духовныхъ сановниковъ, одинъ съ патріаршимъ посохомъ, а другой съ хоругвью, согласно древнему обычаю престола; впереди же всѣхъ патріаршій конюшій велъ двухъ заводныхъ лошадей подъ богатыми попонами. При приближеніи къ Царю, мы и духовныя лица сошли съ лошадей и привѣтствовали Его Величество съ благополучнымъ пріѣздомъ, а затѣмъ по приглашенію Его опять, сѣвъ верхомъ и, имѣя во главѣ Императора, продолжали шествіе наше въ Эчміадзинскій храмъ, который съ распростертыми объятіями готовъ былъ къ принятію въ лоно свое Высокаго Своего спасителя. Когда процессія подъѣхала къ стѣнамъ монастыря, начался звонъ всѣхъ колоколовъ монастырскихъ и ближайшихъ церквей, и мы, оставивъ Императора, направились въ храмъ надѣть патріаршее облаченіе. Все духовенство наше вмѣстѣ со всей монастырской братіей въ предшествіи высокопреосвященнаго архіепископа Барсега—главнаго настоятеля Эчміадзинскаго престола—въ облаченіи и во всемъ блескѣ своего сана ожидало Высокаго Путешественника на разстояніи одной четверти версты отъ стѣны монастыря и, увидя приближеніе Императора, встрѣтило съ пѣніемъ стихиръ, подобающихъ этой высокоторжественной и радостной церемоніи, и два епископа въ полномъ архіерейскомъ облаченіи поднесли Императору: одинъ—чудотворную икону Божьей Матери, а другой—хлѣбъ-соль и въ такомъ порядкѣ направились въ храмъ Эчміадзинскій.

---

[1]) Пріемъ, оказанный католикосомъ Іоанессомъ Императору (Ср. Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе". СПБ. 1903 г., томъ II, стр. 751).

Описаніе это передается со словъ Императора графомъ А. Х. Бенкендорфомъ такъ. „Со свитою я подъѣхалъ къ знаменитому Эчміадзинскому монастырю, передъ которымъ встрѣтилъ меня армянскій патріархъ Іоанессъ—верхомъ. Сойдя съ лошади, онъ произнесъ рѣчь и потомъ опять, сѣвъ верхомъ, продолжалъ вмѣстѣ со мною шествіе къ стѣнамъ древней своей обители, этого капитолія армянской народности и религіи".

Примѣчаніе переводчика.

Не знаю, смогу ли нарисовать Вамъ сіяніе лицъ всѣхъ присутствующихъ духовныхъ и свѣтскихъ и ихъ слезы радости по поводу присутствія среди нихъ Особы, которому обязаны своимъ благодѣяніемъ и освобожденіемъ вѣры; все это предоставляю Вашему высокопреосвященству представить самому себѣ. Приближаясь къ храму, Императоръ шелъ по пути, усыпанному цвѣтами, начиная съ мѣста ожиданія духовенства до дверей Трдата и отсюда до храма устланному парчей, затканной золотомъ, подъ названіемъ піандазъ—мы въ патріаршемъ облаченіи вмѣстѣ съ двумя епископами также въ облаченіяхъ поднесли Ему приложиться святой крестъ и, призывая на него Божіе благословеніе, окропили святою водою. Войдя въ храмъ и остановившись передъ алтаремъ у мѣста Сошествія, мы вновь поздравили Его Величество съ пріѣздомъ и произнесли привѣтственную рѣчь".

Къ этому описанію слѣдуетъ добавить, что вышеупомянутая рѣчь католикоса Іоанесса въ дѣйствительности не была произнесена въ храмѣ, но, письменно съ ея русскимъ переводомъ, была доведена до свѣдѣнія Императора. За краткостью времени его святѣйшество верховный патріархъ, вмѣсто прочтенія своей рѣчи, ограничился выраженіемъ своихъ благопожеланій.

Послѣ выслушанныхъ благопожеланій Императоръ соблаговолилъ осматривать выставленныя въ церкви древности; объясненія на русскомъ языкѣ давалъ прокуроръ Синода Т. Корганов.

Его Величество потребовалъ, чтобы показали ту старую патріаршую митру, въ которой драгоцѣнные камни были замѣнены стеклами. Императоръ осмотрѣлъ эту митру и выразилъ свое удивленіе, что, считавшіеся дорогими, камни—фальшивы [1]).

Выйдя изъ храма, Его Величество посѣтилъ монастырское общежитіе, гдѣ столъ еще не былъ накрытъ, и члены братіи скромно отложили свой обѣдъ до окончанія Высочайшаго посѣщенія. Пройдя зданіе типографіи, гдѣ не было ни наборщиковъ, ни работниковъ, Императоръ увидѣлъ только два грубыхъ деревянныхъ станка и кое-какую типографскую обстановку. Прокуроръ Синода объяснилъ, что эта типографія вновь учреждена трудами и стараніями католикоса Іоанесса, не упомянувъ объ открытіи въ прошломъ столѣтіи типографіи и бумажной фабрики, блаженной памяти католикосомъ Симеономъ. Мо-

---

[1]) Желающимъ подробно ознакомиться съ объясненіемъ, даннымъ Императору по поводу этой митры, рекомендуемъ обратиться къ „Актамъ Кавказской Археографической Коммиссіи" Ад. Берже.

Примѣчаніе переводчика.

настырскую богатую библіотеку [1]) не показали, такъ какъ запыленныя книги въ безпорядкѣ были свалены въ сундуки и хранились въ ризницѣ. Его Величество изъ типографіи вошелъ въ училище, гдѣ не было ни учащихся, ни учащихъ.

Прокуроръ и тутъ поспѣшилъ пояснить, что католикосъ, будучи основателемъ и этого учрежденія, кладетъ много труда и заботы для процвѣтанія училища, ученики котораго сегодня распущены въ честь Августѣйшаго посѣщенія.

Отсюда Императоръ направился въ Синодъ, гдѣ Его Величество ожидали присутствующіе члены Синода и католикосъ.

Прокуроръ представилъ членовъ Синода каждаго отдѣльно и доложилъ, что католикосъ проситъ прощенія у милостиваго Императора, что портретъ Его Величества, исполненный масляными красками, давно заказанный для присутственнаго мѣста, пока не полученъ и будетъ доставленъ только въ декабрѣ мѣсяцѣ.

— „Вмѣсто портрета вотъ—Я самъ здѣсь“,—сказалъ Императоръ, приблизился къ предсѣдательскому креслу и, не садясь, соизволилъ выразить католикосу Іоанессу Свое благоволеніе за порядки, введенные въ Эчміадзинѣ сравнительно въ короткій срокъ, и пожелалъ, чтобы всѣ армяне пошли по стопамъ главы своей церкви. Затѣмъ, обратившись къ членамъ Синода, имъ также объявилъ Высочайшую волю Свою: „принимать участіе каждому изъ нихъ въ трудахъ Синода по возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, продолжать службу свою на пользу общества, считать своимъ первымъ долгомъ слѣдовать главѣ своему, стремиться впередъ и достигать большихъ успѣховъ на благо общества и церкви“.

Изъ Синода Императоръ въ сопровожденіи католикоса и другихъ

---

[1]) Баронъ Ганъ въ маѣ 1838 года, пріѣхавъ въ Эчміадзинъ для изученія жизни высшаго армянскаго духовенства и положенія монастыря, какъ просвѣщенный человѣкъ, обратилъ вниманіе на безпорядочное положеніе Эчміадзинской богатой библіотеки. По этому поводу заявилъ католикосу, что онъ не уѣдетъ изъ монастыря до тѣхъ поръ, пока библіотека не будетъ помѣщена въ безопасное отъ огня помѣщеніе; также просилъ составить списокъ всѣмъ рукописямъ и книгамъ и выдать ему копію съ этого списка. Предложеніе барона было исполнено, и онъ черезъ нѣсколько дней получилъ копію со списка, которую впослѣдствіи подарилъ СПб. Академіи наукъ; въ 1840 же году извѣстный академикъ М. Броссе эту копію съ списка съ своимъ предисловіемъ напечаталъ и выпустилъ въ свѣтъ на русскомъ и французскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: „Catalogue de la bibliothèque d'Edchmiadzin“ („каталогъ книгамъ Эчміадзинской библіотеки“), содержащій въ себѣ 655 названій рукописей и печатныхъ книгъ.

Примѣчаніе переводчика.

лицъ поднялся въ красиво убранный залъ католикоса, подъ названіемъ: „дзахкеалъ айванъ".

Здѣсь, уединившись съ католикосомъ Іоанессомъ, милостивый Императоръ черезъ прокурора, исполнявшаго обязанности переводчика, спросилъ католикоса: „Чего желаете просить у Меня для благоденствія вашей церкви и паствы?"

— Имѣю двѣ просьбы только,—отвѣтилъ католикосъ Іоанессъ; — одна—оказать могущественное покровительство всегда вѣрному Русской державѣ армянскому народу и другая — наградить моихъ двухъ племянниковъ Тевумовыхъ русскими орденами для пріобрѣтенія ими дворянскаго званія.

— „Больше ничего?" иронически, улыбаясь, спросилъ Императоръ.

— Ничего, отвѣтилъ патріархъ.

— „Скромно, но оригинально!"—замѣтилъ Императоръ и всталъ съ мѣста явно недовольный.

Хотя племянники Тевумовы Іоанесса Карбскаго удостоились полученія орденовъ св. Станислава третьей степени, но Императоръ, несмотря на обѣденное время, не пожелалъ пріобщиться дорогому и пышному столу, приготовленному католикосомъ, и, простившись съ патріархомъ, поспѣшно отправился въ Эривань. Въ моментъ отъѣзда католикосъ Іоанессъ вмѣстѣ со своимъ благословеніемъ преподнесъ Императору маленькій золотой крестъ, въ который были положены части отъ животворящаго креста Господня. На крестѣ было выгравировано на армянскомъ языкѣ слѣдующее: „въ знакъ побѣды спасительный крестъ, да предшествуетъ Тебѣ и Высочайшему роду Твоему противъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ во вѣки вѣчное".

Взамѣнъ этого драгоцѣннаго подарка, который по-днесь хранится въ числѣ святынь въ церкви с.-петербургскаго царскаго дворца, Его Величество изъ Эривани прислалъ подарокъ Эчміадзинскому монастырю за „цѣлованіе креста" 1.000 золотыхъ голландскихъ монетъ (около 3.000 руб.).

Едва выступилъ изъ монастыря царскій кортежъ, какъ начался сильный ливень, продолжавшійся до вечера. Дорога, ведущая въ Эривань, настолько испортилась, что Его Величество былъ вынужденъ оставить экипажъ и сѣсть на лошадь; накрылся кавказскою буркою и сильно мокрый прибылъ въ Эривань, гдѣ немедленно отправился въ находящуюся въ крѣпости русскую церковь, которая до взятія города была главною мечетью персовъ.

Здѣсь, по выслушаніи краткаго молебна, Императоръ вошелъ въ алтарь церкви и сдѣлалъ выговоръ русскому священнику за небреж-

ную сохранность облаченій и церковной утвари, лично Императрицей заготовленной и присланной.

Изъ церкви Его Величество отправился въ спеціально для Него приготовленный бывшій дворецъ сердаря съ красивымъ видомъ на рѣку Зангу.

Около пяти часовъ вечера начался обѣдъ, приготовленный для Высокаго Путешественника, гдѣ также присутствовали баронъ Розенъ, князь Бебутовъ и другія высокопоставленныя лица. Императоръ былъ еще за столомъ, когда передъ дворцомъ послышались шумные голоса собравшейся толпы:

— „Арземизъ варъ, коймирлеаръ“ [1]).

— „Что это за голоса?“—спросилъ Императоръ.

— Народъ выражаетъ свою радость по случаю Вашего благополучнаго пріѣзда—отвѣтилъ Розенъ.

Царь не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и приказалъ графу Адлербергу пойти узнать сущность дѣла. Графъ пошелъ и скоро вернулся, принеся съ собою массу письменныхъ жалобъ. Кончивъ обѣдъ, Императоръ вышелъ лично выслушать жалобы народа. Милостиваго вниманія удостоилъ Онъ жителей-жалобщиковъ относительно тѣхъ несправедливостей, которыя творили шарурскій уѣздный начальникъ фонъ Рентель и сурмалинскій уѣздный начальникъ Невѣровскій.

Очень тяжелыя обвиненія были принесены также и на губернатора князя Бебутова, обременявшаго народъ невыносимыми податями. Императоръ объявилъ свое неудовольствіе губернатору, и князь Бебутовъ въ ту же ночь заболѣлъ отъ горя и слегъ въ постель. Этотъ случай послужилъ причиною перемѣщенія князя Бебутова въ Польшу, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ оставался, не снискавъ Монаршаго благоволенія. Распустивъ народъ и вернувшись въ свою опочивальню, Императоръ не пожелалъ отдыхать въ приготовленной для Него постели, но приказалъ разостлать свѣжую траву на кровать и на ней заснулъ. Въ этой комнатѣ Его Величество на стѣнѣ карандашемъ начерталъ:

„Николай, 5 октября 1837 года“.

Утромъ Императоръ проснулся очень рано и подошелъ къ окну, выходящему на рѣку Зангу, чтобы посмотрѣть на вершину Арарата, но онъ весь былъ въ облакахъ.

---

[1]) „Арземизъ варъ, коймирлеаръ“—на татарскомъ языкѣ — значитъ: „хотимъ подать прошеніе, но не пускаютъ“. *Примѣчаніе переводчика.*

Слѣдуетъ упомянуть, что Императоръ Николай очень лелѣялъ мысль видѣть снѣжную вершину Библейской горы, на которой по преданію остановился Ноевъ ковчегъ, но это желаніе не исполнилось, такъ какъ всѣ тѣ три дня, которые Царь провелъ въ Араратскомъ полѣ, погода была дождливая и густой туманъ окутывалъ „темный Массисъ“ [1]).

— „Я отдалъ Свой визитъ святой горѣ (Арарату), но она закрылась отъ Меня, и Я ее не увидѣлъ; не знаю, сможетъ ли сама видѣть меня въ другой разъ“, недовольнымъ тономъ сказалъ Императоръ и пошелъ осматривать знаменитую Эриванскую крѣпость.

Но сколь велико было Его удивленіе, когда, вспомнивъ богатыя описанія и славные доклады графа Паскевича о неприступности этой крѣпости, вдругъ увидѣлъ простой замокъ, построенный изъ глиняныхъ стѣнъ, который едва-ли устоялъ бы противъ правильной осады.

— Это не то что крѣпость, но простой глиняный горшокъ, за взятіе котораго не стоило Паскевича называть „графомъ Эриванскимъ“, замѣтилъ царь.

Затѣмъ, посѣтивъ военный госпиталь, Императоръ вернулся во дворецъ, гдѣ представились Ему лучшіе изъ жителей. Спустя нѣсколько минутъ Его Величество принялъ наслѣдника персидскаго престола Мирзу Насръ-Эддина, который въ то время былъ въ возрастѣ $7^1/_2$ лѣтъ, а теперь [2]) благополучно царствуетъ въ Персіи.

Его послалъ отецъ шахъ Мухамедъ — въ сопровожденіи Эмиръ-Низамъ Мухамедъ-хана—для привѣтствія и поздравленія Августѣйшаго Путешественника съ благополучнымъ пріѣздомъ. Императоръ, принявъ весьма благосклонно маленькаго престоло-наслѣдника, посадилъ его на Свои колѣна и сказалъ: „запомни этотъ часъ, когда ты сидишь на колѣняхъ Русскаго Императора“ и, снявъ со Своего пальца драгоцѣнное кольцо, положилъ ему въ руку. Отпустивъ персидскихъ посланцевъ, Императоръ отправился въ Эриванскій Окружный судъ, гдѣ засталъ только одного секретаря, потому что какъ

---

[1]) „Массисъ“ это—армянское названіе Арарата, означающее „мать міра“; татары Араратъ называютъ „Агри-Дагъ“, что значитъ „тяжелая гора“, а персы называютъ Араратъ—„Кули-Нухъ“, т. е. „гора Ноя“.

Примѣчаніе переводчика.

[2]) Шахъ Насръ-Эддинъ царствовалъ съ 1848 по 1896 годъ, а подъ „а теперь“ подразумѣвается „1895 годъ“, когда вышло въ свѣтъ изслѣдованіе Ерицова: „Католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи“—томъ II. *Примѣчаніе переводчика.*

губернаторъ князь Бебутовъ, такъ и всѣ члены суда послѣ вчерашнихъ происшествій, отъ горя и страха заболѣли и слегли въ постель.

Его Величество, войдя въ залъ, остановился передъ Своимъ портретомъ, исполненнымъ масляными красками; со строгимъ выраженіемъ лица объявилъ Свое неудовольствіе за укоренившееся взяточничество среди служащихъ и съ угрозою воскликнулъ:—„служите съ усердіемъ и справедливостью, а то совершенно разгоню всѣхъ“.

Страхъ овладѣлъ всѣми присутствующими чиновниками, а Императоръ съ суровымъ видомъ вышелъ изъ зданія суда. Въ тотъ же день Его Величество отправился въ Тифлисъ [1]).

Дождь продолжалъ идти, неустроенныя дороги того времени настолько испортились, что Императоръ вынужденъ былъ оставить экипажъ и на лошади продолжать Свой путь. Такъ верхомъ и, не ожидая сопровождающихъ, одинъ прибылъ Онъ на станцію Делижанъ.

7 октября вечеромъ Императоръ достигъ деревни Кади, находящейся приблизительно въ 25 верстахъ отъ Тифлиса или на разстояніи ѣзды отъ $1^1/_2$—2 часовъ.

На второй день утромъ долженъ былъ состояться торжественный въѣздъ въ столицу Грузіи. Однако по дорогамъ была такая непролазная грязь, что лошади не въ состояніи были сдвинуть экипажи и пришлось запречь буйволовъ и быковъ и очень медленно двигаться впередъ. Вотъ, такимъ образомъ, вечеромъ въ 4 часа Императоръ съ трудомъ доѣхалъ до Тифлиса, за городскою стѣною котораго встрѣтили Его Величество всѣ видные представители города. Въ числѣ прочихъ былъ на лицо и полицеймейстеръ города подполковникъ Ляховъ. Онъ, здѣсь ожидая съ утра, былъ сильно пьянъ,

---

[1]) Названіе Тифлисъ происходитъ отъ грузинскаго слова „тбили“, т. е. теплый. Онъ основанъ въ 455 году по Р. Хр. Изъ множества существующихъ преданій объ основаніи Тифлиса наиболѣе интереснымъ является слѣдующее: тамъ, гдѣ въ настоящее время находится Тифлисъ, 1.500 лѣтъ тому назадъ было расположено небольшое село съ окружающимъ его лѣсомъ; одинъ грузинскій царь охотился въ лѣсу и ранилъ оленя. Раненое животное бросилось къ одному изъ горячихъ сѣрныхъ источниковъ, которыми эта мѣстность изобиловала, обмыло свои раны и, немного подкрѣпившись, исчезло въ густотѣ лѣса. Грузинскій царь, изслѣдовавъ воду, приказалъ заселить это мѣсто и назвалъ его Тбилиси.

Примѣчаніе переводчика.

за что, по Высочайшему повелѣнію, былъ преданъ суду и удаленъ отъ должности. Въѣхавъ въ городъ, Императоръ прежде всего отправился въ грузинскую Сіонскую каѳедральную церковь, гдѣ долженъ былъ молиться. Къ сожалѣнію, двери церкви были заперты, и ключи находились у тогдашняго экзарха Грузіи Евгенія, который, по своему обыкновенію, послѣ обѣда отдыхалъ, и поэтому онъ не успѣлъ выйти навстрѣчу царю. Отсюда Его Величество отправился во дворецъ начальника края барона Розена, но едва вступилъ въ залъ, какъ вдругъ на небѣ сильно загрохотало: въ такую позднюю пору осени этому явленію природы народъ придалъ зловѣщее толкованіе. Слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что хотя со дня пріѣзда на Кавказъ Императоръ благоволилъ и былъ милостивъ къ барону Розену, но впослѣдствіи видѣнное и слышанное во-время путешествія не было въ пользу начальника края. Тѣмъ не менѣе великодушный царь терпѣливо все переносилъ до Тифлиса. Однако здѣсь произошелъ одинъ случай, вызвавшій справедливый гнѣвъ Императора.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по Высочайшему повелѣнію, изъ Петербурга была послана сюда коммиссія, составленная изъ представителей четырехъ министерствъ, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ сенаторъ баронъ Ганъ. Коммиссіи дана была инструкція на мѣстахъ ознакомиться съ нуждами края и изыскать средства для благоустройства администраціи. По прибытіи Царя въ Тифлисъ, на второй день утромъ долженъ былъ состояться смотръ войскамъ, но до смотра Императоръ пожелалъ выслушать докладъ барона Гана относительно собранныхъ имъ свѣдѣній. Ганъ въ присутствіи Розена заявилъ Императору, что зять Розена полковникъ князь Александръ Дадіани, состоящій флигель-адъютантомъ и командующій Карабинернымъ полкомъ, творитъ ужасныя беззаконія: держитъ голоднымъ порученный ему полкъ и солдатъ занимаетъ тяжелыми работами въ свою пользу.

Ганъ письменными документами подтвердилъ, что эти нарушенія извѣстны тестю Дадіани — Розену, но этотъ послѣдній съ умысломъ скрываетъ все отъ высшихъ властей. Розенъ, вынужденный, признался въ своемъ грѣхѣ, но Императоръ отвѣтилъ:

„Этого ужъ не могу простить“. Волею судебъ въ тотъ день на смотръ долженъ былъ явиться полкъ, которымъ командовалъ вышеупомянутый князь Дадіани. Войско было расположено на Мадатовской или, такъ называемой, Кабахской площади, гдѣ нынѣ — Александровскій садъ. Густая толпа народа окружала площадь. Жена барона Розена со своими двумя дочерями, изъ которыхъ одна была

жена того же князя Дадіани, не предвидя предстоящей бури, спроста пришла и расположилась на балконѣ дома армянина — полковника Шамира Меликъ-Беглярова, откуда прекрасно можно было видѣть церемонію смотра. Вотъ, радостныя восклицанія народа потрясли воздухъ и, окруженный высшими сановниками, Императоръ быстрыми шагами приблизился къ войску. На царское привѣтствіе солдаты отвѣтили громкимъ и дружнымъ „ура!“. Когда, наконецъ, наступила тишина, Императоръ, стоя на серединѣ площади, грознымъ голосомъ возгласилъ:

„Розенъ!“

Народъ, которому послышалось, что царь требуетъ „розги“ для наказанія, съ ужасомъ и страхомъ отодвинулся и сталъ убѣгать, но вновь собрался, когда выяснилась сущность дѣла.

Когда баронъ Розенъ приблизился къ царю, Его Величество потребовалъ также и его зятя полковника князя Дадіани. Окинувъ суровымъ взоромъ Дадіани, Императоръ сдѣлалъ ему строгій выговоръ за незаконныя дѣйствія [1]), и, объявивъ, что онъ больше не достоинъ почетнаго званія флигель-адъютанта, приказалъ сорвать съ плеча князя Дадіани золотые аксельбанты и придѣлать ихъ къ плечу тамъ же находящагося сына барона Розена — молодого офицера. Затѣмъ, обратясь къ лишенному званія князю Дадіани, Императоръ строгимъ голосомъ приказалъ: „погнать въ Бобруйскъ“— крѣпость, находящуюся въ Минской губерніи. Князю только разрѣшили проститься со своей супругою, которая въ это время безъ чувствъ лежала на балконѣ Меликъ-Беглярова и, затѣмъ, усадивъ въ заранѣе приготовленный экипажъ, въ сопровожденіи одного жан-

---

[1]) А въ чемъ заключались эти незаконныя дѣйствія, см. соч. Н. К. Шильдера, томъ II, стр. 753 и 754, гдѣ, со словъ Императора, говорится слѣдующее: „Такъ, князь Дадіани, зять барона Розена и мой флигель-адъютантъ, командовавшій полкомъ всего въ 16-ти верстахъ отъ Тифлисской заставы, выгонялъ солдатъ и особенно рекрутъ, рубить лѣсъ и косить траву, нерѣдко еще въ чужихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и потомъ промышлялъ этою своею добычею въ самомъ Тифлисѣ, передъ глазами начальства; кромѣ того онъ заставлялъ работать на себя солдатскихъ женъ и выстроилъ съ своими солдатами, вмѣсто казармы, мельницу, а въ отпущенныхъ ему на то значительныхъ суммахъ даже не подѣлился съ бѣдными нижними чинами; наконецъ, этотъ молодчикъ сданныхъ ему 200 человѣкъ рекрутъ, вмѣсто того, чтобы обучать ихъ строю, заставилъ, босыхъ и необмундированныхъ, пасти своихъ овецъ, воловъ и верблюдовъ. Это было уже черезчуръ, и по дошедшему до меня о томъ первому свѣдѣнію я въ ту же минуту отправилъ на мѣсто моего флигель-адъютанта Васпль-

дарма немедленно отправили въ мѣсто заточенія. Пока все это совершалось, старикъ баронъ Розенъ, склонивъ голову къ груди Императора, проливалъ горькія слезы.

Князь Александръ Дадіани—причиною законопреступленій и гибели котораго послужила отчасти жадность его тещи—жены барона Розена—три года просидѣлъ подъ арестомъ въ крѣпости Бобруйскѣ и, затѣмъ, лишенный чиновъ, орденовъ и княжескаго званія, былъ сосланъ въ городъ Вятку. Черезъ много лѣтъ ему было разрѣшено поселиться въ Москвѣ, а въ 1856 году по случаю коронованія Императора Александра II ему были вновь дарованы прежній чинъ полковника, имѣвшіеся ордена и княжеское званіе безъ предоставленія однако какой бы то ни было должности.

Дадіани скончался въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ.

Императоръ Николай долженъ былъ остаться въ Тифлисѣ четыре дня, но остался только три дня. Въ это время грузино-имеретинскій епархіальный начальникъ архіепископъ Карапетъ лежалъ больной въ Ахалцыхѣ, и поэтому со стороны армянскаго духовенства въ Тифлисѣ никто не представлялся царю; тѣмъ не менѣе тифлисскіе армяне прилагали всѣ усилія проявить Августѣйшему Монарху свои вѣрноподданническія чувства. Всѣ эти дни городъ былъ иллюминованъ и изъ оффиціальнаго отчета благочиннаго мѣстныхъ армянскихъ церквей, находящагося у насъ подъ рукою, мы узнаемъ, что въ каждую ночь на крышахъ нашихъ церквей зажигалось 3.350 фонарей и 79.000 плошекъ. 11 октября наканунѣ отъѣзда Императора изъ Тифлиса во дворцѣ начальника края былъ данъ большой балъ.

Супруга барона Розена отъ сильнаго горя заболѣла и хотѣла отказаться отъ участія на балу, но по приказанію Его Величества поневолѣ принуждена была явиться и даже танцовать. Уже было за полночь, какъ царь удалился съ бала въ свои покои и безъ вся-

---

чикова, изслѣдованіемъ котораго все было раскрыто точно такъ, какъ я вамъ сейчасъ разсказалъ. Въ виду такихъ мерзостей, надо было показать примѣръ строгаго взысканія.

У развода я велѣлъ коменданту сорвать съ князя Дадіани, какъ недостойнаго оставаться моимъ флигель-адъютантомъ, аксельбанты и шифръ, а самого его тутъ же съ площади отправить въ Бобруйскую крѣпость для преданія неотложно военному суду. Не могу сказать вамъ, чего стоила моему сердцу такая строгость, и какъ она меня разстроила; но въ надеждѣ, поражая виновнѣйшаго изъ всѣхъ, собственнаго моего флигель-адъютанта и зятя главноуправляющаго, спасти прочихъ полковыхъ командировъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ подобнымъ же злоупотребленіямъ, я утѣшался тѣмъ, что исполнилъ святой свой долгъ"..

Примѣчаніе переводчика.

каго однако отдыха приготовился ѣхать въ Владикавказъ. Утромъ 10 октября, едва забрезжилось, какъ Императоръ со своею свитою пустился въ дорогу въ Мцхетъ.

Согласно предыдущимъ распоряженіямъ Императоръ въ этотъ день долженъ былъ оставаться въ Тифлисѣ, а поэтому никто изъ мѣстныхъ властей не думалъ и не готовился провожать царя. Самъ баронъ Розенъ—нравственно разбитый и физически утомленный, погруженный въ глубокій утренній сонъ, отсутствовалъ при отъѣздѣ своего Августѣйшаго гостя. Не узнали объ отъѣздѣ и также отсутствовали гражданскіе и военные губернаторы, старѣйшіе и даже городская полиція.

Переѣхавъ черту города и спустившись по скату въ лощину рѣки Веры, экипажъ Императора по неосторожности кучера вдругъ перевернулся; изъ него, къ счастью, здравыми и невредимыми выпли Царь и съ Нимъ сидѣвшій графъ Орловъ [1]).

На этомъ мѣстѣ испытанія—въ память царскаго спасенія—впослѣдствіи водрузили крестъ въ видѣ памятника, сохранившійся и понынѣ. Такъ какъ экипажъ сломался, то Его Величеству пришлось ѣхать верхомъ, и такъ Онъ добрался до Мцхета.

Едва Его Величество догнали въ пути губернаторъ князь Палавандовъ, затѣмъ баронъ Розенъ и другіе.

— „Благодарю, князь, за оказанныя мнѣ почести“,—иронически сказалъ Императоръ князю Палавандову.

---

[1]) Этотъ инцидентъ у Н. К. Шильдера, т. II, стр. 754, со словъ Императора, переданъ такъ: „Я выѣхалъ изъ Тифлиса 12-го октября рано утромъ. Мнѣ дали кучера, который или не зналъ своихъ лошадей, или не умѣлъ ими править. Этотъ дуракъ началъ съ того, что сталъ ихъ стегать передъ спускомъ съ довольно большой крутизны, нѣсколько разъ прикасающейся къ краю бездонной пропасти. Вдругъ лошади понесли. Признаюсь вамъ, что минута была не шуточная. Опасность грозила очевидная, безъ всякаго средства спасенія; я всталъ въ коляскѣ, чтобы пособить кучеру сдержать лошадей, однако напрасно; мнѣ пришла нелѣпая мысль выскочить изъ коляски, но Орловъ разумно догадался удержать меня. Мы уже видѣли передъ глазами смерть, какъ вдругъ сильнымъ толчкомъ опрокинулся экипажъ, и насъ отбросило въ сторону; я перекувырнулся нѣсколько разъ и тѣмъ на этотъ разъ отдѣлался; Орловъ порядочно ушибся; коляска, опрокинувшись, легла на два пальца отъ пропасти, въ которую безъ этого паденія мы неминуемо были бы сброшены; а какъ коляска находилась близко отъ края дороги, доказательство вамъ то, что обѣ уносныя повисли надъ пропастью на однихъ недоуздкахъ, удержанныя единственно тяжестью опрокинутаго экипажа. Мы встали на ноги, немножко ошеломленные нашимъ полетомъ, и возблагодарили Бога за чудесное спасеніе“.

Примѣчаніе переводчика.

Изъ Мцхета Его Величество вновь въ экипажѣ поѣхалъ въ Владикавказъ...

Путешествіе Императора Николая, богатое приключеніями, прекрасно убѣдило Самодержца, насколько эта превосходная страна нуждается въ благоустройствѣ и въ добросовѣстной администраціи.

Вернувшись въ Петербургъ, въ томъ же 1837 году, 30 ноября Императоръ уволилъ барона Розена отъ должности начальника края и взамѣнъ его назначилъ генерала Евгенія Александровича Головина [1]), который для края былъ совершенно новымъ человѣкомъ.

Сообщ. М. Я. Алавердянцъ.

---

[1]) По поводу отставки Головина, а впослѣдствіи и Нейдгардта, мы находимъ довольно интересное пророчество А. П. Ермолова, у А. А. Каспари—„Покоренный Кавказъ“, стр. 452 и 453, изд. 1904 г.

„Разсказываютъ, что смѣненный Розенъ, возвращаясь съ Кавказа, пріѣхалъ въ Москву посовѣтоваться съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, не слѣдуетъ ли ему отправиться въ Петербургъ для объясненій. Алексѣй Петровичъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Погоди немного: скоро вернется Головинъ, и тогда мы всѣ трое поѣдемъ въ Петербургъ...

Дѣйствительно, скоро пришло извѣстіе, что главнокомандующій Головинъ замѣненъ генералъ-адъютантомъ Нейдгардтомъ.

— Нейдгардтъ, видно, что нѣмецъ—замѣтилъ по поводу этого назначенія Ермоловъ,—предусмотрительный—онъ: нанялъ себѣ заранѣе домъ въ Москвѣ и задатокъ далъ—знаетъ, что скоро вернется...

Узнавъ, что Розенъ и Головинъ все-таки собираются въ Петербургъ для дачи объясненій, Алексѣй Петровичъ при первой встрѣчѣ съ ними сказалъ имъ:—знаете ли что, любезнѣйшіе? Не обождать ли намъ Нейдгардта? Онъ, вѣроятно, не замедлитъ пріѣхать. Тогда наймемъ четырехмѣстную карету, да и отправимся всѣ вмѣстѣ въ Петербургъ“...

Примѣчаніе переводчика.

Къ статьѣ Карцова „За кулисами дипломатіи“.

Нѣсколько книжекъ журнала „Русская Старина“ были заняты статьями г. Карцова подъ заглавіемъ „За кулисами дипломатіи“.

Не касаясь чисто дипломатическихъ разсказовъ, правдивость которыхъ лежитъ на совѣсти самого разсказчика и въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, я, какъ человѣкъ посторонній и при томъ же незнакомый ни съ г. Карцовымъ, ни съ г. Снѣсаревымъ, считаю не лишнимъ познакомить читателей „Русской Старины“ съ документомъ, имѣющимъ не меньшую авторитетность, чѣмъ и статьи г. Карцова. Въ статьѣ его говорится между прочимъ слѣдующее:

„Съ генераломъ Никитинымъ Карцовъ не церемонился и въ глаза высказывалъ ему горькую правду. Одинъ изъ сподвижниковъ Никитина, полковникъ Снѣсаревъ не побрезгалъ подать на Карцова *доносъ*,—будто онъ публично напивается пьянымъ. По приказанію Горчакова, совѣтникъ А. С. Энгельгардтъ, по предмету доноса, запросилъ Карцова шифромъ. Тотъ отвѣчалъ приблизительно такъ: „поводомъ къ обвиненію послужилъ завтракъ въ Топчидере. Присутствующіе много пили, въ томъ числѣ князь Миланъ. Почувствовавъ себя не хорошо, я удалился въ кабинетъ родственника князя, Германи, и посидѣлъ немного въ креслѣ“.

То, что г. Карцовъ называетъ доносомъ, врядъ ли можетъ быть названо этимъ именемъ, ибо записка полковника Снѣсарева была подана имъ не тайно и не анонимно, а за его подписью, доложена военнымъ министромъ Государю Императору 15 февраля 1877 года, и на ней рукою Государя написано карандашомъ: „Крайне грустно“.

Такъ какъ записка Снѣсарева не менѣе интересна, чѣмъ разсказы г. Карцова, то не лишне будетъ познакомиться съ нею, тѣмъ болѣе, что она наглядно характеризуетъ и нашихъ добровольцевъ во время пребыванія ихъ въ Сербіи.

*

Генералъ-лейтенантъ Никитинъ пожелалъ, чтобы я пріѣхалъ въ Бѣлградъ ранѣе его и, осмотрѣвшись среди своихъ многочисленныхъ старыхъ знакомыхъ сербовъ, предупредилъ его о положеніи страны и настроеніи вліятельныхъ въ ней лицъ [1]). Исполняя его желаніе, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи четыре дня и доложилъ генералъ-лейтенанту Никитину о томъ, что пріѣздъ его состоялся среди весьма сложныхъ обстоятельствъ.

Готовилась общая перемѣна министерства и, судя по характеру лицъ, предполагавшихся въ составѣ новаго министерства, можно было угадывать, что руководящая мысль въ настоящемъ случаѣ состояла въ желаніи установить политику, слѣдующую исключительно за русскими указаніями. Однако переговоры будущаго премьера со своими будущими товарищами не имѣли рѣшительнаго характера, потому что они не вѣрили въ прочность будущаго министерства и ожидали разъясненія обстоятельствъ послѣ пріѣзда генерала Никитина.

По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ военномъ министерствѣ, исправное ручное оружіе находилось въ числѣ до 25/т. съ патронами, артиллерія—гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ сколько можно употребить при пятидесяти тысячномъ корпусѣ [2]).

Въ народѣ и правительствѣ была общая увѣренность въ томъ, что по окончаніи перемирія—черезъ двѣ, три недѣли—война возобновится, и что театромъ ея будетъ восточная Сербія. Особыми боевыми качествами выдвинулись за прошлую кампанію русскіе добровольцы, сербскія бригады: Валѣвская и Шабацкая, вся артиллерія и, такимъ образомъ, казалось, что уже напередъ извѣстно ядро будущаго восточнаго корпуса или, какъ его тогда называли, Неготинскаго. Въ Чупріи и Крагуэвцѣ дѣятельно шли работы по приведенію оружія въ боевую готовность.

Съ другой стороны извѣстно было, что казна истощена, и что

---

[1]) Длиненъ былъ бы списокъ именъ моихъ старыхъ знакомыхъ въ Сербіи такъ какъ въ числѣ ихъ были бы всѣ имена, пріобрѣвшія хотя какую-либо извѣстность.

[2]) Артиллерію, пострадавшую послѣ кампаніи, исправляли въ Крагуэвцѣ и въ Чупріи, а ружья—въ Чупріи, Ягодинѣ и Пожаровцѣ. Ружья системы Пибоди 6 линейнаго калибра были исправлены въ числѣ до 25 т., и мастерскія успѣвали приводить въ готовность до 500 ружей ежедневно. Исправленныя ружья уже были розданы въ округа Ягодина, Чупріи, Пожаровца, Крагуэвца и Валево, и при каждомъ ружьѣ считалось по 400 патроновъ. Патронныя мастерскія дѣятельно работали. Сверхъ того оставалось на рукахъ у милиціонеровъ, безъ исправленія, до 50 т. ружей, заряжающихся съ дула 7 линейнаго калибра. Исправная артиллерія была въ числѣ 32 батарей корпусныхъ, составомъ въ 182 орудія, по 500 снарядовъ на орудіе и въ общей сложности 100 офицеровъ; сверхъ того 18 батарей милиціонныхъ.

правительство не можетъ по этой причинѣ ни воспользоваться сдѣланными имъ заказами на ружья, аммуницію, платье и обувь, ни даже удержать въ Чуприи и Крагуэвцѣ достаточное число рабочихъ. Вслѣдствіе недостаточнаго числа ихъ становились гадательными всѣ предположенія о числѣ годнаго оружія къ дальнѣйшимъ срокамъ.— Многіе хорошіе офицеры, преимущественно русскіе, уже выѣхали изъ Сербіи [1]), и можно было предвидѣть, что число хорошихъ офицеровъ будетъ весьма недостаточно даже и въ Неготинскомъ корпусѣ.

Люди, близко стоявшіе къ дѣлу [2]), даже сомнѣвались въ достовѣрности цифръ, сообщаемыхъ военнымъ министерствомъ и ими самими, основывая свое мнѣніе на томъ, что администрація Сербіи, вообще, разстроена, и никто не видалъ ни этихъ ружей съ патронами, ни исправленной артиллеріи, никто кромѣ начальниковъ мастерскихъ, которые, легко могло статься, преувеличивали свои заслуги. Впрочемъ, они выражали увѣренность въ томъ, что можно собрать корпусъ тысячъ въ тридцать, исправный во всѣхъ отношеніяхъ, въ теченіе двухъ, трехъ недѣль, изъ бригадъ Валевской и Шабацкой, дивизіи русскихъ добровольцевъ и мѣстныхъ бригадъ: Неготинской и другихъ по близости; въ этомъ случаѣ вся остальная Сербія осталась бы беззащитною, потому что прочіе корпуса были бы совершенно недостаточно вооружены и укомплектованы офицерами, а Неготинскій корпусъ могъ бы держаться дней двадцать, отступая на Кладова, по мѣстности гористой и лѣсистой, весьма благопріятной для обороны. Для устройства переправы черезъ Дунай не имѣлось никакихъ средствъ, кромѣ лѣса, который могъ быть сплавляемъ до Кладова, впрочемъ, съ изрядными затрудненіями.

Тѣмъ временемъ городъ Бѣлградъ представлялъ странный видъ. Общественная жизнь остановилась: не видать на улицахъ ни женщинъ, ни даже статскихъ мужчинъ; только купцы стоятъ у дверей своихъ лавокъ, какъ часовые, съ любопытствомъ выглядывая на происходящее среди улицъ;—на улицахъ пьяные, съ руганью русскіе добровольцы, и среди нихъ иной разъ пьяный же добровольскій офицеръ съ музыкою, извлекаемою имъ изъ скрипки, на ходу; а иной разъ слышенъ хлестъ по мягкому, и пьяный голосъ, и крикъ ребенка: „Русскіе хуже турокъ“, и виденъ опять добровольскій офицеръ, преслѣдующій бѣгомъ, но шаткими шагами, удирающаго отъ него маль-

---

[1]) До пріѣзда генерала Никитина, уже выѣхало изъ Сербіи, начиная съ октября 1876 г., до 1.500 добровольцевъ и въ томъ числѣ около 200 офицеровъ.

[2]) Горошанинъ, Карагичъ, М. Іовановичъ и другіе, начальники позицій и отдѣльныхъ частей.

чишку;—невозможно достать извощика, потому что всѣ они заняты добровольскими же офицерами, катающимися въ „компаніи“; по нóчамъ виднѣлись группы ночной стражи, въ недоумѣніи передъ освѣщенными окнами, изъ которыхъ слышались неистовые вопли, вылетали разбитыя стекла, и виднѣлись опять добровольскіе офицеры въ обществѣ бутылокъ и женщинъ въ растерзанной одеждѣ. Не трудно было догадаться о чувствахъ, возбуждаемыхъ поведеніемъ нашихъ добровольцевъ въ сербахъ (строгихъ въ своей частной жизни) и особенно въ сербскихъ офицерахъ (строгихъ даже во внѣшнемъ видѣ своемъ) [1]).

Полицейская власть бездѣйствовала передъ массою этихъ энергическихъ безобразниковъ. Сами собою поднимались многіе вопросы: такъ какъ въ Бѣлградѣ стояла почти вся дивизія русскихъ добровольцевъ со штабомъ своимъ, то явно было, что дивизія эта представляетъ собою разнузданную массу и за отсутствіемъ въ ней даже тѣни дисциплины, на чемъ могли основываться надежды, на нее возлагаемыя? Оружіе этой дивизіи было въ примѣрномъ безпорядкѣ [2]), одежда недостаточная; какія же деньги такъ щедро проматывались этими оборванцами?

Мнѣ хорошо извѣстны горячія надежды, возлагавшіяся сербами на генералъ-лейтенанта Никитина, потому что военный министръ, начальникъ артиллеріи, начальникъ Главнаго Штаба и прочіе военные сановники, являясь къ нему по первому зову, всегда заходили ко мнѣ, какъ къ старому знакомому.

Нашъ генеральный консулъ, иронически относясь ко всему про-

---

[1]) Впрочемъ, сербы сохранили въ памяти своей много именъ русскихъ офицеровъ, къ которымъ относились съ величайшимъ почтеніемъ. Они замѣтили, что эти „хорошіе“ офицеры были почти всѣ изъ числа пріѣхавшихъ въ послѣднее время кампаніи, а теперь уже всѣ вернулись въ Россію (многіе изъ нихъ убиты). Для меня ясно было, что эти „хорошіе“ были изъ числа нашихъ строевыхъ офицеровъ,—отзывы о нихъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ равно блестящи. Что же касается безобразниковъ, то сербы рѣзко выражались о нихъ: „мы хорошо понимаемъ, что собаки есть всюду, а это русскія собаки“.

[2]) Случайно разговорившись за обѣдомъ въ ресторанѣ съ добровольскимъ подполковникомъ и узнавъ отъ него, что онъ состоитъ штабъ-офицеромъ, осматривающимъ оружіе въ добровольской дивизіи, я просилъ показать одно исправное ружье изъ числа находящихся на рукахъ у людей этой дивизіи. Онъ исполнилъ мою просьбу, и ружье оказалось системы Пибоди въ отвратительномъ видѣ: оно могло дѣйствовать, но было покрыто комьями ржавчины, а въ каналѣ ствола висѣли хлопья отсырѣвшей пороховой грязи.

исходившему, выражалъ презрѣніе къ сербамъ и неодобреніе тому, что генералъ Никитинъ обращается съ ними привѣтливо, а не держитъ „у дверей“ ихъ министровъ.

Добровольскіе начальники дѣятельно увѣряли, что сербы трусы и ненавидятъ русскихъ изъ зависти; трусость ихъ подтверждали обиліемъ крестовъ Такова у русскихъ и относительно малымъ числомъ ихъ у сербовъ; ненависть ихъ подтверждали новѣйшимъ примѣромъ, состоявшимъ въ томъ, что въ одной изъ казармъ бѣлградской цитадели русскіе спятъ безъ соломы на голомъ полу или на гнилой соломѣ, тогда какъ въ той же казармѣ сербы спятъ на кроватяхъ и постеляхъ съ изрядnымъ бѣльемъ.

Сущность всѣхъ этихъ увѣреній состояла въ томъ, что внѣ дивизіи русскихъ добровольцевъ нѣтъ спасенія, чего не сознаютъ „неблагодарные негодяи“ сербы.

Генералъ Никитинъ представилъ князю Милану свою свиту, и при этомъ мы видѣли знамя Дмитрія Донского (о которомъ такъ много шумѣли въ свое время газеты) въ пріемной князя. Его Свѣтлость принялъ всѣхъ очень ласково, а генерала Никитина — какъ мнѣ показалось, весьма почтительно, и тутъ же изложилъ прекрасно положеніе дѣлъ и военныхъ приготовленій Сербіи въ настоящую минуту.

Дня два спустя генералъ Никитинъ сдѣлалъ смотръ дивизіи русскихъ добровольцевъ, былъ встрѣченъ ею восторженно и объявилъ о выдачѣ русскимъ добровольцамъ, по Монаршей милости, жалованія за декабрь. Въ канцеляріи генерала закипѣла работа, состоявшая въ разсчетахъ по выдачѣ жалованія, по заказамъ ружей, патроновъ и обуви. Мобилизація сербской милиціи была уже объявлена.

Начиная со слѣдующаго дня самыя странныя обстоятельства стали обильно появляться и развиваться.

На другой же день послѣ смотра распространился слухъ о томъ, что „дивизія“ хочетъ вернуться въ Россію. Прежде нежели объ этомъ было доложено генералу начальникомъ дивизіи, явился командиръ одной изъ казачьихъ сотенъ и прямо заявилъ генералу, что людей подбиваетъ начальство „уходить“, но что онъ спѣшитъ доложить о томъ, что его люди и онъ желаютъ только одного: исполнять приказанія его превосходительства. На слѣдующій день оказалось, что хочетъ уходить только одна бригада этой дивизіи. Ясно было, что въ дивизіи происходитъ нѣчто смутное, тѣмъ болѣе ясно, что желаніе „уходить“ проявилось такъ необъяснимо некстати. Въ тотъ же самый день начальникъ кавалеріи доложилъ генералу, что сербское правительство перестало отпускать продовольствіе на кавалерію и

что люди ея сегодня ничего не ѣли (былъ уже второй часъ дня). Генералъ выдалъ немедленно изъ собственныхъ денегъ на продовольствіе кавалеріи въ этотъ день и поручилъ мнѣ разъяснить, какъ этотъ случай, такъ и претензію о соломѣ. Оказалось, что сербскимъ правительствомъ было отпущено продовольствіе кавалеріи по положенію на нѣсколько дней впередъ, и что кавалерія израсходовала его однимъ днемъ раньше положенія; что же касается соломы, то, во-первыхъ—постелями съ изрядnымъ бѣльемъ снабжены только люди княжескаго конвоя, его единственной гвардіи (всего одинъ эскадронъ), а во-вторыхъ, массѣ людей, нахлынувшихъ въ Бѣлградъ послѣ дюншинскаго погрома, не только невозможно было доставить такого же комфорта, но даже съ трудомъ можно было получить реквизиціею соломы съ разныхъ крышъ, такъ какъ вслѣдствіе общаго упадка хозяйства въ странѣ, свѣжей соломы вовсе нѣтъ въ ней. Такимъ образомъ, въ заявленіяхъ добровольскаго начальства все болѣе и болѣе выяснялось присутствіе какой-то предвзятой мысли.

Генералъ Никитинъ не колеблясь объявилъ, что добровольцы вольны „уходить“, точно также вольны оставаться.

Генеральный консулъ совѣтовалъ отправлять добровольцевъ на родину цѣлыми командами, ротами и даже баталіонами, но генералъ предпочелъ отнестись совершенно частнымъ образомъ къ ихъ желанію уходить, отпуская каждаго по личному заявленію его и поручилъ это дѣло мнѣ, по слѣдующей причинѣ.

Представители славянскаго комитета въ Бѣлградѣ обратились къ генералу съ коллективнымъ письмомъ, въ которомъ заявили о прекращеніи своей дѣятельности 20 декабря, и просили его назначить лицо для принятія отъ нихъ складовъ и довѣренностей для полученія денегъ и посылокъ, имѣющихъ прибыть на ихъ имя. Порученіе это вмѣстѣ съ полномочіями продолжать ихъ дѣятельность было возложено на меня. Съ той поры, всякаго рода пособія потекли черезъ меня, и вмѣстѣ съ тѣмъ у меня же подъ рукой оказался обильный источникъ для разгадокъ такъ быстро накоплявшихся „странностей“.

Впрочемъ, прежде, чѣмъ однѣ странности стали разъясняться, появилось нѣсколько новыхъ. Я просилъ „представителей“, чтобы кто-либо изъ нихъ участвовалъ въ дальнѣйшемъ веденіи дѣла по крайней мѣрѣ на первое время; ни одинъ изъ нихъ не согласился на это, а на предложеніе совершенно подобное, служащимъ въ канцеляріи и при складѣ, не согласился ни одинъ изъ этихъ мелкихъ исполнителей (за исключеніемъ одного русскаго американца); между тѣмъ одинъ изъ этихъ представителей остался въ Бѣлградѣ даже и

послѣ моего отъѣзда. Счетоводство не было сдано мнѣ, а все цѣликомъ вывезено изъ Бѣлграда. Я просилъ, по крайней мѣрѣ, словесныхъ указаній, о бывшемъ направленіи дѣятельности „представителей“ и, не получивъ даже этого, выразилъ удивленіе къ тому, что, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ славянинъ, кромѣ русскихъ добровольцевъ, ничего не получилъ отъ нихъ. На этотъ разъ осталась безъ объясненія и эта „странность“, но невольно я связываю этотъ фактъ, т. е. выраженное мною удивленіе, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что московскіе представители такъ и не передали мнѣ довѣренности, о которой упоминали въ своемъ коллективномъ письмѣ [1]). Въ заявленіяхъ добровольцевъ (всегда устныхъ)—было много поучительнаго, разъясняющаго и интереснаго. Такъ нерѣдко просили у меня совѣта: оставаться или уходить, говоря, что сдастся имъ: уходя теперь, они преждевременно оставятъ дѣло, за которое взялись и о которомъ служили сами они напутственные молебны, но затрудняются они отставать отъ товарищей. Многіе итальянскіе волонтеры-офицеры обращались ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ и, показывали письмо Гарибальди (у всѣхъ одного и того содержанія): „Vous me demandez, cher ami, ce que vous avez à faire. Crévez en combattant les Turcs. Garibaldi“. Ясно было, что воинственный жаръ еще не остылъ по крайней мѣрѣ не у всѣхъ добровольцевъ, и тѣмъ страннѣе было коллективное желаніе „уходить“ въ цѣлой бригадѣ.

Тѣмъ временемъ уже совсѣмъ приблизился конецъ перемирію. Свѣдѣнія о мобилизаціи получались дурныя; такъ говорили, что какой-то баталіонъ милиціи сплошь запасся бѣлыми платками, съ цѣлью воспользоваться ими при встрѣчѣ съ непріятелемъ, какъ парламентерскимъ сигналомъ для уклоненія отъ боя и опасностей. Бѣлградскіе добровольцы наступали на генерала Никитина весьма дѣятельно, съ просьбами нерѣдко похожими на требованія и довольно однообразнаго содержанія, а именно: объ уплатѣ за нихъ долговъ разнымъ трактирщикамъ.

Среди всей этой сумятицы произошелъ уже совсѣмъ странный случай. Произошелъ утренній фестивалъ за городомъ, данный начальникомъ русской кавалеріи съ участіемъ нашего генеральнаго консула и князя Милана и безъ участія генерала Никитина непри-

---

[1]) Что касается складовъ, то всего принято мною въ нихъ: полушубковъ—338, шпнелей—1.856, сапогъ—302 пары, фуфаекъ—29, утиральниковъ—12, чаю—23 ящика, водки—23 бутылки, сахару—3 ящика, самоваровъ—4, сабель—36, съделъ—24, именныхъ посылокъ—6, неизвѣстно чей саквояжъ—1, деньги при именныхъ спискахъ—1.135 рублей.

глашеннаго. Фестивалъ этотъ уже совсѣмъ походилъ на демонстрацію начальника кавалеріи, основанную на томъ, что генералъ Никитинъ, сдѣлавши смотръ пѣхотѣ, не смотрѣлъ кавалерію: „Вы-де насъ не хотите знать, а мы Васъ“. Но какъ объяснить было участіе консула и князя и даже ихъ тосты и рѣчи на этомъ фестивалѣ? Скоро все это объяснилось. Въ тотъ же вечеръ генералъ-лейтенантъ Никитинъ поручилъ мнѣ переговорить обо всемъ происходящемъ въ Бѣлградѣ съ командиромъ той бригады русскихъ добровольцевъ, которая не пожелала „уходить“. Человѣкъ извѣстной фамиліи, джентльменъ по виду, пожилой, съ глазами умными и быстрыми, появился по дѣламъ вмѣстѣ со своими товарищами (ихъ было всего пять добровольскихъ полковниковъ) и отличался отъ нихъ особенно тѣмъ, что упорно молчалъ, тогда какъ другіе постоянно увѣряли въ чемъ-либо; въ этомъ отношеніи онъ составлялъ пріятную противоположность съ начальникомъ кавалеріи.

Обратившись къ нему безъ всякихъ обиняковъ во имя знамени, которому мы всѣ присягали, я получилъ отъ него такое искреннее объясненіе, что мнѣ оставалось только просить его о повтореніи тѣхъ же объясненій передъ генераломъ Никитиномъ, что онъ и исполнилъ въ ту же ночь. По его мнѣнію, движеніе между добровольцами было систематическою агитаціей съ цѣлью добиться возвращенія въ Сербію Черняева;—сдѣлать очевиднымъ, что съ Никитинымъ толку не будетъ, а напротивъ растетъ безтолковщина;—предполагалось, что самъ Никитинъ будетъ поставленъ въ необходимость или вызвать Черняева, или отстраниться и, такимъ образомъ, открыть поле, которое занялъ бы Черняевъ;—не ожидали преторіанцы, что Никитинъ такъ мало оцѣнитъ ихъ присутствіе въ Сербіи, какъ это оказалось изъ готовности его всѣхъ ихъ отпустить, и озлились;—въ качествѣ агитатора особенно выдвинулась личность начальника кавалеріи. Однако это объясненіе не объясняло весьма важныхъ фактовъ: ни участіе въ фестивалѣ князя Милана и нашего консула, ни совмѣстности совѣтовъ нашего консула о скорѣйшемъ выпроваживаніи добровольцевъ, съ его тѣсными связями между ними, особенно же съ начальникомъ кавалеріи; къ тому же привлеченіе къ интригѣ самого князя и умѣніе „хоронить концы“ указывало на большую ловкость и опытность, которыя, повидимому, превосходили умственныя способности лица только-что указаннаго. На мое замѣчаніе объ этомъ мой собесѣдникъ отвѣтилъ вопросомъ: „Кого же вы предполагаете вдохновителемъ?“ „Самого нашего консула“, сказалъ я (и получилъ впослѣдствіи выговоръ отъ генерала Никитина за излишнюю откровенность). Онъ соображалъ нѣкоторое время и потомъ сказалъ: „Я думаю иначе—во всякомъ случаѣ близко отъ вашего предположенія,—

но еще не имѣю твердаго убѣжденія въ этихъ мысляхъ, а завтра полагаю, что буду въ состояніи имѣть его“.

На другой день рано утромъ принесъ мнѣ отъ него записку одинъ изъ добровольскихъ офицеровъ, личность тоже довольно странная: маленькій, чахлый, нервный, съ тонкими чертами лица и вялыми, но умными глазами; видалъ я его еще прежде въ качествѣ одного изъ агентовъ славянскихъ „представителей“. Въ запискѣ было сказано, что господинъ этотъ въ состояніи объяснить недосказанное вчера. Генералъ Никитинъ поручилъ мнѣ же переговорить и съ нимъ, а онъ, сказавъ нѣсколько словъ о положеніи дѣлъ въ Бѣлградѣ (вполнѣ согласно вчерашнему разговору) и произнеся новое слово „черняевщина“, вслѣдъ за тѣмъ указалъ на лицо, пріѣхавшее вмѣстѣ съ генераломъ Никитинымъ, въ качествѣ самаго близкаго его помощника; объ этомъ лицѣ онъ разсказывалъ, что въ самый день своего пріѣзда (въ тотъ же день пріѣхалъ и генералъ Никитинъ) имъ собраны были у себя на квартирѣ всѣ пять добровольскихъ полковниковъ, и онъ объявилъ имъ слѣдующее: „наше дѣло пропало, не вѣрьте Никитину, что бы онъ ни обѣщалъ“. О себѣ говорилъ этотъ маленькій человѣкъ, что онъ ведетъ въ Сербіи свои записки, съ цѣлью собрать данныя для исторіи, и поэтому, желая знать истину, организовалъ цѣлую систему, вслѣдствіе которой ему хорошо извѣстно, кто, съ кѣмъ и въ какихъ находится сношеніяхъ. О начальникѣ кавалеріи онъ говорилъ только, какъ объ усердномъ агентѣ „черняевщины“ въ рукахъ упомянутаго лица, всякое утро получающемъ отъ него вдохновеніе. О консулѣ не было произнесено ни слова. — Господинъ этотъ скоро выѣхалъ изъ Сербіи, и я не видалъ его болѣе. Его объясненіе было баснословно, но дѣйствительно „близко къ вашему предположенію“, какъ вчера было сказано; потому, что всѣмъ извѣстны были почтительныя отношенія консула къ этому лицу. Что касается баснословія, то уже такъ много обнаружилось странностей въ Бѣлградѣ, что онѣ перестали удивлять; много разсказывали баснословнаго; такъ напримѣръ говорили, впрочемъ не иначе, какъ по секрету, что на крестинахъ князя Милана нашъ консулъ, заступая въ качествѣ крестнаго отца, мѣсто Государя Императора, предложилъ тосты: первый за здоровье Его Величества, а второй за здоровье генерала Черняева; очевидно, что фактъ этотъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ невѣроятенъ.

Участіе князя Милана въ кавалерійскомъ пиршествѣ объяснилось слѣдующимъ образомъ. Князь Миланъ катался въ коляскѣ въ тѣхъ мѣстахъ, и, увидѣвъ его, нашъ консулъ и полковникъ Дохтуровъ (бывшіе въ числѣ приглашенныхъ) верхомъ догнали его и просили почтить празднество своимъ присутствіемъ.

Два дня спустя послѣ этого празднества, генералъ-лейтенантъ Никитинъ сдѣлалъ смотръ кавалеріи и видѣлъ ее въ жалкомъ видѣ, за исключеніемъ одного „черняевскаго“ эскадрона, бывшаго въ прекрасномъ порядкѣ. Слѣдующимъ утромъ онъ неожиданно выѣхалъ изъ Бѣлграда, сообщивъ мнѣ только то, что онъ вызванъ по Высочайшему повелѣнію.

Если вѣрить разсказу самого нашего консула о его собственныхъ приключеніяхъ, то вечеромъ того дня, въ который происходилъ кавалерійскій фестивалъ, случился съ нимъ совсѣмъ скверный анекдотъ (гораздо хуже „сквернаго анекдота“, разсказаннаго Достоевскимъ). Анекдотъ этотъ до такой степени скверенъ, что я весьма жалѣю о необходимости изложить его, вытекающей изъ того, что онъ не могъ остаться безъ вліянія на послѣдующія обстоятельства и съ другой стороны проливаетъ свѣтъ на предшествующія.

Въ этотъ вечеръ князь желалъ видѣть консула, о чемъ и предупредилъ его заблаговременно. Въ назначенный часъ консулъ пріѣхалъ во дворецъ (конакъ) прямо съ фестивала. О немъ пошли доложить князю, а самъ онъ отправился къ дверямъ пріемной, но, подходя къ нимъ и почувствовавъ дурноту съ головокруженіемъ, повернулъ въ сторону; дежурный камердинеръ князя поспѣшно отворилъ дверь, къ которой онъ, повидимому, безсознательно направился, и едва онъ вошелъ въ эту дверь, какъ отдалъ природѣ долгъ пьянаго человѣка; потомъ онъ сѣлъ на диванъ, чувствовалъ смутно себя и заснулъ. Проснувшись, онъ замѣтилъ, что подъ головою его была подушка, а на столѣ у дивана часы и ночникъ. Ему казалось, что онъ дома, но смущалъ его портретъ князя Милана, висѣвшій на стѣнѣ, какъ разъ противъ дивана и слабо освѣщенный мерцавшимъ ночникомъ; — смущалъ потому, что, помнилось ему, въ его кабинетѣ былъ на соотвѣтствующемъ мѣстѣ портретъ Государя. Смущенный этимъ портретомъ, онъ еще осмотрѣлся и догадался, что находится на половинѣ княгини Натальи, тогда онъ собрался уходить, но едва поднялся, какъ еще разъ отдалъ тотъ же долгъ природѣ, чувствуя себѣ не хорошо и, увидя передъ собою кровать, онъ направился къ ней, съ цѣлью поискать посудину подъ кроватью; едва успѣлъ онъ наклониться, какъ еще разъ и на этотъ разъ уже на кровать—отдалъ тотъ же долгъ природѣ. Послѣ этого наконецъ онъ собрался съ силами и ушелъ домой.

Несчастный князь и несчастная княгиня, вынужденные переносить почтительно такіе анекдоты.

Коснувшись того, что приходится переносить почтительно князю и княгинѣ, я снова вынужденъ сказать, — на этотъ разъ со словъ

супруги нашего консула—о другомъ анекдотѣ, произведеніомъ ею самою. Однажды на вечерѣ у княгини, супруга нашего консула высказала въ разговорѣ съ княгиней, что въ Бѣлградѣ нѣтъ общества, за исключеніемъ дипломатическаго кружка, до такой степени, что некому даже визитъ сдѣлать. Княгиня отвѣтила, что не раздѣляетъ этого мнѣнія и во всякомъ случаѣ не должна его имѣть, потому, что носитъ званіе Сербской Княгини. Ея собесѣдница, продолжая развивать свою мысль, отзывалась презрительно и насмѣшливо о манерахъ и замкнутой жизни сербскихъ дамъ. Княгиня отвѣтила, что ей извѣстны въ числѣ сербскихъ дамъ нѣкоторыя, которыя умѣютъ держать себя лучше многихъ, считающихъ себя умѣлыми. Ея собесѣдница сочла слова эти намекомъ на себя и разразилась негодованіемъ, въ которомъ высказала, что сербской княгинѣ лучше бы не забываться передъ супругами представителей Имперіи. Княгиня смолчала, и собесѣдница ея трубила побѣду, даже много времени спустя, какъ можно судить по самому факту разсказа ея. — Мудрено предположить, что нѣкоторыя изъ Бѣлградскихъ „странностей“ не были прямымъ слѣдствіемъ этого случая, такъ: коляску супруги консула конвоировали на прогулкахъ добровольскіе офицеры верхами въ конкурренцію съ конвоемъ у коляски княгини Наталіи, состоящимъ изъ дежурной команды конвойнаго эскадрона; — отсюда надобность ноухаживать за добровольцами вообще, а за кавалеріей въ особенности, что̀ и выразилось поднесеніемъ штандарта этою дамою одной изъ кавалерійскихъ частей, и многое другое.

Съ отъѣздомъ генералъ-лейтенанта Никитина начинанія его заглохли, потому что никто изъ оставшихся въ Бѣлградѣ лицъ не имѣли правъ, ему Высочайше дарованныхъ. Старшимъ послѣ его остался полковникъ Дохтуровъ, который тоже уѣхалъ, менѣе чѣмъ недѣлю спустя, пролежавъ въ постелѣ по болѣзни почти все это время. Въ самый день отъѣзда генерала, меня посѣтили сербскій митрополитъ (мой старый знакомый) и „старый Стевка“ (едва извѣстный мнѣ), этотъ сербскій Мадзини съ физіономіей Мазепы. Оба они весьма интересовались причинами отъѣзда генерала и повторяли, въ видѣ вопроса, свои сѣтованія: „неужели Россія оставитъ насъ?“ — Визитъ Стевки не предвѣщалъ ничего хорошаго, и совмѣстность этого визита съ визитомъ митрополита много удивила меня; впрочемъ могло статься, что эта совмѣстность была простою случайностью.

За все это время случилось только два замѣчательныхъ обстоятельства. Одно изъ нихъ состояло въ томъ, что Черняевъ прислалъ

на новый годъ, черезъ посредство Дохтурова, князю свой большой фотографическій портретъ, а княгинѣ подражаніе подушкѣ изъ живыхъ цвѣтовъ; въ углахъ ея помѣщались великолѣпныя бѣлыя камеліи, на лепесткахъ которыхъ было написано: „съ новымъ годомъ—поздравляю. Михаилъ Черняевъ“. Многіе, приносившіе свои поздравленія князю, а въ томъ числѣ и мы — бывшая свита генерала Никитина — съ любопытствомъ разсматривали эти интересные предметы. Другое обстоятельство состояло въ томъ, что заявленіе добровольцевъ въ моей канцеляріи—этотъ барометръ погоды, происходившей на ихъ душѣ — обнаруживалъ новое явленіе: сожалѣніе объ отъѣздѣ генерала Никитина и озлобленіе на Дохтурова.

Старшимъ остался я, безъ всякихъ инструкцій и съ единственнымъ дѣломъ на рукахъ, состоявшимъ въ канцеляріи по дѣламъ бывшихъ въ Бѣлградѣ представителей славянскихъ комитетовъ. По этимъ дѣламъ я руководствовался указаніями нашего консула, но ко мнѣ обращались не только по этимъ дѣламъ, а по всевозможнымъ, съ разныхъ сторонъ и въ томъ числѣ отъ военнаго министерства. Между тѣмъ добровольцы наши становились все нахальнѣе, такъ что самъ консулъ высказывалъ опасеніе въ неприкосновенности своей личности. Разсказывали, напримѣръ, будто я и консулъ подѣлились и поживились деньгами, отпущенными генераломъ Никитинымъ на обозъ для нѣкоторыхъ частей войскъ, по 40 червонцевъ на повозку съ упряжью, такъ какъ предметы эти, какъ оказалось, стоили только по 17 червонцевъ и даже иногда еще менѣе. Не трудно было направить эти толки по настоящимъ слѣдамъ, показавъ росписки въ полученіи денегъ добровольскими начальниками. — Однажды добровольскій офицеръ явился къ военному министру съ просьбою указать ему, гдѣ можно всего вѣрнѣе получить такую-то скверную болѣзнь? Однажды сербскій маіоръ явился ко мнѣ съ жалобой на дерзости добровольскаго же офицера и заявилъ, что такъ какъ Бѣлградъ находится на военномъ положеніи, то могъ бы онъ и застрѣлить этого офицера, но не сдѣлалъ этого только потому, что это былъ русскій офицеръ. На меня наступали со всѣхъ сторонъ, и наконецъ показалось мнѣ, что среди общаго возбужденія страстей, настало время озаботиться, по смыслу русской поговорки: „давай Богъ ноги унести“.

Обдумавъ ближайшее прошлое и настоящее въ Бѣлградѣ, я оцѣнилъ положеніе его тоже по смыслу русской пословицы: „Кто раньше всталъ, и палку взялъ, тотъ и капралъ“; — и рѣшился арестовать кого случится за малѣйшія нарушенія военныхъ приличій. Попада-

лись почти исключительно добровольскіе офицеры. Дня три спустя увѣдомилъ меня начальникъ бѣлградскаго гарнизона о томъ, что уже наполнены всѣ гауптвахты, и явились ко мнѣ съ визитомъ вовсе незнакомые мнѣ префектъ полиціи и министръ народнаго просвѣщенія (послѣдній визитъ остался для меня непонятнымъ). Я сократилъ срокъ ареста и зато сажалъ на хлѣбъ и воду. Очень скоро затѣмъ видъ добровольцевъ на улицѣ сталъ скроменъ, и такимъ образомъ совершенно объяснилось, чего имъ недоставало. Нѣкоторыя объясненія съ добровольцами-просителями были весьма поучительны: такъ напримѣръ нужны два червонца для уплаты извозчику за катанье; вмѣстѣ съ объясненіемъ заявлялось и объ уплатѣ долговъ трактирщикамъ. Такимъ образомъ отчасти объяснялось, какія деньги такъ щедро проматывались этими оборванцами.

Какъ только началась отправка добровольцевъ партіями, и была уже выпроважена первая партія въ 450 человѣкъ, городъ сразу какъ бы ожилъ. Я же съ своей стороны уже имѣлъ время ознакомиться ближе съ характерами добровольцевъ и ихъ начальниками. Было въ общей массѣ около 12% мерзавцевъ, до 30% пьяницъ и съ пьяну буйныхъ безъ особыхъ пороковъ, и до 5% помѣшанныхъ [1]). Что касается начальства, то одинъ изъ нихъ отрекомендовался: „отставной исправникъ къ вашимъ услугамъ“, другой командовалъ въ Россіи полкомъ и лишился командованія по суду за безпорядки, происшедшіе отъ бездѣйствія власти, третій былъ подъ судомъ за превышеніе власти, и такъ далѣе. Мало по малу выяснилось для меня, что всѣ эти люди имѣли ближайшею задачею доказать „неблагодарному отечеству“, какихъ людей оно не умѣло оцѣнить.—Мысль, которую многіе изъ нихъ явно выражали.—Странно было слышать среди этихъ героевъ разсужденія съ апломбомъ, по поводу сорока червонцевъ за

---

[1]) Мною отправлено въ партіяхъ до 1.500 добровольцевъ съ офицерами. Они были снабжены билетами для дарового проѣзда по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ и деньгами по нормѣ, данной генеральчымъ консуломъ, а именно офицеру и портупей-юнкеру по 10 червонцевъ; сверхъ того доставка ихъ до русской границы была даровая, а также и продовольствіе нижнихъ чиновъ; офицерамъ выдавалось на продовольствіе по 2 червонца. Начальникъ партіи получалъ дополнительно 15 червонцевъ. Отправка партіи обходилась, такимъ образомъ, около 6.000 червонцевъ.

Отправлявшіеся отдѣльно отъ партій были довольствованы по другой нормѣ, тоже указанной консуломъ, а именно: офицеру 15 червонцевъ, юнкеру и унтеръ-офицеру 12 червонцевъ, рядовому 9 червонцевъ, и всѣмъ по билету для дарового проѣзда по русскимъ ж. д. Доктора получали довольствіе на правахъ равно съ офицерами, а прочія лица санитарнаго персонала наравнѣ съ унтеръ-офицерами; отправляться отдѣльно, не въ партіи, разрѣшалось по особымъ причинамъ.

обозъ (вмѣсто 17-ти), что надо же имъ „поправиться“, но странностей накопилось такъ много, что онѣ стали служить ко взаимному объясненію. Тѣмъ не менѣе большинство добровольцевъ состояло изъ людей хорошихъ, искренно преданныхъ задачѣ, за которую они взялись, „убѣжденныхъ“ въ правотѣ своего дѣла (гораздо труднѣе было объясняться съ этими убѣжденными, чѣмъ съ пахалами и негодяями), только этимъ и могу я объяснить себѣ свое вліяніе на ихъ массу, при полномъ отсутствіи аргументовъ власти въ моихъ рукахъ; сербское начальство усердно держало подъ арестомъ моихъ кліентовъ, но само по себѣ, хотя и радо было содѣйствовать, но не представляло никакой опоры, вслѣдствіе потери авторитета всѣми сербскими властями. Считаю долгомъ при этомъ назвать имена въ высокой степени почтенныя, по моему крайнему разумѣнію:—Милорадовичъ, Кузьминскій, Мельницкій, Чорба, Горбатовскій, Казаковичъ, Волошиновъ, Растригинъ, Карагичъ [1]).

Остаюсь въ увѣренности, что только вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ дрянь подняла голову, а хорошіе притихли, и конечно система оказанія пособій бывшими „представителями“ славянскихъ комитетовъ много содѣйствовала этому. Не сомнѣваюсь и въ томъ, что было много почтенныхъ: гораздо болѣе, чѣмъ я зналъ лично, но случай не свелъ меня съ ними.

Вслѣдствіе телеграммы, присланной генераломъ Никитинымъ, двое изъ бывшихъ свиты его должны были вернуться къ мѣсту служенія своего. Телеграмма была адресована Дохтурову и получена въ ночь наканунѣ отъѣзда его, вслѣдствіе чего отъѣзжавшихъ товарищей представилъ я князю Милану. Его свѣтлость пригласилъ меня, простившись весьма ласково съ отъѣзжавшими, въ другую комнату, и глазъ на глазъ предложилъ мнѣ вопросъ: какъ понять ему то, что русскіе оставляютъ Сербію (quittent la Serbie).

Я постарался о томъ, чтобы онъ выяснилъ мысль, заключавшуюся въ его вопросѣ, и, оказалось, что онъ разумѣетъ въ немъ не только „уходъ“ добровольцевъ, но всю совокупность послѣднихъ фактовъ; т. е. отъѣздъ Никитина, Дохтурова и двухъ только-что откланявшихся лицъ. Предупредивъ князя о томъ, что я не имѣю права говорить за Россію, и получивъ увѣреніе въ томъ, что князь желаетъ знать мою мысль совершенно частнымъ образомъ, я отвѣчалъ ему все-таки только на ту часть вопроса, которая касалась однихъ добровольцевъ, а именно: „трудно допустить, чтобы историческія

---

[1]) Изъ числа поименованныхъ лицъ Горбатовскій, Чорба, Казаковичъ и Волошиновъ были моими ближайшими помощниками по канцеляріи.

связи и интересы народовъ могли зависѣть отъ перемѣщенія нѣсколькихъ сотенъ бродягъ“.—„Однако они не жалѣли своей крови за Сербію“, возразилъ князь и хотѣлъ, видимо, еще что-то сказать, но на глазахъ его показались слезы и, проглотивъ ихъ, онъ молча всталъ, крѣпко пожалъ мнѣ руку и отпустилъ меня.

Недѣли двѣ спустя, представляясь по случаю своего отъѣзда Его Свѣтлости, я былъ снова удержанъ имъ, но на этотъ разъ вмѣстѣ съ послѣднимъ оставшимся со мною товарищемъ маіоромъ Боборыкинымъ. Уведя насъ въ гостиную, князь высказалъ свою душевную тревогу, по поводу только-что сдѣлавшихся тогда извѣстными, турецкихъ предложеній о мирѣ. Онъ недоумѣвалъ, какъ ему отнестись къ этимъ предложеніямъ, въ виду сомнѣнія его въ томъ, что Россія уже относится къ Сербіи, какъ къ „выжатому лимону“. Снова я отвѣтилъ, что объясняться за Россію въ правѣ только одинъ человѣкъ въ Бѣлградѣ, указанный Императорскимъ Гербомъ и флагомъ, находящимся на его домѣ.—„Конечно, конечно, возразилъ князь, но мы говоримъ совершенно частнымъ образомъ (tout à fait académiquement), въ память того довѣрія, которое имѣлъ къ вамъ, какъ мнѣ извѣстно, покойный князь Михаилъ“.—Тогда я отвѣтилъ, что слѣдуетъ просить указаній у Петербургскаго кабинета, а на счетъ „выжатаго лимона“ выразилъ мнѣніе, состоящее въ томъ, что никогда Россія не выжимала его.—„Да, конечно, возразилъ князь, теперь мы сами видимъ, что сами виноваты въ своихъ несчастіяхъ, потому что увлеклись ошибочными понятіями; трудно было не ошибиться: эти тысячи добровольцевъ, эта щедрая дѣятельность славянскихъ комитетовъ, все это тоже „Россія“—тѣмъ не менѣе мы теперь „выжатый лимонъ“ уже ненужный Россіи.“ Я осмѣлился отвѣтить, что и въ этой мысли есть слѣды ложныхъ понятій о Россіи, потому что покровительство ея создалось не на спекулятивныхъ началахъ, а на историческихъ.—Князь грустно задумался и, заморгавъ глазами, дружески пожалъ мнѣ руку.

Крайне тяжелое впечатлѣніе, вмѣстѣ съ недоумѣніемъ, оставила во мнѣ эта вторая аудіенція князя. Вдумываясь въ причины, по которымъ онъ обратился со своими сомнѣніями ко мнѣ, а не къ нашему дипломатическому агенту и генеральному консулу, я не нашелъ другого объясненія, кромѣ вышесказаннаго „сквернаго анекдота“, и тѣмъ болѣе жалѣлъ молодого князя, почти вынужденнаго искать случайнаго совѣта и сочувствія.

Часа два спустя, князь прислалъ, черезъ своего генералъ-адъютанта (единственнаго генералъ-адъютанта въ Сербіи), мнѣ и маіору Боборыкину ордена Такова; наивно-трогательнымъ показалось мнѣ то, что при этомъ генералъ-адъютантъ просилъ меня, отъ имени

князя, выслать изъ Петербурга 10 т. папиросъ по привезенному имъ образцу. По случаю пожалованія орденами мы снова были у князя въ тотъ же день—благодарить его. „Вотъ вы и оставляете насъ“, сказалъ онъ, усаживая насъ и какъ бы продолжая прежній разговоръ.—„Мы увозимъ съ собою самыя теплыя воспоминанія о Сербіи и жалѣемъ только о томъ, что случая не было намъ оставить по себѣ такую же память“, отвѣтилъ я. —„Вижу и вѣрю“, возразилъ князь; потомъ, помолчавъ и собравшись съ духомъ, онъ продолжалъ: „Скажите тамъ... вы знаете Сербію... страна бѣдная, а теперь еще разоренная... мы многаго не могли сдѣлать для русскихъ, чего хотѣли бы... скажите правду, если случай представится“. На этихъ словахъ аудіенція кончилась; обоихъ насъ душили слезы.

Давно уже Мариновичъ, вернувшись изъ Петербурга, сообщилъ мнѣ желаніе повидаться со мной, но до сихъ поръ, занимаясь порученнымъ мнѣ дѣломъ, я не имѣлъ времени быть у него. Наканунѣ же моего отъѣзда я былъ у него, а онъ просидѣлъ у меня весь вечеръ. Разговоръ нашъ начался съ обстоятельствъ 1868 года, въ которомъ мы разстались, и охватилъ все время съ тѣхъ поръ до новѣйшихъ событій. Сущность мнѣнія Мариновича состоитъ въ томъ—сколько я понялъ,—что вѣроятно послѣднія событія сложились бы иначе, и даже вовсе не было бы войны, если бы консуломъ въ Бѣлградѣ оставался по-прежнему Шишкинъ. Относясь къ будущему, Мариновичъ находилъ, что бѣдствія войны возбудили народныя страсти, потому что народъ не хотѣлъ войны и кинулся только въ нее потому, что повѣрилъ, будто Россія хочетъ этого и идетъ за нимъ; теперь, говорилъ онъ, народъ понялъ, что его обманули, ищетъ виноватаго и надо указать его, чтобы не обратился взрывъ на невинныхъ. Въ этихъ мысляхъ, онъ настаивалъ на созваніи великой скупчины. Патріоты менѣе радикальные опасались созванія этой великой скупчины, по причинѣ ея полноправности, которая въ раздраженіи легко можетъ быть злоупотреблена. Радикалъ Мариновичъ указывалъ на то, что лучше собрать и поджечь горючіе матеріалы, чѣмъ небрежно оставлять ихъ разбросанными; потому что въ первомъ случаѣ можно управлять пламенемъ, хотя сколько-нибудь, тогда какъ во второмъ—пожаръ можетъ произойти самъ собою и тогда управлять пламенемъ невозможно. Мнѣ осталось неизвѣстнымъ: кого разумѣлъ онъ „виноватымъ“.

На другой день рано утромъ мы выѣхали, провожаемые группами добровольцевъ, въ самомъ трогательномъ настроеніи.

Послѣдними свѣдѣніями, полученными мною въ Сербіи, были слѣдующія.

Въ Сербіи много религіозныхъ сектъ, и есть между ними такія,

въ родѣ менонитовъ, — которыя считаютъ войну антирелигіознымъ дѣломъ; въ прошлую кампанію бывали примѣры тому, что люди этихъ сектъ, будучи понуждаемы участвовать въ войнѣ, предпочитали самоубійство; теперь же баталіонъ съ бѣлыми платками (о которомъ выше упомянуто), оказался изъ мѣстности, населенной одною изъ подобныхъ сектъ [1]).

Такимъ образомъ оказалось и въ этомъ случаѣ, что увѣренія, унизительныя для сербовъ, были не чужды враждебнымъ къ нимъ и предвзятымъ мыслямъ.

Другое свѣдѣніе было изъ добровольскаго источника и состояло въ томъ, что все озлобленіе, послѣдовательно накопившееся на ихъ душахъ, устремилось на нашего консула. Его ругали самымъ презрѣннымъ образомъ на всѣхъ перекресткахъ. Самъ онъ тоже озлился и ругалъ Дохтурова, что̀ было весьма неожиданно, но наводило на разныя, невольныя догадки.

Перемѣна министерства не состоялась.

Исполняя желаніе князя Милана сказать правду, если случай представится—и пользуясь случаемъ—мнѣ остается прибавить немногое.

Представленная картина современнаго положенія Сербіи несомнѣнно обнаруживаетъ, что авторитетъ власти въ ней подорванъ. Въ этомъ и состоитъ главная причина, подвергающая сомнѣнію исходъ всякаго новаго начинанія въ ней, будь она—мобилизація или организація чего бы то ни было.

Я видѣлъ Сербію въ цвѣтущемъ видѣ въ 1868 году. Тогда едва-ли была въ ней такая дѣвушка, которая при замужествѣ не принесла бы, по крайней мѣрѣ, 200 червонцевъ. Онѣ носили эти червонцы въ видѣ ожерелья, или головного убора, при чемъ всякій червонецъ, будучи связанъ съ сосѣднимъ, непремѣнно долженъ былъ быть проколотъ по крайней мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ. Теперь не видно ни дѣвушекъ съ червонцами, ни червонцевъ о двухъ или трехъ дырахъ. Очевидно, что червонцы эти припрятаны, и Сербія, стало быть, не истощена и можетъ быть долго еще можетъ продержаться собственными средствами, но правительство ея потеряло кредитъ и должно сознаться въ томъ, что наши русскіе піонеры постарались объ этомъ, какъ въ низшихъ сферахъ, такъ и въ высшихъ.

Никогда милиція не дралась безупречно и никогда не винили въ этомъ народъ, которому она принадлежала. Въ сербской милиціи

---

[1]) Свѣдѣніе это пришло ко мнѣ отъ пріѣхавшаго съ „позиціи“ Огледича, личности весьма замѣчательной, и доставить ему извѣстность я весьма желалъ бы.

*

напередъ было извѣстно, что недостаточное число унтеръ-офицеровъ и офицеровъ составляетъ ея существенную слабость, и именно этотъ недостатокъ былъ первоначальною причиною движенія въ Сербію нашихъ добровольцевъ. Изъ пришедшихъ добровольцевъ составилась отдѣльная дивизія, и за тѣмъ остается темный вопросъ: зачѣмъ собрали ихъ въ отдѣльную часть, вмѣсто того, чтобы разсыпать по частямъ милиціи, въ качествѣ преимущественно замыкающихъ унтеръ-офицеровъ? Скоро дивизія эта усвоила характеръ преторіанцевъ, и трудно не согласиться съ Мариновичемъ, мѣтко выразившимся: „On était venu non pas pour servir la Serbie, mais pour s'en servir“.

Говорятъ, что причина сформированія русской дивизіи состояла въ томъ, что сербы не слушали русскихъ, враждебно къ нимъ относились, даже стрѣляли иногда по нимъ; но мы сами собственными глазами могли убѣдиться въ томъ, что это было естественно, что виноваты были сами русскіе, а болѣе всего виноваты, конечно, сербскіе начальники.

Велика была роль, открывшаяся Черняеву—тотъ же Гарибальди, если не выше его, но Гарибальди умѣлъ прежде всего держать въ порядкѣ своихъ волонтеровъ...

Сербскія бригады Валевская и Шабацкая, оказавшіяся хорошими (не разъ доходили онѣ до штыковой работы съ турками), стали хорошими, какъ объяснилось, потому, что принадлежали къ Дринской арміи, въ которой начальникъ штаба (русскій подполковникъ) дѣятельно занимался обученіемъ свободныхъ войскъ въ свободное для нихъ время. Бригады эти были переведены впослѣдствіи въ армію Черняева и уже тутъ составили себѣ добрую славу. Такимъ образомъ объясняется, что сербской милиціи недоставало обученія; недоставало его ей по той причинѣ, что скупчина всегда тяготилась учебными сборами милиціонеровъ, а регентство, еще такъ недавно бывшее надъ княземъ, искало популярности и постепенно ослабляло свои требованія отъ скупчины, такъ что учебные сборы почти прекратились.

Гражданская и военная организація Сербіи настолько представляютъ собою систему полную и законченную, что трудно измѣнить въ ней что-либо, не испортивши всего цѣлаго. Въ правительствѣ ея есть и распорядительность, и предусмотрительность, но нѣтъ исполнительности, и нужна странѣ болѣе всего твердая и доброжелательная рука, которая дала бы опору молодому князю.

Прежнее министерство князя осталось безъ перемѣнъ, можетъ быть къ лучшему въ эпоху общаго возбужденія страстей.

Впослѣдствіи, уже оставивъ Сербію, я узналъ, что сербское пра-

вительство командировало одного подполковника въ Кишиневъ, для доклада Его Величеству Главнокомандующему о возможности собрать тысячъ триста войска, для обороны Кладова и даже о возможности еще болѣе развить свои оборонительныя силы въ случаѣ, если бы въ распоряженіе его было дано 1 мил. червонцевъ. Эта послѣдняя попытка сошлась, значитъ съ надеждами, въ свое время возлагавшимися на генерала Никитина. Уже извѣстно было, что турки сосредоточивали свои силы на случай войны въ Виддинѣ, и стало быть сосредоточеніе оборонительныхъ средствъ въ восточной Сербіи не представляло опасности для всей остальной страны. Между Виддиномъ и Кладовомъ мѣстность представляетъ цѣлый рядъ сильныхъ позицій, и сербы усердно работали для ихъ приспособленія къ оборонѣ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что матеріалы для обороны: люди, оружіе, артиллерія были налицо; были и заказы на недостававшую аммуницію и обувь, но не было денегъ, энергической руки и авторитетной власти. Въ этихъ обстоятельствахъ трудно утверждать, что оборона невозможна, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ эпоху перваго перемирія было бы весьма легкомысленно возлагать на нее надежды по причинѣ крайне малаго времени, оставшагося для распоряженій. Что касается отсутствія добровольцевъ въ этой предполагаемой оборонѣ, то, съ одной стороны, различіе на 2.000 человѣкъ среди 30 т. корпуса едва-ли могло имѣть существенное вліяніе на исходъ дѣла; а съ другой, я остаюсь въ увѣренности, что ни одинъ изъ нихъ не оставилъ бы Сербію, даже, что уѣхавшіе вернулись бы при первомъ извѣстіи о походѣ въ Кладово; позабыты бы были дрязги, больше повышли бы изъ госпиталей, и господствующею мыслью осталось бы воспоминаніе „о молебнахъ, которые они служили“, отправляясь въ Сербію; они были испорчены бездѣйствіемъ, городскою стоянкою и дурно направляемы, но не были дурны сами по себѣ.

Между тѣмъ, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ осталась Сербія, т. е. безъ твердой руки и сильной власти, едва-ли могутъ милліоны рублей создать въ ней надежную оборону.

Сообщилъ С. Зыковъ.

Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года [1]).

Соединеніе I-й и II-й арміи.

Смоленскъ, 4/16 августа 1812 г.

Уже упоминалъ, въ своемъ письмѣ изъ Полоцка, отъ 8/20 іюля, о томъ, что Наполеонъ дѣйствовалъ противъ насъ чрезвычайно медленно. Въ день моего отъѣзда изъ этого города, мы получили извѣстіе, что онъ долженъ былъ выѣхать изъ Вильны 2/14 числа, и что войска, такъ долго стоявшія въ окрестностяхъ этого города, уже выступили. Въ какомъ направленіи они двинулись, еще не было извѣстно, но въ настоящую минуту я уже могу сказать это.

3/15 іюня Даву, со своимъ корпусомъ, находился на Березинѣ; Жеромъ былъ въ Новогрудкѣ; вице-король въ Вилейкѣ; Муратъ въ Диснѣ, гдѣ онъ переправился черезъ Двину, въ то время когда главныя силы нашей I-й арміи достигли Полоцка; Удино былъ въ Динабургѣ, впереди графа Витгенштейна; Макдональдъ въ Шавлякъ; Ней, Бессьеръ и Мортье съ прочими корпусами, входившими въ составъ Великой арміи, шли по дорогѣ въ Витебскъ; онъ отдалъ приказъ, чтобы войска шли въ этомъ направленіи, такъ какъ имъ было получено донесеніе, чтобы мы оставили укрѣпленный лагерь при Дриссѣ и пошли къ Полоцку. Князь Шварценбергъ занималъ въ то время Пружаны, Кобринъ и Пинскъ. Генералъ Ренье съ саксонцами сталъ въ Смоленскѣ. Генералъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ съ баварцами остался въ Вильно, а Викторъ, со своимъ корпусомъ, находился еще въ Варшавѣ.

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1909 года.

Какъ извѣстно, генералъ Барклай-де-Толли былъ назначенъ главнокомандующимъ I-й арміи еще до начала кампаніи; поэтому онъ принялъ надъ нею начальство тотчасъ послѣ отъѣзда императора. Мнѣ сильно нездоровилось, и это заставило меня просить императора, наканунѣ его отъѣзда, позволенія отправиться впередъ, чтобы отдохнуть нѣсколько дней въ Полоцкѣ; мое присутствіе въ арміи становилось совершенно ненужнымъ, такъ какъ единственной моей обязанностью было состоять при особѣ Государя.

Между тѣмъ мною былъ выработанъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій и разсчитаны всѣ переходы, которые необходимо было совершить для его выполненія. Князь Багратіонъ двигался въ то время къ Старо-Быхову, лежавшему на правомъ берегу Днѣпра, а генералъ Платовъ получилъ приказаніе перейти обратно эту рѣку съ большей частью своихъ казаковъ и присоединиться къ I-й арміи. Наполеонъ со своими главными силами находился еще въ нѣсколькихъ переходахъ отъ насъ. При этихъ обстоятельствахъ, по моему мнѣнію, нашей I-й арміи слѣдовало идти вдоль праваго берега Двины чрезъ Куриловщину до Будиловой пристани, что составило бы 64 версты или двухдневный переходъ; перейдя въ этомъ мѣстѣ рѣку, они должны были направиться къ Оршѣ, оставивъ вправо посадъ Сенно, на что потребовалось бы еще два дня.

Армія могла бы перейти Днѣпръ при Оршѣ, если бы Даву не переправился черезъ него ранѣе; иначе, мы могли бы спуститься внизъ по теченію рѣки, вдоль ея праваго берега. Если бы князю Багратіону было приказано совершить это движеніе, то Даву очутился бы между двухъ огней и, слѣдовательно, въ крайне опасномъ положеніи, изъ котораго онъ могъ бы выйти, лишь понеся значительный уронъ, и соединеніе нашихъ двухъ армій могло бы совершиться какъ нельзя легче, прежде чѣмъ Наполеонъ подоспѣлъ бы на помощь Даву; въ такомъ случаѣ онѣ могли бы въ полной безопасности двинуться къ Смоленску, и I-й арміи не пришлось бы совершить тотъ обходъ, который она сдѣлала, идя на Витебскъ.

Такъ какъ императора не было въ арміи, то этотъ маневръ предложено было совершить генералу Барклаю, который предпочелъ направиться на Витебскъ, гдѣ онъ перешелъ 11/23 числа Двину со всей арміей.

14/26 іюля Наполеонъ прибылъ съ Великой арміей въ Островно, въ 23 верстахъ отъ Витебска. На эту дорогу былъ присланъ графъ Остерманъ съ корпусомъ, чтобы предупредить насъ о движеніяхъ непріятеля. Въ лѣсу, чрезъ который ему пришлось идти, онъ былъ атакованъ авангардомъ непріятеля, подъ командою короля Неаполитанскаго, двумя дивизіями кавалеріи и одной пѣхотной дивизіей,

которыхъ поддержалъ корпусъ вице-короля Италіанскаго; мы и не подозрѣвали, что они были такъ близко отъ насъ. Нашъ генералъ вышелъ изъ того критическаго положенія, въ какомъ онъ очутился, только благодаря своей храбрости и распорядительности; впрочемъ, онъ все же понесъ довольно значительныя потери ранеными и убитыми, и потерялъ шесть полевыхъ орудій. По мѣрѣ того какъ непріятель приближался, графъ отступалъ къ нашему лагерю.

Русская армія заняла позицію на довольно высокомъ холмѣ передъ Витебскомъ по близости отъ этого города.

15/27 іюля Наполеонъ прибылъ во главѣ Великой арміи, сталъ напротивъ занятой нами позиціи и занялъ пѣхотою и тяжелой артиллеріею нѣкоторыя высоты, господствовавшія надъ ней. Генералъ Барклай-де-Толли думалъ вначалѣ принять сраженіе на этой позиціи и защищать ее, тогда какъ спасеніе государства зависѣло отъ того, удастся ли его арміи соединиться съ арміей князя Багратіона, и онъ долженъ былъ бы радоваться, что онъ благополучно прибылъ въ Витебскъ, не понеся большихъ потерь и не встрѣтивъ препятствій (это никогда не удалось бы ему, если бы Наполеонъ дѣйствовалъ съ бо̀льшей поспѣшностью); между тѣмъ князь Багратіонъ пришелъ благополучно въ Могилевъ, и это устранило, такъ сказать, всѣ препятствія, какія могли возникнуть при выполненіи операціоннаго плана, о которомъ говорено выше. Рѣшеніе, принятое Барклаемъ, поставило бы армію въ необходимость принять сраженіе, а въ случаѣ неудачи оно поставило бы на карту судьбу арміи, имперіи и быть можетъ всей Европы; съ другой стороны, оно заставило бы князя Багратіона совершить безполезные переходы и ненужныя движенія. Даже если бы мы одержали побѣду, которая во всякомъ случаѣ не могла бы быть рѣшительной, вслѣдствіе значительнаго превосходства непріятельскихъ силъ, что бы мы выиграли отъ этого? Это не могло бы ускорить соединенія обѣихъ арміи. Если же мы бы понесли пораженіе, и Наполеонъ, оставившій сильный резервъ въ посадѣ Сенно, успѣлъ бы разбить одинъ изъ нашихъ фланговъ, то какая участь постигла бы армію и имперію? Въ какомъ направленіи стали бы отступать наши войска? ибо пунктъ, занятый нами подъ Витебскомъ, не имѣлъ сообщенія ни съ какой частью и ничего не прикрывалъ. Къ счастью, подъ вечеръ, генерала Барклая удалось убѣдить не давать сраженія подъ Витебскомъ, и онъ рѣшилъ, послѣ заката солнца, отступить по большой Смоленской дорогѣ, которая идетъ по лѣвому берегу Двины. Весь этотъ день происходила болѣе или менѣе сильная канонада, не причинивъ особеннаго вреда ни той, ни другой сторонѣ.

Къ счастью, Наполеону удалось сосредоточить свои главныя силы только къ вечеру, иначе завязалось бы слишкомъ серьезное дѣло и

наша армія не могла бы отступить на глазахъ у непріятеля, въ особенности такого, какимъ былъ Наполеонъ, не понеся значительнаго урона; непріятель слабо преслѣдовалъ насъ. Французскіе корпуса, посланные для того, чтобы преслѣдовать насъ, были задержаны благодаря толковымъ распоряженіямъ ген.-лейт. графа Палена, которому было ввѣрено начальство надъ нашимъ арьергардомъ и который дѣйствовалъ, какъ подобаетъ генералу, и выказалъ въ этомъ случаѣ всѣ свои способности и свои военныя знанія.

Я уже говорилъ, что послѣ отъѣзда императора на мнѣ не лежало въ арміи никакихъ обязанностей; а такъ какъ я еще не вполнѣ оправился отъ болѣзни, то я поѣхалъ съ адъютантами впередъ въ Смоленскъ.

Въ Витебскѣ мы получили радостное, во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстіе о томъ, что миръ, заключенный съ турками, ратификованъ въ Константинополѣ. Я счелъ долгомъ, передъ отъѣздомъ изъ этого города, повергнуть къ стопамъ императора поздравленіе съ этимъ счастливымъ событіемъ и написалъ нижеслѣдующее письмо:

Витебскъ, 12—24 іюля 1812 г.

Ваше Императорское Величество, благоволите принять самое искреннее мое поздравленіе по поводу ратификаціи мирнаго договора съ Оттоманской Портой, — событіе это всегда почиталось бы важнымъ и счастливымъ, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ желаніямъ Вашего Императорскаго Величества и желанію вашего народа, при настоящихъ же обстоятельствахъ оно становится еще болѣе важнымъ и благопріятнымъ. Въ нашемъ распоряженіи находится теперь превосходная молдавская армія, которая, соединившись съ арміей генерала Тормасова, можетъ направиться на Брестъ и, производя демонстраціи, угрожать Варшавѣ и одновременно тревожить арьергардъ непріятельской арміи, находящійся на Литвѣ и въ другихъ мѣстахъ, или пойти въ Минскую губернію, чтобы поддержать главныя силы арміи и дѣйствовать противъ праваго крыла непріятеля. Нельзя исчислить всѣхъ послѣдствій, какія могутъ имѣть ея движенія, если они будутъ согласованы съ дѣйствіями прочихъ войскъ Вашего Императорскаго Величества и направлены въ надлежащемъ порядкѣ и совокупности; первымъ и ближайшимъ ихъ послѣдствіемъ была бы, вѣроятно, эвакуація Минской губерніи и нѣкоторой части Литвы. Позиціи, занятыя нашими и непріятельскими войсками, одинаково для насъ благопріятны; достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы увидѣть всѣ ея преимущества; враги, завидующіе славѣ Вашего Императорскаго Величества и благоденствію вашихъ подданныхъ, могутъ болѣе, чѣмъ когда-либо, пожалѣть о томъ, что они отважились вступить въ страну, гдѣ народъ

любитъ своего монарха, свою родину и честь, и не боится никакихъ жертвъ, когда дѣло идетъ о сохраненіи и защитѣ русской территоріи и о побѣдѣ оружія Вашего Императорскаго Величества.

Дай Богъ видѣть Васъ увѣнчаннаго славою и пользующагося всѣми преимуществами, какія могутъ дать естественныя богатства Вашихъ обширныхъ владѣній; да поможетъ онъ Вамъ упрочить счастье и спокойствіе Вашего народа, коего чувства я раздѣляю; всѣ мои желанія были бы исполнены, если бы мнѣ удалось какимъ-нибудь образомъ содѣйствовать успѣху Вашего оружія; я сойду тогда въ могилу, довольный тѣмъ, что я служилъ лучшему и возлюбленнѣйшему Монарху. Примите“...

Выступивъ изъ Витебска, наша армія двинулась въ ночь съ 15/27 на 16/28 іюня вверхъ по Двинѣ, миновала Агапоновчину, прибыла 17/29 въ Сурай, откуда пошла на Смоленскъ. Вслѣдъ за нашимъ арріергардомъ шелъ король Неаполитанскій съ резервомъ кавалеріи и дивизіей пѣхоты, а за нимъ маршалъ Ней съ корпусомъ. Происходившія по пути стычки были незначительныя, и 20 іюля (1 августа) наша армія пришла въ Смоленскъ, гдѣ благополучно совершилось соединеніе нашихъ обѣихъ армій 21 іюля/2 августа.

Приказавъ маршалу Нею слѣдовать за русской арміей, Наполеонъ самъ совершилъ прекрасно разсчитанный и достойный удивленія маневръ. Онъ свернулъ съ остальными силами, въ числѣ коихъ находился корпусъ короля Неаполитанскаго, двумя колоннами вправо; одна изъ нихъ пошла къ Оршѣ, гдѣ она переправилась черезъ Днѣпръ, а другая—на Рудню и Любавичи; въ окрестностяхъ этого мѣстечка она перешла рѣку, такъ что этимъ маневромъ Наполеонъ ввелъ въ заблужденіе русскаго генерала, ожидавшаго непріятеля подъ Смоленскомъ, на правомъ берегу Днѣпра; его появленіе на лѣвомъ берегу было совершенно неожиданное и едва не стоило намъ очень дорого, какъ я объясню дальше. Удивительно, что генералъ Барклай не получалъ отъ своихъ тайныхъ агентовъ никакихъ донесеній о движеніи Наполеона съ такой огромной массой войска; онъ не только ничего не зналъ и не подозрѣвалъ объ этомъ, но онъ предполагалъ, что французская армія шла въ направленіи совершенно противоположномъ; это ввело нашего генерала въ заблужденіе и заставило его сдѣлать ошибочныя движенія и переходы, ибо, получивъ донесеніе о томъ, что Наполеонъ остался съ главными силами позади, а маршалъ Ней съ корпусомъ пошелъ одинъ на Порѣчье, чтобы отрѣзать намъ непосредственное сообщеніе съ Петербургомъ и съ остальными войсками, оставшимися на Двинѣ, генералъ Барклай предложилъ Багратіону соединить вторую и первую

армію и атаковать соединенными силами маршала Нея въ Порѣчьѣ, въ 58 верстахъ вправо отъ Смоленска.

На полупути были получены отъ нашей легкой кавалеріи болѣе точныя свѣдѣнія, гласившія, что непріятель появился въ незначительномъ числѣ; князь Багратіонъ первый вернулся съ арміей въ Смоленскъ; но лишь только онъ вступилъ туда, какъ генералъ Барклай предложилъ ему вторично возвратиться назадъ, такъ какъ корпусъ маршала Нея былъ замѣченъ на позиціи, на которой мы могли атаковать его съ полной увѣренностью въ побѣдѣ.

Я находился въ эту минуту у князя Багратіона; генералъ очень хотѣлъ дать немного отдыха своимъ войскамъ, послѣ ненужнаго и утомительнаго марша въ дождливую холодную, чисто осеннюю погоду, по глинистой дорогѣ, вслѣдствіе чего наши двѣ арміи потеряли больными свыше 5.000 чел., которые пришлось оставить въ госпиталяхъ. Однако, считая долгомъ поддержать товарища, князь Багратіонъ не медля выступилъ вновь.

Въ то время, какъ мы совершали эти марши и контръ-марши, французская армія, во главѣ которой находился, лично, самъ Наполеонъ, сосредоточилась на дорогѣ въ Красное, и король Неаполитанскій, съ авангардомъ, прибылъ къ этому мѣстечку, гдѣ князь Багратіонъ оставилъ подъ командою генералъ-маіора Невѣровскаго, отрядъ, состоящій изъ харьковскаго драгунскаго полка, подъ командою полковника Юзефовича, казацкаго полка полковника Бухолова, 41-го, 49-го и 50-го егерскихъ полковъ съ шестью орудіями, — въ общемъ около 30.000 человѣкъ. Я привожу здѣсь въ извлеченіи донесеніе генерала Невѣровскаго князю Багратіону о его сраженіи съ непріятелемъ.

2/14 августа, непріятель атаковалъ, съ превосходными силами, его главные казацкіе посты близъ мѣстечка Ляды; они отступили къ Красному и присоединились къ его небольшому авангарду, коимъ командовалъ генералъ-маіоръ Оленинъ. Онъ тотчасъ поставилъ свои войска въ боевой порядокъ, поручилъ одному полку егерей съ двумя резервными баталіонами и двумя орудіями защищать мѣстечко, а самъ, съ остальнымъ войскомъ, сталъ позади Краснаго, прикрывъ свои фланги пятью эскадронами Харьковскаго полка иославъ полкъ егерей и полкъ казаковъ, чтобы обезпечить свою позицію съ тыла. Выдержавъ, въ теченіе четырехъ часовъ, сильнѣйшій огонь непріятеля, онъ увидѣлъ, что онъ былъ обойденъ съ фланговъ резервной кавалеріей короля Неаполитанскаго, котораго поддержала дивизія пѣхоты и сильная артиллерія. Тогда онъ оставилъ свою позицію и отступилъ къ деревнѣ Никулиной, на рѣчкѣ Лостыкъ. Тутъ непріятельская кавалерія атаковала его съ удвоен-

ной энергіей; полкъ драгунъ былъ не въ состояніи противустоять ей и поспѣшно отступилъ. Когда пѣхота осталась одна и была окружена непріятельской кавалеріей, то генералъ Невѣровскій построилъ ее сомкнутой колонной и, открывъ усиленный огонь, направилъ его въ ту сторону, откуда подходила непріятельская кавалерія; дѣйствуя вполнѣ хладнокровно, онъ пробился къ Мерлино, откуда продолжалъ идти, сражаясь, къ Корытнѣ, въ 23 верстахъ отъ Смоленска, причемъ многочисленная непріятельская кавалерія не могла прорвать его колонну ни въ одномъ пунктѣ, пока онъ совершалъ свой переходъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ.

Отъ плѣнныхъ, взятыхъ нашими казаками по ту сторону Краснаго, генералъ Невѣровскій узналъ, что по этой дорогѣ шелъ самъ Наполеонъ, со своими главными силами; онъ тотчасъ послалъ одного офицера сообщить объ этомъ князю Багратіону; вслѣдъ за этимъ офицеромъ былъ посланъ второй, съ донесеніемъ о сраженіи, которое ему пришлось дать, и объ его отступленіи къ Смоленску. Этимъ курьерамъ пришлось ѣхать, не смѣняя лошадей, до Смоленска, отстоящаго отъ Краснаго въ 46 верстахъ и откуда имъ надобно было проѣхать еще верстъ тридцать до мѣста своего назначенія.

Получивъ первое донесеніе, князь Багратіонъ немедленно послалъ генералъ-лейтенанта Раевскаго съ дивизіей, чтобы занять Смоленскъ и не дать Наполеону овладѣть имъ силою, до прихода нашихъ войскъ. Этотъ генералъ шелъ всю ночь и благополучно прибылъ въ Смоленскъ по утру 3/15 августа, въ тотъ моментъ, когда къ нему подходилъ генералъ Невѣровскій, за которымъ слѣдовалъ по пятамъ авангардъ непріятеля. Изъ этого видно, что генералъ Невѣровскій, благодаря своимъ удачнымъ дѣйствіямъ и заботливости, съ какою онъ поспѣшилъ извѣстить свое начальство о движеніи Наполеона, оказалъ громадную услугу арміи и государству.

Во время моего пребыванія здѣсь, въ Смоленскѣ, я получилъ отъ генералъ-лейтенанта графа Ланжерона второе письмо изъ Бухареста, о томъ же предметѣ, какъ и первое; привожу здѣсь выдержки изъ этого письма:

Бухарестъ, 4/16 іюля 1812 г.

„Въ настоящую минуту имперіи угрожаютъ значительныя непріятельскія силы, въ то время какъ здѣсь находится, въ полномъ бездѣйствіи,—50.000 человѣкъ. Миръ съ турками заключенъ и ратифікованъ. Это событіе особенно благопріятно потому, что весь Югъ Европы находится теперь въ полной безопасности; самый же важный для насъ результатъ этого мира заключается въ томъ, что

мы можемъ располагать лишними 50.000 человѣкъ. Въ Валахіи было 50.000 человѣкъ подъ ружьемъ; если эта армія проведетъ здѣсь іюль и августъ мѣсяцы (когда здѣсь свирѣпствуютъ болѣзни), то можно опасаться, что численность ея значительно уменьшится; но въ настоящій моментъ она находится въ самомъ прекрасномъ состояніи; хотя многіе полки потеряли въ каждую кампанію половину своего боевого состава, но усердіе командующихъ и заботы генералитета увѣнчались такимъ блестящимъ успѣхомъ, что выправка этой арміи, ея умѣніе маневрировать и ея внутренній бытъ могутъ считаться образцовыми и повергли въ изумленіе ту опытную въ военномъ дѣлѣ личность, которая была свидѣтельницей ея потерь и видѣла, какъ мало средствъ имѣло начальство, чтобы пополнить свои полки. Кавалерійскія и артиллерійскія лошади въ самомъ прекрасномъ состояніи.

Эта армія превосходна, прекрасно подготовлена и насчитываетъ въ своихъ рядахъ не мало опытныхъ генераловъ и офицеровъ; она одушевлена самымъ воинственнымъ духомъ и можетъ считаться одною изъ лучшихъ европейскихъ армій. Если къ ней присоединить войска, которыя можетъ дать герцогъ Ришелье, то ея численный составъ легко можетъ быть доведенъ до 50.000 человѣкъ, даже въ томъ случаѣ, если оставить въ Бессарабіи нужное количество войска, которое, по моему мнѣнію, не должно превышать 12 резервныхъ баталіоновъ и двухъ казацкихъ полковъ. Но если бы сочли нужнымъ оккупировать еще нѣкоторое время Молдавію и Валахію, оставивъ тамъ 12 резервныхъ баталіоновъ и полкъ казаковъ, то можно было бы теперь же двинуть въ Польшу 70 баталіоновъ, въ томъ числѣ 14 баталіоновъ герцога Ришелье, 64 эскадрона, 8 казацкихъ полковъ и 200 орудій. Эта свыше 40.000 армія можетъ быть черезъ тридцать шесть дней въ Дубно, черезъ сорокъ восемь въ Брестъ-Литовскѣ, или на нашемъ правомъ флангѣ, если это окажется нужнымъ. Это будетъ во всякомъ случаѣ великолѣпная резервная армія, которая можетъ оперировать даже въ Варшавскомъ герцогствѣ, если обстоятельства будутъ этому благопріятствовать. Но она предназначается, повидимому, для другихъ цѣлей; по всему видно, что она пойдетъ въ Далмацію или, быть можетъ, въ Италію, чтобы произвести тамъ переворотъ, который, по моему мнѣнію, не будетъ прочнымъ. Я боюсь также, что эта диверсія ни малѣйшимъ образомъ не разстроитъ планы Наполеона и не заставитъ его вывести изъ Польши ни одного человѣка, такъ какъ если бы онъ одержалъ тамъ побѣду, то успѣхи, достигнутые въ Далмаціи, будутъ парализованы сами собою, если же онъ будетъ побѣжденъ, то онъ и безъ того погибнетъ.

Для того чтобы мы могли пройти въ Далмацію, надобно, чтобы султанъ разрѣшилъ нашимъ войскамъ пройти черезъ его владѣнія и заключилъ съ нами союзъ; пока, договоръ этотъ еще не заключенъ. Я радъ былъ бы ошибиться, но я боюсь, чтобы онъ не запоздалъ, ибо я знаю, съ какой, чисто азіатской медленностью, дѣйствуетъ Диванъ и какъ онъ относится ко всему подозрительно и недовѣрчиво. Если ему будетъ извѣстно, что въ Польшѣ начались военныя дѣйствія, то онъ захочетъ быть можетъ выждать событій, чтобы принять какое-нибудь рѣшеніе, и если насъ застигнетъ въ Босніи сентябрь мѣсяцъ—сезонъ дождей, то мы не будемъ въ состояніи пройти чрезъ эту страну. Дороги въ Сербіи очень плохи; въ Босніи онѣ непроходимы; для того чтобы по нимъ могла пройти артиллерія и огромный обозъ съ съѣстными припасами, который намъ придется тащить за собой, надобно будетъ исправить дороги и даже соорудить нѣкоторыя вновь; на что потребуется не мало людей и денегъ. Допустивъ, что султанъ согласится на проходъ войска, надобно принять во вниманіе, что его приказанія нерѣдко плохо исполняются; возможно, что наши и боснійскіе агенты не выполнятъ его приказаній, если это не будетъ согласоваться съ ихъ интересами. Босняки и тѣ немногіе французы, которые живутъ въ Далмаціи, могутъ задержать или, по крайней мѣрѣ, помѣшать движенію арміи по непроходимымъ ущельямъ, гдѣ возможно проходить только гуськомъ; но, даже допустивъ, что намъ удалось бы безпрепятственно дойти до Далмаціи, на что́ я не разсчитываю, мы не найдемъ тамъ ни крѣпостей, ни портовъ, а Бокко ди Каттаро, Рагуза и т. п. занять будетъ трудно. Наступитъ позднее время года, съѣстные припасы истощатся, начнутся болѣзни, и можно опасаться, какъ бы эта превосходная армія не погибла сама собою, или по меньшей мѣрѣ не пострадала или не была бы вынуждена возвратиться среди зимы въ Валахію. Я не думаю, чтобы можно было особенно положиться на иллирійцевъ; это тѣ же греки — народъ низкій, коварный и измѣнчивый; между тѣмъ безъ нихъ ничего не сдѣлаешь и если бы французы, благодаря своему вліянію или золоту, склонили ихъ на свою сторону, то мы не только не могли бы разсчитывать на успѣхъ, но намъ пришлось бы на каждомъ шагу встрѣчать препятствія. Чтобы дойти до Адріатическаго моря, понадобится не менѣе двухъ мѣсяцевъ; я боюсь, что войску не удастся выступить ранѣе, какъ 25 іюля (6 августа); слѣдовательно, оно дойдетъ до мѣста назначенія лишь 1/13 октября; время года будетъ уже позднее; могутъ ли тогда быть выполнены необходимыя вспомогательныя дѣйствія флота? Я говорю это въ предположеніи, что намъ нечего опасаться австрійцевъ, ибо, въ противномъ случаѣ, мнѣ кажется, нечего и думать

о такой дальней экспедиціи. Австрійцы, спустившись съ высотъ Трансильваніи въ Валахію, окружатъ нашу армію въ Босніи. Ежели, для предупрежденія опасности, въ Далмацію будетъ послана только половина этой арміи и другая половина будетъ оставлена въ Валахіи, то подобное раздѣленіе силъ ослабитъ насъ повсемѣстно. При томъ, если нами будутъ оставлены тутъ войска, то Диванъ сочтетъ, что послѣ побѣдъ, одержанныхъ въ Польшѣ, мы боимся, что намъ не удержаться на берегахъ Дуная, въ такомъ случаѣ онъ не только не будетъ способствовать нашимъ планамъ, но можетъ даже противодѣйствовать имъ.

Если эту многочисленную, готовую къ бою и свѣжую армію, одушевленную самымъ прекраснымъ духомъ, двинуть въ Польшу и въ Россію, гдѣ она могла бы совершить зимнюю кампанію, или вторую кампанію въ 1813 г., то, я полагаю, она могла бы одержать побѣду надъ непріятелемъ, который утомленъ, дезорганизованъ послѣ первой кампаніи и ослабленъ потерями, которыя были вѣроятно весьма значительны.

Если я могу отплатить императору за его благодѣянія, принявъ участіе въ предстоящей экспедиціи, то я готовъ доказать свое рвеніе и преданность, которыя не ослабнутъ ни на минуту; но я боюсь, что эта кампанія не увѣнчается успѣхомъ и погубитъ эту превосходную армію, съ которой я сражаюсь вотъ уже шесть лѣтъ. Это единственная причина, заставившая меня взяться за перо; я болѣе чѣмъ кто-либо иной хотѣлъ бы ошибиться, такъ какъ я болѣе, чѣмъ кто-либо иной, желаю славы и пользы своему отечеству.

Честь имѣю быть и пр. Ланжеронъ.

Я счелъ долгомъ препроводить письмо графа Ланжерона императору въ оригиналѣ, приложивъ къ нему со своей стороны нижеслѣдующее письмо:

Смоленскъ, 4—16 августа 1812 г.

Ваше Величество! Я получилъ отъ графа Ланжерона изъ Валахской арміи второе письмо; содержаніе его показалось мнѣ настолько интереснымъ, что я счелъ долгомъ повергнуть его къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Говоря объ экспедиціи въ Далмацію, которую онъ считаетъ намѣченной, онъ дѣлаетъ весьма дѣльныя и справедливыя замѣчанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что 40.000 армія, будучи послана въ Далмацію, преодолѣвъ всѣ препятствія, какія представляетъ тамошняя мѣстность, пойдетъ въ Италію и будетъ помогать англичанамъ; они же, какъ увѣряютъ, должны совершить тамъ дессантъ, который можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія; но при данныхъ обстоятельствахъ нельзя, повидимому, думать объ

этой отдаленной экспедиціи или ожидать отъ нея благопріятныхъ результатовъ. Только блестящія и рѣшительныя побѣды, одержанныя въ той мѣстности, гдѣ сосредоточены главныя силы, могутъ подготовить населеніе этой отдаленной страны къ мысли о необходимости присоединиться къ намъ и стряхнуть съ себя наложенное на нихъ иго; но до тѣхъ поръ, пока оно будетъ видѣть, что непріятель находится еще въ предѣлахъ Россіи, и можетъ одержать побѣду, его будетъ сдерживать страхъ, и это заставитъ его обратить оружіе противъ насъ. Первое сраженіе, которое произойдетъ, какъ я полагаю, въ окрестностяхъ Смоленска, даже если бы оно увѣнчалось успѣхомъ, не будетъ имѣть, я думаю, какихъ-либо рѣшительныхъ для насъ послѣдствій и не измѣнитъ нашего положенія настолько, чтобы дать намъ право предпринять эту экспедицію. Между тѣмъ, если Молдавская армія будетъ двинута въ такомъ направленіи, чтобы она могла поддержать операціи главныхъ силъ, соединенныхъ съ арміей Тормасова, то она представитъ изъ себя прекрасное многочисленное войско, которое могло бы содѣйствовать главной арміи въ достиженіи блестящей побѣды; если же наши сѣверныя арміи понесли бы пораженіе, то она могла бы съиграть роль главной арміи и представила бы непріятелю внушительный и грозный фронтъ. Прошу Ваше Императорское Величество простить меня, если я, быть можетъ, злоупотребляю милостивымъ разрѣшеніемъ Вашимъ повергнуть къ Вашимъ стопамъ мысли, которыя по моему разумѣнію могутъ принести пользу; мнѣ внушило ихъ рвеніе, съ какимъ я готовъ служить Вамъ, моя забота о Вашей славѣ, о счастьѣ Вашего народа и признательность за всѣ Ваши благодѣянія".

Изъ этой переписки видно, что планъ диверсіи Молдавской арміи въ Далмацію входилъ въ операціонный планъ генерала Пфуля.

Къ счастью, въ тотъ моментъ, когда я пишу это письмо, наша армія подходитъ къ Смоленску, а съ другой стороны и въ окрестностяхъ города уже слышатся орудійные выстрѣлы непріятеля. Можете себѣ представить, какой переполохъ должно было произвести въ нашей арміи первое извѣстіе о движеніи Наполеона и боязнь, чтобы онъ не занялъ Смоленскъ до нашего возвращенія, такъ какъ это извѣстіе было получено въ тотъ моментъ, когда солдаты были изнурены безполезными и утомительными переходами въ теченіе шести дней въ самую отвратительную погоду; поэтому солдаты довольно громко высказывали свое неудовольствіе.

Я долженъ еще сказать, что во время переходовъ, совершенныхъ нашими арміями съ цѣлью дать сраженіе маршалу Нею, нашимъ генераламъ, Платову и Палену, удалось, 27 іюля (8 августа), напасть врасплохъ на войска, бывшія подъ командою генераловъ Себастіани

и Монбрена, близъ деревни Рудня, въ Молево-Болото; непріятель потерялъ при этомъ довольно большое число людей убитыми, ранеными и плѣнными.

Я вынужденъ кончить настоящее письмо; чрезвычайныя обстоятельства, о которыхъ я передалъ вамъ устно, вынуждаютъ меня оставить армію [1]).

Вы можете быть увѣрены, что я буду имѣть самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ, что произойдетъ подъ Смоленскомъ (я полагаю, что событія будутъ кровопролитныя), и что я сообщу объ нихъ въ ближайшемъ письмѣ.

Смоленскъ.

Вязьма, 12/24 августа 1812 г.

Въ настоящую минуту, я достаточно хорошо освѣдомленъ изъ обстоятельныхъ донесеній офицеровъ, бывшихъ очевидцами событій, совершившихся подъ Смоленскомъ, послѣ моего отъѣзда изъ арміи; поэтому я могу сообщить объ этихъ событіяхъ самыя подробныя свѣдѣнія.

Намъ уже извѣстно, что генералъ Раевскій, съ корпусомъ, прибылъ 3/15 августа утромъ, чтобы занять Смоленскъ. Онъ сталъ передъ воротами города, чрезъ которыя проходитъ дорога, идущая изъ Краснаго, чтобы помѣшать приближенію непріятеля, шедшаго по этой дорогѣ, вслѣдъ за генераломъ Невѣровскимъ; послѣдній присоединился со своимъ отрядомъ къ корпусу генерала Раевскаго, котораго атаковалъ въ тотъ же день послѣ полудня, довольно вяло, князь Іосифъ Понятовскій, съ польскимъ корпусомъ, бывшимъ подъ его командою; вслѣдъ за Понятовскимъ шелъ, на довольно близкомъ разстояніи, авангардъ французскихъ войскъ, подъ командою короля Неаполитанскаго. Сраженіе продолжалось нѣсколько часовъ, и непріятель былъ оттѣсненъ.

На слѣдующій день, 4/16 августа, генералъ Барклай приказалъ генералу Дохтурову вступить въ городъ съ его корпусомъ, чтобы защищать его совмѣстно съ генераломъ Раевскимъ; самъ же онъ, съ остатками обѣихъ армій, сталъ передъ городомъ на правомъ берегу Днѣпра. Непріятель возобновилъ рано утромъ атаку и повелъ ее энергичнѣе, чѣмъ наканунѣ, пустивъ въ дѣло польскую пѣхоту, которая была вскорѣ поддержана войсками изъ корпуса генерала Даву; хотя ихъ атаки были разъ за разомъ отбиты, но они возобно-

[1]) Беннигсенъ намекаетъ на свои недоразумѣнія съ Барклаемъ, командовавшимъ 1-ой арміей, который запретилъ ему вмѣшиваться въ военныя дѣйствія. Тогда Беннигсенъ просилъ позволенія уѣхать въ Петербургъ.

вляли неоднократно ихъ; перестрѣлка съ той и другой стороны прекратилась лишь съ наступленіемъ ночи.

5/17 августа Наполеонъ отдалъ приказъ взять Смоленскъ и велѣлъ дать подкрѣпленіе войскамъ, предназначеннымъ для этой атаки; сраженіе возобновилось рано утромъ. Наши войска, вынужденныя сражаться съ такими превосходными силами, могли отстоять только предмѣстье; непріятель врывался туда нѣсколько разъ; но всякій разъ, подходя къ городскимъ валамъ, онъ подвергался обстрѣлу многочисленной артиллеріи и обращался въ бѣгство; наша пѣхота пользовалась этимъ, бросалась въ штыки и прогоняла его изъ предмѣстья, нанося ему значительный уронъ. Эти кровопролитыя сцены повторялись въ тотъ день нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока наступившая ночь не прекратила эту бойню. Въ одинъ этотъ день непріятель потерялъ болѣе 10.000 человѣкъ. Къ этому нужно прибавить безъ всякаго преувеличенія тѣхъ 5.000 чел., которыхъ онъ потерялъ въ два предыдущіе дня.

Наполеонъ, котораго сопротивленіе по обыкновенію разгорячило, приказалъ на слѣдующій день, 6/18 числа, взять городъ во что бы то ни стало и вести атаку съ удвоенной энергіей. Въ этомъ дѣлѣ должны были участвовать корпуса Понятовскаго и Даву. Генералъ Барклай не счелъ нужнымъ продолжать сраженіе, въ которомъ непріятель потерялъ несомнѣнно десять или по меньшей мѣрѣ шесть человѣкъ на нашего одного, такъ какъ наши оборонялись подъ защитою зданій и валовъ. Несмотря на мнѣніе, высказанное окружающими, и на всѣ убѣжденія, вопреки желанію войска, онъ отдалъ непріятелю этотъ важный пунктъ, который и былъ оставленъ нами въ ночь съ 6/18.

Надобно замѣтить, что никакой рекогносцировки дорогъ и мѣстности, лежащей по обѣимъ берегамъ рѣки, произведено не было. Войска отступили по большой Дорогобужской или Московской дорогѣ. Правильно говорятъ, что искусный и бдительный врагъ есть самый нелицепріятный судья, такъ какъ онъ не прощаетъ противнику грубыхъ ошибокъ, а наказываетъ его за нихъ.

Какъ только наши войска очистили Смоленскъ, Наполеонъ немедленно приказалъ довольно значительнымъ силамъ съ сильной артиллеріей обойти городъ; имъ пришлось немного пройти, чтобы занять высоты лѣваго берега рѣки, господствующія надъ противоположнымъ берегомъ и большой дорогой, которая проходитъ у самаго Днѣпра и по которой должны были отступать наши войска. Такъ какъ главныя силы нашей арміи находились уже на правомъ берегу Днѣпра, и движеніе было начато ночью, то первыя колонны перешли благополучно. Но къ тому времени, когда двинулся нашъ арріер-

гардъ, подъ командою генерала Корфа, французы успѣли уже не только построить артиллерію въ батареи, но и соорудить два моста и провести черезъ нихъ благополучно значительное количество войска, чего мы совершенно не замѣтили. Въ тотъ моментъ, когда генералъ Корфъ подошелъ къ непріятелю на ружейный выстрѣлъ, онъ былъ встрѣченъ имъ столь сильнымъ огнемъ, что былъ принужденъ вернуться и пробиться сквозь кустарники, позади возвышенностей. Онъ попытался выйти изъ этого узкаго прохода, пройдя черезъ деревню Гедеоново, чтобы выйти снова на большую дорогу; но тутъ онъ встрѣтилъ вскорѣ сильную непріятельскую колонну, которая помѣшала ему выполнить это, и онъ былъ вынужденъ пробиваться и далѣе сквозь кустарники. Генералу Тучкову съ корпусомъ было приказано занять главную позицію, чтобы онъ могъ прикрыть большую дорогу и обождать генерала Корфа съ арріергадромъ, однако непріятель, оттѣснивъ этотъ арріергардъ и построившись въ колонны противъ генерала Тучкова, поспѣшно атаковалъ его на всѣхъ пунктахъ. Дѣло было вначалѣ очень жаркое; обѣ стороны долго дрались съ величайшимъ ожесточеніемъ. Непріятель то и дѣло получалъ подкрѣпленія, и нашъ генералъ, видя, что онъ успѣлъ обойти его правый флангъ, былъ вынужденъ покинуть свою позицію и большую дорогу и отступить влѣво, пройдя мимо небольшой деревушки....[1]).

Ночь настала весьма кстати, такъ какъ по ту сторону деревни оказалось болото, въ которомъ увязла вся его артиллерія; ее удалось вытащить только благодаря усиленнымъ стараніямъ, но все-таки четыре орудія достались непріятелю. Послѣ столь непріятной случайности генералъ Тучковъ вышелъ снова на большую дорогу и присоединился къ нашему арріергарду.

На слѣдующій день, рано утромъ, нашъ генералъ оставилъ эту позицію и отступилъ на большую дорогу, чтобы слѣдовать за движеніями нашей арміи. Это сраженіе и въ особенности отступленіе генерала Тучкова, въ тотъ моментъ, когда непріятель обходилъ его правый флангъ, стоило намъ очень дорого; особенно пострадалъ нашъ гренадерскій корпусъ. Мы потеряли убитыми, ранеными и плѣнными больше 3,000 человѣкъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ находился генералъ-маіоръ Тучковъ III (братъ генерала, командовавшаго во время этого сраженія), который былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Мы потеряли, сверхъ того, большую часть нашихъ понтоновъ; лошади и телѣги были разнесены огнемъ непріятельскихъ батарей. Увѣряютъ, будто генералъ Жюно, шедшій съ своимъ корпусомъ, съ намѣреніемъ

[1]) Вышеприведенное представляетъ довольно туманный разсказъ кровопролитнаго дня 19 августа при Гедеоново и Валутиной горѣ. (*Зам. изд.*).

обойти генерала Тучкова съ тыла, былъ заведенъ проводникомъ не туда, куда слѣдуетъ и уклонился слишкомъ вправо; быть можетъ это спасло русскій корпусъ отъ окончательной гибели.

Такимъ образомъ совершилась эвакуація Смоленска, и такъ былъ для насъ потерянъ самый значительный постъ, который наши войска должны были защищать во время своего отступленія и который заслуживалъ величайшаго вниманія нашего генерала. Въ настоящій моментъ мы знаемъ, что 6/18 августа Наполеонъ не сосредоточилъ всей своей арміи для сраженія подъ Смоленскомъ, и что вице-король италіанскій со своимъ корпусомъ и нѣкоторыми другими войсками находился еще далеко оттуда, въ окрестностяхъ Краснаго.

Судя по движеніямъ, выполненнымъ непріятелемъ, мы имѣемъ право думать, что условія мѣстности, на которой дѣйствовали въ тотъ моментъ войска, были ему извѣстны лучше, нежели намъ.

Возможно ли однако, чтобы непріятель, прибывъ издалека, зналъ лучше насъ условія мѣстности нашей родной страны? Поэтому я склоненъ приписать простой случайности тотъ фактъ, что непріятель причинилъ намъ такъ много вреда и нанесъ намъ столь чувствительный уронъ, воспользовавшись всѣми преимуществами мѣстности, и что эти преимущества ускользнули отъ вниманія нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Всякій военный пойметъ, какъ важно было для насъ владѣть Смоленскомъ. Бросьте взглядъ на карту; изучите позицію этого города, и вы согласитесь съ тѣмъ, что онъ прикрываетъ Витебскъ и большую часть Бѣлоруссіи, и что изъ него можно угрожать одновременно Москвѣ, Тулѣ и Калугѣ. Почему же никто не задался въ то время слѣдующими вопросами:

Во-первыхъ, почему, въ старину, сдѣланы были такія затраты на укрѣпленіе Смоленска, несмотря на то, что эта позиція мало пригодна какъ крѣпость? Во-вторыхъ, почему въ описаніи войнъ, происходившихъ между русскими и поляками, такъ часто упоминается о Смоленскѣ?

Внимательно и безъ предвзятой мысли разсмотрѣвъ карту, мы убѣдились бы въ томъ, какъ важно владѣть этимъ городомъ, и не отдали бы его такъ легко, а заставили бы непріятеля заплатить за него болѣе дорогой цѣною. Въ настоящую минуту я хотѣлъ бы одного, чтобы потеря Смоленска не имѣла для насъ слишкомъ тяжелыхъ послѣдствій. Мы уже видѣли, что въ связи съ потерею этого города мы потеряли нѣсколько сотъ подводъ, нагруженныхъ сухарями, которые были посланы для арміи и захвачены непріятелемъ на Калужской дорогѣ; онѣ подошли для него очень кстати, такъ какъ французская армія страдаетъ отъ недостатка съѣстныхъ

припасовъ. Значительная часть Смоленска была сожжена; почти всѣ жители покинули его до вступленія въ него непріятеля.

Увѣряютъ, будто генералу Тучкову пришлось имѣть дѣло съ цѣлымъ корпусомъ маршала Нея, который первый перешелъ Днѣпръ; за нимъ шла часть кавалерійскаго резерва короля Неаполитанскаго. Послѣ взятія Смоленска наши двѣ соединенныя арміи продолжали отступать по большой московской дорогѣ. Непріятель слѣдовалъ за нашимъ арріергардомъ, впрочемъ не особенно энергично.

Въ Дорогобужѣ, въ 57 верстахъ отъ Смоленска, была выбрана позиція, на которой генералъ Барклай хотѣлъ выждать непріятеля; но князь Багратіонъ, произведя ея рекогносцировку, нашелъ ее плохой, въ особенности ту ея часть, которую ему было приказано занять со второй арміей; это дало поводъ къ спору между главнокомандующими, которые послѣ катастрофы, случившейся подъ Смоленскомъ, стали относиться другъ къ другу не столь дружелюбно, какъ прежде, а съ недовѣріемъ. Какъ извѣстно, князь Багратіонъ старше генерала Барклая чиномъ; но его уступчивый характеръ и готовность строго подчиняться волѣ Монарха заставляли, до тѣхъ поръ, смолкнуть въ немъ самолюбіе, порождаемое чувствомъ чести и отъ котораго человѣку военному трудно бываетъ отказаться.

Прежде нежели продолжать разсказъ о дѣйствіяхъ нашихъ соединенныхъ армій, я долженъ сказать нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ нашей II-й арміи, съ начала кампаніи до того момента, когда она появилась подъ Смоленскомъ.

Князь Багратіонъ оставилъ съ арміей Волковыскъ 18 (30) іюня; онъ пошелъ на Слонимъ, гдѣ получилъ приказаніе оставить эту дорогу, перейти Нѣманъ въ Николаевѣ и идти на Воложинъ. Когда его легкія войска уже перешли рѣку, онѣ встрѣтили непріятеля и узнали, что маршалъ Даву шелъ со всѣмъ своимъ войскомъ по этой дорогѣ. Тогда нашъ генералъ рѣшилъ вернуть легкія войска и пойти съ своей арміей на Миръ. Этимъ безполезнымъ движеніемъ князь Багратіонъ потерялъ пять дней, а маршалъ Даву успѣлъ подвинуть къ своему арріергарду значительный корпусъ. Близъ Мира, генералъ Платовъ имѣлъ то удачное дѣло съ польской кавалеріей, о которомъ я упомянулъ выше.

Въ то время я ничего не зналъ о приказаніи, полученномъ княземъ Багратіономъ въ Слонимѣ. Въ то время еще выполнялся операціонный планъ генерала Пфуля, который исполнялъ обязанности генералъ-квартирмейстера; мнѣ кажется, тогда еще надѣялись на то, что II армія можетъ соединиться съ первой, идя прямымъ путемъ,—разсчетъ, оказавшійся совершенно невѣрнымъ. Въ арміи полагали, что движеніе это производилось съ цѣлью прикрыть городъ Минскъ; это

было невѣрно, такъ какъ Багратіонъ не могъ задержать силы Даву, которыя были вдвое многочисленнѣе его собственныхъ силъ.

Изъ Мира князь Багратіонъ двинулся на Несвижъ и Тимковичи; между этимъ послѣднимъ пунктомъ и Романовымъ, нашъ арріергардъ отбилъ непріятеля, который началъ сильно тѣснить его, понеся при этомъ нѣкоторыя потери; послѣ этого наша вторая армія продолжала идти на Слуцкъ, куда она пришла 1 (13) іюля и гдѣ провела весь слѣдующій день. 3 (15) князь Багратіонъ совершенно спокойно продолжалъ идти далѣе и дошелъ 7 (19) благополучно до Бобруйска. Во время этихъ переходовъ, генералъ Платовъ, поддержавшій со своимъ казацкимъ корпусомъ нашъ арріергардъ, имѣлъ близъ Гродно второе удачное дѣло; оно обошлось также дорого польской кавалеріи; нѣсколько полковъ ея были частью истреблены. Можно считать, что мы взяли въ сраженіи подъ Миромъ и въ ежедневныхъ арріергардныхъ стычкахъ, происходившихъ между Романовымъ и Слуцкомъ, свыше 2.000 плѣнныхъ.

Въ Бобруйскѣ князь Багратіонъ далъ войскамъ дневку, запасся для арміи провіантомъ на десять дней изъ находившихся тамъ запасныхъ магазиновъ и, переправившись черезъ Березину, 9 (21) іюля онъ пошелъ далѣе къ берегу Днѣпра съ намѣреніемъ установить сообщеніе съ 1 арміей.

Маршалъ Даву, какъ я уже сказалъ, послалъ вслѣдъ за арріергардомъ князя Багратіона значительный отрядъ, самъ же, съ главными силами своей арміи, пошелъ на Минскъ, который онъ занялъ 26 іюня (8 іюля); оттуда онъ двинулся на Борисовъ, гдѣ переправился черезъ Березину, а затѣмъ, давая солдатамъ только дневки для отдыха, пошелъ далѣе въ Новоселки, на Днѣпрѣ, съ цѣлью помѣшать князю Багратіону соединиться съ нашей 1 арміей.

10 (22) іюля, Сысоевъ, командовавшій легкой конницей, которая опередила авангардъ 2 арміи, атаковалъ кавалерійскій постъ, поставленный непріятелемъ на большой Могилевской дорогѣ, близъ Варкалабово; этотъ постъ оказалъ нѣкоторое сопротивленіе, но былъ опрокинутъ; наши преслѣдовали его до Дашкова, гдѣ у непріятеля былъ большой отрядъ пѣхоты и кавалеріи, съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи. Наши взяли въ плѣнъ около 300 кирасиръ и конныхъ егерей съ ихъ офицерами [1]).

11 (23) іюля, князь Багратіонъ, прибывшій въ Старый-Быховъ, получивъ отъ нашей легкой конницы донесеніе о томъ, что корпусъ непріятеля занялъ позицію близъ Новоселокъ, приказалъ генералъ-лейтенанту Раевскому атаковать его съ 7 корпусомъ. Нашъ

[1]) Беннигсенъ ошибается, это сраженіе происходило 21 числа. *Прим. изд.*

авангардъ до его прихода опрокинулъ непріятеля и преслѣдовалъ его до Дашкова, гдѣ самъ маршалъ Даву со своей арміей занималъ выгодную позицію. Когда къ авангарду подошелъ генералъ Раевскій съ корпусомъ, началось кровопролитное дѣло. Непріятель занималъ позицію, которая могла считаться хорошо укрѣпленной по характеру самой мѣстности и возведенныхъ на ней искусственныхъ укрѣпленій; оба фланга опирались на густой лѣсъ, фронтъ былъ прикрытъ небольшой болотистой рѣчкой, на которой находится плотина и мостъ; по этому мосту проходитъ большая Могилевская дорога. Генералъ Раевскій употребилъ всѣ свои усилія, чтобы овладѣть мостомъ и плотиной; но сооруженныя непріятелемъ въ этомъ мѣстѣ батареи, которыя были снабжены сильной артиллеріей, разрушили всѣ его старанія; потерявъ довольно много людей, онъ счелъ нужнымъ, подъ вечеръ, отступить. Это дѣло продолжалось весь день и стоило намъ много людей (отъ 2—3 тыс. человѣкъ). Потери непріятеля были, вѣроятно, также значительны.

Помните, что я писалъ изъ Смоленска [1]), когда узналъ, что Наполеонъ не спѣшилъ преслѣдовать насъ; представьте себѣ, что бы было, если бы наша 1 армія перешла Двину и пошла прямо на Оршу. Если бы она исполнила этотъ маневръ, что сталось бы съ маршаломъ Даву, очутившимся между нашими двумя арміями.

Сообщила В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) См. предъидущее письмо.

Семь лѣтъ неурожайныхъ [1].

(Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ).

II

Въ тотъ годъ стояла сильно снѣжная, суровая зима. Старожилы ждали большой воды и благопріятной для сѣва весны. Думали, что пропитанная влагой почва на этотъ разъ дастъ хорошіе всходы. Но, увы, и тутъ надежды не оправдались. „Видно впрямь, говорилъ народъ, Господь прогнѣвался на насъ за грѣхи".

Таяніе снѣговъ замедлилось, вслѣдствіе сильныхъ мартовскихъ морозовъ. Весна открылась поздняя, такъ что сѣвъ яровыхъ начался въ южной части губерніи только съ 19 апрѣля, въ сѣверной съ 21, а въ Бузулукскомъ уѣздѣ даже съ 24 числа.

Лишь только выѣхали крестьяне на поля, снова начались невзгоды. Ожидаемая хорошая весна оказалась крайне неблагопріятной для произрастанія хлѣбовъ. Съ самаго начала пахоты подули сильные вѣтры, препятствующіе сѣву, а въ маѣ начались такіе холода, что по ночамъ замерзала вода. Іюнь же открылся вдругъ до того жаркій, что въ одну недѣлю въ уѣздахъ Бугульминскомъ, Новоузенскомъ и Ставропольскомъ вспаханная земля обратилась въ пыль. Благодаря этому, ростъ озимыхъ и яровыхъ пріостановился. Вмѣстѣ съ засухой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пала мгла (помха), погубившая хлѣба въ зародышѣ. А въ Самарскомъ уѣздѣ 140 десят. побилъ градъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, вслѣдствіе крайне сухого лѣта, всюду открылись пожары,—второй бичъ степной Самарской губерніи [2].

Народъ обезумѣлъ. Открылся рядъ преступленій на почвѣ тем-

---

[1]) См. „Русскую Старину" іюнь 1909 г.

[2]) „Самар. губ. Вѣдом.", 1873 г., №№ 38 и 54.

ныхъ суевѣрій. Не только придерживавшіеся языческой старины мордва и чуваши, но и православные русскіе мужички стали производить разныя заклинанія, чтобы вызвать дождь, чтобы уменьшить все губящую засуху. Такъ въ д. Баландаевой, Бугульминскаго уѣзда, крестьяне хотѣли разрыть могилы двухъ замерзшихъ предшествовавшей зимой сельчанъ и перенести ихъ съ общаго кладбища „куда либо на низменное и мочежинное мѣсто“, такъ какъ „оттого Богъ дождя не даетъ. И эту затѣю не удалось имъ привести въ исполненіе лишь потому“, что на мѣстѣ дѣйствія ихъ засталъ священникъ съ церковнымъ сторожемъ.

Въ другомъ селѣ того же уѣзда, Сумароковѣ, крестьяне вырыли изъ земли тоже замерзшаго въ декабрѣ 1872 г. односельца, изрубили его на куски и бросили въ болото. А жители с. Каменки, замѣтивъ провалъ на трехъ могилахъ, гдѣ были похоронены двое взрослыхъ и одинъ ребенокъ, сочли послѣднихъ за колдуновъ, имѣвшихъ вліяніе на отводъ дождевыхъ тучъ; собрали сходъ и выбрали изъ своей среды „опытныхъ людей“, которые, чтобы приманить дождь, разрыли могилы, перевернули тѣла въ гробахъ внизъ лицомъ, налили туда воды и снова „прочно“ засыпали ихъ землей [1]).

Такія дѣйствія, конечно, нисколько не улучшили тягостнаго положенія сельчанъ. Засуха давала себя знать, какъ никогда; земля истрескалась, хлѣба повяли, травы пожелтѣли; не радовали поселянъ ни луга, ни степи, ни поля и нивы.

Уже въ началѣ іюля стало ясно, что населенію снова грозитъ неурожай и на этотъ разъ гораздо въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Созванныя въ августѣ чрезвычайныя уѣздныя земскія собранія: самарское, бузулукское, бугурусланское, николаевское и новоузенское заявили о повсемѣстномъ голодѣ и объ открывшихся уже крайнихъ затрудненіяхъ въ продовольствіи населенія. Нигдѣ въ сельскихъ магазинахъ не осталось хлѣбныхъ запасовъ, не было и продовольственныхъ капиталовъ.

По приблизительнымъ подсчетамъ, число нуждающихся въ этихъ пяти уѣздахъ доходило до 730 тыс. человѣкъ (т. е. 53% всего населенія). На продовольствіе ихъ до новаго урожая требовалось по меньшей мѣрѣ 844 т. пуд. муки и 664 т. пуд. зерна на обсѣмененіе.

Получивъ о такомъ бѣдствіи извѣстіе, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по ходатайству губернатора Ѳ. Д. Климова, не дожидаясь созыва губернскаго земскаго собранія, 29 августа распорядилось перевести 50 тыс. руб. изъ имперскаго продовольственнаго капитала, съ тѣмъ, чтобы „по полученіи отъ губернской управы поста-

[1]) Тамъ же, № 56.

новленія отъ земскаго собранія объ испрошеніи ссуды на продовольствіе, онъ тотчасъ же распорядился передать эти деньги въ управу для принятія съ ея стороны соотвѣтственныхъ мѣръ къ удовлетворенію настоятельнѣйшихъ нуждъ въ продовольствіи“[1]).

Дѣлая такое скудное ассигнованіе, министерство поспѣшило „дать знать земству“, такъ, сказать, предупредило мѣстныя власти, что оно не можетъ „принимать продовольствіе поголовно цѣлыхъ массъ населенія на счетъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала, такъ какъ ссуды изъ него возбуждали среди крестьянъ преувеличенныя надежды на постороннюю помощь, отнимая тѣмъ самымъ у нихъ побужденіе къ личному труду“. Вслѣдствіе этого министерство признало „необходимымъ изыскать способы къ предоставленію крестьянамъ заработковъ на мѣстѣ[2]).

На первую очередь былъ поставленъ вопросъ о проведеніи Самаро-Оренбургской желѣзной дороги, которая должна были пройти именно тѣми мѣстностями Самарской губерніи, которыя всего больше пострадали отъ неурожая 1873 г. и предшествовавшихъ годовъ. Дорога была уже разрѣшена къ постройкѣ, оставалось только организовать акціонерное общество. Но такъ какъ „при бывшихъ финансовыхъ кризисахъ“ нельзя было скоро образовать необходимый для того капиталъ, утвердить проектъ устава общества (хотя и внесеннаго на разсмотрѣніе Комитета министровъ), произвести подписку на акціи, созвать первое общее собраніе, избрать правленіе и проч., то князь Лобановъ-Ростовскій настаивалъ на немедленной постройкѣ этой дороги за счетъ правительства съ тѣмъ, чтобы, по образованіи общества, ему были сданы всѣ работы съ возвращеніемъ въ казну издержанной суммы. Къ сожалѣнію, по этому его докладу, только 14 октября состоялось Высочайшее соизволеніе о скорѣйшемъ осуществленіи акціонернаго общества для постройки дороги, „а если бы таковое, по какимъ-либо причинамъ, не будетъ утверждено до 1 января 1874 г., то разрѣшить министру путей сообщенія войти къ тому времени съ представленіемъ въ Комитетъ министровъ о приступѣ къ работамъ за счетъ правительства, на основ. правилъ 30 марта 1873 г., не ограничиваясь при этомъ однѣми земляными работами, но вести рядомъ и въ общей связи всѣ работы по ея сооруженію“[3]).

Кромѣ того, „въ виду необходимости принятія соотвѣтствующихъ мѣръ къ предотвращенію въ будущемъ повторяющагося уже три

---

[1]) „Самар. Губерн. Вѣдом.“, 1873 г. № 86.
[2]) „Правительств. Вѣстникъ“, 1873 г. № 249.
[3]) Тамъ же.

года сряду неурожая въ Самарской губерніи", министерство признало необходимымъ „оказать содѣйствіе къ открытію въ возможно скоромъ времени работъ по устройству ирригаціи полей и лѣсоразведенія, хотя бы на первый разъ только въ Бузулукскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ".

Къ сожалѣнію, благодаря нашей халатности къ дѣлу и полной беззаботливости о положеніи сельскаго населенія, ни одно изъ этихъ предпріятій не осуществилось въ ту пору, несмотря на настойчивыя просьбы о томъ мѣстныхъ властей. Оренбургская желѣзная дорога началась постройкой только съ весны 1875 года, когда острая нужда въ заработкахъ уже миновала. Лѣсоразведеніе же и ирригація до сей поры остаются проектами на бумагѣ. Правда, въ 1891 г., по плану генерала Анненкова, были произведены нѣкоторыя ирригаціонныя сооруженія въ верховьяхъ р. Бузулука, но они не принесли никакой пользы для орошенія окрестныхъ полей.

Ген.-адъютантъ Тимашевъ, сообщая (29 августа) объ этихъ предположеніяхъ правительства, просилъ самарскаго губернатора предложить губернскому земскому собранію „не только обсудить способы, какіе представляются необходимыми для устраненія настоящихъ затрудненій въ продовольствіи нуждающагося населенія и обсѣмененіи, но войти въ обстоятельное изслѣдованіе тѣхъ причинъ, коими обусловливаются неурожаи въ Самарской губерніи, а также и другихъ обстоятельствъ, которыя могли имѣть прямое или косвенное вліяніе на экономическое положеніе мѣстнаго крестьянскаго населенія, и затѣмъ указать мѣры, какія, по мѣстнымъ условіямъ, признавались наиболѣе соотвѣтственными для устраненія причинъ неудовлетворительнаго и совершенно ненормальнаго положенія Самарской губерніи въ хозяйственномъ отношеніи".

Избранная, вслѣдствіе этого, самарскимъ земствомъ комиссія, въ своемъ докладѣ (представленномъ губернскому земскому собранію 8 октября), указала прежде всего на рядъ засухъ, начавшихся съ 1871 г., которыя имѣли особенно сильное вліяніе на урожай яровыхъ хлѣбовъ, составляющихъ въ этомъ краѣ главную часть посѣва (90%). На уменьшеніе производительности почвы немало вліяло еще уменьшеніе скота, ибо замѣчено, что на земляхъ, бывшихъ подъ посѣвомъ болѣе или менѣе продолжительное время, урожай въ значительной степени зависѣлъ отъ предварительной толоки ихъ скотомъ. При недостаткѣ же толоки, земли произрастали сорными травами, истребленіе которыхъ посредствомъ улучшенія обработки было не по силамъ не только крестьянамъ, но и „огромному большинству даже состоятельныхъ помѣщиковъ" [1]).

[1]) Журналъ Самарск. Губерн. Земск. Собр. 8 октября 1873 г., стр. 183.

Между тѣмъ въ Самарской губерніи почти вездѣ обработка земли была крайне неудовлетворительна. Производилась она хотя плугами, но такими, которые работали не лучше традиціонной „сохи андреевны". Въ сѣверной части распашка земли производилась обыкновенно не болѣе $1^1/_2$—2 верш. глубины, при 5—6, рѣдко семи бороздахъ въ саженн. А какъ плугъ дѣлалъ пластъ не больше 9 верш. ширины, то при 5—7 бороздахъ оставалось неразрыхленной почвы отъ 1 до 3 бороздъ на каждую погонную сажень, что въ среднемъ составляло около $^1/_4$ десятины совершенно необработанной земли, на которой кромѣ сорныхъ травъ, конечно, ничего не могло родиться. При этомъ было принято за правило дѣлать посѣвъ подъ борону по одинъ разъ вспаханному полю. Также одинъ разъ распахивались поля и въ болѣе крупныхъ степныхъ хозяйствахъ южной части губерніи, хотя производилась тамъ распашка большими плугами въ 10 воловъ и пластъ достигалъ $4^1/_2$ верш. глубины.

Понятно, столь незначительно толстый и недостаточно разрыхленный верхній слой земли не въ состояніи былъ впитывать и удерживать въ себѣ надолго атмосферную влагу, необходимую для химическаго разложенія питающихъ растенія веществъ. Поэтому въ степной мѣстности этой губерніи, совершенно открытой съ юго-востока и подверженной дѣйствію вѣтровъ изъ пустынь Средней Азіи, достаточно было нѣсколько дней „сухоты", чтобы почва высохла, а съ ней вмѣстѣ засохли корни растеній. И наоборотъ, при ненастной погодѣ, въ плохо разрыхленной почвѣ растеніе скорѣе полегало и если, вслѣдствіе ослабленія корневыхъ питей, совсѣмъ не погибало, то приносило плодъ неполный и плохого качества [1]).

Вопросъ о наивозможно большемъ углубленіи пахотнаго слоя и болѣе тщательной обработкѣ земли давно поднимался среди самарскихъ земледѣльцевъ. По примѣру другихъ земледѣльческихъ странъ, признавали необходимымъ ввести и у насъ усовершенствованные плуги, бороны, молотилки, жатвенныя машины. Самымъ лучшимъ орудіемъ для обработки земли считали паровые плуги, уже болѣе 15 лѣтъ (до 1873 г.) употреблявшіеся въ Америкѣ, Австріи, Англіи и Египтѣ, которые могли поднимать пластъ до 8 верш. глубины. Одинъ изъ землевладѣльцевъ Николаевскаго уѣзда Клюпфель еще въ 1871 г. задумывалъ учредить въ Поволжьѣ „Общество парового пахапія". Мѣстные землевладѣльцы сочувственно отнеслись къ его затѣѣ, и въ одной только Самарской губерніи нѣсколько лицъ, производившихъ значительные посѣвы пшеницы, хотѣли сдавать ему ежегодно по 20 т. десятинъ, обѣщая увеличить цѣну за распашку

[1]) „Самарск. Губерн. Вѣд." 1874, №№ 18 и 81.

ихъ, если паровая пахота дѣйствительно поможетъ болѣе постояннымъ урожаямъ.

Клюпфель вошелъ въ соглашеніе съ компаніономъ извѣстнаго англійскаго заводчика Фаулера, Грегомъ, который согласился, до окончательнаго учрежденія общества, доставить въ Самару для производства опытовъ одинъ паровой плугъ, нарочно приспособленный для степныхъ мѣстностей съ двумя паровозами и прочими принадлежностями, и взять его обратно, если организація общества не состоится. Всѣ расходы (около 8 т. р.) за доставку плуга изъ Англіи въ Самару и установку его приняли на себя: удѣльное вѣдомство, сызранскій помѣщикъ графъ Орловъ-Давыдовъ и Клюпфель [1]). Опыты предполагалось произвести весной 1873 г. Къ несчастію, Клюпфель сообщилъ о томъ въ С.-Петербургскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ. Собраніе съ полнымъ сочувствіемъ отнеслось къ его мысли, но тутъ же раздались голоса, что „для Россіи паровой плугъ не годится“.

Эта ли причина, или какая другая, такъ обезкуражили предпринимателей, что, несмотря на благопріятные опыты, произведенные близъ Самары, общество парового паханія въ Самарской губерніи не состоялось, и, за исключеніемъ двухъ-трехъ большихъ экономій, до сей поры обработка земли не производится паровыми плугами.

Можетъ быть, этому обстоятельству помѣшала та существенная причина, что паровымъ плугомъ успѣшнѣе воздѣлывались новыя (нетронутыя) земли. Тогда какъ въ Самарской губерніи земли, перепахиваемыя крестьянами, безъ всякихъ удобреній, въ продолженіе многихъ лѣтъ, были вездѣ крайне истощены. Паровой земли, засѣваемой озимымъ хлѣбомъ, приходилось въ общей сложности не болѣе $1^1/_2$ дес. на дворъ. Обыкновенно же крестьяне засѣвали пшеницу на одномъ и томъ же полѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, иначе говоря „хлѣбъ по хлѣбу“, что, конечно, имѣло большое вліяніе на степень урожая. Почва съ каждымъ годомъ давала меньше соковъ. Хлѣбъ, обильный соломой, родился тощимъ и малоумолотнымъ по вѣсу. Между тѣмъ пшеница, посѣянная послѣ ржи, давала гораздо лучшій сборъ зерна.

На это обстоятельство было обращено вниманіе даже мѣстной администраціи, и со стороны губернатора не разъ предлагалось „внушать крестьянамъ о необходимости посѣвовъ ржи, какъ хлѣба, который, будучи посѣянъ съ осени, лучше вынесетъ засуху, поглощая влагу отъ таянія снѣговъ“; сами крестьяне также дорожили зем-

[1]) Плугъ съ 12-тью сильными паровозами стоилъ въ то время въ Англіи 1.500 фун. стерлинговъ, т. е. болѣе 11 т. р. (фунтъ по курсу того времени— 7 р. 35 коп.).

лей послѣ ржи. Однако не заводили трехпольнаго хозяйства, объясняя это тѣмъ, что если пшеницы уродилось на десятинѣ 3 мѣшка, то они по цѣнѣ равны шести мѣшкамъ ржи. Въ концѣ концовъ случалось такъ, что не было ни того, ни другого.

По мнѣнію организованной губернскимъ земствомъ комиссіи, „это соображеніе, при господствующей привычкѣ къ посѣву пшеницы, при годности тамошнихъ земель къ культурѣ высшихъ сортовъ хлѣбныхъ злаковъ, служило и будетъ служить главнымъ препятствіемъ успѣшному осуществленію предложенной мѣры, несмотря на то, что во многихъ мѣстностяхъ губерніи урожаи ржи были болѣе постоянны и могли вполнѣ обезпечить продовольствіе населенія. Но, благодаря чрезполосному пользованію землей, обусловленному общиннымъ владѣніемъ, трудно установить такое раздѣленіе полей, при которомъ посѣвы ржи сдѣлались бы возможными.

„Надо сознаться, говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ Шандеръ [1]), что, при существующемъ порядкѣ раздѣла общинныхъ земель, крестьяне очень не охотно обрабатываютъ свои надѣлы, въ виду главнымъ образомъ того обстоятельства, что, при новомъ передѣлѣ, земля, бывшая въ пользованіи одного, можетъ перейти къ другому. Такъ для чего же крестьянину стараться удобрять и улучшать ее, тратить деньги и трудъ, если она черезъ нѣкоторое время достанется какому-нибудь тунеядцу“.

Къ этимъ частнымъ обстоятельствамъ экономическаго упадка Самарскаго крестьянства присоединились еще другія причины болѣе общаго свойства, изъ коихъ, по мнѣнію комиссіи, главной причиной являлось возвышеніе податей до размѣра, превышающаго платежныя средства большинства крестьянъ, о чемъ хорошо было освѣдомлено и правительство, предлагавшее еще въ 1870 г.,—циркулярами министра финансовъ отъ 9 и 10 сентября, на обсужденіе земскихъ собраній вопросъ „о замѣнѣ подушной подати и другихъ подушныхъ съ крестьянъ сборовъ подворнымъ налогомъ и поземельною податью“.

При существовавшей системѣ налоговъ, съ одного крестьянскаго двора въ то время сходило свыше 26 руб. различныхъ повинностей. Большая часть ихъ взыскивалась съ крестьянъ, согласно „положенной по закону въ основаніе всей нашей податной системы“ круговой поруки, представлявшей собою полную необезпеченность права частной собственности, составляющей первое необходимое условіе успѣшности всякаго экономическаго развитія.

„Руководствуясь круговой порукой, разсказывала комиссія, мѣстная полиція часто безъ разбора описываетъ у крестьянъ за недоимки

---

[1]) „Самарск. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г., № 81.

имущество, не справляясь, принадлежитъ ли оно недоимщикамъ, или людямъ, уже уплатившимъ подати.

Въ тотъ же голодный 1873 годъ, циркуляромъ 19 іюня, самарскій губернаторъ Климовъ, „для отвращенія на будущее время народныхъ бѣдствій“, настаивалъ на устройствѣ общественныхъ запашекъ, „по примѣру бывшихъ въ 1861 г. въ удѣльныхъ селеніяхъ“, съ отводомъ на каждыя 10 душъ по 1 десят. земли [1]), угрожая при этомъ: „тѣ сельскія общества, которыя откажутся отъ введенія у себя общественныхъ запашекъ, тѣмъ самымъ лишатъ себя права на какую-либо помощь правительства въ случаѣ неурожая“.

Словъ нѣтъ, мѣра эта, при настойчивомъ веденіи ея, могла бы привести къ составленію вполнѣ надежныхъ хлѣбныхъ запасовъ; но крестьянамъ были слишкомъ памятны тѣ крутые способы, посредствомъ которыхъ вводились эти запашки въ удѣльныхъ имѣніяхъ 38 лѣтъ назадъ, сдѣлавъ это благоустройство имъ ненавистнымъ, несмотря на пользу, которую оно приносило. Комиссія припоминала, какъ производились эти работы подъ строгимъ надзоромъ непосредственно заинтересованныхъ въ успѣхѣ дѣла лицъ, которыя пользовались широкимъ правомъ налагать тяжкія взысканія за нерадѣніе. „Такой надзоръ въ нынѣшнее время не мыслимъ; а безъ него едва-ли можно разсчитывать на успѣхъ работъ, ничѣмъ не вознаграждаемыхъ. Введеніе общественныхъ запашекъ, въ видѣ обязательной мѣры, было бы поэтому равносильно установленію новой натуральной повинности, для населенія крайне обременительной“.

Не обѣщая практической пользы до той поры, пока сами крестьяне сознательно не признаютъ ее для себя выгодной, такая мѣра могла бы только вызвать серьезныя затрудненія. Поэтому комиссія просила губернское земское собраніе возбудить ходатайство „объ отмѣнѣ суроваго губернаторскаго постановленія“.

На засѣданіи 8 октября земское собраніе рѣшило ходатайствовать предъ правительствомъ прежде всего „о немедленной пріостановкѣ взысканій всѣхъ денежныхъ въ пользу казны сборовъ оклада текущаго 1873 г. и за 1-ю половину 1874 г., разсрочивъ уплату ихъ на 5 лѣтъ, начиная со 2-й половины 1875 года“, потому что, „какъ бы ни были щедры пособія, которыя окажетъ крестьянамъ правительство, они все-таки не въ состояніи будутъ произвести посѣвы въ такомъ размѣрѣ, чтобы сразу возстановить свое разрушенное хозяйство, даже при обильномъ урожаѣ, и едва-ли успѣютъ завести нѣсколько скота, вмѣсто распроданнаго на прокормленіе себя и уплату податей“.

Въ очень тяжелыя экономическія условія, гдѣ бѣдствіе голода

---

[1]) Въ удѣльныхъ имѣніяхъ отводилось 1 десят. на 16 душъ.

имѣло общій характеръ, были поставлены уѣзды Бузулукскій и Бугурусланскій въ полномъ составѣ, Николаевскій, кромѣ волостей Балаковской, Панинской и Екатерининштадтской (Баронской), находившихся въ лучшихъ условіяхъ для заработковъ и менѣе пострадавшихъ, и Имилѣевской и Курбаевской, населеніе коихъ башкиры почти не занимались земледѣліемъ; Самарскаго—волости: Бобровская, Дубовоуметская, Чернорѣчинская, Томыловская, Студенецкая, Владимірская и Преполовенская, болѣе другихъ пострадавшія вслѣдствіе трехлѣтняго сряду неурожая, и Новоузенскаго—деревни: Курская, Кіевская и Олонецкая,—недавно поселенныя, подвергавшіяся постояннымъ съ самаго водворенія недородамъ.

Относительно этихъ мѣстностей губернское земство ходатайствовало еще сдѣлать отсрочку и въ платежѣ губернскаго сбора за 2-ю половину 1873 г. и 1-ю половину 1874 г.

По вычисленію, сдѣланному комиссіей, на продовольствіе голодающихъ и обсѣмененіе полей потребовалось для уѣзда Бузулукскаго 1.500 т. р., Николаевскаго—759.709 р., Бугурусланскаго 462.241 р., Бугульминскаго 115.803 р., Самарскаго—50 т. р., Ставропольскаго—18 т. и Новоузенскаго—10 т. р., а всего 2.915.758 р.

Испрашивая въ такомъ размѣрѣ ссуду, земство настаивало на томъ, чтобы первые два года послѣ выдачи ея, проценты на нее не начислялись, уплату начать съ третьяго года, въ продолженіе 15-ти лѣтъ по равной части, съ ежегоднымъ взносомъ $^0/_0$ на всю остающуюся въ долгу сумму, при чемъ просило назначить по возможности низшій $^0/_0$. Собраніе ходатайствовало, чтобы „въ счетъ суммы, какая будетъ опредѣлена правительствомъ въ ссуду, до милліона руб. было предоставлено земству въ скорѣйшій по возможности срокъ для устраненія самыхъ настоятельныхъ нуждъ населенія; остальную же сумму можно ассигновать по частямъ въ сроки, какіе угодно назначить правительству, но не позже 1 марта 1874 года“.

Въ заключеніе своего ходатайства, земство просило объ изъятіи отъ предстоящаго рекрутскаго набора населеній уѣздовъ Бузулукскаго, Бугурусланскаго и Николаевскаго (кромѣ пяти, менѣе пострадавшихъ волостей), о безплатной выдачѣ крестьянамъ голодающихъ мѣстностей паспортовъ, о скорѣйшемъ проведеніи Самаро-Оренбургской желѣзной дороги на средства казны и объ открытіи при земскихъ управахъ сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ.

П. Юдинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1]).

Но пора возвратиться къ лѣту 1847 года и ко времени, проведенному въ деревнѣ.

Село Велени было расположено въ довольно красивой мѣстности, деревня, окруженная полями къ перемежку съ небольшими лѣсками, тянулась на довольно значительномъ пространствѣ, а въ концѣ ея стояла красивая церковь съ зелеными куполами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни виднѣлись другіе лѣса, но самое красивое мѣсто было довольно большое озеро верстахъ въ двухъ, трехъ отъ деревни, окруженное также съ одной стороны дремучимъ лѣсомъ, а съ другой покосами; при солнечномъ освѣщеніи эта мѣстность представляла весьма живописную картину.

Прогулки вмѣстѣ съ И. С. Яроцкимъ, охота, занятія по хозяйству — все это меня очень интересовало. — Нелегко представить себѣ тотъ восторгъ, въ который я пришелъ, когда мнѣ удалось въ первый разъ на охотѣ убить утку. Я отправился съ ружьемъ вдоль рѣчки, по которой, какъ мнѣ говорили, водились утки. Рѣка протекала по открытому пространству, окаймленная камышевыми зарослями. Долго въ возбужденномъ ожиданіи я шелъ вдоль рѣки, не видя ни малѣйшаго признака дичи, вдругъ совершенно неожиданно послышался шумъ удара крыльевъ и изъ камышей неподалеку отъ меня поднялось нѣсколько дикихъ утокъ; я выстрѣлилъ, и одна изъ нихъ упала въ воду. Какъ описать восторгъ охотника при первомъ неожиданномъ успѣхѣ. Уже не помню, какъ я добрался до подстрѣленной утки, упавшей въ воду, помню только, что я все же до нея добрался и съ торжествомъ возвратился домой, неся въ рукахъ свою добычу.

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь 1909 г.

Съ тѣхъ поръ я сдѣлался большимъ любителемъ охоты и постоянно гулялъ съ ружьемъ, хотя меня нельзя было назвать настоящимъ охотникомъ, потому что я никогда не имѣлъ даже охотничьей собаки, а, гуляя съ ружьемъ, стрѣлялъ только дичь, которая мнѣ случайно попадалась подъ ружье. Это постоянное гулянье съ ружьемъ представляло однако нѣкоторую опасность. Разъ, когда мое семейство уже жило въ деревнѣ, я вмѣстѣ съ сестрами отправился гулять, взявъ, какъ обыкновенно, съ собою ружье. Мы нѣсколько разошлись въ разныя стороны, и младшая сестра сѣла отдохнуть у пригорка. Она сама была закрыта пригоркомъ, но у нея на шляпѣ были перья, которыя виднѣлись изъ-за пригорка. Когда я подошелъ къ этому мѣсту и увидѣлъ эти перья на вершинѣ холма, я подумалъ, что на холмѣ сидитъ птица и потому прицѣлился, чтобы стрѣлять. Къ счастію, я еще не успѣлъ спустить курка, какъ сестра случайно встала, и я замѣтилъ во-время роковую ошибку; слава Богу, Провидѣніе предохранило меня отъ ужаснаго несчастья, которое могло бы случиться отъ неосторожнаго выстрѣла.

Были у меня попытки охотиться на волка и на медвѣдя, но каждый разъ эти попытки оставались безъ результата.

Въ ближайшихъ лѣсахъ около деревни водились волки, разъ даже молодой волкъ забѣжалъ въ усадьбу на дворъ и бросился на цыпленка, котораго кухарка держала въ рукахъ. Думая, что это какая-то злая собака, кухарка ее ударила по головѣ кострюлей, которая у нея была въ другой рукѣ и убила мнимую собаку. Когда подошли люди и осмотрѣли ее, то оказалось, что это не собака, а молодой волкъ.

Другой разъ волки заѣли ночью, въ полѣ, недалеко отъ усадьбы молодую лошадь.

Разсчитывая, что волки и слѣдующую ночь придутъ доѣдать падшую лошадь, я засѣлъ къ вечеру съ ружьемъ около этого мѣста. Долго я ждалъ волковъ, наконецъ появилось какое-то животное, которое въ темнотѣ нельзя было хорошо разглядѣть, и стало грызть остатки лошади — я выстрѣлилъ и промахнулся — и что же оказалось, что это былъ не волкъ, а голодная собака, волки же, вѣроятно, чуя близость людей, такъ и не появились въ эту ночь.

И вотъ въ чемъ заключалась моя первая и единственная охота на медвѣдя. Медвѣди водились у насъ въ дальнихъ лѣсахъ и нерѣдко мяли и поѣдали овсяные посѣвы, находившіеся на отдѣльныхъ лужайкахъ посреди лѣсовъ. Однажды мнѣ донесли, что въ овсяномъ полѣ въ лѣсу оказался слѣдъ медвѣдя, и я рѣшилъ идти ночью съ двумя крестьянами, чтобы подкараулить его. Часовъ въ десять вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, я отправился въ

путь въ сопровожденіи двухъ мужиковъ, изъ нихъ только у одного было плохенькое ружье, а у меня было обыкновенное двухстволь-ное ружье, пистолетъ и кинжалъ. Пришлось пробираться глухимъ лѣсомъ, по тропинкамъ, которыя въ темнотѣ едва можно было разглядѣть. — Ночное шествіе лѣсомъ представляло никогда невиданные мною еще эффекты. Въ темнотѣ деревья принимали самыя разнообразныя формы, листья, покрытые росою, казались при лунномъ освѣщеніи серебристо-лучезарными; по временамъ между деревьями пролетали свѣтящіеся червячки, луна то скрывалась отъ нашихъ глазъ за деревьями, то ярко освѣщала какое-либо одно мѣсто — это были картины и впечатлѣнія, которыя я никогда не забуду, какой-то заколдованный лѣсъ, какъ его описываютъ въ волшебныхъ сказкахъ. Наконецъ мы пришли въ назначенное поле, увидѣли затоптанный овесъ, по которому очевидно ползалъ медвѣдь, а на землѣ явные слѣды медвѣжьихъ лапъ. Мы расположились за деревьями кругомъ поля и въ возбужденномъ ожиданіи просидѣли въ лѣсу до ранняго утра. Но медвѣдь не появился; у этого звѣря очень острое чутье; онъ распозналъ вѣроятно присутствіе людей и потому не пришелъ. Очень можетъ быть, что это было къ нашему счастію, потому что при нашемъ плохомъ вооруженіи можетъ быть кому-либо изъ насъ досталось бы плохо, особенно если бы удалось ранить медвѣдя, а убить его наповалъ изъ обыкновеннаго ружья, при нашей охотничьей неопытности, было мало надежды.

Мало по малу я сталъ знакомиться съ сосѣдями. Прежде всего я познакомился съ владѣльцемъ села Андрошеръ, отставнымъ гусарскимъ полковникомъ В. Н. Пантелѣевымъ. Это былъ добрый малый, весельчакъ, съ очень хорошимъ состояніемъ, женатый на дочери сосѣдняго помѣщика Назимова. У него была большая усадьба съ красивымъ барскимъ домомъ, богато меблированнымъ. Онъ жилъ довольно широко и гостепріимно, и мнѣ пришлось часто бывать у него на обѣдахъ. Такъ такъ я былъ въ этомъ кругу совершенно новый человѣкъ, то мѣстное общество интересовалось узнать обстановку моей жизни. На одномъ изъ первыхъ же вечеровъ у Пантелѣева ко мнѣ подсѣлъ его пріятель, тоже гусарскій полковникъ, сколько помню Черичевъ, и сталъ, подъ видомъ дружескаго разговора, пренаивно разспрашивать меня о моей семьѣ, моихъ родственникахъ, знакомыхъ и т. д. Добрый, веселый и гостепріимный В. Н. Пантелѣевъ былъ однако не особенно хорошимъ хозяиномъ, такъ что послѣ его смерти его сыну остался только небольшой капиталъ, имѣніе же, кажется, было продано.

Ю. Ф. Тиранъ, владѣлецъ имѣнія Плюссы, былъ въ этомъ отношеніи совершенно другого характера. Хорошій хозяинъ, весьма раз-

*

счетливый, очень дѣльно управлялъ своими богатыми имѣніями, хотя тоже жилъ широко. Его отецъ или дѣдъ прибылъ въ Россію изъ-за границы, кажется, изъ Франціи, нажилъ себѣ солидное состояніе и сдѣлался владѣльцемъ большого дома на Мойкѣ, въ которомъ находилась гостиница „Демутъ“. Ю. Ф. Тиранъ женился на дѣвицѣ Татищевой, также изъ богатаго семейства, за которой онъ взялъ большое и хорошо устроенное имѣніе, по сосѣдству съ его родовымъ имѣніемъ. Домъ свой въ Петербургѣ онъ продалъ и вырученныя деньги употребилъ на устройство и усовершенствованіе своихъ Лужскихъ имѣній. При домѣ въ Плюссѣ былъ большой и роскошный паркъ, чрезвычайно живописно расположенный на берегу рѣки Плюссы. Впослѣдствіи къ нему перешло еще богатое имѣніе брата его жены, село Крицы. Этотъ братъ Н. И. Татищевъ жилъ холостякомъ въ своемъ прекрасномъ имѣніи, Крицы, нигдѣ не служилъ и занимался подрядами по содержанію почтовыхъ станцій. Человѣкъ образованный, онъ страстно занимался чтеніемъ журналовъ и газетъ, выписывалъ всевозможныя русскія и иностранныя изданія.

Наконецъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ еще о другомъ сосѣдѣ, помѣщикѣ Н. И. Христовскомъ. Онъ былъ въ то время предводителемъ дворянства въ Лужскомъ уѣздѣ. Происхожденіемъ его семейство было, кажется, изъ Греціи и, вѣроятно, носило названіе Christos, которое потомъ превратилось въ русское Христовскій. Отецъ и дѣдъ его уже находились въ Россіи и состояли на русской службѣ. Самъ Николай Ивановичъ служилъ въ Конногвардейскомъ полку, рано вышелъ въ отставку, поселился въ имѣніи и предался его управленію. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, онъ достигъ совершенства. Это имѣніе село Гагрино было не очень большое, но обладавшее очень хорошими полями и превосходными покосами; онъ сдѣлалъ изъ него образцовое имѣніе, построилъ красивый домъ, передъ которымъ на площадкѣ красовались въ видѣ украшенія разныя затѣи: качели, каруселя, деревянныя горы и т. п., и велъ все свое хозяйство необыкновенно практично и разсчетливо; онъ не зналъ долговъ, что тогда про рѣдкаго помѣщика можно было сказать, и при относительно скромныхъ средствахъ, умѣлъ жить и принимать очень хорошо. Прислуги онъ держалъ не много, но когда у него были гости, эта прислуга являлась всегда въ ливреѣ, съ иголочки— онъ полагалъ особенное тщеславіе въ томъ, чтобы все у него было аккуратно, чисто и всегда прилично; порядокъ у него доходилъ до педантичности. Изъ всѣхъ сосѣдей у него у одного только была домовая церковь, пристроенная къ большому залу въ домѣ и отдѣлявшаяся въ неслужебное время отъ залы красивыми полированными дверями, во всю ширину залы. Получить разрѣшеніе на устрой-

ство у себя домовой церкви въ то время было не легко, ему пришлось пожертвовать, для полученія этого разрѣшенія, довольно значительнымъ капиталомъ, кажется 35.000 руб. И эти деньги онъ съумѣлъ выдѣлить изъ имѣнія, ни сколько его не разстраивая. Крестьяне его любили и уважали, а онъ самъ всемѣрно старался развить въ нхъ средѣ благосостояніе; при этомъ онъ былъ, такъ сказать, олицетвореніемъ патримоніальной власти, но впрочемъ никогда ею не злоупотреблялъ,—ко всякимъ же либеральнымъ новшествамъ онъ относился несочувственно. До какой степени онъ даже во всѣхъ мелочахъ старался проводить разумную экономію и предусмотрительность, можетъ служить слѣдующій частный фактъ. Разъ я съ нимъ гулялъ по имѣнію, и мы подошли съ нимъ къ какой-то постройкѣ, кажется, строился амбаръ; въ то время какъ мы подходили; плотникъ мужикъ, окончивъ обтеску бревна, всадилъ въ него топоръ, чтобы освободить руки для другой работы. По этому поводу Николай Ивановичъ остановился передъ нимъ и прочелъ ему слѣдующее нравоученіе: „ахъ, братецъ, вотъ ты всадилъ топоръ въ бревно, а потомъ когда ты его вынешь, то на этомъ мѣстѣ образуется щель, туда будетъ проходить сырость и бревно станетъ гнить, а сколько у твоихъ ногъ валяется обрубковъ, въ которые ты могъ всадить топоръ безъ всякаго вреда для постройки“... Мужикъ почесалъ голову и согласился съ тѣмъ, что это дѣйствительно было бы лучше.

Жена Николая Ивановича, уже не молодая, милая и добрая барыня, была ко мнѣ очень расположена, находя, что я молодой человѣкъ хорошо воспитанный—un jeune homme bien élevé, de sorte que l'on n'a pas à craindre à le laisser seul avec des jeunes filles. У нея была дочь лѣтъ семнадцати, Екатерина Николаевна, очень миловидная, къ которой я былъ не вполнѣ равнодушенъ; но такъ какъ я былъ совершенно молодымъ человѣкомъ, еще студентомъ, не имѣвшимъ обезпеченнаго положенія, то о какихъ-либо серіозныхъ отношеніяхъ между нами не могло быть и рѣчи. Екатерина Николаевна впослѣдствіи вышла за мужъ за брата Ю. Ф. Тиранъ, и я былъ шаферомъ на ихъ свадьбѣ. Она умерла молодою, немного лѣтъ спустя послѣ вступленія въ бракъ.

Я завелъ себѣ верховую лошадь, на которой я обыкновенно и ѣздилъ къ сосѣдямъ и часто ѣздилъ съ m-me Тиранъ и m-elle Христовской. Эта лошадь такъ привыкла ко мнѣ и къ самой усадьбѣ, какъ ручная собака. Ее вечеромъ выпускали изъ конюшни на свободу, она, обѣжавъ нѣсколько разъ усадьбу, сама возвращалась домой.

Зимою бывали иногда то въ томъ, то въ другомъ имѣніи балы. Очень интересно было обыкновенно возвращеніе съ бала. Ряды

саней, въ красивой упряжкѣ, неслись по бѣлоснѣжной дорогѣ, а впереди скакалъ человѣкъ съ большимъ факеломъ изъ горящей смолы на длинномъ шестѣ, для освѣщенія дороги—особенно проѣзжая лѣсомъ, это представляло весьма живописную картину.

Изъ числа сосѣдей могу упомянуть еще Половцева, Назимова, генерала Карпова и Бизюкина.

Половцевъ, отецъ бывшаго государственнаго секретаря и впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта, извѣстнаго богача по браку съ воспитанницей барона Штиглица, А. А. Половцева. Это былъ человѣкъ умный, но ни съ кѣмъ не жившій въ ладу.

Вообще замѣчательно, что между мѣстными помѣщиками, несмотря на то, что они всѣ были хорошо другъ съ другомъ знакомы и даже многіе между собою въ родствѣ, происходили постоянныя ссоры и пикировки, большею частью изъ-за какихъ-либо мелочей—помятаго края поля, дороги,—или какъ-нибудь случайно уязвленнаго самолюбія—такъ что постоянно были различныя партіи во враждѣ другъ съ другомъ. Это, кажется, общая судьба всякой провинціальной жизни.

Назимовъ служилъ гдѣ-то въ Петербургѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника и купилъ небольшое имѣніе въ нашемъ краѣ. Хотя онъ былъ очень не богатъ и потому не могъ дѣлать у себя пріемовъ,—его всѣ уважали, и онъ постоянно былъ въ нашемъ обществѣ. Его старшая дочь незадолго передъ тѣмъ какъ я поселился въ Веленяхъ, вышла замужъ за Пантелѣева.

Ближайшій мой сосѣдъ, Карповъ, генералъ, владѣлъ имѣніемъ Дуброво и ничѣмъ особенно не отличался.

Совершенно своеобразная личность былъ Бизюкинъ. Очень образованный, хорошо говорящій на иностранныхъ языкахъ, отъ служилъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. У него было не большое, но хорошее имѣніе—и этотъ человѣкъ образованный, состоятельный, совершенно сгубилъ себя вслѣдствіе страсти къ карточной игрѣ. Проигравъ все состояніе, онъ пріѣзжалъ въ гости къ сосѣдямъ, играя роль нахлѣбника, подвергавшагося постоянно насмѣшкамъ и шуткамъ, часто очень не деликатнымъ,—и все это онъ переносилъ и забывалъ и былъ счастливъ, когда только могъ поиграть въ карты.

Говоря о томъ времени и о лицахъ, съ которыми мнѣ приходилось тогда сталкиваться, приходится упомянуть еще объ одной личности, которая впослѣдствіи играла довольно выдающуюся роль въ Петербургскомъ биржевомъ мірѣ, я говорю о молодомъ человѣкѣ, Маузелинѣ, который состоялъ тогда секретаремъ у Т. С. Бека, и котораго послѣдній тоже, кажется, выписалъ изъ Германіи, вмѣстѣ

съ Ѳ. М. Штосомъ, о которомъ была рѣчь выше. Молодой и красивый брюнетъ, ловкій и умный, кажется, съ нѣкоторою примѣсью еврейской крови, онъ былъ очень хорошо принятъ во всемъ мѣстномъ обществѣ и, несмотря на свое скромное положеніе, находился въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми сосѣдними помѣщиками. Впослѣдствіи онъ поступилъ въ услуженіе къ Балашеву,—весьма успѣшно управлялъ его имѣніями и снискалъ полное довѣріе хозяина, получилъ отъ него разрѣшеніе даже оперировать его капиталами на биржѣ, и дѣлалъ это такъ удачно, что не только съумѣлъ доставить Балашеву очень хорошую прибыль на пущенные въ оборотъ капиталы, но и самъ нажилъ себѣ совершенно честнымъ образомъ значительное состояніе. Впослѣдствіи онъ, кажется, открылъ банкирскую контору въ Петербургѣ, сдѣлался корреспондентомъ одного изъ значительныхъ банкирскихъ домовъ за границею, и какъ таковой, игралъ выдающуюся роль на Петербургской биржѣ.

Чтобы покончить съ деревенской жизнью, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ воспоминаніямъ, придется сказать еще нѣсколько словъ.

Въ Веленяхъ я построилъ довольно помѣстительный и удобный домъ, въ которомъ мы постоянно жили лѣтомъ до самаго момента продажи этого имѣнія. Къ намъ нерѣдко пріѣзжали родственники и знакомые изъ Петербурга и гостили у насъ по нѣсколько дней. Тогда предпринимались въ большой компаніи прогулки, поѣздки въ сосѣднія красивыя мѣстности и кавалькады верхомъ; — такъ какъ большая часть лицъ, посѣщавшихъ насъ, прежде не были знакомы съ деревенскою жизнью, то эта жизнь, представляя имъ нѣчто совершенно новое, всегда доставляла большое удовольствіе, такъ что всѣ были всегда очень довольны проведеннымъ у насъ временемъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже замѣтилъ, окружающая насъ мѣстность была красива и представляла подчасъ живописныя картины природы.

Разъ мы отправились съ дядей, Фольбортомъ и двоюродными братьями, гостившими у насъ, на охоту къ Веленскому озеру. Мы увидѣли разгуливавшаго по берегу маленькаго кулика, и мнѣ удалось подстрѣлить его. Схвативъ раненую птицу, мы замѣтили, что у нея перебита дробью одна нога, другой же раны на ней не оказалось; намъ стало жалко убивать это маленькое и красивое животное,—дядя сдѣлалъ ему ампутацію, отрѣзалъ перебитую ногу, которая висѣла только на одной кожицѣ—послѣ чего мы отпустили нашего плѣнника на волю, онъ весело поскакалъ на одной ногѣ и вскорѣ скрылся въ береговомъ камышѣ. Вообще я долженъ сказать, что самое непріятное на охотѣ была для меня необходимость убивать подстрѣленнаго звѣря,—такъ какъ рѣдко удавалось убить дичь

выстрѣломъ наповалъ; это была одна изъ причинъ, почему я впослѣдствіи совершенно бросилъ охоту.

Деревенская жизнь представляла для меня въ то время много прелестей; единственное, что портило мнѣ пріятныя деревенскія впечатлѣнія, это были полицейскія обязанности, лежавшія иногда на помѣщикахъ, по отношенію къ рекрутскимъ наборамъ. Выборъ рекрута и сдача его представляли для меня всегда тягостное и крайне непріятное бремя. Эти непріятныя впечатлѣнія особенно усилились, когда при началѣ восточной войны былъ назначенъ исключительно большой наборъ. При объявленіи о наборѣ крестьяне всѣ разбѣжались въ лѣсъ, въ деревнѣ наступила неурядица. Я получилъ извѣстіе объ этомъ въ городѣ; пришлось немедленно ѣхать въ деревню, производить тамъ судъ и расправу, вести переговоры съ сельской полиціей, выбирать и сдавать рекрутовъ; все это мнѣ до такой степени опротивѣло, что когда годъ спустя помѣщикъ Н. И. Крекшинъ, владѣвшій другою половиною села Велень, предложилъ намъ пріобрѣсти нашу часть деревни, я съ удовольствіемъ согласился на его предложеніе и уговорилъ матушку совершить продажу.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ чрезъ третьихъ лицъ, Крекшинъ самъ пріѣхалъ къ намъ въ Велени изъ другого дальняго своего имѣнія, и мы, поторговавшись съ нимъ недолго, согласились продать ему имѣніе за 12.500 рублей, при чемъ покупатель принималъ на свой счетъ всѣ расходы по заключенію купчей крѣпости и по поѣздкѣ въ Псковъ, куда надо было отправиться для совершенія купчей. Николай Ивановичъ былъ человѣкъ хорошо образованный и пріятный собесѣдникъ, и потому поѣздка вмѣстѣ съ нимъ въ Псковъ, продолжавшаяся отъ 3 до 4 дней, при чемъ два дня были проведены въ Псковѣ, представила для меня пріятное развлеченіе. Я гулялъ по городу, осматривая съ большимъ интересомъ его историческія древности — городъ расположенъ живописно на берегу рѣки Великой, окруженъ старинными стѣнами съ башнями,—на самомъ высокомъ берегу рѣки стоитъ древній храмъ, въ которомъ, между прочими замѣчательными предметами, показываютъ хранящійся тамъ мечъ, кажется, князя Витольда. Не безъ нѣкотораго интереса былъ также самый процессъ совершенія купчей крѣпости. Мы отправились вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ въ Палату и обратились тамъ къ старшему совѣтнику. Выслушавъ насъ и узнавъ въ чемъ дѣло, совѣтникъ сталъ приводить разныя препятствія къ немедленному совершенію акта... въ порядкѣ ли всѣ документы, есть ли удостовѣреніе о свободности имѣнія отъ долговъ—уплачены ли по немъ всѣ казенныя подати и нѣтъ ли

недоимокъ на немъ и т. д.; слушая его, я испугался, думая, что такимъ образомъ дѣло разстроится или по крайней мѣрѣ очень затянется, но Крекшинъ, хорошо знакомый съ мѣстными чиновничьими нравами, нисколько этимъ не смутился и ограничился объясненіемъ совѣтнику всего необходимаго. По выходѣ изъ Палаты, на мой вопросъ—какъ же дѣло теперь будетъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что всѣ сомнѣнія и затрудненія возбуждены совѣтникомъ исключительно съ цѣлью получить за устраненіе ихъ благодарность. Послѣ обѣда Николай Ивановичъ отправился на квартиру совѣтника, чтобы тамъ вручить ему, что слѣдовало. Возвратившись съ этого послѣобѣденнаго визита, Николай Ивановичъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ пораженъ тою крайнею бѣдностью, которую онъ засталъ на квартирѣ совѣтника, и прибавилъ, что чиновникъ, живущій въ такой крайней бѣдности, не можетъ не брать благодарности отъ лицъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло, и что было бы грѣшно ему не давать вознагражденія. Послѣ этого дѣло пошло какъ по маслу, купчая крѣпость была написана и утверждена, кажется въ одинъ день, о какихъ-либо затрудненіяхъ и необходимости дополнительныхъ справокъ уже не было и рѣчи. На третій день мы выѣхали изъ Пскова, покончивъ благополучно всѣ дѣла, и прибыли къ обѣду въ Велени, гдѣ Крекшинъ провелъ у насъ еще день. Матушка позаботилась приготовленіемъ хорошаго домашняго обѣда, я привезъ изъ Пскова бутылку рейнвейна и шампанскаго—все обошлось очень хорошо, и мы разстались съ Николаемъ Ивановичемъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; я слышалъ впослѣдствіи, что онъ отзывался обо мнѣ съ большою похвалою, но встрѣтиться съ нимъ вновь мнѣ уже больше не пришлось.

Послѣ продажи Велени, у насъ осталась только одна деревня Большое Захонье, часть которой впрочемъ также принадлежала другому помѣщику Ососкову. Чтобы не имѣть болѣе непріятностей съ поставкою рекрутъ, я посовѣтовалъ матушкѣ сдѣлать раздѣльный актъ, распредѣливъ крестьянъ деревни Захонье между мною и сестрами. Благодаря этому на каждаго владѣльца пришлось такое минимальное число душъ, съ которыхъ по закону уже не требовалось поставки рекрута натурой, а рекрутская повинность отбывалась деньгами. Въ Захоньѣ я вслѣдъ за тѣмъ приступилъ опять къ постройкѣ дома, въ которомъ мы потомъ, съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками, постоянно жили, и въ которомъ мы до сихъ поръ проводимъ лѣтніе мѣсяцы. Мѣстность чрезвычайно красивая, напоминающая Парголово, холмистая, пересѣченная рѣчками и озерами,—представляетъ крайне пріятное и здоровое лѣтнее мѣстопребываніе.

Теперь возвращаюсь опять къ 1850-му году, времени оставленія университета и поступленія на службу.

Въ то время существовалъ законъ, на основаніи котораго молодые люди, по окончаніи курса въ университетѣ, обязаны были прослужить три года въ провинціальныхъ учрежденіяхъ; отъ этого были освобождены только студенты, окончившіе курсъ первыми кандидатами. Этотъ законъ вышелъ при Императорѣ Николаѣ и имѣлъ цѣлью поднятіе культурнаго уровня провинціальныхъ учрежденій.

Какъ я уже выше говорилъ, мнѣ удалось выдержать экзаменъ первымъ кандидатомъ, и такимъ образомъ я получилъ право поступить прямо въ министерство и оставаться въ Петербургѣ, не разлучаясь съ матушкой. Но такъ какъ я, именно изъ желанія остаться въ Петербургѣ, уже прежде рѣшился поступить на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, которое не имѣло губернскихъ мѣстъ и въ которое потому можно было прямо поступить—и въ этихъ видахъ обратился уже заблаговременно съ ходатайствомъ къ графу Борху о его протекціи,—онъ состоялъ директоромъ департамента личнаго состава въ этомъ министерствѣ, и потому сохранилъ съ нимъ связи — то при такихъ обстоятельствахъ достоинство перваго кандидата мнѣ никакой прямой выгоды не принесло.

Уже въ университетѣ, помышляя о поступленіи въ министерство иностранныхъ дѣлъ, я избралъ темою для моей диссертаціи на степень кандидата „Торговые трактаты“,—совершенно не предвидя, что впослѣдствіи мнѣ придется самому вести переговоры и заключать подобные договоры.

До сихъ поръ моя жизнь проходила въ довольно скромной средѣ; съ высокопоставленными лицами мнѣ еще ни разу ни приходилось сталкиваться, и вотъ почему, когда, по окончаніи курса, мнѣ предстояло отправиться къ графу Борху и представиться ему, то я помышлялъ объ этомъ не безъ нѣкотораго страха, такъ какъ я былъ порядочно конфузливъ. Графъ Борхъ жилъ на Англійской набережной въ собственномъ домѣ, возлѣ Сената,—домѣ, который впослѣдствіи пріобрѣтенъ Поляковымъ. Въ дверяхъ дома меня встрѣтилъ швейцаръ въ богатой ливреѣ; спросивъ о моей фамиліи, онъ приказалъ лакею доложить обо мнѣ графу. Не прошло и минуты, какъ человѣкъ возвратился и произнесъ многозначительныя для меня слова: „графъ проситъ“.

Графъ Александръ Михайловичъ принялъ меня просто, безъ излишней снисходительности, разспросилъ о моихъ учебныхъ занятіяхъ, о моихъ желаніяхъ относительно поступленія на службу и

сказалъ мнѣ, что онъ переговоритъ съ Сенявинымъ, тогдашнимъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Дѣйствительно, мое назначеніе состоялось въ первыхъ числахъ января (1851 г.). Я поступилъ въ 1-ое отдѣленіе департамента внутреннихъ сношеній, канцелярскимъ чиновникомъ, съ жалованьемъ въ 17 руб. въ мѣсяцъ. Въ этомъ скромномъ положеніи я оставался около двухъ лѣтъ, когда наконецъ послѣдовало мое назначеніе помощникомъ столоначальника съ окладомъ 40 руб. въ мѣсяцъ; какая разница съ тѣми окладами, которые въ настоящее время получаютъ молодые люди при поступленіи на службу, оклады, которые нерѣдко доходятъ съ перваго же года до тысячи рублей.

Директоромъ департамента въ то время былъ тайный совѣтникъ Гильфердингъ, отецъ извѣстнаго писателя славянофила,—а начальникомъ отдѣленія Философовъ, который вскорѣ послѣ того занялъ мѣсто вице-директора, а потомъ и директора этого департамента. Не за долго до меня въ тотъ же департаментъ поступилъ мой университетскій товарищъ Познанскій, который съумѣлъ поставить себя очень хорошо съ Философовымъ и вскорѣ былъ назначенъ столоначальникомъ,—я работалъ въ его столѣ и подъ его начальствомъ. Занятія мои заключались въ перепискѣ, въ веденіи настольнаго журнала, въ отыскиваніи дѣлъ и въ мелкихъ редакціонныхъ работахъ. Года четыре послѣ поступленія на службу я былъ переведенъ во французское отдѣленіе. Начальникомъ этого отдѣленія былъ Рикаръ, добрый старый холостякъ, французскаго происхожденія, занимавшій это мѣсто десятки лѣтъ. На первое время въ этомъ отдѣленіи мнѣ пришлось исключительно заниматься перепиской, такъ какъ я былъ совершенно незнакомъ съ французской дѣловой редакціей. Это однако мнѣ скоро надоѣло, и я рѣшился приложить все стараніе, чтобы сдѣлаться редакторомъ. Такъ какъ бумаги у насъ были не очень разнообразнаго содержанія и большею частью ограничивались сношеніями съ иностранными посольствами по дѣламъ ихъ подданныхъ, то я выписалъ себѣ изъ дѣлъ редакцію различныхъ отношеній на всѣ возможные случаи и выучилъ ихъ наизусть. Такимъ образомъ я пріобрѣлъ готовую схему для составленія подобныхъ бумагъ, приходилось только дѣлать небольшія измѣненія сообразно съ содержаніемъ дѣла, форма же бумаги оставалась одна и та же. Особенное вниманіе приходилось обращать на комплименты въ концѣ бумаги; помню еще, что повѣреннымъ въ дѣлахъ писалось considération distinguée, посланникамъ très distinguée, а посламъ la plus distinguée. Подготовившись такимъ образомъ, я попробовалъ отредактировать нѣсколько бумагъ. Рикаръ остался доволенъ моей редакціей, сдѣлавъ въ ней только небольшое число

измѣненій, и съ того времени сталъ занимать меня редакціонными работами. Въ виду такого успѣха я пожелалъ еще болѣе ознакомиться съ французскимъ слогомъ и сталъ очень прилежно читать Revue des deux Mondes. Меня особенно занимали біографическія статьи о разныхъ государственныхъ дѣятеляхъ, которыя я читалъ съ увлеченіемъ. Но я этимъ не ограничился. Мнѣ пришло на мысль выучивать цѣлыя большія статьи изъ Revue des deux Mondes и потомъ писать ихъ на память. Сравнивая написанное такимъ образомъ съ оригиналомъ, я отмѣчалъ сдѣланныя ошибки, неточные обороты рѣчи, несоотвѣтственныя выраженія и исправлялъ все это въ моемъ текстѣ. Придуманная мною система принесла мнѣ не мало пользы, и я не могу не рекомендовать ее всякому, кто пожелалъ бы хорошо изучить иностранный языкъ. Благодаря этимъ упражненіямъ я скоро достигъ такого знакомства съ французскимъ языкомъ, что могъ сдѣлаться сотрудникомъ въ редакціи Journal de St.-Pétersbourg и впослѣдствіи даже корреспондентомъ журнала Le Nord.

Во время моего пребыванія во французскомъ отдѣленіи, извѣстный государственный человѣкъ и писатель Тенгоборгскій, занимавшійся тогда составленіемъ своего сочиненія Etudes sur les forces productives de la Russie, обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбой командировать къ нему чиновника для французской переписки. Такъ какъ было извѣстно, что Тенгоборгскій заставлялъ лицъ, находившихся въ его распоряженіи, работать крайне усиленно и обращался вообще очень невнимательно съ лицами, командированными къ нему для занятій, то большинство чиновниковъ 1-го отдѣленія подъ разными предлогами отказывались отъ командировки къ Тенгоборгскому. Когда мнѣ было предложено означенное откомандированіе, я согласился принять дѣлаемое мнѣ предложеніе, хотя и зналъ, что беру на себя не легкое и не особенно пріятное дѣло,—но я полагалъ, что могу при этомъ кой-чему научиться, это принесетъ мнѣ пользу въ будущемъ.

Тенгоборгскій былъ польскаго происхожденія и служилъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Кенигсбергѣ или Данцигѣ. Во время Польскаго возстанія, въ 1830 году, онъ не только остался вѣрнымъ русскому правительству, но принесъ даже существенную пользу, такъ какъ ему удалось удачною операціею по покупкѣ хлѣба значительно облегчить опровіантованіе нашихъ войскъ въ Польшѣ. Эта операція выдвинула его впередъ и послужила первымъ камнемъ его послѣдующей блестящей карьеры. По возстановленіи мира онъ былъ командированъ въ Вѣну, для переговоровъ по торговымъ дѣламъ, и прожилъ по этому случаю нѣсколько лѣтъ въ Вѣнѣ. Въ это время

его дочь, извѣстная красавица, вышла замужъ за графа Эстергази. Продолжительнымъ пребываніемъ въ Вѣнѣ Тенгоборгскій воспользовался для основательнаго изученія условій мѣстной экономической жизни, и результатомъ этого изслѣдованія были двѣ книги—Etudes sur les finances de l'Autriche и Etudes sur l'instruction publique en Autriche, доставившія ему имя выдающагося экономическаго и политическаго писателя. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ нѣсколько времени спустя былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; главныя его занятія были посвящены тарифнымъ вопросамъ.

Когда я явился къ нему, я увидѣлъ человѣка высокаго, бѣлокураго, довольно красивой наружности, но съ нѣсколько надменнымъ, шляхетскимъ обращеніемъ съ подчиненными. Онъ немедленно далъ мнѣ работу на домъ, переписывать манускриптъ второго тома его сочиненія „Etudes sur les forces productives de la Russie“ для печати; кромѣ того онъ занималъ меня диктовкой текста его книги. При этомъ я могъ всмотрѣться въ самый процессъ его работы: онъ былъ окруженъ разными статистическими печатными матеріалами, въ особенности изданіями министерства государственныхъ имуществъ и др. и постоянно ими пользовался при диктовкѣ мнѣ своего текста, кажется, по краткимъ конспектамъ; онъ часто жаловался при этомъ на недостаточность и неточность нашихъ оффиціальныхъ статистическихъ матеріаловъ.

Когда вышло его сочиненіе, въ Географическомъ Обществѣ обсуждался вопросъ о присужденіи ему золотой медали. Хотя медаль и была ему присуждена, но все же ему былъ сдѣланъ упрекъ лицами, на которыхъ было возложено Обществомъ представленіе критическаго отзыва о его книгѣ,—что онъ пользовался только печатными матеріалами по статистикѣ, не имѣвшими большой достовѣрности, не имѣя въ виду другихъ непосредственныхъ свѣдѣній и данныхъ. Упрекъ этотъ имѣлъ свое основаніе, но Тенгоборгскій самъ хорошо сознавалъ это, жалуясь постоянно, какъ я уже указывалъ на недостаточность матеріала и на противорѣчивость оффиціальныхъ данныхъ; но нельзя было отъ него требовать невозможнаго. Въ какой-либо отдѣльной монографіи еще было возможно хотя нѣсколько обращаться къ первоисточникамъ,—такого рода характеръ имѣло въ нѣкоторой мѣрѣ сочиненіе Г. П. Небольсина „О внѣшней торговлѣ Россіи“, или сочиненіе Аксакова „Украинскія ярмарки“, но какимъ образомъ можно было достать свѣдѣнія изъ первоисточниковъ по всѣмъ отраслямъ нашей экономической и соціальной жизни—а книга Тенгоборгскаго была именно обзоръ всѣхъ отраслей матеріальнаго быта Россіи? Сознавая недостаточ-

ность бывшаго у него подъ руками матеріала, Тенгоборгскій все же былъ принужденъ имъ пользоваться, по неимѣнію другого; онъ старался исправлять и провѣрять эти свѣдѣнія, сопоставленіемъ различныхъ данныхъ и критическою оцѣнкою ихъ, что онъ дѣлалъ по возможности, а ничего другого онъ не могъ дѣлать. Сочиненіе его, какъ первый опытъ ученой группировки всѣхъ данныхъ о производительныхъ силахъ Россіи, имѣло въ свое время несомнѣнное значеніе и принесло пользу, во-первыхъ, само по себѣ, давъ, насколько это было тогда возможно, общую картину нашего соціально-экономическаго быта, и затѣмъ еще и въ томъ отношеніи, что его книга послужила послѣдующимъ писателямъ въ этой области какъ бы образцомъ или схемой для подобныхъ работъ, потому что его система разработки предмета, вполнѣ научная, имѣла большія достоинства.

Въ первое время, какъ я уже замѣтилъ, онъ обращался со мною очень сухо, какъ съ пишущею машиною—такъ, напримѣръ, несмотря на то, что я часто работалъ у него съ утра до обѣда, хотя онъ иногда завтракалъ въ моемъ присутствіи, продолжая работать, ему однако не приходило въ голову предложить мнѣ позавтракать вмѣстѣ съ нимъ. Впослѣдствіи его отношенія ко мнѣ сдѣлались болѣе обходительны; случилось даже, что когда разъ мнѣ пришлось заниматься у него послѣ обѣда, и когда, окончивъ работу, я собирался уходить, онъ пригласилъ меня остаться къ чаю и представилъ меня своей дочери, графинѣ Эстергази, которая въ то время у него жила.

Съ окончаніемъ командировки, наши отношенія, однако, не прекратились. Я уже говорилъ о моихъ стараніяхъ усовершенствоваться въ французской редакціи и о моихъ занятіяхъ экономическими и другими государственными вопросами—путемъ чтенія различныхъ сочиненій по этой части. Мнѣ очень хотѣлось видѣть себя въ печати, тѣмъ болѣе, что я надѣялся этимъ обратить на себя вниманіе и пробить себѣ дорогу,—что отчасти и осуществилось. Читая Тенгоборгскаго и Небольсина, я былъ пораженъ ихъ указаніемъ на тѣ немаловажныя потери, которыя мы несемъ ежегодно, отправляя всѣ наши продукты за границу сырьемъ, между тѣмъ какъ Америка, нашъ соперникъ по этой части, отправляетъ значительную часть своего хлѣба мукою, а скотъ не живьемъ, а въ видѣ соленаго мяса и т. д.,—мнѣ пришла, въ началѣ войны 1853 года, мысль, что при всемъ худомъ война можетъ принести намъ и нѣчто хорошее, побудивъ насъ, въ виду трудности вывоза нашихъ громоздкихъ продуктовъ, вслѣдствіе блокады, перейти къ переработкѣ ихъ внутри страны, такъ какъ мука и переработанные продукты животнаго царства занимаютъ гораздо менѣе мѣста и гораздо цѣннѣе

сырыхъ продуктовъ и потому легче могутъ быть вывозимы черезъ сухопутную границу.

Разрабатывая эту мысль въ головѣ, я рѣшился написать небольшую статью объ этомъ предметѣ на французскомъ языкѣ для Journal de St.-Pétersbourg. Набросавъ статью, я нашелъ, однако, нужнымъ показать ее Тенгоборгскому и попросить его мнѣнія. Въ одинъ прекрасный день, съ манускриптомъ въ карманѣ и не безъ нѣкотораго тревожнаго настроенія, я отправился къ Тенгоборгскому, позвонилъ и прислъ человѣка доложить обо мнѣ. Тенгоборгскій принялъ меня съ нѣкоторымъ, повидимому, удивленіемъ и спросилъ меня, чего я желаю. Вѣроятно, онъ полагалъ, что я пришелъ просить его о чемъ-либо, рекомендаціи его на какое-нибудь мѣсто или т. п. Когда я изложилъ ему цѣль моего прихода, онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то сомнительно, и мнѣ казалось, что я читаю въ его глазахъ такую мысль: „могъ ли написать что-либо толковое и достойное печати молодой человѣкъ, занимавшійся у него только перепиской и писавшій даже иногда не безъ ошибокъ“. Но несмотря на то, онъ не отклонилъ моей просьбы, оставилъ у себя мой манускриптъ и сказалъ мнѣ зайти черезъ нѣсколько дней за отвѣтомъ. Легко себѣ представить, въ какомъ я былъ лихорадочномъ ожиданіи все это время. Наконецъ насталъ указанный день, и я опять отправился къ нему. На этотъ разъ онъ принялъ меня довольно благосклонно, сказалъ мнѣ, что онъ прочелъ мою статью, нашелъ ее дѣльною и посовѣтовалъ мнѣ только сдѣлать небольшое редакціонное измѣненіе въ ея текстѣ. Я былъ внѣ себя отъ радости. Сдѣлавъ указанное измѣненіе, я снесъ статью въ редакцію Journal de St.-Pétersbourg и нѣсколько дней спустя имѣлъ великое удовольствіе видѣть себя первый разъ въ печати. Статья моя была подписана первыми буквами I. de T. За этою статьею я помѣстилъ еще двѣ статьи въ означенномъ журналѣ, послѣ чего его редакторъ, графъ Сансе, предложилъ мнѣ принять постоянное участіе въ журналѣ, составленіемъ для него извлеченій изъ иностранныхъ журналовъ. Я, разумѣется, принялъ это предложеніе съ увлеченіемъ, тѣмъ болѣе, что это значительно улучшало мое финансовое положеніе, такъ какъ я сталъ получать за эту работу около 75 рублей въ мѣсяцъ.

Нѣкоторое время спустя, когда появился въ свѣтъ послѣдній томъ „Etudes sur les forces productives de la Russie Тенгоборгскаго, Сансе предложилъ мнѣ написать о немъ рефератъ для его журнала, такъ какъ мое имя тогда уже какъ бы связывалось съ именемъ Тенгоборгскаго, на меня смотрѣли какъ на его ученика. Статья была написана, и по совѣту графа Сансе, прежде ея напечатанія, я понесъ ее показать Тенгоборгскому. Онъ былъ очень тронутъ

моимъ поступкомъ, принялъ меня очень любезно; прочитавъ статью, онъ поблагодарилъ меня за нее и попросилъ меня только выбросить небольшое критическое замѣчаніе, которое я въ нее включилъ. Я, разумѣется, исполнилъ его желаніе, и статья появилась въ такомъ видѣ въ Journal de St.-Pétersbourg, кажется, за моею полною подписью.

Рѣдко я встрѣчалъ человѣка, который такъ много, такъ усиленно и такъ энергично работалъ, какъ Тенгоборгскій. Съ утра до вечера онъ былъ занятъ составленіемъ ученыхъ работъ для печати, составленіемъ записокъ для Государственнаго Совѣта, разработкою разныхъ тарифныхъ вопросовъ и т. п. Эта страсть къ работѣ стала даже нѣкоторымъ образомъ причиною его преждевременной смерти. У него образовался на щекѣ карбункулъ, который пришлось вырѣзать. Т. подвергся операціи, безъ примѣненія какихъ-либо анестетическихъ средствъ и послѣ самъ съ довольствомъ разсказывалъ, какъ ему удалось выдержать ощущеніе боли во время операціи. Операція удалась вполнѣ, но ему было предписано врачами не читать и вообще не заниматься ничѣмъ въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, 8—10 дней. Онъ, однако, не вытерпѣлъ и на третій или четвертый день, кажется, принялся за работу, вслѣдствіе чего у него сдѣлался приливъ крови къ мозгу, воспаленіе мозга, и черезъ нѣсколько дней онъ скончался, еще можно сказать въ полной силѣ жизни.

Тогда опять ко мнѣ же обратились редакціи нѣсколькихъ журналовъ, съ просьбой написать некрологъ усопшаго; мои статьи о немъ появились въ „Journal de St.-Pétersbourg“ и въ „Голосѣ“. Такимъ образомъ до самой его смерти, связь между нами, начавшаяся механической работой, не прекращалась, и я всегда сохраняю о немъ благодарное воспоминаніе, ибо несомнѣнно, что мои занятія у него и ближайшее ознакомленіе съ его работами имѣли большое вліяніе на мое экономическое развитіе.

Мало по малу я сталъ пріобрѣтать нѣкоторую извѣстность какъ финансистъ и какъ экономическій писатель. Когда Сенявинъ оставилъ постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ и на его мѣсто былъ назначенъ И. М. Толстой, новому товарищу министра представлялись всѣ чиновники министерства. Когда очередь дошла до меня, то Гильфердингъ представилъ меня Толстому слѣдующими словами—M-r Thoerner, Chef de Bureau, futur Ministre des Finances... Это шутливое предсказаніе Гильфердинга впослѣдствіи исполнилось хотя отчасти. Министромъ финансовъ мнѣ не суждено было сдѣлаться, но я пять лѣтъ былъ товарищемъ министра, и подъ конецъ, во время болѣзни Вышнеградскаго, около полугода, управлялъ совершенно самостоятельно министерствомъ финансовъ,

имѣя докладъ у Государя,—такъ что уже поговаривали о томъ, что я сдѣлаюсь наслѣдникомъ Вышнеградскаго на этомъ посту—но объ этомъ придется говорить впослѣдствіи.

Около этого же времени я познакомился съ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, съ которымъ и со всѣмъ его семействомъ я съ тѣхъ поръ находился въ постоянныхъ и самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Заблоцкій-Десятовскій принадлежалъ къ числу выдающихся дѣятелей того времени. Человѣкъ очень образованный, типъ либерала-доктринера сороковыхъ годовъ, съ добрымъ, благожелательнымъ и благороднымъ характеромъ, хотя и съ небольшою примѣсью малороссійско-хохлацкаго эгоизма, онъ оставилъ у знавшихъ его людей воспоминаніе хорошаго человѣка и замѣчательнаго и симпатичнаго государственнаго дѣятеля. Въ свое время онъ участвовалъ почти во всѣхъ комиссіяхъ, въ которыхъ вырабатывались реформы шестидесятыхъ годовъ, и принималъ особенно дѣятельное участіе въ преобразованіи откупной системы,—преобразованіи, которое дало столь благотворные результаты. Подъ конецъ жизни онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, но здѣсь уже болѣе не игралъ выдающейся роли.

Андрей Парфеновичъ началъ службу въ министерствѣ государственныхъ имуществъ при графѣ Киселевѣ и вскорѣ заслужилъ, своими выдающимися качествами, полное довѣріе и расположеніе графа. Въ то время, какъ я съ нимъ познакомился, онъ уже былъ директоромъ департамента сельскаго хозяйства. По своему гуманному и доброжелательному характеру, онъ относился чрезвычайно благосклонно къ молодымъ людямъ, у которыхъ онъ замѣчалъ способность и желаніе къ работѣ, и оказывалъ имъ всякое поощреніе, и эта черта его характера высказалась вполнѣ и относительно меня, и послужила исходной точкой всѣхъ дальнѣйшихъ сношеній между нами. У меня была составлена небольшая статья, кажется, о внѣшней торговлѣ хлѣбомъ, по своей спеціальности, она могла найти мѣсто только въ спеціальномъ журналѣ. При департаментѣ сельскаго хозяйства издавался въ то время спеціальный сельско-хозяйственный журналъ, которымъ руководилъ главнымъ образомъ самъ Заблоцкій, и вотъ почему я рѣшился предложить эту мою статью. Онъ принялъ мою статью, напечаталъ ее въ своемъ журналѣ и пригласилъ меня исполнять разныя дальнѣйшія работы, по его указанію, для журнала сельскаго хозяйства.

Характеристикою этого замѣчательнаго человѣка можетъ служить уже то, какъ онъ обращался съ молодыми людьми, приглашенными имъ для занятій, и тотъ почти дружественный характеръ, который онъ умѣлъ придавать съ самаго начала такимъ сноше-

ніямъ. Когда я отправился къ нему въ первый разъ, по его приглашенію, за полученіемъ работы, онъ жилъ на дачѣ, на Петровскомъ островѣ; онъ принялъ меня по-пріятельски, какъ стараго знакомаго, посадилъ съ собою на диванъ и долго бесѣдовалъ со мною о разныхъ литературныхъ и экономическихъ вопросахъ дня. Только по окончаніи разговора, на прощаніи онъ перешелъ къ дѣлу, далъ мнѣ какой-то иностранный агрономическій журналъ, поручивъ мнѣ сдѣлать выборку изъ одной изъ статей журнала. Такого рода были и всѣ послѣдующія мои посѣщенія у него, такъ что мы съ нимъ все болѣе и болѣе сближались. Отдавая мнѣ работу, онъ обыкновенно спрашивалъ меня, не нуждаюсь ли я въ деньгахъ и не желаю ли получить часть гонорара впередъ въ счетъ будущей работы.

Я полагаю, что въ настоящее время немного найдется сановниковъ, которые, подобно Андрею Парѳеновичу, обращались бы съ молодыми людьми, не имѣющими еще ни имени, ни значенія, и обращающимися къ нимъ по какому-либо дѣлу, съ такою простотою,— и какъ бы на равной ногѣ.

По поступленіи на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, я уже не могъ проводить все лѣто въ деревнѣ,—а такъ какъ матушка и сестры продолжали жить въ деревнѣ, то я ѣздилъ туда только урывками на праздники,—жить же приходилось одному въ Петербургѣ. Вотъ почему мнѣ было очень пріятно, когда родители моего товарища и пріятеля, барона Остенъ-Сакена, — пригласили меня поселиться у нихъ на дачѣ на лѣтнее время. Три года сряду я прожилъ у нихъ лѣтнее время въ самыхъ пріятныхъ условіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не безъ пользы для себя, потому что, слѣдя за серьезными занятіями моего пріятеля, человѣка необыкновенно способнаго и съ замѣчательнымъ умственнымъ развитіемъ, я старался послѣдовать ему и также занимался очень усердно. Образъ жизни установился у насъ довольно регулярный. Утромъ мы отправлялись вмѣстѣ въ министерство (баронъ Сакенъ тоже служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), а по окончаніи служебныхъ занятій вмѣстѣ возвращались на дачу. Послѣ обѣда мы совершали прогулку по окрестностямъ и затѣмъ посвящали вечера чтенію разныхъ ученыхъ книгъ. Въ это время я прочиталъ между прочимъ всего Jean B. Say и затѣмъ еще съ большимъ интересомъ предался занятію экономическими вопросами. Такое урегулированное систематическое провожденіе времени пришлось мнѣ чрезвычайно по вкусу, такъ что и впослѣдствіи я всегда старался соблюдать извѣстный порядокъ въ провожденіи времени.

По воскресеньямъ и праздникамъ днемъ мы совершали болѣе

отдаленныя прогулки пѣшкомъ въ Коломяги, Парголово, Аптекарскій садъ. На пути мы дѣлали гдѣ-нибудь привалъ и подкрѣпляли наши силы завтракомъ; кой-какая провизія у насъ обыкновенно была взята съ собою, а въ деревнѣ всегда можно было получить хорошее, свѣжее молоко. Иногда эти прогулки предпринимались и въ болѣе значительномъ обществѣ; въ нихъ нерѣдко принимали участіе наши товарищи Познанскій и Фроловъ, и кромѣ того Гильфердингъ и Идаровъ.

Гильфердингъ, сынъ нашего директора департамента, уже тогда посвящалъ себя занятіямъ по славянскимъ вопросамъ, поприще, на которомъ онъ впослѣдствіи стяжалъ большую извѣстность. Это былъ очень порядочный молодой человѣкъ, но слабый и болѣзненный; замѣчательно, что у него былъ совершенно жиденькій, какъ бы женскій голосъ. Я долженъ сознаться, что знакомство и пріятельскія отношенія съ сыномъ моего директора департамента нѣсколько льстили моему тщеславію.

Идаровъ, также нашъ товарищъ по гимназіи и университету, былъ единственнымъ сыномъ главноуправляющаго Строгановскими имѣніями, человѣка очень богатаго. Подобно большинству молодыхъ людей того времени, онъ былъ страстнымъ поклонникомъ Гегеля, хотя кажется былъ очень мало ознакомленъ съ сущностью его философіи; въ то время въ нѣкоторыхъ кружкахъ было принято восторгаться Гегелемъ, что можно было дѣлать и не понимая его ученія. Кромѣ того Идаровъ обыкновенно ратовалъ противъ брачной жизни и всегда стоялъ за легкія отношенія къ женщинамъ. Но все это было болѣе поза, напускное, онъ женился первый изъ всего нашего круга, на очень красивой женщинѣ. Впрочемъ бракъ этотъ не былъ счастливъ; послѣ немногихъ лѣтъ совмѣстной жизни супруги разошлись навсегда.

Впослѣдствіи Идаровъ служилъ въ министерствѣ финансовъ и былъ долгое время управляющимъ казенною палатою въ Ташкентѣ. Тамъ у него произошло замѣчательное столкновеніе съ генералъ-губернаторомъ, о которомъ въ то время много говорили. Генералъ-губернаторъ потребовалъ отъ Идарова отпуска изъ мѣстнаго казначейства суммы на какую-то потребность, на которую не было ассигновано кредита. Идаровъ отказывался исполнить требованіе генералъ-губернатора, какъ незаконное, у нихъ дошло до крупнаго разговора, во время котораго, генералъ-губернаторъ, разгорячившись, сказалъ Идарову: „вы забываете, что я главнокомандующій и могу приказать разстрѣлять васъ немедленно“. Нечего было дѣлать, пришлось подчиниться столь категорическому требованію, деньги были выданы, и Идаровъ донесъ обо всемъ этомъ происшествіи министру

финансовъ. Рейтернъ, повидимому, оставилъ этотъ эпизодъ безъ вниманія и безъ послѣдствій; но нѣсколько времени спустя, когда тотъ же генералъ-губернаторъ обратился къ нему съ просьбой учредить въ Ташкентѣ контору Государственнаго Банка, Рейтернъ отказалъ ему въ этомъ наотрѣзъ, прибавивъ, что онъ не считаетъ возможнымъ открывать подобное учрежденіе въ краѣ, въ которомъ главный начальникъ требуетъ отъ представителей министерства финансовъ, подъ угрозою разстрѣлянія, выдачи противно закону денегъ, находящихся въ ихъ распоряженіи.

Во время нашихъ лѣтнихъ прогулокъ, Идаровъ предложилъ однажды устроить пикникъ съ дамами изъ балета. Онъ самъ никого изъ нихъ не зналъ, но у него былъ знакомый, который обращался въ балетномъ мірѣ и обѣщался это устроить. Этотъ проектъ насъ крайне заинтересовалъ, видѣть вблизи балеринъ, ѣхать съ ними вмѣстѣ, разговаривать съ ними и даже полюбезничать—все это крайне прельщало наше воображеніе. Но недѣля проходила за недѣлей, и пикникъ нашъ не устраивался, къ крайнему нашему сожалѣнію; наконецъ выяснилось, что онъ и не состоится—на этотъ разъ наша молодая нравственность не была приведена въ искушеніе со стороны балетнаго міра.

Припоминаю еще одинъ интересный эпизодъ изъ области нашихъ прогулокъ. Это было въ 1854 году, во время восточной войны. Непріятельскій флотъ стоялъ передъ Кронштадтомъ и говорили, что его видно съ лежащаго за Лахтой мыса, называемаго Лисій Носъ. Хотя разстоянія отъ насъ до этого мѣста было около 20 верстъ, мы рѣшились прогуляться туда пѣшкомъ, чтобы посмотрѣть на англійскіе корабли. Отправившись въ дорогу рано утромъ, мы, пройдя Лахту, продолжали путь вдоль морского берега, по заливу. Весь этотъ берегъ на большомъ разстояніи покрытъ красивымъ дубовымъ лѣсомъ, насажденнымъ еще при Петрѣ Великомъ, по его приказанію. Чудный, жаркій, солнечный день, зеркальная поверхность моря, блестѣвшая отраженіемъ солнечныхъ лучей, гладкій песчаный берегъ, усаженный красивыми дубами—все это представляло очаровательную картину; такъ какъ песокъ на берегу былъ мягкій и ровный, какъ бархатный коверъ, то мы рѣшились снять обувь и все время шли босыми ногами. Наконецъ мы достигли цѣли нашего путешествія и дѣйствительно увидѣли вдали непріятельскіе корабли. По берегу расхаживали солдаты съ батареи, которая тамъ была сооружена. Мы вступили съ ними въ разговоръ и стали ихъ разспрашивать о разныхъ подробностяхъ, когда непріятельскій флотъ пришелъ, все ли время онъ стоитъ на якорѣ и т. п.,—на бѣду наши разспросы возбудили подозрѣніе солдатъ, они приняли насъ за англійскихъ шпіо-

новъ. Наше положеніе становилось крайне неловкимъ и могло бы кончиться для насъ непріятно; къ счастію солдаты ограничились тѣмъ, что отправились къ офицеру доложить ему, что появились какія-то подозрительныя личности. При объясненіи съ офицеромъ, которому мы сообщили наши имена и цѣль нашей прогулки, не трудно было доказать неосновательность возведеннаго на насъ подозрѣнія, все недоразумѣніе немедленно разъяснилось,—офицеръ сообщилъ о результатѣ нашего разговора солдатамъ и приказалъ имъ, чтобы они насъ не безпокоили. Солдаты дѣйствительно оставили насъ въ покоѣ, но, отошедъ въ сторону, продолжали подозрительно наблюдать за нами, такъ что наше положеніе все же оставалось нѣсколько непріятнымъ, и мы рѣшились вмѣсто продолжительнаго привала и отдыха на Лисьемъ Носу, какъ мы предварительно предполагали, немедленно отправиться въ обратный путь. Намъ удалось гдѣ-то по сосѣдству нанять телѣгу, на которую, усталые отъ дороги, мы рады были размѣститься и, простившись съ англійской эскадрой и съ Лисьимъ Носомъ, мы поѣхали домой. Дома насъ ожидалъ новый сюрпризъ. Подъѣзжая къ нашей дачѣ, мы были поражены тѣмъ, что мы не могли разглядѣть дома, онъ какъ бы исчезъ съ поверхности земли. Наконецъ подъѣхавъ совершенно близко, мы увидѣли на мѣстѣ дома груды обгорѣлыхъ бревенъ и кругомъ по саду разбросанную мебель, посуду и разную домашнюю утварь,—особенно мнѣ какъ-то, помню, бросилось въ глаза блюдо съ лососиной цѣльное, не разбитое, стоявшее на травѣ между обугленными кусками дерева. Оказалось, что во время обѣда начался пожаръ и огонь такъ быстро охватилъ деревянную дачу, что едва успѣли вынести самое необходимое изъ мебели; въ нѣсколько часовъ все сгорѣло до тла, и въ это время мы именно и подъѣхали. Къ счастію это случилось днемъ, такъ что никакого несчастія съ людьми не случилось. По сосѣдству оказалась незанятая дача, ее немедленно наняли, и къ вечеру мы уже переѣхали въ новое помѣщеніе.

Здѣсь мѣсто упомянуть еще о нѣкоторыхъ семействахъ, съ которыми я находился въ близкихъ сношеніяхъ въ эту эпоху моей жизни.

Въ Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ существовало частное музыкальное общество, подъ названіемъ Sing Academie, въ которомъ исполнялись хоромъ любителей ораторіи и другія большею частью классическія музыкальныя пьесы. Во главѣ этого общества, диригентомъ былъ Г. Беллингъ. Человѣкъ очень талантливый въ музыкальномъ отношеніи,—его музыкальныя сочиненія пользовались въ петербургскихъ кружкахъ большою извѣстностью, — и очень симпатичный по характеру. Послѣ его смерти остались вдова съ

дочерью Маріею, уже не молодою, но пріятной, и умною дѣвицею, и сынъ. Съ этимъ семействомъ мы были знакомы и однажды, когда мы проводили вмѣстѣ вечеръ у общихъ знакомыхъ, у меня какъ-то завязался интимный разговоръ съ Маріей Беллингъ, съ которою до тѣхъ поръ мнѣ приходилось очень рѣдко бесѣдовать. Разговоръ нашъ перешелъ на тему личной оцѣнки самого себя, и я при этомъ высказалъ, что я часто собою крайне недоволенъ, такъ что по временамъ приходится смотрѣть на самого себя какъ бы съ презрѣніемъ. Это выраженіе, повидимому, ее очень заинтересовало, такъ какъ ей вѣроятно рѣдко случалось встрѣчаться съ молодыми людьми, которые такъ строго относились къ себѣ. Мы долго обмѣнивались мыслями по этому предмету, и этотъ разговоръ насъ до того сблизилъ, что до конца ея пребыванія въ Петербургѣ я находился съ Маріею Б. съ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Вдова Беллингъ съ дѣтьми жила на скромной квартирѣ противъ Технологическаго института, и мы нерѣдко проводили у нихъ вечера въ пріятной бесѣдѣ за чайнымъ столомъ. Года три спустя положеніе семейства Беллингъ существенно измѣнилось. Марія Б. вышла замужъ за богатаго владѣльца пивоваренной фабрики Крона, человѣка тоже очень образованнаго и большого любителя хорошей музыки. Кронъ жилъ у Калинкина моста въ собственномъ домѣ, расположенномъ близъ фабрики и роскошно устроенномъ. Послѣ его брака съ М. Беллингъ, этотъ домъ сдѣлался центромъ живой и интересной общественной жизни; почти еженедѣльно у нихъ бывали музыкальные вечера, на коихъ извѣстными музыкантами того времени исполнялись квартеты, — я часто бывалъ на этихъ вечерахъ, — лѣтомъ же я ихъ посѣщалъ въ Ораніенбаумѣ на дачѣ, куда обыкновенно ѣздилъ на нѣсколько дней. Утромъ мы читали съ m-me Кронъ разныя книги, помню еще, что мы читали вмѣстѣ біографію Жоржъ Зандъ, затѣмъ послѣ завтрака, въ большомъ обществѣ, потому что у нихъ на дачѣ всегда гостило много молодежи, предпринимались прогулки и поѣздки по окрестностямъ, — вечера же на дачѣ, какъ и въ городѣ, были большею частью посвящены музыкѣ. Черезъ годъ у m-me Кронъ родилась дочь, и послѣ родовъ она стала постоянно хворать, такъ что мужъ рѣшился переѣхать съ нею на постоянную жизнь за границу въ Дрезденъ, въ надеждѣ, что болѣе умѣренный климатъ возстановитъ здоровье жены. Но надежды на улучшеніе не оправдались; просуществовавъ еще нѣсколько лѣтъ постоянно больною, она скончалась въ Дрезденѣ еще молодою женщиною. Я съ нею больше не видался. Въ 1857-омъ году я былъ проѣздомъ въ Дрезденѣ, но поглощенный другими кружками общества, — не подумалъ отыскать тамъ мою петербургскую зна-

комую, съ которой я былъ такъ друженъ, о чемъ потомъ очень сожалѣлъ.

Другое семейство, которое оставило во мнѣ живое и пріятное воспоминаніе, было семейство Геслеръ, хотя сношенія съ этимъ семействомъ продолжались у меня всего одну зиму. Въ началѣ столѣтія въ Петербургѣ былъ богатый торговый или банкирскій домъ Геслеръ; до сихъ поръ память его сохранилась въ названіи небольшого переулка, около Черной рѣчки, который называется Геслеровымъ переулкомъ. Одинъ изъ членовъ этого семейства поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, былъ назначенъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Кадиксѣ и женился тамъ на испанкѣ. Въ 1852 году онъ пріѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ, съ цѣлью провести здѣсь всю зиму. У него были двѣ очень хорошенькія дочери, съ совершенно испанскимъ типомъ и очень развязныя и милыя въ обращеніи. Я познакомился съ ними, часто бывалъ у нихъ и сильно влюбился въ одну изъ дочерей. Разумѣется, привязанность молодого человѣка, еще безъ всякаго положенія, не могла имѣть успѣха у богатой и красивой дѣвицы, за которою ухаживалъ весь Петербургъ. Впрочемъ не только я, но и всѣ прочіе поклонники ея остались ни при чемъ, потому что обѣ сестры пріѣхали сюда уже невѣстами, — чего въ началѣ никто здѣсь не зналъ.

Много пріятныхъ часовъ я провелъ также въ семействѣ моего дяди Як. Ег. Шмидта.

Яковъ Егоровичъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на сестрѣ моего отца Шарлотѣ — первымъ бракомъ онъ былъ женатъ на англичанкѣ.

Судьба его дѣтей, происшедшихъ отъ этихъ двухъ браковъ, была довольно своеобразна.

Яковъ Яковлевлевичъ Шмидтъ, или какъ его обыкновенно называли по матери-англичанкѣ, Джемсъ Шмидтъ, впослѣдствіи извѣстный всему петербургскому обществу докторъ-акушеръ, воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ. Пробывъ въ университетѣ дольше обыкновеннаго времени, онъ наконецъ выдержалъ экзаменъ на доктора и по окончаніи курса немедленно женился на молодой дѣвушкѣ, съ которою онъ обручился въ бытность еще студентомъ — и поселился въ Петербургѣ.

Въ началѣ дѣла его шли очень туго, практика была незначительна — такъ что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ему приходилось жить очень скромно на маленькой дешевой квартирѣ. Потомъ вдругъ, уже не помню по какому случаю, онъ пошелъ въ ходъ, сдѣлался

однимъ изъ выдавшихся акушеровъ Петербурга и наконецъ былъ опредѣленъ акушеромъ ко двору, гдѣ онъ умѣлъ поставить себя въ очень хорошія отношенія какъ и съ самимъ Государемъ, такъ и со всѣми членами царскаго семейства. Кромѣ его осторожнаго и почти всегда успѣшнаго образа лѣченія, въ немъ особенно всѣ цѣнили его прямой, открытый и благородный характеръ. Кажется, онъ ни за что бы не рѣшился кривить душою, польстить кому или сказать не то, что онъ думалъ. При дворѣ онъ былъ извѣстенъ своею прямотою, доказательствомъ чему можетъ служить то, что напримѣръ разъ одна изъ Великихъ Княгинь, разговаривая съ другою о какомъ-то предметѣ, сказала ей: „если ты хочешь знать правду, то спроси доктора Шмидта“. До какой степени онъ былъ абсолютно твердъ и непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, которымъ онъ готовъ былъ все принести въ жертву, доказываетъ слѣдующій фактъ изъ его интимной семейной жизни. Въ университетѣ у него былъ сердечный другъ, впослѣдствіи докторъ, Гузенъ,—который почти одновременно съ нимъ окончилъ университетъ и тоже поселился въ Петербургѣ. Это былъ очень милый и веселый человѣкъ, котораго всѣ скоро полюбили. Познакомившись въ Петербургѣ съ сестрою своего друга Алиной, онъ въ нее влюбился, и его любовь встрѣтила взаимность со стороны Алины Шмидтъ. Къ несчастію Гузенъ, еще бывши студентомъ (подобно своему другу) сошелся въ обществѣ съ молодою дѣвушкой, которая ему понравилась; онъ просилъ ея руки и обѣщалъ на ней жениться по окончаніи университетскаго курса. Эта дѣвушка привлекла его къ себѣ только миловидностью юности, потому что въ сущности была очень мало развитое, не интересное существо. Но со времени ихъ обрученія проходили годы и годы, а вмѣстѣ съ тѣмъ проходила и первая свѣжесть юности, а такъ какъ другихъ умственныхъ достоинствъ за нею не замѣчалось, то дѣло кончилось тѣмъ, что Гузенъ совершенно къ ней охладѣлъ. Такимъ образомъ несчастный молодой человѣкъ оказался между обѣщаніемъ, даннымъ уже нелюбимой дѣвушкѣ, и любовію къ другой дѣвушкѣ. Въ этомъ конфликтѣ между любовію и нравственною обязанностію ему многіе говорили, что, вступивъ въ бракъ съ Алиной Ш., онъ самъ будетъ счастливъ и осчастливитъ любящую его дѣвушку, что потому безумно жертвовать счастіемъ двухъ людей только для исполненія долга, и что этотъ шагъ никому не принесетъ счастья, потому что бракъ безъ любви на прежней его невѣстѣ сдѣлаетъ его несчастливымъ и ей счастья не доставитъ. Долго бѣдный Гузенъ мучился въ сомнѣніяхъ, наконецъ онъ рѣшился открыться во всемъ своему другу и просить его рѣшенія въ этомъ деликатномъ случаѣ. Яковъ Яковлевичъ Шмидтъ очень любилъ Гузена и былъ бы радъ имѣть его зятемъ,

тѣмъ болѣе, что онъ не могъ не знать, что это составитъ счастье и его сестры. Но какъ ему ни было тяжело, онъ, не колеблясь ни минуты, произнесъ тяжкій для него самого, для его семейства и для его друга вердиктъ, что, давъ свое слово дѣвушкѣ, которая вслѣдствіе того считалась его невѣстой въ Дерптѣ, его долгъ, какъ порядочнаго человѣка, жениться на ней. Гузенъ подчинился рѣшенію своего друга, женился на своей первой невѣстѣ и умеръ довольно молодымъ еще человѣкомъ. Та же судьба, т. е. бракъ съ мало любимымъ человѣкомъ и скорая смерть, постигла и Алину Шмидтъ.

Докторъ Шмидтъ былъ назначенъ директоромъ родовспомогательнаго заведенія; его назначеніе совпало съ перестройкою этого института и съ составленіемъ для него новой программы занятій. Этому дѣлу онъ посвятилъ себя всецѣло. Прежде всего онъ отправился за границу, чтобы осмотрѣть тамъ самыя извѣстныя заведенія этого рода и ознакомиться съ ихъ устройствомъ; собравъ необходимый матеріалъ, онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, принялся ревностно за разработку плана и устава новаго заведенія. Когда я ни приходилъ къ нему, я заставалъ его за этой работой. Новое зданіе было отстроено по разработанному имъ плану; составленный имъ Уставъ заведенія удостоился законодательнаго утвержденія— и сколько мнѣ извѣстно, то и другое оказалось совершенно соотвѣтственнымъ своему назначенію. Характерная черта его при этомъ опять высказалась въ томъ, что, сооружая громадный домъ для института, согласно послѣднимъ требованіямъ науки и всецѣло озабоченный удобнымъ и цѣлесообразнымъ размѣщеніемъ института, онъ совершенно не заботился объ устройствѣ своей собственной квартиры, которая должна была помѣщаться въ томъ же зданіи и которая потому вышла и тѣсною и крайне неудобно расположенною; думая только объ общемъ благѣ, онъ забывалъ о себѣ. Послѣ того какъ онъ оставилъ заведеніе, первою заботою замѣстившаго его директора было расширеніе и лучшее устройство директорской квартиры.

Во время польскаго возстанія, когда Константинъ Николаевичъ отправился въ Варшаву, докторъ Шмидтъ долженъ былъ его сопровождать, такъ какъ Александра Іосифовна была въ это время беременною. Ему пришлось такимъ образомъ провести въ Варшавѣ весь этотъ первый періодъ смутнаго времени. Вотъ одинъ хотя изъ мелкихъ, но все же замѣчательный, разсказанный имъ эпизодъ, характеризовавшій безпорядокъ, который тогда во всемъ проявлялся въ Варшавѣ. Какъ извѣстно, Великій Князь въ день пріѣда въ Варшаву былъ раненъ выстрѣломъ Ярошевскаго. Къ счастію, рана оказалась

не опасною. Ночью Шмидту пришла мысль зайти къ больному, чтобы посмотрѣть, не произошло ли перемѣны въ его состояніи. Онъ жилъ тоже во дворцѣ, одѣлся и пошелъ къ Великому Князю. Онъ проходитъ по корридору, залъ за заломъ, и вездѣ ни одной души ни прислуги, ни часовыхъ, наконецъ онъ входитъ въ спальню Великаго Князя, пройдя мимо заснувшаго въ передовой комнатѣ камердинера Князя, которой его не замѣтилъ и который оказался единственнымъ, на попеченіи и охранѣ котораго оказывался раненый Великій Князь, въ первый же день послѣ пріѣзда въ Варшаву, и не смотря на возможность повторенія покушенія. Великій Князь не спалъ и находился послѣ случившагося съ нимъ въ сильномъ нервномъ возбужденіи, и потому когда Шмидтъ вошелъ къ нему въ спальню, онъ испугался, видя входящее лицо не изъ прислуги, и котораго онъ въ первую минуту не узналъ. Шмидтъ успокоилъ его и разсказалъ ему, что во всемъ дворцѣ, на пути, онъ не встрѣтилъ ни одного человѣка кромѣ камердинера. Разумѣется, на слѣдующій день было дано соотвѣтствующее приказаніе, но это показывало безпорядокъ, господствовавшій тогда въ Варшавѣ.

Мѣсяца два спустя, возвратившись въ Петербургъ, Шмидтъ представлялся Государю. Государь долго бесѣдовалъ съ нимъ и разспрашивалъ его о разныхъ подробностяхъ Варшавской жизни, за время его пребыванія въ этомъ городѣ. Подъ конецъ разговора, который кажется происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ, Государь, посмотрѣвъ на часы, сказалъ: „jetzt wirt Jaroschewsky gehängt“. Зная, что Ярошевскому была обѣщана жизнь, если онъ разоблачитъ всѣ обстоятельства заговора, что, какъ объ этомъ разсказывали въ Варшавѣ и было исполнено Ярошевскимъ, Шмидтъ не могъ удержаться не сказать Государю: „aber Majestät das ist doch nicht recht, man hat ihm ja das Leben versprochen“. Пораженный этою кажущеюся несправедливостью, онъ, нисколько не задумавшись, сказалъ это Государю, совершенно естественно. Разумѣется, это Государю не понравилось, и онъ, прервавъ разговоръ, сказалъ ему сухо: „darüber können Sie nich urtheilen“, присовокупивъ, что ему неизвѣстны всѣ подробности дѣла. Кажется, что выяснилось, что Ярошевскій высказалъ не всю правду, и потому не считали возможнымъ исполнить данное ему обѣщаніе, хотя онъ и высказалъ кое-что. Минутное неудовольствіе Государя не имѣло однако никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для Шмидта, такъ какъ всѣ уже были привычны къ тому, что онъ всегда прямо и откровенно высказываетъ свое мнѣніе. Государь остался по-прежнему къ нему благосклонно расположенъ.

Если счастье ему повезло въ его служебной карьерѣ, то за то

въ семейныхъ дѣлахъ счастье ему не улыбалось. У него было два сына, и судьба обоихъ сложилась очень печально. Младшій его сынъ Альфредъ былъ чрезвычайно развитой и способный мальчикъ, много обѣщавшій въ будущемъ, но по несчастному случаю онъ еще въ первой юности схватилъ опасную болѣзнь, которая уничтожила всѣ эти надежды.

Однажды въ холодный зимній день, ученики въ школѣ, въ которой онъ находился, выдумали игру—выбѣгать на морозъ безъ всякаго теплаго платья съ тѣмъ, чтобы обѣжать кругъ всего дома училища. Когда очередь дошла до маленькаго Шмидта, побѣжалъ и онъ, но когда онъ прибѣжалъ обратно, то его товарищи изъ шалости, затворивъ дверь, нѣкоторое время не впускали его въ комнату; разгоряченному отъ бѣга, ему пришлось простоять нѣкоторое время на морозѣ. Послѣдствіемъ этого у него проявился сильнѣйшій ревматизмъ, который потомъ бросился на сердце. Онъ страдалъ этимъ всю жизнь и умеръ молодымъ человѣкомъ лѣтъ 25-ти.

Другой сынъ, Яковъ, родился со сросшимися на одной рукѣ пальцами, чему не помогли и послѣдующія операціи. Насколько младшій братъ былъ хорошо развитъ, настолько, можно сказать, старшій братъ отличался ограниченными способностями. Въ то время въ Выборгѣ пользовалась нѣкоторою извѣстностью школа, устроенная людьми, которые считались хорошими педагогами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, людьми очень религіозными. Молодого Шмидта отдали въ Выборгскую школу, надѣясь на хорошее воспитательное вліяніе этого заведенія. Къ сожалѣнію однако это заведеніе находилось далеко не на высотѣ своей задачи; люди, стоявшіе во главѣ заведенія, были дѣйствительно хорошіе, доброжелательные и религіозные люди, но безъ всякаго практическаго умѣнія вести дѣло—особенно мало они обращали вниманія на экономическую часть и на здоровье воспитанниковъ, въ видахъ уберечь ихъ отъ всякой изнѣженности и закалить ихъ организмъ. Во время рекреаціи молодой Шмидтъ рубилъ какое-то дерево топоромъ и промахнувшись попалъ топоромъ себѣ въ колѣно. Извѣстно, какъ подобныя раны опасны, но въ школѣ не обратили на это никакого вниманія, даже не уложили его, позволяя ему ходить съ раною въ колѣнѣ. Вслѣдствіе этого чрезъ нѣсколько дней въ ногѣ сдѣлалось опасное воспаленіе, такъ что пришлось написать о томъ отцу въ Петербургъ. Какъ хорошій докторъ, Шмидтъ понялъ немедленно всю опасность положенія сына, которому, можетъ быть, для его спасенія пришлось бы ампутировать ногу. Взявъ съ собою всѣ инструменты для ампутаціи, Шмидтъ поѣхалъ немедленно на почтовыхъ въ Выборгъ. Легко представить себѣ, въ какомъ возбужденіи долженъ былъ находиться бѣд-

ный отецъ во время всего пути. Къ счастью, дѣло обошлось безъ ампутаціи, его сыну оказалась возможность сохранить ногу, но онъ остался хромымъ на всю жизнь—т. е. калѣкой и рукою и ногою.

Когда ему минуло семьдесятъ лѣтъ, докторъ Шмидтъ оставилъ мѣсто директора родовспомогательнаго заведенія и отказался даже отъ всякой практики, подъ вліяніемъ убѣжденія, которое онъ мнѣ нѣсколько разъ высказывалъ, что старый человѣкъ долженъ оставить дѣло, пока онъ еще въ силахъ, чтобы не подпасть упреку, что онъ сохраняетъ за собою занятіе, которое слабѣющія силы, умственныя и физическія уже не позволяютъ исполнять удовлетворительно. Онъ сохранилъ только мѣсто члена въ медицинскомъ совѣтѣ и прожилъ еще десять лѣтъ.

Братъ его Карлъ Егоровичъ Шмидтъ былъ тоже студентомъ Дерптскаго университета. Тамъ съ нимъ случился слѣдующій трагическій эпизодъ. Одновременно съ нимъ въ университетѣ слушалъ курсъ студентъ, пользовавшійся между студентами довольно плохою репутаціею, между прочимъ, его считали трусомъ—недостатокъ, который въ студенческой средѣ подвергался самому безпощадному осужденію.

Съ людьми слабохарактерными часто бываетъ, что они долго выносятъ извѣстное неловкое, непріятное или даже обидное положеніе, но когда, наконецъ, это становится имъ не въ моготу, то они вдругъ рѣшаются на какой-нибудь рѣзкій поступокъ, чтобы во что бы то ни стало выйти изъ такого положенія и, какъ бы боясь собственной безхарактерности, прибѣгаютъ къ какому-нибудь крайне рѣзкому дѣйствію, чтобы такимъ образомъ сжечь за собою корабли. Такъ случилось и съ этимъ Х. Когда ему сдѣлалось не въ моготу выносить ту дурную славу, которая лежала на немъ въ университетѣ, онъ рѣшился вызвать безъ всякой дѣйствительной причины кого-либо изъ студентовъ на дуэль, и выборъ его остановился именно на Шмидтѣ. Въ этомъ выборѣ онъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что Шмидтъ пользовался репутаціей храбраго молодца и всѣми уважаемаго бурша, дуэль съ которымъ должна была потому произвести особенный эффектъ; кромѣ того до него дошелъ неправильный слухъ, что будто бы и Шмидтъ, подобно другимъ, отзывался о немъ презрительно, чего никогда не было. Рѣшившись на такой поступокъ и желая придать дѣлу безповоротный характеръ,—онъ вмѣсто словеснаго вызова, встрѣтившись со Шмидтомъ на улицѣ, ударилъ его кулакомъ въ лицо, прибавивъ: „это за то, что ты худо говорилъ о мнѣ“. Послѣ такой обиды, ни о какой сдѣлкѣ не могло быть и рѣчи, — дуэль должна была состояться на пистолетахъ, такъ какъ Шмидтъ, чтобы выиграть время для экзамена,

выписался изъ числа студентовъ, а по обычаю Дерптскаго университета дуэль между студентомъ и не студентомъ могла происходить только на пистолетахъ.

Ловкій фехтовальщикъ, Шмидтъ былъ совершенно неопытенъ въ стрѣльбѣ, и потому онъ воспользовался немногими днями до дуэли, чтобы пристрѣляться, но не съ намѣреніемъ попасть навѣрняка въ противника, а напротивъ для того, чтобы незамѣтно выстрѣлить въ воздухъ и не попасть въ него нечаянно, онъ не хотѣлъ принять на совѣсть убійство человѣка, предлагая собственную жизнь въ жертву чести. Дуэль состоялась, Шмидтъ выстрѣлилъ въ сторону, пуля же его противника попала ему въ грудь, онъ упалъ, секунданты были убѣждены въ первую минуту, что онъ убитъ,—но вотъ оказалось, что онъ спасся какимъ-то чудомъ. На немъ былъ бархатный жилетъ, и такъ какъ вѣроятно пуля ударила въ него съ боку, то, не пробивъ толстой матеріи бархата, она скользнула вдоль тѣла и, оконтузивъ его, засѣла въ платьѣ,—контуженіе было однако такъ сильно, что онъ отъ этого упалъ. Это происшествіе, т. е. удивительное спасеніе отъ смертельной опасности, такъ сильно на него подѣйствовало, что онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ вѣрующимъ человѣкомъ и убѣжденнымъ христіаниномъ, сохранивъ однако вмѣстѣ съ тѣмъ до конца жизни студенческій духъ молодечества и юношескую живость и горячность.

По выдержаніи экзамена, онъ отправился за границу, гдѣ онъ слушалъ въ теченіе двухъ лѣтъ лекціи извѣстныхъ профессоровъ въ разныхъ университетахъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ получилъ мѣсто репетитора химическихъ наукъ въ Инженерномъ училищѣ; въ этомъ скромномъ положеніи, въ которомъ онъ пробылъ 25 лѣтъ, онъ съумѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе какъ со стороны начальства, такъ и со стороны слушавшихъ его молодыхъ офицеровъ. Выслуживъ пенсію, онъ рѣшился переселиться съ женою и дѣтьми за границу, выбравъ для этого небольшой городъ Марбургъ, въ университетѣ котораго онъ нѣкогда слушалъ лекціи; къ этому его побуждала относительная дешевизна жизни за границей, такъ какъ при скромныхъ средствахъ ему трудно было жить въ Петербургѣ съ большимъ семействомъ; но еще болѣе его побуждало къ тому опасеніе страшныхъ революціонныхъ переворотовъ, которыхъ по своей горячности и впечатлительности онъ ожидалъ въ Россіи, на основаніи тѣхъ печальныхъ симптомовъ, которые стали проявляться уже задолго до 1881 г. Отчасти его предчувствія оправдались, но къ счастію не въ той мѣрѣ, какъ онъ того опасался, при его возбужденной впечатлительности.

О третьемъ сынѣ Шмидта, Эдуардѣ Яковлевичѣ уже была рѣчь выше по поводу нашей поѣздки за границу, онъ сопровождалъ насъ въ Эмсъ, послѣ смерти моего отца въ Гамбургѣ.

По окончаніи воспитанія въ Петербургѣ въ гимназіи, онъ отправился за границу, чтобы посвятить себя въ Берлинѣ изученію архитектуры. Я еще хорошо помню вечеръ его отъѣзда, хотя это было въ началѣ сороковыхъ годовъ, потому что этотъ отъѣздъ былъ обставленъ нѣкоторою семейною торжественностью, сдѣлавшей на меня тогда глубокое впечатлѣніе.

Предстояла разлука съ родителями и со всѣмъ семействомъ и родными на очень продолжительное время, по крайней мѣрѣ лѣтъ на шесть. Курсъ ученія въ берлинской архитектурной академіи продолжался четыре года, а по окончаніи курса полагалось, что молодой человѣкъ употребитъ еще годъ или два на путешествіе по разнымъ заграничнымъ странамъ, такъ какъ художнику архитектору слѣдовало ознакомиться съ выдающимися архитектурными произведеніями различныхъ европейскихъ странъ. Въ тѣ времена вообще, путешествіе въ Европѣ по окончаніи университета, а тѣмъ болѣе академическихъ занятій — считалось необходимымъ дополненіемъ всякаго солиднаго образованія, и всякое семейство, мало мальски обладавшее необходимыми для того средствами, считало своею обязанностью предоставить своимъ дѣтямъ возможность воспользоваться такимъ дополнительнымъ образованіемъ. Къ сожалѣнію въ настоящее время, періодъ націонализаціи и самовосхваленія, этотъ полезный обычай, значительно сократился. Мы сами все знаемъ лучше другихъ, зачѣмъ же намъ ѣздить за границу для завершенія нашего образованія, къ тому же кромѣ русскаго мы часто уже не знаемъ другихъ языковъ; правительство же съ своей стороны перестало сочувственно относиться къ такимъ поѣздкамъ молодыхъ людей для завершенія образованія за границу, вслѣдствіе опасности для молодыхъ незрѣлыхъ еще юношей подпасть подъ вліяніе революціонной пропаганды. Между тѣмъ объ этомъ нельзя не сожалѣть; ознакомленіе молодыхъ людей не только съ нашимъ, но и съ заграничнымъ образомъ жизни, несомнѣнно расширяетъ ихъ умственный кругозоръ, уже не говоря о непосредственной пользѣ ознакомленія съ научнымъ движеніемъ въ другихъ странахъ. Особенную важность это представляетъ для студентовъ медиковъ, потому что медицинская наука развивается новыми взглядами и новыми изобрѣтеніями, то въ Берлинѣ, то въ Вѣнѣ, то въ Парижѣ, такъ что въ сущности, не слѣдя за ходомъ медицинской науки въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ, нельзя быть хорошимъ, научно образованнымъ врачемъ.

Въ тѣ времена, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и дороговизнѣ и продолжительности путешествій, никто, отправляясь для образованія за границу, не помышлялъ о возможности возвращаться въ Россію, для кратковременныхъ свиданій съ родителями,—приходилось оставаться за границей все время, до полнаго окончанія своего образованія. Возвращаясь въ отечество, возвращались уже совсѣмъ. Вотъ почему проводы члена семейства за границу при такихъ условіяхъ имѣли всегда нѣкоторый торжественный семейный характеръ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Всѣ родственники собрались къ родителямъ Шмидта на прощальный вечеръ; часа за два до отъѣзда, который происходилъ поздно вечеромъ, сѣли за прощальный семейный ужинъ, который происходилъ естественно въ нѣсколько печальномъ настроеніи всего общества, подъ вліяніемъ мысли о предстоящей разлукѣ. Наконецъ насталъ моментъ разлуки, подали почтовыхъ лошадей, и въ передней раздались въ видѣ сигнала звуки охотничьей трубы. Пока Эдуардъ Яковлевичъ прощался съ родителями, его товарищи, пріѣхавшіе за нимъ съ намѣреніемъ проводить его до первой станціи, чтобы не нарушить послѣдней минуты семейнаго прощанія, ждали спутника въ сѣняхъ, всѣ въ дорожныхъ костюмахъ, полушубкахъ — такъ какъ это было зимою,— на одномъ изъ нихъ былъ надѣтъ охотничій рожокъ. Роговой сигналъ торжественно прозвучалъ по квартирѣ. Шмидтъ вырвался изъ объятій родителей, сѣлъ съ друзьями въ ожидавшія ихъ сани, и вся компанія понеслась по снѣжной дорогѣ, которая вела въ далекій, далекій путь.

Съ тѣхъ поръ прошло около 60 лѣтъ, болѣе полустолѣтія, но вся эта сцена произвела тогда такое впечатлѣніе на меня, 12 лѣтняго мальчика, по теплой семейной сердечности и естественной торжественности разлуки, что она до сихъ поръ сохранилась въ моей памяти.

Во время пребыванія Эдуарда Яковлевича въ Берлинѣ, по поводу какого-то празднества тамъ было устроено зимою катанье съ ледяныхъ горъ (Russische Berge). Къ этому празднику съѣхался дворъ и все общество, но тогда оказалось, что никто собственно не зналъ, какъ приняться за дѣло; было сдѣлано нѣсколько неловкихъ попытокъ кавалерами, но сани постоянно опрокидывались, и никто изъ дамъ не рѣшался довѣриться водительству неловкихъ возчиковъ. Тогда Шмидтъ, проложивъ себѣ путь чрезъ толпу, объявилъ, что онъ русскій, и что онъ можетъ показать имъ, какъ слѣдуетъ управлять санями при спускѣ съ горъ. Первоначально на него смотрѣли съ недовѣріемъ, но когда онъ раза два удачно скатился на глазахъ всѣхъ, то онъ сталъ героемъ дня, всѣ къ нему бросились, мужчины

просили объяснить имъ, какъ управлять санями, дамы желали скатиться—mit dem jungen Russen.

По окончаніи курса въ берлинской академіи, Э. Я. отправился путешествовать, и въ это время мы съ нимъ и встрѣтились въ Гамбургѣ. Онъ провелъ около двухъ лѣтъ въ поѣздкахъ по Германіи, Франціи, Италіи, Турціи и Египту. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ выдержалъ въ нашей академіи экзаменъ на художника, но получить вслѣдъ за тѣмъ званіе академика ему не удалось, несмотря на художественное достоинство представленныхъ имъ на конкурсъ работъ; въ академіи не могли простить ему, что онъ прошелъ курсъ академическаго образованія не въ Петербургѣ, а въ Берлинѣ. Такимъ образомъ молодой, способный человѣкъ, съ замѣчательнымъ образованіемъ, долженъ былъ начать свою карьеру, принявъ скромное мѣсто городского полицейскаго архитектора.

Нѣсколько лѣтъ спустя ему однако представилось два случая показать свои способности и оставить по себѣ память.

Графъ Кушелевъ Безбородко младшій задумалъ построить себѣ новый палаццо, который долженъ былъ быть послѣднимъ словомъ архитектурнаго искусства, и поручилъ эту постройку Шмидту. Постройка дѣйствительно удалась вполнѣ. Домъ построенъ въ чисто флорентійскомъ стилѣ изъ финляндскаго розоваго мрамора, внутренняя отдѣлка соотвѣтствовала по своему вкусу и изяществу красотѣ фасада. Послѣ смерти Кушелева его домъ-дворецъ (находящійся на Гагаринской улицѣ противъ Шпалерной) перешель впослѣдствіи въ собственность Великаго Князя Николая Константиновича, а послѣ него княгинѣ Юрьевской. Соорудителю этого дѣйствительно замѣчательнаго строенія не суждено было однако воспользоваться славою своего творенія. Когда домъ уже былъ совершенно отстроенъ и оставалось только дополнить нѣкоторыя детали внутренняго убранства, графъ Безбородко, женившійся незадолго передъ тѣмъ на вдовѣ откупщика Шубинской, скончался [1]). Его вдова, легкомысленная и пустая женщина, вышедшая впослѣдствіи третьимъ бракомъ за князя Суворова, вслѣдъ за смертію графа поручила окончательную внутреннюю отдѣлку дома другому молодому архитектору, кажется, Бруни, къ которому она была расположена, какъ къ старому знако-

---

[1]) При постройкѣ дома случилось слѣдующее обстоятельство, которому потомъ было дано значеніе нѣкотораго предзнаменованія. При домѣ были устроены два массивныхъ подъѣзда въ томъ же флорентійскомъ стилѣ; надъ подъѣздами красовалась въ видѣ украшенія графская корона, лежавшая на подушкѣ. Это обстоятельство дало поводъ къ сравненію этого украшенія

мому, между тѣмъ какъ Шмидтъ съ нею совершенно не былъ знакомъ. Такимъ образомъ, когда отдѣлка дома была совершенно окончена и вдова Кушелева въ него переѣхала жить, она представляла всѣмъ пріѣзжавшимъ посмотрѣть на ея восхитительный home, Брулли—какъ архитектора, построившаго этотъ дворецъ, а о Шмидтѣ не было и рѣчи, такъ что его перьями разукрасилась другая птица (ворона въ павлиньихъ перьяхъ).

Другое замѣчательное сооруженіе Шмидта—перестройка артиллерійскаго зданія на Литейной подъ помѣщеніе для новыхъ судебныхъ учрежденій. Когда прошелъ законъ о судебной реформѣ, то пришлось отыскивать помѣщеніе для новыхъ судовъ, такъ какъ объ этомъ своевременно не позаботились. Шмидтъ, который давно слѣдилъ за ходомъ этой законодательной работы въ предвидѣніи необходимости такого помѣщенія, заблаговременно составилъ проектъ приспособленія означеннаго дома къ размѣщенію въ немъ всѣхъ новыхъ судебныхъ учрежденій. Проектъ его былъ составленъ такъ практично, съ такимъ знаніемъ дѣла и потребности новыхъ учрежденій и при томъ такъ дешево, что министръ юстиціи Замятнинъ принялъ проектъ съ восхищеніемъ и поручилъ Шмидту его осуществленіе. Дѣло пошло очень быстро, зданіе было перестроено къ сроку открытія новыхъ судовъ, и до сихъ поръ оно остается въ томъ же видѣ, какъ оно построено Шмидтомъ по его проекту, безъ всякихъ измѣненій, и до сихъ поръ въ немъ помѣщаются наши столичныя судебныя учрежденія.

Въ связи съ новыми судебными порядками возникалъ и вопросъ о тюрьмахъ. Предвидя, что при новыхъ порядкахъ, особенно въ виду предполагавшейся уже тогда отмѣны тѣлесныхъ наказаній, потребуется значительно увеличить размѣры тюремныхъ помѣщеній, что̀ вызоветъ расходы совершенно несоотвѣтственные средствамъ нашего бюджета, Шмидтъ занялся также соображеніями о томъ, какъ удешевить и упростить все это дѣло. Принимая въ соображеніе, что, при настоящемъ устройствѣ, половина каждой тюрьмы часть дня остается безъ употребленія, напримѣръ, спальныя заняты только ночью, столовыя только во время обѣда и ужина, Шмидтъ придумалъ систему болѣе полнаго использованія даннаго помѣщенія.

съ похоронным̀ъ балдахиномъ и къ усмотрѣнію въ немъ предзнаменованія предстоящей кончины графа,—который, находившійся тогда уже въ послѣднихъ стадіяхъ чахотки, послѣ того померъ. Разумѣется, что обо всемъ этомъ зашла рѣчь только послѣ смерти графа, а раньше никто объ этомъ и не думалъ. Корона была снята съ подъѣздовъ, которые до сихъ поръ остаются въ этомъ же, кажется, недоконченномъ видѣ.

Благодаря придуманнымъ имъ приспособленіямъ одно и то же помѣщеніе могло служить для разныхъ цѣлей, а потому только короткое время дня оставаться безъ употребленія, ночныя спальныя превращались днемъ въ столовыя и т. д. Очевидно, что при такой системѣ, число арестантовъ въ каждой тюрьмѣ, приспособленной къ тому по мысли Шмидта, могло быть безъ всякаго неудобства удвоено. Тюрьма, въ которой помѣщалось 300 человѣкъ, могла бы быть приспособлена для помѣщенія 600 и т. п.

Несмотря на практичность и дешевизну подобной системы, не удалось однако провести ее въ жизнь, такъ какъ тюремное вѣдомство не рѣшалось на ея примѣненіе.

Во время усиленныхъ занятій всѣми этими проектами, при одновременномъ веденіи нѣкоторыхъ частныхъ промышленныхъ предпріятій, вѣроятно вслѣдствіе мозгового переутомленія съ Шмидтомъ сдѣлался нервный ударъ. Онъ лишился дара слова, сохраняя полное сознаніе и даже возможность произнесенія нѣкоторыхъ словъ, но безъ способности употреблять ихъ соотвѣтственно ихъ дѣйствительному значенію, т. е. употребляя постоянно одно выраженіе вмѣсто другого. Это состояніе, подобное тому, въ которомъ находился Н. А. Милютинъ въ послѣдніе годы его жизни. Семейство бѣднаго Шмидта, вслѣдствіе этой внезапной катастрофы, оказалось въ ужасномъ положеніи. Одновременно удрученное печалью по поводу тяжкой болѣзни отца семейства, оно оказалось еще и въ опасности совершеннаго разстройства состоянія, потому что никто кромѣ самого больного не имѣлъ понятія о его дѣлахъ, а больной былъ лишенъ всякой возможности что-либо разъяснить и чѣмъ-либо распорядиться.

Оставалось одно—передать полную довѣренность на веденіе и устройство дѣлъ кому-либо изъ близкихъ родственниковъ, а такимъ наиболѣе способнымъ для дѣла оказался зять Шмидта Г. Къ сожалѣнію, это распоряженіе повело еще къ болѣе несчастнымъ послѣдствіямъ, ибо Г. удалось дотого разстроить все состояніе Шмидта, что семейство изъ очень состоятельнаго было доведено до полнаго разоренія.

Г. былъ человѣкъ расторопный и практически ловкій, но къ сожалѣнію ужасный прожектеръ, готовый на самыя легкомысленныя и рискованныя предпріятія. Такъ напримѣръ, унаслѣдовавъ передъ тѣмъ случайно значительный капиталъ, онъ первымъ дѣломъ задумалъ, какъ бы его еще увеличить какимъ-либо спекулятивнымъ предпріятіемъ, и на чемъ же онъ остановился—на проектѣ введенія русскихъ печей въ Лондонѣ. Онъ полагалъ, что такъ какъ русскія печи грѣютъ лучше каминовъ, то не трудно будетъ убѣдить

англичанъ замѣнить въ своихъ домахъ камины русскими печами. Онъ поѣхалъ въ Лондонъ, взявъ съ собою хорошихъ русскихъ печниковъ, и открылъ тамъ агентство устройства русскихъ печей. Это фантастическое предпріятіе, разумѣется, не имѣло успѣха. Русскія печи дѣйствительно грѣютъ лучше каминовъ, въ этомъ онъ былъ правъ, но онъ не сообразилъ, что англичане твердо держатся своихъ привычекъ, что они привыкли имѣть много воздуха въ комнатахъ, безъ чего они не могутъ жить, и что камины поддерживаютъ, хотя въ ущербъ сохраняемаго ими тепла, постоянную вентиляцію въ комнатахъ. Израсходовавъ безрезультатно весь свой капиталъ, ему пришлось бросить это дѣло и вернуться въ Россію, въ прежнія скромныя условія жизни.

То же самое повторилось, къ сожалѣнію, когда онъ сталъ во главѣ управленія имуществомъ Э. Я. Шмидта. Ознакомившись съ дѣлами своего зятя, онъ повелъ ихъ въ началѣ очень удовлетворительно, привелъ въ порядокъ нѣкоторые недочеты, которые образовались вслѣдствіе болѣзни Шмидта, и все пошло бы очень хорошо, если бы онъ могъ успокоиться на достигнутыхъ результатахъ. Но его безпокойный и легкомысленно-предпріимчивый характеръ не позволилъ ему ограничиться простымъ благоразумнымъ веденіемъ дѣла. Онъ бросился въ разныя промышленныя предпріятія, заложивъ для этого большой домъ, принадлежащій Шмидту (на Литейномъ противъ Кирочной) и мечтая нажить и для своего зятя и для себя чуть ли не милліоны, окончилъ тѣмъ, что свелъ къ нулю все немалозначительное состояніе своего зятя. Столь трагическое сочетаніе несчастныхъ обстоятельствъ дѣйствительно замѣчательно. Внезапная болѣзнь еще относительно молодого человѣка, среди самой кипучей дѣятельности, рѣзко прекратившая эту дѣятельность, вслѣдствіе того необходимость безъ промедленія передать всѣ дѣла въ другія руки, при чемъ къ несчастію подвернулся человѣкъ близкій всему семейству, ловкій, работящій, но легкомысленный до безтолковости, спекулянтъ и въ концѣ дѣловой и дѣятельной жизни полнѣйшее разореніе...

Послѣ этого Э. Я. Шмидту и его семейству пришлось существовать за границей, куда онъ отправился вскорѣ послѣ появившейся у него болѣзни, на пособіе, которое ему посылалъ его братъ докторъ Я. Я. Шмидтъ. При его болѣзненномъ состояніи окружающимъ его лицамъ не трудно было скрыть отъ него постигшую его имущественную катастрофу. При моихъ поѣздкахъ за границу, я встрѣчался съ нимъ и въ Венеціи, гдѣ онъ одно время долго жилъ, и въ Германіи. Онъ обыкновенно приходилъ ко мнѣ въ гостиницу уже утромъ и, такъ какъ между нами было много сердечной сим-

патіи, то намъ приходилось вести съ нимъ по цѣлымъ часамъ разговоръ на разныя философско-религіозныя темы. При этомъ видно было, что онъ понималъ все, что я ему объяснялъ, но только съ величайшимъ трудомъ былъ въ состояніи выразить то, что онъ хотѣлъ сказать, такъ что часто только по поведенію приходилось отгадывать его мысль. Кромѣ давнишней нашей пріязни насъ связывало въ то время общее наше несчастіе, выразившееся для него въ его неизлѣчимой болѣзни, а для меня въ послѣдовавшей въ то время смерти моей любимой жены, что́ и побуждало насъ искать утѣшенія въ соображеніяхъ, возвышающихся надъ обыкновеннымъ уровнемъ текущей жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) [1]).

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Сраженіе подъ Баттиномъ.

Движеніе турецкихъ отрядовъ для выручки Рущука, какъ я и предупреждалъ графа Каменскаго, дѣлало осаду гораздо серьезнѣе, чѣмъ предполагалъ главнокомандующій.

Мы уже видѣли, что Мухтаръ-Паша прибылъ туда съ своими албанцами, затѣмъ Кучумъ-Али и Сераскиръ собрали съ Дуная всѣ гарнизоны и вооруженныхъ жителей и, такимъ образомъ, составилось два корпуса силою въ 15.000 человѣкъ.

Если бы турки, не теряя драгоцѣннаго времени, напали бы на мой лѣвый флангъ и если бы, въ то же время, была бы произведена вылазка Рущукскаго гарнизона, что̀ совпало бы какъ разъ съ тѣмъ временемъ, какъ у меня было самое незначительное число войскъ, и если бы все это совершилось до прибытія войскъ графа Сергѣя, сдѣлавшихъ огромный обходъ къ Силистріи, вмѣсто того чтобы прямо идти на Рущукъ, то весьма возможно, что туркамъ удалось бы освободить Рущукъ и тогда это было бъ новой ошибкой графа Каменскаго, не вызвавшаго во̀-время своего брата. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами, турки двинулись къ Баттину, гдѣ и укрѣпились.

Деревня Баттино лежитъ въ 33-хъ верстахъ отъ Рущука, въ 3-хъ верстахъ отъ Дуная и 5-ти отъ рѣки Янтры, впадающей въ Дунай; за Баттинымъ, со стороны Систово, протекаетъ ручей. Баттино окружена высокими и почти голыми горами, перерѣзанными глубо-

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1909 года.

кими долинами, направляющимися съ юга на сѣверъ; горы эти доходятъ до самаго Дуная, по берегу котораго тянется узкая дорога. Возвышенность, у которой расположено Баттино, одна изъ самыхъ большихъ и на ея вершинѣ находится площадка въ 2—3 версты, гдѣ турки и выстроили большое и сильное укрѣпленіе, фланкируемое бастіонами. Но, построивъ такое укрѣпленіе, они не закрыли его съ горжи, со стороны ручья, вѣроятно не предполагая, чтобы можно было оттуда подойти къ нему. Влѣво, въ полуверстѣ отъ этого ретраншамента, они выстроили другой редутъ, также очень сильный, но уже закрытый со всѣхъ сторонъ. Расположенная же влѣво отъ этихъ укрѣпленій возвышенность, представляющая хорошую позицію, не была занята турками; также ими не было занято все пространство до самаго Дуная, вслѣдствіе этого, въ случаѣ нападенія съ этой стороны, они рисковали остаться безъ воды, довольствуясь только Баттинскимъ ручьемъ, часто совершенно пересыхающимъ. Трудно было занять болѣе невыгодную позицію, чѣмъ та, которую выбрали турки въ Баттинѣ, такъ какъ она со всѣхъ сторонъ была окружена горами, но для нихъ это было безразлично и они слишкомъ мало размышляли при выборѣ позиціи для постройки укрѣпленій.

Каждый корпусъ, въ ожиданіи непріятеля, размѣщался, гдѣ и какъ хотѣлъ, и у нихъ часто встрѣчается, что 5 или 6 ретраншаментовъ не имѣютъ между собой ни связи, ни поддержки.

Какъ только графъ Каменскій узналъ, что турки находятся въ Баттинѣ, онъ созналъ свою ошибку, оставивъ 15.000 человѣкъ безъ всякой нужды въ Силистріи. Турки были отъ насъ очень близко, такъ что всегда можно было ожидать съ ихъ стороны нападенія, а потому и не слѣдовало терять ни минуты, чтобы спѣшно вызвать войска графа Сергѣя (какъ уже сказано было выше) и не заставлять этотъ корпусъ двигаться черезъ Маріатинскую равнину, на виду Рущука, обнаруживая тѣмъ передъ Боснякомъ свои замыслы. Несомнѣнно, что тотъ, въ свою очередь, далъ знать объ этомъ движеніи Кучумъ-Али, такъ какъ этотъ послѣдній всю ночь пускалъ ракеты.

Генералъ Марковъ остался передъ Силистріей съ 8 баталіонами и нѣсколькими полками казаковъ; въ городѣ же командовалъ генералъ Слеттеръ [1]).

---

[1]) Сначала графъ Каменскій оставилъ въ Силистріи генерала Ангельма, это былъ гатчинецъ, человѣкъ безъ всякихъ талантовъ и мужества, очень ограниченный, а главное пьяница, онъ ужасно распустилъ свой отрядъ, допуская всякія подлости и, будучи большимъ трусомъ, онъ вообразилъ, что 30 или 40 турокъ, оставшихся въ городѣ, уже составляютъ противъ

Графъ Каменскій приказалъ своему брату двинуться тотчасъ къ Баттину, атаковать тамъ турокъ, оставивъ небольшіе отряды по Бельской и Разградской дорогамъ.

Уваровъ и Кульневъ, со своими корпусами, соединились съ графомъ Сергѣемъ и, у него подъ начальствомъ, составился корпусъ въ 18.000 человѣкъ и 80 пушекъ. Турокъ же было всего 12.000 человѣкъ и 8 орудій.

13-го графъ Сергѣй расположился лагеремъ на р. Ломѣ, 15-го онъ подошелъ къ Баттину, а 16-го атаковалъ его.

Рекогносцировка Баттина была сдѣлана очень дурно; нашъ генералъ-квартирмейстеръ Хоментовскій ничего не разузналъ заранѣе. Проведя три мѣсяца передъ Шумлой, кажется, можно было бы лучше изучить окрестности.

Графъ Сергѣй раздѣлилъ свои войска на два отряда: генералъ Кульневъ долженъ былъ атаковать непріятеля между Баттинымъ и рѣкой Янтрой, а генералъ Павелъ Иловайскій долженъ былъ двинуться впередъ и дѣйствовать со стороны Дуная. Такое распоряженіе его было очень хорошо. Графъ Сергѣй, по своему обыкновенію, оставался въ 5 верстахъ отъ непріятеля, окруженный тройной линіей: казаковъ, кавалеріи и своего вѣрнаго Палицина съ Орловскимъ полкомъ. Уваровъ также оставался съ нимъ, тогда какъ онъ смѣло могъ принимать болѣе активное участіе.

16 августа, на разсвѣтѣ — Иловайскій двинулся впередъ, вдоль Дуная, черезъ возвышенность и, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій, онъ наткнулся на оврагъ, который былъ такъ глубокъ и широкъ, что если бы турки поставили бы на возвышенности, находящейся на ихъ сторонѣ, хоть 2 пушки и человѣкъ 300 стражниковъ, то Иловайскій никогда бы не могъ перебраться черезъ него; но такъ какъ у этого мѣста онъ встрѣтилъ только пикетъ изъ двухъ, трехъ турокъ, спокойно сидящихъ и курящихъ свои трубки, то онъ свободно перешелъ черезъ этотъ оврагъ.

Донскіе артиллеристы спустились и поднялись черезъ оврагъ, неся пушки на своихъ плечахъ, а остальныя войска отряда послѣдовали за ними, хотя черезъ этотъ оврагъ и была болѣе легкая дорога, но ее никто не замѣтилъ, и Иловайскій подошелъ близко къ Дунаю. Добравшись до возвышенія, Иловайскій перестроился въ

него заговоръ и собираются перебить его и весь гарнизонъ, при содѣйствіи жителей сосѣднихъ деревень. Онъ до такой степени надоѣлъ всѣми этими воображеніями графу Каменскому, что тотъ смѣнилъ его, назначивъ на его мѣсто честнаго и храбраго Слеттера, прекраснаго офицера, который былъ бы болѣе полезенъ въ дѣйствующемъ корпусѣ.

боевой порядокъ и двинулся впередъ. Этотъ прекрасный офицеръ, который вмѣстѣ съ храбростью соединялъ въ себѣ всѣ самыя блестящія качества опытнаго генерала, осмотрѣвъ поле, живо сообразилъ, что если онъ займетъ мѣстность за лѣвымъ флангомъ турокъ, то онъ легко можетъ разгромить ихъ своей артиллеріей; а если, къ тому же, Кульневу удастся проектированное имъ движеніе, то турецкая армія будетъ совершенно истреблена. Послѣ нѣсколькихъ схватокъ съ непріятельской кавалеріей, Иловайскій отбросилъ ее, захватилъ желанное поле и, ворвавшись въ ихъ укрѣпленіе, перебилъ всѣхъ находившихся тамъ турокъ. Въ то же время русская флотилія, подъ начальствомъ полковника Берлига, поднялась вверхъ по рѣкѣ и атаковала турецкую флотилію.

По приказанію Иловайскаго, Козловскій полкъ высадился на берегу, отогналъ съ берега турокъ и своимъ огнемъ заставилъ удалиться турецкую флотилію.

Но Кульневъ, вмѣсто того, чтобы обойти непріятельскую позицію, двинулся прямо на него съ фронта и, послѣ столкновенія съ турецкой кавалеріей, не счелъ возможнымъ атаковать укрѣпленіе. Вслѣдствіе овладѣвшей имъ нерѣшительности, было потеряно довольно много времени, и уже наступилъ вечеръ.

Графъ Сергѣй, остававшійся неподвижно на одномъ мѣстѣ, не видалъ ничего. Его обычная нерѣшительность и боязнь всякихъ неожиданностей не позволяли ему двигаться впередъ и давать какія-либо приказанія.

Храбрый Иловайскій послалъ сказать графу, что если онъ разрѣшитъ ему остаться на занятой позиціи, то онъ въ продолженіе ночи укрѣпится на ней, а если Кульневъ обойдетъ, наконецъ, непріятеля, то онъ отвѣчаетъ за успѣхъ.

Въ отвѣтъ на это, графъ Сергѣй послалъ ему приказаніе отступить.

Несмотря на это приказаніе, Иловайскій все-таки остался на прежнемъ мѣстѣ. Тогда графъ Сергѣй Каменскій послалъ къ нему Уварова, который нашелъ положеніе Иловайскаго не прочнымъ, а занятую имъ позицію не обезпеченной. По возвращеніи его, графъ Сергѣй послалъ настоятельное приказаніе Иловайскому возвратиться въ лагерь, а также приказаніе отступить и Кульневу. Можно себѣ представить досаду и злобу Иловайскаго, этого прекраснаго генерала, и всѣхъ находящихся подъ его начальствомъ, какъ-то: Воронцова, Сенъ-При, Башилова (прибывшаго вечеромъ съ Тамбовскимъ полкомъ) и многихъ другихъ начальниковъ!

Независимо отъ непріятности, которую имъ причинили, вырвавъ у нихъ блестящую и вѣрную побѣду, ихъ также страшила перспектива

обратнаго перехода, ночью, черезъ оврагъ, стоившій имъ такъ много трудностей днемъ. Теперь имъ еще грозила опасность быть преслѣдуемыми при отступленіи турками, тѣмъ болѣе, что Кульневъ уже давно отступилъ.

Вся непріятельская арміи могла напасть на Иловайскаго, но добрые турки не пошевелились и тѣмъ дали возможность Иловайскому спокойно перейти оврагъ.

Это безумное распоряженіе стоило намъ около 600 человѣкъ и почти столько же туркамъ. Трофеями дѣла было нѣсколько знаменъ, взятыхъ нами у турецкой конницы, изъ чего графъ Каменскій пожелалъ заключить, что дѣло это кончилось нашей побѣдой. Онъ самъ составилъ по этому поводу великолѣпную реляцію, признавая себя достойнымъ большого поощренія. Но графъ Николай не пошелъ на эту удочку и страшно разсердился. „Мнѣ уже надоѣли эти большія поощренія“, сказалъ онъ мнѣ, но, по справедливости надо признаться, что онъ самъ былъ во всемъ виноватъ. Зная своего брата, зачѣмъ было давать ему порученія и ввѣрить ему славу всей арміи?! Развѣ у него не было другихъ генераловъ, болѣе достойныхъ и уважаемыхъ войсками, тогда какъ братъ его внушилъ къ себѣ только ненависть и презрѣніе? Почему онъ поощрялъ въ себѣ эту несчастную слабость къ своему брату, такъ мало достойному его протекціи? Почему у него предубѣжденіе противъ другихъ генераловъ, заслуживающихъ большаго его довѣрія?

Я прибавляю къ этому—какая же это страна, гдѣ общественное мнѣніе и возмущеніе арміи не заставили главнокомандующаго отнять начальство у такого человѣка, какъ графъ Сергѣй, а дворъ—наказать его, если ужъ не эшафотомъ, то по крайней мѣрѣ, лишеніемъ мундира и орденовъ! Но ничего подобнаго не случилось; графъ Сергѣй остался въ арміи и черезъ мѣсяцъ получилъ одно изъ самыхъ почетныхъ военныхъ отличій, доказывающее обыкновенно благодарность отечества своему полководцу.

Съ другой стороны, какъ понимать такого человѣка какъ графъ Сергѣй, который, окончивъ такъ удачно экспедиціи въ Базарджикъ и подъ Шумлой, гдѣ другіе сражались и побѣждали за него, а онъ самъ только пользовался успѣхомъ и славой. При новой встрѣчѣ съ турками, онъ не рѣшался приблизиться къ полю сраженія и не давалъ другимъ побѣждать! Природа, создавая людей, иногда проявляетъ странные капризы!

Между тѣмъ, графъ Николай рѣшилъ второй разъ произвести атаку подъ личнымъ руководствомъ. Его можно упрекнуть въ томъ, что онъ не сдѣлалъ этого при первой атакѣ.

Графъ Николай, какъ и его братъ Сергѣй, постоянно увеличивавшій опасность и увѣрявшій его, что турецкая армія состояла не менѣе, какъ изъ 40.000 человѣкъ, также не пренебрегалъ преувеличеніями, а поэтому онъ взялъ съ собой даже больше того, что онъ долженъ былъ взять, оставивъ только 8 или 9 тыс. человѣкъ на сорокаверстную линію вокругъ Рущука и Журжева; тогда какъ въ обоихъ городахъ, навѣрное, оставалось болѣе 12.000 человѣкъ сражающихся. Если бы Боснякъ зналъ о нашей малочисленности (а онъ могъ предполагать ее) и атаковалъ бы меня на одномъ пунктѣ всѣми своими силами, я бы защищался по возможности, но не знаю, что бы изъ этого вышло. Съ этими 8.000 людей, графъ Каменскій оставилъ при мнѣ генераловъ Эссена и Засса. Мы трое были старшими генералами въ арміи, и мои оба помощника были одними изъ лучшихъ. Графъ взялъ съ собой Уварова, ни къ чему не нужнаго ему, и Войнова, который помогъ бы ему во всемъ, если бы имъ не овладѣлъ приступъ лихорадки, лишившій его славы, которою онъ навѣрное покрылъ бы себя въ этомъ бою.

Графъ Каменскій уѣхалъ изъ лагеря 24-го августа, а 26-го онъ уже далъ сраженіе при Баттинѣ и выигралъ его. Эта побѣда была очень счастлива и полезна, но, какъ военное предпріятіе, она не заслуживала большой славы.

Турки, хотя и получившіе подкрѣпленіе, все-таки были значительно слабѣе насъ, и поэтому русскимъ, имѣвшимъ 22.000 человѣкъ при 140 орудіяхъ, не было большого труда побѣдить 18.000 турокъ съ 14-ю артиллерійскими орудіями [1]).

Подъ начальствомъ главнокомандующаго состояло 31 баталіонъ, 53 эскадрона, 13 полковъ казаковъ и 140 пушекъ.

Онъ раздѣлилъ свою армію на 2 корпуса, одинъ онъ поручилъ своему брату, а другимъ командовалъ самъ. Подъ его непосредственнымъ начальствомъ состояло: 15 баталіоновъ, 28 эскадроновъ и 9 полковъ казаковъ, во главѣ съ генералами: Булатовымъ, княземъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, Сабанѣевымъ, Кульневымъ, графомъ Сенъ-При, Воронцовымъ, Ланскимъ и Баумгартеномъ.

Графъ Сергѣй имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 16 баталіоновъ,

---

[1]) Хотя графъ Каменскій и заявилъ въ своемъ донесеніи, что онъ побѣдилъ 40.000 турокъ, но на самомъ дѣлѣ въ непріятельскомъ лагерѣ не было и 18.000 солдатъ; тысячъ 18 тамъ было конечно, но въ числѣ ихъ были и слуги, и рабочіе, и купцы, изъ которыхъ нѣкоторые хотя и принимали иногда участіе въ сраженіи, но большею частію или убѣгали, или производили страшный безпорядокъ.

25 эскадроновъ и 4 полка казаковъ; у него были генералы: Уваровъ, Павелъ Иловайскій, Башиловъ, Сергѣй Рѣпнинскій и Гамперъ.

25-го армія выступила въ двухъ колоннахъ. Графъ Сергѣй расположился лагеремъ въ 5-ти верстахъ отъ турокъ, вправо отъ Дуная и влѣво отъ деревни Абланова. Графъ Николай такъ же остановился на Браиловской дорогѣ. Казаки все время поддерживали связь между двумя колоннами.

На виду у турокъ, графъ Николай проявилъ свой талантъ военнаго взгляда, сдѣлавъ тутъ же на полѣ сраженія всѣ соотвѣтствующія распоряженія, которыя сами по себѣ были превосходны, но не таково было исполненіе ихъ.

Нѣсколькихъ засѣвшихъ въ кустарникахъ турокъ графъ приказалъ выгнать Оренбургскому казачьему полку, командиръ котораго былъ раненъ. Этотъ полкъ былъ въ конвоѣ главной квартиры и еще ни разу не видѣлъ непріятеля.

Подкрѣпленіе, полученное турками послѣ сраженія 16-го числа, состояло изъ 4 или 5.000 ч. и 6 пушекъ.

Кучумъ-Али, замѣтивъ свою ошибку, состоящую въ томъ, что онъ не занялъ холма, находящагося влѣво отъ его фронта, рѣшился исправить ее и послать туда 500 человѣкъ и 2 пушки; еще ниже и лѣвѣе, по направленію къ Дунаю, точно также былъ подкрѣпленъ другой отрядъ. Джауръ-Гассанъ съ 300 ч. укрѣпились на плато вдоль Дуная, при устьѣ ручья Баттика, но, теперь, какъ и въ первый разъ, турки не подумали занять оврагъ, находящійся передъ ихъ фронтомъ, и генералъ Иловайскій снова перешелъ его, но болѣе удачно, чѣмъ 10-го, такъ какъ взялъ немного влѣво отъ того моста, гдѣ ему пришлось вынести такъ много трудностей. Вся слава этого дня принадлежитъ храбрецу Иловайскому, который первый началъ атаку, но за свою славу долженъ былъ заплатить жизнью.

Подъ его начальствомъ находились казачьи полки: его, его брата и Денисова 6-го, 10 эскадроновъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка, Тамбовскій, Днѣпровскій и 32-ой егерскій полки и 8 орудій конной артиллеріи, подъ начальствомъ храбраго маіора Говена, такъ прекрасно служившаго мнѣ при Дернкіоѣ.

Генералъ Гамперъ двинулся за Иловайскимъ, командуя 2-ой колонной и имѣя подъ своимъ начальствомъ Андріановскій казачій полкъ, 18-ть 12-ти ф. пушекъ, Петербургскій драгунскій, Фанагорійскій, Витебскій и Новгородскій пѣхотные полки.

Обѣими этими колоннами командовалъ графъ Сергѣй Каменскій; его помощникомъ былъ назначенъ Уваровъ, но такъ какъ онъ очень рѣдко появлялся среди войскъ и не отдавалъ никакихъ при-

казаній, а самъ графъ Сергѣй Каменскій и вовсе не посѣтилъ свои войска [1]), то на самомъ дѣлѣ—начальникомъ всего праваго фланга былъ генералъ Иловайскій.

Я много разъ участвовалъ въ войнахъ и нерѣдко замѣчалъ, что въ день сраженій, часто, вмѣсто старшаго въ чинѣ, командуетъ тотъ, кто дѣйствительно болѣе достоинъ этой чести. Когда опасность становится очевидной и приближается рѣшительный моментъ, то солдатъ, офицеръ, командиры полковъ и начальники дивизій—всѣ они обращаются къ генералу, отъ котораго они привыкли получать приказанія и который идетъ впереди всѣхъ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Единственно кому повиновались охотно войска—такъ это Иловайскому.

Онъ обладалъ красивой наружностью и благородной осанкой; сидя на великолѣпномъ бѣломъ конѣ, такомъ же гордомъ и величественномъ, какъ его всадникъ, героемъ мчался впереди своихъ подчиненныхъ, внушая къ себѣ увѣренность и уваженіе всей арміи.

Никто на правомъ флангѣ и не думалъ, что онъ находился подъ начальствомъ графа Сергѣя Каменскаго и Уварова [2]).

Въ 9 ч. утра, подойдя къ турецкому лагерю, Иловайскій увидѣлъ, что поле, которое онъ такъ легко занялъ 16-го числа, было теперь укрѣплено; тогда онъ поставилъ на возвышенностяхъ, вправо и влѣво отъ овраговъ, черезъ которые онъ долженъ проходить,—8 пушекъ, направивъ ихъ на непріятельскій ретраншаментъ,—который, затѣмъ, и былъ атакованъ Тамбовскимъ и Днѣпровскимъ полками.

Стремленіе побѣдить, желаніе отличиться, энтузіазмъ, вызываемый

---

[1]) Графъ Каменскій преспокойно себѣ оставался въ своемъ лагерѣ, въ 5-ти верстахъ отъ боя, съ своимъ гвардейскимъ капитаномъ Палицынымъ и вѣрнымъ Орловскимъ полкомъ. Въ этотъ день, чтобы охранить свою священную особу отъ всякой опасности, онъ также даровалъ честь защищать себя храброму Петербургскому пѣхотному полку и Смоленскимъ драгунамъ. Такимъ образомъ, онъ лишилъ 2.500 человѣкъ возможности участвовать въ дѣлѣ и въ продолженіе всего сраженія оставался на своей тыльной позиціи, презирая все, что про него ни говорили. Трудно встрѣтить человѣка болѣе нерѣшительнаго!

[2]) (1827 г.). Генерала Уварова уже больше нѣтъ на свѣтѣ, но всѣ его очень жалѣли, конечно не за военные таланты, а за добродушіе, честность и другія уважаемыя качества. Онъ тогда уже былъ не только любимцемъ своего Государя, но и его другомъ; онъ часто говорилъ правду Государю, дѣлалъ много добра и никогда никому не вредилъ; вслѣдствіе чего, во время новаго командованія гвардіей, онъ былъ обожаемъ ею. Необходимо также сказать, въ сраженіяхъ 10, 12, 13 и 14 годовъ онъ выказалъ очень много усердія и храбрости и, такимъ образомъ, заставилъ забыть всѣ свои, слабости, скомпрометтировавшія его въ описываемой мною кампаніи.

примѣромъ Иловайскаго—были такъ сильны въ этой колоннѣ, что казаки и Говенъ, со своей конной артиллеріей, ворвались въ укрѣпленіе одновременно съ пѣхотой. Оно было моментально взято и всѣ защитники его перебиты.

Занявъ укрѣпленіе, Иловайскій приказалъ занять и второй ретраншаментъ, находящійся на правомъ флангѣ. Назначенный для сего 32-й Егерскій полкъ выказалъ такое же мужество, какъ и Тамбовскій и Днѣпровскій полки, принимавшіе участіе и въ этой атакѣ. Укрѣпленіе было взято такъ же быстро, какъ и первое, а полковникъ Козловскій, съ Ольвіопольскими гусарами, храбро рубилъ и кололъ тѣхъ турокъ, которые перебѣгали изъ одного укрѣпленія въ другое.

Джауръ-Гассанъ, занимавшій (какъ мы уже видѣли) третій ретраншаментъ, находящійся при впаденіи ручья Баттина, не дождавшись нападенія, бѣжалъ вдоль Дуная.

Выгнанные изъ всѣхъ своихъ новыхъ укрѣпленій, турки бросились бѣжать; одни къ старымъ редутамъ, а другіе по берегу Дуная, откуда они стали искать возможности спастись по Систовской дорогѣ. Ихъ преслѣдовали казаки и кавалерія Иловайскаго, а затѣмъ имъ перерѣзала дорогу Кульневская кавалерія, которая, обойдя всю турецкую позицію, прибыла наконецъ туда же, гдѣ должна была быть еще 16-го августа.

Послѣ взятія 3-хъ ретраншаментовъ, сраженіе должно было быть окончено, и эта побѣда стоила бы намъ не болѣе 300 челов. Между тѣмъ, турки, запрятавшіеся въ свои старые редуты, были окружены со всѣхъ сторонъ и отрѣзаны совершенно отъ воды; кромѣ того, они были обстрѣливаемы, какъ изъ 40 пушекъ, которыя Иловайскій разставилъ вокругъ непріятельскаго лагеря и каждый выстрѣлъ которыхъ уносилъ у нихъ множество людей и лошадей, такъ и 60-ю пушками 1-го корпуса съ праваго фланга. При такомъ положеніи они не имѣли болѣе никакой возможности защищаться и были принуждены сдаться. Никогда еще ихъ армія не была въ такомъ ужасномъ положеніи!

Если бы графъ Николай Каменскій могъ сѣсть на лошадь и объѣхать свои фланги, то онъ убѣдился бы тогда въ безполезности атакъ, которыхъ онъ такъ настоятельно требовалъ и которыя стоили жизни 1.500 человѣкъ.

Намъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ поставить наши батареи такъ, чтобы разстрѣливать всѣхъ, выходящихъ изъ укрѣпленій, и ожидать, чтобы жажда заставила турокъ сдаться намъ и тогда наша побѣда была бы полной.

Во время атаки праваго фланга, графъ Николай Каменскій подошелъ къ турецкому укрѣпленію, которое было дѣйствительно необъятно. Предполагали, что оно было закрыто со всѣхъ сторонъ, но на самомъ дѣлѣ оно имѣло валы только со стороны Баттинскаго ручья. Графъ самолично взошелъ на небольшую возвышенность, находящуюся вправо отъ турокъ, и оставался тамъ довольно долго. И онъ и его свита всѣ были пѣшкомъ и подвергались большой опасности. Графъ зналъ все, что объ немъ говорили, онъ зналъ также свои слабости, но хотѣлъ превозмочь ихъ и заставить замолчать своихъ враговъ, что и удалось ему какъ нельзя лучше. Надо отдать ему справедливость, что это усиліе надъ собой стоило ему очень много и поэтому имѣетъ еще больше заслуги.

Онъ поставилъ передъ собой 40 орудій, подъ прикрытіемъ Московскаго, Брянскаго и 7-го егерскаго полковъ, а на правомъ флангѣ, противъ середины большого турецкаго ретраншамента, расположилъ свои войска, графа Сенъ-При и графа Воронцова, а именно: Нарвскій, 6-ой егерскій пѣхотные и Стародубскій драгунскій полки. Войска эти, своимъ правымъ флангомъ, соприкасались съ лѣвымъ флангомъ Иловайскаго. Считая турецкое укрѣпленіе очень сильнымъ, главнокомандующій не предполагалъ атаковать его, но затѣмъ, послѣ небольшой рекогносцировки, увидѣли, что оно было одно изъ самыхъ слабыхъ.

Между тѣмъ, Кульневъ съ Малороссійскимъ, Крымскимъ и 11 егерскимъ полками и всей своей кавалеріей, отдѣлившись, въ 9 ч. утра, отъ 1 корпуса, двинулся налѣво, перешелъ Баттинскій ручей и занялъ возвышенности между Баттинымъ и Янтрой. Такимъ образомъ, турки были окружены съ самаго начала сраженія.

При занятіи этой позиціи, Кульневъ встрѣтилъ на возвышенностяхъ турецкую конницу, которую онъ тотчасъ же разсѣялъ, и обративъ въ бѣгство, преслѣдовалъ по Систовской дорогѣ. Малороссійскій и 11 егерскій полки, подъ начальствомъ флигель-адъютанта графа Бальмена, спустились въ долину, гдѣ протекалъ Баттинскій ручей, и, дойдя до береговъ Дуная, разнесли находившійся тутъ турецкій лагерь.

Въ это же время, наша флотилія подъ командой полковника Берлица, атаковала турецкую флотилію и, съ помощью этихъ двухъ полковъ и части артиллеріи праваго фланга Иловайскаго, ей удалось разбить непріятельскую флотилію; въ четырехъ судахъ открылась течь, одиннадцать были взяты и только нѣсколькимъ удалось уйти.

Около 2 часовъ дня гр. Николай, наконецъ, рѣшилъ атаковать второй турецкій ретраншаментъ. Наши полки двинулись въ атаку,

но всѣ они были отбиты. Князь Хованскій получилъ значительную рану въ бедро, а Башиловъ въ руку.

Засѣвшіе въ этихъ ретраншаментахъ турки поражали насъ необыкновенно сильнымъ огнемъ, такъ что около стѣнъ перваго укрѣпленія образовалась вторая стѣна изъ труповъ убитыхъ людей, лошадей и верблюдовъ, что еще болѣе усложняло трудность взятія укрѣпленія.

Слабый Фанагорійскій полкъ, вмѣсто того, чтобы двигаться черезъ оврагъ, пошелъ вдоль его, а затѣмъ окончательно исчезъ. За эту ошибку онъ поплатился своими офицерами, изъ которыхъ 20 человѣкъ погибло убитыми и раненными. Этотъ же полкъ былъ причиной смерти генерала Иловайскаго, который, во время жаркаго боя, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ собрать разсѣянныхъ Фанагорійцевъ и соединить ихъ съ другими своими полками, но въ это время онъ былъ раненъ. У него оказалось прострѣленнымъ плечо, и онъ былъ принужденъ оставить поле сраженія [1]).

---

[1]) Пуля осталась у него въ лопаткѣ, и ее никакъ не могли извлечь. На другой день сраженія его перенесли ко мнѣ въ лагерь, передъ Рущукомъ, гдѣ онъ оставался нѣсколько дней, а затѣмъ его перенесли въ главную квартиру и отвели тамъ отдѣльную палатку, около самой палатки главнокомандующаго.

Я вѣчно буду упрекать гр. Каменскаго за его жестокое равнодушіе къ этому герою, которому онъ былъ обязанъ большей частью своихъ успѣховъ.

Иловайскій, почти умирающій, лежалъ отъ него въ 50 шагахъ, а онъ только черезъ недѣлю собрался его навѣстить и то только послѣ моихъ упрековъ въ безчеловѣчности и неприличіи его поведенія. Иловайскій былъ ужасно огорченъ такимъ невниманіемъ своего начальника и нѣсколько разъ говорилъ мнѣ объ этомъ со слезами на глазахъ. Правда, Каменскій не любилъ его лично и ненавидѣлъ вообще все казачество, но онъ все-таки долженъ былъ признавать его личныя достоинства и отдавать справедливость его талантамъ. А можетъ быть ему было даже не безызвѣстно, что армія приписывала Иловайскому, и не безъ основанія, весь успѣхъ сраженія. Затѣмъ Иловайскій былъ перевезенъ въ Бухарестъ, гдѣ онъ и умеръ мѣсяцъ спустя. Армія чрезвычайно сожалѣла о смерти этого генерала, оцѣнивъ его достоинства больше, нежели это сдѣлалъ ихъ главнокомандующій. Я же потерялъ въ немъ настоящаго друга, а Россія въ его лицѣ лишилась прекраснаго генерала. Тѣмъ не менѣе, среди казаковъ онъ не пользовался любовью, такъ какъ былъ слишкомъ европеецъ для нихъ; онъ говорилъ по-французски, читалъ хорошія военныя книги и любилъ регулярныя войска.

(1827 г.) Впрочемъ, этотъ взглядъ существовалъ у нихъ только въ прежнее время, еще въ періодъ Крыма, но, совершивъ нѣсколько походовъ, они стали гораздо цивилизованнѣе, и теперь уже часто говорятъ „у насъ въ Парижѣ“.

Но, несмотря на всѣ усилія и храбрость, съ которой атаковали [1]) ретраншаментъ, его все-таки никакъ не могли взять. Кульневъ [2]) также принималъ участіе въ этой атакѣ, но былъ отбитъ такъ же, какъ и другіе.

По моему убѣжденію, нужно было атаку направить на первый ретраншаментъ, такъ какъ онъ былъ открытъ со стороны Баттина и, пройдя черезъ деревню, можно было легко туда проникнуть. Графъ Каменскій догадался наконецъ объ этомъ и понялъ, что Кульневъ взялъ невѣрное направленіе. Онъ нѣсколько разъ посылалъ сказать ему, съ какой стороны надо атаковывать, но Кульневъ, обезкураженный уже неудачей, не послѣдовалъ его совѣту, хотя его лично никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ храбрости.

Графъ Каменскій ужасно разсердился на него и, отнявъ у него командованіе, передалъ его генералу Баумгартену, который и нашелъ правильный пунктъ атаки [3]), на который и направилъ свою колонну.

Тогда турки, увидѣвъ, что имъ не остается никакой надежды на спасеніе и что имъ всѣмъ грозитъ погибнуть отъ непріятельскихъ штыковъ, рѣшили бѣжать.

Мухтаръ и всѣ конные, находившіеся въ этомъ огромномъ укрѣпленіи, выскочили оттуда первыми, а за ними и всѣ прочіе защитники, образовавъ двѣ толпы, которыя, какъ два потока, прорывающіе плотину, напирали другъ на друга, пока не вышли на свободу.

Одна колонна двинулась по ручью и продолжающей его долинѣ, другая же направилась въ совершенно противоположную сторону,

---

[1]) На всѣ эти безполезныя атаки было потеряно много времени и много людей. Неуспѣхъ атакъ, о которыхъ доложили графу Сергѣю, спокойно отдыхавшему въ своей главной квартирѣ, такъ испугалъ его, что онъ послалъ просить позволенія отступить. Главнокомандующій принялъ посла своего брата очень дурно и даже наговорилъ ему много непріятныхъ вещей.

[2]) Генералъ Кульневъ хотѣлъ вести въ атаку Крымскій полкъ, но командиръ этого полка ген. Баумгартенъ подалъ тутъ же въ отставку. Онъ былъ очень образованный офицеръ и, судя по полученнымъ имъ ранамъ, очень храбрый; но дѣло въ томъ, что онъ только-что женился и, обладая хорошими средствами, не хотѣлъ больше служить. Все это онъ сообщилъ Кульневу, который и оставилъ его въ резервѣ. Во Франціи такой человѣкъ былъ бы выгнанъ со службы, если не Государемъ, то своими товарищами. Здѣсь же никто и не подумалъ упрекать его въ чемъ-либо. Можно ли изъ этого обстоятельства вывести что-нибудь противъ русской арміи? Я не знаю лучшей по храбрости и по славѣ, но я повторяю, что въ этой арміи слишкомъ часто бываютъ слѣпы.

[3]) Лучше было бы совсѣмъ не атаковать, но разъ уже рѣшились на нападеніе, то ничего другого выбирать было больше нельзя.

по Трстеникской дорогѣ. Эта вторая колонна прошла невдалекѣ отъ графа Сергѣя [1]) и, кажется, навела на него трепетный ужасъ; она направилась также въ центръ лагеря гр. Николая, не сдѣлавъ намъ никакого вреда. Если бы турки не были такъ заняты своимъ спасеніемъ, они могли бы очень легко овладѣть всѣмъ нашимъ обозомъ.

Полки: Стародубскій, Лифонскій, Петербургскій, Смоленскій, Дерптскій—драгунскіе и цѣлая туча казаковъ помчались преслѣдовать ихъ и изрубили цѣлую массу.

Другая турецкая колонна понесла еще больше потерь. Какъ только генералъ Ланской замѣтилъ ея бѣгство, онъ тотчасъ же погнался за убѣгающими съ Бѣлорусскимъ и Александрійскими гусарскими полками, взялъ турокъ во флангъ и перебилъ всѣхъ отставшихъ бѣглецовъ. Онъ могъ бы окончательно изрубить всю колонну, если бы конная артиллерія, находившаяся на лѣвомъ флангѣ гр. Николая, не начала бы ее обстрѣливать. Въ это время была ужасная пыль, вслѣдствіе которой и произошла ошибка, остановившая преслѣдованіе турокъ. Маіоръ Бушуевъ, командовавшій этой артиллеріей, не замѣтилъ гусаръ, и его картечь, пролетѣвъ сквозь непріятельскую конницу, попала въ строй гусаръ Ланского, убила нѣсколькихъ александрійцевъ, а у самаго Ланского оторвала палецъ. Это происшествіе остановило дальнѣйшее дѣйствіе полка и тѣмъ спасло многихъ турокъ.

Мухтаръ-паша былъ также въ числѣ бѣжавшихъ, но ему удалось спастись отъ преслѣдованія, а Кучумъ-али и Халифъ-паша были убиты во второмъ ретраншаментѣ.

Всѣ, кто не могли спастись изъ перваго укрѣпленія, и всѣ пѣшіе погибли подъ нашими штыками.

Несчастные турки, запертые во второмъ укрѣпленіи, очутились тогда уже безъ всякой надежды избѣжать смерти или получить спасеніе. Всѣ ихъ начальники или погибли или бѣжали, оставивъ защитниковъ на ихъ судьбу. Турокъ было до 5.000 человѣкъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ двадцатью тысячами штыковъ. Къ тому же стояла ужасная жара, и они невыносимо страдали отъ жажды.

---

[1]) Если бы эта колонна двинулась нѣсколько правѣе, она встрѣтилась бы съ графомъ Сергѣемъ и его конвоемъ. Турки, вслѣдствіе своей многочисленности и стремительности во время бѣгства, безъ всякаго сомнѣнія, опрокинули бы нашихъ драгунъ, а можетъ быть и пѣхоту, никакъ не ожидавшихъ такого нападенія. Гр. Сергѣй, никогда не скакавшій галопомъ, былъ бы навѣрное настигнутъ ими и зарубленъ саблями, и только потому, что онъ оставался въ 5 верстахъ отъ поля сраженія.

Это былъ бы очень веселый эпизодъ!

Передъ глазами у нихъ находились трупы убитыхъ товарищей, а также раненые и больные, которымъ они не могли подать никакой помощи, и они рѣшились сдаться. Предполагая, что главнокомандующій былъ на правомъ флангѣ, они отправили къ нему туда парламентеровъ. Графъ Мантейфель, какъ самый старшій (генералъ Уваровъ не показывался нигдѣ), первый принялъ ихъ и затѣмъ отослалъ къ графу Сергѣю, а тотъ въ свою очередь отправилъ ихъ къ своему брату, такъ что эти несчастные, полуживые отъ голода и жажды, должны были прошагать лишнихъ болѣе 12 верстъ, и только по наступленіи дня, наконецъ, были окончены всѣ переговоры о капитуляціи [1]), которую гр. Каменскій и заставилъ подписать Родофинаки. Турки сдались военноплѣнными въ числѣ 5.000 человѣкъ. Среди нихъ былъ трехбунчужный Ахметъ-паша и много офицеровъ, между которыми попалъ также Гусейнъ-Ага, пріемный сынъ Пегливана, спасшагося изъ Базарджика.

Турки на полѣ сраженія оставили 5.000 труповъ, а около 8.000 человѣкъ бѣжали. Было взято 178 знаменъ и 14 пушекъ. Полученная добыча была громадная: оружіе, одежда и дорогія лошади были взяты нашими войсками въ большомъ количествѣ. У мертвыхъ также было найдено много денегъ, которыми и обогатились наши солдаты или, вѣрнѣе, наши маркитанты, которые, въ Россіи, всегда наслѣдуютъ имущество непріятеля. У насъ убитыхъ и раненыхъ было 1.800 человѣкъ, изъ которыхъ, какъ я уже замѣтилъ, 1.500 погибло совершенно напрасно.

Конечно, я былъ очень заинтересованъ успѣхомъ этого сраженія и, хотя я и не сомнѣвался въ его благопріятномъ исходѣ, тѣмъ не менѣе я былъ очень радъ узнать о нашей побѣдѣ. Отъ моего осаднаго корпуса до Баттинскихъ войскъ я протянулъ цѣпь казаковъ, разставленныхъ черезъ каждыя 5 верстъ, и адъютантъ каждые полчаса присылалъ мнѣ написанную карандашемъ записку о ходѣ дѣла.

Эта побѣда произвела большой эффектъ въ Петербургѣ; она возвысила графа Каменскаго въ глазахъ общества и даже передъ Государемъ. „Дѣло при Баттинѣ—хорошее дѣло“, сказалъ онъ мнѣ шесть мѣсяцевъ спустя.

Графъ Николай Каменскій получилъ за это Андреевскую ленту; остальные генералы также не остались безъ наградъ. Собственно говоря, нашъ графъ мечталъ о полученіи Георгія 1-ой степени, но Государь слишкомъ скупъ на эту награду, и въ Россіи никто

---

[1]) Первое, что попросили плѣнники при сдачѣ—это воды; они съ жадностью набросились на нее, говоря, что многіе раненые умерли отъ жажды.

не имѣетъ этого ордена. Графъ Николай имѣлъ преступную слабость представить своего брата и Уварова [1]) къ ордену Георгія 2-ой степени, а также выхлопоталъ награды для всѣхъ лицъ свиты своего возлюбленнаго брата. Полки: Орловскій, Нашебургскій, такъ же какъ и Тамбовскій, Днѣпровскій, 7, 11 и 32 егерскіе, участвовавшіе во взятіи ретраншаментовъ, всѣ получили Георгіевскія знамена.

Что же означаютъ послѣ этого ордена въ Россіи!

28-го августа графъ Николай Каменскій возвратился въ свой лагерь передъ Рущукомъ, а вмѣстѣ съ нимъ прибыло много войскъ. Настроеніе его, казалось, совершенно измѣнилось, и онъ былъ веселъ и любезенъ. Со мной, положимъ, онъ всегда былъ очень хорошъ, но другіе генералы не разъ жаловались на тягостную для нихъ власть этого маленькаго деспота. Эти неровности характера, зависящія отъ успѣха или неудачи, немало вліяли на тѣ неблагопріятныя мнѣнія, которыя слагались о немъ и мѣшали видѣть его хорошія качества; а ихъ у него было гораздо больше, чѣмъ предполагали другіе.

Главнокомандующій выставилъ передъ своей палаткой 180 знаменъ, взятыхъ при Баттинѣ, и приказалъ пяти тысячамъ плѣнниковъ пронести ихъ передъ Рущукомъ. Но Боснякъ, отъ котораго снова потребовали сдачи, объявилъ, что онъ еще не нашелъ никакой необходимости сдаваться и что можетъ быть эти плѣнники были никто иные, какъ переодѣтые мирные жители, а знамена ихъ были сдѣланы у насъ. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ не знать о результатахъ Баттинскаго сраженія, такъ какъ изъ Журжева было прекрасно видно все поле битвы, и каждую ночь изъ обоихъ городовъ пускались ракеты, которыя, конечно, были условными сигналами, но Боснякъ все-таки хотѣлъ сопротивляться до послѣдней возможности.

Я также предложилъ сдаться и Журжевскому пашѣ, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ еще не былъ атакованъ, и что у него оставалось еще достаточное количество продуктовъ для продовольствія. Все это была совершенная правда. Подобное упрямство наконецъ надоѣло графу Каменскому. Онъ полагалъ, что одной бомбардировкой онъ можетъ заставить городъ сдаться, и приказалъ стрѣлять залпами по сигналу, данному изъ его главной квартиры. Этотъ сигналъ повторялся по крайней мѣрѣ разъ двѣнадцать въ день. Для каждаго такого залпа тратилось до 500 снарядовъ, но этотъ расходъ не пугалъ никого, кромѣ самихъ артиллеристовъ и генерала

[1]) Эти генералы, вмѣстѣ съ Палицынымъ, впродолженіе всего сраженія, даже не видали огня!

Рѣзваго, у котораго всегда былъ недостатокъ въ запасахъ. Въ общемъ, весь этотъ огонь ни къ чему не послужилъ, а только разорилъ государство на двадцать или тридцать тысячъ рублей, и пострадало человѣкъ двадцать, тридцать несчастныхъ женщинъ и дѣтей.

Всѣ турецкіе солдаты запрятались въ ямы, подъ валами и преспокойно себѣ подсмѣивались надъ нашей канонадой. Большая часть снарядовъ падала въ сады, а если они и попадали въ дома, выстроенные изъ глины, то бреши въ этихъ домахъ тотчасъ же залѣплялись. Случилось два или три пожара, но сгорѣло не болѣе двадцати домовъ, въ числѣ которыхъ погибъ и домъ Босняка, но самого его тамъ не было, такъ какъ онъ дни и ночи проводилъ на валахъ.

Вначалѣ турки отвѣчали на нашъ огонь, какъ только мы его прекращали, но за то всѣ ночи они безпрерывно стрѣляли по нашимъ параллелямъ, и графъ Каменскій, боявшійся, чтобы послѣ ихъ огня не послѣдовало бы вылазки, несмотря на всѣ мои усилія помѣшать ему, все время тревожилъ войска, что конечно ихъ очень утомляло и давало новый поводъ къ насмѣшкамъ надъ нимъ.

Наконецъ, я рѣшилъ самъ провести двѣ ночи въ траншеяхъ, чтобы доказать ему всю незначительность этого огня, который мало по малу совсѣмъ прекратился. Рущукъ же началъ испытывать недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, получаемыхъ сначала изъ Журжева, гдѣ, въ свою очередь, ощущаемый въ значительной степени недостатокъ съѣстныхъ припасовъ пополнялся изъ Рущука. Но, такъ какъ я вскорѣ прекратилъ сообщеніе между этими двумя городами, то получилось, что одному городу нечѣмъ было стрѣлять, а другому—нечѣмъ питаться.

Какъ только разбойникъ, командовавшій редутомъ, носившимъ его имя и построеннымъ на лѣвомъ берегу Дуная, у рукава этой рѣки, ведущаго въ Журжево, замѣтилъ, что нашими работами онъ будетъ отрѣзанъ отъ обоихъ городовъ, онъ рѣшилъ бросить редутъ и бѣжать ночью въ Журжево, оставивъ въ редутѣ 8 пушекъ и много запасовъ. Я приказалъ полковнику Паскевичу съ его Витебскимъ полкомъ занять этотъ редутъ и направить огонь изъ 8 орудій противъ обоихъ городовъ. Рущукъ вскорѣ замолчалъ, а Журжево 8 дней безостановочно отвѣчало на огонь редута.

Тогда наша флотилія, подойдя на помощь этому редуту, расположилась рядомъ съ нимъ и своимъ огнемъ заставила турокъ оставить также и другой редутъ, построенный въ садахъ въ 70 саженяхъ отъ города. Этотъ второй редутъ былъ занятъ княземъ Михаиломъ Вяземскимъ.

Въ Бухарестѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, собралось 28 генераловъ ра-

ненныхъ, больныхъ или только отговаривавшихся болѣзнію, такъ какъ на самомъ дѣлѣ было очень много недовольныхъ графомъ Каменскимъ и не желавшихъ больше служить подъ его начальствомъ, предполагая, что его неудача при Рущукскомъ приступѣ окончится удаленіемъ его; даже говорили, что военный министръ, генералъ Барклай-де-Толли, былъ уже намѣченъ для замѣны графа Каменскаго, и каждую минуту ожидали его пріѣзда, но онъ, вслѣдствіе его нежеланія оставить свое министерство или, можетъ быть, вслѣдствіе своей дружбы съ графомъ Каменскимъ, не позволявшей ему занять его мѣсто, предложилъ Государю оставить графа во главѣ Молдавской арміи; вскорѣ мы узнали, что онъ не пріѣдетъ къ намъ.

Баттинское сраженіе, какъ я уже говорилъ, возвысило графа Каменскаго въ мнѣніи общества, и послѣ этого сраженія многіе изъ генераловъ вернулись въ армію. Графъ, увидя ихъ возвращающимися цѣлой толпой, обратился ко мнѣ и сказалъ шутя: „Наше сраженіе спасло много народа“. Только одинъ графъ Строгановъ [1])

[1]) Графъ Строгановъ также былъ въ числѣ возвратившихся, но, по счастливой случайности, онъ, прежде чѣмъ представиться графу Каменскому, явился ко мнѣ и, такимъ образомъ, предотвратилъ непріятную сцену, которая, вслѣдствіе вспыльчиваго характера главнокомандующаго, могла бы окончиться даже трагично. Дѣло въ томъ, что гр. Строгановъ, написавъ длинное письмо, въ которомъ подробно разбиралъ всѣ военныя операціи и перечислялъ всѣ ошибки, сдѣланныя графомъ Каменскимъ, отправилъ его на имя графини Строгановой; но всѣмъ было ясно, что письмо это было писано не для жены, а для того, чтобы быть публично обнародованнымъ.

Графъ Каменскій вообще обладалъ слабостью прислушиваться ко всему, что о немъ говорили, а потому не пропускалъ нераспечатаннымъ ни одного письма, проходившаго черезъ главную квартиру, а затѣмъ уничтожалъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ о немъ дурно отзывались и которыя содержали основательную критику его дѣйствій. Генералъ Энгельгардъ, искренне преданный ему, задерживалъ въ Бухарестѣ всю почту и пересылалъ ее ему. Письмо Строганова, прочитанное гр. Каменскимъ, тѣмъ болѣе было ему непріятно, что оно дышало необычайной правдивостью. Онъ показалъ его мнѣ, но я, какъ ни старался, никакъ не могъ уговорить его не отсылать это письмо Государю. Его злоба и ослѣпленіе собой были такъ велики, что онъ уже не могъ правильно разсчитать, какимъ способомъ лучше погубить Строганова, а поэтому ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Государь, получивъ это письмо, прочелъ его, а затѣмъ передалъ его графинѣ Строгановой, сказавъ, что графъ Каменскій, отправляя ему это письмо, долженъ былъ бы въ то же время прислать ему и свое оправданіе въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ. Несмотря на это происшествіе, гр. Строгановъ остался все такимъ же другомъ Государя, а Государю только подробнѣе стали извѣстны ошибки гр. Каменскаго. Черезъ нѣсколько дней, графъ Каменскій передалъ черезъ меня графу Строганову приказаніе оставить армію и отправиться въ Бухарестъ.

окончательно впалъ въ немилость. Князь Трубецкой также былъ въ числѣ лицъ, ненавидимыхъ графомъ, и, въ свою очередь, отвѣчалъ ему тѣмъ же, но онъ уже не вернулся болѣе въ армію. Наконецъ и генералъ Ангельмъ впалъ въ немилость по причинѣ самыхъ нескромныхъ предположеній на его счетъ. Онъ хотя и былъ оставленъ при главной квартирѣ, но, не получая никакихъ приказаній, все время бездѣйствовалъ.

Капитуляція Рущука и Журжева.

Боснякъ, видя, наконецъ, что ему уже больше не остается никакой надежды на помощь, что самъ онъ уже не можетъ долго защищаться и, опасаясь, чтобы дальнѣйшее упрямство съ его стороны не вызвало бы у графа Каменскаго отказа въ выгодныхъ для него условіяхъ, началъ переговоры о капитуляціи.

Сначала графъ предложилъ ему очень унизительныя условія и даже не хотѣлъ принимать во второй разъ парламентеровъ, если Боснякъ со всѣмъ гарнизономъ не согласится сложить оружіе и сдаться военно-плѣнными. Въ этомъ случаѣ, онъ былъ вполнѣ правъ въ своихъ требованіяхъ, тѣмъ болѣе, что не было никакой необходимости проявлять особое великодушіе. Боснякъ слишкомъ хорошо оборонялъ Рущукъ и представлялъ собой слишкомъ опаснаго врага, чтобы, получивъ свободу, затѣмъ снова встрѣтить его во главѣ другой крѣпости, а гарнизонъ долженъ же быть наказанъ за долгое сопротивленіе. Въ виду того, что обстоятельства сложились такъ неблагопріятно для Босняка, ему ничего не оставалось дѣлать, какъ сдаться, но тутъ вдругъ произошло совершенно неожиданное событіе, спасшее Босняка и его гарнизонъ отъ долгаго пребыванія въ Россіи.

Послѣ сраженія при Баттинѣ, графъ Каменскій послалъ въ Шумлу, вмѣстѣ съ плѣнными, которыхъ онъ возвратилъ великому визирю, камеръ-юнкера Фролова-Багрѣева [1]): онъ былъ одинъ изъ тѣхъ 50 волонтеровъ, которые не приносили ни малѣйшей пользы, пожалуй даже самый безтолковый изъ нихъ; но нужно было сдѣлать видъ, что онъ исполняетъ какія-нибудь порученія, а такъ какъ онъ былъ зачисленъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, въ качествѣ дипломата, и могъ держаться далеко отъ выстрѣловъ, то ему и дали довольно незначительную миссію — вернуть визирю плѣнни-

[1]) Онъ былъ племянникъ кн. Кочубея и сынъ одного бригадира, оставшагося въ Малороссіи и извѣстнаго особенно въ Польшѣ своими жестокостями и грабежами.

ковъ. Помощникомъ ему назначили офицера генеральнаго штаба Шуберта, прибывшаго изъ Финляндіи съ графомъ Каменскимъ и бывшимъ однимъ изъ его же фаворитовъ. Этотъ Шубертъ получилъ приказаніе осмотрѣть Тырново, Шумлу и выслѣдить движеніе турокъ. Въ Разградѣ они увидѣли нѣсколько пушекъ и немного войскъ, собиравшихся къ Тырнову, на которую турки опасались нападенія съ нашей стороны. Эта горсть людей показалась нашимъ двумъ героямъ цѣлой арміей въ 3.000 чел. (тогда какъ ихъ было не болѣе 400 чел.), имѣвшей будто-бы намѣреніе наброситься на насъ. Справедливо говорится: „у страха глаза велики“ [1]). Они тотчасъ же помчались къ графу Каменскому и сообщили ему о своихъ наблюденіяхъ.

Въ томъ, что эти два господина видали вещи въ такомъ видѣ— еще ничего нѣтъ удивительнаго, такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ близорукій, другой же большой руки дипломатъ, но что дѣйствительно поразительно, что графъ Каменскій повѣрилъ всей этой исторіи и настолько перепугался, что даже не могъ хладнокровно разсуждать о степени важности и вѣрности этого сообщенія.

Онъ приказалъ мнѣ согласиться на всѣ требованія Боснякa, лишь бы въ 24 часа окончить всѣ переговоры. Вызвавъ своего брата, который со своимъ корпусомъ уже двинулся на Никополь, онъ направилъ его по Разградской дорогѣ къ Черноводамъ.

Между тѣмъ, Боснякъ, удивленный этой перемѣной и понявшій, что графомъ руководили, вѣроятно, какія-либо важныя причины, что онъ вдругъ сталъ такимъ податливымъ, возобновилъ свои требованія, которыя мы и должны были удовлетворить.

Право подписать капитулицію Рущука принадлежало мнѣ, тогда какъ окончить Журжевскіе переговоры лежало на обязанности генерала Эссена; но графъ Каменскій, не любившій Эссена, а меня считавшій уже достаточно награжденнымъ за Силистрію и бывшій въ то же время хорошимъ родственникомъ, поручилъ докончить капитуляцію, столь выгодную для турокъ, своему двоюродному брату, князю Михаилу Вяземскому и г-ну Родофинаки, какъ драгоману.

Въ Рущукѣ въ это время находился одинъ старый паша, о существованіи котораго никто и не подозрѣвалъ, но который, тѣмъ не менѣе, командовалъ остававшимися тамъ войсками.

Боснякъ, какъ губернаторъ, былъ единственный, отъ котораго

---

[1]) Шубертъ былъ очень близорукъ и часто видѣлъ непріятеля вдвойнѣ, Багрѣевъ же, въ качествѣ камергера, видѣлъ его увеличеннымъ уже въ 100 разъ. Но тѣмъ не менѣе, онъ получилъ за этотъ подвигъ Владимірскій крестъ.

зависѣли всѣ распоряженія, но въ дѣлѣ капитуляціи главную роль принялъ на себя паша, и онъ же подписалъ эту капитуляцію.

Звали его Карели-Али. Во время первой нашей кампаніи, онъ находился въ Измаилѣ, и при заключеніи перемирія я часто посылалъ ему разныя привѣтствія и даже отправлялъ съѣстные припасы. Турки вообще очень благодарный народъ, и этотъ паша, тотчасъ же по подписаніи капитуляціи, явился ко мнѣ благодарить за мое расположеніе къ нему и передалъ мнѣ по секрету, что французскій курьеръ, котораго такъ неосторожно пропустили черезъ Рущукъ, нѣсколько времени тому назадъ, говорилъ ему, что онъ везъ съ собой въ Константинополь завѣдующему французскими дѣлами г-ну Туръ-Мобуру приказаніе всѣми силами препятствовать заключенію мира, а султану — обѣщаніе выгодной для него диверсіи въ Польшѣ. Графъ Каменскій, казалось, былъ пораженъ этими новостями; меня же онѣ нисколько не удивили.

Журжево сдалось на капитуляцію, какъ и Рущукъ. Оба гарнизона и жители получили разрѣшеніе идти куда хотятъ и имъ было дано еще 4.000 повозокъ изъ Валахіи, для перевозки имущества.

Боснякъ сдѣлалъ графу Каменскому, мнѣ и другимъ генераламъ роскошные подарки, въ видѣ прекрасныхъ лошадей, богатой сбруи и оружія; мы также отослали ему подарки, но, такъ какъ мы значительно уступали ему въ богатствѣ, то и подарки наши не отличались тѣмъ великолѣпіемъ, какъ его, и вѣроятно показались ему очень мизерными.

Боснякъ увезъ съ собой запечатанные мѣшки, наполненные ушами несчастныхъ нашихъ солдатъ, погибшихъ во время приступа; эти уши были посолены и отправлены султану. Подарокъ вполнѣ достойный Падишаха!

Оба города сдались 15 сентября, въ день коронаціи Государя и въ тотъ же день, здѣсь, также какъ и въ Силистріи, былъ устроенъ базаръ, гдѣ турки продавали свои, часто очень дорогія, вещи. Графъ Каменскій тамъ накупилъ на нѣсколько милліоновъ дукатовъ оружія и шалей.

Въ обоихъ городахъ было найдено 300 пушекъ; кромѣ того, въ Журжевѣ оставалось много боевыхъ запасовъ, но совершенно не было съѣстныхъ припасовъ; въ Рущукѣ же—наоборотъ, совершенно не было снарядовъ.

Съ этого самаго дня, т. е. съ 15 сентября, наши войска заняли ворота обоихъ городовъ.

Въ Рущукѣ было болѣе 200 русскихъ дезертировъ, изъ коихъ

17 были узнаны и 15 разстрѣляны [1]); остальные же попрятались и скрылись вмѣстѣ съ турками, одѣтые въ ихъ платье.

Двое изъ задержанныхъ дезертировъ, по просьбѣ Босняка, были возвращены ему графомъ. Одинъ изъ нихъ былъ канониромъ, удивительно хорошо знавшимъ свое дѣло, но, все-таки, вслѣдствіе просьбы Босняка, ихъ можно было бы только простить, но ужъ никакъ не возвращать ему. Боснякъ отпустилъ намъ полковника Грингамера, взятаго въ плѣнъ 16 іюля, во время неудачнаго приступа, задуманнаго генераломъ Зассомъ, храбраго молодого маіора Чекмарева, Сибирскаго полка, раненаго и взятаго въ плѣнъ 26 іюля, и приблизительно 200 человѣкъ солдатъ и офицеровъ. Изъ разсказовъ ихъ видно, что турки совсѣмъ не такъ дурно обращались съ плѣнными, какъ того можно было ожидать. Офицеры были прекрасно помѣщены и получали хорошій столъ; объ солдатахъ же позаботились христіанскіе жители города, снабдивъ ихъ своей одеждой и съѣстными припасами.

Жители Бухареста, освобожденные, наконецъ, отъ всѣхъ ужасовъ, которые имъ приходилось переживать уже четыре года, ужасно обрадовались сдачѣ обоихъ крѣпостей и весь диванъ, вмѣстѣ съ главнѣйшими боярами, явился къ графу Каменскому благодарить его за освобожденіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія намъ 4 нашихъ плѣнныхъ, графъ призвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, осмотрѣлъ и приказалъ наградить тѣхъ раненыхъ, которые были на пяти баркасахъ, попавшихъ туркамъ при переправѣ флотиліи, но въ то же время, онъ велѣлъ наказать всѣхъ тѣхъ, которые попали въ плѣнъ при приступѣ, не будучи ранеными. Это было вполнѣ справедливое распоряженіе, но надо сознаться, что таковыхъ было немного.

Еще до сдачи Рущука, графъ Каменскій послалъ генерала Сабанѣева въ Бѣлу, которую онъ нашелъ совершенно оставленную жителями и уже самъ окончательно разрушилъ ее.

Графъ Сенъ-При съ 4 баталіонами, 2 драгунскими полками и 3 полками казаковъ былъ отправленъ въ Систово.

---

[1]) Въ числѣ этихъ задержанныхъ дезертировъ находился одинъ фельдфебель Нашебургскаго полка, бѣжавшій въ 1807 г. съ острова Четалъ. Этотъ негодяй, перешедшій въ мусульманство, выказывалъ до послѣдней минуты столько нахальства, что вся армія была возмущена. Когда его привезли къ позорному столбу, онъ воскликнулъ: „Ничтожные солдаты! какъ мнѣ васъ жаль! Плохо одѣтые, голодные, питающіеся одними сухарями, какъ вы худы! Посмотрите на меня, вотъ уже четыре года, какъ я живу въ довольствѣ и отдыхѣ. Если только хотите быть счастливыми, бросьте ваше дрянное отечество и переходите къ туркамъ, только не поступайте къ нимъ на службу, чтобы не быть разстрѣляннымъ, какъ я теперь!“ Въ отвѣтъ на эту тираду послѣдовалъ залпъ, который и заставилъ замолчать его на вѣки.

Этотъ городъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и хорошо построенныхъ городовъ Болгаріи, извѣстный по конгрессу 1791 г., послѣдствіемъ котораго былъ миръ турокъ съ австрійцами. Расположенъ городъ почти также, какъ Силистрія и Рущукъ. Раскинутый на высокомъ берегу Дуная, весь покрытый виноградниками и садами, террасами онъ спускается внизъ до самаго Дуная. Графъ Сенъ-При занялъ возвышенности и началъ обстрѣливать городъ. Ни комендантъ, ни жители не хотѣли защищаться, и городъ очень скоро сдался (30 августа). Войдя въ него, наши нашли тамъ много разныхъ запасовъ, а также захватили 6 знаменъ и много барокъ и лодокъ.

Отрядъ графа Сенъ-При былъ очень слабъ, чтобы охранять Систово, на такомъ далекомъ разстояніи отъ арміи, и я никакъ не могу понять, почему графъ Каменскій далъ ему такъ мало войскъ, тогда какъ брату своему онъ оставилъ у Баттина, на совершенно несоотвѣтствующей позиціи, около 12.000 человѣкъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ сдачи города, болгаре донесли о заговорѣ, составленномъ противъ Систовскаго гарнизона турецкими жителями, которыхъ графъ Сенъ-При успѣлъ захватить и отослать графу Каменскому, а тотъ отправилъ ихъ, какъ военно-плѣнныхъ въ Россію.

Только тогда онъ отправилъ въ Систово еще 4 баталіона, но такъ какъ тамъ все уже было совершенно покойно, ихъ приходъ оказался совершенно безполезнымъ.

Когда до графа Каменскаго дошла вѣсть о происшествіи съ Багрѣевымъ и Шубертомъ, его охватилъ такой паническій страхъ, что онъ тотчасъ же вызвалъ своего брата, который уже двинулся на Никополь, а графу Сенъ-При приказалъ окончательно разрушить Систово и покинуть его. Сенъ-При былъ бы очень доволенъ избѣжать выполненія этого варварскаго и совершенно безполезнаго приказа, но ему было дано такъ мало времени для исполненія, что онъ даже не успѣлъ заранѣе предупредить несчастныхъ жителей, такъ радушно принявшихъ и кормившихъ наши войска.

Имъ удалось спасти только нѣкоторую часть своего имущества, перенеся его на другую сторону Дуная, въ Зимницу; остальное же ихъ имущество погибло, и много несчастныхъ были совершенно раззорены.

Всѣ жители переселились въ Зимницу, гдѣ зимой выстроили городъ, который и назвали „Новое Систово“.

Графъ Каменскій, передъ Баттинскимъ сраженіемъ и послѣ него, отправилъ въ Малую Валахію всѣ полки 16 дивизіи (Засса), а черезъ недѣлю послѣ сраженія отрядилъ князя Михаила Вяземскаго съ полковникомъ Свидерсомъ и полками: Выборгскимъ, 13, 28,

29 егерскими, Переяславскимъ драгунскимъ и 500 казаковъ, отправивъ ихъ въ Турно.

У насъ уже давно производились сношенія съ Никопольскимъ пашей, который пообѣщалъ не защищать ни Турно, ни даже Никополя, въ томъ лишь случаѣ, если ему будетъ дана возможность удалиться безъ всякой потери имущества.

Князь Вяземскій, прибывъ въ Турно, 28 сентября, подошелъ такъ близко къ площади города, что оттуда, дабы удержать русскихъ, принуждены были стрѣлять, убивъ нѣсколькихъ нашихъ егерей; а между тѣмъ Турно сдалось, 5 октября, и гарнизонъ его въ 500 чел. съ 40 орудіями былъ отправленъ въ Никополь. Противъ Никополя, вдоль Дуная, онъ выстроилъ свои батареи и остался тамъ поджидать насъ.

Послѣ взятія Рущука, графъ Каменскій оставался тамъ еще двѣ недѣли. До окончанія кампаніи оставалось еще 6 недѣль, но мы могли разсчитывать только на взятіе Никополя, такъ какъ всѣ надежды на овладѣніе Виддиномъ, самымъ сильнымъ изъ турецкихъ укрѣпленій на Дунаѣ, и на возвращеніе къ Шумлѣ—были бы крайне неосновательны. Можно было бы еще двинуться въ Болгарію и попробовать взять Тырново, Плевну, Сельви и Ловчу, но графъ Каменскій побоялся рискнуть на это, тѣмъ болѣе, что онъ не зналъ навѣрное, въ состояніи ли онъ сохранить эти 4 города, если ему удастся ихъ взять, и хватитъ ли у него средствъ на зимовку въ Болгаріи. На самомъ же дѣлѣ, мы не имѣли опредѣленныхъ понятій о странѣ, гдѣ велась война, и мы даже не знали точно, гдѣ находятся Плевна и Ловча. Графъ Каменскій все-таки объявилъ, что онъ хочетъ еще разъ попробовать взять приступомъ Шумлу [1]).

Черезъ недѣлю послѣ взятія Рущука, къ намъ присоединилась пѣхота 9 дивизіи, состоявшая изъ слѣдующихъ полковъ:

Астраханскаго—командиръ, полковникъ Буксгевденъ, Ряжскаго—генералъ-маіоръ Суворовъ, Бѣлостокскаго—генералъ-маіоръ Гинкуль, Галицкаго — полковникъ Удолинъ и 10 егерскаго — полковникъ Ивановъ.

Украинскій же полкъ этой дивизіи былъ уже давно въ нашей арміи.

Начальнику этой дивизіи князю Аркадію Суворову, генералъ-

[1]) Обсужденіе этого плана вызвало жестокое и довольно дерзкое возраженіе со стороны генерала Маркова. На слова графа, что онъ не хочетъ возвращаться въ Шумлу старой дорогой, Марковъ отвѣчалъ: „Вы правы, такъ какъ мы должны забыть, что мы тамъ уже были“. Графъ Каменскій весь вспыхнулъ отъ гнѣва, но, ничего не сказавъ, ушелъ въ свой кабинетъ.

лейтенанту, было только 24 года. Онъ былъ сыномъ фельдмаршала, обладая въ значительной степени качествами и недостатками, онъ принадлежалъ къ числу самой безпутной и расточительной молодежи; онъ уже успѣлъ спустить не только все свое состояніе, но и всѣ полковыя суммы дивизіи. Его отецъ, старый русскій герой, не любилъ его и долгое время не признавалъ за сына [1]); онъ настолько мало занимался его воспитаніемъ и образованіемъ, что молодой Суворовъ, будучи уже далеко не въ возрастѣ ребенка, не умѣлъ ни читать, ни писать.

Оставленный совершенно на попеченіе слугъ, онъ, къ несчастію, перенялъ ихъ вкусы и привычки, и изъ него получился крайне невоспитанный и некультурный типъ, грубый въ своихъ выраженіяхъ и манерахъ, но обладающій необычайно добрымъ сердцемъ. У него также было много природнаго ума, но главнымъ его качествомъ была изумительная храбрость, вѣрнѣе отвага, онъ былъ обожаемъ солдатами, съ которыми вмѣстѣ и жилъ, и пилъ, и отъ которыхъ перенималъ привычки и языкъ.

Не малое значеніе въ этой любви къ нему солдатъ имѣло также и имя его отца. И конечно, эта дивизія, вполнѣ укомплектованная, хорошо содержанная и хорошо подобранная, была воодушевлена самымъ сильнымъ энтузіазмомъ и способна на самыя героическія дѣйствія. Въ то же время она приводила въ отчаяніе разсудительныхъ начальниковъ и наводила ужасъ на всю страну, по которой она проходила.

Суворовъ позволялъ солдатамъ рѣшительно все, и потому, насколько эта дивизія была прекрасна на войнѣ, она дѣлалась невыносимой въ мирное время.

Въ Рымникѣ Суворовъ сломалъ себѣ руку, упавъ съ лошади во время охоты, и былъ принужденъ остаться нѣкоторое время въ Рущукѣ.

Эта дивизія была отдана подъ мое начальство, и я съ удовольствіемъ встрѣтился съ моимъ прежнимъ Ряжскимъ полкомъ, которымъ командовалъ я 7 лѣтъ. Въ этой дивизіи были также и хорошіе начальники, изъ которыхъ полковники Удолинъ и Ивановъ были прекрасные офицеры.

---

[1]) Онъ громко заявлялъ, что это сынъ одного изъ его адъютантовъ и только по настоянію Императрицы Екатерины, которая указала ему на странность его поведенія и свои предположенія, онъ согласился признать его за сына. Но при этомъ, старый фельдмаршалъ, поставленный въ затруднительное положеніе и не желая ни ослушиваться воли Государыни, ни разоблачать то, въ чемъ не хотѣлъ признаваться, позвалъ сына въ кабинетъ Государыни и, поставивъ его на колѣни, благословилъ его, говоря: „Я признаю васъ за сына только по волѣ моей повелительницы“.

Графъ Каменскій оставилъ въ Рущукѣ генерала Эссена съ незначительными силами, а генералъ Марковъ, вызванный изъ Силистріи (за нее можно было уже не опасаться), былъ отправленъ въ Черноводы, въ 10 верстахъ отъ Рущука, по Разградской дорогѣ, для наблюденія за Шумлой (издали конечно) и двигаться затѣмъ вплоть до самаго Разграда, не оставаясь тамъ, впрочемъ, слишкомъ долго.

По дорогѣ онъ не встрѣтилъ ни одного турка, да ихъ и совсѣмъ не было въ этой части Болгаріи, а тѣ немногіе, которые и находились еще тамъ, исчезли послѣ Баттинскаго сраженія.

Полковникъ Желтухинъ, оставленный въ Малой Валахіи съ его Пензенскимъ полкомъ, такъ какъ ни онъ самъ, ни его полкъ не годились для войны, имѣлъ также подъ своимъ начальствомъ пандуровъ. Эти послѣдніе, замѣтивъ разъ сильное движеніе въ маленькихъ крѣпостяхъ на правомъ берегу Дуная, 6 сентября переправились черезъ рѣку и напали на турокъ, которыхъ такъ напугало это внезапное нападеніе, что они обратились въ бѣгство, покинувъ Ломъ, Цибро и Ораву, какъ разъ противъ устья рѣки Жіи.

Полковникъ Желтухинъ вошелъ въ послѣднюю крѣпость и, взявъ 13 пушекъ, разрушилъ ее и переселилъ болѣе 2.000 болгарскихъ семействъ въ Малую Валахію. За эту экспедицію онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, но награда эта опечалила и возмутила всю армію [1]).

Я не могъ удержаться отъ упрека графу Каменскому, узнавъ объ этой новости съ Желтухинымъ; онъ мнѣ отвѣтилъ, что самъ ничего не зналъ, но потомъ я понялъ, почему бѣдный графъ долженъ былъ снисходительно относиться къ слабостямъ Желтухина.

Между тѣмъ, главнокомандующій вмѣстѣ съ корпусомъ своего брата, моимъ и Уварова, подошелъ къ Никополю, лежащему въ 100 вер. отъ Рущука.

8 октября мы двинулись въ Трстеникъ, 9 подошли къ рѣкѣ Янтрѣ, 11 въ Систово, 14 передвинулись за 20 верстъ отъ него, и 16 я расположился передъ стѣнами Никополя.

---

[1]) Это повышеніе стоило Желтухину очень дорого, такъ какъ въ благоволѣніи, которое онъ заслужилъ отъ Красовскаго, было не мало корыстолюбія. Этотъ Красовскій, какъ я уже говорилъ, завѣдывалъ канцеляріей Засса, и, какъ мы увидимъ дальше, умѣло велъ дѣло въ 1811 году; онъ написалъ великолѣпное донесеніе о подвигѣ Желтухина, когда на самомъ дѣлѣ онъ подошелъ къ Оравѣ уже тогда, когда пандуры расположились на берегу и ему не пришлось дать ни одного выстрѣла.

Къ несчастію, въ Россіи награды раздаются слишкомъ щедро, и особенно много ихъ получаютъ завѣдующіе канцеляріями и ведущіе письменную часть, имѣющіе и такъ уже слишкомъ много вліянія.

Здѣсь мы узнали, что еще наканунѣ городъ сдался, не давъ ни одного пушечнаго выстрѣла.

Капитуляція была подписана генераломъ Уваровымъ, пашой, дипломатическими агентами и нѣсколькими начальниками разбойничьихъ шаекъ.

Они заранѣе обѣщали не защищаться и сдержали свое слово, за что имъ была дана свобода, и они могли идти, куда имъ вздумается; но большая часть жителей осталась въ городѣ.

Никополь старинный городъ, гдѣ встрѣчаются много греческихъ и римскихъ древностей [1]). Расположенъ городъ на пяти высокихъ холмахъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ города вмѣсто улицъ—покрытыя сосновымъ лѣсомъ горы, на вершины которыхъ нѣтъ возможности взобраться даже и на лошади. На одномъ изъ этихъ холмовъ находится довольно высокая цитадель, съ которой виденъ Дунай, Ольта и большая часть обѣихъ Валахій. Открывающійся взорамъ видъ—великолѣпенъ.

По Дунаю, ниже цитадели, между двумя холмами, лежитъ небольшая хорошенькая долина, красивая мечеть и даже очень старинная церковь въ готическомъ стилѣ. Около этой церкви турки выстроили крѣпость, въ которой имѣлось всего 12 пушекъ. Менѣе населенный, чѣмъ Систово и Рущукъ—но тѣмъ не менѣе въ Никополѣ можно встрѣтить очень богатыхъ купцовъ.

Во время перехода изъ Рущука въ Никополь, графъ Николай Каменскій снова позволилъ себѣ нетактичность, которая опечалила его друзей и увеличила ненависть его враговъ. Дѣло въ томъ, что онъ приказалъ, чтобы ни одна повозка не выѣзжала впередъ колонны, и вдругъ онъ видитъ, что обозъ 10 егерскаго полка появляется передъ колонной. Это его такъ раздражило, что онъ, подъѣхавъ къ 10 полку, сталъ кричать на командира, достойнаго офицера, полковника Иванова, употребляя при этомъ самыя жестокія и грубыя ругательства. Около Систова, по приказанію графа Сергѣя, были наказаны розгами 4 унтеръ-офицера за то, что набирали капусту на заброшенномъ полѣ; эта несправедливая жестокость страшно

---

[1]) Въ 1393 году, подъ стѣнами Никополя между Баязетомъ I и Сигизмундомъ, королемъ венгерскимъ, осаждавшимъ этотъ городъ, произошло кровопролитное сраженіе. Сигизмундъ былъ разбитъ и отступилъ вмѣстѣ со своими венграми, но его союзный корпусъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ французовъ, сдѣлался жертвою своей безразсудности и погибъ подъ ударами непріятеля. Графъ Новерсъ, графъ Маршъ и принцы крови Франціи: Булеко и Латримулъ и многіе другіе рыцари остались въ плѣну. Филиппъ же Артуа и Филиппъ де Баръ, адмиралъ де Венсъ и Луи де Врезе—погибли вмѣстѣ съ другими.

вооружила противъ него всю армію. Наконецъ, во время нашего пребыванія въ Никополѣ, армія освободилась отъ самаго тяжелаго гнета— графъ Сергѣй Каменскій покинулъ ее. Вѣроятно, причиной тому было донесеніе генерала Сабанѣева объ его поведеніи военному министру, съ которымъ онъ былъ очень хорошъ, а можетъ быть, что графъ Николай самъ понялъ наконецъ (хотя уже—нѣсколько поздно) весь вредъ, который приносилъ его братъ какъ ему, такъ и всей арміи, но, не имѣя мужества совершенно лишить его командованія, удалилъ [1]) его изъ арміи,—предложивъ ему свободное тогда, вслѣдствіе отставки генерала Милорадовича, мѣсто военнаго губернатора въ Кіевѣ. Но вышло такъ, что черезъ нѣкоторое время генералъ Милорадовичъ, возвратившись на службу, снова вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, графъ же Сергѣй остался ни при чемъ и уѣхалъ въ Москву [2]).

Графъ Каменскій оставилъ въ Никополѣ князя Михаила Вяземскаго съ весьма сильнымъ отрядомъ для защиты этого города; для чего, впрочемъ, было бы вполнѣ достаточно и четверти данныхъ ему войскъ.

Самъ же графъ возвратился въ Бухарестъ вмѣстѣ со всѣми остальными войсками и занялъ зимнія квартиры.

Вслѣдъ затѣмъ, онъ задумалъ послать экспедицію во внутрь Болгаріи и начальникомъ ея назначилъ молодого генералъ-маіора графа Воронцова. Составъ отряда графа Воронцова былъ настолько значителенъ, что ввѣрить его было бы въ пору и всякому изъ старыхъ генералъ-лейтенантовъ. Отрядъ состоялъ изъ 5 пѣхотныхъ, одного драгунскаго и 3 казачьихъ полковъ. Всѣ командиры этихъ полковъ были гораздо старше своего начальника.

---

[1]) Графъ Николай великолѣпно зналъ своего брата и презиралъ его такъ же, какъ и другіе, но тѣмъ не менѣе онъ допустилъ его взять надъ собой верхъ, что объясняется привычкой подчиняться ему съ дѣтства и особеннымъ упрямствомъ графа Сергѣя. Эта слабость главнокомандующаго была одной изъ главныхъ причинъ неуспѣха этой кампаніи.

[2]) Этотъ странный генералъ, оставившій службу послѣ того, какъ онъ только издали присутствовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, въ кампаніи 1812 г. подъ начальствомъ генерала Тормасова, поселился въ гор. Орлѣ, въ великолѣпнѣйшемъ домѣ. Наслѣдство, полученное имъ отъ отца и брата, составило огромное богатство, которое онъ, впрочемъ, скоро прожилъ. Онъ составилъ изъ своихъ крестьянъ оркестръ и даже драматическую труппу, которая играла въ его театрѣ, весь же доходъ, получаемый съ продажи билетовъ на спектакли, шелъ въ его пользу.

Его жестокій и злобный характеръ оставался такимъ же, какимъ былъ и въ арміи, и ему должно было сильно опасаться, чтобы его не постигла такая же судьба, какъ и его отца, котораго озлобленные крестьяне зарубили топорами.

Такое назначеніе было не особенно тактичнымъ поступкомъ со стороны графа Каменскаго. Полковникъ Бердяевъ, очень надменный и болѣе самолюбивый, чѣмъ умный, выказалъ столь явно свое неудовольствіе, что заставилъ графа Воронцова обращаться съ нимъ строже. Графъ Воронцовъ выступилъ 14 сентября изъ Систова, а 17 онъ вошелъ въ Плевну. Сулейманъ-паша тотчасъ же бѣжалъ оттуда, но казаки бросились его преслѣдовать и, догнавъ только его арьергардъ, изрубили 20 человѣкъ, а 45 взяли въ плѣнъ. Кромѣ того, захватили съ собой 400 повозокъ. Жители города, которыхъ было около 4.000, и всѣ очень хорошо вооружены—сдались.

Графъ Воронцовъ приказалъ первымъ дѣломъ отнять у нихъ оружіе, затѣмъ велѣлъ разрушить цитадели и другія городскія укрѣпленія и, послѣ того, двинулся на Ловчу, которую занялъ такъ же легко, какъ и Плевну. Сулейманъ же въ это время прибылъ въ Сельви, гдѣ и успѣлъ собрать кое-какія войска. Узнавъ объ этомъ, Воронцовъ двинулся на этотъ городъ, но добраться до него было очень трудно, такъ какъ городъ построенъ у подножія Балканскихъ горъ и всѣ дороги, ведущія къ нему—отвратительны, но тѣмъ не менѣе казакамъ удалось все-таки овладѣть 700 повозками и одной пушкой и взять 60 человѣкъ, желавшихъ спастись въ Балканы.

Сулейманъ, который тоже прятался въ горахъ, также какъ и въ первый разъ, допустилъ забрать отставшихъ, и подполковникъ Андріановъ со своими казаками взялъ еще нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и захватилъ 3 пушки. Сельви сдался. Въ крѣпости было найдено 4 пушки и много провіанта. Все, что можно было унести, было забрано, остальное же уничтожено, а крѣпость разорена. Графъ Воронцовъ хотѣлъ непремѣнно дойти до Тырнова, но графъ Каменскій ему не позволилъ этого.

Онъ сдѣлалъ 120 верстъ въ 6 дней и взялъ 3 крѣпости, выказавъ при этомъ много ума и дѣятельности; оставалось пожелать только, чтобы онъ выказалъ столько же человѣчности.

Полученная добыча была громадна и, какъ полки, такъ и ихъ командиры, сильно обогатились.

Въ отбитомъ обозѣ было взято товаровъ на нѣсколько сотъ тысячъ піастровъ [1]).

---

[1]) Эта экспедиція, опустошившая страну на протяженіи 60 верстъ, въ которой грабежи и насиліе самымъ варварскимъ образомъ разорили мирныхъ жителей, изъ коихъ большая часть были христіане, не была достойна графа Воронцова. Если бы даже ему было приказано дѣйствовать такимъ образомъ, онъ не имѣлъ права исполнять такое приказаніе; если же онъ дѣйствовалъ отъ себя, то онъ еще болѣе виновенъ. Онъ долженъ

Все это время, до 30 октября, погода стояла—очень хорошая и если бы она простояла такой же еще дня два, то всѣ войска безъ всякаго труда перешли бы мостъ. Я со своимъ корпусомъ долженъ былъ переходить мостъ 29-го октября, но графъ Каменскій, не знаю почему, приказалъ мнѣ ожидать сначала въ Систовѣ, а потомъ въ Трстеникѣ графа Воронцова, чтобы, въ случаѣ надобности, подкрѣпить его. Но это было совершенно не нужно, такъ какъ графъ Воронцовъ, во-первыхъ, былъ достаточно силенъ, а во-вторыхъ, противъ него не было рѣшительно никого. Это безполезное распоряженіе стоило жизни многимъ людямъ и лошадямъ.

Графъ Каменскій прошелъ Трстеникъ двумя днями раньше меня. Во время этого перехода въ колоннѣ его было убито мѣстными жителями два солдата.

Извѣстіе объ этомъ привело графа въ такую ярость, что онъ тотчасъ же отдалъ мнѣ приказаніе, чтобы я послалъ разорить и разграбить всѣ деревни, лежащія по дорогѣ изъ Бѣлы.

Генералъ Кульневъ (снова попавшій въ милость) разрушилъ прекрасную деревню Доможилово, а Сулинскіе казаки, съ его разрѣшенія, произвели тамъ ужасные грабежи. Главная добыча заключалась въ большихъ стадахъ скота, который они угоняли къ себѣ; при этомъ погибло много невинныхъ болгарскихъ и турецкихъ мирныхъ жителей.

Мнѣ не въ чемъ упрекать себя, такъ какъ Кульневъ находился не подъ моимъ начальствомъ. Графъ Каменскій прислалъ ко мнѣ также двухъ турецкихъ жителей, пойманныхъ на дорогѣ, съ приказаніемъ повѣсить ихъ. Но одинъ изъ нихъ оказался слабоумнымъ, а другой старикомъ; при этомъ оба они не были вооружены и рѣшительно не понимали, чего отъ нихъ хотѣли, такъ что я ихъ обоихъ отпустилъ домой.

30-го октября, совершенно некстати, пронесся ураганъ, какого я еще ни разу не испытывалъ въ этой странѣ, гдѣ вообще ураганы бываютъ очень часто въ мартѣ и ноябрѣ. Послѣ страшнаго дождя вдругъ выпалъ обильный снѣгъ при 10^0 морозѣ; было почти невозможно пробраться изъ одной палатки въ другую. Буря продолжалась 3 дня. Много солдатъ погибли отъ холода, а также въ одну ночь подохло 2.000 лошадей.

Понтонный мостъ въ Рущукѣ былъ снесенъ и разломанъ.

былъ—разрушать крѣпости, разоружить жителей, но не позволять никого грабить. Этотъ походъ напоминаетъ скорѣе набѣгъ крымскихъ татаръ на новую Сербію,—нынѣ Екатеринославская и Херсонская губерніи!

Вслѣдствіе этого, многіе полки, особенно кавалерія, остались въ Рущукѣ—безъ фуража, провіанта и какой-либо возможности добыть то и другое. Грязь была такая ужасная, что въ ней тонули люди и лошади. Тогда, наскоро собрали всѣ лодки, какія только могли найти въ Рущукѣ, и остатки поломаннаго моста и, утвердивъ все это, не безъ опасности, перешли на другой берегъ. Переходъ этотъ продолжался 8 дней. Графъ Каменскій, генералъ Эссенъ и я не покидали берегъ, и все это время плавали въ грязи.

Черезъ нѣкоторое время у лошадей, пострадавшихъ во время урагана и послѣ него, открылись болѣзни, вслѣдствіе того, что въ продолженіе 8 дней они ничего не ѣли, кромѣ сухихъ листьевъ виноградныхъ лозъ.

Если бы кампанія окончилась недѣлей раньше, то большая часть людей была бы спасена, а кавалерія и артиллерія не понесли бы такихъ потерь.

Конечно, графъ Каменскій не могъ предвидѣть подобный ураганъ, но было уже такое время года, когда такихъ явленій можно ожидать.

Дѣйствія въ Сербіи и Малой Валахіи.

Теперь я перейду къ кампаніи въ Малой Валахіи и Сербіи, очень интересной, дѣятельной и очень хорошо проведенной.

Князь Багратіонъ хотѣлъ начать эту кампанію очень рано и дѣйствовать довольно значительными силами.

Операціи въ Сербіи были полезны намъ, во-первыхъ какъ диверсія, а во-вторыхъ для усиленія нашего праваго фланга. Установивъ вѣрную связь съ сербскими войсками, мы могли надѣяться, что они поймутъ наши интересы, тѣмъ болѣе, что сами сербы, конечно, не заслуживали такой заботливости съ нашей стороны. Мы до тѣхъ поръ не могли установить съ ними прочныхъ сообщеній, пока не взяли острова Ольмаръ и не заняли Кладову, Бирза-Поланку, Прагову, Дуду, Брегову и др. небольшія укрѣпленія, которыя имѣлись у турокъ на правомъ берегу Дуная, въ этой части Сербіи. Графъ Каменскій, не изучивъ самъ хорошо театра военныхъ дѣйствій и имѣя о странѣ и арміи турокъ только тѣ неточныя свѣдѣнія, которыя ему сообщили въ Петербургѣ, вскорѣ понялъ (хотя уже поздно) всю неточность этихъ свѣдѣній.

Онъ говорилъ мнѣ въ Яссахъ, что онъ никого не пошлетъ въ Сербію, но я не раздѣлялъ его взгляда и высказалъ ему это, хотя мои слова не могли измѣнить окончательно его мнѣнія, но все же онъ принялъ ихъ къ свѣдѣнію и уменьшилъ составъ корпуса, пред-

назначавшагося для дѣйствій въ Сербіи, отправивъ туда графа Цукато и оставивъ у себя генерала Исаева [1]).

Къ характеристикѣ графа Цукато, сдѣланной мною раньше, я прибавлю, что этотъ генералъ прекрасный воинъ, храбрый, знающій, предпріимчивый и въ то же время осторожный, имѣлъ одинъ недостатокъ, которымъ обладаютъ всѣ люди, одаренные слишкомъ живымъ воображеніемъ: онъ черезчуръ широко разбрасывался въ своихъ желаніяхъ и планахъ и хотѣлъ все обнять сразу. Онъ очень любилъ личностей, обладающихъ способностью быстро создавать всевозможные проекты, родъ людей, которые скорѣе опасны, чѣмъ полезны. Отправляясь въ Малую Валахію, онъ сдѣлалъ большую ошибку, взявъ съ собой одного грека Игари, человѣка очень умнаго, образованнаго, но крайне безнравственнаго, продажнаго и пользовавшагося весьма дурной репутаціей. Онъ нигдѣ не служилъ иначе какъ коммисіонеромъ или шпіономъ—двѣ обязанности, которыя турки исполняютъ съ большимъ усердіемъ. Этотъ Игари, принятый маіоромъ на нашу службу, вскорѣ овладѣлъ полнымъ довѣріемъ графа Цукато, въ чемъ послѣднему вѣроятно пришлось бы раскаяться, если бы смерть не унесла бѣднаго графа, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго и почитаемаго.

Когда, 4-го марта, Исаевъ съ 7-ю баталіонами перешелъ Дунай нѣсколько выше острова Ольмара, князь Багратіонъ приказалъ во что бы то ни стало занять этотъ островъ въ самомъ началѣ кампаніи. Исаевъ взялъ его приступомъ, а въ то же время полковникъ Цвиленевъ овладѣлъ небольшой крѣпостью, вѣрнѣе сказать, Дудускимъ редутомъ, построеннымъ на правомъ берегу Дуная, почти напротивъ середины острова Ольмара. Къ этому редуту, построенному на плато, почти не было никакого доступа, но онъ очень слабо защищался, и мы тамъ взяли пушку.

Нѣсколько ниже находился небольшой укрѣпленный лагерь, который турки, испугавшись нападенія, покинули, тѣ, которые остались на островѣ, увидѣвъ себя совершенно отрѣзанными отъ твердой земли, сдались на капитуляцію, обмѣнявшись предварительно нѣсколькими пушечными выстрѣлами, которые убили у насъ трехъ капитановъ и нѣсколькихъ солдатъ Ладожскаго полка, командиромъ котораго тогда былъ графъ де-Бальменъ, флигель-адъютантъ Государя.

---

[1]) Графъ Каменскій говорилъ, что Государь былъ очень дурно расположенъ къ генералу Исаеву и не позволилъ никуда назначать его самостоятельнымъ начальникомъ.

Послѣ взятія острова Ольмара, Исаевъ двинулся къ Краіовѣ, но былъ вызванъ обратно графомъ Каменскимъ и долженъ былъ возвратиться въ Малую Валахію, разрушивъ окончательно Дуду. Послѣ распредѣленія войскъ, сдѣланнаго графомъ Каменскимъ, Исаевъ отправилъ въ Большую Валахію нѣсколько полковъ, въ томъ числѣ и Ладожскій.

Графу Цукато, прибывшему въ Краіову 9-го апрѣля, было дано только три слабыхъ баталіона Ново-Ингерманландскаго полка, 3—Олонецкаго, 2—Старооскольскаго, 3—Пензенскаго, 4—резервныхъ баталіона полковъ: Малороссійскаго, Сибирскаго, Орловскаго и 6-го егерскаго; казаки Исаева I и Исаева 4, 1-й Уральскій полкъ, 300 хорватовъ и 2 баталіона пандуровъ, но если у Цукато было мало войскъ, онъ имѣлъ прекрасныхъ офицеровъ, командовавшихъ ими, какъ-то: генералъ Исаевъ, полковникъ Цвиленевъ, Шкапскій, Турчаниновъ, подполковникъ Глѣбовъ и маіоръ Жуковъ.

Цукато нашелъ Малую Валахію въ самомъ жалкомъ положеніи, безъ магазиновъ, безъ госпиталей и безъ перевязочныхъ средствъ.

Исаевъ былъ слишкомъ занятъ своими собственными интересами и долженъ былъ, вслѣдствіе этого, закрывать глаза на всѣ хищничества, творимыя въ этой странѣ, чтобы не освѣтились и тѣ, которыя онъ совершалъ самъ. Онъ никогда не приходилъ на помощь бѣднымъ валашскимъ крестьянамъ.

Для того, чтобы облегчить ихъ бѣдственное положеніе и приготовить средства для успѣшныхъ дѣйствій, нужны были только честные и трезвые взгляды Цукато и его удивительная дѣятельность. Ему удалось исполнить большую часть желаемаго, и можно смѣло сказать, что онъ побѣдилъ природу и людей. Сербы были исключительно заняты внутренними интригами, могущими принести много вреда общему дѣлу, но графъ Цукато съумѣлъ внушить имъ довѣріе, привязать къ себѣ и успокоить хотя на время ихъ возбужденность и заставилъ ихъ дѣйствовать въ требуемомъ направленіи. Дѣлая выписки изъ журнала военныхъ дѣйствій въ 1810 г., составленномъ маіоромъ Игари, авторство котораго не внушаетъ мнѣ особаго довѣрія, тѣмъ не менѣе все написанное имъ я признаю очень вѣрнымъ. Я разспрашивалъ многихъ офицеровъ, служившихъ тогда въ Малой Валахіи, и всѣ они подтвердили справедливость прилагаемаго мною здѣсь разсказа.

„Хотя графъ Цукато и занимался формированіемъ госпиталей и магазиновъ, закупкой провіанта, заготовленіемъ фуража и другими необходимыми распоряженіями для переправы черезъ Дунай, онъ въ то же время не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы внушить сербамъ довѣріе,—чтобы соединить ихъ начальниковъ подъ однимъ знаме-

немъ мира, чтобы сдержать ихъ алчность и чтобы поставить ихъ по отношенію къ Россіи въ положеніе надежды и страха.

„Ихъ ненависть, смягченная его заботами, приняла новое направленіе только послѣ его смерти. 5-го мая графъ Цукато отправился въ Гогошъ, расположенный около Дуная, противъ острова Ольмара.

„Турки занимали въ Сербіи Бану, находящуюся близъ Ниша, Гурузовицы, по Нишской дорогѣ въ Виддинъ, и Брегову по Тимокской дорогѣ; ближе же къ Дунаю въ ихъ рукахъ находились—Негошинъ, Прагова, редутъ Зимы-Дуду (исправленный и возстановленный ими), укрѣпленные лагери Бирза-Поланка, Кладова и Ада-Кале или новая Орсова—неприступная крѣпость, построенная на одномъ изъ острововъ Дуная.

„Въ Нишѣ собрался турецкій корпусъ, съ цѣлью двинуться въ Сербію. Въ Краіовѣ находился укрѣпленный турецкій лагерь, на 5.000 чел., подъ начальствомъ того самого Ибрагима, который взялъ островъ Ольмаръ и получилъ за этотъ подвигъ званіе двухбунчужнаго паши. Онъ приходился племянникомъ муллѣ виддинскому пашѣ и былъ очень любимъ имъ.

„Въ редутѣ Зима-Дуду у турокъ было 150 человѣкъ, —въ Бирза Поланкскомъ лагерѣ—300 и въ Кладовѣ—800. Въ распоряженіи графа Цукато было всего 8 баталіоновъ, составлявшихъ только 3.000 чел., 700 казаковъ и 300 хорватовъ, остальныя же его войска остались для охраны Орсовы, Ломъ-Поланки, Цибро и др. Съ такимъ слабымъ отрядомъ и въ такой странѣ, гдѣ кромѣ крѣпостей много и естественныхъ преградъ, нельзя было ожидать успѣха, не соединившись съ сербами; это соединеніе могло устроиться только на западной сторонѣ острова Ольмара, между Бирзой-Поланка и редутомъ Зимы-Дуду. Чтобы турки не проникли въ наши намѣренія, намъ надо было устраивать имъ всевозможныя препятствія. Для сего графъ Цукато приказалъ произвести фальшивыя демонстраціи передъ Праговой и передъ Кладовой—двумя пунктами, раздѣленными 60-ти верстнымъ пространствомъ, и въ то же время онъ двинулъ сербовъ, приказавъ имъ дѣйствовать по составленному имъ плану, который состоялъ въ слѣдующемъ: Во-1-хъ, шесть тысячъ человѣкъ изъ ихъ войскъ должны были отправиться на линію отъ Порѣчья до острова Ольмара, чтобы обезопасить нашъ переходъ и, соединившись съ нами, уже дѣйствовать вмѣстѣ, между Моравой и Дунаемъ.

„Во 2-хъ, второй корпусъ изъ 8.000 чел., составлявшій ядро этой самой арміи, долженъ былъ подъ начальствомъ Георгія Чернаго прямо двигаться между Моравой и Колуброй, закрывая своимъ лѣвымъ флангомъ всякое сношеніе между Моравой и Дунаемъ.

„Въ 3-хъ, лѣвый флангъ, состоящій изъ 6.000 чел., долженъ былъ защищать Сербію между Колуброй и Дриссой отъ Босняка.

„Зная по опыту, какъ сербы любятъ русское золото, графъ Цукато давалъ имъ его небольшими суммами, но всегда весьма кстати. Онъ потребовалъ, чтобы его приказъ былъ исполненъ —и его дѣйствительно слушались.

„Несмотря на всѣ интриги австрійской партіи, онъ все-таки настоялъ на своемъ и доказалъ этимъ, что при желаніи и умѣньи можно добиться многаго съ небольшими средствами и даже въ странѣ весьма отсталой и некультурной.

„Наконецъ, 11 іюня, 600 сербовъ появились съ лѣваго фланга противъ сѣверной части острова Ольмара. Турки были ужасно поражены этимъ смѣлымъ движеніемъ, котораго они никакъ не ожидали, такъ какъ Дудукскій редутъ давалъ фальшивые сигналы. Графъ Цукато, умѣвшій всегда во-время воспользоваться моментомъ, двинулъ ночью свой отрядъ на островъ, за которымъ были нами скрыты лодки, и воспользовавшись, такимъ образомъ, темнотой, перешелъ Дунай. Турки, изумленные нашей смѣлостью, рѣшили не выходить изъ своихъ укрѣпленій. Графъ Цукато воспользовался этимъ временемъ, чтобы отпраздновать свой союзъ съ сербами, такъ какъ эта церемонія была необходима для обѣихъ націй.

„Давно уже не видѣли, по ту сторону Дуная, соединенныхъ подъ однимъ знаменемъ, сербскую и русскую націй!

„Утро 6-го іюня прошло въ молитвѣ, освященіи знаменъ и празднованіи этого интереснаго событія.

„По окончаніи торжества, вечеромъ, нѣсколько отрядовъ были посланы на развѣдки и въ 4 часа утра Петро Ѳедоровичъ Добрыничъ съ 4.000 сербовъ подошелъ къ Бирза-Поланкѣ. 16-го іюня была произведена рекогносцировка Зимы - Дуду, откуда наканунѣ 200 кавалеристовъ перебрались въ укрѣпленный лагерь Праговы.

„Графъ Цукато, чтобы блестяще начать кампанію, хотѣлъ приступомъ взять этотъ редутъ, но разсчитавъ, что это смѣлое предпріятіе будетъ ему стоить жизни слишкомъ многихъ людей, измѣнилъ свой планъ и, 8-го іюня, велѣлъ открыть работы траншей.

„14-го іюня Праговскіе турки, оправившись немного, послѣ ихъ перваго смятенія, подошли къ укрѣпленіямъ графа Цукато, намѣреваясь можетъ быть атаковать его, а можетъ быть желая только произвести рекогносцировку. Но они были остановлены подполковникомъ Глѣбовымъ у деревни Видровичи. Глѣбовъ, хотя имѣлъ и очень мало войска, всего только одинъ баталіонъ 6-го егерскаго полка, да нѣсколько казаковъ и хорватовъ, но тѣмъ не менѣе онъ

отразилъ нападеніе турокъ, отбросилъ ихъ и даже причинилъ имъ потери въ размѣрѣ 150 человѣкъ.

„13-го Цвиленевъ съ двумя баталіонами Ново-Ингерманландскаго полка и 500 казаковъ занялъ большую возвышенность между Дуду и Праговой.

„Въ ночь съ 14-го на 15-ое, Дудукскій гарнизонъ сигналами съ Праговскимъ корпусомъ попытался сдѣлать вылазку, но тотчасъ же былъ принужденъ возвратиться въ крѣпость, потерявъ на полѣ нѣсколько убитыхъ. Въ тотъ же день, на разсвѣтѣ, графъ Цукато, имѣвшій съ собой только 4 баталіона и 600 казаковъ, былъ атакованъ Ибрагимъ-Пашей. Дѣло было очень жаркое и продолжалось до 5 час. вечера. Мѣстность, гдѣ происходило это дѣло, была крайне неблагопріятна какъ для пѣхоты, такъ и для кавалеріи. Генералъ Исаевъ, находившійся на лѣвомъ флангѣ, былъ отрѣзанъ со своимъ баталіономъ 6-го егерскаго полка и, несмотря на опасность своего положенія, все-таки спасся, благодаря своей предпріимчивости и храбрости своихъ подчиненныхъ.

„Полковникъ Шкапскій, съ двумя баталіонами Старо-Оскольскаго полка, все время оставался непоколебленнымъ на правомъ флангѣ. Наконецъ, турки были уже окончательно отброшены съ потерею 150 человѣкъ и одного знамени. Результатомъ этого дѣла было взятіе Дуду, гарнизонъ котораго сдался военно-плѣнными. Гарнизонъ этотъ состоялъ только изъ 150 человѣкъ, остальные же были убиты во время осады и вылазокъ или же дезертировали“.

Русскіе потеряли немного людей, но среди нихъ особенно былъ достоенъ сожалѣнія полковникъ Дора-Гугенбергъ, 6-го егерскаго полка, и поручикъ Давыдовъ, артиллеристъ. 17-го іюня, послѣ взятія Дуду, графъ Цукато, расположился лагеремъ въ Касіякѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Праговы, держась все время берега Дуная, вплоть до самой Бирза-Поланки.

Такое осторожное поведеніе было вызвано обстоятельствами и его слабыми средствами. Онъ зналъ по опыту, что сербы, умѣло дѣйствующіе въ укрѣпленіяхъ, совершенно иначе ведутъ себя въ открытомъ полѣ. 19-го іюня двинулись къ Бирза-Поланкѣ одинъ баталіонъ Ново-Ингерманландскаго полка подъ командой маіора Жукова и нѣсколько сербовъ съ 4-мя 12-ти фунтовыми пушками. 23-го Бирза-Поланка сдалась; тамъ было взято 4 пушки, 3 знамени, много плѣнныхъ и боевыхъ запасовъ, а гарнизонъ возвратился въ Виддинъ.

Крѣпость Бирза-Поланка представляла укрѣпленный лагерь, защищаемый 3-мя редутами, стѣны которыхъ были составлены изъ огромныхъ палисадовъ. Одно изъ этихъ укрѣпленій находилось въ серединѣ и тянулось вдоль Дуная, а остальные два были распо-

ложены на возвышенностяхъ. Первымъ редутомъ можно было овладѣть очень легко, но удержаться въ немъ, не владѣя двумя остальными укрѣпленіями—было невозможно.

Вслѣдствіе сдачи Бирзы-Поланки, между Малой Валахіей и Сербіей установилось прямое сообщеніе, и сербы, 28 іюня, появились передъ Кладовой, тогда какъ графъ Цукато угрожалъ Неготину и Праговѣ, расположившись въ Царицахъ или въ Султанскомъ фонтанѣ.

Укрѣпленный Праговскій лагерь, занимавшій большое пространство, состоялъ изъ пяти редутовъ, расположенныхъ на возвышенностяхъ, которыя тянулись по берегу Дуная противъ южной части острова Ольмара. Графъ Цукато, не имѣя достаточно войскъ, чтобы осадить крѣпость и отрѣзать сообщеніе между Прагово и Видциномъ, сообщилъ объ этомъ графу Каменскому, который и приказалъ генералу Зассу подкрѣпить графа Цукато еще двумя полками пѣхоты и однимъ кавалеріи. Но Зассъ, будучи самъ очень слабъ войсками и имѣя въ виду нѣсколько возложенныхъ на него военныхъ порученій, не могъ исполнить это приказаніе ранѣе какъ черезъ 6 недѣль послѣ его полученія. Онъ послалъ графу Цукато только Ладожскій полкъ и 5 эскадроновъ Волынскихъ уланъ.

Долгое время продолжалось бездѣйствіе. Недостатокъ подкрѣпленій, на которыя разсчитывалъ графъ Цукато, измѣнялъ его планы, и положеніе становилось весьма критическимъ, а о взятіи Праговскаго лагеря уже не могло быть и рѣчи. Нужно было думать только о томъ, чтобы помочь Георгію Черному противъ Ниссовскаго паши, уже проникнувшаго въ Сербію во главѣ довольно значительнаго корпуса. Въ то же время, Боснійскіе турки, соединившись съ Ниссовскими, могли получать суда, нагруженныя провизіей, купленной въ Австрійскихъ владѣніяхъ Редгебъ-Агой, начальствующимъ въ Орсовѣ. Графъ Цукато понялъ всю опасность своего положенія, но изъ всего того, что онъ могъ противупоставить туркамъ, ему оставалось только одинъ смѣлый планъ—именно поддержать сербовъ и помѣшать соединенію Боснійскихъ и Ниссовскихъ турокъ, на исполненіе котораго, несмотря на свою болѣзнь и слабость, графъ Цукато окончательно и рѣшился.

Изъ 8 баталіоновъ, бывшихъ у него, онъ оставилъ себѣ только 4, а остальные 4 баталіона и 1000 сербовъ предоставилъ Исаеву, приказавъ ему подойти къ Праговскому лагерю какъ можно скорѣе и укрѣпиться тамъ противъ праваго фланга непріятеля.

1-го августа, ночью Исаевъ подошелъ къ Праговѣ и началъ свои работы, противъ которыхъ турки произвели вылазку и живо атаковали его. Но ихъ встрѣтили полковники Шкапскій, Турчаниновъ, Глѣбовъ и маіоръ Жуковъ, все прекрасные офицеры, сра-

жавшіеся съ большимъ мужествомъ, и отразили нападеніе, вслѣдствіе чего турки должны были съ большими потерями обратиться въ безпорядочное бѣгство и спаслись только въ укрѣпленіи. Ибрагимъ-Паша былъ убитъ.

Наступило время для рѣшительнаго движенія, и оно удалось бы, если бы генералъ Исаевъ умѣлъ воспользоваться моментомъ. Но онъ, обыкновенно такой смѣлый, въ данномъ случаѣ, выказалъ слишкомъ много осторожности. Графъ Д'Оруркъ, прибывшій изъ Рущукскаго лагеря съ 5-ю эскадронами Волынскихъ уланъ и Ладожскимъ полкомъ, догналъ около Праговы генерала Исаева и соединился съ его войсками, увеличившимися еще 300-ми сербскими кавалеристами, бывшими подъ начальствомъ Вилки Петровича и Чаропатки, и нѣсколькими казаками и хорватами.

10 августа графъ Д'Оруркъ произвелъ тщательную рекогносцировку Прагова. Турки, выйдя ему навстрѣчу, опрокинули сербовъ и казаковъ и были остановлены только Донской артиллеріей. Они потеряли при этомъ много людей, но и мы тоже лишились многихъ изъ нашихъ и между прочими предводителя сербской дружины — Чаропатки. Три дня спустя, графъ Цукато послалъ графа Орурка на помощь сербамъ, а самъ отправился по направленію къ Праговѣ, гдѣ и соединился съ генераломъ Исаевымъ. Праговскій гарнизонъ попытался сдѣлать еще нѣсколько вылазокъ, но обезкураженные смертью Ибрагима-Паши и не получивши никакой помощи отъ Муллы виддинскаго паши, который преспокойно оставался въ своей крѣпости съ 8.000 солдатами и столькими же вооруженными жителями, этотъ гарнизонъ рѣшилъ покинуть свой укрѣпленный лагерь, что и сдѣлалъ 6-го сентября.

Въ это время не было ни графа Цукато, ни Исаева, а замѣнявшій ихъ Зассъ приказалъ срыть весь укрѣпленный Праговскій лагерь, какъ это сдѣлали въ Бирзѣ-Поланкѣ и Дуду, такъ какъ для занятія ихъ у насъ было слишкомъ мало силъ. Какъ только турки покинули Прагову, полковникъ Шкапскій двинулся на Неготинъ, небольшую крѣпость, лежащую въ 8 верстахъ отъ Прагова, и занялъ ее. Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, турки бѣжали изъ крѣпости, оставивъ тамъ свою артиллерію и продовольственные запасы. Они покинули также и Багову, лежащую на Дунаѣ, ближе къ Виддину.

Весьма многіе имѣли поползновеніе порицать графа Цукато за его, такъ сказать, бездѣйствіе передъ Праговой. Вѣрно, что онъ лично около двухъ мѣсяцевъ оставался на одной и той же позиціи, но въ то же время, въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, съ очень небольшимъ количествомъ войскъ ему удалось добиться большихъ ре-

зультатовъ; онъ взялъ 2 укрѣпленныхъ лагеря, одинъ укрѣпленный редутъ и отовсюду выгналъ турокъ [1]).

Графъ Цукато получилъ отъ Георгія Чернаго извѣстіе, что 1.500 турокъ, подъ начальствомъ Измаила-Бея, сербскаго паши и Ахмета-Ришарда, двинулись изъ Ниссы во внутрь Сербіи, по Бѣлградской дорогѣ, чтобы соединиться съ Боснякомъ, перешедшимъ уже Дрину, и подойти къ Савѣ, увидѣлъ, что для спасенія сербовъ ничего больше не остается, какъ принудить Измаилъ-Бея остановить свое движеніе, произведя противъ него диверсію. Несмотря на небольшое количество войскъ, разбросанныхъ въ разныхъ отрядахъ, онъ все-таки рѣшился на этотъ смѣлый, но хорошо обдуманный планъ и поручилъ исполненіе его графу Орурку—лучшая личность, которой онъ могъ довѣриться. Онъ далъ ему свои эскадроны уланъ, полкъ казаковъ, сербскую кавалерію, хорватовъ, два Ладожскихъ баталіона и приказалъ произвести всю операцію не болѣе какъ въ 2 недѣли, если только онъ не будетъ предвидѣть безусловнаго успѣха ранѣе.

(Далѣе слѣдуетъ выписка изъ журнала кампаніи графа Д'Орурка, веденнаго однимъ изъ офицеровъ его корпуса).

„Графъ Оруркъ двинулся 17-го августа и въ тотъ же день перешелъ Тимокъ около Брегови. Несмотря на дурныя дороги и трудность движенія, онъ все-таки подвигался и на другой день; Мулла-Паша, увѣдомленный объ его движеніи, послалъ преслѣдовать его 3.000 турокъ изъ Виддинской кавалеріи и Драговскаго гарнизона. Хотя дороги были ужасны, такъ что солдаты должны были тащить орудія на рукахъ, однако, несмотря на всѣ эти препятствія, графъ Оруркъ черезъ 3 дня подошелъ къ Тургузовицкой крѣпости, находящейся въ 40 верстахъ отъ Ниссы, и произвелъ по ней только нѣсколько выстрѣловъ, чтобы угрожая ей, принудить Измаилъ-Бея отмѣнить намѣченное движеніе и тѣмъ освободить сербовъ.

Здѣсь онъ получилъ извѣстіе отъ Георгія Чернаго, что турки взяли приступомъ Ясинскую Поланку и теперь направляются къ Варварицѣ, чтобы перейти Мораву и двинуться на Бѣлградъ. Георгій Черный просилъ графа Орурка придти къ нему на помощь, говоря, что, въ случаѣ неполученія отъ него поддержки, ему ничего не остается дѣ-

---

[1]) Игари правъ; поведеніе гр. Цукато, говоритъ онъ, мнѣ всегда представлялось тактичнымъ, соединеннымъ съ величайшей осторожностью, но тѣмъ не менѣе онъ не пренебрегъ наступательными дѣйствіями, на что онъ былъ способенъ, и какъ сильно должно сожалѣть о немъ.

лать, какъ вывести свои войска изъ Делиграда и направиться въ Бѣлградъ, оставивъ туркамъ всю внутреннюю Сербію.

Георгій Черный зналъ, что онъ имѣлъ дѣло съ человѣкомъ настолько же храбрымъ, насколько и рѣшительнымъ. И дѣйствительно, графъ Оруркъ, не побоявшись ни трудностей, которыя представляло ему это движеніе, ни слабости своихъ силъ, вышелъ 21-го изъ Тургузовчи и 22-го, утромъ, уже былъ въ Баніи, лежащей въ 25-ти верстахъ.

Эта крѣпость, построенная около Ниссы и окруженная земляными валами, имѣетъ каменную цитадель. Занятіе ея было самымъ важнымъ дѣломъ для сербовъ; они тогда угрожали бы Ниссѣ и принудили бы, такимъ образомъ, гарнизонъ къ бездѣйствію.

Графъ Оруркъ прекрасно понялъ, что, взявъ цитадель, находящуюся на возвышенности, городъ уже не будетъ въ состояніи держаться и приказалъ храброму полковнику Савойнову начать приступъ съ его Ладожскимъ полкомъ. Въ одну минуту укрѣпленіе было взято, и черезъ часъ городъ сдался. Тамъ было найдено 2 пушки и много сухарей, которые въ то время для насъ были весьма необходимы. Этотъ смѣлый и рѣшительный подвигъ графа Орурка спасъ всю Сербію. Русскіе потеряли въ этомъ дѣлѣ ранеными и убитыми около 200 человѣкъ.

Вилка Петровичъ со своими сербами занялъ городъ, и въ тотъ же день графъ Оруркъ соединился въ Делиградѣ съ Георгіемъ Чернымъ, подошедшимъ къ нему навстрѣчу за 5 верстъ отъ укрѣпленія, и принявшимъ его какъ спасителя, которымъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Они порѣшили двигаться вмѣстѣ, по направленію къ укрѣпленію, которое турки наскоро строили въ 15 верстахъ отъ Делиграда, въ деревнѣ Алекленцы, но предводитель сербовъ, командовавшій въ Варварицахъ, сообщилъ имъ, что турки собираются напасть на него на слѣдующій день, и просилъ у нихъ помощи.

Они тотчасъ же отправились къ Варварицѣ, лежащей въ 20-ти верстахъ отъ Делиграда. 24-го августа русскіе и сербы прибыли туда, гдѣ и узнали, что въ 10-ти верстахъ, на возвышенностяхъ, расположенъ лагерь Измаилъ-Бея, имѣющаго отъ 15 до 18.000 войскъ; сербы увѣряли даже, что число его войскъ доходило до 30.000 чел. Но графъ Оруркъ съ одинаковымъ мужествомъ встрѣтилъ бы и 30.000 чел., какъ встрѣтилъ 15.000 чел., тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что нужно всегда уменьшать по крайней мѣрѣ наполовину то количество врага, которое предполагаютъ.

Онъ убѣдилъ Георгія Чернаго въ необходимости атаковать ихъ, хотя при этомъ маршѣ и пришлось бы перенести не мало трудно-

стей, вслѣдствіе отчаянныхъ дорогъ, требовавшихъ страшныхъ усилій при движеніи артиллеріи. Проходя мимо Яссика, графъ Орурк остановился около этого укрѣпленія, покинутаго турками, бѣжавшими за Мораву, велѣлъ поправить его и оставилъ тамъ 4 сербскихъ пушки.

Турки, замѣтивъ наши работы, перешли въ бродъ Мораву и напали на графа Орурка. Двинувшись на Яссикъ, они были встрѣчены картечнымъ огнемъ, котораго совершенно не ожидали, и бросились на лѣвый флангъ, составлявшій каре Ладожскаго полка, и атаковали его. Но видъ русскихъ войскъ, которыхъ они также никакъ не подозрѣвали встрѣтить въ этой части Сербіи, столь отдаленной отъ Дуная, поразилъ ихъ и навелъ на нихъ ужасъ; вслѣдствіе сего, ихъ нападеніе было отражено, и они, потерявъ довольно много людей, возвратились обратно въ свои укрѣпленія. Тамъ ихъ ожидалъ уже курьеръ отъ виддинскаго паши, извѣщавшаго ихъ, что одинъ русскій корпусъ состоялъ изъ 10.000 человѣкъ, тогда какъ отрядъ графа Орурка, соединенный съ отрядомъ Георгія Чернаго, составлялъ всего только 4.000 человѣкъ. Цѣлую недѣлю простояли союзники въ виду непріятеля и, наконецъ, вслѣдствіе страшнаго зловонія, издаваемаго разложившимися трупами, были принуждены отступить къ Варваричѣ. Тогда Георгій Черный, оставивъ свои войска графу Орурку, отправился собирать новыхъ защитниковъ. Графъ занялся въ это время приведеніемъ въ порядокъ сербовъ, распредѣленіемъ ихъ на роты и эскадроны и обученіемъ ихъ строю.

6-го сентября турки, нѣсколько успокоившіеся отъ своего смятенія, снова напали на графа Орурка въ Варваричахъ; но графъ успѣлъ построить 4 каре: два изъ русской пѣхоты и два изъ сербской и, поставивъ въ середину кавалерію, ожидалъ въ такомъ строѣ непріятеля. Съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера турки бились съ ожесточеніемъ, но безъ успѣха. Они атаковали поочередно всѣ каре, но сильно пострадавъ отъ огня нашихъ 8 пушекъ — отступили вечеромъ за двѣ версты. У нихъ было около 12.000 чел., потеряли же они около 1000 чел.

Графъ Орурк въ ожиданіи новой атаки укрѣпился. У него уже оставалось мало патроновъ, и онъ боялся, что негдѣ будетъ скоро ихъ достать.

Турки также укрѣпились, но графъ, совершенно неожиданно, получивъ отъ Георгія Чернаго большой транспортъ боевыхъ патроновъ, подкрѣпленный еще 500 сербами, почувствовалъ себя въ силахъ снова встрѣтить атаку турокъ, еще съ большей энергіей, нежели въ первый разъ.

10-го сентября турки вновь атаковали насъ и начали обстрѣливать редутъ, построенный графомъ Оруркомъ на Моравѣ, ихъ конница перешла рѣку въ бродъ, но имъ ничего не удавалось, и они съ большими потерями должны были отступить и возвратиться въ Ниссу. Такимъ образомъ, Сербія была освобождена.

(Этимъ заканчивается журналъ кампаніи графа Орурка).

Экспедиція эта дѣлаетъ большую честь графу Цукато и графу Орурку, которые составили планъ этой кампаніи, но для того, чтобы планъ этотъ былъ умѣло выполненъ, нужно было поручить его храброму, умному и предпріимчивому человѣку. Графъ Оруркъ прекрасно исполнилъ все то, что его начальникъ такъ хорошо обдумалъ и приказалъ ему сдѣлать.

18-го сентября графъ Оруркъ, исполнивъ возложенное на него порученіе, возвратился на Дунай, чтобы соединиться съ генераломъ Зассомъ, который прибылъ туда для принятія командованія надъ Валашскимъ корпусомъ.

Георгій Черный написалъ графу Орурку письмо, въ которомъ выражалъ ему свою благодарность и всенародно назвалъ его спасителемъ Сербіи [1]).

Въ это самое время одинъ сербъ, по имени Никотичъ, старый капитанъ гвардейскихъ уланъ, былъ также посланъ противъ Босняка съ двумя эскадронами валаховъ и сотней казаковъ; онъ отличился своею храбростью и успѣхомъ, но былъ опасно раненъ.

Блокада Праговы Исаевымъ, блестящій походъ летучей колонны графа Орурка, появленіе Никотича на берегахъ Дравы и положеніе гр. Цукато у Неготина, все это показало туркамъ, что русскіе имѣютъ войскъ на правомъ берегу Дуная и въ Сербіи по крайней мѣрѣ 30.000 человѣкъ. Все это подтверждали и плѣнные. Но всѣ эти успѣхи были бы ничтожны безъ пріобрѣтенія Кладовы, важнѣйшаго пункта всей этой части театра военныхъ дѣйствій.

Вскорѣ послѣ взятія Дуду, графъ Цукато приказалъ Петру До-

---

[1]) Эта экспедиція графа Орурка доказываетъ, какъ полезны въ такой неблагодарной странѣ подвижныя колонны. Графъ Цукато былъ такъ убѣжденъ въ пользѣ ихъ, что послѣ взятія Кладовы намѣренъ былъ, если бы онъ только дожилъ, выстроить предмѣстное укрѣпленіе въ Флорентинѣ и, съ большей частью своихъ силъ, сдѣлать нѣсколько набѣговъ на турецкія земли вплоть до самой Босніи и Македоніи.

Сербы, пандуры и добровольцы были бы употреблены имъ для охраны Ниссы и Виддина.

брыничу съ 3.000 сербовъ блокировать Кладову, а для большаго побужденія къ скорѣйшей сдачѣ города, онъ приказалъ занять очень опасную позицію у Неготина. Смѣлость эта увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, дѣлающимъ честь его предусмотрительности и мужеству. Послѣ первыхъ успѣховъ графа Орурка у Праговы, графъ Цукато, уже больной, послалъ маіора Игари къ Кладовѣ съ приказаніемъ спѣшно начать осаду.

(Продолжаю опять выписку изъ журнала Игари):

„За нѣсколько времени до смерти графа Цукато, христіанскіе купцы и негоціанты города Виддина, напуганные судьбой, постигшей рущукскихъ торговцевъ, обратились съ просьбой позволить имъ переселиться въ Малую Валахію. Графъ Цукато, помня тѣ примѣры благородства, которые оказывали русскіе по отношенію христіанскихъ жителей въ Оттоманской Портѣ, во время предъидущихъ войнъ, написалъ графу Каменскому, чтобы онъ далъ разрѣшеніе принять этихъ лицъ и ихъ товары, состоявшіе, главнымъ образомъ, изъ хлопка.

„Графъ Цукато, желая извлечь изъ этой войны какъ можно больше пользы для солдатъ и облегченія для жителей Малой Валахіи, попросилъ Гаджу-Януки, коммиссіонера по торговымъ дѣламъ въ Виддинѣ, выстроить у Краіова на казенный счетъ госпиталь на тысячу человѣкъ. Постройка эта должна быть окончена въ концѣ октября, но смерть графа Цукато, послѣдовавшая незадолго до этого времени, совершенно отдалила это дѣло отъ его первоначальной цѣли, и оно сдѣлалось предметомъ корыстолюбія и спекуляціи австрійскихъ факторовъ, поселившихся въ Орсовѣ. Они платили въ военную кассу по 36 піастровъ за каждую повозку, т. е. за 2 мѣшка хлопка, требуя отъ землевладѣльцевъ по 76 съ мѣшка [1]).

„Въ Кладовѣ командовалъ Ибрагимъ-Ага, дядя Реджебъ-Аги, командующаго турецкой Орсово, и находился подъ начальствомъ своего племянника“.

Игари долженъ былъ извлечь выгоду изъ интереса, который Реджебъ естественно имѣлъ къ судьбѣ Ибрагима. Этому послѣднему

---

[1]) Или Игари не зналъ всей правды, что трудно предположить, или онъ не хотѣлъ признаваться (что болѣе правдоподобно), но злоупотребленія австрійцевъ были ничто въ сравненіи съ вымогательствомъ и лихоимствомъ Засса и особенно его племянника Штрандмана, самаго алчнаго изъ всѣхъ грабителей, подчиненныхъ Зассу. Онъ самъ и его приближенные за одинъ годъ получили съ Виддинскихъ купцовъ болѣе 120.000 дукатовъ.

позволили уйти вмѣстѣ съ его гарнизономъ, оружіемъ и обозомъ, куда онъ захочетъ, съ условіемъ только, чтобы Реджебъ отступилъ отъ Теке, сербской крѣпости, построенной около Орсово, и выпустилъ бы (послѣ нашего обѣщанія простить ихъ) дезертировавшихъ къ нему пандуровъ, которые разорили всю западную часть Малой Валахіи. Реджебъ долженъ былъ также обѣщать не имѣть никакихъ сношеній съ подобными разбойниками и, какъ порукой своего обѣщанія, долженъ былъ оставить намъ заложниковъ.

Со своей стороны мы должны были снабжать ихъ, вплоть до заключенія мира, провіантомъ, за который впрочемъ они платили бы намъ, по этому соглашенію мы овладѣли бы Теке и Кладовой и освободили Малую Валахію отъ наводнившихъ ее разбойниковъ.

Черезъ недѣлю, съ помощью оружія и переговоровъ, все было улажено и доведено до желаемой цѣли. Чтобы уже совершенно окончить это дѣло, нужно было еще успокоить кладовскій гарнизонъ, который въ ожиданіи капитуляціи не особенно-то довѣрялся сербамъ.

Во всей крѣпости находилось только 27 русскихъ артиллеристовъ, которыхъ, конечно, было слишковъ недостаточно, чтобы защитить турокъ отъ ихъ непримиримыхъ враговъ.

Игари остался въ Гогошахъ, куда переѣхалъ графъ Цукато во время своей болѣзни; онъ хотѣлъ просить у него еще одинъ русскій баталіонъ, но засталъ какъ его, такъ и генерала Исаева, заболѣвшаго 2 августа, въ весьма печальномъ положеніи. Они оба уже были не въ состояніи отдавать какія-либо приказанія. Игари нашелъ у нихъ письмо отъ графа Орурка и такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ уже руководить дѣйствіями, а полагая письмо это очень важнымъ, онъ позволилъ себѣ распечатать его. Графъ Оруркъ писалъ, что если онъ тотчасъ же не получитъ какихъ-либо новыхъ приказаній отъ графа Цукато, то, считая свою командировку оконченной, онъ возвратится на берега Дуная. Съ другой стороны, Петръ Добрыничъ прислалъ Игари копію съ приказанія Георгія Чернаго, предписавшаго ему прекратить осаду Кладовы и двинуться на помощь по берегу Дрины.

Изъ этого видно, что Георгій Черный, освѣдомленный о томъ, что графъ Оруркъ хочетъ покинуть его какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ему предстоитъ встрѣча съ новымъ непріятелемъ, рѣшилъ, что, съ своей стороны, ему необходимо вызвать Добрынича, предоставивъ уже русскимъ весь трудъ взятія Кладовы. Положеніе дѣлъ здѣсь было очень серьезное, и всякій неосмотрительный поступокъ со стороны графа Орурка или Добрынича могъ бы повлечь за собой не-

поправимыя бѣдствія. Игари взялъ на себя извѣстить графа Орурка и послалъ ему и Добрыничу совѣты, которые, по формѣ выраженія, были почти приказаніемъ. Добрыничу онъ написалъ, чтобы онъ оставался на своемъ посту, и тотъ сдѣлалъ очень хорошо, что послушался его; графу же Орурку онъ сообщилъ о безнадежномъ состояніи здоровія графа Цукато и генерала Исаева, и просилъ его подождать какихъ-либо приказаній со стороны графа, какъ только здоровье послѣдняго нѣсколько поправится, въ противномъ случаѣ ожидать приказаній графа Каменскаго, къ которому онъ уже отправилъ курьера. Все это было сдѣлано, чтобы выиграть время, что главнымъ образомъ и требовалось. Графъ Орургъ остался въ Сербіи еще на нѣкоторое время, и все окончилось благополучно для Сербіи, какъ того желалъ Игари".

(Здѣсь кончается журналъ Игари).

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

вѣковой періодъ, выяснить и подчеркнуть измѣнявшіеся оттѣнки ея критеріевъ, указать личныя точки зрѣнія ея дѣятелей, наконецъ охарактеризовать роль и послѣдствія существованія духовно-цензурнаго надзора". Какъ ни затруднительно пользованіе нашими по большей части неблагоустроенными и ненаучно организованными архивами, авторъ изслѣдовалъ множество матеріаловъ, хранящихся въ синодальныхъ архивахъ, а также въ архивахъ московской духовной цензуры и петербургскаго, московскаго и кіевскаго духовно-цензурныхъ комитетовъ, и привлекъ къ дѣлу многочисленныя данныя, разсѣянныя въ исторической литературѣ многихъ лѣтъ. „Начальная исторія существованія организованной духовной цензуры, совпадающая съ первой половиной александровскаго времени, тѣсно связана съ судьбами единственнаго для своего времени духовно-цензурнаго учрежденія—московской духовной цензуры. Выясненію ея генезиса и внѣшнихъ отношеній, съ одной стороны, и дѣятельности, съ другой, посвящены двѣ первыя главы изслѣдованія. Въ III главѣ на фонѣ характерныхъ для того времени фактовъ и господствовавшихъ правительственныхъ тенденцій вскрываются причины, подготовившія реформу духовно-цензурнаго дѣла—регламентированіе его уставомъ и пріуроченіе къ академическимъ округамъ. Съ цѣлью дать общее представленіе объ охранительной дѣятельности правительственныхъ круговъ николаевскаго времени, поскольку она имѣла въ виду заключить въ строгія рамки поступательное движеніе современной богословской мысли, введена особая глава (IV). Слѣдующая (V) имѣетъ въ виду характеристику высшей, синодальной инстанціи цензурнаго надзора, какъ чрезъ выясненіе судебъ главнѣйшихъ группъ церковныхъ сочиненій, такъ и чрезъ ознакомленіе съ личными взглядами „верховныхъ" цензоровъ. Глава VI состоитъ изъ очерковъ дѣятельности и дѣятелей столичныхъ и провинціальныхъ дѣлъ цензурныхъ комитетовъ. Въ VII изложены главныя черты отношеній духовной цензуры къ свѣтской, съ указаніемъ обстоятельствъ происхожденія секретнаго при Св. Синодѣ цензурнаго комитета. Въ VIII сгруппированы типичные отзывы и критеріи духовныхъ цензоровъ николаевской эпохи, направленные противъ попытокъ литературнаго изображенія дѣйствительности прошлой и современной имъ жизни церкви. Наконецъ, поскольку русское духовенство, „по примѣру ветхозавѣтныхъ левитовъ", какъ тогда выражались, сверхъ подчиненія общимъ цензурнымъ нормамъ, должно было удовлетворять еще особымъ требованіямъ „чистоты мысли и слова", и его литературная дѣятельность въ цензурномъ отношеніи была обставлена исключительными условіями, оказалось необходимымъ спеціально (въ главѣ IX) освѣтить черты подзаконнаго ига авторовъ изъ духовнаго сословія". Такъ опредѣляетъ самъ авторъ содержаніе своей книги; изъ его собственныхъ словъ видно, что остовъ изслѣдованія построенъ не совсѣмъ удачно,—такъ, авторъ слишкомъ отвлекается отъ изображенія послѣдовательнаго историческаго развитія духовной цензуры въ сторону частныхъ характеристикъ отдѣльныхъ личностей. Но ни этотъ недостатокъ въ планѣ, ни неряшество слога, ни утомляющее подчасъ читателя нагроможденіе множества мелкихъ фактическихъ подробностей не мѣшаютъ изслѣдованію быть по существу вполнѣ исторіей нашей духовной цензуры въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Въ качествѣ же перваго широкаго опыта въ этой области историческихъ изученій книга г. Котовича, съ рѣдкою добросовѣстностью и обстоятельностью отнесшагося къ своей задачѣ, даетъ больше, чѣмъ можно было ожидать вообще отъ перваго опыта. Современемъ архивы духовнаго вѣдомства откроются гораздо шире, исторія духовно-цензурнаго надзора обогатится новыми матеріалами, но капитальный трудъ г. Котовича, не только съ идейной стороны, но и просто съ матеріальной еще долго сохранитъ свое значеніе.

Толковый словарь живого великорусскаго языка, **Владиміра Даля**. Третье, исправленное и значительно дополненное изданіе т-ва „М. О. Вольфъ", подъ редакціею проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т.Т. I—IV. СПб. 1904—1909.

При нѣкоторой научной примитивности структуры знаменитаго словаря, онъ представляетъ собою не только великій памятникъ русской литературы, но просто необходимую каждому интеллигентному русскому человѣку книгу. Не посягая на самый планъ словаря, почтенный редакторъ исправилъ нѣкоторыя ошибки первыхъ двухъ изданій и введъ въ него множество дополненій, добытыхъ изслѣдованіями русскаго языка, его говоровъ и нарѣчій, въ послѣдніе годы. Самое драгоцѣнное достояніе русской лексикографіи, богатѣйшая сокровищница народнаго слова, монументальный трудъ великаго ученаго является теперь въ расширенномъ, улучшенномъ видѣ. „Къ труду этому"—справедливо писалъ о словарѣ Даля Я. К. Гротъ—„будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы то ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства... Словарь Даля—книга не только полезная и нужная, это книга занимательная: всякій любитель отечественнаго слова можетъ читать ее или хоть перелистывать съ удовольствіемъ. Сколько найдетъ онъ въ ней знакомаго, роднаго, любезнаго и сколько новаго, любопытнаго, назидательнаго!.." Словарь Даля—одно изъ лучшихъ оправданій вдохновенной формулы Тургенева о „великомъ, могучемъ, правдивомъ и свободномъ языкѣ", который данъ „великому народу",—и новому, прекрасному и недорогому изданію этой колоссальной работы нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія. *Н. Л.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1909 г.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе быть русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. ***По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ***, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1908 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, В. Подъяческая ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XL-й. АВГУСТЪ. 1909 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Депутатъ отъ Россіи** (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 207—214

II. **Записки сенатора Есиповича** . . . . . 215—228

III. **Изъ жизни судебнаго дѣятеля.** Сообщ. П. Я. Кулунчаковъ . . . . 229—242

IV. **Изъ воспоминаній о Кронштадтѣ въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I.** Сообщ. Н. И. Вороновъ . 243—252

V. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера** . . . . . 253—291

VI. **Памяти поэта пѣвца «гражданской доблести» Алексѣя Михайловича Жемчужникова.** († 25 марта 1908 года). Сообщ. С. Старосѣвицкій . 292—300

VII. **Алтайскій горный округъ.** Л. Малѣева. . 301—326

VIII. **Семь лѣтъ неурожайныхъ.** (Изъ исторіи Саратовскихъ голодовокъ). П. Л. Юдина . . . . . 327—330

IX. **Саратовская гимназія—устава графа Уварова—прошлаго столѣтія. 1851—1859 годы.** (Воспоминанія питомца). Сообщилъ Пв. Вороновъ. . 331—356

X. **Воспоминанія о моемъ ученіи.** Мих. Гурьева . 357—371

XI. **Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 г.г.** Сообщ. Е. Каменскій. . 379—396

XII. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **Какъ искали серебряную руду въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ 1685 г.** Сообщ. П. Суворовъ. . . 372—378

XIII. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 11 марта по 31 марта 1909 г.** (на оберткѣ).

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1909 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1909.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1909 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 11 марта по 31 марта 1909 г.

Войтоловскій, Л. Литературное значеніе и творчество Н. В. Гоголя. Критическій очеркъ съ біографіей. Кіевъ. 1909. Изд. Ф. Л. Иссерлиса и К° (Крещатикъ, 38). Тип. Просвѣщеніе (Крещатикъ, 27). 8° (16×22). 76 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Томъ I. Вып. II. и I. М. 1908, Изд. т-ва Міръ, 2-е (Б. Никитская, 22). Тип. И. Кушнерева и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×28). 1—160 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 2.000 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. 1-й (17-й) М. 1909. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковскій, св. д.). 8° (18×26). 68 стр. Вѣсъ 14 л. 600 экз.

Павловскій, И. Ф-р. Полтавская битва 27-го іюня 1709 года. Полтава. 1909. Изд. 2-е. Тип. И. А. Дохмана (Александровская ул.). 8° (17×26). 52 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Преображенскій, В. С. Славяно-русскій скитскій патерикъ. Опытъ историко-библіографическаго изслѣдованія. Кіевъ. 1909. Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская, 22). 8° (17×25). VII+257 стр. Вѣсъ 24 л. 300 экз.

Рахманинъ, С. Наполеонъ I и великая армія въ Ковенской губ. Ковна. 1909. Тип. Губ. Правленія. 8° (15×21). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 150 экз.

Романовъ, Е. Р. Преподобный Геннадій Костромской и Любимоградскій, уроженецъ гор. Могилева. Вильна. 1908. Тип. Русскій Починъ. 8° (15×21). 52 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Вып. третій. Лермонтовъ. Спб. 1909. Изд. Книгоизд. Всходы (4-я Рождеств., 8). Тип. Россія (Бассейная, 3). 8° (17×26). 114 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 14 л. 3.000 экз.

Богучарскій, В. Я. Домъ-музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ (Исторія этого начинанія и его положеніе въ настоящее время). Спб. 1909. Тип. В. М. Вольфа (Невскій пр., 126). 16° (12×16). 33 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 1.800 экз.

Бонналь, генералъ. Виленская операція. Современное военное искусство въ стратегіи Наполеона съ января 1811 по іюль 1812 г. Перев. Иностранцева. Спб. 1909. Изд. Общества ревнит. воен. знаній. Тип. Экономическая (В. О., 14-я л., д. 5). 8° (17×27). II+63 стр.+10 листовъ чертежей. Вѣсъ 14 л. 1.500 экз.

Дорофеевъ, Георгій. Характеристика творчества Н. В. Гоголя. Кіевъ. 1909. Изд. 3-е. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (16×25). 64 стр. Съ портр. Ц. 50 к. Вѣсъ 7 л. 2.500 экз.

Содержаніе: Способы и пріемы творчества. Идеалъ творчества. Гоголь какъ юмористъ. Причины упадка его таланта. Значеніе Гоголя.

Каталогъ аукціона собранія русскихъ монетъ XVIII и XIX столѣтій, принадлежавшихъ г. г. Бланку, К. А. ф. Вольскому, Р. Рамме и др. Нумизматическая торговля Б. Ѳ. Копылова. Спб. 1909. Изд. Имп. Общ. Поощренія Художествъ. Тип. Бенке (Новый пер., 2). 8° (16×24). 17 стр. Вѣсъ 11 л. 600 экз.

Ладыженскій, Вл. Исторія русской литературы. Для школъ и народа. Спб. 1909. Изд. „Солнце" (М. Московская, 2). Тип. „Обществ. Польза" (Б. Подъяческая, 39). 12° (13×18). 146 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 19 л. 2.000 экз.

Литургія. Религіозно-поэтическія произведенія памятника церковной письменности. Кіевъ. 1909. Изд. А. К. Хребтова. Тип. Окружнаго Штаба (Банковая, 11). 16° (11×18) 13 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 3.600 экз.

Отчетъ церковно-историческаго и археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи за 1908 годъ. Кіевъ. 1909. Тип. Барскаго (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 29 стр. Вѣсъ 3 л. 250 экз.

Рейхель, Марія. Матеріалы для біографіи А. И. Герцена. Вып. 1. Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. Съ 4 портретами. М. 1909. Изд. Л. Э. Бухгаймъ (Кузнецкій Мостъ, 11). Тип. А. Петцмана (Мясницкая, д. Гуськова). 8° (16×23). 128 стр. Съ портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 17 л. 1.200 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 39. Дѣйствія войскъ, расположенныхъ въ Добруджѣ и на Нижнемъ Дунаѣ, съ 1-го авг. по 1-е окт. 1877 г. Спб. 1908. Изд. Военно-Историч. Комиссіи Главн. Управл. Генер. Штаба. Тип. Военная (въ зданіи Главн. Штаба). 8° (19×27). XXIV+411 стр. Вѣсъ 2 ф. 24 л. 1.210 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ **1909** году:

А. Ѳ. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля»,—«Житейскія встрѣчи». Изъ архива А. Ѳ. Кони.—«Письма А. И. Чупрова съ предисловіемъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Г. П. Георгіевскаго**—«Гоголь въ его новыхъ письмахъ». **Князя А. Д. Оболенскаго** — «Мои воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ». Воспоминанія **И. И. Янжула** «О пережитомъ и видѣнномъ» 1864—1909 гг. **П. М. Ковалевскаго**—«Встрѣча на жизненномъ пути», «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», «Власти предержащія», «У Чернышова моста», «Въ Главномъ Адмиралтействѣ», «На Мойкѣ». **Г. К. Градовскаго** — «Изъ минувшаго». Записки сенатора Есиповича. **М. В. Безобразовой**—«Дневникъ академика В. П. Безобразова». П. Д. Паренсова. Изъ прошлаго: «Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.» **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ».—Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго. Д. А. Скалона** — «На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **А. В. Шумпулева**—«Изъ записокъ стараго помѣщика». Ѳ. Г. Тернера «Воспоминанія жизни». **А. Ф. Петрушевскаго**—«Первые годы службы». **В. Ф. Руднева**—На крейсерѣ «Африка». **В. Д. Корсаковой**—«Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Драке**—«Въ Финляндіи». **Н—ъ**—«Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. Э. И. Тотлебенѣ».—Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ».—Письма П. И. Чайковскаго И. А. Мельникову. **Дитлова**—«Въ походѣ и въ бою на «Адмиралѣ Ушаковѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ».—Воспоминанія **Тургенева, Де-Санглена, Леваковскаго, Юдина, Семенова** и др.; **А. А. Чебышева**—Письма П. А. Катенина Н. Н. Бахтину. Воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Глава VII [1]).

Проблема будущаго.

До 1873 года г-жа Новикова не дѣлала никакой попытки выступить въ публичное обсужденіе важныхъ вопросовъ дня, хотя и вела обширную переписку съ государственными людьми и литераторами разныхъ странъ Европы. Въ 1877 г. она впервые появилась въ печати, но до этого въ 1873 г. она издала и распространила анонимную брошюру, внушенную ей однимъ замѣчаніемъ графа Кейзерлинга.

Она спросила у него, однажды, почему всѣ европейскія сочиненія такого матеріалистическаго характера? „Они пишутъ", прибавила она, „какъ будто бы не имѣютъ никакой вѣры въ душу и весь ея идеализмъ".

„Да они и не вѣрятъ въ безсмертіе души, что ясно можно доказать всѣми ссылками на будущую жизнь въ ветхомъ завѣтѣ. Слово Sheol означаетъ дыра, яма, скважина, а души, конечно, не можетъ быть, если нѣтъ безсмертія", отвѣчалъ графъ. Онъ положительно заявилъ:

„Ветхій завѣтъ не знаетъ безсмертія. Это фактъ извѣстный почти каждому, изучающему богословіе, и о которомъ никто, кромѣ этого класса людей, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Ветхій и новый завѣтъ обыкновенно считаются за одну и ту же книгу, однимъ вдохновеннымъ твореніемъ. Между тѣмъ эти два тома основаны на противоположныхъ и несогласимыхъ принципахъ. Догматъ. перваго

[1]) См. „Русск. Стар." іюль 1909 г.

преимущественно матеріалистичный. Догматъ второго чисто идеальный. Ветхій завѣтъ изображаетъ Бога, какъ Іегову, совершенно иначе, чѣмъ его изображаетъ Христосъ. Богъ въ изображеніи евреевъ проявилъ себя въ страшномъ Lex Talionis, описанномъ въ Исходѣ XXI, 24, 25: око за око, сожженіе за сожженіе, рана за рану, тогда, когда намъ заповѣдано Іисусомъ Христомъ: „добро творите ненавидящимъ васъ, благословляйте проклинающихъ васъ".

Такъ какъ по этому поводу возникло много разсужденій, то Кейзерлингъ предложилъ списать всѣ мѣста изъ Ветхаго Завѣта, относящіяся къ еврейскому ученію о будущей жизни, или лучше сказать къ отсутствію будущей жизни. Это предложеніе было, конечно, горячо принято и выразилось въ формѣ анонимной брошюры, изданной и розданной г-жей Новиковой сотнѣ разныхъ нѣмецкихъ и французскихъ теологовъ, включая Фрошаммера, Ревиля, Треичке, Блунчли и др. Большинство отвѣтовъ (а изъ ста отвѣтили девяносто), полученныхъ ею, соглашались совершенно съ точкой зрѣнія г-жи Новиковой—нѣсколько католиковъ сильно протестовали.

Странное совпаденіе, что одинъ и тотъ же вопросъ овладѣлъ умомъ человѣка, отъ котораго г-жа Новикова была далека, Сесиль Родса, который никогда не забывалъ каждаго еврея спросить о его взглядѣ на будущую жизнь.

Г-нъ Родсъ говорилъ мнѣ, что онъ не встрѣтилъ ни одного еврея, который сказалъ бы, что онъ слышалъ въ синагогѣ какое бы то ни было обращеніе, основанное на предположеніи, что человѣкъ будетъ жить послѣ смерти. Боюсь, что подобное обращеніе къ служителямъ христіанскихъ церквей вызвало бы одинаковый отвѣтъ.

Г-нъ Люціанъ Вольфъ, болѣе извѣстный, какъ „Diplomaticus" изъ Fortnightly Review, очень свѣдущій писатель, пошелъ далѣе графа Кейзерлинга. Въ то время, какъ нѣкоторые евреи смотрѣли на тезисы графа, какъ на клевету, г-нъ Вольфъ смѣло утверждалъ (Fortnightly Review, 1884), что непризнаніе никакой жизни за предѣлами видимаго міра составляетъ „центральную идею іудейства".

Г-жа Новикова вновь издала эту анонимную брошюру 1873 года въ 1895 году подъ заглавіемъ „Христосъ или Моисей? Кто?" прибавивъ къ ней обращеніе къ г-ну Гладстону.

Ея письмо, повидимому, дало ему ошибочное впечатлѣніе, что она отъ своего имени рѣшается вступить на арену полемики. Вслѣдствіе этого въ своемъ отвѣтѣ онъ предостерегаетъ ее отъ предпріятія, которое онъ считаетъ выше ея силъ.

Hotel Cap Martin Ментона.

13 февраля 1895 г.

„Дорогая M-me Novicoff. Мнѣ жаль, что у васъ нѣтъ лучшаго совѣтника, но я выполню, какъ только могу откровенно и честно, роль—которую вы желаете, чтобъ я взялъ на себя.

„Я не вижу, зачѣмъ давать поводъ язвить васъ словомъ „ересь". Ересь предметъ серьезный и не должно рисковать обвиненіемъ въ ней иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не только содержаніе ея важно, но и когда авторитетъ церкви или христіанское общество терпятъ отъ ея вліянія. Я впрочемъ понимаю, что вопросъ о мнѣніи евреевъ относительно будущей жизни, какимъ онъ является въ Ветхомъ Завѣтѣ, есть вопросъ открытый для разсужденій.

„Я самъ былъ значительно занятъ послѣднее время разсмотрѣніемъ вопроса о загробной жизни и имѣлъ случай касаться еврейскаго мнѣнія. Предметъ очень интересный, но очень обширный и сложный, и я вамъ сильно совѣтовалъ бы не публиковать ничего о немъ безъ предварительнаго изслѣдованія соотвѣтственно характеру предмета.

„Какъ можете вы рискнуть взяться за него, не принявъ во вниманіе изслѣдованій и мнѣній писателей, занимавшихся имъ.

„Собственныя мои свѣдѣнія далеко не такъ велики, чтобъ служить ручательствомъ въ вѣрныхъ и окончательныхъ умозаключеніяхъ. Но я думаю, что есть вещи, которыя представляются довольно ясными для пониманія. Мы не можемъ не замѣтить разумную осторожность, съ которой вѣроисповѣданія трактуютъ будущую жизнь. Послѣ учрежденія ихъ христіанское мнѣніе стало постепенно, я думаю, основываться на предположеніи, взятомъ изъ греческой философіи и въ особенности у Платона, а именно: о естественномъ безсмертіи человѣческой души. И это мнѣніе (которое я не слишкомъ склоненъ принять) снабжаетъ насъ, такъ сказать, очками, черезъ которыя мы обращаемся назадъ на еврейскія идеи, сообщаемыя Ветхимъ Завѣтомъ.

„Существуетъ другой взглядъ, что человѣкъ не былъ естественно безсмертенъ, но могъ сдѣлаться безсмертнымъ. Не согрѣши онъ, онъ достигъ бы непремѣнно безсмертія, но вкусивъ плода познанія, онъ не былъ допущенъ, какъ говоритъ писаніе, питаться древомъ жизни, и безсмертіе его было отброшено на неопредѣленное и темное разстояніе.

„Я предполагаю разумнымъ мнѣніе, что человѣку первоначально было сообщено Божественное знаніе, но объ этомъ откровеніи мы ничего не знаемъ, кромѣ очертанія его, если можно его такъ на-

звать, заключающагося въ книгѣ Бытія. Это очертаніе показываетъ намъ, однако, случай съ Энохомъ, когда одинъ праведный человѣкъ былъ исключительно спасенъ отъ смерти, и слова Спасителя въ евангеліи даютъ намъ понять, что существовали по крайней мѣрѣ проблески о будущей жизни и у евреевъ. Мы не должны, я думаю, забывать, съ какимъ уваженіемъ Спаситель нашъ относился къ ихъ мнѣніямъ.

„И не можемъ мы забывать того, что законъ Моисея, писанный вслѣдъ за древней патріархальной религіей, бывъ существенно національнымъ, былъ также главнымъ образомъ свѣтскимъ и очень склоннымъ отбросить въ сторону мысль о будущей жизни.

„Тѣмъ не менѣе всѣми, я полагаю, допустимо, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Псалмопѣвецъ говоритъ о ней безнадежно или съ сомнѣніемъ, въ иныхъ псалмахъ онъ приступаетъ къ этому предмету съ живой и возрастающей вѣрой, какъ, напримѣръ, когда онъ говоритъ; „Пробудясь, буду насыщаться подобіемъ Твоимъ“.

„Вы знаете, какъ я въ нѣкоторыхъ случаяхъ симпатизировалъ вашему авторитетному искусству, и какъ я любовался имъ. Я не разубѣждаю васъ отъ преслѣдованія задачи, къ которой вы имѣете теперь склонность, но я думаю, что вы еще не достигли той точки, при которой изданіе это сдѣлало бы честь вамъ, или справедливую оцѣнку вашему тезису. Я увѣренъ, что мой несовершенный отвѣтъ послужитъ вамъ доказательствомъ, что я не отношусь къ вашему письму легкомысленно и не стараюсь ставить вамъ препятствія безъ причины.

„Мы прибыли въ эту чудную мѣстность и превосходную гостиницу въ понедѣльникъ, и я пишу, слушая плескъ моря подъ моимъ окномъ. Меня только нѣсколько пугаетъ то, что здѣсь такъ много коронованныхъ особъ. Австрійскій императоръ и императрица въ этомъ же отелѣ, императрица Евгенія недалеко, герцогиня Лейнстерская въ городѣ на разстояніи двухъ миль, съ малой или безъ всякой вѣроятности на выздоровленіе. Мнѣ интересно будетъ знать, какъ вы рѣшите писать съ дальнѣйшимъ изученіемъ или безъ него.

Вѣрьте моей искренней преданности.

Е. Гладстонъ.

„Ваше письмо отъ 6 получено мною вчера“.

Послѣ появленія брошюры г. Гладстонъ писалъ:

„27 ноября 1894 г.

Дорогая M-me Novikoff.

„Очень благодаренъ за весьма интересную книгу, въ которой я прочиталъ сразу всѣ ея шестнадцать главъ („Христосъ или Моисей? Кто? Williams and Norgate“). Письмо мое было совершенно не-

умѣстно. Въ нашихъ службахъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ прибавленій, дѣлаемыхъ королевой или правительствомъ, за исключеніемъ молитвы или ряда молитвъ въ особенные дни поста или торжества, что дѣлается по старой привычкѣ.

„Архіепископъ Лодъ (Laud) включилъ въ свои утреннія молитвы немножко длинную, но чудную молитву одного восточнаго святого для евхаристической службы. Я знаю пастора, который нашелъ ее съ полъ-вѣка назадъ и съ того времени всегда произноситъ ее.

„Я послалъ въ печать и надѣюсь скоро публиковать изданіе Псалтыря съ указателемъ изреченій.

„Могу ли я прислать вамъ оттискъ и по какому адресу?

Всегда вашъ искренно.

Гладстонъ".

Если г-жа Новикова ожидала, что изданіе 1895 г. вызоветъ въ Англіи хотя бы приблизительное число вѣскихъ разсужденій, какъ это было въ 1876 г., она была очень разочарована. Въ 1895 г. никто, казалось, не интересовался тѣмъ, что думаютъ евреи о будущей жизни, и вообще едва-ли кто-нибудь заботился о томъ, есть ли загробная жизнь, какъ евреи, такъ и христіане.

Есть нѣсколько ссылокъ на эту полемику въ письмахъ, изданныхъ въ сочиненіи Graf Alexander Keyserling; ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern von seiner Tochter Baroness von Taube (2 vol. Berlin. George Reiner 1902). Въ одномъ изъ нихъ графъ Кейзерлингъ сѣтуетъ на то, что г-жа Новикова была такъ поглощена мыслями о будущемъ Востока, что не заботилась болѣе о вопросѣ будущей жизни (часть II стр. 109). Можно сомнѣваться въ томъ: сильно ли заботилъ самого графа Кейзерлинга вопросъ о будущей жизни? Онъ пишетъ г-жѣ Новиковой изъ Дерпта 8 апрѣля 1865 г., возвратясь послѣ похоронъ сослуживца, въ такихъ выраженіяхъ, которыя представляютъ его далеко не ревнителемъ загробнаго міра.

„Надгробныя слова и будущая жизнь. При всемъ уваженіи къ получаемому утѣшенію отъ (идеи) будущей жизни, мнѣ кажется, что наша человѣческая бренность находитъ обыкновенно въ земныхъ надеждахъ поддержку, которой нельзя пренебрегать, тѣмъ болѣе, что она досягаема для каждаго. Случалось ли вамъ когда-нибудь утѣшить человѣка, приговореннаго къ смерти, изображеніемъ ему прелестей загробнаго міра? Что меня касается, я бы, кажется, не посмѣлъ увѣщевать съ этой точки зрѣнія никого, кромѣ самого себя. Мнѣ было бы совѣстно давать удостовѣренія по этому

предмету другимъ, когда я не могу подтвердить ихъ собственнымъ примѣромъ.

Обыкновенно надгробныя рѣчи никого не удовлетворяютъ и въ настоящую минуту, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ послѣ подобной рѣчи, которую я долженъ былъ выслушать на открытомъ воздухѣ, на похоронахъ молодого и высоко уважаемаго профессора д-ра Ваксмута, я положительно стою за швейцарскій обычай хоронить мертвыхъ въ полномъ безмолвіи. Кто-то сказалъ, что, если бы Господь слышалъ всѣ проповѣди о воскресеніи, которыя произносятся, Онъ бы не воскресъ, Онъ бы уснулъ—потому что, если надгробныя рѣчи имѣютъ какое-нибудь дѣйствіе, то, можетъ быть, одно: замедлить пробужденіе".

Графъ Кейзерлингъ былъ скептикъ, г-жа Новикова нѣтъ. Все, что скрыто за предѣлами видимаго міра, всегда ее привлекало. То, что г-нъ Люціанъ Вольфъ считалъ центральной идеей іудейства, возмущало ее. Отъ этого она всегда живо интересовалась всѣми изысканіями о тайнахъ загробнаго міра.

Эта жажда узнать невѣдомое привела ее къ дружескимъ отношеніямъ съ г-жей Блавацкой, основательницей Теозофическаго Общества, и косвеннымъ путемъ повела къ позднѣйшему шагу въ спиритической эволюціи г-жи Анны Безантъ.

Въ 1868 году г-жа Блавацкая поселилась въ Лондонѣ. Г-жа Новикова была очарована ея большимъ умомъ, который заставлялъ воздать ей должное почтеніе помимо ея претензіи совершить на твердыхъ основаніяхъ изысканія въ запутанномъ лабиринтѣ невидимаго міра.

Кромѣ того она была русская патріотка.

Однажды г-жа Новикова мнѣ пишетъ:

Я заставила г-жу Блавацкую перевести для Васъ прилагаемое письмо, такъ какъ оно мнѣ кажется такимъ интереснымъ. Не находите ли и Вы этого? Между прочимъ она умираетъ отъ желанія Васъ видѣть, поэтому, если Вы не хотите совершить убійство, поѣдемъ къ ней вмѣстѣ со мной когда-нибудь.

Я не отвѣтилъ на этотъ призывъ. Мой интересъ къ оккультическимъ наукамъ, возбужденный страннымъ предсказаніемъ на первомъ сеансѣ, который я посѣтилъ въ 1881-мъ году, изсякъ подъ давленіемъ мірскихъ заботъ. Г-жа Новикова повторила свое приглашеніе болѣе настойчиво, чѣмъ прежде. И тогда я не думаю, что согласился бы поѣхать, не будь г-жа Блавацкая русская. Однако въ концѣ концовъ я поѣхалъ. Дамой этой я былъ восхищенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ что-то отталкивающее въ ней. Мощь въ ней была грубая, но у нея были больше манеры

мужчины и очень неприличнаго мужчины, чѣмъ дамы. Мы однако очень сошлись, и г-жа Блавацкая дала мнѣ свой портретъ, увѣряя, что я могу себя называть кѣмъ хочу, но она знаетъ, что я очень хорошій теозофъ.

Установившіяся добрыя отношенія съ г-жей Блавацкой имѣли неожиданный результатъ. Когда „Тайная доктрина“ была получена для рецензіи въ контору Pall Mall, я съ ужасомъ уклонился отъ обязанности одолѣть ея содержаніе. Я ее повезъ къ г-жѣ Безантъ, которая уже нѣсколько времени до того присутствовала на сеансахъ и интересовалась загробнымъ міромъ; я спросилъ, не хочетъ ли она взять на себя рецензію. Она схватилась за эту работу, прельщенная ея содержаніемъ, и, когда окончила рецензію, просила меня познакомить ее съ авторомъ. Я это исполнилъ съ удовольствіемъ. Съ этого знакомства начинается позднѣйшая эволюція въ карьерѣ г-жи Безантъ. Г-жа Блавацкая сдѣлалась идеаломъ г-жи Безантъ, она была рада и горда стоять передъ нею на колѣняхъ и упиваться ея ученіемъ, какъ будто она была оракулъ Божественной мудрости. Когда умерла г-жа Блавацкая, г-жа Безантъ была назначена ея замѣстительницей. Она же теперь предсѣдательница Теозофическаго Общества, но, говоря по правдѣ, если бы г-жа Новикова не настаивала такъ на моемъ визитѣ г-жѣ Блавацкой, Теозофическое Общество никогда не обезпечило бы себѣ содѣйствія г-жи Безантъ.

Г-жа Новикова никогда не допускала въ ея дружбу съ г-жей Блавацкой вмѣшиваться тѣхъ, кто распространялъ слухи о ея удостовѣренныхъ обманахъ. Она даже писала сэру Mount Stuart Elphinstone Grant Duff, когда онъ былъ губернаторомъ въ Мадрасѣ, въ надеждѣ заинтересовать его въ пользу г-жи Блавацкой. Попытка оказалась неудачной. Я привожу отвѣтъ г-на Моунтстюарта Грантъ Дёффъ, какъ характерный отвѣтъ на не менѣе характерный призывъ.

Правительственный Домъ Мадрасъ, 21 ноября 1884 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Ваше письмо отъ 1-го ноября получено мною вчера.

„Я никогда не принималъ никакого участія въ борьбѣ съ Блавацкой, неистовавшей здѣсь; кромѣ того, правительство, во главѣ котораго я стою, дало самый рѣшительный приказъ противъ вмѣшательства въ религіозные или философическіе взгляды членовъ Теозофскаго Общества или какого бы то ни было другого.

„Что касается интереса къ предметамъ, которыми занимается Ваша пріятельница, если бы я даже старался его имѣть, я бы не

могъ: я одинаково могъ бы думать о томъ, чтобъ сдѣлать квадратомъ кругъ или чтобъ счесть песчинки морскія.

„Если однако нравится г-жѣ Блавацкой и ея послѣдователямъ заниматься этими вещами, я не вижу, почему бы имъ этого не дѣлать.

„Недавно всеобщія нападки на ея единомышленниковъ были напечатаны въ мѣстной газетѣ.

„Если она намѣрена возвратиться въ Мадрасъ, я предполагаю, что это для того, чтобы начать процессъ противъ тѣхъ, кто или поносилъ ее самымъ оскорбительнымъ образомъ, или взводилъ такія обвиненія на нее, которыя, если допустить, что они справедливы, должны исключить ее изъ общества всѣхъ порядочныхъ людей.

„Къ счастію, обвиненія эти такого опредѣленнаго свойства, что, если она такова, какъ Вы ее изображаете, ей не будетъ ни малѣйшаго затрудненія доказать, что они только неосновательные и злые вымыслы.

„Я несомнѣнно буду очень радъ услышать постановленіе нашего суда о томъ, что нѣтъ и тѣни пятна на ея личности, въ связи съ какими бы то ни было поступками, приписываемыми ея друзьямъ въ Мадрасѣ. Лично я ненавижу весь этотъ классъ людей, съ которыми ея имя связываютъ, и не имѣю никакого желанія знакомиться съ нею или съ кѣмъ-либо изъ тѣхъ, кто обратилъ вниманіе на себя своимъ интересомъ къ Магатма, къ астральнымъ тѣламъ и проч.

„Это должно быть все очень премудро и очень глубоко, но если это такъ, то это принадлежитъ умамъ выше моего. Вращаясь на низшей плоскости, я всегда однако читаю съ большимъ интересомъ Ваши политическія статьи и письма. Онѣ принадлежатъ къ тому міру рабочаго дня, по поверхности котораго я ползу, не заботясь ни о какихъ святыхъ братьяхъ Тибета, ни о высокихъ перспективахъ, открываемыхъ намъ Езотерическимъ буддизмомъ Koot, Hoomy and Co. Вѣрьте моей искренней преданности“.

Грантъ Дёффъ.

Сообщено Е. С. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записки сенатора Есиповича [1].

Сентябрь 1884 г.

Къ сожалѣнію, руки мои отказываются служить такъ, какъ служили прежде. Писать мнѣ очень трудно. Къ счастію, по обязанности первоприсутствующаго 2-го департамента Сената, я долженъ только писать резолюціи (самыя краткія) о томъ, что постановляетъ Сенатъ. Писать опредѣленій (какъ въ кассац. депар.) я не обязанъ, да и не могъ бы. Не могу я писать и своихъ записокъ. Приходится ограничиваться записываніемъ вкратцѣ только нѣкоторыхъ мыслей. Попробую...

Когда мы знаемъ, что кто-нибудь изъ нашихъ родныхъ, друзей или просто знакомыхъ уѣзжаетъ надолго въ далекую сторону, то мы невольно какъ-то становимся любезнѣе, внимательнѣе, добрѣе къ отъѣзжающему. Не находится ли каждый старикъ въ положеніи уѣзжающаго отъ насъ только не на долго, а на всегда, не въ далекую только, но совсѣмъ въ неизвѣстную намъ страну, изъ которой нѣтъ возврата. Наканунѣ этой вѣчной разлуки не имѣетъ ли онъ право ожидать отъ насъ особенной внимательности, предупредительности и доброты. Будемъ помнить, что если сегодня мы будемъ въ чемъ-либо виноваты передъ ними, то завтра быть можетъ будетъ уже поздно и невозможно исправить нашу вину, потому что не предъ кѣмъ будетъ исправлять ее.

„Борьба за существованіе“. Любимая фраза въ настоящее время. Одна собака отнимаетъ у другой кость; волкъ бросается на лисицу, чтобъ отбить у нея курицу, которую стащила она съ птичьяго двора; ястребъ кидается на цыпленка, чтобъ насытить свой голодъ — все

---

[1] См. „Русская Старина“, іюль 1909 г.

это борьба за существованіе, но все это между звѣрями и животными; неужели же и человѣкъ, несмотря на то, что онъ надѣленъ высшими способностями (напримѣръ, хоть тѣмъ, что онъ предусмотрительнѣе каждаго животнаго), не можетъ, въ силу своихъ высшихъ способностей, устроить и обезпечить свое существованіе такъ, чтобъ не подражать въ этомъ дикимъ звѣрямъ и неразумнымъ птицамъ и животнымъ. Не высокаго мнѣнія былъ о себѣ и вообще о человѣчествѣ тотъ, кто первый пустилъ въ оборотъ мысль о тождествѣ въ этомъ отношеніи между людьми и звѣрями; очень и очень опасаюсь я, что самое невысокое мнѣніе о немъ самомъ, объ этомъ прославляемомъ нынѣ авторѣ борьбы за существованіе между людьми, сохранитъ и потомство.

Борьба за существованіе между звѣрями и животными, борьба за существованіе между народами и государствами; не навязывайте же ея хотя неизвращенному частному человѣку.

Въ 188 ст. устава духовныхъ консисторій постановлено: священникъ, діаконъ и причетникъ, за браковѣнчаніе такихъ лицъ, которыя не достигли опредѣленнаго возраста, наказываются, безъ отрѣшенія отъ мѣстъ своихъ, посылкою въ монастырь: священникъ на половину того времени, сколько не доставало брачившимся до гражданскаго совершеннолѣтія, а діаконъ и причетникъ на половину того времени, на сколько посланъ священникъ".

Преоригинальная мѣра взысканія; но прискорбнѣе всего то, что составители этой статьи, повидимому, не дали себѣ яснаго отчета о томъ, что постановили, потому что далѣе въ той же статьѣ они говорятъ: „но если до совершеннолѣтія не доставало болѣе года, то священникъ отрѣшается отъ мѣста и низводится на причетничество, по вышеозначенному времени".—Но помилосердуйте, отцы и братія, вѣдь возрастъ, опредѣленный для вступленія въ бракъ, для мужчинъ 18 л., а для женщинъ 16 л., гражданское же совершеннолѣтіе для тѣхъ и другихъ 21 годъ, слѣдовательно, если они вступаютъ въ бракъ ранѣе 18 и 16 лѣтъ, то всегда будетъ не доставать до гражданскаго совершеннолѣтія, или до 21 года, болѣе года,— что же вы постановили въ первой части этой 188 статьи?

Или вамъ неизвѣстно различіе между гражданскимъ совершеннолѣтіемъ и возрастомъ, опредѣленнымъ для вступленія въ бракъ. Но въ такомъ случаѣ не лучше ли было бы сначала уяснить себѣ это различіе, а потомъ уже и проектировать другую какую-нибудь мѣру взысканія вмѣсто невозможной первой половины 188 статьи устава духовныхъ консисторій 1883 г.

Нынѣшнимъ (1884 г.) лѣтомъ утвержденъ новый университетскій уставъ, согласно съ мнѣніемъ меньшинства членовъ Государственнаго Совѣта (кажется, графа Толстого, Делянова и Островскаго).

Ректоръ Петербургскаго университета Андреевскій, встрѣтивъ нѣкоторыя сомнѣнія въ новомъ уставѣ, пріѣхалъ къ министру народнаго просвѣщенія за разъясненіями.

Иванъ-Давыдовичъ Деляновъ по обыкновенію хитро посматривалъ, хитро улыбался и хитро уклонялся отъ разъясненій.

Входитъ лакей и докладываетъ: „Михаилъ Никифоровичъ“.

Входитъ Катковъ.

Деляновъ: „Ахъ, батюшка Михаилъ Никифоровичъ. Вотъ Богъ-то Васъ послалъ. Ректоръ сомнѣвается. Научите, наставьте“.

Михаилъ Никифоровичъ наставляетъ... (сообщено).

Въ Кіевскомъ университетѣ праздновался 50-лѣтній юбилей. Часть студентовъ обезчестила себя и омрачила торжество самымъ отвратительнымъ буйствомъ.

Что тутъ дѣлать?

Нѣкто, не принадлежащій къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, пріѣхалъ по дѣлу къ министру.

„Министръ у себя“?

„У себя, Ваше Превосходительство, только у нихъ Михаилъ Никифоровичъ“.

„Давно?“.

„Съ полчаса времени будетъ“.

„Такъ я заѣду послѣ“.

Нѣкто заѣзжаетъ черезъ полтора часа.

„Михаилъ Никифоровичъ уѣхалъ?“.

„Нѣтъ еще“.

„Ну, все равно, я подожду“.

Ждетъ четверть часа, ждетъ полчаса; минутъ черезъ сорокъ Михаилъ Никифоровичъ выходитъ изъ кабинета министра. Министръ провожаетъ его. Увидѣвъ въ пріемной ожидающаго своей очереди важнаго господина, И. Д. Деляновъ говоритъ ему съ свойственною ему пріятно-хитрою улыбкою: „Сейчасъ, Ваше Превосходительство, сейчасъ“.

Провожаетъ онъ Каткова до лѣстницы. На лѣстницу поднимается Голубцевъ, попечитель Кіевскаго университета.

Деляновъ: „Ахъ, вотъ и онъ! Ну, ужъ, батюшка, Михаилъ Никифоровичъ, теперь вернитесь: наставьте, научите“!

Катковъ возвращается.

Катковъ, Голубцевъ и министръ проходятъ въ кабинетъ. Проходя мимо ожидающаго, Деляновъ съ чрезвычайно пріятно-хитрою улыбкою говоритъ: „Ну, ужъ теперь, Ваше Превосходительство, извините“.

Ваше Превосходительство по неволѣ извиняетъ и удаляется. А Катковъ, вѣроятно, наставляетъ и поучаетъ (сообщено).

Чтеніе лекцій въ Кіевскомъ университетѣ прекращено до 1-го января 1885-го года: всѣ студенты уволены съ воспрещеніемъ пріема ихъ въ другіе университеты. Съ 1-го декабря 1884-го года особая коммиссія будетъ обсуждать, кого изъ уволенныхъ можно опять принять (изъ правительственнаго сообщенія).

Виновата часть; уволены всѣ. Дай-то Богъ, чтобъ никто изъ этихъ уволенныхъ не попалъ, отъ праздности и отъ голода, въ какую-нибудь шайку.

„Михаилъ Никифоровичъ, научите, наставьте“!...

Но Михаилъ Никифоровичъ не въ духѣ: какъ въ самомъ дѣлѣ къ нему невнимательны. Столько лѣтъ онъ поноситъ и обноситъ новые суды, но ни суды не отдаютъ его подъ судъ, ни судовъ этихъ не замѣняютъ ни урядниками, ни околоточными. Затѣмъ еще хуже: съ тѣхъ поръ, какъ графъ Дмитрій Андреевичъ (Толстой) сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и слѣдовательно для Михаила Никифоровича не предстояло уже опасенія какой-нибудь цензурной кары, онъ смѣло всталъ и противъ Государственнаго Совѣта и противъ Сената, нашелъ въ нихъ чуть не заговорщиковъ и государственныхъ преступниковъ, и, пользуясь въ Россіи одинъ такою свободою слова и даже необузданностію, какою пользуется англійская и сѣверо-американская пресса, ужъ онъ обносилъ, обносилъ Государственный Совѣтъ и Сенатъ, и что же — все-таки не хотятъ замѣнить Государственный Совѣтъ совѣтами одного его, Михаила Никифоровича, и все-таки не хотятъ упразднить Сенатъ, а дѣла его передать хотя бы товарищамъ министровъ для того, чтобъ они почтительно одобряли распоряженія своихъ начальниковъ, въ случаѣ

согласія ихъ съ мнѣніями Михаила Никифоровича, и все-таки Сенатъ остается Правительствующимъ.

А вѣдь это досадно и обидно для стараго, хотя бы даже и выстарѣвшагося слуги, который пусть себѣ и завирается, но вѣдь съ доброй цѣлью...

Октябрь, 1884 годъ.

Катковъ чернитъ суды и Правительствующій Сенатъ. Я очень бы желалъ оправдать его полемическія увлеченія доброю цѣлію, но какая же добрая цѣль можетъ быть въ томъ, въ чемъ нѣтъ здраваго смысла. Онъ, повидимому, желалъ бы подчинить судъ администраціи, а у Сената не только отнять право контролировать министровъ, но даже поставить его ниже министровъ. Но желаніе подчинить суды администраціи противно самой сущности судовъ, которые, для исполненія своихъ обязанностей, должны быть независимы отъ администраціи, слѣдовательно, это желаніе нарушаетъ основную идею судовъ, признанную всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, а стремленіе поставить Сенатъ ниже министровъ нарушаетъ основы русскаго управленія и русской организаціи властей. Суды поставить въ зависимость отъ администраціи невозможно ни при какомъ правленіи, а отнять у Сената нынѣшнюю его власть и даже упразднить его можно только, измѣнивъ существующую организацію властей и отношеній между ними въ Россіи. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ Катковъ проповѣдуетъ абсурдъ, а во второмъ стремится къ ниспроверженію существующаго порядка управленія, не предлагая ничего, чѣмъ бы можно было замѣнить Правит. Сенатъ. И суды и Сенатъ могутъ, конечно, дѣлать ошибки и большія ошибки, но исправлять ошибки учрежденій, обязанныхъ дѣйствовать по закону, введеніемъ учрежденій, дѣйствующихъ преимущественно по личному усмотрѣнію, значитъ въ отношенія, которыя по природѣ своей должны быть регулируемы не административнымъ усмотрѣніемъ, а закономъ, — вводить вмѣсто порядка безпорядокъ и произволъ. А безпорядокъ и произволъ прямо ведутъ къ анархіи и разстройству государства.

Вотъ почему я не могу сочувствовать статьямъ Каткова и не могу его считать не только государственнымъ, но даже и здравомыслящимъ человѣкомъ. Да едва-ли онъ самъ отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что онъ пишетъ и чего желаетъ достигнуть своимъ писаніемъ.

Требовать отъ каждаго писателя, чтобъ онъ ясно и здраво понималъ, что онъ пишетъ и чего онъ хочетъ достигнуть—кажется, очень умѣренное требованіе!

Я вовсе не думаю отрицать у публицистовъ право разбирать, критиковать и осуждать дѣйствія и распоряженія судовъ и Сената. Напротивъ того, я думаю, что чѣмъ больше вниманія будутъ обращать на нихъ и публицисты и публика, чѣмъ строже будутъ къ нимъ, тѣмъ лучше; но необходимо однако же, чтобъ люди, разсуждающіе о такихъ серьезныхъ вещахъ публично, имѣли хоть нѣкоторое понятіе о государственномъ правѣ вообще и объ организаціи русскаго государства въ особенности. Да недурно также, чтобъ не забывали они и требованій простого здраваго смысла.

Къ сожалѣнію, я долженъ отмѣтить, что многіе изъ нашихъ судовъ и судей навлекаютъ на себя осужденія не одного г. Каткова, но и другихъ гораздо болѣе здравомыслящихъ и безпристрастныхъ людей, которые, если и не выступаютъ публично съ обвиненіями противъ тѣхъ судовъ и судей, то только потому, что боятся прослыть сторонниками Катковскаго произвола. Осужденіе это основывается на томъ, что многіе суды и судьи, забывая или не понимая истиннаго назначенія суда быть истолкователемъ, исполнителемъ и охранителемъ существующаго закона, стараются только либеральничать вкривь и вкось и такимъ образомъ не исполняютъ дѣйствительныхъ обязанностей всякаго правильно организованнаго суда быть вполнѣ безстрастнымъ и безпристрастнымъ консервативнымъ органомъ государственной и народной жизни, а напротивъ разыгрываютъ роли революціонныхъ мальчишекъ, съ азартомъ накидываясь на каждаго, кто только выше судьи-мальчишки положеніемъ, умомъ, богатствомъ, званіемъ.

Это дѣйствительно прискорбное явленіе; но, кажется, оно начинаетъ нѣсколько стушевываться. А если это такъ, то позволительно надѣяться, что даже и мальчишки-судьи доростутъ когда-нибудь до взрослыхъ судей, какихъ надѣялись мы создать, составляя судебные уставы. Что наши надежды не вполнѣ оправдались, то это очень естественно: вѣдь только Юпитеръ могъ создать Минерву, совсѣмъ готовую, вполнѣ совершенную, а обыкновенные люди осуждены имѣть сначала маленькихъ неразумныхъ дѣтей, которыхъ надо много и долго учить, чтобъ изъ нихъ вышли порядочные люди и граждане.

Судей-мальчишекъ надо тоже учить и много, и долго, и строго, чтобъ поняли и убѣдились они, что имъ нельзя и не стоитъ быть мальчишками, а необходимо быть только судьями...

Надо признаться, что до тѣхъ поръ, пока между нашими судьями будутъ такіе безтолковые мальчишки, нельзя быть слишкомъ стро-

гимъ и къ старческимъ воплямъ г.г. Катковыхъ противъ судовъ. Но зато ужъ катковскія филиппики противъ Сената едва-ли найдутъ себѣ защитниковъ въ рядахъ здравомыслящихъ и безпристрастныхъ людей.

Всѣ эти филиппики направлены главнымъ образомъ противъ того, что Сенатъ не уважилъ протестовъ нѣкоторыхъ губернаторовъ противъ постановленій городскихъ и земскихъ обществъ о представленіи правительству какихъ-либо ходатайствъ или даже объ отслуженіи панихиды по разнымъ покойникамъ, которыхъ общества признали заслужившими этого почета. Но что же тутъ революціоннаго, если Сенатъ разъяснилъ тому или другому губернатору, что не его дѣло, а дѣло самого правительства судить о томъ, заслуживаютъ ли уваженія ходатайства, съ которыми обращаются общества не къ губернаторамъ, а къ самому правительству. Что же тутъ противоправительственнаго, если общества служатъ панихиды по покойникамъ (напр., Тургеневу, Кошелеву, барону Николаю Корфу), которые при жизни вовсе не считались въ рядахъ противниковъ правительства?.

Помилосердуйте, Михаилъ Никифоровичъ,—вѣдь сенаторы не поповичи какіе-нибудь, не озлобленные или тупые школяры-неудачники, не мальчишки, сорвавшіеся съ университетской или правовѣдской скамьи, которые, за неимѣніемъ другого какого-либо серьезнаго дѣла, упражняются въ безплодной и глупой игрѣ въ безтолковую революцію или въ безшабашномъ озорничествѣ направо и налѣво.

Рѣшенія Сената, безъ сомнѣнія, можно критиковать, опровергать и осуждать, но искать въ нихъ революціоннаго или противоправительственнаго направленія болѣе чѣмъ странно: вѣдь не можетъ же Правительствующій Сенатъ подкапываться подъ основы организаціи, во главѣ которой самъ стоитъ.

Русская пословица утверждаетъ, что отъ дѣлъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. А 151 милліонъ рублей нажить можно? Говорятъ и печатаютъ, что именно такое громадное состояніе оставилъ умершій на-дняхъ баронъ Штиглицъ. Впрочемъ, онъ отъ отца своего получилъ въ наслѣдство 30 милліоновъ, слѣдовательно, прибавилъ къ нимъ только 120 милліоновъ, а помнится le père Goriot у Бальзака говоритъ, что трудно нажить лишь первые 100 франковъ, а затѣмъ уже деньги къ рукамъ липнутъ, слѣдовательно, остальные 120 милліоновъ Штиглица прилипли къ тѣмъ 30, которые

онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца. Но какъ отецъ нажилъ тѣ первые 30 милліоновъ? Въ объясненіе этого нѣкоторыя газеты напечатали письмо графа Растопчина къ Императору Александру I въ отечественную войну. Достовѣрно ли это письмо, не знаю, но вотъ оно: „Нужно было отправить въ войска вина, по требованію военнаго министра. Въ вашихъ складахъ находится до 370 тысячъ бочекъ. Оно даже не нужно откупщикамъ. Я отправилъ 23 тысячи ведеръ въ Вязьму, но потомъ, при приближеніи, отправка была пріостановлена министромъ финансовъ, который находитъ, что ваше вино должно быть сохраняемо въ цѣлости, но благосклонно условился съ жидомъ Перетцомъ и его здѣшнимъ помощникомъ Штиглицомъ, которые доставятъ 20 тысячъ ведеръ войскамъ по 5 рублей, тогда какъ ваше вино стоитъ по 2 руб. 50 коп. ведро. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о хорошемъ предпріятіи, которое принесетъ 500 тысячъ рублей этому жиду".

Слѣдовательно, по словамъ графа Растопчина это хорошее предпріятіе должно принести 500 тысячъ рублей этому еврею, т. е. Перетцу при такихъ обстоятельствахъ русской исторіи, когда государству каждая копѣйка была необходима для борьбы почти со всею Европою, предводительствуемой Наполеономъ I. Очевидно, что это предпріятіе, саркастически называемое графомъ Растопчинымъ хорошимъ, можетъ, въ такомъ же смыслѣ, быть названо и патріотичнымъ. А если отъ этого хорошаго патріотическаго предпріятія, въ столь трудную для Россіи минуту, Перетцу отчислилось 500 т. рублей барыша, то надо полагать, что изъ этого барыша помощнику его—Штиглицу досталась такая доля, къ которой могли уже липнуть десятки и сотни тысячъ рублей. И вотъ, быть можетъ, начало того колоссальнаго богатства, при извѣстіи о которомъ ахнуло все современное русское общество.

Надо думать вѣроятно, что при печатаніи письма графа Растопчина допущена важная опечатка, и что вѣроятно Перетцъ съ Штиглицомъ обязались поставить для войска не 20 т. ведеръ, а 200 тысячъ, потому что, если бы они поставили только 20 тысячъ, то получили бы барыша всего 50 т. руб., а не 500 т. Но поставили ли они 20 тысячъ и получили только 50 т. барыша, или поставили 200 т. ведеръ и получили 500 т. рублей барыша, во всякомъ случаѣ они получили, въ трудную для Россіи минуту, барыша не болѣе какъ сто на сто или рубль на рубль, а въ наше время это считается такою аферою, о которой и говорить не стоитъ. Наши современные финансисты, банкиры, биржевики, желѣзнодорожники дѣлаютъ такіе фокусы, что на ноль стараются получить милліоны. И вотъ на что слѣдовало бы обратить вниманіе и принять мѣры,

чтобъ прекратить такую безсовѣстную и наглую эксплоатацію государствъ и народовъ. Но объ этомъ никто не думаетъ.

Въ настоящее время биржа, банки, государственные займы и всѣ вообще большія финансовыя предпріятія ведутъ только къ безумному обогащенію нѣсколькихъ лицъ и къ разоренію государствъ и народовъ, а тупоумныя наши, или подкупныя финансовыя головы придумываютъ только средства, какъ бы этимъ лицамъ богатѣть да богатѣть на счетъ общественнаго достоянія; но никто не задавался и не задается мыслію, какъ бы поставить этому гнусному расхищенію народныхъ достояній должныя преграды. Между тѣмъ это зло такъ велико, такъ ощутительно, такъ бросается всѣмъ въ глаза, что пора бы, кажется, убѣдиться во вредѣ и фальши всѣхъ этихъ поразительныхъ финансовыхъ фокусовъ, посредствомъ которыхъ мгновенно создаются колоссальныя состоянія разныхъ ловкачей, а убѣдившись въ этомъ вредѣ и фальши, слѣдовало бы подумать и о мѣрахъ къ отвращенію ихъ. Иначе всѣмъ придется попасть въ кабалу къ нѣсколькимъ самымъ подлымъ и самымъ нахальнымъ аферистамъ. Да ужъ не поздно ли?.. Ужъ не попали ли мы всѣ, и съ княземъ Бисмаркомъ, въ эту презрѣнную кабалу?..

Хороша же цивилизація просвѣщеннаго XIX вѣка!..

Счастливъ тотъ, кто, проживъ много лѣтъ, имѣлъ не много дней, часовъ и минутъ, которые онъ желалъ бы выключить изъ своей жизни; еще счастливѣе тотъ, кто совсѣмъ не имѣлъ такихъ дней, часовъ и минутъ;—но есть ли такіе счастливцы? Для этого необходимо быть совсѣмъ святымъ человѣкомъ, или человѣкомъ-животнымъ безъ совѣсти и безъ сознанія своихъ обязанностей къ себѣ и другимъ.

При невозможности быть вполнѣ счастливымъ въ смыслѣ святого, избави Богъ каждаго отъ бѣдствія быть счастливымъ въ смыслѣ только животнаго.

Ноябрь 1885 г.

Большую и твердую надо имѣть вѣру въ необходимость и разумность всего, что совершается въ исторіи, чтобъ не приходить въ смущеніе и раздраженіе.

Возьмемъ для примѣра хотя бы современный эпизодъ на Балканскомъ полуостровѣ: сначала нахальная выходка болгаръ съ ихъ княземъ Александромъ во главѣ противъ постановленій берлинскаго трактата, выходка, разсчитанная явно на предполагаемую невозмож-

*

ность для Россіи оставить болгаръ безъ вооруженной поддержки;— потомъ подлая и ничѣмъ не оправдываемая война опереточнаго сербскаго короля Милана противъ тѣхъ же болгаръ. Извольте читать о всемъ этомъ спокойно, безъ волненія и раздраженія.

Правда, все это для насъ болѣе или менѣе внѣшнія дѣла, но вѣдь нѣтъ однако же никакой возможности совершенно отдѣлить и отрѣзать ихъ отъ жизни русскаго государства: какъ же не болѣть и не разрываться русскому сердцу?

А въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ надо быть очень храбрымъ или очень равнодушнымъ ко всему человѣкомъ, чтобъ не бояться за будущее, по крайней мѣрѣ ближайшее, потому что далекое будущее выработается несомнѣнно само собою и независимо отъ случайныхъ современныхъ дѣятелей, которые, быть можетъ, безсознательно желали бы свернуть исторію великаго народа съ колеи, назначенной ему Провидѣніемъ.

Октябрь, 1886 годъ.

Очень прискорбно мѣнять хорошее о комъ-нибудь мнѣніе на дурное. Прискорбно было бы и мнѣ мѣнять свое мнѣніе о графѣ Петрѣ Андреевичѣ Шуваловѣ, высказанное много лѣтъ тому назадъ въ этихъ запискахъ. Впрочемъ, тогда онъ былъ шефомъ жандармовъ и мое мнѣніе о немъ, какъ о шефѣ жандармовъ, могло быть вѣрно: послѣ того онъ былъ русскимъ посломъ въ Англіи, и здѣсь онъ оказался, какъ утверждаютъ теперь, самымъ вреднымъ человѣкомъ для Россіи. Ему приписываютъ ту безрезультатность послѣдней турецкой войны, которая покрыла Россію военною славою, но не дала намъ никакихъ существенныхъ результатовъ. Послѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ нами въ эту войну, мы вдругъ остановились у самаго входа въ Константинополь и остановились, какъ предполагаютъ теперь, только вслѣдствіе настояній нашего посла въ Лондонѣ, который представилъ будто бы покойному Императору весь рискъ и всѣ ужасы войны съ могущественною Англіею, тогда какъ ему болѣе всѣхъ должно было быть извѣстно, что Англія и не готова была къ войнѣ и не намѣрена была начинать ее. Такимъ образомъ вслѣдствіе его увѣреній, мы не рѣшились будто бы войти въ Константинополь и завладѣть Дарданеллами, чѣмъ разомъ были бы удовлетворены наши существенные, историческіе интересы на Черномъ морѣ.

Вѣрны ли всѣ эти предположенія или нѣтъ, я не знаю, но они очень вооружаютъ общественное мнѣніе противъ гр. Шувалова. А потому этотъ могущественный нѣкогда человѣкъ въ настоящее цар-

ствованіе не имѣетъ никакой силы, никакого значенія. Онъ доживаетъ теперь свою жизнь въ числѣ тѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта, которые не имѣютъ собственно никакого вліянія.

Вотъ ужъ по истинѣ къ кому отлично примѣняется стихъ: „Его примѣръ другимъ наука“. И примѣръ какой: не для подражанія, а для избѣжанія. Въ самомъ дѣлѣ, что ему было нужно?

Родился онъ знатнымъ бариномъ и могъ окончить жизнь блестящимъ генералъ-адъютантомъ русскаго Императора. Вѣдь ему не нужно было домогаться какой бы то ни было карьеры, какъ Сольскому, Перетцу или Филиппову. Зачѣмъ ему было идти въ послы — и куда же?—въ Лондонъ, гдѣ англичане обошли его кругомъ и сдѣлали, какъ говорятъ теперь, изъ русскаго посла своимъ агентомъ. Это удивительная страсть у многихъ русскихъ, даже даровитыхъ людей, бросаться на всѣ должности, даже и такія, о которыхъ они не имѣютъ никакого понятія, и на которыхъ они навѣрно запятнаютъ свое имя позоромъ, а отечеству своему надѣлаютъ много вреда. Другая, такая же предосудительная страсть многихъ русскихъ людей состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ вездѣ и всѣ хвалили и прославляли въ глаза. Въ удовлетвореніе этой страсти какихъ глупостей, какихъ пошлостей не говорится и не дѣлается!

А все это отъ чего? Отъ того, что многіе русскіе люди, несмотря на блестящее, повидимому, образованіе, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о самыхъ простыхъ азбучныхъ, какъ дважды два четыре, истинахъ и правилахъ жизни и нравственности, которыми самый обыкновенный, но здравомыслящій человѣкъ не рѣшится пожертвовать даже въ угоду графу Биконсфильду.

Желательно было бы, чтобъ графъ Шуваловъ оставилъ хотя записки въ объясненіе той роли, которую онъ игралъ во время той войны и во время берлинскаго пораженія Россіи въ награду за всѣ ея побѣды и за всѣ ея жертвы. Если онъ не сдѣлаетъ и этого, то что же онъ за человѣкъ, глупецъ или циникъ?

А мнѣ кажется, что мы скомкали всѣ результаты той войны только потому, что кровопролитія опротивѣли Императору Александру II.

Зачѣмъ же было начинать!

3-го ноября 1866 года умеръ А. В. Головнинъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ его назвалъ кто-то неудавшеюся креатурою Великаго Князя Константина Николаевича. Въ объясненіе этого я

долженъ сказать, что если высокое оффиціальное полженіе Головнина (онъ былъ короткое время даже министромъ народнаго просвѣщенія) было создано Великимъ Княземъ, въ то время всемогущимъ, то нравственная или, лучше сказать, государственная личность самого Великаго Князя образовалась въ значительной степени подъ вліяніемъ Головнина. Слѣдовательно, и тотъ и другой имѣли рѣшающее вліяніе въ судьбѣ одинъ другого. Нельзя сказать, чтобъ это взаимное вліяніе отразилось особенно благодѣтельно въ судьбахъ Россіи.

Головнинъ былъ безспорно умный или вѣрнѣе остроумный царедворецъ и умѣлъ пріобрѣсти огромное вліяніе на Великаго Князя, вліяніе до того сильное, что онъ могъ даже выводить своихъ товарищей (напр., Рейтерна) въ министры, но затѣмъ какая же у него была государственная программа? Я не думаю, чтобъ была какая-нибудь потому, что нельзя же назвать государственною программою отрывочныя, быть можетъ иногда очень хорошія, а иногда только пикантныя мысли, вычитанныя въ разныхъ русскихъ и нерусскихъ книжкахъ, мысли, которыя онъ не только проводить въ жизнь, но даже подъ конецъ и высказывать не всегда рѣшался.

Нѣтъ, это не былъ государственный человѣкъ. — Россія со смертію его ничего не потеряла.—А Великій Князь потерялъ очень много: ему Головнинъ былъ необходимъ, какъ человѣкъ, сообщавшій ему все, что могло его интересовать въ мірѣ литературномъ и ученомъ. Великому Князю, конечно, читать было некогда, а знать всѣ ученыя и литературныя, особенно пикантныя новости нравилось, и вотъ этой прихоти вполнѣ удовлетворялъ Головнинъ, чтецъ неутомимый и докладчикъ прочитаннаго неподражаемый. Вотъ почему и установились между ними такія близкія отношенія, что Головнинъ почти каждый день заходилъ по утру къ Великому Князю пить чай и тутъ передавалъ ему все, что онъ прочиталъ и что считалъ для Великаго Князя интереснымъ. Читалъ Головнинъ очень много о предметахъ, чрезвычайно различныхъ, и все это, вѣроятно, передавалъ Великому Князю, въ головѣ котораго собирались такимъ образомъ наскоро и легко добытыя свѣдѣнія.

Если разнообразныя, часто одни другимъ противорѣчащія мысли и воззрѣнія примѣнять въ жизни великаго государства, то будетъ ли это благодѣтельно для судьбы этого государства?

Къ сожалѣнію, почти всѣ наши государственные люди раздѣляются на двѣ неравныя половины: одна, наиболѣе многочисленная, почти ничего не читаетъ, другая читаетъ очень много, такъ много,

что даже не успѣваетъ провѣрить прочитаннаго съ условіями и потребностями русской жизни, а потому нечитающая половина государственныхъ русскихъ людей должна управлять Россіею по докладамъ своихъ канцелярій и на основаніи своихъ личныхъ фантазій, а читающая по теоріямъ и фантазіямъ иностранныхъ писателей; разумѣется, не говоря о рѣдкихъ исключеніяхъ, ни канцеляріи петербургскія, ни писатели иностранные — Россіи не знаютъ. Вопросъ только въ томъ, кто не знаетъ ея болѣе, и чье незнаніе полнѣе?

Каковъ былъ Головнинъ въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, — это вопросъ спорный, который я не берусь рѣшать, но нельзя не замѣтить, что результатомъ его четырехлѣтняго управленія этимъ важнымъ министерствомъ было почти повсемѣстное возбужденіе учащейся молодежи, отразившееся во многихъ очень прискорбныхъ волненіяхъ въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Причиною этому, быть можетъ, было то, что вычитанныя изъ разныхъ книжекъ пикантныя мысли гораздо удобнѣе и спокойнѣе укладываются въ головахъ пожилыхъ, высокочиновныхъ людей, когда они передаютъ ихъ другъ другу за чаемъ или вкуснымъ обѣдомъ, или за хорошею послѣобѣденною сигарою, нежели въ головахъ профессоровъ, учителей и особенно легко воспламеняющейся молодежи.

Когда Головнинъ былъ министромъ, я его почти совсѣмъ не зналъ; но достоинство его управленія министерствомъ уже потому сомнительно, что оно сдѣлало возможнымъ и почти необходимымъ управленіе этимъ министерствомъ графа Толстого, которое тяжелымъ гнетомъ лежало много лѣтъ на всемъ учащемся юношествѣ. Близко узналъ я Головнина, когда онъ сдѣлался членомъ Государственнаго Совѣта, въ которомъ я былъ статсъ-секретаремъ. Какъ членъ Государственнаго Совѣта, онъ выступалъ иногда, по нѣкоторымъ вопросамъ, съ отлично подготовленными рѣчами, часто пересыпанными даже искусственною солью. Рѣчи его всегда были приготовлены заранѣе, въ пререканія и споры онъ не входилъ; онъ произносилъ только одну рѣчь, а тамъ будь что будетъ, ему казалось все равно. Очевидно, всѣ эти рѣчи были заранѣе извѣстны Предсѣдателю Совѣта, т. е. Великому Князю Константину Николаевичу, но, несмотря на это, всѣ эти рѣчи произносились все-таки очень осторожно — таковъ ужъ былъ характеръ Головнина. Говорилъ ли онъ рѣчи и какъ говорилъ послѣ выбытія изъ Совѣта Великаго Князя, не знаю.

Вспоминая все это, я остаюсь при вышесказанномъ мнѣніи, что Головнинъ не былъ государственнымъ человѣкомъ (въ европей-

скомъ смыслѣ слова). Впрочемъ, всѣ министры были таковы: Рейтернъ, Грейгъ, Краббе, Сольскій, Перетцъ—развѣ это государственные люди? Правда, нѣкоторые изъ нихъ могли бы быть отличными чиновниками, но—и только!

Какъ хозяинъ, Головнинъ былъ очень любезенъ и давалъ такіе обѣды, какихъ рѣдко гдѣ найдешь въ Петербургѣ.

Миръ праху его! Да проститъ онъ мнѣ, если я написалъ о немъ что-либо ошибочно, тѣмъ болѣе, что, въ сравненіи со многими другими, онъ куда былъ лучше!...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ жизни судебнаго дѣятеля.

I.

Въ маѣ 1896 года, когда я, послѣ усиленныхъ занятій по должности судебнаго слѣдователя, вышелъ въ садъ при своей квартирѣ, чтобы немного поразмяться и подышать свѣжимъ воздухомъ, мнѣ подали телеграмму. Думая вначалѣ, что телеграмма эта служебная, такъ какъ городъ, гдѣ я проживалъ, расположенъ на желѣзной дорогѣ, и мнѣ очень часто сообщалось о различныхъ кражахъ и тому подобныхъ происшествіяхъ, я не обратилъ вначалѣ на нее должнаго вниманія и сталъ машинально распечатывать, но каково же было мое удивленіе, когда я прочелъ въ ней слѣдующее: „Прокуроръ палаты предлагаетъ Вамъ должность товарища прокурора въ Архангельскъ, отвѣтъ телеграфируйте немедленно. Прокуроръ Архангельскаго Окружнаго Суда Г.“ Предложеніе это настолько было для меня неожиданно и ново, что сначала я не могъ сообразить: радоваться ли этому повышенію по службѣ или смотрѣть на это назначеніе, какъ на ссылку меня куда-то очень, очень далеко. Не зная за собою никакихъ провинностей, а наоборотъ постоянно слыша о своей дѣятельности довольно лестные отзывы, я понялъ это предложеніе, какъ поощреніе за мои труды, и сознавая въ то же время, что всякій отказъ могъ бы вредно отразиться на моей дальнѣйшей служебной карьерѣ, я, долго не раздумывая, рѣшилъ принять предложеніе. Оставалось лишь сообщить эту крупную новость женѣ, которой не было дома, и для очистки совѣсти, посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь изъ болѣе опытныхъ моихъ сослуживцевъ. Вотъ тутъ-то, совершенно неожиданно, и встрѣтились для меня препятствія съ той стороны, съ которой я

менѣе всего ожидалъ. Возвратившаяся домой жена, узнавши еще отъ прислуги объ этой новости, буквально влетѣла ко мнѣ въ комнату и, плача, повторяла: „неужели ты примешь это предложеніе?“, всячески стараясь въ то же время отговорить меня. Успокоивъ ее, насколько могъ, я сказалъ, что подумаю, и отправился посовѣтоваться съ посѣдѣвшимъ уже на службѣ уѣзднымъ членомъ А. Г. Р., хотя уже въ душѣ твердо рѣшилъ принять предложеніе. Р. не только не сталъ меня отговаривать, но наоборотъ высказалъ, что я положительно счастливецъ, такъ какъ служу только годъ и получаю повышеніе, что мнѣ дадутъ очень хорошія подъемныя, и что этимъ назначеніемъ высказывается мнѣ особое благоволеніе начальства, такъ какъ придется дѣйствовать при введеніи въ Архангельской губ. судебной реформы, т. е. быть однимъ изъ новаторовъ. Насколько былъ правъ А. Г. Р., это будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, а пока что эти доводы окончательно успокоили и жену, убѣдивъ и ее въ невозможности отказа. Сейчасъ же былъ посланъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что я съ благодарностью принимаю предложеніе, а на другой день я телеграфировалъ въ Смоленскъ предсѣдателю суда о разрѣшеніи мнѣ отлучки на поѣздку въ Москву и, получивъ таковое, отправился съ 8-ми часовымъ, вечернимъ поѣздомъ представиться прокурору палаты и лично изъявить свое согласіе. Въ Москвѣ въ это время происходили коронаціонныя торжества. Всюду царило большое оживленіе, и добиться аудіенціи его превосходительства было не особенно легко. Получивъ эту аудіенцію, часовъ около 5 вечера, я нашелъ своего генерала въ отмѣнно хорошемъ расположеніи духа. Высказавъ мнѣ, что мое назначеніе указываетъ на особое съ его стороны довѣріе, онъ между прочимъ сказалъ, что у него на рукахъ цѣлые фоліанты ходатайствъ о назначеніи въ прокурорскій надзоръ въ Архангельскъ, и что онъ надѣется, что я вполнѣ оправдаю его довѣріе; въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ обѣщалъ не задержать меня тамъ болѣе года и перевести въ одну изъ центральныхъ губерній. Въ заключеніе прочелъ свое представленіе обо мнѣ министру и на другой день, въ 9-ть часовъ утра, приказалъ явиться къ директору 2-го департамента Ш., находившемуся также въ Москвѣ, въ мѣстѣ временнаго пребыванія министра, чтобы узнать объ окончательномъ назначеніи. Проведя остатокъ дня и весь вечеръ у своихъ знакомыхъ, я на другой день, въ 8-мь часовъ утра, отправился представиться Ш. Здѣсь меня задержали очень недолго: не прошло и пяти минутъ, какъ ко мнѣ вышелъ Ш. и поздравилъ съ состоявшимся назначеніемъ, при чемъ сказалъ, что къ 1 іюля, т. е. дню открытія суда, я обязанъ быть уже въ Архангельскѣ. Въ тотъ же

вечеръ я выѣхалъ въ свою милую Сычевку. Черезъ нѣсколько дней въ Сычевку пріѣхалъ кандидатъ на судебныя должности Г., которому я и передалъ всѣ имѣвшіяся у меня на рукахъ дѣла и книги, а самъ сталъ понемногу снаряжаться въ дальній путь. Возложивъ всѣ хлопоты по ликвидаціи своего хозяйства на жену, я отдалъ весь свой досугъ своимъ дорогимъ знакомымъ, проводя всѣ вечера въ ихъ обществѣ. При разлукѣ они меня чествовали въ клубѣ прощальнымъ обѣдомъ, по подпискѣ, и тутъ въ задушевныхъ рѣчахъ проявлено было то, что не забывается и не забудется во всю жизнь. Безъ малѣйшаго прибавленія и съ полной искренностью я высказалъ своимъ друзьямъ, что считалъ бы себя вполнѣ счастливымъ, если бы въ Архангельскѣ хотя половину снискалъ себѣ того расположенія, которое пріобрѣлъ здѣсь. По окончаніи обѣда, напутствуемый благожеланіями друзей, я выѣхалъ изъ дорогой для меня Сычевки въ далекій Архангельскъ, увозя съ собою самыя свѣтлыя и хорошія воспоминанія. Но, покидая окончательно Сычевку, было бы грѣшно и несправедливо обойти молчаніемъ двѣ стоявшія близко ко мнѣ и вообще къ моему дому личности: это мой письмоводитель Иванъ Васильевичъ М. и прислуга, пожилая женщина Евѳимія. Первый изъ нихъ старожилъ г. Сычевки, переходящій, какъ бы по наслѣдству, отъ слѣдователя къ слѣдователю, по истинѣ рѣдкій по своимъ нравственнымъ качествамъ человѣкъ, и если бы было принято видѣть за письменнымъ столомъ подвижниковъ, я бы его непремѣнно причислилъ къ лику самыхъ угодныхъ Богу людей: это воплощеніе доброты, честности и трудолюбія; человѣкъ, который въ жизни своей не обидѣлъ и не могъ обидѣть мухи, при чемъ всѣ эти качества облечены были въ такую форму благородства и скромности, что всякій, видящій его въ первый разъ, невольно проникается къ нему уваженіемъ, которое, при постепенномъ знакомствѣ и общеніи, переходитъ прямо въ любовь. Постигнетъ ли васъ какое-либо несчастіе, непріятность, этотъ человѣкъ принимаетъ всѣ ваши интересы къ своему сердцу такъ близко, какъ и свои собственные, при чемъ всегда найдется сказать вамъ такое слово утѣшенія, которое не можетъ не подѣйствовать на васъ самымъ лучшимъ образомъ, какъ по своей искренности, такъ и аргументаціи, обоснованной исключительно на любви къ Богу и ближнему; всѣ слова его всегда шли въ самой строгой послѣдовательности съ его поступками: онъ не заикнется о какой-либо добродѣтели, не будучи въ состояніи проявить ее самъ, а наоборотъ дѣлаетъ все доброе такъ скромно и незамѣтно, что у него положительно не видно было разницы между словомъ и дѣломъ. Какъ на разительный примѣръ его любви къ ближнему, могу указать на одинъ трагическій случай, бывшій съ

моимъ предшественникомъ по должности, судебнымъ слѣдователемъ Л. Я. Д. Однажды въ глухую, дождливую осень, Л. Я. пришлось вмѣстѣ съ И. В. поѣхать по дѣлу въ уѣздъ, верстъ за 30. Когда Л. Я., сидя въ курной избѣ, на лавкѣ записывалъ свидѣтельскія показанія, онъ замѣтилъ, что бывшая тутъ старушка все время плакала. На вопросъ, о чемъ это слезы, она отвѣтила: „да вотъ, батюшка, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты сидишь, вчера только лежала моя умершая внучка". При дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что умерла эта дѣвочка отъ черной оспы, которой, къ несчастью, не преминулъ заразиться и Л. Я. Еще дорогой онъ почувствовалъ жаръ и головную боль, а когда пріѣхалъ, то окончательно слегъ, пораженный этой оспой, и вотъ все время его болѣзни, продолжавшейся нѣсколько недѣль, когда самые близкіе его родственники не рисковали взглянуть на него иначе, какъ черезъ стеклянную дверь его спальни, Иванъ Васильевичъ совершенно добровольно и безплатно взялъ на себя роль брата милосердія и провелъ у изголовья больного все время до самаго выздоровленія. Господь хранилъ этого добраго человѣка, и онъ не захворалъ. Прислуга Евѳимія, о которой я упомянулъ на-ряду съ Иваномъ Васильевичемъ, отличалась такими комическими сторонами своего характера, которыя, при однообразіи жизни въ Сычевкѣ, не разъ оказывали мнѣ добрую услугу, приводя меня въ самое хорошее расположеніе духа. Прежде всего Евѳимія какъ нельзя болѣе подходила къ характеру моей дѣятельности: это была уголовная дама въ полномъ смыслѣ этого слова. Необыкновенно высокаго роста и богатырскаго сложенія, Евѳимія уже лѣтъ 20-ть вела безконечныя тяжбы изъ-за земли, которую будто бы у нея отняли ея однодеревенцы.

Постепенно переходя всѣ судебныя инстанціи и вездѣ проигрывая тяжбы, Евѳимія, въ бытность свою у меня, порѣшила обратиться и къ извѣстному намъ А. Г. Р.; и вотъ какъ разъ, когда я случайно сидѣлъ у послѣдняго въ кабинетѣ и просматривалъ газету, въ сосѣднюю компату, его камеру, вошла Евѳимія и начала уже давнымъ давно ему извѣстный разговоръ относительно своей земли. А. Г. вздумалъ надъ ней пошутить и сказалъ ей: „знаешь что, Евѳимія, ужъ ты подавала вездѣ и все не выгораетъ, попробуй-ка подать президенту Французской республики".

Каково же было мое удивленіе, когда вдругъ я услышалъ, что Евѳимія громкимъ и раздраженнымъ голосомъ ему отвѣтила: „ахъ ты, шутиха старый, развѣ я сама не знаю, кому что принадлежитъ". Интересъ у нея къ отправленію правосудія былъ настолько великъ, что она непремѣнно ухитрялась спрятаться какъ-нибудь

за шкафъ и послушать, какъ я допрашиваю. Въ особенности она была интересна, когда приходилось производить обрядъ примирительнаго разбирательства между родителями и дѣтьми. Вотъ какой-нибудь упрямый сынъ, отказывающійся, несмотря на всѣ мои старанія, просить у отца прощеніе, начинаетъ понемногу сдаваться и въ концѣ концовъ падаетъ со слезами передъ нимъ на колѣни; происходитъ трогательная сцена, сопровождаемая поцѣлуями и всхлипываніями, среди которыхъ громче всѣхъ слышатся изъ-за шкафа всхлипыванія умилившейся Евѳиміи. А когда случался народъ изъ ея деревни и волости, то Евѳимію не затащишь въ кухню никакими силами, и горе бывало щамъ и телятинѣ, которыя въ это время приготовлялись на кухнѣ. Въ общемъ же это была крайне старательная и честная женщина. Чтобы уже окончательно покончить съ воспоминаніями о Сычевкѣ, упомяну еще о своемъ вѣрномъ другѣ изъ міра животныхъ: это Санъ-Бернаръ „Бари“, не захотѣвшій пережить со мною разлуки, когда я уѣзжалъ въ Архангельскъ: онъ затянулся на веревкѣ въ то время какъ его везли въ усадьбу къ одному помѣщику, которому я его подарилъ. По истинѣ трогательна была привязанность ко мнѣ этой собаки и по истинѣ душу раздирающая была картина разставанія съ нею, лучше и не вспоминать подробности.

II.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Архангельскъ, поэтому конечно мое перо отказывается отъ описанія жизни въ сѣверномъ краѣ въ подробностяхъ, но многое у меня еще въ памяти, и я попробую нарисовать приблизительную картину жизни въ этомъ, по мнѣнію многихъ, холодномъ, но моему лично, крайне привѣтливомъ и симпатичномъ городѣ. Очень живописный, на берегу рѣки С. Двины и въ близкомъ разстояніи отъ моря, предсталъ, наконецъ, послѣ пятидневнаго однообразнаго путешествія на пароходѣ, передъ моими глазами, блещущій золотыми куполами церквей, Архангельскъ. Это было въ послѣднихъ числахъ іюня, рано утромъ, когда ярко свѣтило на мигъ скрывшееся солнце. Я сказалъ на мигъ, это вѣрно, такъ какъ это былъ періодъ такъ называемыхъ бѣлыхъ ночей. Непривычному къ этой игрѣ въ природѣ человѣку очень трудно оріентироваться, когда кончается день, и наступаетъ ночь, такъ какъ все время свѣтло на столько, что вы въ полночь, въ комнатѣ, безъ огня, можете читать самую мелкую печать и вышивать тончайшіе узоры. Гостиница, гдѣ мнѣ пришлось остановиться, на самомъ берегу рѣки, которая, какъ только можно было

окинуть взоромъ, была вся сплошь усѣяна судами, начиная съ огромныхъ морскихъ пароходовъ и кончая маленькими баркасами. По истинѣ красивая картина, при чемъ такъ и чувствовалось, что вода здѣсь все для человѣка, — его сердце; всюду вьющіяся надъ рѣкой бѣлыя птицы, рыбники, свидѣтельствовали, что рыба здѣсь составляетъ главное въ промышленности богатство. Городъ весь растянулся, какъ бы въ одну линію, при чемъ абсолютная вездѣ чистота прямо поражала. Прекрасные деревянные, высокіе тротуары, красивые каменные и деревянные дома, всюду почти на окнахъ растенія, весьма чисто и, можно сказать, съ европейскимъ шикомъ одѣтые горожане и горожанки (среди послѣднихъ масса красивыхъ лицъ), все это мигомъ заставило забыть, что я далеко отъ центра Россіи, и какъ рукой сняло всякую усталость, заставивъ въ то же время напряженно присматриваться ко всему окружающему. Проѣхавъ по главной улицѣ, „Троицкой“, версты $1^1/_2$, мой извозчикъ свернулъ влѣво и привезъ меня къ грандіозному каменному, окрашенному въ желтую краску, зданію окружнаго суда. Осмотрѣвъ вскользь внутреннее помѣщеніе, гдѣ къ предстоящему торжеству открытія все чистилось и красилось, и повидавшись кое съ кѣмъ изъ съѣхавшихся сослуживцевъ, я вернулся въ гостиницу въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, такъ какъ всѣ мои страхи передъ Архангельскомъ, представлявшимся моему воображенію чѣмъ-то очень непривѣтливымъ, отрѣзаннымъ отъ живого міра, мигомъ разлетѣлись, и я сразу почувствовалъ себя, какъ дома. Не безъ пріятнаго удивленія пришлось наблюдать и то, что днемъ была не менѣе жаркая погода, чѣмъ и въ центральныхъ губерніяхъ; близость и обиліе воды дѣлали воздухъ особенно пріятнымъ, свѣжимъ и бодрящимъ, но за то къ вечеру жаркій день дѣлалъ неожиданный сюрпризъ: сразу становилось такъ прохладно, что приходилось одѣвать драповое пальто, т. к. температура спускалась съ 20—25 гр. по Реом. до 6—7. Съ хорошими людьми вездѣ будетъ хорошо, а архангельскіе жители вообще, сослуживцы же въ частности, оказались очень простыми, милыми и симпатичными. Конечно, были и нѣкоторыя исключенія, но они терялись въ общей массѣ добродушія, гостепріимства и прямо поразительной простоты, поэтому я лично почувствовалъ себя съ первыхъ же дней, какъ дома, въ родной обстановкѣ. Дальнѣйшая жизнь вполнѣ убѣдила меня въ этомъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю свою жизнь на далекомъ сѣверѣ. Торжество открытія суда прошло очень пышно. Празднества продолжались два дня: въ первый день городъ дѣлалъ намъ парадный обѣдъ, а на второй день мы дѣлали городу отвѣтный, по подпискѣ, при чемъ съ каждаго изъ

насъ, по крайней мѣрѣ, съ товарищей прокурора, считая тутъ и сниманіе группъ, пришлось что-то около 30 рублей,—сумма, очень ощутительная для моего бюджета, такъ какъ очень хорошія подъемныя, о которыхъ говорилъ милѣйшій А. Г. Р., выразились въ ассигнованіи мнѣ ста рублей и 84 р. прогонныхъ за 1.535 верстъ, считая по чину губернскаго секретаря, который я тогда имѣлъ, а не по классу должности. Если же къ этому присоединить вычетъ за повышеніе въ должности, то рессурсы, съ которыми пришлось совершить свое переселеніе въ Архангельскъ, были болѣе, чѣмъ мизерны. Наканунѣ открытія, вечеромъ, весь судъ и прокурорскій надзоръ, in corpore, встрѣчали на пристани наше высшее начальство: сенатора З. и прокурора Московской судебной палаты Н. П. П., которые пріѣхали на открытіе со свитой, въ лицѣ секретарей Г. и О. и кандидатовъ на судебныя должности М. и графа В. Служившіе въ центральныхъ губерніяхъ и часто сталкивавшіеся со своимъ начальствомъ чувствовали себя совсѣмъ спокойно и весело, но за то назначенные изъ упраздняемой Архангельской палаты казались по наружному виду какими-то сконфуженными и жалкими, но это продолжалось не болѣе 5—10 минутъ, а когда З., и въ особенности П., сказали каждому изъ представлявшихся по нѣскольку любезныхъ словъ, настроеніе всѣхъ сразу приподнялось, и всѣ торжественные и веселые, стали разъѣзжаться по своимъ домамъ съ тѣмъ, чтобы на завтра собраться въ судъ, на открытіе его.

Открытіе началось съ молебствія, совершеннаго архіерейскимъ служеніемъ, при чудномъ, большомъ хорѣ пѣвчихъ, а затѣмъ З. было объявлено Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи палаты уголовнаго и гражданскаго суда, прочитанъ списокъ назначенныхъ лицъ, и Архангельскій судъ былъ открытъ. Пропѣтъ былъ дважды народный гимнъ, покрытый дружными криками „ура!“. Солнце свѣтило ярко, разукрашенный флагами городъ имѣлъ красивый, праздничный видъ, въ особенности же ласкала взоръ видная изъ оконъ суда величественная Двина, съ массою стоявшихъ на ней судовъ. Обѣдъ въ день открытія начался въ 5 часовъ вечера; на хорахъ огромной залы гремѣлъ оркестръ военной музыки, яствъ подавалось столько, что отъ нѣсколькихъ блюдъ прямо пришлось отказываться, произносились тосты, а затѣмъ полились и рѣчи, въ особенности послѣ того, какъ неимовѣрное количество шампанскаго и другихъ винъ развязало языки ораторовъ. Вечеромъ былъ большой балъ, съ громаднымъ съѣздомъ гостей; послѣ полуночи обильный, въ родѣ обѣда, ужинъ, при чемъ невольно замѣчалось, что мы, пріѣзжіе, налегали на семгу, которая дѣйствительно заслуживала особаго вниманія по своему вкусу и нѣжности, такъ что вначалѣ чѣмъ больше ее ѣшь,

тѣмъ больше хочется, но затѣмъ, въ виду своей приторности, она скоро пріѣлась. На слѣдующій день нашъ обѣдъ городу былъ не менѣе торжественъ и обиленъ яствами, такъ что чувствовалось нѣкоторое пресыщеніе, и было пріятно, когда, наконецъ, окончились эти ваалovы празднества, и наше начальство, напутствуемое благими пожеланіями, пустилось въ обратное плаваніе.

На сердцѣ было легко, и невольно припоминалась острота одного шутника, который высказалъ, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго ландшафта, какъ спина отъѣзжающаго начальника, такъ что если не всѣ, то очень многіе, говоря по совѣсти, съ удовольствіемъ любовались этимъ ландшафтомъ, пока, наконецъ, пароходъ, увозившій нашихъ высокопоставленныхъ гостей, не скрылся изъ вида. По немногу служебная жизнь вошла въ свою колею, и всѣ мы очень заинтересовались своею новою дѣятельностью.

Предсѣдателемъ суда былъ назначенъ А. Г. П., изъ прокуроровъ упраздненной Архангельской палаты. Добрый, умный и энергичный, онъ сразу взялъ вѣрную ноту и въ качествѣ руководителя новаго суда былъ какъ нельзя болѣе на мѣстѣ. Гуманность его никогда не переходила требуемыхъ обстоятельствами границъ, а сквозь строгость проглядывала и добрая душа, необыкновенная же его тактичность дѣлала то, что въ нашемъ судѣ шло все очень гладко. Онъ былъ большой поклонникъ Архангельска и всегда высказывалъ искреннее желаніе жить именно въ этомъ городѣ, не мечтая ни о какихъ передвиженіяхъ по службѣ. Самъ онъ разсказывалъ, что въ первое время его пребыванія въ Архангельскѣ ему, обремененному большой семьей, пришлось пережить тяжелыя семейныя испытанія въ видѣ болѣзни, а затѣмъ и смерти его жены.

Въ эти тяжелыя минуты жизни онъ, по его словамъ, чувствовалъ себя однако на чужомъ, далекомъ сѣверѣ, какъ въ своей родной семьѣ. Чуткая душой Архангельская интеллигенція съумѣла доказать ему, новому человѣку, что и на окраинахъ бьется человѣческое сердце, способное откликнуться на чужое горе, и наперерывъ старалась проявить его семьѣ знаки искренняго сочувствія. Всегда необыкновенно скромный, чистенькій, онъ былъ большой мастеръ разсказывать въ своей компаніи анекдоты, количество которыхъ у него было неисчерпаемо. Очень остроумный и пріятный собесѣдникъ, онъ производилъ впечатлѣніе хорошаго оратора, хотя, къ сожалѣнію, при отсутствіи присяжныхъ засѣдателей, его ораторскія способности не могли быть въ должной мѣрѣ проявлены. По апломбу, порывистости и быстротѣ движеній, совершенно рѣзкую съ А. Г. противоположность представлялъ изъ себя нашъ прокуроръ

В. Н. Г. Небольшого роста, очень плотно сложенный, въ темно-синемъ пенснэ, всегда необыкновенно бодрый духомъ, В. Н. придерживался неизмѣннаго правила брать отъ жизни все, что она даетъ. Благодаря этому, трудно себѣ представить то количество и разнообразіе празднествъ и развлеченій, которыя придумывала въ свободное отъ занятій время его необыкновенно подвижная натура. Требовательный и самъ исполнительный по службѣ, въ частной жизни В. Н. былъ въ буквальномъ смыслѣ слова primus inter pares; его служебное превосходство никогда не чувствовалось, наоборотъ, это былъ хорошій, задушевный товарищъ, всегда умѣвшій съ необыкновеннымъ тактомъ оправдывать на дѣлѣ русскую поговорку: „служба службой, а дружба дружбой"; проведенные въ его семьѣ часы всегда останутся свѣтлымъ, хорошимъ воспоминаніемъ. Не менѣе симпатична была и его супруга Александра Васильевна, умѣвшая какъ никто соединить общество, сгладить всѣ возникавшія шероховатости, а своей безконечной веселостью и радушіемъ заставить любить себя, какъ самаго близкаго родного.

На служебныя отношенія своего супруга къ товарищамъ ея чудная душа не могла не оказывать своего добраго вліянія. Хотя и крайне рѣдко, но если В. Н., въ силу своей подвижности, моментами терялъ нужное равновѣсіе и неумышленно причинялъ кому-либо непріятное, А. В. всегда необыкновенно скоро и умѣло все улаживала, такъ что составъ нашей прокуратуры всегда жилъ одной большой, дружной семьею, а А. В. была какъ бы общей маменькой. По воскресеньямъ, въ домѣ нашего принципала, устраивались, такъ называемые, déjeunés dinatoires, и хотя столъ ломился отъ всевозможныхъ чайныхъ аксессуаровъ и вазъ съ фруктами, при надлежащемъ, умѣломъ осмотрѣ этого стола, можно всегда было найти какъ-то стыдливо заставленный печеніями и вареньями изрядный графинъ съ чуднымъ, ароматнымъ fine champagne, которому всегда и оказывалось должное вниманіе. Фантазія нашего дорогого В. Н. въ смыслѣ изысканія развлеченій была прямо изумительна, и когда обыкновенное времяпрепровожденіе начинало пріѣдаться, онъ всегда преподносилъ что-нибудь особенное, пикантное: такъ у меня остались въ памяти нѣсколько поѣздокъ на оленяхъ въ самоѣдскій чумъ (верстъ 8—10 отъ города): запряженныя въ очень низкіе, не болѣе ½ аршина вышиною, санки, или вѣрнѣе полозья, съ доскою на поверхности, олешки быстро насъ мчали по пустынной, снѣжной равнинѣ; на санкахъ, въ виду того, что онѣ были очень низки, приходилось не сидѣть, а лежать;—и вотъ когда, послѣ такого оригинальнаго путешествія, мы достигали мѣстопребыванія самоѣдовъ, то влѣзали въ ихъ чумъ (палатку), и наблюдая, какъ они со звѣрской

жадностью ѣли сырое мясо, сами доставали привезенныя съ собою лакомства, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимали ананасы, приготовленные какимъ-то особымъ способомъ, такъ что получалось впечатлѣніе полной ихъ свѣжести, А какихъ деликатесовъ у нашего принципала только не подавалось къ столу! ужъ, кажется, хороша была семга въ Архангельскѣ, но у него была всегда какая-то особенно вкусная. А знаменитыя его пикули, какъ закуска къ водкѣ? Крѣпость и острота ихъ были прямо поразительны. Товарищъ мой З. И. Д. особенно ими возмущался. „Ну, что, З. И., какъ живешь?“ спрашиваешь его. Типичный хохолъ, черный, съ крупными чертами лица, онъ, отчеканивая каждое слово, говоритъ: „Чортъ знаетъ что, чуть вчера не подохъ послѣ этихъ проклятыхъ пикулей, пришелъ домой и стоялъ какъ дуракъ передъ форткой съ разинутымъ ртомъ, все сожгло тамъ“, при этомъ, представляя, какъ вдыхалъ въ себя воздухъ, онъ раскрываетъ ротъ на столько, что становится страшно за него. З. И. къ нашему пріѣзду былъ уже, что говорится, мѣстнымъ старожиломъ. Завѣдуя еще по старымъ учрежденіямъ чуть не самымъ отдаленнымъ отъ Архангельска прокурорскимъ участкомъ и не обладая крѣпкимъ здоровьемъ, онъ, къ обновленію нашего суда, порядкомъ истрепалъ свои нервы, и будучи отъ природы очень доброй души человѣкомъ, онъ какъ-то черезъ чуръ мрачно смотрѣлъ на жизнь въ Архангельскѣ. Да оно и понятно: онъ былъ уроженецъ чудной по климату Полтавской губерніи; въ минуты раздумья онъ всегда картинно рисовалъ тамошнее приволье, но въ силу какого-то присущаго только хохламъ упрямства, онъ никогда не заикнулся о своемъ желаніи перемѣнить мѣсто службы на болѣе привольное. Всякій разъ, когда я объ этомъ заводилъ съ нимъ рѣчь и уговаривалъ его подать докладную записку, онъ съ какимъ-то остервенѣніемъ отвѣчалъ: „ни за что, пусть сами догадаются, что мнѣ здѣсь тошно“. Мало того, когда меня перевели уже, и я, при представленіи Прокурору Палаты, распинался за своего друга,—мы добились того, что З. И. былъ первымъ кандидатомъ къ переводу, т. к. Прокуроръ Палаты сказалъ: „телеграфируйте ему, чтобы подалъ докладную“. Я телеграфировалъ, писалъ, уговаривалъ, но безрезультатно: онъ остался вѣрнымъ самому себѣ и ушелъ изъ Архангельска нѣсколько лѣтъ спустя, очевидно, безъ малѣйшаго урона своего прямо болѣзненнаго самолюбія, когда ему сами предложили. Оригинальная, но въ то же время и достойная уваженія черта характера. Всегда и неизмѣнно онъ ходилъ по городу въ сопровожденіи своего любимаго пса сеттера; послѣдній сопровождалъ его и въ судъ, терпѣливо и смирно дожидаясь въ швейцарской возвращенія своего хозяина. Но какъ только З. И. показывался на лѣст-

ницѣ, его песъ приходилъ отъ радости прямо въ изступленіе и выражалъ свой восторгъ очень оригинальнымъ способомъ: съ громкимъ, раздававшимся по всему зданію суда, лаемъ, онъ, къ великому огорченію швейцара, схватывалъ первую попавшуюся галошу въ зубы и огромными прыжками несся по двору суда, а затѣмъ и на улицу; швейцаръ, конечно, бѣжалъ за нимъ и отнималъ; иногда же восторгъ пса переходилъ уже всѣ границы приличія: онъ тащилъ въ зубахъ разостланный въ швейцарской половикъ. Сѣтованьямъ и причитаньямъ швейцара тогда уже не было предѣловъ. Самъ З. И. былъ безсиленъ положить предѣлъ нарушенію его псомъ судейской тишины и спокойствія, т. к., если онъ его запиралъ у себя въ квартирѣ, тотъ ухитрялся непремѣнно выскочить, когда прислуга приходила убирать комнаты, а въ швейцарскую попадалъ, пробираясь сзади ногъ кого-нибудь изъ входившихъ. Впослѣдствіи къ этому всѣ такъ привыкли, что безъ пса З. И. въ швейцарской чего-то не доставало. Судьба не благопріятствовала оригинальному и доброму З. И. въ выборѣ себѣ людей по сердцу, но я самъ былъ свидѣтелемъ, на сколько сильно и прочно онъ могъ полюбить товарища и привязаться къ нему: въ моемъ домѣ онъ былъ, какъ свой человѣкъ, и видѣлись мы съ нимъ по нѣсколько разъ въ день. Прямо трудно повѣрить, когда однажды передъ поѣздкой въ Онегу, онъ пришелъ совсѣмъ разстроенный и и категорично, со слезами на глазахъ, заявилъ, что онъ не останется безъ меня въ Архангельскѣ, а поѣдетъ мнѣ сопутствовать; большого труда мнѣ стоило его отговорить не дѣлать этого, т. к. это угрожало бы ему и служебными непріятностями. Да, это былъ въ полномъ смыслѣ слова другъ и товарищъ, и если бы было такихъ побольше, какъ бы легка и пріятна была вообще служба. Вспоминая этого чуднаго человѣка, невольно приходитъ на умъ сравненіе хотя бы съ составомъ прокурорскаго надзора въ одной изъ центральныхъ губерній, гдѣ мнѣ пришлось пережить столько разочарованій въ людяхъ. Пока вы здоровы, пока къ вамъ хорошо относится принципалъ, наружно всѣ хороши, всѣ предлагаютъ вамъ быть на ты (о, это постыдное ты!), но лишь постигло васъ несчастіе, доведшее, какъ меня, изъ-за столкновенія съ прокуроромъ, до тяжкой болѣзни,—и отношенія къ вамъ прежнихъ друзей моментально рѣзко мѣняются. Только одинъ изъ семи товарищей прокурора благородный Гр. Т. раздѣлилъ тогда со мною мое горе, только онъ одинъ, какъ добрая сидѣлка, провелъ у моего изголовья нѣсколько дней и ночей до полнаго моего выздоровленія, всѣ же остальные, бывшіе до того дня на ты, не удостоили подойти даже къ моему подъѣзду и справиться о здоровьѣ. Но я не виню ихъ: куда же бы дѣлась ихъ прокурорская „корректность“, вѣдь

*

я пострадалъ послѣ столкновенія съ принципаломъ, а больше всего не виню потому, что людей среди нихъ не было, а лишь бездушные „накрахмаленные“ чиновники. Докторъ, который меня лѣчилъ, до глубины души возмущался ихъ поступкомъ, сравнивая ихъ съ чеховскими героями, но я доказывалъ ему, что ничего новаго въ этомъ явленіи я не вижу, и что это въ порядкѣ вещей. Подъ прикрытіемъ постыднаго „ты“, я доктору говорилъ: у моихъ сослуживцевъ скрываются такія типичныя черточки, что на нихъ прямо стоитъ остановиться. По ихъ вѣдь міровоззрѣнію, есть своего рода катехизисъ, или перечень правилъ для преуспѣванія по службѣ, суть которыхъ сводится къ слѣдующему: полное раболѣпство передъ своимъ принципаломъ на службѣ, не менѣе полное преклоненіе передъ его вкусами и капризами въ частной жизни; на рѣдкость изумительный сыскъ въ отношеніи товарищей, въ смыслѣ распознаванія, гдѣ они вчера вечеромъ были, что говорили и дѣлали, а затѣмъ докладъ принципалу въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи. Въ примѣненіи этихъ правилъ на практикѣ одинъ изъ подобныхъ господъ доходилъ даже до виртуозности: онъ всегда пронюхивалъ, когда принципалъ бывалъ въ театрѣ, и какъ будто случайно съ особой почтительностью встрѣчалъ его на подъѣздѣ. Тяжело вспоминать эти гадости, и прямо не вѣрится, что образованные, интеллигентные люди могли такъ низко пасть. Что за причина этого? Отвѣтъ въ двухъ словахъ: погоня за карьерой, а цѣль оправдываетъ средства. Вы лучше другихъ пишете, обладаете большими ораторскими способностями, завѣдуете болѣе спокойнымъ участкомъ, и этого вполнѣ достаточно, чтобы подъ флагомъ благороднаго товарищества вырыть Вамъ яму, а когда Вы въ нее попали, бѣжать отъ Васъ, какъ отъ зачумленнаго. Послѣдите, читатель, и Вы убѣдитесь, что въ прокуратурѣ почти всѣ говорятъ на ты; послужатъ недѣли двѣ, мѣсяцъ вмѣстѣ, и этого довольно, чтобы связать себя напоказъ узами дружбы. Ничего подобнаго, даже и намека, не было въ то доброе, старое время въ Архангельскѣ: если говорили ты, то искренно, задушевно, любя этого человѣка, а если возмущались чѣмъ-либо, то прямо и открыто объ этомъ заявляли; жизнь благодаря этому была легка и пріятна, а служба продуктивна и дѣйствительно полезна для общества, которое, въ свою очередь, видя въ насъ людей, а не только чиновниковъ, и платило намъ задушевностью, да такой, какую теперь и во снѣ бы радъ увидѣть, да не увидишь! Отношенія съ администраціей были чудныя. Губернаторомъ былъ А. П. Э., очень умный и энергичный, и въ то же время, при полномъ отсутствіи показного либерализма, на рѣдкость гуманный и воспитанный человѣкъ. Съ нами, въ осо-

бенности съ прокурорскимъ надзоромъ, онъ жилъ какъ бы одной семьей; запросто, безъ всякаго зова, мы у него бывали, и онъ у насъ, при чемъ никогда даже не чувствовалось, что въ гостяхъ у тебя сидитъ губернаторъ, а просто добрый, хорошій товарищъ и очень милый, задушевный собесѣдникъ. За то и полиція была преисполнена подобающаго настоящему суду уваженія. Поѣздки на сессіи это было какое-то тріумфальное шествіе: впереди скакалъ урядникъ, почтовыя станціи были предупреждены заблаговременно, и лошади стояли уже въ хомутахъ; запряжка производилась страшно быстро. А чего стоила эта бѣшеная ѣзда зимой?! Лошади на видъ никуда не годятся: маленькія, лохматыя, а какъ поскачутъ, такъ духъ захватываетъ; на козлахъ такой лихой ямщикъ, такъ умѣло правитъ, отмахивая верстъ по 18-ти въ часъ, что и въ голову не приходило никому вывалиться. Первыя сессіи вновь открытаго суда во всѣхъ городахъ округа были обставлены особенно торжественно; невольно чувствовалось единеніе суда съ обществомъ, которое, видя впервые примѣненіе на дѣлѣ завѣтовъ Незабвеннаго и Дорогого Императора Александра II — творить судъ правый, скорый и милостивый, всячески старалось проявить къ намъ свою симпатію и дѣлало это такъ задушевно, просто, благородно, искренно, что невольно вызывало умиленіе. Гдѣ ты, гдѣ ты, то милое, хорошее время? Какъ сравнительно немного прошло съ тѣхъ поръ, и какъ рѣзко все измѣнилось! Да, тогда дѣйствительно было можно рваться въ ряды судейской и прокурорской арміи со всѣмъ пыломъ юношескаго сердца, а теперь повсюду замѣчается усиленное оттуда бѣгство. И по заслугамъ: истинное правосудіе не можетъ быть творимо безъ глубокаго благоговѣнія передъ Богомъ, отъ Котораго теперь очень многіе отвернулись, во-первыхъ, а во-вторыхъ, тогда судебные дѣятели интересовались исключительно отправленіемъ правосудія, а теперь, стыдно вымолвить... очень многіе болѣе всего интересуются политиканствомъ; большинство хотя и скрываютъ это наружно, но къ сожалѣнію бываютъ случаи, когда заранѣе можно предсказать тотъ или иной приговоръ, въ зависимости отъ политическихъ убѣжденій состава суда, а отнюдь не отъ выясненія той истины, которой одной только довлѣетъ мѣсто въ храмѣ правосудія; нѣкоторые же политики заходятъ такъ далеко, что начинаютъ дѣйствовать въ этомъ направленіи открыто, чѣмъ и вызываютъ необходимость въ изданіи не подобающихъ не только судейскому, но и вообще человѣческому достоинству циркуляровъ. А какъ это болѣзненное явленіе мало вяжется съ настоящимъ отправленіемъ правосудія! Какъ въ храмѣ Божіемъ безполезно для души молиться, если ты къ кому-либо ни-

таешь злобу, такъ и въ храмѣ правосудія никогда нельзя добиться подобающей ему правды, если судьи, благодаря личнымъ, субъективнымъ ощущеніямъ своего политиканствующаго духа, отклоняются отъ своей непосредственной задачи. Но всего главнѣе для успѣха каждой вообще дѣятельности—это побольше сердца, побольше души! Жизнь наша очень коротка, почти у всѣхъ бываютъ и невзгоды, а если къ этому нечего и вспомнить, — совсѣмъ уже плохо. Отъ всего сердца шлю свой привѣтъ тѣмъ, кто далъ возможность пережить мнѣ свѣтлыя минуты отъ этихъ воспоминаній.

Сообщ. Н. Я. Кулунчаковъ.

Изъ воспоминаній о Кронштадтѣ въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I.

Къ концѣ осени 1853 года городъ Ярославль былъ встревоженъ извѣстіемъ о Высочайшемъ повелѣніи спѣшно формировать по штатамъ военнаго времени и въ составѣ трехъ бригадъ, по 8-и баталіоновъ въ каждой, 1-ю резервную пѣхотную дивизію. Дивизіи этой предназначалось поступить въ составъ южной арміи.

Закипѣла работа. Работали всѣ съ особымъ оживленіемъ, имѣя ввиду попасть въ боевую обстановку. Выборъ начальниковъ палъ на такихъ лицъ, съ которыми было пріятно работать, и о которыхъ сохранилась добрая память и особенно о генералѣ Швебсѣ, бывшемъ начальникомъ дивизіи. Заботливость этого генерала о подчиненныхъ, его гуманное отношеніе къ офицерамъ и нижнимъ чинамъ возбудили къ нему не только уваженіе, но и искреннюю любовь. Его замѣчаній боялись, но не изъ-за послѣдствія наложенія наказанія, а изъ опасенія навлечь на себя его неудовольствіе. Съ какою радостью провинившимися встрѣчались его слова: „Ну, ничего. Я уже забылъ“.—Мнѣ, пишущему эти строки, генералъ Швебсъ былъ непосредственнымъ начальникомъ и весьма требовательнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ близкимъ и дорогимъ человѣкомъ, отечески ко мнѣ относившимся. Я состоялъ въ должности старшаго адъютанта дивизіи. Въ то время штабъ дивизіи состоялъ изъ дивизіонныхъ квартирмистра, девальдинера и старшаго адъютанта.

Въ концѣ 1853-го года донесено было о готовности дивизіи къ выступленію въ походъ, а въ январѣ прислано было повелѣніе

о назначеніи ея въ южную армію и приказаніе слѣдовать въ Москву.

Вѣсть эта была радостно встрѣчена, а молодежь ликовала. Обыватели стали относиться къ намъ съ особой предупредительностью. Дворянство устроило для насъ блестящій балъ. Съ офицерами любезничали; ужинъ былъ весьма продолжительный, такъ что мы простились съ нашими любезными хозяевами лишь въ восьмомъ часу утра. Купечество тоже почтило насъ роскошнымъ обѣдомъ.

Нельзя не упомянуть, что офицерство вело себя безупречно и заслужило полное къ себѣ уваженіе.

Послѣ всѣхъ этихъ быстро пролетѣвшихъ пиршествъ дивизія выступила въ Москву, гдѣ сосредоточилась въ концѣ февраля и тамъ же представилась на смотръ своему корпусному командиру.

Въ Москвѣ дивизія должна была получить маршруты для дальнѣйшаго слѣдованія на югъ, но прошелъ день, другой, а маршрутовъ нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ, ожидаемый съ нетерпѣніемъ фельдъегерь прибылъ и привезъ маршруты, но каково было наше удивленіе, когда прочтено было приказаніе слѣдовать дивизіи, вмѣсто юга, на сѣверъ — въ С.-Петербургъ, а оттуда 1-й бригадѣ въ Ригу, а 2 и 3 бригадамъ въ Кронштадтъ.

До С.-Петербурга дивизія была перевезена по желѣзной дорогѣ, при чемъ ежедневно отправлялось по четыре баталіона.

Въ С.-Петербургѣ дивизія представилась на смотръ Государю Императору и удостоилась милостиваго Царскаго спасибо и благодарностей.

Смотръ былъ на Дворцовой площади, и къ 10 часамъ утра баталіоны въ колоннахъ были уже выравнены. Баталіоны были хорошо сранжированы, и люди хорошо подобраны поротно. Видъ людей былъ молодецкій; усы и бакенбарды нафабрены, одѣты щегольски, въ шинеляхъ при походномъ снаряженіи. Офицеры были въ солдатскихъ шинеляхъ. Церемоніальнымъ маршемъ подъ музыку полковъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи всѣ части прошли хорошо.

По окончаніи смотра, Государь подозвалъ къ себѣ офицеровъ и изволилъ обратиться къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „Война началась и, какъ извѣстно вамъ, было уже нѣсколько боевыхъ дѣлъ, въ которыхъ войска выказали стойкость, храбрость и вели себя достойнѣйшими молодцами. Я увѣренъ, что и вы въ случаѣ надобности поддержите славу любимой мною арміи“.

Восторгъ былъ всеобщій. Среди раскатовъ „ура!“ слышны были громкіе голоса: „Не посрамимся! Костьми ляжемъ за Васъ, Госу-

дарь, и Отечество"! Близъ стоявшіе цѣловали руки и даже плащъ Государя.

На слѣдующій уже день баталіоны стали выступать: 2-й и 3-й бригады въ Кронштадтъ, а 1-й въ Ригу. Баталіоны 2 и 3 бригадъ переходили изъ С.-Петербурга въ Кронштадтъ однимъ переходомъ по льду. При слѣдованіи одного изъ эшелоновъ 3-й бригады, на полпути, у такъ называемаго Кабачка, Государь настигъ эшелонъ, поздоровался и всемилостивѣйше объявилъ, что жалуетъ нижнимъ чинамъ за смотръ по одному рублю, а г. г. офицерамъ назначитъ подъемныя деньги. Несмотря на неожиданность встрѣчи, отдыхавшій на привалѣ эшелонъ быстро выстроился и удостоился Высочайшаго спасибо за молодецкій видъ.

Только по прибытіи въ Кронштадтъ разъяснилась причина, заставившая измѣнить направленіе дивизіи съ юга на сѣверъ, но раньше объясненія этой причины бросимъ хотя поверхностный взглядъ на тогдашнее состояніе нашихъ вооруженныхъ силъ.

Армія наша, хотя численностью была и велика, но огнестрѣльное вооруженіе пѣхоты и кавалеріи было устарѣлое и плохо содержимое [1]).

Противъ непріятеля, вооруженнаго нарѣзными и по тогдашнему времени дальнобойными ружьями, большей частью системы Тове-

---

[1]) Состояніе огнестрѣльнаго оружія вообще, а ружей въ особенности было весьма плохое. Еще въ 1849-мъ году фельдмаршалъ графъ Паскевичъ Эриванскій, князь Варшавскій, доносилъ Государю: „Ружья наши чисткой и ружейными пріемами доведены до такого состоянія, что они опаснѣе стрѣляющему изъ нихъ, чѣмъ поражаемому". И съ такими ружьями нашей арміи пришлось выступить не только въ венгерскій походъ, но и войну 1853—1855 годовъ

Только львиная храбрость давала иногда возможность одерживать побѣды и противъ несравненно лучше вооруженнаго противника, но какихъ тяжкихъ потерь стоили эти побѣды, вырывая изъ строя лучшихъ борцовъ раньше, чѣмъ они успѣютъ добраться до штыковаго боя.

Севастополь пришлось бросить изъ-за превосходства огнестрѣльныхъ средствъ противниковъ передъ нашими войсками, которымъ зачастую приходилось отвѣчать на десятокъ выстрѣловъ однимъ, а дальнобойный ружейный огонь почти безнаказанно поражалъ защитниковъ укрѣпленій.

Въ войнѣ 1877-го и 1878-го годовъ превосходство по дальнобойности ружья Пибоди-Мартини надъ нашимъ Крынковскимъ и даже берданкой давало себя чувствовать, не говоря еще и о путаницѣ при подачѣ патроновъ.

нена, со штыкомъ отличной стали, наша армія выступила со старыми, гладкостѣнными ружьями съ круглой пулей. Цилиндросферической пули, увеличивающей пораженіе изъ гладкостѣнныхъ ружей до 800 шаговъ и намъ первымъ предложенной Минье, мы не приняли и, какъ говорили въ то время, изъ-за дорогой цѣны, запрошенной изобрѣтателемъ, именно по 15 коп. съ ружья, а это составляло сумму около ста пятидесяти тысячъ рублей. Такой суммы не признано было возможнымъ отпустить въ распоряженіе военнаго министра, и ему оставалось лишь любоваться во все время войны пулею Минье, какъ украшеніемъ его письменнаго стола...

Огню придавалось мало значенія, и армія наша жила еще воспоминаніями о блистательныхъ побѣдахъ Суворова и увлекалась къ сожалѣнію только однимъ его выраженіемъ „пуля дура, штыкъ молодецъ“. Совершенно упускалось изъ вида геніальное наставленіе нашего великаго полководца и учителя: „Атаковать слѣдуетъ всегда карреями; но есть сумасбродные французишки, которые атакуютъ колоннами. Когда мы пойдемъ противъ нихъ, то будемъ ихъ атаковывать колоннами“. И это поученіе, великое по своему глубокому смыслу: — не замерзай на своемъ личномъ мнѣніи, а учись, совершенствуйся, было въ забвеніи.

Пѣхота преимущественно упражнялась въ маршировкахъ въ сомкнутыхъ строяхъ и была способна къ маневрированію, но ее стѣсняли уставные боевые порядки, отступать отъ формы которыхъ не разрѣшалось. Разсыпному строю опасались давать слишкомъ большую самостоятельность и управляли имъ цѣлой массой сигналовъ, которые легко могли быть извѣстны и противнику. То ли дѣло колонна въ атакѣ, да еще съ музыкой, и стройно и красиво и весело. „Ура!“ со знаменемъ впередъ, четвертый, пятый взводы. Мы возстанемъ—врагъ падетъ, тѣмъ кончатся походы. „Ура!“, „ура!“, „ура!“. Конецъ ученію, послѣ двухъ-трехъ часовой маршировки. Появленіе штуцерныхъ, т. е. стрѣлковъ, вооруженныхъ нарѣзными ружьями, по шести на роту, было встрѣчено какъ особое новшество, но были ли эти штуцерные съ ихъ нарѣзными ружьями введены въ строй и дѣйствующей арміи—не знаю, но помню пѣсню севастопольцевъ: „Штуцеровъ мы поджидали, да гвардейцы ихъ забрали; видно имъ нужнѣй“.

Кавалерія наша сидѣла на хорошихъ лошадяхъ, хорошо была съѣзжена въ сомкнутомъ строѣ, но развѣдывательной службой плохо занималась.

Съ составленіемъ нашей полевой и осадной артиллеріи можно было еще мириться, т. к. и у нашихъ противниковъ она не мно-

гимъ была лучше, но орудій было мало, а запасовъ пороха и снарядовъ почти не было.

Крѣпости наши вообще не были готовы къ состязанію съ сильнымъ противникомъ. Артиллеріи было недостаточно, а запасы снарядовъ и пороха почти отсутствовали. Продовольственныхъ запасовъ, соображенныхъ съ потребностью осажденнаго гарнизона, тоже не было. Севастополь и Кронштадтъ были не въ лучшемъ положеніи.

Линейные корабли нашихъ флотовъ Черноморскаго и особенно Балтійскаго были въ весьма плохомъ состояніи. Объ улучшеніи ихъ матеріальной части и боевой способности адмиралами дѣлались представленія даже весьма настойчивыя, но отсутствіе въ казнѣ денежныхъ средствъ уничтожило всѣ ихъ домогательства. Говорили, что адмиралъ Лазаревъ просилъ уполномочить его на заказъ паровыхъ машинъ для обращенія нашихъ парусныхъ кораблей въ винтовые, заявляя, что заводчики согласны на разсрочку платежей. Но и это предложеніе было отвергнуто, и нашъ славный Черноморскій флотъ, послѣ блистательныхъ побѣдъ на морѣ, вынужденъ былъ затопить свои корабли вслѣдствіе невозможности состязаться въ лавированіи съ винтовыми судами противника. Геройскій экипажъ съ орудіями и прочимъ вооруженіемъ взятъ на Севастопольскія укрѣпленія и защитою ихъ, со свойственнымъ ему мужествомъ, увѣнчалъ себя неувядаемыми лаврами.

Балтійскій флотъ какъ бы не существовалъ, по крайней мѣрѣ о его способности къ боевымъ дѣйствіямъ не было и рѣчи, и Кронштадтъ, этотъ щитъ нашей сѣверной столицы, разсчитывавшій на свою мощь лишь при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ флотомъ, былъ предоставленъ собственной оборонѣ, тогда какъ сѣверный фарватеръ не былъ обороненъ и прорывъ черезъ него непріятельскаго флота былъ возможенъ.

Зная отлично состояніе нашего Балтійскаго флота и Кронштадта, англійскій адмиралъ, лордъ Непиръ, въ 1853 году, высказалъ въ парламентѣ такое предложеніе: „Дайте мнѣ флотъ, и я обѣщаю вамъ завтракать въ Кронштадтѣ и обѣдать въ С.-Петербургѣ“.

Обѣщаніе это не удалось исполнить почтенному лорду, и надъ нимъ подсмѣивались, говоря, что онъ сильно отощалъ, не попадая даже къ завтраку въ Кронштадтъ. Что же помѣшало лорду Непиру осуществить его обѣщаніе? Помѣшалъ простой заборчикъ, искусною рукою поставленный поперекъ сѣвернаго фарватера. Заборчикъ этотъ поставленъ по повелѣнію Императора Николая I въ зиму 1853 и 1854 годовъ.

Неудовлетворительное состояніе Балтійскаго флота и Кронштадтскихъ укрѣпленій было извѣстно Императору Николаю I, и онъ не безъ основанія, опасаясь за безопасность своей сѣверной столицы, повелѣлъ бывшему инспектору по инженерной части генералъ-адъютанту Ивану Ивановичу Дену немедленно представить проектъ объ усиленіи обороны сѣвернаго фарватера, для воспрепятствованія непріятельскому флоту прорыва черезъ этотъ фарватеръ. Южный считался обезпеченнымъ фортами. Проекты появились, и для представленія ихъ Государь назначилъ особый пріемъ вечеромъ въ Зимнемъ Дворцѣ, позднею осенью 1853 г.

Государь съ напряженнымъ вниманіемъ выслушивалъ каждаго докладчика, ободрялъ его милостивымъ словомъ и по окончаніи доклада спрашивалъ, во сколько времени можно выполнить работу.

Ни одинъ изъ докладчиковъ не рѣшался назначить срокъ менѣе двухъ-трехъ лѣтъ. Это послѣднее видимо сильно огорчило Императора, и онъ, считая вопросъ исчерпаннымъ, обратился къ генералу Дену: „Значитъ, намъ надо разсчитывать на артиллерію и мины. Инженеры намъ помочь не могутъ“. На этотъ какъ бы упрекъ военнымъ инженерамъ генералъ Денъ, несмотря на усталость Государя, рѣшился доложить, что есть еще одинъ проектъ и весьма несложный, представляемый полковникомъ Дзичканцемъ.

Государь тотчасъ же подозвалъ къ себѣ Дзичканца и спросилъ: „Ну что, старый знакомый [1]), ты тоже хочешь угостить насъ многолѣтней постройкой. Когда же полковн. Дзичканецъ доложилъ, что къ веснѣ будущаго года разсчитываетъ закончить главныя работы и надѣется, что ни одному непріятельскому кораблю не удастся пройти черезъ фарватеръ, то Государь немедленно возобновилъ засѣданіе и съ возбужденнымъ вниманіемъ сталъ слушать докладъ Дзичканца.

---

[1]) Военный инженеръ Іосифъ Гедеоновичъ Дзичканецъ въ 1819-мъ году окончилъ курсъ въ Инженерномъ корпусѣ, при Главномъ Инженерномъ училищѣ, съ занесеніемъ имени его на мраморную доску и производствомъ въ полевые инженеръ-прапорщики. (Это, кажется, первая запись). По постройкамъ въ Бобруйскѣ, Новогеоргіевскѣ, Кіевѣ и Брестъ-Литовскѣ былъ извѣстенъ Императору Николаю I, какъ отличный и знающій свое дѣло инженеръ.

Въ 1829-мъ году за отличіе по службѣ произведенъ въ капитаны, на мѣстѣ работъ, лично Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Инженеръ-генералъ Рыдзевскій говорилъ, что І. Г. Дзичканецъ сдѣлался извѣстенъ Императору Николаю Павловичу еще въ бытность Государя Великимъ Княземъ и Генералъ-Инспекторомъ по Инженерной части,

Докладъ былъ кратокъ; чертежами наглядно дополнялись объясненія. Суть состояла въ слѣдующемъ: Поперекъ сѣвернаго фарватера заложить ряжи[1]) съ такимъ разсчетомъ, чтобы поверхъ ихъ высота воды, по ординару, не превышала 4—6 футъ. Для прохода судовъ оставить ворота, которыя защитить сильною артиллеріею.

Выслушавъ докладъ, Государь всталъ и, обращаясь къ Дзичканцу, произнесъ: „Къ веснѣ все будетъ готово? Хорошо! Вѣрю тебѣ и проектъ принимаю! Назначаю тебя строителемъ, а теперь помолись Богу". Полковникъ Дзичканецъ, обернувшись къ образу, сдѣлалъ земной поклонъ и вставши взволнованнымъ голосомъ произнесъ: „Да будетъ милость Божія надъ Вашимъ Величествомъ". Государь взялъ Дзичканца за плечи, поцѣловалъ его и сказалъ: „Помни, я тебѣ ввѣряю спокойствіе столицы и мою честь! Всѣ необходимыя средства будутъ даны въ твое распоряженіе".

Не стану утомлять читателя разсказомъ довольно скучной процедуры, сопряженной съ налаживаніемъ столь труднаго дѣла, а скажу лишь главное, что къ веснѣ 1854 года ряжи были заложены, и сто-

---

тѣмъ, что рѣшился доложить Его Высочеству, противъ мнѣнія многихъ, что мѣсто для постройки форта въ Динабургской (нынѣ Двинской) крѣпости выбрано неудачно, и что отъ постройки форта на указанномъ мѣстѣ слѣдовало бы отказаться, такъ какъ присутствіе сильныхъ грунтовыхъ водъ не позволитъ прочно укрѣпить фундамента. По этому предмету въ архивѣ Главнаго Инженернаго Управленія находится слѣдственное дѣло, возбужденное Генералъ-Инспекторомъ по Инженерной части Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ по случаю опуска стѣны и трещинъ въ ней въ упомянутомъ фортѣ, вслѣдствіе подмыва ея фундамента грунтовыми водами, весною 1824-го года.

[1]) Ряжи, это большіе ящики съ просвѣтами, построенные изъ бревенъ. Они строились на льду и на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ назначено было погружать ихъ на дно залива. Они наполнялись камнями выше краевъ и за симъ опускались на дно. Высота ящиковъ опредѣлялась глубиною въ данномъ мѣстѣ дна залива и разсчитывалась такъ, чтобы высота воды поверхъ ихъ равнялась при обыкновенномъ уровнѣ залива 4 — 6 футамъ. Въ дѣйствительности ящики эти, поставленные одинъ къ другому въ рядъ, представляли заборъ, устроенный по дну залива, поперекъ фарватера.

Англичане пытались дѣлать развѣдки о мѣстѣ нахожденія и ширины прохода. Одна изъ канонерскихъ лодокъ, подъ названіемъ „Бульдогъ", какъ-то близко подошла къ воротамъ, но произведенный выстрѣлъ по ней изъ орудія съ Александръ-Шанца заставилъ ее поспѣшно удалиться, и за симъ больше попытокъ къ развѣдкѣ англичанами не предпринималось.

лица была обезпечена отъ появленія передъ нею грознаго непріятельскаго флота, а опасеніе было настолько прочувствовано, что на берегахъ залива, у устьевъ Большой и Малой Невы и Невки, воздвигались батареи.

Въ работахъ по нагрузкѣ камнями ряжей, а съ началомъ оттаиванія земли и постройкѣ земляныхъ укрѣпленій, блиндажей, установки орудій и т. п. дѣятельное участіе принимали вторая и третья бригады 1 резервной дивизіи [1]).

Эти трудныя и тяжелыя работы исполнялись нижними чинами съ полнымъ усердіемъ, видя въ своихъ офицерахъ живой и нравственный для себя примѣръ. Многіе офицеры примѣняли къ дѣлу свои познанія по фортификаціи и съ гордостью брались за лопату, съ цѣлью указывать нижнимъ чинамъ, какъ надо исполнять ту, или иную работу.

Людей кормили хорошо, и заботливость о нихъ ихъ командировъ и въ особенности начальника дивизіи генерала Швебса были безупречны. Генералъ Швебсъ, весьма опытный хозяинъ, почти ежедневно являлся на работы и слѣдилъ съ полнымъ вниманіемъ за доброкачественностью пищи и правильнымъ обращеніемъ съ нижними чинами. Самъ онъ, не говоря о чемъ другомъ, никогда не произносилъ бранныхъ словъ. Это былъ выдающійся по своимъ нравственнымъ качествамъ человѣкъ.

Появленіе на работахъ строителя, полковника Дзичканца, встрѣчалось съ удовольствіемъ, такъ какъ въ немъ видѣли практика, талантливаго учителя и обходительнаго человѣка, умѣвшаго поощрить

---

[1]) Кромѣ работъ по устройству загражденія сѣвернаго фарватера и возведенію укрѣпленій часть пѣхотныхъ солдатъ и офицеровъ обучались дѣйствію при крѣпостныхъ орудіяхъ. Этимъ командамъ былъ произведенъ смотръ стрѣльбы въ Высочайшемъ присутствіи.

Боевая стрѣльба была произведена съ форта Александръ, по плавучимъ мишенямъ на разстояніи 2—3 верстъ отъ форта. Стрѣльба была весьма удачная; мишени были разбиты. Государь жаловалъ наводчиковъ 3 рублями, а одному особо отличившемуся, повелѣлъ выдать пять рублей. Дѣло было такъ: одинъ изъ наводчиковъ, какъ показалось Государю, неумѣло наводилъ орудіе, Государь подошелъ къ нему и высказалъ сомнѣніе въ правильности наводки орудія. Наводчикъ, малороссіянинъ, рядовой Псковскаго резервнаго баталіона, не растерялся и смѣло отвѣтилъ: „Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество—теперь добре и крикнулъ: „готово“.

Раздалась команда: „пли!“, и выпущенное ядро попало въ мишень. Государь похвалилъ наводчика и пожаловалъ ему пять рублей.

ретиваго и подтолкнуть нерасторопнаго, не задѣвая его самолюбія.

Съ зимы 1854 года, какъ только заливъ затянуло прочнымъ льдомъ, вновь началась кипучая дѣятельность по возведенію искусственныхъ острововъ какъ основаній для постройки на нихъ укрѣпленій. Много трудовъ и огорченій пришлось испытать строителю прежде, чѣмъ удалось осуществить задуманный имъ проектъ по возведенію укрѣпленій на искусственныхъ основаніяхъ и на тѣхъ мѣстахъ въ заливѣ, которыя соотвѣтствовали тактическому требованію обороны фарватеровъ. Благодаря любезности морского вѣдомства, снабдившаго полковника Дзичканца брандспойтами, ему удалось къ 6 декабря 1854 года воздвигнуть основаніе для одной изъ главныхъ батарей и всеподданнѣйше донести объ этомъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это донесеніе Высочайшимъ приказомъ отъ 6 декабря 1854 года Дзичканецъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Императоръ Николай I неоднократно посѣщалъ Кронштадтъ, ревниво слѣдя за ходомъ работъ, высокомилостивымъ отношеніемъ къ строителю и подчиненнымъ ему инженернымъ офицерамъ. Государь умѣлъ поощрять своихъ тружениковъ и возбуждать въ нихъ энергію.

Къ сожалѣнію, Императору Николаю I не суждено было увидать полное торжество строителей по оборонѣ крѣпости Кронштадта и безопасный уже для нея вражій флотъ, остановившійся въ весьма почтительномъ разстояніи отъ морскихъ батарей, и отблагодарить своихъ сподвижниковъ, одержавшихъ безкровную побѣду цѣлесообразнымъ лишь примѣненіемъ инженернаго искусства.

Лѣтомъ въ 1855 году Императоръ Александръ II посѣтилъ Кронштадтъ и подробно осматривалъ воздвигнутыя сооруженія.

Съ одной изъ батарей, сооруженной на искусственномъ основаніи, Государю виденъ былъ англійскій флотъ. Съ той же батареи Государь слѣдилъ и за ходомъ особыхъ баржъ со щитами, предназначенныхъ къ разстрѣлу ихъ орудіями съ ближайшихъ батарей. Какъ только баржи подошли на орудійный выстрѣлъ, то, по данному сигналу, былъ открытъ весьма мѣткій огонь, и баржи были избиты и затоплены.

Императоръ Александръ II, со свойственной ему любезностью, въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ всѣхъ принимавшихъ участіе въ работахъ по укрѣпленію Кронштадта и въ поощреніе строителя соизволилъ повелѣть назвать бывшую батарею

№ 14, нынѣ фортъ, именемъ строителя „генералъ-маіоръ Дзичканецъ“ [1]).

Эта великая Царская милость и по-нынѣ свидѣтельствуетъ о трудахъ тѣхъ инженеровъ, которые при совмѣстной и дружной работѣ съ генералъ-маіоромъ Дзичканцемъ свято исполнили свой долгъ передъ отечествомъ и Государемъ и помогли Дзичканцу оберечь честь своего Монарха, столь милостиво и довѣрчиво ему порученную.

Сообщ. Н. И. Вороновъ.

[1]) Такой же милости удостоенъ былъ и генералъ-лейтенантъ Карлъ Александровичъ Швебесъ. Одна изъ батарей на косѣ острова Котлина была названа его именемъ.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

После приведеннаго біографическаго отступленія возвращаюсь къ воспоминаніямъ, относящимся къ первымъ годамъ по выходѣ моемъ изъ университета.

Между служебными занятіями и чтеніемъ книгъ я проводилъ пріятно время въ обществѣ небольшого круга родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Къ числу ихъ относилось, разумѣется, и семейство Шмидтъ, въ средѣ котораго я провелъ много пріятныхъ часовъ. Молодые люди Карлъ и Эдуардъ Шмидтъ тогда только-что возвратились изъ-за границы съ богатымъ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній, исполненные разныхъ интересовъ, много видѣвшіе и слышавшіе; съ ними у меня происходили постоянные разговоры объ искусствѣ, наукѣ, политикѣ, и я долженъ сознаться, что этотъ обмѣнъ мыслей не мало содѣйствовалъ моему умственному развитію. Кромѣ того К. Шмидтъ, посвятившій себя изученію химіи, устроилъ у себя на квартирѣ небольшую лабораторію, въ которой я занимался съ нимъ химическими анализами. Внѣ родственнаго круга наше семейство находилось однако еще въ постоянныхъ сношеніяхъ съ главными, выдающимися въ то время личностями музыкальнаго міра, и это придавало не мало интереса нашему обычному образу жизни.

Мои двѣ сестры были одарены хорошими музыкальными способностями и потому принимали участіе въ разныхъ симфоническихъ собраніяхъ, въ которыхъ и происходило сближеніе и знакомство съ тогдашнимъ музыкальнымъ міромъ. Точно также и въ семействѣ моего дяди Фольборта много занимались музыкой, вслѣдствіе чего

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль 1909 г.

въ его домѣ былъ постоянный point de réunion музыкальныхъ свѣтилъ того времени.

Рубинштейнъ, Венявскій, Лешетицкій, его жена, г-жа Ниссенъ,— Саломонъ, Леви, Поортенъ, вотъ приблизительно тѣ главныя личности, съ которыми мы находились тогда въ частыхъ сношеніяхъ.

Рубинштейнъ до своего брака съ Ч. жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ матерью, сестрою и братомъ. Въ то время мы часто видѣлись съ нимъ и его семействомъ, такъ какъ мы были знакомы домами. Послѣ его брака, его мать и сестры уѣхали въ Одессу, а его братъ, медикъ и очень милый человѣкъ, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Кто не помнитъ внѣшности Антона Григорьевича изъ лицъ, знавшихъ и видѣвшихъ его. Нѣсколько грубыя черты лица, освѣщенныя красотою геніальности и необыкновенно добрымъ и пріятнымъ выраженіемъ, не могли не оставлять глубокаго впечатлѣнія. Чрезвычайно простой въ обращеніи, безъ всякой позировки, его разговоръ представлялъ всегда своеобразный интересъ даже и тогда, когда онъ говорилъ не о музыкѣ. Нерѣдко онъ высказывался афоризмами, не развивая вопроса, но то, что онъ говорилъ, никогда не было лишено содержанія и часто облечено въ остроумную юмористическую форму. Рѣдкій артистъ дѣлалъ такъ много для благотворительности, какъ Рубинштейнъ. Ежегодно одинъ или два концерта были посвящены благотворительнымъ цѣлямъ — а каждый концертъ представлялъ вѣрный доходъ въ 4—5 тысячъ рублей, такъ какъ при томъ, можно сказать, обожаніи, съ которымъ къ нему относилась публика, его концерты были всегда до послѣдняго мѣста наполнены слушателями. И это не только въ Россіи, но и за границей. Я имѣлъ разъ случай быть на его концертѣ въ Берлинѣ; уже за нѣсколько дней до концерта всѣ мѣста были разобраны и только благодаря любезности Антона Григорьевича — мнѣ удалось получить мѣсто въ залѣ. Энтузіазмъ, возбуждавшійся въ публикѣ его игрою, оказался въ Берлинѣ такой же, какъ и въ Петербургѣ; можетъ быть только еще сознательнѣе аплодировали его геніальной игрѣ. Точно также и его оперы обыкновенно прежде ставились на заграничныхъ сценахъ. Антонъ Григорьевичъ, который сознавалъ себя истинно русскимъ, не разъ высказывалъ, какъ ему больно, что въ Россіи, его отечествѣ, его цѣнятъ менѣе, чѣмъ за границей. Антонъ Григорьевичъ создалъ у насъ, какъ извѣстно, консерваторію, но уже черезъ небольшое число лѣтъ онъ сложилъ съ себя дирекцію, такъ какъ его коллеги, профессора музыки, неохотно подчинялись его иногда диктаторскимъ распоряженіямъ.

Изрѣдка Антонъ Григорьевичъ приходилъ къ намъ вечеромъ запросто къ чаю. Побесѣдовавъ самымъ непринужденнымъ образомъ

за чайнымъ столомъ, онъ затѣмъ обыкновенно садился за рояль и игралъ иногда до поздней ночи. Можно себѣ представить, какое это было наслажденіе внимать игрѣ такого геніальнаго артиста не въ концертной залѣ, а у себя дома и игравшаго не по программѣ, а такъ сказать по расположенію и минутному вдохновенію.

Венявскій, женатый на дочери англійскаго композитора Б., увлекалъ всѣхъ поэзіею своей игры. Это былъ человѣкъ необыкновенно интересный, какъ личность, но чрезвычайно страстный и увлекающійся. Получая за свои концерты громадныя деньги, онъ никогда не думалъ объ экономіи и о необходимости сберечь какія-либо средства на черный день. Когда вслѣдствіе необузданнаго образа жизни онъ еще относительно молодымъ человѣкомъ тяжко заболѣлъ, его друзья должны были содержать его на свои средства въ больницѣ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ.

Когда Венявскій и Рубинштейнъ играли вмѣстѣ, то это представляло такое совершенство, которое едва-ли можетъ повториться при другихъ условіяхъ.

Лешетицкій, уроженецъ города Вѣны, необыкновенно тонкій и нервный піанистъ, славился особенно какъ превосходный профессоръ. Многія изъ его ученицъ пользовались впослѣдствіи большою извѣстностью, между прочимъ извѣстная своею талантливою игрою г-жа Е. — Но его музыкальныя занятія съ ученицами кончались иногда романомъ, несмотря на то, что онъ былъ женатый человѣкъ. Лешетицкій былъ женатъ на дѣвицѣ Фридбургъ, талантливой пѣвицѣ съ симпатичнымъ голосомъ,—она особенно отличалась исполненіемъ разныхъ мелкихъ граціозныхъ романсовъ и такъ называемыхъ „Lieder“.

Дѣвица Фридбургъ состояла при дворѣ Великой Княгини Елены Павловны въ качествѣ пѣвицы. Великая Княгиня любила окружать себя талантливыми молодыми дѣвушками въ качествѣ пѣвицъ, лектриссъ и т. п. Такъ какъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ тоже часто бывалъ при дворѣ Елены Павловны, то между ними и Фридбургъ устроили, кажется, помолвку,—по крайней мѣрѣ ее считали невѣстой Рубинштейна. Но Антонъ Григорьевичъ, согласившійся вѣроятно подъ минутнымъ впечатлѣніемъ просить ея руки,—потомъ никакъ не могъ рѣшиться на этотъ бракъ — и помолвка между ними разошлась. Тогда подвернулся Лешетицкій, и дѣвица Фридбургъ вышла за него. Долгое время они жили въ хорошихъ отношеніяхъ; въ ихъ домѣ бывали интересные музыкальные вечера, на которыхъ собиралось очень пріятное общество, и ничто въ ихъ образѣ жизни не позволяло предполагать, что ихъ брачныя

*

отношенія кончатся катастрофой. Давая уроки необыкновенно талантливой ученицѣ Е., Лешетицкій влюбился въ нее, вошелъ съ нею въ связь, и въ одинъ прекрасный день всѣ узнали, что онъ разошелся съ своею женою. Долгое время Лешетицкій намѣревался жениться на г-жѣ Е., отъ которой онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей, но его жена никакъ не соглашалась на разводъ, — и потому его отношенія къ г-жѣ Е. остались простымъ сожительствомъ. Покинувъ Петербургъ, Лешетицкій съ г-жею Е. переселился въ Вѣну, гдѣ они жили maritalement. Но послѣ хотя и продолжительнаго времени и эта связь, какъ говорятъ, окончилась новымъ романомъ профессора съ другою молодою ученицею, какъ разсказывали.

Піанистъ Леви, тоже вѣнскій уроженецъ, пользовался также большою извѣстностью въ Петербургѣ. Между тѣмъ какъ Лешетицкій былъ польскаго — Леви былъ еврейскаго происхожденія. Необыкновенно остроумный, съ Гейневскимъ складомъ ума, Леви былъ не только замѣчательный артистъ, но еще и чрезвычайно пріятный и веселый собесѣдникъ. Онъ много обращался въ музыкальномъ семействѣ графа Віельгорскаго и у нѣкоторыхъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ. У него у самого по воскресеньямъ, по утрамъ, происходили очень интересныя собранія артистовъ, молодыхъ дипломатовъ, писателей и т. д... Я бывалъ тоже нерѣдко на этихъ matinée. Постояннымъ посѣтителемъ ихъ былъ графъ Фредро, талантливый племянникъ графа Віельгорскаго, сочинитель разныхъ пьесъ, которыя обыкновенно представлялись на придворномъ театрѣ у Великой Княгини Елены Павловны.

Между Леви и Лешетицкимъ всегда высказывалась нѣкоторая завистливая ревность, особенно со стороны послѣдняго. Разъ это чувство прорвалось у него очень рѣзко и неожиданно. Леви и Лешетицкій были въ гостяхъ у моего дяди Фольборта, на дачѣ въ Павловскѣ, въ числѣ многихъ другихъ лицъ. Въ видѣ шутки было предложено сдѣлать импровизированный конкурсъ музыкальной пьесы на заданную тему. Леви и Лешетицкій взяли каждый листъ нотной бумаги и черезъ нѣкоторое время возвратились въ комнату каждый со своей небольшой композиціей. Обѣ пьески оказались талантливы и мелодично составленными, но преимущество было все же признано за композиціей Леви. Это такъ возмутило Лешетицкаго, что онъ набросился на Леви съ самою грубою бранью, хотя тотъ ничѣмъ не вызывалъ этой непріятной сцены. Послѣ этого Леви оставалось только вызвать его на дуэль, но знакомые и друзья вмѣшались и постарались уладить дѣло, уговоривъ Лешетицкаго извиниться и взять назадъ слова, сказанныя не намѣренно, а въ возбужденіи.

Но съ тѣхъ поръ между ними остались открыто враждебныя отношенія, и они постоянно избѣгали другъ друга.

По выслугѣ пенсіи (онъ былъ профессоромъ музыки въ нѣсколькихъ институтахъ), Леви возвратился въ свое отечество и поселился въ Вѣнѣ. Послѣ того положенія, которое онъ занималъ въ Петербургѣ, онъ однако уже не могъ привыкнуть къ вѣнской жизни въ буржуазныхъ кругахъ. Не имѣя въ Вѣнѣ, за продолжительнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ, никакихъ связей въ обществѣ и за окончаніемъ своей артистической карьеры, онъ не имѣлъ случая получить доступъ въ вѣнское общество, а домашній кругъ еврейскаго семейства не могъ возмѣстить ему тѣхъ общественныхъ отношеній, къ которымъ онъ привыкъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя я пріѣхалъ въ Вѣну, по случаю веденія переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ о заключеніи торговаго договора. Только-что онъ узналъ изъ газетъ о моемъ пріѣздѣ, Леви немедленно посѣтилъ меня—видно было, какъ онъ былъ радъ встрѣтиться съ знакомымъ изъ прежняго Петербургскаго круга. Онъ мнѣ жаловался на скуку его вѣнской жизни и говорилъ мнѣ о Петербургскихъ воспоминаніяхъ, глубоко сожалѣя о прежней жизни. Мы съ нимъ условились сдѣлать экскурсію въ окрестности Вѣны на Kahlenberg и провели очень пріятно цѣлый день.

Выдающееся положеніе въ музыкальномъ мірѣ того времени занимала тоже г-жа Ниссенъ-Саломонъ. Сверстница Віардо и Малибранъ на сценѣ, она по оставленіи сцены посвятила себя преподаванію пѣнія, и какъ профессоръ пѣнія, заслужила европейскую извѣстность. Г-жа Ниссенъ вышла замужъ за композитора, пользовавшагося также нѣкоторою, хотя второстепенною, извѣстностью. Его опера „Карпатская роза“, кажется, давалась на Московской сценѣ, по крайней мѣрѣ о ней упоминаетъ Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Аксакову, которыя были опубликованы въ „Новомъ Времени“. Въ Петербургѣ Саломонъ игралъ преимущественно роль cavaliere servente своей супруги, такъ что иногда въ шутку его самого въ обществѣ называли Ниссенъ-Саломонъ, прибавляя въ его фамиліи фамилію его жены. Онъ пережилъ свою жену и, унаслѣдовавъ отъ нея значительный капиталъ, скопленный ея уроками, уѣхалъ въ Швецію, а тамъ нѣсколько времени спустя, несмотря на свой преклонный возрастъ, женился вторично на молодой шведкѣ.

Г-жа Ниссенъ-Саломонъ была приглашена Рубинштейномъ въ созданную имъ консерваторію на каѳедру профессора пѣнія. Изъ ея школы вышли почти всѣ выдающіяся пѣвицы, отличавшіяся въ то время на нашей сценѣ — Лавровская, Панаева (впослѣдствіи Карцева), Фостремъ, Вальтеръ-Каменская и др. Разъ въ годъ она обык-

новенно давала экзаменаціонные концерты, на которыхъ пѣли ея ученицы; эти концерты пользовались большою извѣстностью. Кромѣ того по воскресеньямъ у нея бывали музыкальныя собранія, на которыхъ собиралось все Петербургское общество, интересовавшееся музыкой. Между прочимъ на этихъ собраніяхъ присутствовалъ нерѣдко графъ Шуваловъ, впослѣдствіи нашъ посолъ въ Берлинѣ и главный начальникъ края въ Царствѣ Польскомъ. Г-жа Ниссенъ-Саломонъ давала уроки пѣнія и моей старшей сестрѣ, и вотъ почему мы съ нею сблизились и часто бывали на ея собраніяхъ.

Наконецъ можно упомянуть еще изъ тогдашняго музыкальнаго круга молодого віолончелиста Поортена. Поортенъ предпринималъ впослѣдствіи многочисленныя артистическія поѣздки въ разные края Россіи.

Свои артистическія странствованія по Россіи Поортенъ описалъ въ двухъ весьма юмористическихъ сочиненіяхъ: Tournée artistique dans l'intérieur de la Russie и другое Un coin perdu de la Russie par Arved Poorten,—изданныя въ Парижѣ. Въ видѣ образчика его веселаго юмора, привожу описаніе ихъ концерта въ городѣ Слободскомъ. Во-первыхъ, подъѣзжая къ концертному залу, онъ замѣчаетъ, что стоявшіе у входа мужики стали креститься—оказалось, что они приняли черный ящикъ, въ которомъ помѣщалась его віолончель, за гробъ. Далѣе самое начало концерта подало поводъ къ слѣдующему комическому эпизоду, который привожу словами автора.

Les confidences indiscrètes de notre ami Ivanoff (le chef des postes) nous révelent même un secret de la plus haute importance: le maître de police, l'influant dignitaire de la ville, a pris place au premier rang № 4 du coté gauche, place qu'il a dûment payé de son propre argent, abandonnant pour cette fois sa chaise officielle, chose inouie dans l'histoire des rejoussances de Slobodskoe.

„Preparez Vous àprésent, nous dit-il en finissant son discours sentencieux, je vais sonner afin que le monde soit prevenu de Votre apparition. Au troisième coup de sonnette montrez Vous sans crainte, mais n'épargnez rien pour notre cher petit public".

Forts de ces notions instructives, nous nous préparons dignément à la mission qui nous incombe.

La sonnette dit son dernier mot.

Je gravis l'éstrade avec mon enfant terrible et harmonieux, suivi d'Evertz.

Les yeux, armés de lorgnettes et de longues vues se braquent sur nous.

Nous faisons le salut d'usage!

Silence mystérieux.

Le maître de police se lève alors solénnellement; avec lui sa voisine, l'opulente marchande à la toilette bigarrée, suivis du corps entier de notre cher petit public. D'un commun accord, on nous rend la politesse en nous faisant une profonde révérence...

Ahuris de l'étrange remue ménage qui s'opère dans la salle, un fou rire jusqu'aux larmes nous saisit soudain en voyant toutes ces têtes allongées outre mesure et s'incliner devant nous. Impossible de commencer.

C'est le tour de notre cher petit public à s'étonner de l'étrange conduite de messieurs les artistes.

La stupéfaction devient générale.

Le calme se fait cependant; on s'assied; nos larmes tarissent.

J'attaque le morceau du concert, et à force de maîtriser mes regards qui n'osent se tourner vers ce public qui me chatouille, j'arrive tant bien que mal à la fin de mon solo.

Je me lève et salue.

Nouveau silence!

Le resort joue: l'assemblée au complet me rend mon compliment. Nous n'en pouvons plus; nous ne sortons pas, nous prenons la fuite comme des fous, craignant de laisser éclater une seconde fois notre invincible hilarité.

Приближался знаменательный 1853-й годъ—годъ восточной войны. Война началась неудачами, происшествія на полѣ брани несомнѣнно поглощали всеобщее вниманіе, но нельзя сказать, чтобы господствовало особое одушевленіе. Только морская побѣда подъ Синопомъ, гдѣ былъ уничтоженъ турецкій флотъ,—вызвала всеобщій энтузіазмъ, но и тутъ радость блестящаго успѣха Нахимова была помрачена опасеніемъ грозившаго разрыва съ европейскими державами. Всѣ у насъ какъ-то инстинктивно желали мира. Переговоры еще продолжались; за ними слѣдили у насъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ въ надеждѣ, что можетъ быть окажется возможнымъ предупредить всеобщую войну, и вотъ вдругъ появилось извѣстіе, что все улажено. Четыре пункта, предложенные европейскими державами на конференціи въ Вѣнѣ, приняты Государемъ; всѣ вздохнули свободно, съ души у всѣхъ спалъ какъ бы ужасный подавляющій кошмаръ. Это успокоеніе продолжалось однако недолго. Случилось то, что считалось невозможнымъ, немыслимымъ, чего никто не опасался. Турція, мизерная Турція, отвергла соглашеніе, принятое всею Европой—началась уже настоящая европейская война.

Поступокъ Турціи всѣ объяснили вліяніемъ на нее великобританскаго посла Редклифа. Разсказывали, что Редклифъ

нѣсколько времени тому назадъ былъ назначенъ англійскимъ посломъ въ Петербургъ, но Императоръ Николай, зная его антирусскія тенденціи, отклонилъ его назначеніе и просилъ Англію о выборѣ другой личности на постъ посла. Этотъ отказъ крайне уязвилъ Редклифа, и онъ сдѣлался послѣ того ожесточеннымъ нашимъ врагомъ, и вотъ почему, будучи посломъ въ Константинополѣ, онъ приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы разрушить возникшую надежду на миръ, такъ какъ онъ предвидѣлъ, что война на долгое время сломитъ наше вліяніе на востокѣ. Дѣйствительно, ему удалось уговорить турецкое правительство отвергнуть то соглашеніе, на которое послѣдовало согласіе даже его собственнаго правительства.

По этому поводу приведу здѣсь мысли, которыя у меня невольно возникали нѣсколько лѣтъ спустя, относительно нашихъ отношеній къ Турціи,—при чтеніи сочиненія l'Empereur Napoléon et Alexandre 1-er par Vandal. Со временъ Императора Александра 1-го мы постоянно становились на ту почву, что Турція больной человѣкъ, разлагающееся и умирающее тѣло („l'homme malade", какъ говорилъ Императоръ Николай въ своей бесѣдѣ съ сэромъ Сеймуромъ,—бесѣда, которую можно считать первымъ зародышемъ войны)—и что поэтому слѣдуетъ заблаговременно заботиться о раздѣлѣ наслѣдства и порѣшить, какъ разсчитаться съ друзьями, кому что взять. И каждый такой приступъ къ скорѣйшему разрѣшенію кажущейся агоніи турецкой державы кончался для насъ неминуемо большими или меньшими, но всегда рѣшительными неудачами. Такъ было во время Тильзитско-Эрфуртскихъ переговоровъ съ Наполеономъ (неудовлетворительный результатъ коихъ для нашихъ турецкихъ дѣлъ былъ тогда же предсказанъ Румянцевымъ), такъ было при переговорахъ Императора Николая съ Сеймуромъ—наконецъ отчасти на той же почвѣ мы стояли и при Александрѣ II во время второй восточной войны.

Между тѣмъ единственный разъ, что мы достигли не только удовлетворительныхъ, но и неожиданныхъ блестящихъ результатовъ—т. е. договора,—мы достигли этого, выступая защитниками дѣйствительно разлагавшейся тогда Турціи. Кажется, это заслуживаетъ глубочайшаго вниманія—какъ указаніе того, какъ мы должны поступать впредь въ нашей политикѣ по отношенію къ Турціи; мы должны являться покровителями, а не разрушителями Турціи—только этимъ путемъ мы можемъ достигнуть того вліянія на Босфоръ и Дарданеллы, которыми намъ такъ важно обладать. Мы должны выжидать момента, когда Турція, преслѣдуемая какою-либо другою державою, бросится въ наши объятія, видя въ насъ защитниковъ и спасителей, а до тѣхъ поръ спокойно выжидать, все

болѣе и болѣе пріучая Турцію видѣть въ насъ единственную вѣрную ей дружественную державу.

Разочарованіе, вызванное неуспѣхомъ мирныхъ переговоровъ, было тѣмъ тягостнѣе, что печальныя извѣстія о нашихъ неудачахъ на театрѣ войны слѣдовали одно за другимъ. Странно, что всѣ свѣдѣнія о военныхъ неудачахъ распространялись въ публикѣ задолго до оффиціальнаго о нихъ опубликованія. Уничтоженіе турками нашего кавалерійскаго отряда, атаковавшаго ихъ подъ начальствомъ Карамзина, при чемъ послѣдній и былъ убитъ, снятіе осады Силистріи—обо всемъ этомъ появлялись въ публикѣ какіе-то темные слухи, которымъ не хотѣлось вѣрить, но которые къ сожалѣнію потомъ всѣ оказывались вполнѣ достовѣрными и подтверждались оффиціальными бюллетенями. Всѣ тревожно ожидали, что предпримутъ западныя державы; говорили о высадкѣ и на берегу Балтійскаго и на берегу Чернаго моря; вдругъ получилось извѣстіе, что непріятельское войско высадилось безпрепятственно въ Крыму, что затѣмъ наши войска потерпѣли рѣшительное пораженіе; благодаря главнымъ образомъ плохому вооруженію солдатъ, что пули нашихъ ружей не долетаютъ до непріятеля на томъ разстояніи, на которомъ онъ насъ легко поражаетъ изъ своихъ дальнобойныхъ ружей. Черезъ нѣкоторое время, послѣ начатія войны, было приступлено къ созыву ополченія, и я еще живо помню, какъ ополченцы проходили по Новой Деревнѣ, гдѣ мы тогда жили на дачѣ, и какъ я увидѣлъ среди нихъ моего бывшаго университетскаго товарища Раевскаго, сына бывшаго протоіерея Казанскаго Собора, какъ это меня привело въ какое-то восторженное настроеніе и какъ я гордился тѣмъ, что пришлось разговаривать съ товарищемъ-ополченцемъ. Послѣдовать же его примѣру, сознаюсь, я не имѣлъ никакого желанія.

Геройская защита Севастополя нѣсколько подняла духъ въ столицѣ; Тотлебенъ сталъ героемъ дня, всѣ съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдили за подземной войной, которая происходила около Севастополя и о которой газеты приносили ежедневно самыя подробныя свѣдѣнія. Случайный, хотя и мелкій успѣхъ, взятіе небольшого англійскаго парохода „Tigre“, который сталъ на мель, не могъ сойти и былъ уничтоженъ нашею батареею,—радовалъ всѣхъ. Изъ дерева погибшаго корабля стали выдѣлывать разныя вещицы; трубочки для сигаръ, свистки и т. п., которые покупали нарасхватъ. Сожалѣли о бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, сынѣ какого-то аристократическаго семейства въ Англіи, которому во время обстрѣливанія „Tigre“'а ядромъ оторвало ногу. Разсказывали, что княгиня Воронцова перевезла раненаго къ себѣ (вѣроятно въ Алупку), сама ходила за нимъ

тѣ многіе дни, что онъ еще продолжалъ жить, а послѣ его смерти написала его матери въ Лондонъ трогательное и сердечное письмо о кончинѣ сына.

Среди всѣхъ этихъ треволненій и заботъ, всѣхъ вдругъ поразило неожиданное извѣстіе о тяжкой и опасной болѣзни Императора; два дня спустя уже распространилось извѣстіе о смерти. Казалось просто невозможнымъ, чтобы въ такой моментъ этотъ человѣкъ пересталъ существовать; нѣсколько дней до его болѣзни я его еще встрѣтилъ въ саняхъ около театральнаго моста, по Мойкѣ, и былъ, какъ каждый почти разъ, пораженъ его проницательнымъ орлинымъ взглядомъ—и вдругъ этого человѣка не стало. На торжественныя похороны покойнаго Государя я смотрѣлъ изъ оконъ Главнаго Штаба и еще помню высокую фигуру Александра II, шествовавшаго за гробомъ въ казацкомъ мундирѣ. Прошло 26 лѣтъ, и пришлось видѣть его самого въ гробу, сраженнаго злодѣйскимъ замысломъ.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Александра II произошла неожиданная перемѣна въ моемъ скромномъ служебномъ положеніи. Я уже разсказывалъ, какъ я мало по малу научился французской редакціи, такъ что могъ считаться въ нашемъ отдѣленіи порядочнымъ редакторомъ. Однажды директоръ департамента Философовъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сообщилъ мнѣ, что начальникъ нашего отдѣленія Рикаръ думаетъ уходить и что онъ полагаетъ назначить меня на его мѣсто начальникомъ отдѣленія (я тогда былъ уже произведенъ въ столоначальники). Такая надежда повышенія меня чрезвычайно обрадовала, но все же я считалъ нужнымъ замѣтить Философову, что у насъ въ отдѣленіи есть столоначальникъ Роспини (сынъ извѣстнаго въ то время содержателя оптическаго магазина), который гораздо старше меня по службѣ и потому, по моему мнѣнію, имѣетъ болѣе правъ на это мѣсто. Но Философовъ отвѣтилъ мнѣ, что Роспини во всякомъ случаѣ начальникомъ отдѣленія назначенъ не будетъ—тогда мнѣ болѣе ничего не оставалось, какъ поблагодарить его и принять столь лестное для меня предложеніе. Но этому назначенію не суждено было осуществиться; дѣло это почему-то все тянулось и тянулось и о моемъ назначеніи болѣе не было рѣчи, можетъ быть потому, что Рикаръ еще оставался на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ заключенъ былъ миръ, и возникъ вопросъ о коронованіи Императора Александра II. Стали дѣлать приготовленія; въ церемоніальной экспедиціи, во главѣ которой состоялъ тогда оберъ-церемоніймейстеръ графъ Борхъ, открылось именно въ это время мѣсто секретаря. При графѣ Борхѣ находился издавна отчасти въ качествѣ друга дома, отчасти въ качествѣ секретаря П. Х. Витте, братъ

жены А. Ф. Постельса (директора второй гимназіи)—который былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ нашимъ семействомъ и сохранялъ теплую память о моемъ покойномъ отцѣ. Онъ обратилъ вниманіе графа Борха на то, что мѣсто секретаря церемоніальной экспедиціи можно бы предоставить мнѣ, и графъ Борхъ на это согласился. Совершенно неожиданно для меня П. Х. Витте пришелъ однажды въ министерство, вызвалъ меня и сообщилъ мнѣ о предложеніи графа Борха. Я былъ совершенно поражэнъ этимъ извѣстіемъ, но, разумѣется, принялъ немедленно это предложеніе съ радостью. Новымъ назначеніемъ улучшалось не только мое матеріальное положеніе, потому что жалованье секретаря экспедиціи составляло 700 руб., между тѣмъ какъ до того я въ качествѣ столоначальника получалъ только 400 руб.; но кромѣ того перспектива присутствовать при всѣхъ интересныхъ церемоніяхъ коронаціи была особенно заманчива.

По поводу неожиданности сдѣланнаго мнѣ предложенія, я долженъ вообще замѣтить, что планы и предположенія, о которыхъ я помышлялъ и къ которымъ стремился въ моей карьерѣ, почти никогда не осуществлялись, между тѣмъ какъ не разъ совершенно неожиданно для меня передо мною открывались такія поприща, о которыхъ я и не помышлялъ.

Такъ, напримѣръ, передъ моимъ неожиданнымъ назначеніемъ въ секретари церемоніальной экспедиціи, я долго мечталъ о томъ, какъ бы добиться назначенія на мѣсто секретаря посольства въ Ріо-Жанейро, въ Бразиліи. Мысль эта запала мнѣ въ голову слѣдующимъ образомъ: Я уже говорилъ о томъ, что я былъ друженъ съ барономъ Остенъ-Сакеномъ и часто бывалъ въ этомъ семействѣ. У нихъ была очень хорошая библіотека и въ числѣ книгъ превосходное изданіе живописнаго обозрѣнія Бразиліи. Я часто разсматривалъ съ моимъ другомъ это сочиненіе и наслаждался чудными видами и великолѣпной природой Бразиліи. Такимъ образомъ у меня родилось желаніе посмотрѣть на эту чудную страну и побывать въ Ріо-Жанейро. Вмѣстѣ съ тѣмъ наше посольство въ Бразиліи было наименѣе важное изъ всѣхъ миссій, и потому желающихъ ѣхать туда было не много—такъ что была нѣкоторая надежда попасть и мнѣ на это мѣсто—при чемъ предо мною открылась бы дипломатическая карьера, которая своимъ почетомъ меня крайне прельщала.

По моему ходатайству графъ Борхъ согласился переговорить объ этомъ съ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ Синявинымъ, но когда открылась вакансія, то оказался другой кандидатъ, и я не былъ назначенъ. Тогда я объ этомъ очень горевалъ, но теперь вижу, что это послужило къ моему благу. Назначеніе въ Бра-

зилію надолго оторвало бы меня отъ семейства, разлучило бы съ матушкой и сестрами,—и вмѣстѣ въ будущемъ мнѣ вѣроятно бы ничего не дало, кромѣ развѣ скромнаго консульскаго мѣста. Мой конкуррентъ М., несмотря на то, что пользовался несравненно болѣе сильною протекціею, чѣмъ я, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Бразиліи, потомъ былъ назначенъ секретаремъ въ какое-то второстепенное посольство въ Европѣ и кончилъ карьеру консуломъ.

Точно то же можно сказать и о министерствѣ финансовъ, которому впослѣдствіи была посвящена главная моя дѣятельность,—когда я стремился и мечталъ поступить въ это вѣдомство, мои попытки оставались безуспѣшными, а впослѣдствіи дорога туда мнѣ открылась сама собою: во время моего служенія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, занимаясь экономическими вопросами, я жаждалъ получить болѣе существенный и болѣе значительный кругъ дѣятельности. Часто по вечерамъ, при сигарѣ, я погружался съ наслажденіемъ въ чтеніе біографій разныхъ извѣстныхъ государственныхъ людей въ „Revue des Deux Mondes“, мечтая послѣдовать по ихъ стезямъ и снискать дѣятельность не чиновничью, но государственную, а между тѣмъ какъ мало къ тому представлялось шансовъ. Мои Бразильскія иллюзіи распадались, другого пока ничего не имѣлось въ виду. Въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ былъ тогда вице-директоромъ Аспегринъ. Мнѣ было извѣстно, что онъ меня знаетъ, и что онъ похвально отзывался о моихъ экономическихъ статьяхъ. Толкаясь то въ одну, то въ другую дверь, чтобы выйти на болѣе широкое, болѣе соотвѣтственное моимъ занятіямъ поприще, я рѣшился обратиться къ Аспегрину съ просьбой опредѣлить меня въ кредитную канцелярію. Онъ меня принялъ учтиво, но возразилъ мнѣ, что у нихъ во-первыхъ въ данное время не имѣется вакансій и во-вторыхъ, что по самому роду канцелярской службы, чисто исполнительной,—финансовыя и ученыя познанія въ молодыхъ чиновникахъ не могутъ найти себѣ никакого приложенія,—такъ что я не найду у нихъ того рода дѣятельности, къ которой я стремился. Такого рода отказъ меня очень обезкуражилъ, и я тогда не могъ предвидѣть той роли, которую я буду играть въ министерствѣ финансовъ,—правда, что настоящимъ чиновникомъ я никогда не могъ быть.

Признакъ времени: С. Ю. Витте циркулярно повѣдалъ въ свое время по своему вѣдомству, что слѣдуетъ опредѣлять преимущественно лицъ съ университетскимъ образованіемъ, а въ пятидесятыхъ годахъ ученыя познанія считались излишними для молодыхъ людей, поступавшихъ въ кредитную канцелярію.

Съ моимъ назначеніемъ въ церемоніальную экспедицію перемѣ-

нилось разомъ все мое положеніе и весь характеръ моихъ занятій, вмѣстѣ съ тѣмъ я окончательно бросилъ мысль о Бразиліи.

До сихъ поръ я обращался только въ тѣсномъ семейномъ кругу родныхъ и знакомыхъ, теперь же я вдругъ очутился въ средѣ дипломатическаго круга, присутствовалъ при церемоніяхъ при дворѣ и вошелъ въ личныя сношенія съ множествомъ лицъ. Не могу не сознаться, что всѣ эти новыя отношенія очень пріятно затрогивали мое самолюбіе, вмѣстѣ съ тѣмъ созерцаніе блеска и роскоши придворной жизни, какъ нѣчто совершенно для меня новое, производило на меня большое впечатлѣніе, но особенно лестно на меня дѣйствовала возможность присутствовать при представленіяхъ дипломатовъ и при этомъ находиться вблизи особы Государя Императора и другихъ особъ царской фамиліи, которыхъ до тѣхъ поръ приходилось видѣть только издали.

Нѣсколько времени послѣ моего назначенія, начался пріѣздъ иностранныхъ чрезвычайныхъ посольствъ, прибывавшихъ въ Петербургъ для присутствованія при коронаціи. Представленіе ихъ большею частью происходило въ Петергофѣ, гдѣ въ это время находилась Императорская фамилія. Такъ какъ численность пріѣхавшихъ дипломатовъ и почетныхъ иностранцевъ была очень значительна, то ихъ невозможно было размѣстить всѣхъ въ дворцовыхъ флигеляхъ, и потому отъ двора было нанято нѣсколько дачъ для размѣщенія въ нихъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Петергофъ представиться Государю и прочимъ особамъ царской фамиліи, а такъ какъ эти представленія длились обыкновенно нѣсколько дней, то имъ приходилось все это время жить въ Петергофѣ. Для наблюденія за каждой изъ нанятыхъ дачъ, во время пріѣзда въ нихъ почетныхъ иностранцевъ, былъ назначенъ секретарь, который игралъ въ домѣ роль хозяина. На мою долю пришлось, сколько помню, Итальянское посольство. Эти поѣздки въ Петергофъ, лѣтомъ при хорошей погодѣ, имѣли почти характеръ parties-de-plaisir, съ прогулками въ паркѣ, катаньемъ въ экипажахъ, обѣдами и т. п.

Наконецъ, въ началѣ августа всѣ стали отправляться въ Москву на коронацію. По прибытіи въ Москву, для секретарей и прочихъ прикомандированныхъ къ церемоніальной экспедиціи молодыхъ людей, была нанята одна общая квартира, и въ наше распоряженіе былъ предоставленъ экипажъ, которымъ мы пользовались поочередно. Утро мы проводили въ подготовительныхъ занятіяхъ въ канцеляріи, въ писаніи приглашеній, въ переводѣ церемоніаловъ [1])

[1]) По поводу переводовъ приведу здѣсь одинъ курьезный эпизодъ. Оберъ-церемоніймейстеру графу Борху на время коронаціи былъ данъ титулъ Верховнаго церемоніймейстера, возникъ вопросъ, какъ перевести этотъ

и т. п., затѣмъ происходили обыкновенно какія-либо представленія при дворѣ, при которыхъ приходилось присутствовать, обмѣнъ визитовъ съ дипломатами и т. п. Потомъ послѣ обѣда какой-либо оффиціальный вечеръ или вечернее собраніе, или совѣщаніе въ канцеляріи по случаю предстоящей церемоніи. Такъ какъ намъ приходилось все устраивать и руководить церемоніями, то намъ были даны атласные шифры бѣлаго, желтаго и чернаго цвѣта съ бронзовымъ вензелемъ $\frac{A}{II}$, которые надѣвались на рукавъ и должны были служить намъ passe-partout. Такъ, напримѣръ, когда на улицѣ шло войско, и всѣ экипажи останавливались, то достаточно было показать офицеру нашу повязку съ шифромъ, и войска немедленно пропускали насъ, разступаясь, чтобы дать мѣсто нашему экипажу.

Отправляясь въ Москву, я обѣщалъ редактору „Петербургскихъ Вѣдомостей“, Очкину, посылать для его журнала корреспонденціи о Московскихъ Коронаціонныхъ торжествахъ. Мои корреспонденціи въ то время очень нравились и возбуждали интересъ читателей.— Съ тѣхъ поръ прошло полъ-вѣка, а воспоминаніе того, что происходило въ то время, при коронаціи Императора Александра II, можетъ имѣть, даже въ мелочахъ, нѣкоторый историческій интересъ хроники, а потому, пользуясь моими воспоминаніями, нѣкоторыми моими корреспонденціями, которыя у меня оказались подъ рукой, и дополняя ихъ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ корреспонденціи моего коллеги по этой части въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, постараюсь набросать хотя и не полную картину торжественнаго празднества осени 1856 года.

Ко времени коронаціи всѣ дипломаты, пріѣхавшіе къ этому торжеству, съѣхались въ Москвѣ. Послѣ всѣхъ пріѣхало Римское посольство, а именно два дня послѣ коронаціи—вѣроятно потому, что монсиньору Киджи казалось неудобнымъ быть во время торжества въ православной церкви, а прибывъ на коронацію, не участвовать на ней было невозможно. За день до коронаціи пріѣхалъ турецкій посолъ. Нѣкоторые дипломаты, а именно Англійское и Американское посольства, отправились въ Москву за двѣ недѣли раньше дня коронаціи, намѣреваясь предварительно спокойно осмотрѣть Москву и съѣздить въ Нижній Новгородъ на ярмарку.

титулъ. Мы перевели Maître Suprême des Cérémonies. Когда бумагу съ этимъ заголовкомъ показали товарищу министра иностранныхъ дѣлъ И. М. Толстому, онъ позвалъ къ себѣ начальника церемоніальной экспедиціи Кудрявцева и прикрылъ бумагой слова des Cérémonies, попросилъ его прочитать заголовокъ—оказалось: Maître Suprême.—Maître Suprême,—замѣтилъ И. М. Толстой,—Господь Богъ.... Послѣ того перемѣнили титулъ на Archi-Maître des Cérémonies и пришлось наскоро перепечатать нѣсколько церемоніаловъ, которые уже были заготовлены съ прежнимъ титуломъ.

Съ тѣмъ же поѣздомъ, въ которомъ ѣхало Англійское посольство, и я отправился въ Москву. Роскошный салонный вагонъ, въ которомъ находилось англійское общество и въ числѣ ихъ двѣ знаменитыя красавицы, лэди Эмили Пиль и лэди Стаффордъ, привлекали вниманіе и ѣхавшей съ ними въ другихъ вагонахъ публики, а также людей, встрѣчавшихъ поѣздъ на станціяхъ. Публика вела однако свои наблюденія очень деликатно, не обступала вагонъ, не смотрѣла прямо въ его окна и т. п.... На одной только станціи, откуда ни возьмись, вдругъ собралась цѣлая куча бабъ, продавцевъ и другого народа, подошли къ самому вагону и не спускали глазъ съ англійскихъ гостей, во время всей остановки; эта инспекція очень смѣшила и, кажется, доставила удовольствіе англичанамъ. Во время всего переѣзда погода стояла великолѣпная, такъ что проѣзжаемая мѣстность представлялась въ красивомъ видѣ. Приведу здѣсь поразившую меня замѣчательную черту безцеремонности англійскихъ лэди. Почему-то мнѣ нужно было войти къ нимъ въ вагонъ, чтобы переговорить о какомъ-то предметѣ. Все общество, и кавалеры и дамы находились въ салонномъ отдѣленіи вагона, и я замѣтилъ, что почти всѣ дамы сидѣли и лежали на кушеткахъ съ голыми ногами. Такъ какъ въ этотъ день была сильная жара, то дамы, не стѣсняясь присутствіемъ своихъ кавалеровъ, скинули чулки и ботинки и сидѣли запросто съ голыми ногами.

Пробывъ дня два въ Москвѣ, нѣкоторые изъ англичанъ и американцевъ отправились въ Нижній Новгородъ посмотрѣть на нашу ярмарку. Въ Нижній поѣхали сэръ Робертъ Пиль съ супругой, лордъ Кавендишъ, лордъ Сеймуръ, лордъ Ашлей, лордъ Уардъ, графъ Линкольнъ и два американца — г. Кольтъ (изобрѣтатель и фабрикантъ знаменитыхъ въ то время Кольтовскихъ револьверовъ) и Жарвинъ. Все путешествіе ихъ продолжалось около восьми дней, такъ что они успѣли пробыть въ Нижнемъ не болѣе двухъ дней. (тогда еще не было Нижегородской желѣзной дороги). Самый городъ и окрестности Нижняго чрезвычайно понравились путешественникамъ, они только жаловались на недостатокъ чистоты и удобства въ гостиницахъ. Не ограничиваясь осмотромъ ярмарки, они сдѣлали тамъ закупки на довольно значительныя суммы. Изъ всѣхъ товаровъ, бывшихъ на ярмаркѣ, ихъ больше всего прельщали персидскія и кавказскія шелковыя ткани, цвѣтныя суконныя, шитыя покрывала для столовъ, сафьянныя издѣлія и т. п. Желѣзныя и чугунныя издѣлія, впрочемъ, тоже не были оставлены безъ вниманія; богачъ лордъ Уардъ закупилъ даже нѣсколько чугунныхъ скамеекъ, отправивъ ихъ въ видѣ диковины изъ Нижняго въ Лондонъ.

Въ день торжественнаго въѣзда, утромъ шелъ дождь, но къ са-

мому времени въѣзда погода прояснилась. Вся Москва въ этотъ день съѣхалась въ различные дома и квартиры вдоль Тверской улицы, по которой долженъ былъ слѣдовать кортежъ. Одно изъ самыхъ красивыхъ зданій на Тверской, занимаемое гофмейстериной княгиней Кочубей, было занято въ этотъ день дипломатическимъ корпусомъ. Желая выказать вполнѣ русское гостепріимство, княгиня пригласила всѣхъ дипломатовъ (болѣе 150 человѣкъ) посмотрѣть съ балкона и изъ оконъ ея квартиры на торжественный въѣздъ Государя Императора.

Самый кортежъ представлялъ великолѣпное зрѣлище: золотые экипажи, кучера и лакеи въ пудрѣ и богатыхъ ливреяхъ, роскошная упряжь, красивыя лошади—все было изящно.

Кромѣ дипломатовъ у княгини Кочубей находились и нѣкоторые извѣстные иностранцы, прибывшіе въ Москву полюбоваться на предстоявшія торжества, между прочими замѣтимъ г. Консидерана (Considérant), корреспондента брюссельскаго журнала „Indépendence Belge“. Всѣ гости были въ мундирахъ, а дамы въ богатыхъ туалетахъ. Въ 5 часовъ, когда проѣздъ окончился, всѣ гости были приглашены къ обѣду. Обѣденный столъ, роскошно убранный, былъ накрытъ на 200 персонъ слишкомъ. Въ большой бальной залѣ былъ поставленъ одинъ главный столъ, за которымъ сидѣли послы и посланники, и вокругъ главнаго—четыре другіе стола; затѣмъ въ столовой, находившейся возлѣ бальной залы, было накрыто два большихъ стола во всю длину залы. Убранство столовъ, сервизъ, серебро, все это было въ высшей степени изящно, и если къ этому присовокупить блестящіе мундиры гостей и роскошные туалеты дамъ, то можно себѣ представить, что это было такое зрѣлище, которое рѣдко приходится видѣть въ частномъ домѣ, а не при дворѣ. За обѣдомъ игралъ оркестръ музыки. Несомнѣнно великолѣпный пріемъ княгини Кочубей долженъ былъ оставить живое воспоминаніе въ сердцахъ всѣхъ иностранцевъ, которые въ этотъ день у нея пировали. Во время обѣда графъ Морни, въ качествѣ старшаго [1]) изъ пословъ, провозгласилъ тостъ за здравіе Императора, на что ему было отвѣчено съ русской стороны тостомъ за здравіе Императора Наполеона и всѣхъ дружественныхъ съ Россіей государей. Но обѣдомъ для графини Кочубей еще не кончился этотъ интересный день,—всѣ были приглашены къ ней на балъ на тотъ же вечеръ. Къ 9-ти часамъ стали вновь съѣзжаться, но уже не въ

---

[1]) Старшинство въ этихъ случаяхъ считается со времени пріѣзда. Прибывшій раньше другихъ — и поэтому пребывающій въ Россіи долѣе другихъ — считается старшимъ (doyen).

мундирахъ, а въ бальныхъ фракахъ. Балъ, впрочемъ, продолжался не очень долго, потому что всѣ были утомлены, — къ часу стали разъѣзжаться. На балу присутствовали многіе изъ иностранныхъ принцевъ, находившихся въ Москвѣ.

Время между торжественнымъ въѣздомъ и днемъ коронаціи было проведено довольно тихо. При дворѣ происходили только представленія вновь пріѣхавшихъ дипломатовъ, а въ городѣ тоже не было слышно о пріемахъ. Единственнымъ значительнымъ вечернимъ собраніемъ въ это время былъ балъ у лорда Гренвиля, англійскаго посла, въ пятницу 24-го августа. На этотъ балъ были только личныя и словесныя приглашенія, имѣлось въ виду придать ему характеръ болѣе интимнаго вечера, и несмотря на то, собралось человѣкъ до четырехъ сотъ. Домъ Граціани на Пречистенкѣ, занимаемый англійскимъ посольствомъ, былъ отдѣланъ великолѣпно. Кромѣ множества красиво убранныхъ комнатъ, главныя двѣ—красная гостиная — обитая вся малиновой парчей и украшенная портретомъ во весь ростъ королевы Викторіи, и бальная зала, большая продолговатая бѣлая комната, стѣны которой были покрыты блестящимъ алебастромъ.

Входя въ швейцарскую англійскаго посольства, а также смотря на англійскіе экипажи, могло казаться, что передъ вашими глазами сцена изъ какого-нибудь романа Диккенса или Тэккерея. Все это носило чисто англійскій характеръ. Высокіе экипажи на двойныхъ рессорахъ, англійская упряжь, кучера и лакеи въ напудренныхъ парикахъ съ огромными, высокими треугольными шляпами съ плюмажемъ, въ которомъ преобладали два цвѣта, красный и синій, короткіе штаны, чулки и башмаки. Тѣ же ливреи встрѣчали васъ при входѣ въ домъ посольства, по лѣстницѣ въ верхніе покои. Наверху же въ комнатахъ прислуживали лакеи въ черныхъ фракахъ, но въ пудрѣ на головѣ, а другіе въ малой ливреѣ, т. е. въ синихъ фракахъ съ золотыми пуговицами и краснымъ бархатнымъ воротникомъ.

Былъ балъ веселый, танцовали много, ужина особеннаго не было, но были буфеты съ чаемъ, напитками и холоднымъ ужиномъ. Буфеты были убраны роскошными серебряными сервизами; всѣ ѣли на серебрѣ. Лэди Гренвиль, кромѣ своего собственнаго сервиза, привезла съ собою еще серебро герцога Девонширскаго, ея дяди, но всего интереснѣе то обстоятельство, что серебро герцога Девонширскаго то же самое, которое сопровождало герцога въ Москву, когда онъ присутствовалъ на коронаціи покойнаго Государя Николая Павловича. Герцогъ Девонширскій пожелалъ тоже, чтобы лэди Гренвиль взяла съ собою въ Москву и тѣ самые брил-

ліанты, которые въ Москвѣ ему были подарены Императоромъ Николаемъ. Эти два обстоятельства лэди Гренвиль разсказывала сама во время бала многимъ лицамъ, удивлявшимся ея великолѣпнымъ брилліантамъ.

Насталъ день коронаціи. Этотъ день памятенъ мнѣ не только по богатству впечатлѣній всего видѣннаго при этомъ торжествѣ, но и по крайнему безпокойству и опасенію, которое мнѣ пришлось испытать въ этотъ день, хотя и не по моей винѣ.

Вечеромъ передъ коронаціей было подготовительное засѣданіе въ церемоніальной канцеляріи для распредѣленія ролей и для установленія всѣхъ необходимыхъ распоряженій, въ присутствіи верховнаго церемоніймейстера графа Борха, московскаго оберъ-полицеймейстера Лыжина и другихъ оффиціальныхъ лицъ. По церемоніалу дипломатическій корпусъ долженъ былъ прибыть въ соборъ за полчаса до прибытія Государя. Всѣ дипломаты должны были собраться у графа Морни, который жилъ за Тверскими воротами, кажется, на дачѣ Романова. Въ условленное время за ними долженъ былъ пріѣхать въ придворномъ экипажѣ одинъ изъ секретарей церемоніальной экспедиціи, и затѣмъ весь дипломатическій кортежъ долженъ былъ слѣдовать цугомъ за каретою пріѣхавшаго за ними секретаря церемоніальной экспедиціи въ Успенскій соборъ.

Порученіе ѣхать за дипломатами и вести ихъ въ соборъ было возложено на меня. Нужно было поэтому внимательно позаботиться предварительно о всѣхъ исполнительныхъ подробностяхъ, чтобы не вышло какой-либо путаницы, которая при такихъ обстоятельствахъ и въ такой день могла имѣть особенно непріятныя послѣдствія. Прежде всего я условился съ представителемъ конюшеннаго вѣдомства, чтобы назначенная для меня придворная карета, заблаговременно, по крайней мѣрѣ за часъ до моего отъѣзда, была уже у подъѣзда нашей квартиры, при чемъ я спеціально обратилъ вниманіе на то, что карету надо послать не къ помѣщенію канцеляріи, а къ нашей квартирѣ, которая была извѣстна конюшенному вѣдомству, потому что мы изъ нея постоянно ѣздили на разныя церемоніи. Затѣмъ оставалось условиться съ оберъ-полицеймейстеромъ относительно пути, по которому долженъ былъ слѣдовать дипломатическій кортежъ. Въ день коронаціи большая часть городскихъ воротъ, ведущихъ въ Москву, должны были быть заперты, и только двое или трое изъ воротъ должны были быть оставлены для проѣзда. Я освѣдомился у оберъ-полицеймейстера, будутъ ли открыты для проѣзда ближайшія къ дому Морни Тверскія ворота, и онъ мнѣ заявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что эти ворота будутъ открыты. Сдѣлавъ такимъ образомъ всѣ зависѣвшія отъ меня распоряженія,

я полагалъ, что могу быть совершенно спокоенъ, но вышло противно моему ожиданію. Я не имѣлъ осторожности потребовать какъ отъ конюшеннаго офицера, такъ и отъ оберъ-полицеймейстера письменнаго извѣщенія о томъ, въ чемъ мы съ ними условились, и оказалось, что они оба напутали, а такъ какъ я не имѣлъ въ рукахъ письменнаго удостовѣренія въ томъ, что съ моей стороны все необходимое было сдѣлано, то послѣдствія путаницы, если бы такія оказались, пали бы на мою отвѣтственность и дѣло могло бы кончиться очень плохо для меня. Но къ счастію однако все кончилось благополучно.

На другой день, т. е. 26-го, я всталъ очень рано и, облекшись въ церемоніальную форму, сталъ ожидать пріѣзда придворной кареты. Насталъ условленный часъ, а кареты нѣтъ; проходитъ пять, десять минутъ, а кареты нѣтъ, какъ нѣтъ. Положеніе было ужасное, что оставалось дѣлать? Такъ какъ между молодыми людьми, служившими въ церемоніальной экспедиціи, были хорошія товарищескія отношенія, то одинъ изъ моихъ молодыхъ коллегъ, чтобы вывести меня изъ этой бѣды, вызвался въ нашемъ обыкновенномъ экипажѣ, стоявшемъ на дворѣ, поскакать въ церемоніальную канцелярію, потому что у насъ сейчасъ явилась мысль, что вѣроятно въ конюшенномъ вѣдомствѣ напутали и вмѣсто того, чтобы прислать карету къ намъ на квартиру, какъ было условлено, послали ее къ канцеляріи, куда нерѣдко тоже посылались придворные экипажи. Такъ и оказалось. Послѣ получаса самаго тревожнаго ожиданія, наконецъ появилась придворная карета, которую мой товарищъ засталъ у крыльца канцеляріи, гдѣ она меня преспокойно ожидала, и привезъ ее съ собою.

Съ радостнымъ сердцемъ, я скорѣе сѣлъ въ карету и отправился къ Морни.

Утро въ этотъ день было чудное. Солнце уже утромъ ярко горѣло, а такъ какъ до того дня два шелъ дождь, то пыли совершенно не было; даже крыши домовъ казались всѣ какъ будто вновь выкрашенными, все носило какой-то отпечатокъ праздничной торжественности, все смотрѣло веселымъ праздникомъ.

Дипломатамъ было назначено въ это утро всѣмъ собраться къ графу Морни въ 8 часовъ утра, и къ этому часу я долженъ былъ за ними заѣхать.

Несмотря на остановку съ экипажемъ, такъ какъ ему приказано было быть у меня за часъ до времени отъѣзда, я безъ опозданія подъѣхалъ къ дому Морни. Ему доложили, что пріѣхалъ за ними церемоніальный чинъ, и меня пригласили къ нему въ залу. Тамъ я засталъ графа Морни и всѣхъ членовъ посольства за столомъ, за

утреннимъ завтракомъ—по моемъ приходѣ всѣ немедленно встали—стали собираться въ путь. Я еще помню, что графъ Морни приказалъ въ послѣднюю минуту принести ему коробку съ шоколадными лепешками, которую онъ взялъ съ собою, вѣроятно для подкрѣпленія силъ, въ предвидѣніи, что церемонія будетъ очень продолжительна. Всѣ прочіе дипломаты ожидали момента отправленія въ своихъ каретахъ, не выходя изъ нихъ, такъ какъ все было разсчитано минута въ минуту, и потому не стоило вылѣзать изъ экипажей.

Мы вышли съ французами на крыльцо, я сѣлъ въ карету и двинулся впередъ, французы сѣли въ свои экипажи, и затѣмъ весь цугъ двинулся въ путь; за французами—австрійцы, а за ними всѣ остальные.

До этого времени уже многіе изъ дипломатовъ пріѣзжали ко двору, для представленія, въ необыкновенныхъ, особенно красивыхъ экипажахъ, около которыхъ немедленно собирались толпы народа. Но въ это утро они ѣхали въ особенныхъ роскошныхъ экипажахъ, сопровождаемые свитой и прислугой въ блестящихъ ливреяхъ. Красная съ позолотой карета графа Морни была украшена съ величайшимъ вкусомъ; его сопровождали верхомъ офицеры его свиты, ѣхавшіе по сторонамъ его кареты. Ливрея кучеровъ и лакеевъ была бѣлая суконная съ красными отворотами и золотымъ шитьемъ, напоминавшая мундиры драгунскихъ офицеровъ прежнихъ временъ, какъ мы не разъ видѣли ихъ на сценѣ. Экипажъ лорда Гренвиля синій съ позолотой, кучера и прислуга въ пудрѣ. Ливрея князя Эстергази, австрійскаго посла, была похожа на англійскую, только безъ высокихъ треугольныхъ шляпъ, по сторонамъ кареты шли двѣнадцать гусаръ въ богатыхъ желтыхъ, шитыхъ золотомъ мундирахъ и скороходы (coureurs) въ красивыхъ историческихъ голубыхъ костюмахъ. Особенно красивые экипажи были также у князя де Линь, бельгійскаго посла, у графа Бреля (Broglee), сардинскаго посла (тогда еще не было королевства Италіи), у турецкаго посла и такъ далѣе.

Сами дипломаты были, разумѣется, въ парадныхъ мундирахъ и въ русскихъ орденахъ, только-что имъ дарованныхъ. Дипломатическіе костюмы не представляютъ впрочемъ ничего особеннаго;—въ средѣ дипломатовъ отличались только необыкновенно красивымъ венгерскимъ костюмомъ члены австрійскаго посольства; особенное вниманіе всѣхъ обращалъ на себя богатый костюмъ князя Эстергази, главы посольства, о роскошномъ костюмѣ котораго говорили даже еще до пріѣзда князя. Его венгерскій костюмъ былъ всецѣло покрытъ шитьемъ изъ драгоцѣннаго жемчуга. Одѣяніе казалось совершенно бѣлымъ, какъ бы обсыпаннымъ снѣгомъ, до та-

кой степени оно было разукрашено жемчужнымъ шитьемъ. Даже голенища сапогъ были сверху до низу обшиты жемчугомъ. Если прибавить къ этому брилліантовыя пуговицы на венгеркѣ, брилліантовыя застежки на ментикѣ и три блестящія звѣзды (изъ которыхъ одна русская) на груди и орденъ Золотого Руна изъ драгоцѣнныхъ разноцвѣтныхъ каменьевъ на шеѣ, то не удивительно, что стоимость всего костюма опредѣлялась въ нѣсколько милліоновъ. Кромѣ того на бархатномъ беретѣ (шапочкѣ) красовались тоже четыре пера изъ брилліантовъ (aigrette).

Не успѣли мы проѣхать минутъ десять, какъ къ моей каретѣ подъѣхалъ сопровождавшій насъ жандармскій офицеръ, чтобы доложить мнѣ, что ближайшія ворота Тверскія заперты, и что надо ѣхать въ объѣздъ въ другіе ворота, а это удлинняло нашъ путь приблизительно на три четверти часа. Я былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ; на мое заявленіе, что оберъ-полицеймейстеръ мнѣ вчера положительно заявилъ, что сдѣлано распоряженіе объ открытіи Тверскихъ воротъ, офицеръ могъ мнѣ только отвѣтить: „не могу знать, но ворота заперты“. На мое дальнѣйшее заявленіе, нельзя ли распорядиться немедленно объ открытіи ихъ, это оказалось почему-то невозможнымъ. Нечего было дѣлать, пришлось ѣхать кругомъ. До сихъ поръ мы ѣхали шагомъ, церемоніальнымъ шествіемъ,— чтобы нагнать время, я приказалъ ѣхать рысью. Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ опять подъѣхалъ тотъ же жандармскій офицеръ, чтобы доложить, что сопровождавшіе карету князя Эстергази пѣшкомъ гусары и скороходы не могутъ поспѣвать за цугомъ, какъ какъ скоро онъ двинулся рысью. Я приказалъ ѣхать опять шагомъ, но только нѣсколько ускореннымъ. Легко себѣ представить ту нравственную пытку, въ которой я находился въ теченіе предстоявшихъ трехъ четвертей часа, пока мы не доѣхали до Собора. Я уже представлялъ себѣ, что, такъ какъ все было разсчитано минута въ минуту, Государь и Императрица уже въ Соборѣ, что имъ приходится ждать пріѣзда дипломатовъ, что самое открытіе торжества коронованія этимъ замедлится—какой будетъ гнѣвъ Императора и все это обрушится на меня... Невозможность выйти какимъ-либо образомъ изъ этого непріятнаго и опаснаго положенія послужила однако къ нѣкоторому моему успокоенію; я съ какимъ-то фатализмомъ сказалъ себѣ, что будетъ, то будетъ и предался своей печальной судьбѣ, въ ожиданіи того, чѣмъ окончится весь этотъ казусъ. Наконецъ эти убійственныя три четверти часа прошли, мы выѣхали на Кремлевскую площадь, и моимъ взорамъ представилось столь чудное зрѣлище, что я на минуту забылъ даже о своихъ заботахъ. Вся площадь, залитая солнечнымъ свѣтомъ, въ которомъ блестѣли

купола церквей, окаймленная трибунами, крытыми краснымъ сукномъ, была наполнена народомъ, это было море головъ. Трибуны были наполнены элегантной публикой, дамами въ самыхъ красивыхъ разноцвѣтныхъ туалетахъ, между народомъ стояли войска,—затѣмъ духовенство въ парчевыхъ одѣяніяхъ, шедшее, кажется, въ церковь,—однимъ словомъ, все это вмѣстѣ взятое представляло поразительно восхитительную картину, какой мнѣ еще никогда не приходилось видѣть.

Наконецъ, мы подъѣхали къ краснымъ подмосткамъ у Собора, я вышелъ изъ кареты, и первое мое слово было: „Государь въ Соборѣ?“ — мнѣ отвѣтили: „нѣтъ, еще не изволилъ прибыть“, — у меня отлегло отъ сердца, я свободно вздохнулъ.

Оказалось, что Императорская чета, задержанная вѣроятно туалетомъ Императрицы, прибыла въ Соборъ нѣсколько позже установленнаго времени,—и это меня спасло. Единственнымъ послѣдствіемъ всего этого эпизода было только то, что дипломаты меня потомъ спрашивали „pourquoi nous avez Vous fait faire un si long voyage pour arriver à l'église?“

Когда мы подъѣхали ко входу въ Соборъ, дипломаты были встрѣчены церемоніймейстеромъ, который провелъ ихъ въ Соборъ и указалъ имъ назначенныя мѣста. Всѣ остальные знатные иностранцы получили билеты на трибунахъ, которыя были размѣщены внѣ Собора.

Теперь я могъ уже созерцать спокойно торжественную и великолѣпную церемонію коронаціи, наблюдать за входомъ Высочайшихъ Особъ въ Соборъ, созерцать, какъ Государь возложилъ корону на себя и на главу Императрицы и вообще весь ходъ церемоніи. Трудно описать торжественное величіе видѣннаго зрѣлища. Лучи солнца, падавшіе въ Соборъ чрезъ одно изъ верхнихъ оконъ, ясно отдѣлявшіеся отъ полусвѣта, царствовавшаго въ Соборѣ,—по мнѣнію присутствовавшихъ, какъ бы наглядно изображали благодать Всевышняго, нисходящую на коронующуюся чету. Не менѣе поразительную картину представляло, послѣ коронаціи, шествіе Государя и Императрицы подъ богатыми золочеными балдахинами, сопровождаемые дворомъ и свитою въ два другіе Кремлевскіе Собора, находящіеся противъ Успенскаго, для поклоненія мѣстнымъ святынямъ. Галлереи, наполненныя публикой, испещренной самыми красивыми дамскими уборами, народъ, толпящійся, но въ удивительномъ порядкѣ на площадкахъ между Соборами, войска, звонъ колоколовъ, громъ пушекъ, и среди всего этого, движущіеся въ блестящей толпѣ мундировъ царскіе балдахины со всѣмъ кортежемъ...

Послѣ коронаціи состоялся церемоніальный обѣдъ, а вечеромъ зажглась иллюминація.

Приведу здѣсь историческія слова, сказанныя Государю митрополитомъ Платономъ въ его рѣчи. „Вселюбезнѣйшій Государь! сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша, но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой, но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность, но Твое попеченіе. Сія порфира, есть наше огражденіе, но Твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть наше утѣшеніе, но Тебѣ бремя".

Слова, какъ бы пророческія, въ нихъ какъ бы звучало предсказаніе той тяготы, того бремени, которое подавляло Государя въ послѣдніе годы его царствованія, и наконецъ обрушилось на него такою ужасною катастрофою.

А какія свѣтлыя надежды возбуждались въ моментъ коронаціи рядомъ милостивыхъ царственныхъ распоряженій только-что коронованнаго Царя?

Для характеристики того настроенія, которое тогда проявлялось въ публикѣ, приведу нѣсколько словъ изъ корреспонденціи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ".

„Какое благородное сердце не придетъ въ восторгъ, читая всемилостивѣйшій манифестъ 26-го августа и слѣдующіе за нимъ указы Правительствующему Сенату? Есть ли въ цѣлой Россіи хоть одно сословіе, на которое не излились бы отъ этого манифеста несказанныя милости? Есть ли хоть одинъ человѣкъ, въ какомъ-нибудь сословіи, на котораго бы не простерся лучъ Царской любви. Наказанія, положенныя закономъ за различныя преступленія, смягчены; недоимки казенныя скинуты со счетовъ; рекрутскія квитанціи зачтены; солдатскимъ дѣтямъ, даже незаконнорожденнымъ, открытъ путь въ другія званія и т. д. А кромѣ этихъ милостей, сколько еще важныхъ льготъ, выходящихъ уже изъ ряда обыкновенныхъ Царскихъ милостей! Пошлина съ заграничныхъ паспортовъ уничтожена, и самый незажиточный человѣкъ можетъ теперь свободно путешествовать по Европѣ; затрудненія и ограниченія, съ которыми до сихъ поръ были соединены для нашихъ западныхъ собратій воспитаніе дѣтей и вступленіе въ службу, отмѣнены; права евреевъ увеличены и проч. и проч. Сколько благодушія, сколько довѣренности къ доброму народу. Что же сказать о милости, изліянной на государственныхъ преступниковъ 1825-го года. Ихъ вина забыта. Множество семействъ обнимутъ своихъ отцовъ, братьевъ, съ которыми они не смѣли питать надежды когда-либо обняться. И они придутъ въ нѣдра своихъ семействъ уже не преступниками, влачащими на себѣ отталкивающій позоръ преступленія и лишенными правъ гражданскихъ; нѣтъ, бывшіе потомственные дворяне возвратятся опять дворянами, бывшіе графы — графами, бывшіе князья —

князьями. И если сами преступники почему-либо не успѣютъ воспользоваться дарованною имъ милостью, то, по крайней мѣрѣ, на невинныхъ дѣтей ихъ не ляжетъ тяжесть отцовскаго преступленія... Неизреченная милость и въ то же время правосудіе! Милость и истина срѣтостася...

Три слова только и слышатся въ манифестѣ и указахъ 26-го августа: отмѣнить, возвратить, простить—три великихъ слова, которыя теперь уже врѣзаны исторіею въ ея вѣчныя скрижали. Богу одному извѣстно будущее, но уже и этихъ трехъ словъ достаточно для безсмертія и славы въ исторіи человѣчества"...

Какими розовыми лучами восходилъ молодой день, и какими черными тучами онъ окончился. Но во всякомъ случаѣ къ вышеприведеннымъ тремъ словамъ еще надо прибавить четвертое: освобожденіе крестьянъ.

Погода вечеромъ, 26-го августа, когда зажглась иллюминація, была удивительная. Термометръ ночью стоялъ 14°. Два ряда экипажей тянулись по улицамъ, въ нихъ сидѣли большею частью дамы и дѣти, разряженныя совершенно по-лѣтнему. Между экипажами разъѣзжали верхомъ военные и статскіе пѣшеходы. Тверская улица была буквально залита огнемъ. Вдали искрились верхи Кремлевскихъ башенъ, какимъ-то спокойнымъ торжественнымъ свѣтомъ золота горѣла огромная корона, вѣнчавшая высокую колокольню Ивана Великаго, и ярко сіялъ надъ нею блестящій крестъ, словно осыпанный брилліантами. На площади, прорѣзываемой Иверскими воротами, съ трехъ сторонъ представлялись огненныя картины, одна другой привлекательнѣе. Направо огненный садъ съ огненными деревьями и висящими на нихъ прозрачными плодами,—налѣво иллюминованныя арки Театральной площади и наконецъ прямо Красная площадь, которая замыкалась проглядывавшими сквозь Иверскія ворота игривыми очертаніями ярко освѣщенныхъ куполовъ Василія Блаженнаго.

Сенатская площадь была убрана высокими колоннами, обвѣшанными оружіемъ и знаменами. Орлы и вензеля, нарисованные художникомъ Троповымъ, горѣли яркимъ свѣтомъ, такъ что на площади было свѣтло, какъ днемъ. Особенно эффектно свѣтился Иванъ Великій. Куполъ его колокольни увѣнчанъ золотой короной; колосья, качавшіеся на воздухѣ около короны, были убраны разноцвѣтными шарами. Отъ короны внизъ на два яруса тянулись на стѣнѣ цѣпи, какъ бы составленныя изъ разныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Эти цѣпи поддерживали что-то вродѣ балдахина, въ который одѣта была нижняя половина колокольни. Балдахинъ былъ освѣщенъ

почти красными огнями, окутывавшими колокольню, какъ бы огненнымъ плащемъ. На сторонѣ горѣлъ щитъ, съ вензелевымъ изображеніемъ Ихъ Величествъ. По ту сторону рѣки, на всемъ ея протяженіи, плавали на воздухѣ какія-то огненныя нити; глубоко внизу чернѣла рѣка, тихо плескавшаяся въ своихъ гранитныхъ берегахъ. Берегъ былъ покрытъ туманомъ, и въ этомъ туманѣ стояли огненныя очертанія домовъ. И всѣ эти воздушные дома, составленные изъ легкихъ огненныхъ линій, трепетали въ зыблющейся водѣ рѣки игривымъ отблескомъ. При малѣйшемъ вѣтеркѣ, который рябилъ ея зеркальную поверхность, они представляли тысячи разнообразныхъ сочетаній лучей и переливовъ свѣта.

Надъ Боровицкими воротами Кремля медленно вертѣлся какой-то разноцвѣтный шаръ, представлявшій то красную, то зеленую, то голубую сторону, и внутри котораго вдругъ какимъ-то чудомъ обрисовывался двуглавый орелъ и снова скрывался въ цвѣтахъ вертящейся радуги. По Воздвиженкѣ сіялъ ярко-краснымъ балдахиномъ домъ графа Шереметева, обвѣшенный гирляндами изъ разноцвѣтныхъ огней. Съ Каменнаго моста опять другая картина: изъ-подъ ногъ уходитъ въ даль извивающаяся лента рѣки, подернутая легкимъ туманомъ. Направо идетъ бриллiантовая кайма, протянутая по периламъ набережной, за ней стоятъ по-прежнему въ воздухѣ очертанія домовъ Замоскворѣчья, сіяющія алмазами; налѣво рисуются пирамиды и конусы Кремлевскихъ башенъ, унизанные мерцающими питями огоньковъ; изъ-за нихъ горитъ корона Ивановской колокольни; впереди, далеко, освѣщенная громада Воспитательнаго дома, съ высоко поднятыми надъ ней огромными круглыми щитами, видны только какія-то фантастическія очертанія, стоящія въ туманномъ воздухѣ, словно жилища какихъ-то безтѣлесныхъ существъ. И весь этотъ фантастическій городъ, въ опрокинутомъ видѣ, отражается въ спокойной глубинѣ рѣки; только изрѣдка какая-нибудь шаловливая волна тронетъ линію и заставитъ ее разсыпаться дрожащими огоньками...

Особенно очаровательно было украшеніе Василія Блаженнаго. Всѣ граненыя главы этой церкви, казалось, были осыпаны драгоцѣнными камнями; на каждой грани виднѣлся —гдѣ изумрудъ, гдѣ аметистъ, гдѣ топазъ, гдѣ бриллiантъ. Огнистыя очертанія куполовъ, построенныхъ безъ видимой симметріи, одинъ выше другого, казались остроконечными арками, висящими на воздухѣ.

Роскошно убрана была также Театральная площадь: она имѣла видъ прекраснаго овала, окруженнаго арками; надъ шестью отдѣленіями арокъ были поставлены шесть раскрашенныхъ орловъ, освѣ-

щавшихся сзади закрытыми огнями. Какъ сами арки, такъ и всѣ столбы и зданія, между которыми онѣ были проведены, были роскошно иллюминованы. Въ срединѣ этого очаровательнаго круга помѣщались два фонтана, украшенные зелеными гирляндами. Между частными домами, особенно хорошо были убраны дома, занимаемые посольствами: англійскимъ (д. графини Граціани на Пречистенкѣ) и французскимъ (д. Римскаго-Корсакова у Тверскихъ воротъ). Послѣдній былъ иллюминованъ разноцвѣтными шарами, развѣшанными передъ домомъ въ видѣ цвѣточныхъ гирляндъ, съ развѣвающимися флагами à la française. Иллюминація эта была сдѣлана съ такимъ вкусомъ, что передъ квартирою Морни, отъ множества зрителей, почти проѣзда не было.

Наконецъ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о Кремлевскомъ садѣ. Чугунная рѣшетка сада, обращенная къ фонтану, была ярко иллюминована разными узорами. Вся стѣна, подъ которой разбитъ садъ, ярко горѣла. Особенно хорошъ былъ щитъ на срединѣ стѣны: брилліантовый вензель на голубомъ полѣ. По куртинамъ были разбросаны искусственныя огненныя деревья съ разноцвѣтными плодами. Между ними бѣлѣлись наскоро устроенныя палатки, въ которыхъ можно было найти разные напитки и закуски. Четыре оркестра музыки гремѣли въ двухъ отдѣленіяхъ сада; народу была бездна.

Иллюминація длилась три дня. Но на третій день погода вдругъ перемѣнилась, сдѣлалось холодно, пошелъ мелкій дождь, стаканчики гасли, несмотря на безпрестанныя усилія поддержать огонь; горѣвшіе на домахъ шкалики были похожи на обсыпающіяся искры, то появлялись, то исчезали. Это была тоже въ своемъ родѣ занимательная картина; но она не производила того пріятнаго впечатлѣнія, какъ полная роскошная иллюминація первыхъ двухъ ночей, необыкновенно теплыхъ и тихихъ.

Въ понедѣльникъ послѣ коронаціи происходило поздравленіе Императорской четы, между прочимъ и дипломатическимъ корпусомъ. Вслѣдъ затѣмъ представлялся Ихъ Величествамъ турецкій посолъ Мегметъ-Али. Это былъ человѣкъ еще молодой, красивый собою и хорошо говорящій по-французски; про него увѣряли, что онъ вообще человѣкъ очень образованный. Во время коронаціи онъ и персидскій посолъ находились въ трибунахъ, устроенныхъ для нихъ на галлереѣ внѣ Собора, на которой находились также другіе знатные иностранцы. Пріѣздъ турецкаго посла, въ виду только-что окончившейся войны съ Турціею, возбуждалъ въ Москвѣ всеобщее любопытство. Несмотря на то, что его пріемные дни еще не были назначены, къ нему являлись цѣлый день посѣтители, жаждавшіе

взглянуть на представителей европейскаго востока; въ числѣ посѣтителей было не мало и посѣтительницъ, пріѣзжавшихъ въ полномъ туалетѣ и въ брилліантахъ.

Два дня спустя былъ пріемъ папскаго посла Дона Флавіо изъ дома князей Киджи. Киджи былъ нѣкогда военнымъ, и только нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ перешелъ въ духовное званіе.

Послѣ коронаціи послѣдовалъ еще цѣлый рядъ баловъ и собраній. Частные балы (во фракахъ и не многолюдные), еще два у лорда Гренвиля, балъ у графа Морни, второй балъ у княгини Кочубей. Затѣмъ большіе оффиціальные балы у пословъ, у князя Голицына, въ Дворянскомъ Собраніи. Три придворныхъ бала, торжественный спектакль въ театрѣ, два народныя празднества, обѣдъ, данный купечествомъ войскамъ, и народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ, и наконецъ все завершилось фейерверкомъ.

О первомъ частномъ балѣ у лорда Гренвиля я уже говорилъ; здѣсь скажу еще нѣсколько словъ о третьемъ его балѣ, который былъ особенно элегантенъ и удаченъ и представлялъ собою нѣкоторыя особенности. Прежде всего при самомъ входѣ въ большой залъ, поражало особенное устройство освѣщенія, чрезвычайно оригинальное и эффектное. Къ прежнему освѣщенію громадною хрустальною люстрою по срединѣ зала были присоединены кругомъ ея совершенно особеннаго устройства люстры. Каждая изъ нихъ состояла изъ тонкаго позолоченнаго металлическаго обруча, на который были поставлены свѣчи. Каждая люстра была привѣшена къ потолку на четырехъ проволокахъ и при томъ очень тонкихъ, такъ какъ обручи не имѣли большого вѣса. Проволоки, смотря снизу, были совершенно незамѣтны для глазъ, такъ что казалось, какъ будто эти прозрачныя и легкія люстры ни къ чему не прикрѣплены и свободно носятся въ пространствѣ, что̀ представляло необыкновенно красивый и оригинальный видъ.

Послѣ второй или третьей кадрили, гости были вдругъ поражены какими-то странными звуками, раздающимися изъ сосѣдней комнаты. Всѣ взоры обратились къ дверямъ, и вскорѣ появился въ нихъ человѣкъ въ шотландскомъ костюмѣ, играющій на какой-то волынкѣ, украшенной четырехугольнымъ кускомъ бархата, съ шитыми золотыми гербами, въ томъ родѣ, какъ были украшены трубы трубачей, разъѣзжавшихъ съ герольдами во время чтенія объявленій о предстоящей коронаціи. Человѣкъ этотъ прошелъ на средину залы и сталъ играть на своей волынкѣ разныя національныя шотландскія мелодіи и потомъ, по прошествіи минутъ пяти, опять удалился, пройдя черезъ остальныя комнаты. Эта сцена была воспроизведеніе шотландскаго обычая: въ Шотландіи каждое знатное семейство

имѣетъ своего, такъ сказать, придворнаго волынщика; его музыкальный инструментъ долженъ быть украшенъ въ видѣ знамени шитыми гербами семейства. Волынщикъ, появившійся на балу у лорда Гренвиля, принадлежалъ маркизу Стаффорду. Нельзя сказать, чтобы шотландскія мелодіи и пляски, которыя онъ наигрывалъ на волынкѣ, и звукъ инструмента особенно понравились, но самое появленіе его было очень оригинально и эффектно. Его богатый шотландскій костюмъ, странная походка, чисто гайлендерскій (highlander) типъ лица привлекли нѣсколько минутъ всеобщее любопытство и вниманіе. Мнѣ казалось, что этотъ дудочникъ только-что отдѣлился со страницы любого изъ Вальтеръ-Скоттовскихъ романовъ и ожилъ опять, чтобы явиться къ намъ въ залу—до такой степени появленіе его носило характеръ исторической шотландской баллады или легенды.

Англійскіе балы отличались, между прочимъ, красотою женщинъ-хозяекъ; я еще помню, что на этомъ третьемъ балѣ меня особенно поражала красотою великолѣпная лэди Стаффордъ. На ней было шитое золотомъ (звѣздочками) бѣлое газовое платье, въ волосахъ вѣнокъ изъ золотыхъ колосьевъ, а на шеѣ ожерелье изъ звѣздочекъ, каждая звѣздочка—большой рубинъ, осыпанный брилліантами, и такія же серьги.

Вообще англійское посольство по гостепріимству, числу данныхъ вечеровъ и аристократичностью своего личнаго состава, находилось можетъ быть впереди всѣхъ другихъ.

У меня были тогда собраны біографическіе наброски о выдающихся личностяхъ главнѣйшихъ посольствъ, но сохранились у меня только свѣдѣнія о лицахъ англійскаго посольства, и такъ какъ многіе изъ нихъ имѣли историческое значеніе, то считаю не безинтереснымъ, теперь, по минованіи полустолѣтія, привести нѣкоторыя выдержки изъ этихъ свѣдѣній.

Глава посольства, Джоржъ Люсонъ Гоуеръ, графъ Гренвиль, которому было тогда около 40 лѣтъ, былъ сынъ графа Гренвиля и дочери пятаго герцога Девонширскаго. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, графъ Гренвиль былъ членомъ кабинета, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Во время министерства Гердина, лордъ Гренвиль былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и затѣмъ занималъ съ однимъ краткимъ перерывомъ этотъ постъ до самаго 1857 года. Лэди Гренвиль была дочь герцога Дальберга и по первому мужу лэди Актонъ.

Затѣмъ въ посольствѣ были между прочими слѣдующія личности: баронетъ сэръ Робертъ Пиль, старшій сынъ знаменитаго Роберта Пиля, въ бытность котораго первымъ министромъ были отмѣнены

хлѣбныя пошлины (corn law's), бывшій тогда лордомъ адмиралтейства и членомъ палаты; жена его, тоже красавица, лэди Эмили Пиль, была дочь шотландскаго пэра маркиза Твиддэль, бывшаго адъютанта герцога Веллингтона во время испанской войны, а впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ губернаторомъ Мадраса. Маркизъ Стаффордъ, старшій сынъ герцога Сузерлендскаго, членъ парламента и его супруга, о которой уже была рѣчь, дочь г. Макенци; лордъ Кавендишъ, наслѣдникъ герцога Девонширскаго; лордъ Сеймуръ; мать его, герцогиня Сомерсетъ, внучка знаменитаго Шеридана; графъ Линкольнъ, старшій сынъ министра колоній, а потомъ военнаго министра герцога Нью-Кэстльскаго; лордъ Эшлей, племянникъ лорда Пальмерстона; лордъ Дудлей и Уардъ, извѣстный своимъ богатствомъ: ему принадлежали между прочимъ Инвергари и Инвернесъ-Ширъ, мѣстности, столь извѣстныя по романамъ Вальтеръ-Скотта; Фредерикъ Люсонъ Гоуеръ, братъ и наслѣдникъ графа Гренвиля; полковникъ Гардинжъ, участвовавшій въ крымской кампаніи; подполковникъ Модъ, командовалъ батареей пѣшей артиллеріи въ сраженіяхъ при Альмѣ и Балаклавѣ, въ послѣднемъ онъ былъ опасно раненъ; Лордъ Чарльзъ Скоттъ, мичманъ на пароходѣ „Сенъ-Жанъ Д. Акръ“, на которомъ лордъ Гренвиль пріѣхалъ Россію.

Помѣщеніе графа Морни (дома Рахманова и Корсакова у Тверскихъ воротъ) было далеко не такъ изящно, какъ помѣщеніе англійскаго посла—потому, что оно было нанято въ такое время, когда другія посольства уже разобрали лучшія помѣщенія: комнаты гораздо ниже и распредѣленіе ихъ менѣе удобно, зала не особенно велика. Но за то все, что касалось до убранства комнатъ, было безупречно. Вся меблировка была сдѣлана заново; но главное украшеніе составляла коллекція картинъ, въ томъ числѣ оригиналы Вувермана и Греза, привезенные изъ Парижа, гдѣ у графа Морни была, какъ извѣстно, одна изъ лучшихъ картинныхъ галлерей. Въ первой комнатѣ красовались два портрета во весь ростъ Императора Наполеона и Императрицы Евгеніи. Гости, приглашенные на балъ, были также, какъ и у графа Гренвиля, во фракахъ. Графъ Морни былъ въ Андреевской лентѣ, полученной имъ, кажется, въ день коронаціи. Только военные офицеры его свиты, генералы Лебефъ, Дюмонъ и молодые офицеры, въ томъ числѣ молодой красивый и элегантный гусарскій офицеръ (guider) маркизъ Галифе, игравшій впослѣдствіи столь выдающуюся политическую роль во Франціи, въ томъ числѣ въ качествѣ военнаго министра—были въ мундирахъ.

Для оффиціальныхъ баловъ помѣщеніе каждаго изъ посольствъ оказывалось недостаточнымъ по массѣ приглашенныхъ, и потому всѣмъ почти пришлось приспособлять къ своимъ помѣщеніямъ зна-

чительныя временныя постройки на дворѣ. Пристройка англійскаго посольства была убрана въ видѣ палатки на кораблѣ. Вдоль потолка и вдоль всѣхъ стѣнъ были протянуты флагныя матеріи красными и бѣлыми полосками и кромѣ того стѣны были декорированы флагами русскими и англійскими. Это дѣлало довольно красивое впечатлѣніе, но только трудно было достигнуть хорошаго освѣщенія залы, потому что шерстяная матерія, которою она была обита, поглощала много свѣта. Очень оригинально была украшена австрійская пристройка залы: всѣ стѣны были обиты бѣлымъ глянцевымъ коленкоромъ и окаймлены золотымъ багетомъ,—что придавало стѣнамъ видъ мрамора. Французская зала, сколько помню, была украшена золотымъ трельяжемъ на голубомъ фонѣ, съ разбросанными по трельяжу цвѣтами.

На балъ у коронаціоннаго маршала, князя С. М. Голицына, было разослано до 900 приглашеній. Домъ князя былъ убранъ со вкусомъ, но большая зала была недостаточно велика. Для всѣхъ гостей былъ сервированъ отличный ужинъ; ужинали всѣ, сидя за столами. Балъ былъ удостоенъ посѣщенія Императорскихъ Величествъ.

Чуть ли не самый многолюдный былъ балъ Дворянскаго Собранія; приглашеній было, какъ говорили, разослано отъ 4-хъ до 6-ти тысячъ. Домъ Дворянскаго Собранія довольно выгодно расположенъ для большого съѣзда, находясь между двумя обширными площадями (Охотнаго Ряда и Театральной), такъ что для разъѣзда экипажей было полное удобство, чего нельзя было сказать о другихъ бальныхъ помѣщеніяхъ. Несмотря на то, вслѣдствіе громадной массы приглашенныхъ, разъѣздъ продолжался до трехъ часовъ ночи. Домъ былъ изящно иллюминованъ разноцвѣтными шкаликами. Все внутреннее помѣщеніе, состоявшее изъ бальной залы и ряда довольно большихъ компатъ, было красиво убрано; особенною простотою и вкусомъ отличалось убранство бальной залы: Бѣлая зала, безъ всякой позолоты и бархатныхъ драпировокъ, главное украшеніе состояло изъ цвѣтовъ; надъ каждымъ окномъ, надъ каждою дверью были повѣшены гирлянды цвѣтовъ, въ которыхъ преобладали розы; на бѣломъ фонѣ красивые цвѣта гирляндъ, особенно зеленый и розовый, представляли необыкновенно красивый и нѣжный эффектъ. Вдоль хорныхъ перилъ также были развѣшены фестонами цвѣточныя гирлянды; кромѣ того и стѣны были уставлены цвѣтами, наполнявшими всѣ углы, окружавшими колонны, тянувшіяся вдоль стѣнъ и т. д. Большая зала освѣщалась хрустальными люстрами, хрусталь игралъ тысячами радужныхъ лучей, взаимно пересѣкавшихся между собою. Императорская ложа была убрана алымъ (а не малиновымъ, какъ обыкновенно) бархатомъ,

драпри было устроено надъ нею довольно высоко, такъ что Императорская фамилія была все время доступна взорамъ всей находившейся въ залѣ публики. Императорскую фамилію окружали иностранные послы и посланники. За ложей былъ богато убранный буфетъ для Высочайшихъ особъ. Для гостей былъ приготовленъ ужинъ на 4.000 персонъ; но, боясь толпы и затрудненій разъѣзда, многіе уѣхали до ужина.

Несмотря на цѣлый рядъ баловъ, каждый, можно сказать, имѣлъ какой-либо особенный характеръ. Великолѣпнѣе всѣхъ были, разумѣется, придворные балы, которыхъ всего было три. Грандіозныя залы новаго Кремлевскаго Дворца, блистательное освѣщеніе, красивые и самые разнообразные мундиры, изящные дамскіе туалеты — вотъ главныя его украшенія. Но особенно замѣчательна была импровизированная бесѣдка. Вся терасса (или балконъ) дворца, выходящая на Замоскворѣчье и имѣющая протяженія около 300 шаговъ, была превращена въ волшебную бесѣдку. Въ два дня былъ выстроенъ вдоль всей терассы легкій, прозрачный навѣсъ изъ переплетеныхъ тонкихъ деревянныхъ пластинокъ, окрашенныхъ зеленою краскою и обвитыхъ плющемъ. Внутри бесѣдка была убрана разными растеніями и освѣщена цвѣтными фонарями. Разсказывали, что для этого убранства было привезено между прочимъ болѣе 1.000 деревъ изъ Петербурга. Вечеромъ изъ оконъ Андреевской залы этотъ импровизированный садъ, разноцвѣтно иллюминованный, чрезъ зеленыя рѣшетки котораго проглядывалъ ярко свѣтящійся мѣсяцъ, окруженный серебристыми облаками, напоминалъ совершенно картину Венеціи. Если прибавить къ этому чудный видъ на Замоскворѣчье, то легко представить всю прелесть подобнаго зрѣлища. Къ сожалѣнію, холодный вечеръ не позволялъ вполнѣ наслаждаться этимъ волшебнымъ помѣщеніемъ. Смотря изъ оконъ залы, можно было забыться и вообразить, что находишься гдѣ-нибудь въ Италіи, но стоило только выйти на балконъ, — холодный уже не сентябрьскій, а даже ноябрьскій вѣтерокъ немедленно напоминалъ забывшемуся мечтателю, что онъ находится на сѣверѣ. Несмотря на то, всѣ выходили на балконъ полюбоваться на прелестный видъ, и можно предположить, что если бы вечеръ былъ потеплѣе, то непремѣнно большинство гостей оставалось бы въ этой прелестной бесѣдкѣ.

Ужинъ былъ на 2.000 персонъ; говорятъ, что сервировкой были заняты 800 человѣкъ придворныхъ лакеевъ и егерей. Съ особенною роскошью была устроена Андреевская зала, въ которой былъ приготовленъ ужинъ для Императорской фамиліи, дипломатовъ и главныхъ придворныхъ особъ. Во всю залу тянулись три стола,

уставленные самою изящною и драгоцѣнною серебряною посудою;— серебряный сервизъ былъ совершенно новый, изготовленный для коронаціи; на всѣхъ поставкахъ, тарелкахъ, ложкахъ и т. п. былъ выгравированъ 1856-й годъ. На концѣ зала былъ устроенъ родъ буфета изъ краснаго сукна, на которомъ красовались до самаго потолка драгоцѣнныя блюда, поднесенныя Государю по случаю коронаціи. Приглашенные были поражены роскошью и вкусомъ, господствовавшими въ украшеніи особенно ужинныхъ столовъ. Многіе дипломаты отзывались, что они никогда еще не видали подобнаго зрѣлища.

По поводу блюдъ, поднесенныхъ на коронацію и выставленныхъ, какъ выше указано, въ залѣ, скажу еще, что всѣхъ блюдъ было поднесено 81, изъ нихъ десять золотыхъ. Золотое блюдо, поднесенное Московскимъ дворянствомъ, вѣсило 20 фунтовъ, Московскимъ купечествомъ девять фунтовъ, но послѣднее особенно отличалось красотою рисунка и изяществомъ отдѣлки. Внутренность его представляла солнце, восходящее надъ Кремлемъ, а по бортамъ блюда, между вылитыми изъ золота эмблематическими изображеніями правды и милости, находились атрибуты торговли, образованности, промышленности и военной силы, т. е. всего того, что составляетъ основаніе народнаго и государственнаго благоденствія; надъ всѣмъ этимъ двуглавый орелъ Россійской Имперіи и гербъ Московской губерніи. Подъ атрибутами науки и искусствъ, художникъ имѣлъ счастливую мысль изобразить университетъ — какъ средоточіе народнаго образованія, связывающее науку и искусство между собою. Блюдо Полтавскаго дворянства выдѣлялось изъ другихъ своими брилліантовыми украшеніями. Буквы, надписи, скипетръ, держава, все было украшено брилліантами.

Но самый замѣчательный былъ третій и послѣдній придворный балъ, носившій оффиціальное названіе маскарада, хотя на немъ были не въ маскахъ и костюмахъ — но это былъ балъ народный. Говорятъ, что роздано было около 15.000 входныхъ билетовъ безъ различія всѣмъ классамъ и состояніямъ. Вотъ почему возлѣ богатаго камергерскаго мундира виднѣлись простые, черные сюртучки и самые странные дамскіе наряды. Большая часть дамъ были впрочемъ въ русскихъ костюмахъ, сарафанахъ, которые такъ хорошо идутъ къ нашимъ русскимъ красавицамъ. А ихъ было не мало, даже въ числѣ купечества. Особенно одна блондинка, прекрасно сложенная, кровь съ молокомъ, русская купчиха, привлекала своей красотой всеобщее вниманіе; сожалѣю, что не удалось узнать и припомнить ея фамиліи. Большая часть гостей толпились въ Андреевской или Тронной залѣ. Мѣсто около трона было отдѣлено ба-

люстрадой. Тутъ находились члены Императорской фамиліи и дипломаты. Танцовали только польскіе, при чемъ Императорская фамилія ходила между танцующими. Въ 11-ть часовъ былъ поданъ ужинъ. Послы и посланники ужинали за столомъ Государя, а другія лица дипломатическаго корпуса на боярской площадкѣ.

30 августа состоялся торжественный спектакль. Приглашенные начали съѣзжаться къ семи часамъ, какъ обыкновенно, кавалеры въ парадной формѣ, дамы въ вырѣзныхъ платьяхъ. Мраморная лѣстница главнаго подъѣзда была устлана дорогимъ ковромъ и обставлена богатыми цвѣтами. Въ обширномъ фойе былъ устроенъ, блестящій серебромъ, буфетъ, украшенный гирляндами. Въ театрѣ между русскими мундирами и туалетами дамъ пестрѣли англійскіе, французскіе, турецкіе и азіатскіе мундиры. Все ожидало Августѣйшаго Посѣтителя. Въ девятомъ часу Государь, окруженный своимъ семействомъ, вступилъ въ свою ложу, встрѣченный единодушнымъ „ура!“. Музыка заиграла народный гимнъ „Боже, Царя Храни“.—Въ этотъ вечеръ давали „Elisée d'amour“ и балетъ „La Vivandière“, въ которомъ участвовала Фанни Черито.

По случаю приготовленій къ этому спектаклю, у меня произошелъ слѣдующій маленькій эпизодъ, встрѣча съ Закревскимъ. Генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, считался какимъ-то звѣремъ, его въ Москвѣ всѣ боялись. При другихъ условіяхъ мнѣ бы было очень непріятно съ нимъ встрѣтиться по какому-либо дѣлу, но въ тотъ моментъ наше положеніе секретарей церемоніальной экспедиціи было столь выдающееся, что я нисколько не боялся ѣхать къ Закревскому для объясненія по размѣщенію гостей во время торжественнаго спектакля. Для дипломатовъ графу Борху было прислано нѣкоторое число ложъ, но мѣстъ въ нихъ оказалось недостаточно, чтобы размѣстить всѣхъ; тогда я предложилъ графу Александру Михайловичу поѣхать къ графу Закревскому, въ распоряженіе котораго тоже было доставлено значительное число ложъ, и просить его, отъ имени верховнаго церемоніймейстера, не можетъ ли онъ уступить намъ нѣсколько мѣстъ для дипломатовъ. Графъ Борхъ отвѣтилъ мнѣ: „вѣроятно, онъ откажетъ, но попробуйте“. Пріѣзжаю въ берлогу графа Закревскаго и приказываю о себѣ доложить; минутъ черезъ десять выходитъ Закревскій и спрашиваетъ меня—что мнѣ нужно. Я сталъ очень развязно говорить—что верховный церемоніймейстеръ очень извиняется, что его безпокоитъ, но что онъ вотъ въ какомъ положеніи и т. д... тогда Закревскій въ нетерпѣніи прервалъ мою нѣсколько продолжительную вступительную рѣчь словами: „ну, говори скорѣе, въ чемъ дѣло“. При тогдашнихъ московскихъ обычаяхъ въ этомъ не было ничего

крайне необычайнаго. Закревскій былъ очень занятъ, стѣсняться ни въ чемъ онъ не привыкъ и потому такъ рѣзко сказалъ мнѣ перейти къ дѣлу; что же касается до обращенія на ты, то въ то время многіе сановники стараго закала, особенно москвичи, говорили ты всѣмъ молодымъ людямъ. Помню даже, что когда годъ спустя я представлялся въ Парижѣ графу Киселеву, бывшему тогда нашимъ посломъ, онъ тоже мнѣ говорилъ ты, и прочіе члены посольства мнѣ потомъ объяснили, что онъ почти всѣмъ говоритъ ты.

Сознаюсь, однако, что, не привыкши въ Петербургѣ къ такому обращенію, меня апострофа Закревскаго нѣсколько покоробила.

Говоря о привычкахъ губернатора, къ слову замѣчу, что и на обращеніе московской полиціи и отсутствіе вѣжливости не разъ высказывались неудовольствія со стороны петербургскихъ пріѣзжихъ, привыкшихъ въ Петербургѣ къ болѣе учтивому обращенію полиціи, даже съ прислугой. Такъ, напримѣръ, я помню, какъ на разъѣздѣ у англійскаго, кажется, посла, послѣ бала, оберъ-полицеймейстеръ сталъ до того грубо обращаться съ разъѣздными лакеями, что въ средѣ дамъ, ждавшихъ своихъ экипажей, поднялся громкій ропотъ и слышались французскія фразы: „c'est pourtant très impoli; il devrait se modérer un peu“ и т. п., такъ что оберъ-полицеймейстеръ, который долженъ былъ это слышать, — нѣсколько измѣнилъ свое обращеніе и постарался стушеваться.

4-го сентября Московское купечество угощало войска въ присутствіи Императора.

На обѣдъ были приглашены всѣ офицеры войскъ, находившихся въ Москвѣ по случаю коронованія, и по четыре человѣка нижнихъ чиновъ съ каждой роты: фельдфебель, унтеръ-офицеръ и двое рядовыхъ.

Для угощенія офицеровъ выбрано было самое большое изъ Московскихъ помѣщеній — Экзерциръ-Гаузъ или „Манежъ“, какъ привыкли называть это помѣщеніе. Убранство его было поручено архитектору Быковскому и придворному декоратору Шмидту. На землѣ былъ настланъ деревянный полъ, покрытый краснымъ сукномъ. По бокамъ залы, почти на высотѣ подоконниковъ, устроены были вдоль всего манежа галлереи, наполненныя зрителями. Отъ этихъ галлерей до полу свѣшивалось красное сукно съ темно-зелеными фестонами. За этими фестонами скрывались службы и всѣ принадлежности большого обѣда. Огромныя окна также были драпированы краснымъ сукномъ. Говорили, что на украшеніе стѣнъ и обивку пола потребовалось около десяти тысячъ аршинъ краснаго сукна. Для царственныхъ гостей устроено было возвышеніе, отдѣленное отъ остального пространства 14-ю ступенями, шедшими поперекъ

манежа, почти во всю ширину его. Въ глубинѣ этого возвышенія, обитаго малиновымъ бархатомъ, возвышался балдахинъ съ Императорскимъ шифромъ. По четыремъ угламъ залы устроены были буфеты въ видѣ палатокъ, тоже изъ краснаго сукна и бархата. При входѣ въ залу, со стороны Воздвиженки и вдали на противоположномъ концѣ ея, были воздвигнуты колонны, убранныя оружіемъ и разными доспѣхами. Кромѣ того вся зала была наполнена цвѣтами. Съ двухъ сторонъ были возвышенія для оркестровъ. Въ срединѣ же залы тянулись накрытые въ нѣсколько рядовъ столы, тоже убранные роскошными цвѣтами и дорогими плодами — ананасами, персиками и т. п.

Для нижнихъ чиновъ были поставлены столы въ большой аллеѣ Кремлевскаго сада, близъ Экзерциръ-Гауза. Вся эта аллея превратилась въ безконечную столовую, покрытую парусиннымъ потолкомъ, образовавшимъ летучій сводъ надъ аллеей.

Со второго часа зала начала наполняться зрителями и званными гостями; въ четвертомъ часу Государь вступилъ въ большую аллею Кремлевскаго сада и прошелъ между двумя рядами столовъ, накрытыхъ для нижнихъ чиновъ войскъ, сопровождаемый криками „ура!“ и громомъ военной музыки.

Потомъ Государь вошелъ въ залу, и чрезъ нѣсколько минутъ начался обѣдъ. За обѣдомъ были провозглашены тосты за Царскую фамилію, за иностранныхъ гостей и за Императорскую гвардію.

8-го сентября происходилъ народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ. Къ сожалѣнію, этотъ праздникъ, къ которому были сдѣланы такія колоссальныя приготовленія, о которыхъ даже въ иностранныхъ газетахъ говорили, какъ о чудѣ, какое можетъ совершиться въ русскомъ царствѣ,—неимовѣрный пиръ на двѣсти тысячъ человѣкъ, совершенно не удался главнымъ образомъ вслѣдствіе неблагопріятной погоды. Съ самаго утра пошелъ мелкій дождь, который и не переставалъ въ теченіе всего дня. Несмотря однако на непогоду, народъ съ шести часовъ толпами повалилъ на Ходынское поле. Нѣсколько позже потянулись по Тверской къ Тріумфальнымъ воротамъ разнообразные экипажи съ любопытными зрителями. Богатые ѣхали въ закрытыхъ экипажахъ; для небогатыхъ содержатели городскихъ линеекъ подслужили своими неуклюжими рыдванами, влачимыми парой, тройкой или четверкой тощихъ клячъ, — въ которыхъ сидѣвшіе были по крайней мѣрѣ укрыты навѣсами отъ дождя и грязи. Было много лицъ и на простыхъ извощичьихъ дрожкахъ, калиберахъ, обдаваемыхъ со всѣхъ сторонъ дождемъ, несмотря на громадные зонтики. Этихъ разнообразныхъ экипажей накопилось такое множество, что въ Тріумфальныхъ воротахъ рѣшительно проѣзда не

было, и приходилось стоять продолжительное время въ ожиданіи очереди. Около 12 часовъ начали мелькать элегантные экипажи дипломатовъ и придворныхъ. Государь послѣ обѣдни и поздравленія, такъ какъ это былъ день рожденія Наслѣдника, тоже проѣхалъ на народный праздникъ.

Началось народное веселье, но о спокойномъ и очередномъ сидѣніи за столами не было и рѣчи: народъ набросился на все выставленное и мигомъ растаскалъ все съѣстное, съ пирамидъ и елокъ обобрали колбасы, яблоки и пряники, расхватали по кускамъ жареныхъ барановъ и другое кушанье. Впрочемъ, все мясное оказалось испорченнымъ, такъ что даже около столовъ была довольно непріятная атмосфера. Въ виду массы приготовленій, начали разставлять все кушанье за три дня до праздника, а такъ какъ въ это время то пекло солнце, то шелъ дождь, то понятно, что все испортилось. Злые языки говорили, что распорядители, закупивъ дешевую и уже не свѣжую провизію, нарочно разставили ее за три дня до праздника, чтобы этимъ объяснить порчу приготовленнаго кушанья.

Пиво, которое было разставлено по столамъ въ деревянныхъ ведеркахъ, съ развѣшенными вокругъ ковшами, было быстро выпито, а вѣроятно и частію розлито; кому не удалось достать что-нибудь съѣстного, тотъ бралъ ведерко, ковшикъ, пирамиду или отдиралъ кусокъ миткаля, покрывавшаго столы—всякій хотѣлъ добыть себѣ хотя что-нибудь, чтобы сохранить у себя на память.

Довольные своей добычей, они возвращались домой, торжественно неся кто ведерко на головѣ, кто пирамиду на плечахъ, кто какой-нибудь окорокъ, курицу или кусокъ барана подъ полой или за пазухой.

При появленіи Государя, несмѣтная толпа огласила это необозримое поле потрясающимъ „ура!“. Выѣхавъ верхомъ изъ Петровскаго дворца, въ сопровожденіи блестящей и многочисленной свиты, Государь объѣхалъ нѣкоторые столы, милостиво раскланиваясь съ обступившимъ его народомъ.

Затѣмъ поданъ былъ сигналъ къ народнымъ увеселеніямъ. Полились фонтаны краснаго и бѣлаго вина, завертѣлись качели, закружились коньки. Лора Бассенъ проскакала нѣсколько круговъ по открытому цирку,—поднялся аэростатъ и быстро скрылся въ сыромъ туманномъ небѣ....

Къ вечеру Ходынское поле почти опустѣло. За то трактиры и харчевни наполнились возвратившимся оттуда народомъ. Пробывъ цѣлый день подъ дождемъ, промокши до костей, но все же какъ слѣдуетъ погулявши, гулявшіе распивали горячій чай, развѣсивъ, гдѣ попало, свои мокрые доспѣхи для просушки и разсѣвшись въ

полномъ смыслѣ на распашку. Долго еще раздавались по улицамъ безцеремонные разговоры и забубенныя пѣсни запоздавшихъ гулякъ; они бродили, обнявшись другъ съ другомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на дождь, который ни на минуту не переставался.

За нѣсколько дней до разъѣзда, въ окрестностяхъ Москвы была устроена большая придворная охота. Такъ какъ при этомъ никакой церемоніи не полагалось, то мы въ ней оффиціально и не принимали участія. Но мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей захотѣлось посмотрѣть на охоту; мы наняли экипажъ и поѣхали за городъ. Охоты намъ однако не удалось видѣть, кромѣ нѣсколькихъ егерей въ красныхъ костюмахъ, мелькавшихъ на лошадяхъ тамъ и сямъ между кустарниками. Но мѣстность была красивая по опушкѣ лѣса, день былъ теплый, хотя и сѣрый, такъ что наша поѣздка вышла все же довольно пріятною прогулкою. У насъ былъ съ собою завтракъ, и мы расположились въ полѣ закусывать, когда къ намъ подошелъ какой-то мужикъ и что-то спросилъ насъ объ охотѣ; мы ему отвѣтили, и я переговорилъ съ нимъ нѣсколько словъ, — тогда онъ снялъ шапку, поклонился и поблагодарилъ меня за то, что я, хотя и баринъ, но согласился поговорить съ нимъ, мужикомъ. Это меня крайне удивило — человѣкъ благодаритъ за то, что его удостоили разговора, это какъ будто бы указывало на забитость и приниженность народа около Москвы,—а можетъ быть, это просто былъ результатъ личнаго настроенія говорившаго съ нами мужика.

Коронаціонныя торжества заключились фейерверкомъ 17 сентября.

По грандіознымъ заготовленіямъ фейерверка, устраивавшагося по указаніямъ извѣстнаго генерала Константинова, и потому, что позволяли ожидать бывшія передъ тѣмъ репетиціи, можно было предполагать, что это будетъ необыкновенное феерическое зрѣлище. Къ сожалѣнію, эти ожиданія не оправдались. Вслѣдствіе продолжавшейся нѣсколько дней ненастной погоды, вся атмосфера была насыщена водяными парами, а потому, когда загорѣлась первая большая декорація, то пороховой дымъ вмѣсто того, чтобы подниматься къ верху, легъ въ видѣ густого бѣлаго облака на землю, и такъ какъ совершенно не было вѣтра, который могъ бы разогнать его, то это облако почти все время скрывало главные эффекты отъ глазъ зрителей: среди облака мелькали огни, слышался трескъ шумихъ, но ничего цѣльнаго не было видно, только однѣ ракеты вылетали изъ облака. Были приготовлены три картины: Памятникъ Ивану Сусанину, Памятникъ Петру Великому и Тріумфальныя ворота петербургской Нарвской заставы, но всѣ эти чудеса были совершенно

потеряны для зрителей, такъ какъ густой дымъ совершенно застилалъ все.

Такъ какъ фейерверку слѣдовало начаться въ 8 часовъ, а отъ оберъ-полицеймейстера было объявлено, что за два часа до фейерверка перестанутъ пропускать экипажи близко къ мѣстамъ, устроеннымъ для зрителей, то съ 4 часовъ уже улицы, ведущія къ кадетскимъ корпусамъ, гдѣ долженъ былъ происходить фейерверкъ, наполнились экипажами, несшимися по одному и тому же направленію. На мѣстѣ для зрителей было распродано до 16 тысячъ билетовъ, и цѣна билетовъ за день передъ тѣмъ была поднята, вслѣдствіе громадныхъ требованій, съ 2 руб. до 3 и до 5 рублей.

Такимъ образомъ къ шести часамъ всѣ мѣста были уже заняты зрителями. Такъ какъ разъѣзда слѣдовало ожидать огромнаго и затруднительнаго, и при томъ объявлено было, что экипажи будутъ отсылаться далеко, а извощики даже за заставу, то многіе платили деньги хозяевамъ домовъ,находившихся вблизи кадетскаго корпуса, за позволеніе поставить своихъ лошадей на ихъ дворахъ во время фейерверка. Счастливцами почитали себя тѣ, у кого были знакомые по близости тѣхъ мѣстъ. Многіе располагались ночевать въ той сторонѣ, предполагая, что слишкомъ трудно будетъ отыскать экипажъ или добыть извощика.

Стеченіе народа было неимовѣрное. Когда нѣсколько электрическихъ солнцъ загорѣлись на кровлѣ кадетскаго корпуса, и когда этотъ ослѣпительный свѣтъ наведенъ былъ на толпу зрителей, занимавшую площадь между корпусомъ и рощей, тогда съ мѣстъ, возвышенныхъ надъ землею, вся эта огромная площадь казалась какъ бы волшебнымъ лугомъ, поросшимъ вмѣсто цвѣтовъ человѣческими головами.

Въ девятомъ часу, за нѣсколько минутъ до пріѣзда царской фамиліи, зажжены были бенгальскіе огни, въ видѣ маяковъ, расположенныхъ по бокамъ дороги, а лучи электрическихъ солнцъ были направлены на колонну, убранную цвѣточными гирляндами; эта колонна поддерживала корзину, наполненную цвѣтами, на которыхъ сидѣло нѣсколько искусно сдѣланныхъ бабочекъ, хлопавшихъ посредствомъ скрытаго механизма своими зеркальными, золотыми и радужными крылышками. Сбоку этой колонны струился каскадъ брилліантовой воды, игравшій лучистыми огнями.

Громогласное „ура!“, несмѣтной толпы извѣстило о прибытіи царской фамиліи. Императорскіе экипажи подъѣхали къ крыльцу корпуса, царскія особы поднялись на балконъ, и съ него пронеслась электрическая искра прямо къ корзинѣ съ цвѣтами, подхватила сидѣвшую на самомъ верху золотую бабочку, и эта легкокрылая вѣст-

ница полетѣла къ рощѣ, оставляя за собою огненный слѣдъ. Лишь только приблизилась она къ мѣсту, гдѣ были приготовлены фейерверочные снаряды, какъ въ ту же минуту раздался громъ перваго сигнала, бураки, ракеты полетѣли во всѣ стороны, но красивое зрѣлище вскорѣ было прикрыто облакомъ дыма...

Послѣдняя декорація, Тріумфальныя ворота, по тому, что можно было видѣть, должна бы была быть особенно великолѣпна. Въ моментъ, какъ зажглась эта картина, музыка заиграла народный гимнъ, съ грознымъ аккомпаниментомъ пушекъ. Это была музыка, поразившая своей величавой необычайностью. Къ сожалѣнію, только удары орудій раздавались не всегда въ тактъ; говорили, что заряды воспламенялись электричествомъ, которое было направляемо дирижеромъ изъ среды оркестра[1]), но вѣроятно при этомъ не сообразили, что звукъ употребляетъ нѣкоторое время, чтобы пролетѣть пространство. При томъ пушечные выстрѣлы своимъ продолжительнымъ гуломъ заглушали слѣдующіе аккорды гимна. Вообще звуки этого исполинскаго оркестра были какъ-то глухи, вѣроятно отъ множества дыма и отъ густого тумана, застилавшаго землю. На одной изъ предшествовавшихъ репетицій народный гимнъ оканчивался залпомъ орудій и колокольнымъ звономъ. Эти колокола, своимъ гармоническимъ и торжественнымъ звономъ, давали музыкѣ какой-то особенный характеръ, глубоко потрясавшій душу. Во время же фейерверка колоколовъ совершенно не было слышно.

Послѣ послѣдней картины разсыпался громадный букетъ изъ 42 тысячъ ракетъ, посыпались міріады разноцвѣтныхъ звѣздъ... праздненствамъ наступилъ конецъ. Загорѣлись опять бенгальскими огнями путевые маяки — и начался разъѣздъ, но площадь еще не скоро очистилась отъ зрителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Для чего въ оркестрѣ, какъ говорили, была устроена особенная электрическая клавіатура.

Памяти поэта-пѣвца „гражданской доблести“ Алексѣя Михайловича Жемчужникова († 25 марта 1908 года).

А. М. родился въ февралѣ 1821 года. Начало литературной дѣятельности его относится къ 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Какъ извѣстно, 40-ые и, въ особенности, 50-ые и 60-ые годы минувшаго столѣтія характеризуются замѣтнымъ пробужденіемъ въ русскомъ обществѣ стремленія къ гласности, обличенію нашихъ общественныхъ недуговъ и полемикѣ. Такое теченіе общественной мысли вызвало въ русской литературѣ усиленное развитіе сатирической поэзіи. Однимъ изъ видныхъ представителей этого рода поэзіи является умершій 25 марта 1908 г. въ г. Тамбовѣ писатель Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, печатавшій свои произведенія подъ псевдонимомъ *Кузьмы Пруткова* въ „Литературномъ Ералашѣ“—приложеніи къ журналу „Современникъ“, заведенномъ именно въ полемическо-сатирическихъ цѣляхъ, „Отечественныхъ Запискахъ“ (подъ редакціей Краевскаго), „Искрѣ“, „Развлеченіи“, „Библіотекѣ для чтенія“ (подъ редакціей Дружинина), „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1858—1859 г.г.), „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (подъ редакціей В. Ѳ. Корша), „Днѣ“ И. С. Аксакова и „Голосѣ“, и затѣмъ въ послѣдующее время—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ позднѣйшаго времени, „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Мысли“, „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Сборникѣ въ память В. М. Гаршина“ и въ „Сборникѣ въ пользу голодающихъ“, изданномъ редакціею „Русскихъ Вѣдомостей“ въ декабрѣ 1891 года. Подъ псевдонимомъ *Кузьмы Пруткова* писали три нашихъ поэта: А. М. Жемчужниковъ, братья его Александръ и Владиміръ Михайловичи и графъ А. К. Толстой, но первый былъ главнымъ и наиболѣе энергичнымъ дѣятелемъ по сочинительству сатирическихъ и юмористическихъ стихотвореній подъ этимъ псевдонимомъ.

Самымъ раннимъ литературнымъ произведеніемъ А. М. является его комедія въ стихахъ, подъ заглавіемъ „Странная ночь“, напечатанная во второй книжкѣ „Современника“ за 1850 годъ и имѣвшая въ свое время большой успѣхъ на сценѣ Александринскаго театра въ С.-Петербургѣ, въ бенефисъ артистки Вѣры Самойловой. Вторая имъ написанная комедія, не менѣе замѣчательная, чѣмъ и первая, „Сумасшедшій“ напечатана была въ одиннадцатой книжкѣ „Современника“ за 1852 годъ. Въ пятой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1872 годъ напечатаны А. М. драматическія сцены, подъ заглавіемъ: „Въ чемъ вся суть, Заграничная сцена изъ русской жизни“. Лучшія сатирическія его произведенія—афоризмы, басни, юмористическія стихотворенія печатались имъ въ „Современникѣ“ за 1854 годъ и за 1861 годъ (№ 1), въ „Искрѣ“ за 1859 и 1862 гг. Вообще же его стихотворенія печатались въ „Современникѣ“ въ періодъ времени съ 1851 по 1861 годъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1855—1858 годъ и въ вышеупомянутыхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1892 году А. М. впервые издалъ свои стихотворенія въ видѣ особаго сборника, въ двухъ томахъ. Въ этотъ сборникъ, за немногими исключеніями, вошли всѣ тѣ стихотворенія, которыя имъ напечатаны были въ разное время въ періодическихъ изданіяхъ, при чемъ авторомъ кое-что было исправлено—сокращено или переработано; нѣсколько стихотвореній выкинуто, какъ непонравившіяся ему самому. Кромѣ нихъ, не попали въ этотъ сборникъ еще нѣсколько стихотвореній, появленіе которыхъ въ печати, по мнѣнію автора, было бы, пожалуй, несвоевременно. Въ 1900 году часть стихотвореній поэта, не вошедшихъ въ первое изданіе, напечатана въ видѣ отдѣльной книжки, подъ заглавіемъ: „Пѣсни старости“, каковымъ изданіемъ, по мнѣнію автора, завершается полное собраніе его стихотвореній. Произведенія же, написанныя А. М. вмѣстѣ съ его родными братьями Александромъ и Владиміромъ Михайловичами и графомъ А. К. Толстымъ,—подъ псевдонимомъ Кузьмы Пруткова, выдержали уже нѣсколько изданій.

Такимъ образомъ въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ поэтомъ не было издано ни одного сборника его стихотвореній. „Это произошло оттого,—объясняетъ самъ А. М.,—что въ юности я просто не позаботился объ изданіи мною написаннаго, а потомъ все откладывалъ это дѣло,—долженъ признаться—изъ самолюбія... Мнѣ все хотѣлось написать еще что-нибудь получше прежняго, и я не терялъ надежды, что это исполню“.

Отсутствіемъ свыше сорока лѣтъ отдѣльнаго изданія сборника стихотвореній А. М., а также и довольно долгими перерывами въ его поэтической дѣятельности объясняется то обстоятельство, что

талантъ его нашей критикой оцѣненъ по достоинству сравнительно очень недавно. „Неизбалованный поэтъ,—пишетъ самъ о себѣ А. М.,—я въ добрый часъ, сверхъ ожиданья, успѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе уже на позднемъ склонѣ лѣтъ". Дѣйствительно, А. М. не былъ, какъ онъ и самъ говоритъ, популяренъ въ какое-либо время его поэтической дѣятельности, но за то, какъ одинъ изъ авторовъ, принимавшихъ участіе въ созданіи *Кузьмы Пруткова*, онъ пріобрѣлъ въ нашемъ обществѣ самую широкую извѣстность. Многіе его афоризмы, шутки стихотворныя и прозаическія, пародіи въ стихахъ исполнены неподражаемаго юмора, соединеннаго съ глубокомысліемъ и получили у насъ и въ обществѣ и въ литературѣ полное право гражданства.

Не менѣе высоко должна быть оцѣниваема и чисто поэтическая дѣятельность А. М. Стихотворенія его отличаются оригинальностью, неподдѣльностью, истинно поэтическою красотою описаній и сравненій, глубокою задушевностью и нерѣдко не менѣе глубокою грустью и скорбью, но не безнадежною, въ которой бы слышался вопль отчаянія. Особенно сильно трогаютъ лучшія чувства читателя стихотворенія А. М., печатавшіяся имъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Вотъ почему его стихотворенія неоспоримо должны занять почетное мѣсто въ нашей отечественной поэзіи. Большая часть этихъ стихотвореній сатирическаго содержанія, и только сравнительно немногія стихотворенія написаны на темы чисто лирическія и элегическія. Будучи разумнымъ сыномъ своей родины, нѣжно любящимъ ее, нашъ поэтъ, по мѣткому выраженію одного его школьнаго товарища, болѣзненно чувствуетъ все то, что причиняетъ ей дѣйствительное зло, и искренно желаетъ родинѣ настоящаго добра. Этотъ психическій образъ личности поэта рѣзко выступаетъ въ его сатирическихъ стихотвореніяхъ и придаетъ имъ особый своеобразный оттѣнокъ. Въ нихъ виденъ истинный патріотъ,—каковъ былъ и на самомъ дѣлѣ А. М.,—искренно, глубоко и мѣтко выражающій свое негодованіе на общественную ложь и безпощадно бичующій, такъ называемыхъ, квасныхъ патріотовъ, замѣняющихъ истинный патріотизмъ грубымъ національнымъ самомнѣніемъ и шовинизмомъ.

Сатирическія стихотворенія А. М. отличаются прекрасною формою стиха, своеобразностью и силою языка и—еще болѣе „гражданскими мотивами", которые такъ мощно звучатъ въ большей части его стихотвореній, т. е. неизмѣннымъ служеніемъ идеямъ правды, свободы и просвѣщенія на благо родины и въ особенности—молодого поколѣнія и во имя пламенной любви къ послѣднимъ.

Такъ именно и самъ поэтъ смотрѣлъ на свое служеніе, опредѣляя таковое въ стихотвореніи „Завѣщаніе" въ слѣдующихъ словахъ:

„Между тѣмъ, какъ мы въ разбродъ стезею жизни шли,
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,
И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.
Девизъ на знамени: „Духъ доблести храни!“,
Такъ, воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ,
Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни,
Знаменосцемъ по неволѣ.
.....Но подвигъ не свершенъ, мнѣ выпавшій въ удѣлъ,—
Разбредшуюся рать—сплотить бы воедино...
Названье мнѣ дано поэта-гражданина
За то, что я одинъ про доблесть пѣсни пѣлъ,
Что былъ глашатаемъ забытыхъ, старыхъ истинъ
И силенъ былъ лишь тѣмъ, хотя я старъ и слабъ,
Что въ людяхъ рабскій духъ мнѣ сильно ненавистенъ,
И самъ я съ юности—не рабъ“.

Въ своемъ „Завѣщаніи“ А. М. оставляетъ слѣдующій завѣтъ поэту, который долженъ явиться ему „на смѣну“:

„Послѣднія мои уже уходятъ силы.
Я дѣлалъ то, что могъ; я больше не могу,
Я остаюсь еще предъ родиной въ долгу,
Но да проститъ она мнѣ на краю могилы.
Я жду, чтобы теперь меня смѣнилъ поэтъ,
Въ которомъ доблести горѣло бъ ярче пламя,
И принялъ отъ меня, не знавшее побѣдъ,
Но незапятнанное знамя.
О, какъ живуча въ насъ и какъ сильна та ложь,
Что духъ достоинства есть будто духъ крамольный!
Она—нашъ древній грѣхъ и вольный и невольный;
Она—народный грѣхъ отъ черни до вельможъ.
Тамъ правды нѣтъ, гдѣ есть привычка рабской лести;
Тамъ искалѣченъ умъ, душа развращена;..
Приди,—я жду тебя, пѣвецъ гражданской чести!
Ты нуженъ въ наши времена“.

Въ стихотвореніи „Пустое мѣсто“, указывая на нужду Россіи въ людяхъ съ гражданскимъ самосознаніемъ, А. М. пишетъ:

„Пусть государственнаго зданья
Вполнѣ постройка хороша,—
Для формы нужно содержанье,
Какъ тѣлу надобна душа.

Что пользы въ томъ, чтобы большія
Зіяли рамы безъ картинъ?
Въ тебѣ жъ отсутствуетъ, Россія,
Твоя душа—твой гражданинъ.
Узрѣть я жажду гражданина,
Покуда мыслю и живу;
Къ забытой матери я сына
Неблагодарнаго зову".

Во имя пламенной любви къ родинѣ поэтъ призываетъ истинныхъ сыновъ ея къ борьбѣ со всѣмъ темнымъ, враждебнымъ свѣту и свободѣ. Такъ, въ стихотвореніи „Голоса" онъ говоритъ:

„Покуда духъ твой добръ и разумъ не погасъ,
Храни ко злобамъ дня сочувствіе живое...
И если бы тебя на крыльяхъ вознесли
Молитвы и мечты въ далекій сводъ небесный,—
Пока еще живешь, не забывай земли
Въ безстрастной чистотѣ той сферы безтѣлесной.
Услыша зовъ, покинь заоблачную даль;
То—голосъ совѣсти! Она на землю кличетъ,
Гдѣ рядомъ съ радостью терзается печаль,
Гдѣ озлобленіе съ любовію граничитъ".

Въ самоотверженномъ служеніи на благо родины истинные сыны ея должны считаться и съ ничтожностью, памятуя, что:

„Всегда ничтожность наготовѣ,
И ей побѣдъ своихъ не счесть,
Ея природа плодовита:
Къ тому жъ бываютъ времена,
Когда повсюду прозелита
Вербуетъ съ легкостью она"...

и что въ распоряженіи ничтожности находятся „кишащіе несмѣтною толпой микробы лжи, подвоха, злобы, холопства, лѣни тупой" („Письмо къ юношѣ о ничтожности").

Нѣкоторыя изъ элегическихъ стихотвореній А. М. звучатъ весьма грустнымъ тономъ. Таково, напримѣръ, его стихотвореніе—„На литературной пирушкѣ", въ которомъ поэтъ описываетъ свое удрученное психическое настроеніе, вызванное недовольствомъ окружающею дѣйствительностью и которое можетъ быть только заглушено въ винѣ:

„Сердце! Жить мнѣ трудно стало;
Что мнѣ дѣлать? Ахъ, отвѣть!

И мнѣ сердце отвѣчало:
Надо чаще пить и пѣть!
Ну, а разумъ? Ты, вѣдь, свѣтелъ;
Просвѣти-ка, не обидь!
И мнѣ разумъ мой отвѣтилъ:
Хорошо бы—пѣть и пить!
Оба такъ они рѣшили.
Значитъ, какъ тутъ ни вертѣть,
Остается только: или—
Пѣть и пить, или пить и пѣть!..“

Другое элегическое стихотвореніе: „Осенніе журавли“, написанное также въ грустномъ до слезъ тонѣ, отличается своею высокою поэтичностью. Въ немъ поэтъ въ такихъ живыхъ краскахъ рисуетъ свое психическое состояніе, когда онъ, находясь въ 1871 году на берегахъ Рейна, услышалъ какъ-то однажды вечеромъ крикъ журавлей:

„Сквозь вечерній туманъ, мнѣ подъ небомъ стемнѣвшимъ,
Слышенъ крикъ журавлей все яснѣй и яснѣй...
Сердце къ нимъ понеслось, издалека летѣвшимъ,
Изъ холодной страны, съ обнаженныхъ степей.
Вотъ ужъ близко летятъ и, все громче рыдая,
Словно скорбную вѣсть мнѣ они принесли...
Изъ какого же вы непривѣтнаго края
Прилетѣли сюда на ночлегъ, журавли?
Я ту знаю страну, гдѣ ужъ солнце безъ силы;
Гдѣ ужъ савана ждетъ, холодѣя, земля,
Гдѣ въ голыхъ лѣсахъ воетъ вѣтеръ унылый,—
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумракъ, бѣдность, тоска, непогода и слякоть,
Видъ угрюмый людей, видъ печальный земли...
О, какъ больно душѣ, какъ мнѣ хочется плакать!..
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!“

Къ тому же роду грустно-элегическихъ стихотвореній относится и слѣдующая пѣснь поэта, въ которой онъ высказываетъ свое разочарованіе и недовольство окружающею его жизнью:

„Грустно смотрю я на жизнь, какъ въ окно на ненастную осень...
Словно холодный туманъ, всю природу сокрывшій отъ взора,
Нравственной мглы пелена облекаетъ весь міръ нашъ духовный.
Разума яркое солнце не можетъ лучемъ благотворнымъ
Эту мглу пронизать и достигнуть до нашей юдоли.

Помню: когда-то просторъ разстилался красиво предъ нами;
Помню: виднѣлись намъ насъ зовущіе въ даль горизонты...
Нынѣ жъ: взглянули вокругъ—ничего ни откуда не видно,
Кромѣ безжизненной, сѣрой, отвсюду нахлынувшей мути.
Жизни явленья застыли. Недвижны крылатыя мысли.
Сердце любить опасается. Замерло вѣщее слово...
Странно подумать, что жизнью зовется подобіе смерти!
Жутко, въ себя заглянувъ, сознать, что однѣ за другими
Всѣ отлетѣли, поблекнувъ, живыя когда-то надежды,
Словно въ ненастную осень послѣдніе съ дерева листья!..“

Но въ свѣтлое будущее своей родины А. М. не перестаетъ вѣрить. Какъ, откуда придетъ возрожденіе? Вѣдь „Духъ своевластенъ, даруетъ Онъ избраннымъ много, другимъ же ничего“? Спасеніе должно придти отъ насъ самихъ, и оно придетъ, если времена „слѣпоты и гордыни“ смѣнитъ „сознанья пора“, если намъ ясно предстанетъ, наконецъ „зрѣлище нашей пустыни, безъ думъ, безъ любви, безъ добра“:

„Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ; но въ людяхъ есть сила призыва,
Просите Его—и онъ дастъ.
Лишь только бъ молитва была горяча и правдива,
Призывъ былъ настойчивъ и чистъ.
Разбудимъ отзывчивость въ сердцѣ пустомъ и холодномъ,
Изъ камня добудемъ огня
И, въ скорби о разумѣ праздномъ и дѣлѣ безплодномъ,
Помолимся сердцемъ стеня.
Ты дышешь, гдѣ хочешь, о Духъ, призывающій къ жизни!
Дай жизни познать намъ пути;
Любви, правосудья и свѣта дай нашей отчизнѣ,
Дохнуть на нее захоти!“

Приведенныя стихотворенія А. М. относятся къ циклу его скорбныхъ пѣсенъ, въ которыхъ поэтъ, такъ сказать, изливаетъ грусть, какъ гражданинъ своей родины. Но рядомъ съ этими стихотвореніями въ числѣ его поэтическихъ твореній встрѣчаются замѣчательно художественныя по изящной красотѣ языка, формѣ стиха, по глубинѣ и искренности чувства, пѣсни, въ которыхъ поэтъ изливаетъ свое горе по поводу личныхъ утратъ, какъ, напримѣръ, по поводу смерти его жены и т. п.

Чисто лирическихъ стихотвореній въ поэзіи А. М. немного, но эти немногія стихотворенія по мотивамъ, на которые они написаны, по искренности, силѣ и теплотѣ чувствъ поэта, по образности и

выразительности языка доставляютъ читателю не одну минуту высокаго эстетическаго удовольствія и будятъ въ душѣ его прекрасныя чувства любви къ природѣ во всемъ ея цѣломъ и въ частности — къ человѣку. Въ этихъ стихотвореніяхъ преобладающимъ мотивомъ является чувство природы. Сыновне-любовное отношеніе къ явленіямъ природы, эстетическое наслажденіе ихъ красотою, полное примиреніе съ тѣми явленіями природы, которыя какъ бы являются диссонансомъ въ міровой гармоніи, внутренній покой и душевный миръ и благодушіе, испытываемые поэтомъ во время пребыванія на лонѣ природы или вблизи ея — вотъ тѣ чувства, которыя возбуждаетъ въ поэтѣ природа и которыми опредѣляется его отношеніе къ той же природѣ.!.

Какъ просто и задушевно рисуетъ онъ родную природу! Какъ сильны и ярки выходятъ у него, при этой простой, почти наивной формѣ описаній, изображенія самыхъ тонкихъ, едва уловимыхъ человѣческихъ ощущеній и настроеній!

Восторженнымъ гимномъ сыновней любви поэта къ нашей планетѣ-землѣ является его стихотвореніе: „Земля“, гдѣ онъ называетъ ее „красавицей“, „кормилицей“, „матерью“, людей—ея „чадами“, а себя—„сыномъ“, въ которомъ „чѣмъ дольше онъ смотритъ на нее, тѣмъ шире и сильнѣе все разростается къ ней любовь“.

Еще сильнѣе и ярче то же глубокое чувство любви поэта къ родной землѣ высказано имъ въ слѣдующемъ высоко-художественномъ и трогательномъ по своей искренности и задушевности стихотвореніи:

„О, когда бъ мнѣ было можно
Упредить мой часъ послѣдній!
Чтобъ, еще владѣя духомъ
Не больнымъ, не помраченнымъ,
Я успѣлъ пойти проститься
Съ милой матерью землею...
Съ непокрытой головою
На востокъ, на югъ, на западъ
И на сѣверъ поклонюся,
И скажу: Прости, міръ Божій!
Преклоню потомъ колѣни
И земли коснусь поклономъ;
И задумаюсь надъ нею;
И, быть можетъ, затоскую,
Орошу ее слезами;
И скажу: прими отъ сына
Благодарность за хлѣбъ, за соль.

Долго ты его, родная,
Ублажала и кормила;
Жить онъ долѣе не въ силахъ;
Онъ теперь покоя проситъ;
Упокой его на вѣки".

Тѣми же возвышенными чувствами сыновней любви къ землѣ и родной природѣ проникнуты и другія стихотворенія А. М., помѣщенныя въ сборникѣ подъ общими заголовками: „Зимнія картинки" и „Сельскія впечатлѣнія и картинки", а также стихотворенія, помѣщенныя въ „Пѣсняхъ Старости". Въ этихъ стихотвореніяхъ поэтъ съ искусствомъ истиннаго художника облекаетъ въ поэтическія краски заурядныя явленія сельской природы и жизни. Таковы, напримѣръ, замѣчательныя по силѣ поэтическаго одухотворенія стихотворенія: „Какъ шумятъ мои липы", „Ели", „Придорожная береза" и „Вечерняя заря".

На основаніи приведенныхъ образцовъ стихотвореній покойнаго писателя А. М. нельзя не видѣть, что самыми выдающимися чертами его поэтическихъ произведеній являются удивительная свѣжесть и непосредственность настроенія писателя, — дарованіе котораго достигло своего высшаго проявленія въ такіе годы, когда, для большинства поэтовъ, изсякаютъ источники вдохновенія,—отзывчивость на насущные интересы русской жизни, неостывающая душевная теплота, глубокая искренность, изящная простота формы стиха и чарующая красота описаній и сравненій. [1])

Сообщ. С. Старосивильскій.

---

[1]) Желающіе болѣе подробно ознакомиться съ біографіей умершаго писателя и его литературною дѣятельностью могутъ прочесть брошюру С. Старосивильскаго: „Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ. Краткій очеркъ его поэтической дѣятельности", Варшава, 1900 г., являющуюся пока единственнымъ на русскомъ языкѣ изслѣдованіемъ о литературной дѣятельности названнаго поэта.

Алтайскій горный округъ.

Возникновеніе горнозаводскаго дѣла въ Россіи можно признать съ начала XVII столѣтія. 29 февраля 1632-го года дана грамата купцу Андрею Денисову Виніусу „строить мельничные заводы“ для выдѣлки чугунныхъ и желѣзныхъ издѣлій... „дабы впредь то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно..., а людей государевыхъ тому желѣзному дѣлу научать и никаково ремесла отъ оныхъ не скрывать“... Но забота о горномъ промыслѣ на Руси относится къ царствованію великаго князя Ивана Васильевича III. Въ 1482-мъ году онъ писалъ къ венгерскому королю Максиму Корвину, прося его прислать въ Москву людей „искусныхъ въ отдѣленіи металла отъ земли“; а въ 1490-мъ году, отправляя къ римскому императору посломъ грека Траханіота, великій князь Иванъ Васильевичъ поручалъ принять на русскую службу также горныхъ мастеровъ. О третьемъ случаѣ заботы того же князя по горному дѣлу такъ записано со словъ лѣтописца: „Въ лѣто 6999 (1491) великій князь Иванъ Васильевичъ послалъ на Пецору руды искать Ивана да Виктора [1]), да съ ними послалъ Андрюшку Петрова да Василья Иванова сына Болтина, да грека Михаила Ларчева сына. И тое же осени пришли они съ Пецоры и сказали великому князю: руду нашли мѣдную на рѣцѣ Циллеѣ [2]) недоходя Космы рѣки за полдни а отъ Пецоры рѣцѣ за семь дней“.

Затѣмъ на двѣсти лѣтъ исторія умолкаетъ о горномъ дѣлѣ.

Въ 1661-мъ году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вторично были поиски руды по р. р. Цильмѣ и С. Двинѣ, но пользы и отъ этихъ поисковъ не было.

---

[1]) Иностранцы.

[2]) Р. Цильма.

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, въ 1569-мъ году дано англичанамъ разрѣшеніе построить желѣзодѣлательный заводъ на р. Вычегдѣ; однако англичане тѣмъ разрѣшеніемъ не воспользовались и заводъ не строили.

Успѣшному развитію у насъ руднаго дѣла способствовало главнымъ образомъ занятіе русскими Урала и Сибири. Вкратцѣ исторія этого такова.

При царѣ Иванѣ IV крестьянинъ земли Вологодской, Аника Строгановъ заложилъ соляныя варницы въ Зырянской землѣ у Соли Вычегодской. Дѣло оказалось столь выгодное, что Строгановъ, въ короткое сравнительно время, нажилъ большое богатство; а разбогатѣвъ, онъ, вмѣстѣ съ продажею добываемой имъ соли, повелъ торговлю съ зырянами и съ ихъ сосѣдями, другими инородцами, разными товарами. Съ этою цѣлью онъ посылалъ своихъ приказчиковъ за Уральскія горы, именуемыя „Поясъ“, откуда въ Зырянскую землю приходили продавцы съ мягкою рухлядью. Спустя короткое число лѣтъ родственникъ Строганова съ его приказчиками достигли инородцевъ, обитавшихъ по р. Оби, и вошли съ ними въ торговыя сношенія, обмѣномъ своихъ товаровъ на богатые мѣстные мѣха.

Мѣновую торговлю съ инородцами на р. Оби Строгановъ вначалѣ хранилъ въ строгой тайнѣ. Но торговля эта доставляла ему столь большую и очевидную прибыль, что приставами московскаго царства онъ заподозрѣнъ былъ въ измѣнѣ государству изъ-за денежныхъ выгодъ. Опасаясь наказанія, Строгановъ объявилъ царю о торговлѣ своей съ инородцами по р. Оби, указавъ, повидимому, на зажиточность ихъ при слабости политической жизни. Узнавъ объ этомъ, царь Иванъ IV въ 1558 г. послалъ войско на р. Обь и взялъ дань съ вогуличей и остяковъ, а татарскій царь Едигеръ призналъ надъ собою власть московскаго царя и обязался платить ежегодно ясакъ по 1.000 соболей. Анику Строганова царь благодарилъ за доставленныя свѣдѣнія.

Тогда послѣдній послалъ въ Москву своего старшаго сына Григорія съ просьбою къ царю о наградѣ имуществомъ, и Григорію Строганову дана царемъ жалованная грамата на владѣніе землями отъ Соли Камской по р. Камѣ до устья р. Чусовой. Спустя десять лѣтъ, въ 1568 г. второй сынъ Аники Строганова, Яковъ получилъ отъ царя такую же грамату на владѣніе землями по всему теченію Чусовой до ея верховьевъ и по рѣкамъ, текущимъ въ нее. Граматами разрѣшалось братьямъ Строгановымъ на пожалованныхъ имъ земляхъ „закладывать соляныя варницы, строить города и укрѣплять ихъ; держать пушки и мелкое оружіе; принимать къ себѣ въ

службу пушкарей и подобныхъ людей". Не дозволено было добывать горныя руды, а о найденныхъ требовалось „оповѣщать государевыхъ цѣловальниковъ". Но въ 1574 году и на это дано разрѣшеніе.

Съ этого времени начались частые поиски руды, по Уралу и въ прилегающихъ областяхъ, посылаемыми вначалѣ казенными людьми. На первыхъ порахъ руды искали непослѣдовательно и неумѣло: не было къ тому охочихъ и знающихъ людей, — „рудознатцевъ". Не менѣе важное препятствіе къ успѣху коренилось и въ томъ также, что населявшіе тѣ области инородцы не дружили съ русскими поселянами, которые тѣснили исконныхъ обывателей. Но вскорѣ въ этомъ дѣлѣ произошелъ крутой переворотъ.

Въ 1577 г. послано было московское войско на Волгу и Донъ для прекращенія грабежей отъ разной вольницы, среди которой однимъ изъ атамановъ находился донской уроженецъ Ермакъ [1]) Тимоѳеевъ.

Уходя отъ московскаго войска, Ермакъ поплылъ вверхъ по р. Волгѣ, вошелъ въ р. Каму и ею достигъ устья р. Чусовой, гдѣ находились владѣнія бр. Строгановыхъ. Здѣсь Ермакъ пришелъ къ младшему сыну Аники Строганова, Семену съ племянниками Максимомъ и Никитою, сыновьями умершихъ Якова и Григорія Строгановыхъ. Строгановы дружественно приняли Ермака и, желая удалить его изъ своихъ владѣній, высказали ему мысль о завоеваніи сибирскихъ народовъ. Отъ нихъ онъ также узналъ о приходившемъ въ 1573 г. братѣ сибирскаго царя Кучума съ Тобола на Чусовую и рѣшилъ тѣмъ же путемъ пройти въ Сибирь.

Весною 1578 г. Ермакъ съ проводниками, данными отъ Строгановыхъ, поплылъ вверхъ по Чусовой, но ошибочно попалъ въ Сылву и въ верховьѣ ея зазимовалъ, устроивъ т. н. „Ермаково городище". Весною въ 1579 г. часть дружины Ермака осталась въ зимовьѣ, а съ остальными Ермакъ вернулся къ Строгановымъ, которыхъ угрозою и обѣщаніями уговорилъ собрать ему дружину въ 5.000 челов., и съ ними вторично отправился по Чусовой къ ея верховьямъ, зазимовавъ на пристани Серебрянкѣ, устроивъ и здѣсь также зимовье, второе „Ермаково городище". Къ зимѣ у Ермака въ дружинѣ осталось 3.000 челов., а остальные или разбѣжались, или умерли отъ болѣзней и истощенія.

Въ эту зиму, въ поискахъ за продовольствіемъ, часть дружинниковъ прошла до р. Нейвы и тамъ были почти всѣ побиты тата-

---

[1]) Возможно допустить, предположительно, что это исковерканное имя Ерминій или Еремій, въ простонародіи: Ерема или Еремка.

рами съ ихъ мурзою. На этомъ мѣстѣ 60 лѣтъ спустя основано поселеніе, названное „Мурзинская слобода“.

Весною 1580 г., съ дружиною въ числѣ 1.636 челов., Ермакъ прошелъ волокомъ на р. Тагилъ, построилъ суда и спустился въ р. Туру. Вблизи ея устья разбилъ полчища татарскаго мирзы Епанчи и сжегъ его селеніе,—гдѣ послѣ основанъ г. Туринскъ, или Епанчикъ. Къ осени того же года Ермакъ подошелъ къ татарскому селенію Чимга, овладѣлъ имъ и въ немъ зазимовалъ. Впослѣдствіи тутъ основанъ г. Тюмень. Въ слѣд. 1581 г. весною Ермакъ поплылъ внизъ по Турѣ и вблизи ея устья вступилъ въ бой съ ожидавшими здѣсь татарами. Послѣ этого сраженія въ дружинѣ Ермака осталось 1.060 челов., съ которыми онъ и вошелъ въ Тоболъ. По Тоболу плылъ, неоднократно сражаясь съ татарами. Частыя сраженія и тяготы похода изнурили казаковъ, и въ устьѣ р. Тавды нѣкоторые изъ нихъ заявили о своемъ желаніи возвратиться въ Россію, — узнавъ, что по Тавдѣ и чрезъ Югорскія горы можно пройти за Уралъ или Поясъ. Собрали совѣтъ. Большинство рѣшило: „воевать Сибирь“—и поплыли къ Иртышу.

Къ осени Ермакъ достигъ Иртыша, гдѣ 23 октября 1581 г., — съ дружиною, оставшеюся только въ числѣ 500 челов.,—онъ вступилъ въ бой съ войскомъ татарскаго царя Кучума и его брата Мегеметъ-Кула. Разбилъ на голову ихъ полчища, но потерялъ своихъ 107 челов. и чрезъ 3 дня вошелъ въ столицу ц. Кучума, селеніе Искеръ, или у русскихъ: Сибирь. Побѣдою этой и съ занятіемъ Искера Ермакъ подчинилъ: вогуличей, остяковъ и сибирскихъ татаръ.

Но въ то время, когда Ермакъ уходилъ вглубь Сибири, обитавшіе по Пелыму и Тавдѣ вогуличи напали на селенія по р. р. Чусовой и верховьевъ Камы и разграбили ихъ жителей. Владѣльцы этихъ земель, братья Строгановы [1]) ссорились между собою и безсильны были наказать за разбои вогуличей и оберечь отъ ихъ грабежей жителей своихъ земель. Тогда они обратились за помощью и съ жалобами другъ на друга къ царю, чрезъ посредство ближайшаго чердынскаго воеводы Перепелицына. Но послѣдній донесъ царю, что поводомъ къ разбойному нападенію вогуличей послужилъ походъ Ермака въ Сибирь,—чему Строгановы были пособниками.

Царь Иванъ Васильевичъ объявилъ Строгановымъ за это свое неудовольствіе и приказывалъ имъ вернуть Ермака изъ Сибири для защиты русскихъ земель отъ инородцевъ,... и дабы... „не дѣлая грабежами непріятелей царству русскому“...

---

[1]) Семенъ и Максимъ.

За взятіе Искера и покореніе сибирскихъ народовъ подъ власть московскаго царя, однако, царь наградилъ Ермака и, прощая ему всѣ прежнія противозаконные вины и проступки, оставилъ его въ Сибири управлять тѣми народностями [1]).

Въ ночь съ 5 на 6 августа 1584 г. Ермакъ внезапно былъ окруженъ войскомъ Кучума,—отбиваясь отъ котораго онъ бросился въ лодку, но не доплылъ до нея, одѣтый въ кольчугу, подаренную царемъ Іоанномъ IV, — и утонулъ въ Иртышѣ. Со смертію Ермака укрѣпленіе русскихъ въ Сибири сначала остановилось-было, и замѣнявшіе его воеводы Глуховъ и потомъ Мансуровъ увели изъ Сибири войска. Но посланные изъ Москвы взамѣнъ ихъ въ 1586 г., воевода Сукинъ и письменный голова Чулковъ, вновь возвратили русскимъ занятыя Ермакомъ сибирскія земли.

Василіемъ Сукинымъ, на мѣстѣ татарскаго селенія Чимги, въ 1586 г. заложенъ городъ Тюмень [2]), а въ слѣд. 1587 г., на мѣстѣ селенія Искра, Чулковымъ основанъ г. Тобольскъ, объявленный тогда же главнымъ городомъ Сибири. Затѣмъ, въ 1593 г. построенъ г. Пелымъ, въ землѣ вогуличей; въ 1598 г., на р. Турѣ, основаны города Верхотурье и Туринскъ на почтовомъ трактѣ изъ г. Москвы, чрезъ г. Соликамскъ и Югорскія земли, въ Сибирь по пути, открытому въ 1597 г. торговымъ человѣкомъ Артеміемъ Бабиновымъ.

Съ разселеніемъ по Сибири русскихъ, въ 1620 и въ 1621 г.г. построены монастыри: Ницынскій при устьѣ р. Ницы, Невьянскій на р. Нейвѣ и Тагильскій на р. Тагилѣ. Послѣдніе два теперь уже закрыты. Изъ городовъ въ первое столѣтіе по занятіи Сибири основаны: въ 1662 г.—Шадринскъ; въ слѣд. 1663 г.—Ирбитъ; въ 1667 г.—Далматовъ, нынѣ заштатный.

Жители первыхъ городовъ и обитатели монастырей служили связующимъ звеномъ правящей Россіи съ инородцами. По мѣрѣ того, какъ въ средѣ мѣстныхъ народовъ укрѣплялось довѣріе къ русскимъ, старожилы менѣе укрывали тѣ мѣста, гдѣ издавна они добывали желѣзо и мѣдь.

Первыя свѣдѣнія о желѣзныхъ сибирскихъ рудахъ доставлены въ 1628 г. туринскому воеводѣ Корсакову татариномъ, уроженцемъ съ р. Ницы. Для этой руды въ слѣдующемъ году начатъ постройкой заводъ „Ницынскій“, на которомъ въ 1631 г. изготовили желѣзо. Этотъ заводъ послужилъ первообразомъ для прочихъ желѣзодѣлательныхъ сибирскихъ заводовъ.

---

[1]) Въ 1583 г. Ермакъ взялъ въ плѣнъ брата ц. Кучума, Мегеметъ Кула и отослалъ его въ Москву посломъ отъ сибирскихъ народовъ.

[2]) По-татарски, Тю-мень=10.000.

Къ тому времени и въ средѣ русскихъ сибирскихъ новоселовъ мало по малу образовывались рудоискатели добровольцы на поиски рудныхъ мѣстъ. Люди эти въ своихъ занятіяхъ горнымъ дѣломъ проникли уже до Алтайскихъ горъ. Первый слѣдъ объ этомъ отмѣченъ въ концѣ XVII столѣтія въ такомъ видѣ. Кузнецкій воевода Григорій Волковъ 11 октября 1673 г. доносилъ томскому воеводѣ, князю Данилѣ Барятинскому, по письму къ первому отъ тобольскаго воеводы боярина Петра Салтыкова съ товарищами:

...„въ прошломъ де году вѣдомо имъ учинилось, что есть за Кузнецкимъ острогомъ верхъ Томи рѣки слюда, а привозятъ де ее къ Кузнецкой калмыки. Да отъ Кузнецкова де по Томи рѣкѣ, по пожни татарскова головы и толмача Савина Микитина—ревень; да въ деревняхъ всякихъ чиновъ людей, въ десяти верстахъ—камень хрусталь. Да по сказкѣ-жь въ Тоболѣ Кузнецкова служилова чина Ѳедьки Серебрянина: въ прошломъ году пріѣхалъ съ Москвы Кузнецка же казакъ Мишка Поповъ и въ Кузнецкѣ сказывалъ: возилъ де онъ Мишка изъ Телескова озера къ Москвѣ руды серебряныя и по пробѣ въ плавкѣ изъ той руды было серебро. Да изъ тово же Телескова озера въ позапрошлыхъ де годахъ привозилъ въ Кузнецкъ руды атаманъ Андрей Ѳедоровъ, и тое руду онъ Ѳедька плавилъ и въ плавкѣ серебра не объявилось, ибо де той руды на плавку мало было. А желѣзная де руда въ Кузнецкомъ есть. И присланы изъ Тобольскова въ Кузнецкой для подлиннаго провѣдыванія въ тыи мѣста Тобольскіе: боярской сынъ Савва Жемотинъ да подъячій Иванъ Лосевъ. А велѣно де имъ въ тыихъ мѣстахъ досмотрѣть и изъ оныхъ взять руды серебряной и слюды и ревеня и хрусталя“... Тобольскіе чиновники просили Волкова оказать помощь ихъ посланцамъ, давъ имъ подводы и рудокопныя снасти, а также „рудознатцевъ: атамана Андрея Ѳедорова да казака Мишку Попова“...

На это донесеніе и запросъ Волкова, 10 ноября того же 1673 г. Барятинскій отвѣчалъ Волкову:.. „Кузнецкъ къ Тобольску не вѣдомъ, а по указу великихъ государей вѣдомъ къ Томскому. А ежели-бъ какой Государевъ указъ былъ серебряной руды, и ревеню, и хрусталю, и слюды взять, то Салтыкову довелось бы въ Томской отписать, а онъ того не отписалъ“... „безъ указу великихъ государей и безъ отписки его, Барятинскаго“... присланнымъ изъ Тобольска никакихъ пособій и людей не давать. Послѣ столь суроваго запрета въ оказаніи содѣйствія къ поискамъ руды лицамъ другого воеводства, Барятинскій приказывалъ Волкову:.. „ежели жь гдѣ есть серебряная руда, и ревень, и слюда, и хрусталь, то послать въ тыи мѣста добыть руды для опыта и прислать ихъ въ Томской“... Исполненіе Волковымъ послѣдней части приказанія воеводы по архивнымъ дѣ-

ламъ неизвѣстно. Но первая часть приказанія,—по запрету въ содѣйствіи,—очевидно, исполнена въ точности, ибо дѣло по открытію руды на Алтаѣ заглохло на полстолѣтіе.

По другимъ мѣстамъ въ Сибири открытіе рудныхъ мѣстъ и разработка металловъ хотя не быстрыми шагами, но подвигалось впередъ. Такъ въ 1691 г. двумя братьями тунгусами указаны сребросвинцовыя руды по р. Аргуни, въ Забайкальскомъ краѣ, о чемъ они сообщили адмиралу Головину, слѣдовавшему посломъ въ Пекинъ. Пять лѣтъ спустя въ 1696 г. на поиски рудъ изъ Москвы посланъ былъ грекъ Ал. Левандіанъ въ Томскій у., гдѣ онъ не нашелъ руды, а находясь при караванѣ посла, направлявшемся въ Китай, Левандіанъ узналъ о заявленныхъ рудахъ по р. Аргуни и, осмотрѣвъ ихъ, на р. Алгача построилъ для выплавки серебра заводъ, названный Нерчинскимъ.

Въ царствованіе Петра I горное дѣло особенно сильно подвинулось распоряженіями властей.

Въ 1696 г., по требованію царя, верхотурскій воевода послалъ въ Москву руды съ р.р. Тагила и Нейвы. По этой рудѣ въ 1697 г. построенъ Невьянскій заводъ, на которомъ въ 1701 г. начали выплавлять чугунъ, а съ 1702 г. выдѣлывать желѣзо.

Въ 1700 г. въ Верхотурье и въ Тобольскъ посланъ царскій указъ, о которомъ велѣно... „по торгамъ... кликать бирючемъ по многія времена“... А въ указѣ томъ сказано: „...буде кто изъ какихъ рудъ знаютъ и обыщутъ и про то извѣщать въ правду и съ тыихъ рудъ опыты воеводамъ объявлять. И буде ихъ трудами и обысками сыщутся какія руды добрыя, и прибыльныя, и прочныя, и за то они будутъ пожалованы его великаго государя жалованьемъ...“

Въ указѣ 1719 г. объ учрежденіи Бергъ-Коллегіи, между прочимъ, сказано:.. „всѣхъ охотниковъ рудныхъ дѣлъ привилегіями пожаловать и симъ нашимъ указомъ... объявить“. Изданныя при указѣ правила въ первомъ пунктѣ содержали:.. „соизволяется всѣмъ и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства онъ ни былъ, во всѣхъ мѣстахъ, на собственныхъ и чужихъ земляхъ, искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы, минералы, земли и каменья“... Эти два указа сильно двинули дѣло поисковъ руды добровольцами „рудознатцами“. По Алтаю дѣйствіе указовъ обозначилось въ слѣдующемъ же году.

27 мая 1720 г. томскіе жители Степанъ Костылевъ и Ѳедоръ Комаровъ подали „въ Государственную Высокоповелительную Бергъ-Коллегію“ „доношеніе“ такого содержанія:

„Въ запрошломъ 1717 г. билъ челомъ я Степанъ Костылевъ великому Государю и въ Тобольскѣ бывшему губернатору князю Мат-

вѣю Петрову Гагарину подалъ челобитную, отпустить меня изъ слободы Коркиной и взять мнѣ изъ тое слободы охочихъ людей искать вверху по Ишиму рѣкѣ и по сургутамъ, сирѣчь бурлыкамъ и по инымъ рѣкамъ руды: серебряныя, мѣдныя, желѣзныя и иныхъ; и слюды; и въ курганахъ вещей. Да чтобы къ той челобитной указъ приложить... По помѣтѣ, меня отпустили, и я пошелъ въ тыю слободу, гдѣ прикащикъ Константинъ сынъ Захаровъ тую челобитную у меня отобралъ силою и далъ мнѣ будто списокъ, а подлинную у себя удержалъ. А охочихъ людей мнѣ не далъ и рудъ искать не велѣлъ... А въ прошломъ же 1718 г. пріѣхалъ я въ Томской городъ и пріискалъ товарища Ивана Горбуна. И нашли мы мѣдныя руды въ Томскихъ урочищахъ многое число. И въ 1719 г. подали мы въ Томскомъ городѣ коменданту Василію Козлову челобитную отпустить меня и товарища Горбуна искать въ Томскихъ урочищахъ руды и при той челобитной руду ему коменданту объявили. И оный комендантъ челобитную при насъ бросилъ о земь, и товарища и меня не отпустилъ, и хотѣлъ насъ кнутомъ бить... ... Того ради просимъ, дабы указомъ царскаго Величества повелѣно было сказаннаго товарища моего Ивана Горбуна взять изъ Томскова и опредѣлить къ рудоискательскому дѣлу. А прикащика Захарова допросить, почто онъ челобитную у меня взялъ и не отдалъ, и далъ будто списокъ, и охочихъ людей не пустилъ, руды искать запрещалъ... Такожъ и коменданта Козлова допросить... А намъ жалованье опредѣлить, дабы, въ пути по Сибири у онаго дѣла будучи, было намъ питаться чѣмъ"...

Челобитчиками приложены были и образцы рудъ, ими найденныхъ по Томскимъ урочищамъ.

Изъ дальнѣйшей переписки въ дѣлопроизводствѣ по Уральскому горному округу,—куда въ то время причислялась вся Сибирь,—можно заключить, что въ этомъ случаѣ руда отправлена въ Москву и подвергнута изслѣдованію. Сибирскій губернаторъ князь Черкасскій препроводилъ къ бергмейстеру Бліеру 2 пуда мѣдныхъ рудъ, найденныхъ „близъ Томскова",—очевидно, представленныхъ названными рудокопами. Пробою въ рудахъ тѣхъ опредѣлена чистой мѣди одна треть по вѣсу, т. е. 33% по содержанію.

Такъ какъ Костылевъ и Комаровъ, ради прошенія своего, находились въ то время также въ Москвѣ, то 17 мая 1720 г. управляющій Сибирскими горными заводами артиллеріи капитанъ Татищевъ [1]) про-

[1]) Василій Никитичъ Татищевъ въ 1720 г., въ чинѣ капитанъ-поручика артиллеріи, 34 лѣтъ отъ роду, именнымъ указомъ назначенъ „въ Сибирской губерніи на Кунгурѣ заводы строить" и управлять Уральскими казенными заводами. Въ 1721 г. имъ построенъ на р. Исеть заводъ и „городъ

силъ князя Черкасскаго прислать рудоискателей для показанія о мѣстахъ, гдѣ руда ими найдена, и о другихъ рудныхъ мѣстахъ имъ извѣстныхъ. 26 мая 1720 кн. Черкасскій обоихъ рудоискателей отослалъ къ Татищеву, съ признаками руды, о которой они показали на допросѣ въ „Преображенскомъ приказѣ“. Въ тотъ же день Татищевъ донесъ Бергъ-Коллегіи, что рудоискателей онъ везетъ съ собою въ Сибирь.

Въ слѣдующемъ 1721 г. Бергъ-Коллегіею отправлены въ г. Томскъ на обслѣдованіе рудныхъ мѣстъ: бергоуръ Бровцынъ съ уктусскимъ жителемъ Никитою Петровымъ и съ другимъ „доносителемъ“ о рудныхъ мѣстахъ, Волковымъ. Приказано отъискать въ Томскѣ рудознатцевъ Костылева и Комарова и съ ними... „рудныя мѣста осмотрѣть, и описать, и образцы съ собою взять“... Поводомъ этого распоряженія послужило новое „доношеніе“ Волкова вкупѣ и Костылева съ Комаровымъ о „обысканныхъ“ ими рудныхъ мѣстахъ уже желѣзной руды. При этомъ Волковъ указывалъ три мѣста: 1) по р. Томи; 2) по р. Ояшу, въ верховьяхъ р. Оби; и 3) въ устьѣ р. Поросъ, всѣ въ Алтайскихъ горахъ. Костылевъ съ Комаровымъ подали „сказку“... „которая руда свидѣтельствована въ Москвѣ нашего пріиску взята вверхъ по Оби рѣкѣ, по рѣчкѣ Алею [1]),—до котораго отъ Томскова двѣ недѣли“... Съ Бровцынымъ однако никто изъ нихъ не поѣхалъ, убоясь инородческаго племени колпаковъ, кочевавшихъ по р.р. Алею и по Укусу. Но отговоркою отъ поѣздки они привели другое: „степи выгорѣли; казаковъ мало; зимовья нѣтъ“. Тѣмъ не менѣе, Волкова и Костылева приказано послать въ работу „въ Подволошный рудникъ“, хотя и съ выдачею имъ на содержаніе жалованья.

немалый Екатеринискъ“,—впослѣдствіи переименованный въ Екатеринбургъ. Учредилъ въ Тобольскѣ „Сибирское Вышнее Горное Начальство“. Тѣснилъ Демидова въ захватѣ казенныхъ земель, за что Д-въ донесъ о взяточничествѣ его, и въ концѣ 1721 г. былъ смѣщенъ. Вторично назначенъ на Уралъ въ 1734 г. Этотъ разъ созвалъ частныхъ горнозаводчиковъ и составилъ Горный Уставъ, замѣнивъ русскими всѣ нѣмецкія слова. Уставъ не утвержденъ, ибо Бирономъ... такъ сіе за зло принялъ, что не единожды говаривалъ, якобы Тат-въ главный злодѣй нѣмцевъ... Отобралъ у Демидова Алтайскіе заводы и показалъ, что въ той рудѣ много серебра, утаиваемаго Демидовымъ. Требовалъ отъ заводчиковъ устройства дорогъ и на рѣкахъ переправъ. Защищалъ отъ нихъ крѣпостныхъ людей. Судьямъ запрещалъ пытать подсудимыхъ. Давалъ льготы раскольникамъ. Послѣднее обстоятельство послужило къ столкновенію съ архіереемъ и вмѣстѣ съ жалобами уже дворянина Демидова и барона Строганова повело къ слѣдствію, и въ 1737 г. Татищевъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, переведенъ въ Оренбургъ, гдѣ въ бездѣйствіи окончилъ службу.

[1]) Рѣка Алей, долина которой богата разными рудами, принадлежитъ къ системѣ р. Иртыша.

Въ слѣдующемъ 1722 г. 12 декабря неутомимый горный искатель Степанъ Костылевъ,—по мѣсту своего новаго жительства,—изъ Чаусскаго острога Томскаго города подалъ новое свое „доношеніе“ заступившему Татищева генералу Генину [1]) о своихъ злоключеніяхъ по рудоискательству... „Увѣдомился я съ товарищи Ѳедоромъ Комаровымъ, да Михайлою Волковымъ по Алею рѣкѣ о мѣдныхъ рудахъ. И взялъ я тѣ руды и сказалъ я при себѣ его Императорскаго Величества дѣло, и не объявя того дѣла въ Сибири высланъ за то въ Преображенскъ [2]), и по допросомъ меня свидѣтельствовали оную руду въ Москвѣ... посылали меня оное мѣсто... указывать... въ Кыргынской степѣ по рѣкѣ Кожуху мѣдную руду, и которой по пробѣ явилось въ центрѣ [3]) фунтъ. И въ прошломъ 1721 г. посланъ я въ тое страну свидѣтельствовать тѣ и иныя руды съ берг-ауромъ Бровцынымъ. И не доѣхамши до тѣхъ мѣстъ возвратился сюда. И съ того дня живу и денно и нощно въ работѣ горной, и отпущенія себѣ никакого не имѣю... И за охоту въ тѣхъ рудныхъ дѣлахъ съ домишкомъ своимъ раззорился безъ остатку“... Просилъ Костылевъ освободить его отъ казенной работы на рудникѣ и отпустить домой. Просьба его уважена довольно своеобразно: 3 января 1723 г. разрѣшено отпустить Костылева въ Томскъ... „для исканія и припаса руды“...

Въ свою очередь Генинъ также пытался отыскивать руды въ Сибири чрезъ нѣмецкихъ выходцевъ, какъ видно изъ слѣдующаго.

11 ноября 1724 г. Генинъ сообщилъ Бергъ-Коллегіи о необходимой выдачѣ денежнаго пособія командированному имъ „изъ иностранцевъ“ бергоуеру для отысканія рудоносныхъ мѣстъ и обслѣдо-

---

[1]) Генрихъ-Вильгельмъ Генинъ, уроженецъ Нассау-Зигена, принятъ въ русскую службу Петромъ I въ Амстердамѣ, въ 1697 г., молодымъ парнемъ и опредѣленъ фейерверкеромъ. Въ 1710 г. находился въ войнѣ со шведами, уже офицеромъ, при взятіи русскими войсками Выборга и Кексгольма и при укрѣпленіи Гангута. Съ 1712 г. по 1722 завѣдывалъ сооруженіемъ Петербургскаго арсенала, Сестрорѣцкаго и Тульскаго оружейн. заводовъ и Олонецкихъ горныхъ заводовъ. Съ 1722 по 1734 г. состоялъ управителемъ Сибирскихъ горныхъ заводовъ. Здѣсь въ 1722 г. Горныя управленія переименовалъ въ Бергъ-Коллегію и въ Б.-Ампть, переведя ихъ изъ Тобольска въ Екатеринпнскъ на Исети, назвавъ его Екатеринбургомъ, 1723 г. Очень дружилъ съ Акинѳомъ Демидовымъ, всячески помогая ему къ завладѣнію рудныхъ мѣстъ на Уралѣ и Алтаѣ. По отозваніи изъ Сибири состоялъ членомъ Военной Коллегіи, въ чинѣ генералъ-лейтенанта. На службѣ составилъ карьеру и богатство.

[2]) Извѣстное сыскное учрежденіе въ Москвѣ.

[3]) Центнеръ—ок. 3 пудовъ вѣсомъ. Въ то время въ горномъ вѣдомствѣ русскаго вѣса не признавали, держась исключительно германской мѣры и вѣса.

ванія таковыхъ уже заявленныхъ и извѣстныхъ ранѣе. Съ иностранцемъ онъ отправлялъ русскаго... „да съ нимъ переводчика Мировича, которой въ пробирномъ дѣлѣ искусенъ... и велю тамошнія руды копать глубже и оныхъ привезть въ сибирскій Бергъ-Амптъ... да имъ же велю въ тамошнихъ краяхъ, во всей Сибири и иныхъ руды пріискивать, дабы о сибирскихъ рудахъ подлинно было извѣстно, какіе минералы тамо есть, понеже по многимъ доношеніямъ извѣстно, что руды есть, а обрѣсть ихъ не могутъ".

Поводомъ къ отправкѣ на поиски руды иностранца, не знающаго ни русскаго языка, ни горнаго дѣла, указывается недобросовѣстность русскихъ горноискателей, и примѣромъ тому приведенъ какой-то Ѳедоръ Инютинъ, который будто бы „взялъ съ міру" денегъ 300 р., но истратилъ ихъ въ свою пользу, а найденную имъ руду „затаплъ". Пріисковую партію Генинъ предполагалъ снарядить на нѣсколько лѣтъ, ибо... „ежели они всѣхъ тамошнихъ рудныхъ мѣстъ по показаніямъ другихъ въ годъ досмотрѣть и исправить противъ даннаго имъ наказу не могутъ, то бъ они и другой годъ тамо оныя руды проискивали"... За все время поисковъ руды предполагалось выдавать названнымъ лицамъ денежное вознагражденіе... „супротивъ ихъ лакомства, штобъ они за какія взятки руды не утаили, такожъ и за то, штобъ они обѣщали въ пріискѣ рудъ возможно радѣть и пріискивать и трудиться въ такомъ дальнемъ пути, то опредѣлилъ я имъ дѣлать на пропитаніе: Мировичу по четыре рубля и бергоуру къ прежнему окладу по два рубля на мѣсяцъ, штобъ они могли чѣмъ въ пути пропитаться"...

Вознагражденіе это по тому времени не малое, особенно если вспомнить, что горноискатели добровольцы никакого вознагражденія за свой трудъ не получали.

Отправленіе сказанной поисковой партіи, съ расходомъ отъ казны денегъ, Бергъ-Коллегіей разрѣшено, но на это не дано денегъ. Поэтому отправка партіи, по всей вѣроятности, не состоялась. По крайней мѣрѣ, исходъ этого дѣла неизвѣстенъ.

О другихъ подобнаго рода попыткахъ къ поиску руды по распоряженію властей въ дѣлахъ не сохранилось данныхъ. Починъ въ такихъ дѣлахъ исходилъ отъ частныхъ искателей, никакого общенія съ властями не имѣвшихъ и отъ казны никакого содержанія не получавшихъ. Изъ сохранившихся въ канцелярскихъ перепискахъ свѣдѣній по этому предмету наиболѣе характерныя имѣются такія.

Въ ноябрѣ 1725 г. оберъ-бергъ-Амту подано „доношеніе" чаусскимъ обывателемъ Томскаго городу Яковомъ Костылевымъ [1]) съ

[1]) Сынъ рудоискателя Степана Костылева.

товарищемъ, жителемъ Логатенской деревни, „бѣломѣстнымъ“ Леонтіемъ Останиныхъ. Заявили они о найденныхъ ими мѣдныхъ рудахъ на Алтаѣ въ восьми мѣстахъ, изъ коихъ два послужили основаніемъ впослѣдствіи къ устройству металлургическихъ заводовъ, существующихъ и понынѣ. Наиболѣе значительныя изъ заявокъ такія:

1) по Алею рѣкѣ [1]), межъ Иртыша рѣки и Оби рѣки. А отъ Иртыша днище ѣзды, а отъ Бѣлоярскаго острога три дня.

2) близъ той же Алеѣ рѣки, въ Марошѣ горѣ... въ Чудскихъ капищахъ.

3) въ Змѣевой горѣ [2]) отъ Мароски рѣки 10 верстъ... въ чудскихъ же капищахъ.

4) въ горѣ надъ рѣкою Алеемъ,

...„оныя руды обысканы съ товарищами своими“,—при этомъ названо 10 человѣкъ изъ томскихъ жителей и всѣ коренные сибиряки: Останиныхъ, Черемныхъ, Черныхъ, Медковъ, Байдакъ, Ленковъ и др. Просили объ освидѣтельствованіи указываемыхъ ими рудныхъ мѣстъ и о вознагражденіи ихъ за поиски, а въ заключеніе просили выдать имъ разрѣшеніе заниматься горноискательствомъ и на будущее время... „штобъ впредь въ пріискѣ рудъ препятствій не чинить“. Они просили еще при этомъ не взыскивать съ нихъ разные мірскіе сборы, оставивъ одни казенные, „подушные“... „понеже Томскіе мірскіе люди ненависти ради, што мы пріискиваемъ руды, кладутъ на насъ мірскихъ сборовъ противу себя излишекъ, почему можемъ въ конецъ раззорены быть“...

Спустя два мѣсяца, 2 января 1726 г. Генинъ сообщилъ Бергъ-Коллегіи о томъ, что... „сего ноября шестого явились въ Сибирской Бергъ-Амптъ томскіе жители и объявили при доношеніи изъ восьми горъ мѣдныхъ богатыхъ рудъ признаки ими обысканы въ томъ уѣздѣ невдалекѣ отъ Иртыша, и по ихъ сказкамъ руды тамъ множество... Того ради Коллегія повелитъ ли предбудущимъ лѣтомъ для осмотру тѣхъ признаковъ изъ горныхъ искусныхъ людей послать? Или кого соизволитъ? И буде по осмотру тѣ руды явятся годными, и работы и иждивенія достойны, то тѣ руды въ дѣйствіе производить ли? И плавильные заводы строить ли? И какими людьми? Понеже близъ тѣхъ рудъ жилья не имѣется на три дня пути, такожъ откуда требовать припасы и протчее? И ежели впредь въ оныхъ тамошныхъ мѣстахъ руды явятся и тѣ руды въ дѣйство производить ли? О томъ жду отъ Бергъ-Коллегіи указу“...

Пробною плавкою, сдѣланною въ 1726 г., получено изъ этихъ рудъ—изъ центнера ок. 3 п. вѣса руды, чистой мѣди: съ р. Алея отъ

[1]) Здѣсь построенъ Локтевскій заводъ.

[2]) Здѣсь построенъ долго спустя Змѣевскій заводъ.

17 до 23 фун., или до 18%; изъ Змѣевой г.—42 ф. или 35%; изъ остальныхъ мѣстъ отъ 5 до 18½ фунт. Руды очень богатыя. Но Генинъ не спѣшилъ брать ихъ для пользы казны. Забросавъ вопросами Коллегію объ этихъ рудахъ и зная богатство ихъ, онъ, наоборотъ, окольнымъ путемъ старался о передачѣ этихъ рудныхъ мѣстъ во владѣніе того лица, отъ котораго чаялъ имѣть для себя наибольшую пользу и удовольствіе. Всѣми этими рудами воспользовался уральскій горнозаводчикъ Демидовъ, сынъ родоначальника другой крестьянской семьи, — кромѣ Строгановыхъ, — овладѣвшей наилучшими и наиболѣе цѣнными мѣстами на Уралѣ и Алтаѣ.

Въ исторіи уральскихъ горныхъ промысловъ семья Демидовыхъ появляется въ самомъ началѣ XVIII столѣтія по стеченію совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Въ 1696 г. царь Петръ I, направляясь изъ Москвы въ Воронежъ, остановился въ Тулѣ для заказа холоднаго оружія мѣстнымъ кузнечнымъ мастерамъ. Но не ослушался зова и къ царю явился только одинъ кузнецъ, Никита Демидовъ Антуфьевъ [1]), которому царь заказалъ изготовить 300 шт. алебардъ по „нѣмецкому“ образцу. Заказъ этотъ Никита Антуфьевъ сдѣлалъ въ срокъ и хорошо. Отсюда и начало расположенія Петра I къ Никитѣ, называвшемуся Демидовымъ. Въ 1702 г. по прошенію Н. Демидова объ отдачѣ ему въ пользованіе, для выдѣлки оружія, вновь открытаго на Уралѣ желѣзодѣлательнаго Невьянскаго завода, Петръ I отдалъ ему этотъ заводъ въ собственность для непремѣнной выдѣлки огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, указывая при этомъ... „искать такое всякому литому и кованому дѣлу умноженіе, штобъ на потребу всему Московскому государству надѣлать и безъ иноземнаго швицкаго проняться было мочно, и стараться штобъ русскіе люди тѣмъ мастерствамъ изучены были, дабы то дѣло въ Московскомъ государствѣ было прочно“... Въ указѣ этомъ приведены причины, по которымъ едва зародившееся на Уралѣ металлургическое производство безвозвратно отдавалось частному лицу... „а тѣ заводы отдать ему Антуфьеву указали Мы великій государь для того, што нерадѣніемъ и многими сварами и крамолами приставниковъ чинилась тому доброму и полезному дѣлу остановка, и уѣзднымъ людямъ премногая тягость... иные дѣло дѣлали нерадиво или несмышленно, и въ томъ не точію убытки, но и времени многая потеря и дальняго ради разстоянія и прихотей ради тѣхъ приставниковъ и многихъ ради ихъ запросовъ опасно тому заводу совершеннаго раззоренія“... Указъ этотъ изданъ 4 марта 1702 г., а въ

[1]) Отецъ Никиты, Демидъ Клементьевъ — уроженецъ дер. Павшино, въ 20 вер. отъ Тулы.

іюнѣ того же года Никита Демидовъ послалъ на Уралъ старшаго сына Акинѳа для управленія полученнымъ заводомъ. Въ февралѣ слѣдующаго 1703 г.,—по представленію думнаго дьяка Виніуса, къ Невьянскому заводу, для работъ, приписаны: монастырское село Покровское со многими деревнями и вольныя слободы: Аяцкая и Краснопольская,—и тѣмъ жители ихъ закрѣпощены Демидову. Благодаря почти даровому труду „постоянныхъ“ приписанныхъ къ заводу работниковъ и не прекращавшимся казеннымъ заказамъ и, наконецъ, всевозможнымъ льготамъ, оказываемымъ правительствомъ, семья Демидовыхъ застроила весь срединный Уралъ своими горнозаводскими фабриками. Никита построилъ 4 завода; сыновья его построили: Акинѳъ—13 и Никита—1-нъ (Нижне-Шайтанскій); а внуки и правнуки построили 14 и купили 1 заводъ (Каслинскій). Такъ что въ третьемъ поколѣніи Демидовы владѣли на Уралѣ 34 заводами въ наибогатѣйшей его срединной части. Заводы, ими устроенные, и до нынѣ существуютъ, хотя и не всѣ находятся въ постоянномъ дѣйствіи.

Невьянскій заводъ, послужившій краеугольнымъ камнемъ къ водворенію Демидова на Уралѣ, построенъ казною въ 1696 г., вскорѣ по открытіи на р.р. Нейвѣ и Тагилѣ рудъ магнитнаго желѣзняка. 15 декабря 1701 г. на заводѣ отлитъ чугунъ, а 8 января 1702 г. выковано первое уральское желѣзо. Черезъ 2 мѣсяца, какъ сказано, заводъ отданъ Никитѣ Антуфьеву.

Но не довольствуясь Ураломъ въ широкомъ захватѣ рудныхъ мѣстъ,—а отчасти по содѣйствію Генина,—Акинѳъ Демидовъ перенесъ свою дѣятельность на Алтай.

Въ томъ 1726 г., когда сдѣланы пробы мѣдной руды, найденной Костылевымъ съ товарищами, и когда, слѣдовательно, извѣстно было богатство мѣсторожденій мѣдныхъ рудъ въ Алтайскихъ горахъ, 24-го февраля 1726 г. подано заявленіе приказчикомъ сына Никиты Демидова, Акинѳа.

„Превосходительному господину,
Генералу-отъ-Артиллеріи,
Генералу-Майору,
Милостивому Государю
Вилиму Ивановичу [1])

Доноситъ въ небытность Комиссара [2]) Акинѳа Демидова, прикащикъ его Степанъ Егоровъ. А о чемъ мое доношеніе, о томъ явствуютъ пункты.

---

[1]) Такъ Генинъ называлъ себя по-русски, прибавляя къ фамиліи, послѣ пропзводства его въ генералы, частицу „де“.

[2]) Почетное званіе дано Демидову Петромъ I при посѣщеніи имъ Сибири. Въ потомственное дворянство Демидовъ возведенъ 21 сентября 1721г.

1) Понеже по привилегіи вѣчныя и доблестныя памяти его императорскаго величества состоявшейся въ 1720 г. заводить мѣдные и желѣзные заводы на пріисканныхъ ими рудахъ и впредь гдѣ пріищутъ...

2) На что взирая помянутый господинъ мой комиссаръ Демидовъ возжелалъ, дабы повелѣно ему было указомъ ея императорскаго величества и по оной привилегіи послать въ низовые Томской и Кузнецкой городы и присутствующіе въ тыихъ мѣстахъ для исканія мѣдныхъ рудъ... одного солдата съ двумя учениками горнаго дѣла и двумя рабочими.

3) И ежелижь по волѣ Всемогущаго Бога оные посланные въ означенныхъ краяхъ гдѣ мѣдную руду найдутъ, дабы по указу Ея И. В. и по оной привилегіи повелѣно имъ было безъ всякаго препятствія отъ тамошнихъ командировъ копать наемными людьми и для пробы плавить. И по пробѣ ежели явится такая руда, достойная пждивенія къ строенію завода, то оный мой господинъ комиссаръ Демидовъ желаетъ для обогащенія Россійскаго Государства и для всенародной пользы собственнымъ своимъ капиталомъ завести въ оныхъ краяхъ заводы, дабы Божіе благословленіе втунѣ подъ землею не оставлено было.

4) Того ради помянутый господинъ... приказалъ мнѣ... нижайше просить дабы опредѣленныхъ отъ него въ означенный путь... какъ о пропускѣ до показанныхъ мѣстъ пашпортомъ, такъ и о непомѣшательствѣ въ пріисканіи рудъ и въ строеніи завода соблаговолить наградить милостивымъ... указомъ съ приложеніемъ помянутой привилегіи".

На прошеніи этомъ Генинномъ собственноручно написано:... „*по сем доношени дат указ как привилеги повелеват и пашпорты*"...

6 апрѣля того же 1726 г. Генинъ писалъ въ Оберъ-Бергъ-Ампть:

...Понеже именнымъ Ея И. В. указомъ за подписаніемъ собственной Ея И. В. руки писаннымъ... мѣдь размножать, въ томъ неустанное стараніе имѣю... А понеже дворянинъ Демидовъ объявилъ въ Томскомъ богатыя руды токмо кому оныя въ дѣйство произвести, такого искусства людей не имѣетъ. И отъ того оныя руды лежатъ безплодно. А въ письмѣ его свѣтлости генерала фельдмаршала[1]) ко мнѣ написано ему Демидову чинить всевозможное помоществованіе. Того ради по силѣ оныхъ Ея И. В. указовъ мѣдь въ

[1]) По имени не названъ; но очевидно—Апраксинъ, извѣстный въ исторіи корыстолюбіемъ и очень радѣвшій за Демидова.

Имперіи размножать, посланъ къ нему Демидову для строенія мѣднаго его завода въ Томскомъ бергешворенъ Клеопинъ да бергауеръ Келлеръ.

Въ томъ же апрѣлѣ, 29 числа 1726 г. Бергъ-Коллегіею посланъ указъ Генину о выдачѣ Демидову 100 пудовъ пороха на добываніе Алтайскихъ рудъ въ Томскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ... „токмо тѣ руды добывать порохомъ, понеже лежатъ въ твердомъ камнѣ“...

Единодушное и скорое согласіе безъ „сваръ и крамолъ приставниковъ“ въ оказаніи Акинѳу Демидову содѣйствія пользоваться наивозможно прибыльнѣе государственнымъ добромъ. Закрѣпленіе Алтайскихъ рудниковъ, найденныхъ безъ малѣйшаго отъ казны пособія частными жителями, за Демидовымъ сдѣлано Бергъ-Коллегіею указомъ ея отъ 11 мая 1726 г. на имя Генина..: „сего маія 5-го дня по приговору Бергъ-Коллегіи на поданное пробирное письмо мюнцъ вюрденка Шлоттера и на учиненную въ Бергъ-Коллегіи выписку о мѣдныхъ рудахъ, присланныхъ при доношеніи твоемъ, объявленныхъ тебѣ отъ Томскихъ жителей, взятыхъ изъ восьми мѣстъ, согласно опредѣлено: понеже по объявленной выпискѣ показано, что изъ тѣхъ же мѣстъ Томскаго и Кузнецкаго уѣздовъ и о произведеніи ихъ, и о построеніи заводовъ указъ и привилегія заводчику Акинѳію Демидову февраля 16 дня сего 726 года данъ и въ Санктъ-Петербургскомъ Оберъ-Бергъ-Амптѣ укрѣплены. Того ради... артилеріи генералъ маіору Генину о томъ вѣдать“. Подписали этотъ документъ: Алексѣй Зыбинъ и В. Райзеръ. Только въ указѣ этомъ не упомянуто, кто именно такую „выписку“ выдалъ.

Костылевъ съ своими бѣдняками товарищами, разумѣется, не обладали средствами на устройство мѣди-плавильнаго завода. Но это могла несомнѣнно и, казалось бы, обязана была дѣлать казна, чрезъ своихъ „приставниковъ“.

Не только одинъ Татищевъ утѣснялъ Демидова въ дѣлѣ „своимъ капиталомъ заведенномъ для обогащенія Россійскаго государства и всенародной пользы“. То же самое учиняли и иные мѣстные приставники, вынуждая Демидовыхъ проливать крокодиловы слезы. Такъ, 23 марта 1729 г. сынъ Акинѳа Демидова, Прокопій жаловался Бергъ-Коллегіи...: „по данному изъ Бергъ-Коллегіи указу велѣно намъ въ Томскомъ краѣ заводы строить... у сыска... мѣдныхъ рудъ производить сильной рукой, и кои (заводы) уже строятся... А прикащиковъ нашихъ тѣснятъ Пристава Сибирской слободы“... Поэтому Прокопій „нижайше и всепокорнѣйше“ проситъ оказать ему содѣйствіе въ безпрепятственныхъ поискахъ разныхъ рудъ по Алтаю. Прошеніе горячо принято къ сердцу, и Генину приказано

о проступкахъ разслѣдовать виновныхъ „по указанію"... жалобщика.

За недостаточностію древеснаго топлива на Алтаѣ, необходимаго для плавки рудъ, Демидовы задумали устроить мѣди-плавиленный заводъ на р. Иртышѣ въ мѣстѣ съ обильными лѣсами. Съ этою цѣлью въ январѣ 1732 г. они просили Бергъ-Коллегію о разрѣшеніи построить заводъ на р. Иртышѣ, и просьба эта очень скоро увѣнчалась успѣхомъ, какъ это видно изъ указа Коммерцъ-Коллегіи, даннаго ею 4 февр. 1732 г... „сего 732 году 3 января въ прошеніи Акинѳа Демидова объявлено: за Тобольскомъ де, въ Томскомъ и Кузнецкомъ краяхъ, въ Тарскомъ да выше Палатной [1]) крѣпости по Иртышу рѣкѣ и по другимъ рѣчкамъ обысканы имъ чрезъ посланныхъ его мѣдныя руды въ горахъ, въ разныхъ мѣстахъ, и тѣ руды плодъ явили богатый. На что они взирая по оныхъ мѣдныхъ рудахъ и заводъ по данному изъ бывшей Бергъ-Коллегіи указу устроили, именуемый Колыванскимъ. И мѣдныя руды дѣйство въ плавкѣ производятъ, токмо берутъ руды съ тыихъ мѣстъ, кои къ заводу ближе. А кои мѣста отъ оныхъ... въ дальности отстоятъ по Иртышу рѣкѣ, да по рѣчкамъ Колманкѣ, Березовкѣ, по Убѣ да по Алею и по Гомцовой руды хоша на заводъ и привезены были, но за малолюдствомъ и за дальнею возкою оставлены. А нынѣ онъ Демидовъ чрезъ посыланныхъ имъ въ Тарскомъ краѣ по Иртышу рѣкѣ, пониже Убинскаго улуса внизъ по тоей рѣкѣ, по правой ея сторонѣ, довольное число лѣсовъ нашелъ. И желаетъ онъ Демидовъ при тыихъ лѣсахъ другой мѣдный заводъ строить. И руды туда... возить. А по пробѣ пробирнаго мастера Андреяна Шамшева руды въ центрѣ 30 фунтовъ мѣди"...

Эти доводы для Коммерцъ-Коллегіи были столь убѣдительны, что ею по прошенію Демидова безпрекословно разрѣшено ему строить мѣди-плавиленный заводъ среди лѣсовъ „довольнаго числомъ".

23 янв. 1734 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи статск. совѣтн. Татищева управляющимъ сибирскими заводами, и съ перваго же года вступленія въ прежнюю должность онъ проявилъ и прежнюю нетерпимость во всемъ, касающемся Демидова, и главнымъ образомъ по владѣнію имъ заводомъ на Алтаѣ. Вскорѣ Татищевымъ обнаружено, что обойденные рудоискатели много разъ подавали жалобы относительно незаконно отобранныхъ рудныхъ мѣстъ, заявленныхъ ими, безъ всякаго ихъ вознагражденія, какъ это объявлено было указомъ Петра I въ декабрѣ 1719 г.

Первое дѣйствіе Татищева въ этомъ направленіи проявилось въ

[1]) Нынѣ обл. г. Семипалатинскъ.

его донесеніи въ Кабинетъ Ея Величества, посланномъ имъ вскорѣ по прибытіи въ Екатеринбургъ, 13 февр. 1734 г., такого содержанія.—„Ваше Импер. Велич., всемилостивѣйше соизволили мнѣ повелѣть ѣхать въ Сибирь для размноженія заводовъ.., понеже видимо, што наибольшее сокровище искать надобно въ Томскомъ и Кузнецкомъ, гдѣ Вашего Имп. Величества заводовъ еще нѣтъ, а построилъ токмо Демидовъ своимъ иждивеніемъ. Токмо ему Демидову тыхъ заводовъ по надлежащему размножать и содержать весьма не можно. И понеже лучшія мѣста онъ... взялъ... заводовъ строить весьма не безтрудно. Того ради не соизволитель... тып его Демидова заводы взять, а ему отъ казны надлежащее заплатить“...

Это было для Демидова первымъ буревѣстникомъ по владѣнію имъ рудниками на Алтаѣ.

Подтвержденіемъ прежнихъ жалобъ рудоискателей по Алтайскимъ мѣднымъ рудамъ служитъ написанный Татищевымъ собственноручно „указъ“ [1]) (предложеніе) совѣтнику Экипажной Конторы Андрею Хрущову... „Сего октября 14 дня (1734) рудоискатель Костылевъ подалъ доношеніе, въ коемъ онъ показываетъ какъ Томскія руды имъ съ товарищи найдены и объявлены были, и какимъ порядкомъ оныя руды пришли во владѣніе дворянину Акинѳу Демидову. А по справкѣ въ Канцеляріи прежняго Оберъ-Бергъ-Амта является въ бывшемъ ему тамъ допросѣ нѣкая разность и въ той выпискѣ прежняго его объявленія не внесено. Того ради вамъ и при васъ за ассесоровъ маіору Угрюмову да капитану Калачеву оное его доношеніе съ тѣмъ допросомъ и выпискою сличить, и ежели въ чемъ разность явилась, допросить его Костылева, для чего объ ономъ тогда такъ не показывалъ... А къ тому слѣдствію изъ бывшихъ здѣсь секретарей и подъячихъ неупотреблять, дабы для закрытія прежняго непорядка какого фальша не учинили и прежде времени кому не подлежитъ не объявили“...

Затѣмъ 6 ноября 1734 г. Татищевъ доносилъ на имя Императрицы объ этомъ дѣлѣ, указывая о найденныхъ подлогахъ по заявкамъ Костылева. „...23 октября Томской житель рудоискатель Костылевъ подалъ доношеніе о томскихъ мѣдныхъ рудахъ и объявилъ, какимъ образомъ оныя Демидову отданы... Здѣсь по оному доношенію изъ всѣхъ обрѣтающихся въ канцеляріи извѣстій и доказательствъ велѣлъ сочинить выпись. Онъ же Костылевъ подалъ другое доношеніе о золотыхъ и серебряныхъ рудахъ, объявляя якобы о томъ напредь сего подавалъ доношеніе къ генералъ порутчику [2]). Токмо

---

[1]) Ур. Г. Пр. Дѣло 1734 г. № 535, л. 612.

[2]) Генину.

такого доношенія и записи здѣсь не явилось".—Въ этомъ же представленіи Татищевъ приводитъ доводы, убѣждающіе о злоупотребленіяхъ по заявкамъ поселянъ рудоискателей объ Алтайскихъ рудныхъ мѣстахъ. Пространно, въ 14 пунктахъ онъ указываетъ, что къ завладѣнію рудоносными мѣстами на Алтаѣ Демидову способствовали Генинъ и мѣстные приказные, отчасти. Представленіе это такъ заканчивается:... „о доношеніи поданномъ отъ рудоискателей болѣе донести не могу, что вижду, понеже оное касается до поступковъ Бергъ-Коллегіи и генерала порутчика, надъ которыми я судьею не поставленъ... Къ тому же вижду, что оные заводы у него Демидова и безъ того по инструкціи взять надлежитъ. Того ради пространнымъ доношеніемъ утруждать оставляю. Здѣсь же въ канцеляріи принадлежащія до онаго извѣстія для предка велѣлъ собрать и сдѣлать запись. Токмо нужнѣйшія доказательства, кои я памятую, распропали... въ коемъ секретарей и подъячихъ допрашиваютъ...".

Въ дѣлѣ по завладѣнію Демидовымъ Алтайскими рудниками личный интересъ Генина обнаруживается еще въ слѣдующемъ указѣ Государственной Бергъ-Коллегіи, разославшей въ февралѣ 1735 г. циркулярно всѣмъ отъ генералъ-губернаторовъ до воеводъ „и прочимъ"...

„Минувшаго генваря 19 дня да сего февраля 4 дня въ поданныхъ въ Бергъ-Коллегію доношеніяхъ Екатеринбургскихъ заводовъ заводчика Акинѳа Демидова написано: имъ де обыскано чрезъ своихъ посланныхъ мѣдныхъ въ Кузнецкомъ краѣ рудъ восемь мѣстъ и штобы повелѣно было ему ту руду копать и заводы заводить... Опредѣлено: токмо онъ Демидовъ имѣетъ охоту къ произведенію... того ради разрѣшается ему... руду копать и заводы заводить... и давать ему солдатъ... и ради размноженія упомянутыхъ заводовъ генералъ майору Генину въ компаніи съ нимъ Демидовымъ, ежели онъ пожелаетъ до указу, быть надлежитъ. А впредь ему генералъ майору въ той компаніи быть ли, о томъ въ Правительствующій Сенатъ велѣно учинить доношеніе со мнѣніемъ. А другихъ въ компанію принимать ему Демидову невозбранно.

До 1725 г., въ царствованіе Петра I родоначальники Демидова, Никита и его старшій сынъ Акинѳъ умѣло поддерживали расположеніе къ себѣ царя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшихъ къ власти бояръ. Постройкою заводовъ, исправнымъ исполненіемъ казенныхъ заказовъ и не дороже заграничныхъ цѣнъ они дѣлали пріятное царю, но угождали ему и лично. Такъ, при рожденіи цесаревича, на „зубокъ" Демидовъ поднесъ Петру I деньгами 100.000 руб. и золотыя вещи, найденныя въ Чудскихъ копяхъ и курганахъ. Приближенныхъ къ царю вельможъ Демидовы также задаривали и располагали на

*

свою пользу. Фельдмаршалъ гр. Апраксинъ не безкорыстно очень интересовался дѣлами Демидова. По смерти Петра I и особенно въ царствованія имп. Анны и Елизаветы, прежней помощи у предлежащихъ властей Демидовы уже не находили.

Возстановленіе правъ горнопскателей Костылева и его товарищей, повидимому, такъ и не получило вожделѣннаго исхода. По крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ Уральскаго Горнаго Правленія не находится свѣдѣній о томъ, чтобы имъ было выдано какое-либо денежное вознагражденіе. Но начатое Татищевымъ дѣло по отобранію въ казну Алтайскихъ заводовъ, хотя медленно, но продолжало идти канцелярскимъ путемъ.

По приведенному выше представленію Татищева въ началѣ 1734 г. о пріобрѣтеніи казною Алтайскихъ заводовъ Демидова лишь въ концѣ 1735 г. изъ Кабинета Ея Величества сдѣланъ Татищеву запросъ о дополнительныхъ свѣдѣніяхъ. На это 31 января 1736 г. послано такое донесеніе: „изъ Канцеляріи Главнаго заводскаго Правленія, дѣйствительн. статск. совѣтника Татищева съ товарищами въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества—мнѣніе". „По силѣ данной отъ Ея Импер. Величества инструкціи 10 пункта ежели усмотрѣть, што для пользы Ея Импер. Величества надобно взять на Ея Величество, то оные заводы у Демидова взять, описавъ что чего есть и изслѣдовавъ колико онъ въ строеніи оныхъ заводовъ иждивенія издержалъ, сочиня правильный щетъ по настоящей цѣнѣ, и оный прислать къ Ея Величеству, и по силѣ того пункта оной заводъ взять на Ея Величество для нижеписанныхъ притчинъ.

1) Оныя руды суть лутчія и богатѣйшія по всей Сибири, и подобныхъ онымъ до днесь не сыскано... Хотя бы втрое заводовъ умножить, видимо такъ скоро пресѣчься не могутъ.

2) Руды множество, лѣсовъ скудно, заводы строить по разнымъ мѣстамъ. А оное партикулярному человѣку за недостаткомъ въ тыихъ мѣстахъ людей учинить и въ надлежащее состояніе привести никакъ не можно.

3) Оные заводы стали на границѣ Калмыцкой въ великой небезопасности, для котораго Демидову надлежащее число людей содержать не возможно. А ежели оную оборону, *какъ до днесь*, содержать отъ губерніи, то оный убытокъ не наградится... Да сверхъ того его Демидова прикащики вступили съ калмыками въ ненадлежащіе разговоры, о чемъ въ Иностранной Коллегіи слѣдуется, и впредь той же опасности подлежатъ.

4) Всякой партикулярный промышленникъ подлежитъ многимъ нещастливымъ приключеніямъ, и ему иногда не токмо размножать, а и содержать заводовъ возможности недостаетъ, и такое сокровище

остается туне... Отъ прикащиковъ его... о цѣнѣ мѣди и припасовъ требовано, да о плавкѣ мѣди книгъ и какихъ записей по 1729 годъ нѣтъ, а увезли прежніе прикащики къ Демидову, отчего мѣди и припасамъ цѣны взять несчего"...

Въ этомъ донесеніи однако сдѣланъ подсчетъ за все время владѣнія Демидовымъ рудниками и заводами, съ 1726 по 1735 г.г.; также вычисленъ денежный расходъ по устройству завода, добычѣ руды и плавкѣ мѣди,—всего на сумму 42.428 р. 33¼ к., и доходъ исчисленъ... „съ онаго заводу за проданную мѣдную посуду 9.303 р. 27¼ к., да мѣди черной роштейна и шпурштейна... 16.250 пудъ; а изъ того количества добыто мѣди чистой 12.067½ п., да еще чистой изъ крицъ 4.515 п. 25 ф." Въ окончательномъ выводѣ расчета послѣ подробныхъ перечисленій статей дохода по Колыванскому заводу на Алтаѣ, въ „мнѣніи" говорится:... „штобы ему Демидову не токмо безобидно, но и награжденіемъ было, то... выдать ему... изъ казны 30.000 рублей; и оные въ краткое время въ казну наградятся; и вѣчно прибыль приноситься будетъ".—Подписали: Б. Татищевъ и А. Хрущовъ.

По поводу донесеній Татищева и для повѣрки свѣдѣній, подъ предлогомъ ревизій Колыванскаго завода Демидова, на Алтай выѣзжали въ 1835 г. двѣ комиссіи, одна: бергъ-совѣтникъ Райзеръ и артиллеріи капитанъ Ферморъ, и другая, по возвращеніи съ Алтая первой: лейбъ-гвардіи капитанъ Кожуховъ съ фискаломъ Капустинымъ. Результатъ этихъ ревизій въ дѣлахъ Уральскаго Правленія не извѣстенъ. Но въ началѣ 1736 г., вскорѣ по представленіи въ Петербургъ приведеннаго „мнѣнія", по распоряженію Татищева, Колыванскій алтайскій заводъ у Демидова взятъ въ казну премьеръ-майоромъ Угрюмовымъ, и тогда доказано было, что руды, выплавляемыя на этомъ заводѣ, содержатъ значительное количество *серебра*,—но объ этомъ однако до того времени не было извѣстно, и Демидовъ не показывалъ о полученіи имъ серебра. Несмотря на это обстоятельство, однако же, въ началѣ 1737 г. именнымъ указомъ Татищеву повелѣно возвратить заводъ Демидову, который по-прежнему продолжалъ владѣть на правѣ собственности всѣми рудниками и заводомъ на Алтаѣ еще 10 лѣтъ.—Лишь въ царствованіе Елизаветы Петровны горные промысла на Алтаѣ поступили отъ Демидова въ собственность вѣдомства Кабинета Ея Величества.

Основаній такому обороту дѣла и вообще такому переходу имущества въ указѣ и другихъ данныхъ не приведено. Они могли скрываться въ доподлинности свѣдѣній о серебрѣ въ рудахъ, выплавляемыхъ безпошлинно, или въ иныхъ болѣе сокровенныхъ обстоятельствахъ.

За послѣднее 10-лѣтіе владѣнія Алтайскимъ руднымъ округомъ, Акинѳъ Демидовъ подавалъ даже на Высочайшее Имя жалобы о притѣсненіяхъ, чинимыхъ ему мѣстными властями въ Сибири. Жалобы Демидова вызвали указъ Сенату 24 іюля 1744 г., въ которомъ требовалось не дѣлать притѣсненій уже дѣйствительному статскому совѣтнику Демидову въ его дѣлахъ заводскихъ... „понеже Мы за его вѣрныя Намъ службы въ собственной протекціи и защищеніи содержать имѣемъ... напротивъ же и челобитчиковъ на него по правости безъ удовольствія не оставимъ“... Обѣ стороны удовлетворены этимъ указомъ.

За все время владѣнія Демидовъ пользовался Алтайскими рудниками безконтрольно и выплавлялъ изъ руды серебро, не оплачивая его горною податью. Для сего на Колыванскомъ заводѣ руду сплавляли въ черную мѣдь (роштейнъ), а для очистки,—главное, для отдѣленія изъ нея серебра,—ее отвозили на Уралъ въ Тагильскій заводъ, основанный Акинѳомъ Демидовымъ. На этомъ заводѣ были приспособленія для рафинированія мѣди, отдѣленія отъ нея серебра и даже,—какъ гласитъ молва... для чеканки серебряной монеты. Старожиламъ Урала извѣстны преданія о башнѣ Тагильскаго завода. На берегу заводскаго пруда и понынѣ сохранилась каменная башня, подвальное помѣщеніе въ которой находится ниже уровня воды въ прудѣ. Въ ея подвалахъ производились работы, не дозволенныя закономъ для частныхъ лицъ: чеканка серебряныхъ денегъ. Когда изъ Петербурга, временами, назначалась внезапная ревизія, то ревизоры не могли обнаружить признаковъ незаконныхъ дѣйствій заводчика, ибо, на время ревизіи, мастерскую вмѣстѣ съ мастеровыми... затопляли водою. Мастеровые принимались бѣглые и безпаспортные; о нихъ знали лишь приказчики Демидова,—и то немногіе и особенно довѣренные. Они и... „концы хоронили въ воду“.

Съ открытіемъ на Алтаѣ Колыванскаго мѣдеплавиленнаго завода, вскорѣ увидѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ рудахъ содержится въ большой долѣ серебро. Демидовъ приказалъ сырую мѣдь изъ этихъ рудъ доставлять въ Тагильскій заводъ и здѣсь, въ описанной башнѣ, очищали серебро и чеканили монеты.

По другому преданію, одинъ изъ рабочихъ Тагильскаго завода, доподлинно зная уголовныя дѣла Акинѳа Демидова,—а, быть можетъ, невольно и самъ участвуя въ нихъ,—тайкомъ ушелъ изъ Тагила въ Петербургъ для доноса на Демидова. Ради убѣжденія въ своихъ показаніяхъ, бѣглецъ взялъ съ собою слитокъ сырой мѣди изъ Алтайскихъ рудъ. Посланная Демидовымъ погоня не настигла бѣглеца. Тогда Демидовъ немедленно, въ лодкѣ, по р. Чусовой спустился въ Каму; ею проплылъ внизъ до устья и Волгою поднялся вверхъ

до Нижняго-Новгорода. Отсюда сухимъ путемъ, чрезъ Москву, прибылъ въ Петербургъ,—весьма возможно, даже опередивъ бѣглеца, пробиравшагося сѣвернымъ трактомъ на Верхотурье и Вологду,—совершая свой опасный путь лѣсами, по ночамъ и—разумѣется—пѣшкомъ.

Въ Петербургѣ Демидовъ явился къ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и поднесъ ей часть серебряныхъ рублевиковъ (своего издѣлія), серебро въ слиткахъ и... всѣ рудники и заводы на Алтаѣ.

Въ исходѣ этого случая была едва-ли не скоропостижная смерть Акинѳа Демидова, не перенесшаго пораженія по владѣнію богатства, хотя бы и неправильно захваченнаго.

12 мая 1747 г. данъ Сенату указъ:...

...„Колыванско-Воскресенскій, Барнаульскій и Шульбинскій умершаго д. с. с. Демидова заводы... на Иртышѣ и Оби рѣкахъ, и между оными всѣ строенія съ инструментами и руды, и пушки, и мелкое ружье собственные его Демидова, и съ приписанными къ тыимъ заводамъ хресьянами указали Мы взять на себя... А для исправленія работъ на оныхъ заводахъ, въ прибавку къ тыимъ, кои приписаны, повелѣли Мы Сенату приписать Кузнецкова вѣдомства казенныя слободы: Бѣлоярскую да Малышевскую да Бокатунскую крѣпость да Бирскій острогъ“...

По поводу чеканки серебряныхъ денегъ Демидовымъ, на Уралѣ можно услышать такую легенду, имѣющую связь съ дѣйствительностію. Однажды императрица Елизавета Петровна играла въ карты съ Акинѳомъ Демидовымъ, который не въ мѣру проигрывалъ Императрицѣ. Игра велась серебромъ. Придвигая къ себѣ выигранную кучу серебряныхъ рублевиковъ, Императрица иронически спросила Демидова: „Чье это серебро, Акинѳъ Никитичъ: твое или Мое?“—„Все Твое, Матушка Императрица,—находчиво отвѣчалъ Демидовъ,—и серебро Твое, и мы всѣ Твои“.—По этому разсказу выходитъ, что Государынѣ было извѣстно о чеканкѣ Демидовымъ денегъ; но, повидимому, она не въ силѣ была прекратить это.

Кромѣ названныхъ въ указѣ 1747 г. заводовъ, устроенныхъ Демидовымъ, на Алтаѣ въ концѣ XVIII и въ началѣ прошлаго столѣтій основаны управленіемъ Кабинета Его Величества заводы: Салаирскій, Ирбинскій, Томскій, Гурьевскій и другіе. Исторія нѣкоторыхъ изъ нихъ не менѣе интересна, чѣмъ Демидовскихъ.

По рѣчкѣ Салаиръ желѣзныя руды случайно найдены рудоискателемъ Дмитріемъ Поповымъ въ 1781 г., а въ слѣд. 1782 г. начата разработка этого руднаго мѣста, при чемъ, въ $^1/_2$ и $3^1/_2$ вер. отъ мѣста, указаннаго Поповымъ, найдены богатыя желѣзныя руды. Въ томъ же 1782 г. состоялось распоряженіе о постройкѣ здѣсь чу-

гунно-плавиленнаго и желѣзо-дѣлательнаго завода для обработки найденныхъ рудъ. Однако въ продолженіе 9 лѣтъ, до 1791 г. мѣстные горные чиновники не могли выбрать мѣста подъ заводъ. Въ этомъ году посланъ туда горный чиновникъ Вагановъ, который немедля нашелъ подъ заводъ пригодное мѣсто и построилъ заводъ въ два года, въ 4 верст. отъ рудника 1782 г.; а въ 1793 г. на заводѣ открыто дѣйствіе. Въ честь Императрицы Екатерины II, Вагановъ назвалъ заводъ Екатерининскимъ, но Императрица приказала наименовать заводъ, въ честь начальника горнаго округа, Гаврiила Симоновича Качки,—Гавриловскимъ.

Между Салаирскими рудниками наиболѣе значительные: Харитоновскій, Борисоглѣбскій, Троицкій, Соймоновскій и Васильевскій. На этихъ рудникахъ добывалось серебро до 180 пуд. ежегодно. Руда эта лишь частію обработывалась на Гавриловскомъ заводѣ, а остальная ея часть доставлялась на заводы: Барнаульскій, Павловскій и Сухуновскій. Рудники и заводы эти устроены въ первые годы XIX столѣтія.

По долинѣ р. Ирба, текущей справа въ р. Туба, притокъ Енисея, уже первые русскіе поселенцы, въ половинѣ XVIII столѣтія, находили желѣзную руду, изъ которой они въ кузнечныхъ горнахъ выковывали желѣзныя подѣлки. Въ 1760 г. здѣсь построенъ казенный чугунно-плавильный и желѣзо-дѣлательный заводъ, названный Ирбинскимъ. Заводъ однако не пошелъ въ ходъ у казны и въ 1771 г. сданъ былъ въ аренду, за ничтожную плату, купцу Потюкову. Послѣдній также аренды казнѣ не платилъ и никакого дохода не доставлялъ, поэтому арендный договоръ съ нимъ расторгнутъ и заводъ долго оставался безъ вниманія. Въ 1824 г. заводъ со всѣми при немъ угодьями и землями, въ количествѣ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, переданъ въ безсрочное пользованіе сенатору Безкоровайному за единовременную плату въ 1000 руб. (одна тысяча) съ тѣмъ обязательствомъ, чтобы чрезъ три года исправить заводъ и открыть дѣйствіе его. При этомъ отъ казны должно было посылать на работы по 300 челов. арестантовъ.

Но такъ какъ арестантовъ не высылали на заводъ, то, подъ этимъ предлогомъ, Безкоровайный не устраивалъ завода. Чрезъ пять лѣтъ его аренды, въ 1829 г. заводъ закрыли окончательно, а имущество заводское отвезли въ Томскій заводъ. Съ Безкоровайнымъ договоръ однако не нарушили, и онъ продолжалъ пользоваться всѣми землями полностію вплоть до 1894 г., въ продолженіе 70 лѣтъ. Безкоровайный и его наслѣдники сдавали въ оброкъ мѣстнымъ крестьянамъ и новоселамъ изъ Россіи: пашни, покосы, рыбныя ловли; продавали на срубъ лѣсъ; отводили поселенцамъ земли,—и за все

получали плату въ свою пользу. Слѣдовательно, за 1000 рублей,—если только они были уплачены—сенаторъ Безкоровайный и его наслѣдники пользовались въ продолженіе 70 лѣтъ, на правѣ собственности, земельною площадью въ сотни квадратныхъ верстъ.

Томскій заводъ построенъ въ 1772 г. въ горахъ, на р. Чумышъ въ 46 вер. отъ Кузнецка и въ 170 вер. отъ Барнаула,—для обработки желѣзной руды на мѣстѣ постройки завода. Но мѣстныя руды оказались бѣдны содержаніемъ желѣза и ихъ привозили за 160 вер. съ Сухаринскаго и Тебельскаго рудниковъ.

Къ заводу было приписано 700 чел. обязательныхъ мастеровыхъ и 6.500 чел. крестьянъ.

Заводъ во все время существованія работалъ неуспѣшно. Построенъ плохо и постоянно находился въ неудовлетворительномъ состояніи. Уже чрезъ 13 лѣтъ съ основанія, въ 1785 г. оберъ-гиттенъ-фервальдтеръ Гордѣевъ доносилъ „о крайней гнилости свинокъ [1]) и ларей [2]) и всего фабричнаго строенія“.

Въ 1864 г. заводъ упраздненъ, а всѣ заводскія строенія, машины и станки проданы на сносъ и на вывозъ барнаульскимъ купцамъ Сухову и Бадунову за.... 1.500 рублей.

Въ 1812 г. остановились на томъ, чтобы усилить Салаирскій заводъ. Но вмѣсто этого 24 декабря 1815 г. назначено построить вновь заводъ для выплавки мѣдно-серебряныхъ рукъ. Заводъ этотъ оконченъ постройкою въ 1817 г. и, въ честь министра финансовъ, названъ „Гурьевскимъ“. По закончаніи всего устройства и организаціи завода,—но когда онъ, однако, не началъ еще дѣйствовать,—въ 1818 г. заводъ расширенъ приспособленіемъ для выплавки чугуна и выдѣлки желѣза изъ бурыхъ желѣзняковъ, въ сыродутныхъ горнахъ.

Гурьевскій заводъ находится на рѣчкѣ Богата, въ 115 вер. отъ г. Кузнецка и въ 172 вер. отъ г. Барнаула.

Изъ всѣхъ другихъ рудниковъ на Алтаѣ, открытыхъ въ XVIII столѣтіи, наиболѣе важные Змѣиногорскіе, расположенные по рч. Курбалихѣ, впадающей справа въ р. Алей. Изъ Змѣиногорскихъ мѣсторожденій добывали серебряную руду еще первые обитатели Алтая, задолго до прихода туда русскихъ, и по Чудскимъ копямъ или „капищамъ“ руды найдены, повидимому, въ XVII столѣтіи, о чемъ проникъ слухъ до тобольскаго воеводы Салтыкова, какъ можно заключить изъ письма, посланнаго 11 октября 1673 г. изъ г. Кузнецка Волковымъ въ г. Томскъ къ Барятинскому. По всей вѣро-

---

[1]) Устои въ плотинѣ заводскаго пруда.

[2]) Водопроводъ изъ пруда къ колесамъ.

ятности, объ этихъ же мѣсторожденіяхъ руды заявлялъ въ декабрѣ 1725 г. рудоискатель Як. Костылевъ: „въ Змѣевой горѣ... въ Чудскихъ капищахъ“..

Съ начала дѣйствія рудниковъ до 1834 г. изъ группы змѣиногорскихъ мѣсторожденій выплавлено чистаго серебра до 55.000 пудовъ.

Къ 30 г.г. прошлаго столѣтія на Алтаѣ открыто и устроено 17 рудниковъ на добычу серебра и мѣди. Часть этихъ рудныхъ мѣстъ найдена по Чудскимъ копямъ, а часть по обслѣдованію горныхъ породъ поисковыми партіями на началахъ горнаго искусства.

Взятые въ 1747 г. отъ Демидова заводы на Алтаѣ соединены были въ Колывано-Воскресенскій горный округъ, поступили въ собственность Кабинета Ея Величества и вначалѣ управлялись сибирскимъ горнымъ начальникомъ съ находившимся при немъ горнымъ управленіемъ. Въ 1779 г. управленіе заводами передано губернатору вновь учрежденной Колыванской области и особой Горной Экспедиціи, причисленной къ Колыванской казенной палатѣ. Съ переходомъ заводоуправленія въ вѣдѣніе казенной палаты, производительность заводовъ уменьшилась въ два раза. Это обстоятельство дало поводъ члену Кабинета Его Величества, П. А. Соймонову [1]) сдѣлать представленіе объ изъятіи отъ палаты заводовъ, и, вслѣдствіе сего, въ 1797 г. заводы перешли въ управленіе возстановленной канцеляріи Колывано-Воскресенскаго завода.

Въ 1830 г. Колыванскіе заводы,—оставаясь собственностью Кабинета Его Величества,—переданы въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Въ 1834 г. заводы названы „Алтайскими“, и должность главнаго ихъ начальника соединена съ должностью томскаго губернатора.

Съ увольненіемъ отъ крѣпостной зависимости обязательныхъ мастеровыхъ и заводскихъ крестьянъ, въ 1864 г. должность главнаго начальника заводовъ упразднена, а управленіе заводами возложено на горнаго начальника Алтайскихъ заводовъ совмѣстно съ управленіемъ этого горнаго округа. Наконецъ, въ 1883 г. управленіе всѣми Алтайскими горными заводами и рудниками сосредоточено въ единоличной власти начальника Алтайскаго округа.

Л. Малѣевъ.

[1]) Основатель Горнаго института.

Семь лѣтъ неурожайныхъ [1].

(Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ).

III.

Возбуждая ходатайство о ссудѣ и облегченіи нуждъ населенія, земство было вполнѣ увѣрено, что какъ мѣстная администрація, такъ и высшія правительственныя сферы, зная полное сочувствіе къ положенію голодающихъ самарцевъ со стороны Государя и Государыни, ихъ заботы о неимущемъ населеніи и Высочайшія требованія объ ускореніи облегченія постигшаго эту губернію бѣдствія, — примутъ всѣ мѣры къ скорѣйшему удовлетворенію неотложной нужды народа.

Ходатайство губернскаго земства было представлено губернатору тотчасъ же послѣ состоявшагося о томъ постановленія земскаго собранія, но достигло оно министерства внутреннихъ дѣлъ только 5 ноября, а послѣднимъ передано въ комитетъ министровъ 14 числа того же мѣсяца, когда, благодаря наступившимъ морозамъ и выпавшему снѣгу, голодъ въ губерніи сдѣлался болѣе ощутительнымъ.

Изъ деревень доходили вѣсти, что многія семьи за неимѣніемъ зерна молотили лебеду, овсюкъ, катунъ и съ примѣсью желудей и муки (у кого послѣдняя еще имѣлась), пекли калачи, походившіе скорѣе на комъ засохшей грязи, чѣмъ на питательный продуктъ. Такой хлѣбъ не ѣлъ даже скотъ, предпочитая жевать гнилую солому или грызть кору засохшихъ плетней. Однако и этой трудно переваримой пищи имѣлось въ досталь не у многихъ, а большинство покупало его по дорогой цѣнѣ или вымѣнивало на скотъ и домашнія вещи, питаясь черезъ день—два, лишь бы протянуть запасъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1909 г.

Сентябрь и октябрь крестьяне кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ еще могли прокормить себя этой смѣсью лебеды съ желудями и свой скотъ на подножномъ кормѣ, правда, очень скудномъ, такъ какъ засохшая въ поляхъ трава не имѣла уже питательныхъ соковъ. „Лошади отощали до того, сообщалъ мировой посредникъ Бузулукскаго уѣзда, Ивановъ, что на поѣздку за 30 верстъ въ с. Патровку за картофелемъ требовалось двое сутокъ". Но съ наступленіемъ холодовъ, когда снѣгъ покрылъ поля, положеніе сельчанъ значительно ухудшилось. Нужда въ продовольствіи обострилась сильнѣе потому, что приходилось удѣлять скоту заготовленные запасы катуна и овсюка. Крестьяне ѣли въ проголодь и то не каждый день, нарочно пораньше ложились спать и укладывали дѣтей, лишь бы не слышать ихъ скорбнаго вопля: „дайте хлѣба".

„Очень тяжело слушать эту жалобу отъ отдѣльныхъ лицъ, разсказываетъ помощникъ управляющаго Самарской удѣльной конторы Е. Н. Николаевъ, но когда жаловались на недостатокъ въ хлѣбѣ цѣлыя массы жителей: женщины, дѣти, серьезные домохозяева, — этотъ вопль производилъ потрясающее дѣйствіе. Мнѣ кажется, даже каменный содрогнется отъ этого вопля".

Когда въ началѣ ноября, по порученію самарскаго дамскаго Комитета Общества Краснаго Креста, Николаевъ пріѣхалъ въ с. Зуевку, Бузулукскаго уѣзда съ цѣлью на мѣстѣ познакомиться съ положеніемъ голодающихъ,—не больше какъ черезъ часъ собралась громадная толпа крестьянъ, не умѣстившаяся въ волостномъ правленіи. Всѣ стали на колѣни и, осѣняя себя крестомъ, просили хлѣба, особенно женщины и дѣти, которыя съ плачемъ и рыданіемъ взывали:

— Дайте намъ ѣсть! Научите, что намъ дѣлать?

То же самое повторилось въ Дмитріевскомъ волостномъ правленіи Николаевскаго уѣзда. Е. Н. Николаевъ не могъ безъ содроганія видѣть этихъ скорбныхъ взываній. Онъ роздалъ крестьянамъ все, что имѣлъ: всѣ деньги, всю взятую для себя провизію, такъ что передъ Самарой самъ цѣлыя сутки пробылъ безъ пищи.

Онъ объѣхалъ лишь небольшой районъ къ югу отъ почтоваго тракта изъ Самары на Бузулукъ,—волости Лобазинскую, Куманаевскую, Ромашкинскую, Покрова-Тананыкскую, Петровскую, Алексѣевскую, Зуевскую и Утевскую, составлявшія съ прилегающими волостями—Ефимовской, Андросовской, Суриковской, Домашкинской и Максимовской, около четверти населенія Бузулукскаго уѣзда (85 т. душъ), терпѣвшихъ крайнюю нужду и требовавшихъ немедленной помощи.

Въ такомъ же безвыходномъ положеніи находились въ Николаевскомъ уѣздѣ волости Самарковская, Дмитріевская и Колокольцовская и Самарскаго уѣзда Дубово-Уметская [1]).

Надо ли говорить, что цѣны на хлѣбъ росли не по днямъ, а по часамъ. Въ ноябрѣ рожь стоила 66 к., а въ декабрѣ она достигла 75 к., ржаная мука 85 к., овесъ 60 к., греча 65 к. пудъ. Въ то же время сильно понизились цѣны на скотъ. Еще въ началѣ ноября крестьянская лошадь продавалась 6 — 10 р., а къ концу мѣсяца— отдавали ее за 2 руб., да и за такую цѣну не было покупателей, исключая башкиръ, которые употребляли лошадиное мясо въ пищу. Кругомъ замѣчалась полная безлошадность. Напримѣръ, за провозъ клади отъ Самары до Кинеля (всего 40 вер.) платили по 7—10 к. съ пуда, однако и по такимъ высокимъ цѣнамъ не было возчиковъ.

Чтобы какъ-нибудь просуществовать, многія семьи отправлялись „побираться“ въ болѣе „счастливыя“ мѣстности губерній Симбирской, Оренбургской и Саратовской и кое-что набрали; но въ декабрѣ „побирошники“ принуждены были возвратиться назадъ, такъ какъ подаяніе, вслѣдствіе громаднаго наплыва голодающихъ, „стало изсякать“. Всякій день положеніе ухудшалось. Въ одномъ селѣ Бузулукскаго уѣзда, разсказываетъ Г. С. Аксаковъ, въ волостное правленіе прибѣжала въ отчаяніи старуха сообщить о смерти своего мужа, прося похоронить его на общественный счетъ: старикъ не былъ боленъ, но два дня они ничего не ѣли...

Въ другомъ селѣ—Вязовый Гай Николаевскаго уѣзда—въ концѣ ноября восемь крестьянъ едва не умерли отъ голода [2]). Въ селѣ Покровкѣ Бузулукскаго уѣзда одна женщина, обремененная семьей изъ 10 человѣкъ, доведенная отъ истощенія до галлюцинаціи, хотѣла было зарѣзать своихъ дѣтей, чтобы имъ не мучиться, и только случайно была удержана отъ своего поступка сосѣдкой [3]). А въ селѣ Лѣтниковскомъ (того же уѣзда) былъ такой случай, засвидѣтельствованный священникомъ и становымъ приставомъ.

Въ селѣ этомъ проживало семейство Куренковыхъ, принадлежащее къ разряду самыхъ нуждающихся, несмотря на то, что въ немъ было три взрослыхъ работника, три работницы и только трое дѣтей; но вслѣдствіе отсутствія заработковъ и полнаго истощенія всякихъ запасовъ имъ нечѣмъ было питаться. 25-го ноября между мужемъ и женой Куренковыми произошла ссора. Мужъ упрекалъ жену, что она не посылала дѣтей „побираться“ — (самимъ

---

[1]) „Самарск. Губерн. Вѣдомости“ 1873 г., № 94 и 95.
[2]) „Самар. Губерн. Вѣдом.“ 1873 г., № 97.
[3]) Тамъ же, № 96.

просить подаяніе было стыдно). Степанида стала принуждать 12-лѣтнюю дочь Агаѳью идти собирать „по окошкамъ милостыню". Но дѣвочка „никакъ не хотѣла исполнить приказанія матери". Послѣдняя разсердилась и, схвативъ попавшійся подъ руку топоръ, замахнулась на дочь „съ бранными словами". Благо тутъ случилась сноха и удержала свекровь отъ душегубства; но все-таки Степанида „побила дочь палкой" [1]).

Можетъ быть, было еще не мало такихъ фактовъ, но до насъ въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ дошли только эти, указывающіе на отчаянное положеніе голодающихъ.

Въ самой сильной степени голодъ прежде всего обнаружился въ Бузулукскомъ уѣздѣ, гдѣ уже въ августѣ насчитывалось свыше 235 т. душъ нуждающихся (т. е. 68% всего населенія). Побывавшій въ одномъ изъ селъ этого уѣзда—Гавриловкѣ нашъ извѣстный писатель графъ Л. Н. Толстой не могъ безъ содроганія видѣть развернувшейся передъ нимъ картины полной нищеты, безпомощности и крайняго изнуренія крестьянъ, и первый заговорилъ о томъ печатно, обративъ на печальное положеніе самарцевъ вниманіе всей Россіи.

П. Юдинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Тамъ же, 1874 г., № 1.

Саратовская гимназія—устава графа Уварова—прошлаго столѣтія. 1851—1859 годы.

(Воспоминанія питомца).

„Какъ посмотрѣть въкъ нынѣшній и въкъ минувшій—свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“.

Грибоѣдовъ.

Родился я въ малодостаточной семьѣ отставного штабсъ-ротмистра—ветерана россійскаго воинства начала прошлаго столѣтія, который послѣ усиленныхъ трудовъ и тягостей военно-походной службы во время турецкой войны 1828—1829 годовъ и польской войны 1831 года, за ранами, долженъ былъ оставить службу, выйдя въ отставку. Въ 1834 году отецъ отправился въ Ялту управляющимъ имѣніемъ генерала Шатова, бывшаго командира полка, въ которомъ служилъ мой родитель, гдѣ и поселился. Благодатный климатъ Крыма, съ благорастворенным воздухомъ и дешевизною въ то время предметовъ первой необходимости—все это какъ бы улыбалось удобству и спокойной семейной жизни отца, получавшаго 200 руб. пенсіи и 360 руб. въ годъ (на серебро) вознагражденія по управленію имѣніемъ. Тѣмъ не менѣе систематически увеличивавшаяся семья и подростаніе малышей требовали воспитанія ихъ, что̀ понудило покойнаго моего родителя оставить Крымъ, гдѣ, за неимѣніемъ тогда казенныхъ учебныхъ заведеній, нельзя было и думать объ образованіи дѣтей. И вотъ отецъ выбралъ дешевое и хлѣбное мѣсто на Волгѣ—городъ Саратовъ, куда и переѣхалъ со всѣми домочадцами въ 1843 году, когда мнѣ было два года.

Въ семьѣ нашей было четыре брата и всѣ разновременно поступали и оканчивали ученіе въ Саратовской гимназіи. На мою

долю пришлось сдѣлаться гимназистовъ въ 1850 году—девяти лѣтъ. Въ то время пріемъ вступающихъ въ гимназію не былъ стѣсненъ экзаменами, а по простотѣ тогдашнихъ нравовъ и всероссійской снисходительности, при небольшомъ поощреніи доброты благожелательнаго начальства, сыновья подростки приводились отцомъ или матерью въ квартиру директора, который послѣ нѣсколькихъ легкихъ вопросовъ, предложенныхъ футурусу, и кое-какихъ его отвѣтовъ, протягивалъ руку къ отцу или матери въ знакъ того, что мальчикъ удовлетворяетъ требованіямъ и можетъ быть принятымъ. Родители заранѣе разузнавали суть дѣла, подавали свою руку директору съ тайно скрытой въ ней монетою. Такимъ же порядкомъ и я былъ удостоенъ пріема въ I-й классъ гимназіи за бакшишъ доброму директору золотого въ 5 рублей; а такой золотой по тогдашнему времени былъ очень рѣдокъ въ обращеніи и считался большимъ и цѣннымъ кушемъ.

Директоромъ гимназіи въ то время былъ Кругловъ, а инспекторомъ Левандовскій—полякъ; первый вскорѣ умеръ, а послѣдній пробылъ около двухъ лѣтъ, т. е. до 1852 года. О Левандовскомъ сохранилась въ моей памяти лишь страсть его къ ежедневнымъ поркамъ учениковъ за пустячныя провинности и грубость его обращенія, доходившая до мордобитія, за что и самъ онъ подвергся тому же, получивъ сдачи отъ одного изъ гимназистовъ 7-го класса, вынужденнаго на такой поступокъ ругательствомъ и дракою инспектора. Результатомъ такого печальнаго инцидента была ссылка гимназиста рядовымъ на Кавказъ и устраненіе Левандовскаго отъ должности съ увольненіемъ на покой.

Послѣ Круглова въ концѣ 1850 года директоромъ Саратовской гимназіи былъ назначенъ статскій совѣтникъ А. А. Мейеръ, университетскій кандидатъ филологъ; а впослѣдствіи, вмѣсто Левандовскаго, инспекторомъ былъ присланный изъ Казани кандидатъ математическаго факультета Э. Х. Ангерманъ.

Директоръ Мейеръ кичился своей должностью, дозволявшею ему бывать у губернатора, предводителя дворянства и у прочей губернской братіи, числящейся въ рангѣ знатныхъ. Обращеніе его съ учениками было возмутительное; выраженія: оселъ, болванъ, негодяй, мерзавецъ такъ и сыпались изъ устъ главенствующаго воспитателя. Что касается его познаній, то они сводились къ тому, что, считая себя знатокомъ исторіи на экзаменахъ, нерѣдко вступалъ въ споры съ бойкими знающими учениками 7-го класса, и получалъ отъ нихъ отпоръ, справедливость котораго одобрялась и учителемъ; въ такихъ случаяхъ директоръ рычащимъ носовымъ звукомъ кричалъ на отвѣчающаго ученика: „оселъ, молоко-

сосъ, не понимаешь, что говоришь со мною (тыкая себя въ грудь), а не съ равнымъ себѣ", при этомъ вскакивалъ со стула и, выходя изъ класса, продолжалъ свои ругательства по адресу своего противника. Хотя Мейеръ не прибѣгалъ къ рукоприкладству, но своимъ грубымъ, доходившимъ до хамства, обращеніемъ могъ возмутить любого изъ юношей, особенно взрослыхъ, самолюбіе которыхъ попиралось въ присутствіи товарищей. Такъ и случилось въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда одинъ изъ учениковъ 6-го класса, въ присутствіи своихъ товарищей, выведенный изъ терпѣнія грубостью Мейера, нанесъ ему личную обиду, за что, по обыкновенію того времени, юноша-виновникъ былъ зачисленъ въ рядовые, а директоръ уволенъ въ отставку.

Ходъ и успѣхъ учебной части, равно и воспитательной, не интересовали директора, хотя онъ раза 3—4 въ недѣлю и бывалъ въ гимназіи, обходя всѣ классы, оставаясь въ каждомъ 5—6 минутъ; такія посѣщенія, въ родѣ прогулки, требовали не болѣе одного часа времени. Затѣмъ Мейеръ возвращался къ себѣ на квартиру (при гимназіи), гдѣ, позавтракавъ, отправлялся съ обычными визитами къ сильнымъ городского міра или же гулялъ дома по комнатѣ, уставленной разными растеніями, и выкуривалъ трубку за трубкою массу табаку. Вечерами Мейеръ отправлялся въ театръ или концертъ, а также посѣщалъ знакомыхъ; впрочемъ, разъ 5—6 въ году онъ обходилъ ночью спальныя комнаты гимназическаго пансіона. Главное же вниманіе директора было обращено, чтобы гимназисты были гладко острижены, носили форменное платье и были бы ниже травы, тише воды. Такимъ образомъ основная суть идеи гимназіи, педагогическій ея строй и самый методъ преподаванія— все это было для директора какъ бы дѣломъ до него не касающимся.

Инспекторъ Ангерманъ былъ лютеранинъ; язвительная злость его характера превосходила изъ извѣстныхъ тирановъ іезуитовъ, такъ какъ онъ не гнушался кровавыхъ порокъ большихъ и малыхъ учениковъ и, съ злобною улыбкою на устахъ, съ мефистофельскимъ выраженіемъ физіономіи, всегда на нихъ присутствовалъ лично и нерѣдко собственноручно ублаготворялъ розгами обнаженныя педагогическія части учениковъ. Тиранство это доходило до такой жестокости, что наказаннымъ нерѣдко приходилось пользоваться услугами весьма незатѣйливаго и скуднаго гимназическаго лазарета, гдѣ можно было найти горчишники, aqua destillata, хининъ (sulfaticum) въ порошкахъ, березовую примочку, тинктуру арника и т. п. препараты; что же касается до услугъ доктора или фельдшера, то за ними надо было посылать, такъ какъ они являлись въ гимназію

ежедневно около полудня (на всякій случай) и черезъ какихъ-нибудь полчаса исчезали.

Памятный для учениковъ Ангерманъ, какъ математикъ, прекрасно зналъ физику и др. математическіе предметы, которые, за болѣзненнымъ отсутствіемъ учителей, и преподавалъ весьма успѣшно, такъ какъ объясненія его были толковы и ясны. Но и это временное занятіе не препятствовало ему продолжать ежедневныя свои наблюденія по подслушиванію и подсматриванію за дѣятельностью учениковъ въ классахъ,—чему способствовали щели и замочныя отверстія дверей, а также овальныя застекленныя отверстія въ тѣхъ же дверяхъ. Кромѣ того онъ пользовался доносами пуделей (такъ ученики называли классныхъ надзирателей—педелей), которые трепетали передъ инспекторомъ, если они ограничивали число своихъ сплетенъ на учениковъ.

Вообще личность Ангермана была психически феноменальна, какъ и всѣ его поступки; какъ свободный въ праздники, онъ обязательно бывалъ въ киркѣ, гдѣ усердно читалъ молитвенникъ, внимательно выслушивалъ проповѣдь пастора и въ то же время слѣдилъ и высматривалъ за присутствующими въ киркѣ гимназистами и, если кто-либо изъ нихъ возбуждалъ недовольство богомольнаго инспектора (не по формѣ одѣтъ, съ разстегнутымъ сюртукомъ, выпущеннымъ изъ-за галстуха бѣлымъ воротничкомъ рубахи и т. п.), то онъ, по окончаніи службы, старался виновнаго разыскать и дѣлалъ ему внушеніе, а на слѣдующій день подвергалъ его наказанію. Съ присущей ненормальностью Ангерманъ былъ тираномъ и въ своей семьѣ, потому что маловозрастныя дѣти—его сыновья—нерѣдко имъ наказывались—что знали всѣ гимназисты, такъ какъ квартира инспектора была при гимназіи. Въ концѣ концовъ ненормальность Ангермана подтвердилась прискорбнымъ для него фактомъ. Будучи переведенъ изъ Саратова директоромъ гимназіи въ Самару, послѣ какой-то учиненной имъ порки, въ виду грозившаго ему давленія свыше—изъ округа—онъ сошелъ съ ума.

Совершенно такъ же, какъ директоръ, такъ и инспекторъ Ангерманъ былъ не заинтересованъ стройнымъ ходомъ занятій въ гимназіи; для него самымъ главнымъ считалось, чтобы учителя аккуратно исполняли свою службу, т. е. своевременно являлись, отнюдь не опаздывая, и тѣмъ не укорачивали бы длительность уроковъ, а что и какъ дѣлалось на этихъ урокахъ, инспекторъ въ это не вникалъ, лишь бы занятія начинались и кончались въ срокъ.

Охарактеризовавъ начальство гимназіи, необходимо ознакомиться съ высшимъ органомъ управленія тогдашняго Казанскаго учебнаго

округа — съ попечителемъ генералъ-маіоромъ Шахматовымъ. Это былъ шамкающій, беззубый и безволосый ветеранъ двѣнадцатаго года, богатый — по наслѣдству — помѣщикъ, получившій, какъ бывало встарь, домашнее воспитаніе и по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ дѣтскаго возраста записанный кандидатомъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, въ который и поступилъ на службу по достиженіи имъ 16 лѣтъ. Дальнѣйшая его военная служба, благодаря связямъ и знакомству родственниковъ съ высшими военными властями, протекла въ канцеляріяхъ при штабахъ и въ адъютантскихъ должностяхъ; послѣ нѣсколькихъ походовъ и небольшого числа лѣтъ службы онъ дошелъ до командира армейскаго пѣхотнаго полка, а затѣмъ былъ произведенъ въ генералы, въ каковомъ чинѣ въ 1858-мъ году былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

Что за человѣкъ былъ Шахматовъ и каковы его знанія и характеръ, лучше всего укажутъ нѣсколько нижеслѣдующихъ, фактически бывшихъ эпизодовъ во время службы его попечителемъ. Когда онъ, по назначеніи попечителемъ, пріѣхалъ въ Казань, то первымъ долгомъ направился въ тамошній университетъ, гдѣ потолокъ входнаго вестибюля поддерживается (и понынѣ) четырнадцатью колоннами — по семи съ каждой боковой стороны — и въ промежуткахъ между ними поставлено одиннадцать музъ Аполлона. Шахматовъ, обратясь къ встрѣтившему его ректору съ профессорами, съ удивленіемъ спросилъ: „почему такая несимметрія,—съ одной стороны стоитъ шесть фигуръ, а съ другой только пять? — слѣдуетъ поставить и двѣнадцатую“. Ректоръ объяснилъ, что музъ Аполлона только одиннадцать и двѣнадцатой не существуетъ. Затѣмъ однажды онъ вошелъ въ одну изъ аудиторій университета, въ которой шелъ ремонтъ, и рабочіе закрѣпляли крюкъ для средней потолочной лампы; посмотрѣвъ на это, попечитель спросилъ окружающихъ его: „а должно быть, мастеръ знатокъ, если сумѣлъ безошибочно найти середину потолка?“ Ему отвѣтили, что дѣло это простое—стоитъ только протянуть съ угла на уголъ діагонали, пересѣченіе которыхъ дастъ центральную точку потолка. „А что такое діагонали?“—спросилъ попечитель, —ему объяснили. Однажды, пріѣхавъ въ Саратовъ для ревизіи городскихъ учебныхъ заведеній, на экзаменѣ географіи въ одномъ изъ классовъ гимназіи (пишущій эти строки самолично слышалъ) Шахматовъ разсказалъ, что въ молодости онъ бывалъ въ Штиріи, изобилующей вѣковыми лѣсами, и онъ, проѣзжая по лѣснымъ дорогамъ, видѣлъ порубку этихъ лѣсовъ, а черезъ два года, возвращаясь назадъ, нашелъ, что вырубленный лѣсъ былъ уже большой, и толщина его стволовъ была вотъ

*

такая,—показывая при этомъ сложенную въ кулакъ руку. Надобно замѣтить, что возрастъ Шахматова былъ преклонный, при которомъ разговаривая, сидя засыпалъ и, очнувшись, забывалъ содержаніе прежнихъ рѣчей. Къ такой забывчивости, по всей вѣроятности, относятся и его воспоминанія давно минувшихъ дней; быть можетъ Штирію, ѣхавши за границу, онъ пересѣкъ одною дорогою, а, возвращаясь, ѣхалъ другою, по которой и видѣлъ молодой лѣсъ, казавшійся выросшимъ на мѣстѣ срубленнаго. Характеръ Шахматова былъ не изъ умѣренныхъ, свидѣтельствомъ чему служитъ его личное распоряженіе, во время пріѣзда въ Саратовъ,—жестоко высѣчь виновника гимназиста, нанесшаго, какъ выше упомянуто, личное оскорбленіе инспектору Левандовскому.

Всегдашнія ревизіи попечителя не шли далѣе обхода имъ классовъ гимназіи, кухни и др. хозяйственныхъ помѣщеній и наблюденія за чистотою зданія какъ внутри, такъ и извнѣ. Съ педагогами Шахматовъ былъ весьма холоденъ, не вступалъ въ разговоры и лишь незамѣтнымъ склоненіемъ головы отвѣчалъ на ихъ привѣтствія. Ни пріѣздъ, ни отъѣздъ попечителя не вліяли на перемѣну или улучшеніе способовъ и системы учебныхъ занятій или на освѣженіе затхлости въ персоналѣ учителей.

Предпославъ плачевную характеристику начальствовавшаго персонала Саратовской гимназіи, слѣдуетъ замѣтить, что гимназія эта была предназначена къ точному отправленію функцій, предначертанныхъ уставомъ министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, чтобы юношество ознакомилось съ науками по утвержденнымъ программамъ и одобреннымъ учебникамъ; тѣмъ не менѣе нищіе духомъ педагоги, ограничиваясь лишь указаніемъ „отъ сихъ до сихъ“, оказались не на высотѣ своего призванія, чтобы удовлетворительно исполнить выпавшую на нихъ миссію. Нижеслѣдующее повѣствованіе будетъ достаточно яркимъ изображеніемъ только-что сказаннаго.

Форма гимназистовъ того времени состояла изъ чернаго суконнаго двубортнаго сюртука съ краснымъ воротникомъ и бѣлыми металлическими пуговицами съ гербомъ губерніи и фуражки съ краснымъ околышемъ [1]); для табельныхъ дней, экзаменовъ и для явки и представленія начальству, каждый ученикъ долженъ былъ имѣть однобортный мундиръ, также съ краснымъ воротникомъ и обшлагами на рукавахъ; по бокамъ воротника, спереди, нашивались бѣлыя позументныя двойныя петлицы. Строгое соблюденіе формы

[1]) Красные околыши фуражекъ гимназистовъ были поводомъ для народа называть ихъ „грачами“.

учениками и забота объ этомъ составляла одну изъ священныхъ обязанностей начальства.

Всѣхъ классовъ въ гимназіи было семь, изъ которыхъ три первыхъ именовались младшими, а четыре остальныхъ — старшими. Классныхъ отдѣленій не было, и потому въ младшихъ классахъ число учащихся доходило до 70 человѣкъ, а иногда и болѣе въ каждомъ; при этомъ многіе неуки просиживали въ одномъ и томъ же классѣ по пяти и болѣе лѣтъ, что̀ не возбранялось тогдашними порядками. Годовая плата съ приходящихъ учениковъ была 100 руб., а съ пансіонеровъ за полное содержаніе и ученіе взималось 200 рублей въ годъ и число пансіонеровъ доходило до 100 человѣкъ, при общей численности учениковъ гимназіи въ 300 человѣкъ. Скученность народонаселенія младшихъ классовъ, дурной въ нихъ воздухъ, недостаточность надзора учителей при невозможности за многолюдствомъ класса дѣлать своевременныя указанія и испытанія учениковъ — все это дурно отражалось на здоровьи и успѣхахъ послѣднихъ, да и учителя смотрѣли на свое дѣло, какъ на службу изъ повинности, лишь бы получить своевременно жалованье, а тамъ хоть не рости въ полѣ трава.

Ежедневныя занятія въ гимназіи начинались въ 9 часовъ утра и оканчивались въ половинѣ третьяго дня; длительность каждаго класснаго урока была $1^1/_4$ ч., такъ что два первыхъ урока оканчивались въ $11^1/_2$ часовъ и до 12 дня была получасовая перемѣна (отдыхъ), затѣмъ наступала очередь двухъ слѣдующихъ классовъ.

Предметы преподаванія въ гимназіяхъ того времени были общеизвѣстны и тѣ же, что и теперь; разница только въ томъ, что преподаваніе древнихъ языковъ и законовѣдѣнія (для не проходящихъ курсовъ латинскаго и греческаго языковъ) начиналось съ четвертаго класса.

Для надзора за тишиной и порядкомъ въ гимназіи и аккуратностью посѣщенія учениками уроковъ имѣлись два классныхъ надзирателя (ученики называли ихъ пуделями). Одинъ изъ нихъ Макаръ Ивановичъ Макаровъ былъ отставной унтеръ-офицеръ, георгіевскій кавалеръ, съ выправкою такъ называемой палочной академіи, дерзкій, грубый и всегдашній наушникъ живодера-инспектора. Этотъ эксъ-педагогъ занимался рукоприкладствомъ, выражавшимся въ драніи ушей до крови, даваніи щелчковъ по лбу учениковъ, съ которыми даже вступалъ въ единоборство, когда они озвѣрялись на Макарова на его жестокія трепки. Такой типъ надзирателя считался въ то время удовлетворительнымъ еще и потому, что, будучи изъ солдатъ, разсуждавшихъ по-своему о дисциплинѣ, Макаровъ зналъ строевую службу, къ которой тогда пріучали гимназистовъ при по-

мощи унтеръ-офицеровъ Саратовскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона. Макарову поручалась—при учебныхъ военныхъ экзерцицяхъ—роль начальника, дѣлавшаго отмѣтки успѣвающимъ и нерадивымъ ученикамъ. Другой надзиратель былъ коллежскій регистраторъ Колесниковъ, когда-то жившій въ Сарептѣ,- гдѣ служилъ въ акцизномъ управленіи по сбору въ казну доходовъ съ табачныхъ плантацій и фабрикъ, и успѣлъ заслужить чинъ. Онъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, какъ самоучка, и допускался къ преподаванію въ 1 и 2 классахъ. Человѣкъ этотъ былъ хотя нѣсколько мягче Макарова, но не пользовался любовью учениковъ за мздоимство и презрѣніе его къ ученикамъ бѣдныхъ или скупыхъ богатыхъ родителей.

Законоучитель протоіерей отецъ Павелъ былъ магистръ богословія Казанской духовной академіи, добрѣйшей души, любившій дѣтей и мягко съ ними обходившійся. Онъ своею кротостью и любезностью пріохочивалъ учащихся къ твердому познанію преподаваемаго имъ предмета и пользовался искреннею любовью и уваженіемъ своихъ питомцевъ. Священникъ этотъ преподавалъ во всѣхъ классахъ гимназіи ветхій и новый завѣтъ, пространный катехизисъ и церковное богослуженіе. По своей кротости и богобоязненности отецъ Павелъ старался отдаляться отъ всякаго начальства и преклонялся только передъ саратовскимъ преосвященнымъ, епископомъ Аѳанасіемъ, высокообразованнымъ и умнымъ архипастыремъ, который ежегодно посѣщалъ годичные экзамены закона Божія и, довольный отвѣтами учениковъ, милостиво благодарилъ законоучителя.

Географію во всѣхъ классахъ преподавалъ Е. А. Бѣловъ — университантъ—умный и образованный педагогъ, умѣвшій сдѣлать свой предметъ интереснымъ и полезнымъ для учениковъ черезъ знакомство ихъ не только съ знаніемъ тогдашняго печатнаго курса географіи Ободовскаго, но и съ культурою народовъ, ихъ нравами и обычаями, значеніемъ устройства и могущества государствъ, климатическими свойствами странъ и т. п. Чтеніе русской географіи онъ такъ же обогащалъ свѣдѣніями о народахъ, населяющихъ государство, ихъ бытѣ, природныхъ богатствахъ Россіи, о значеніи рѣчныхъ системъ и омывающихъ наше отечество морей и вліяніи ихъ на ростъ и развитіе промышленности и т. п. Вообще этотъ лекторъ былъ педагогъ, сознательно относившійся къ своему дѣлу, и тѣмъ способствовалъ не только къ знанію, но и умственному развитію своихъ учениковъ. Впослѣдствіи Бѣловъ оставилъ гимназію и, поселившись въ Петербургѣ, занимался литературными трудами въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“. Бѣловъ былъ человѣкъ развитый, сдержанный, любилъ учениковъ и старался разсказами и чтеніемъ

въ классѣ интересныхъ повѣствованій, путешествій или описаній природы и ея даровъ различныхъ мѣстъ Россіи и другихъ странъ, сдѣлать географію живымъ, полнымъ интереса предметомъ въ смыслѣ его воспитательнаго значенія для юношества, всегда жаждущаго чего-либо новаго и интереснаго, но не скучнаго книжнаго руководства по учебнику. Память о Бѣловѣ не исчезла и понынѣ въ бывшихъ его слушателяхъ при воспоминаніи давно минувшихъ лѣтъ ихъ юношескаго преуспѣянія въ наукахъ.

Русскій языкъ, т. е. грамматика и исторія литературы преподавались: первая въ трехъ младшихъ классахъ, а вторая—въ старшихъ, начиная съ четвертаго. Въ то время, когда мнѣ пришлось проходить младшіе классы, было два преподавателя: Дмитрій Андреевичъ Андреевъ, а послѣ его смерти Сперанскій.

Андрееву ученики дали прозвище „Митька-сайга“—что означало сходство его съ дикимъ животнымъ сайгакъ. Педагогъ этотъ, почерпнувъ свою премудрость по грамматикѣ изъ прохожденія имъ курса уѣзднаго училища и толстаго печатнаго учебника Востокова, придерживаясь котораго, заставлялъ учениковъ въ зубрежку заучивать изложенные въ немъ правила и примѣры; грамматическіе разборы и диктовки педагогъ не любилъ. Человѣкъ этотъ при его тучности былъ лѣнивъ и малорѣчистъ, хотя нерѣдко, при безпорядкѣ въ классѣ между учениками, онъ возстановлялъ тишину съ стихотворными изреченіями, сопровождаемыми понудительными дѣйствіями въ видѣ дранья за уши, ударовъ въ лобъ щелчками или всегда имѣвшейся въ его рукахъ тяжелой металлической табакеркой съ нюхательнымъ табакомъ. Безобразный лицомъ съ вѣчно заспанными глазами съ розоватою въ родѣ моркови шишкою, отправляющею назначеніе его носа, струившагося табачною влагою—педагогъ этотъ, входя въ классъ, начиналъ урокъ гнусавою, едва слышною прерывистою рѣчью, на первомъ планѣ которой стояло значеніе русскаго языка вообще (что повторялось на каждомъ урокѣ) и затѣмъ, усиленно натуживаясь, переходилъ къ туманному изложенію правилъ: склоненія, спряженія, значенія падежей, глаголовъ и др. частей рѣчи, смотря потому, что онъ думалъ задать ученикамъ къ будущему уроку. Подобная лекція продолжалась около получаса и оканчивалась тѣмъ, что, подходя къ старшему въ классѣ, бралъ у него учебникъ Востокова и карандашемъ отчеркивалъ на поляхъ все то, что соотвѣтствовало его краткому слово-изверженію — это означало заданіе урока, который ученикъ обязывался приготовить къ слѣдующему классу. Но если прочесть отчеркнутое Андреевымъ по книгѣ и затѣмъ разсказать своими словами, то на бесѣду эту потребовалось бы не полчаса, а часа $1^1/_2$—2. Такимъ образомъ рѣчь Андреева

была только намекомъ на то, что ученикамъ слѣдовало выучить въ зубряжку.

Послѣ первой половины класса русскаго языка, такъ сказать повѣствовательной, начиналось испытаніе учениковъ въ знаніи заданнаго имъ урока учителемъ. Въ это время классъ преобразовывался въ какой-то комическій театръ, гдѣ разыгрывалась веселая пьеса вродѣ оперетки, съ пѣніемъ, живыми движеніями и быстрою перемѣною картинъ. Учитель, спрашивая ученика урокъ, лѣниво шагалъ по узкой классной площадкѣ въ видѣ корридора между передними партами и стѣною и исподлобья взиралъ на учениковъ, замѣтивъ шалости которыхъ, протискиваясь между партами, невозмутимо подходилъ къ виновному и, хватая его за ухо, велъ его на площадку впереди партъ и заставлялъ стать на колѣни, говоря: „въ Сибири ѣздятъ на оленяхъ, а ты стой на колѣняхъ“. Такое вожденіе учениковъ было по одиночкѣ и парами, такъ что къ концу класса колѣнопреклоненнымъ статистамъ недоставало мѣста, тогда ихъ фамиліи записывались Андреевымъ въ памятную его книжку, дабы подвергнуть ихъ такому же наказанію въ слѣдующій его урокъ. Подобныя путешествія учениковъ на колѣнопреклоненіе сопровождались заунывнымъ пѣніемъ всего класса церковной пѣсни „Исаія ликуй“ или „се женихъ грядетъ“—что, возбуждая лектора, влекло его къ азарту, и онъ уже не водилъ, а вызывалъ виновныхъ стихотворными возгласами: „Эй ты, Петровъ, знаешь падежъ именительный, ну такъ выходи и будь почтительный“ или „Семеновъ, болванъ, колѣна преклони, да собой такихъ же дураковъ не заслони“. Бывало такъ, что изъ 30 и болѣе стоящихъ на колѣняхъ, крайніе, подвигаясь вправо и влѣво, старались скрыться за партами и ползкомъ на четверенькахъ исчезали и располагались въ лежачемъ положеніи позади партъ, такъ сказать за аванъ-сценою класса. Звонокъ въ продольномъ корридорѣ между классами давалъ знать объ окончаніи урока, читалась громко молитва, и Андреевъ направлялся къ выходу изъ класса, напутствуемый тихимъ пѣніемъ: „выйди вонъ, выйди вонъ, ты изъ класса кувыркомъ“.

Вотъ типъ просвѣтителя добраго стараго времени, который усугублялъ тьму, охватившую разсадники просвѣщенія, лишая ихъ возможности полезнаго служенія юношеству нашей родины. Плачевныя потуги тогдашнихъ педагоговъ не ограничивались уже приведенными примѣрами, но они были пріурочены почти всему персоналу учащихъ, за исключеніемъ немногихъ, что̀ будетъ видно изъ послѣдующаго.

Другой учитель русскаго языка, Сперанскій, бывшій студентъ какого-то университета, но не окончилъ курса, былъ изъ семинари-

стовъ. Онъ старался казаться джентльменомъ, но съ оттѣнкомъ, свойственнымъ природѣ его званія, проявлялъ замашки людей кланяющихся и заискивающихъ передъ начальствовавшими, чтобы получить отъ нихъ похвалу или повышеніе. Поэтому онъ, какъ младшій учитель, получающій ограниченное жалованье, происками и лестью пріобрѣлъ довѣріе директора Мейера, по ходатайству и хлопотамъ котораго пристроился учителемъ русскаго языка въ Саратовскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ римско-католической семинаріи, что дало ему средства обветшалую свою экипировку сдѣлать франтовскою и сдѣлаться любителемъ быть всегда навеселѣ, въ каковомъ видѣ онъ являлся нерѣдко и въ классы съ растрепанными чувствами. Не придерживаясь курса Востокова, Сперанскій излагалъ преподаваемый имъ предметъ словесно, давая свои краткія письменныя замѣтки; заставлялъ заучивать наизусть басни, стихотворенія, занималъ учениковъ грамматическимъ разборомъ, но почти не практиковалъ ихъ диктовками, чтобы пріучить къ правильному письменному изложенію мыслей. А какъ лекторъ былъ всегда въ возбужденномъ настроеніи, то проявлялъ несдержанность, соединенную съ грубостью и ругательствомъ, по отношенію къ ученикамъ, къ которымъ относился съ презрѣніемъ и надменностью, то все это отзывалось нелюбовью къ нему учениковъ, которая увеличивалась еще и тѣмъ, что Сперанскій часто жаловался на учениковъ звѣрюинспектору, что сопровождалось обыкновенно немедленнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ. А такъ какъ крики наказуемыхъ доходили до слуха учениковъ, то Сперанскій съ ядовитою улыбкою поучалъ ихъ такъ: русскій языкъ систематическій, стройный и строгій по своимъ правиламъ и благозвучію, доказательствомъ чего и служитъ де тотъ вопль, который издаетъ теперь подвергнутый сѣченію. Сперанскаго мнѣ пришлось перетерпѣть въ бытность мою въ третьемъ классѣ, когда онъ скончался отъ излишней дозы принятаго какого-то возбудительнаго средства.

Такимъ образомъ и Сперанскій (хотя былъ лучше, чѣмъ Андреевъ) своимъ участіемъ мало обогатилъ познанія своихъ слушателей, кое-какъ пріобыкшихъ къ грамматическимъ правиламъ, но не утвердившихся въ способности къ правильному письменному изложенію рѣчи.

Какъ выше сказано, съ четвертаго класса гимназіи начиналось знакомство учениковъ съ русскою литературою, которая, по счастью для учащихся, была въ рукахъ опытныхъ и достойныхъ преподавателей, Н. Г. Чернышевскаго и И. Т. Миловидова. Мнѣ посчастливилось слышать и того и другого и потому съ благодарностью памятую ихъ труды и старательное ознакомленіе каждаго изъ своихъ учениковъ съ теоріей и практикой этой науки.

Уроженецъ Саратова, Чернышевскій, по окончаніи курса кандидатомъ филологіи, былъ назначенъ учителемъ Саратовской гимназіи, гдѣ, пробывъ около двухъ лѣтъ, затѣмъ перевелся въ Петербургъ учителемъ 2-го кадетскаго корпуса. О способностяхъ, умѣ, знаніяхъ и направленіи этого педагога-учителя не только юношества, но и народа, какъ мыслителя и проводника разумныхъ идей, я считаю излишнимъ здѣсь распространяться, такъ какъ Чернышевскій извѣстенъ всей мыслящей Россіи.

Этотъ педагогъ былъ первою восходящею звѣздою въ сумеркахъ, царившихъ въ педагогическомъ персоналѣ Саратовской гимназіи; съ его пріѣздомъ началось вѣяніе новаго духа; старики педагоги, окостенѣвшіе въ невѣжественномъ пониманіи образовательнаго и воспитательнаго значенія юношества, стали мало-по-малу замѣщаться достойною, знающею и образованною молодежью, вполнѣ способною исполнять тяжелую миссію просвѣщать молодое поколѣніе.

Съ пріѣздомъ Чернышевскаго, кромѣ классныхъ занятій по русской литературѣ были введены, до тѣхъ поръ не бывшія, внѣклассныя литературныя бесѣды, на которыхъ собирались ученики старшихъ четырехъ классовъ и читались сочиненія, исполненныя воспитанниками на заданныя имъ темы. Здѣсь шли дебаты о достоинствахъ или недостаткахъ читаемыхъ сочиненій и правильности пользованія источниками. Разсужденія эти велись подъ руководствомъ Чернышевскаго, который регулировалъ возраженія оппонентовъ, доказывая или опровергая сущность и значеніе ихъ, объясняя въ то же время пріемы литературныхъ трудовъ извѣстныхъ писателей. Къ несчастію, директоръ Мейеръ, какъ филологъ, считавшій себя знатокомъ литературы и постоянно присутствовавшій на бесѣдахъ, нарушалъ спокойное ихъ теченіе грубостями или ругательными изреченіями (выше пояснено), обращенными къ ученику составителю сочиненія или его оппонентамъ, рѣчи которыхъ почему-либо ему не нравились. Кроткій и въ высшей степени деликатный, Чернышевскій своимъ мягкимъ и пріятнымъ голосомъ, полнымъ справедливости, старался смягчить нравъ директора и защитить учениковъ отъ его нападокъ—что всегда и удавалось, чѣмъ и возстановлялось спокойное и правильное теченіе литературныхъ бесѣдъ.

Знакомство съ теоріей русской литературы и ея отдѣлами Чернышевскій сообщалъ ученикамъ черезъ свѣдѣнія объ основахъ этой науки и практически знакомилъ учениковъ съ классическими произведеніями авторовъ, разбирая ихъ вліяніе на общество и его развитіе, и вообще способствовалъ къ правильному уразумѣнію духа и направленія авторовъ въ зависимости отъ историческихъ причинъ или событій... Славянскій языкъ такъ же разумно преподавался,

такъ какъ Чернышевскій на-ряду съ теоріей знакомилъ учениковъ съ переводами и разборами Остромірова евангелія, Слова о полку Игоревѣ, поученія Владиміра Мономаха и др.

Ежедневно возвращаясь послѣ классовъ домой, Чернышевскій былъ сопровождаемъ множествомъ учениковъ, съ которыми онъ, какъ отецъ съ дѣтьми, дружески бесѣдовалъ, узнавалъ о здоровьи ихъ домочадцевъ, гдѣ они живутъ, шутилъ и смѣялся и пожималъ руки тѣхъ, кому приходилось, приближаясь къ своему дому, прощаться съ учителемъ. Лѣтомъ, по вечерамъ, Чернышевскій дѣлалъ прогулку и, если видѣлъ, что въ какомъ-нибудь дворѣ идетъ игра гимназистовъ, то онъ заходилъ во дворъ и принималъ участіе въ забавахъ. Тутъ Чернышевскій до того оживлялся и увлекался развлеченіемъ игрою, что отъ чрезмѣрной усталости усаживался для отдыха на какомъ-либо обрубкѣ или доскѣ, ведя разговоръ съ мальчиками. Все это свидѣтельствовало о его любви къ ученикамъ, которые и въ свою очередь чтили и уважали Чернышевскаго, какъ добрѣйшаго человѣка и полезнаго учителя. День его отъѣзда изъ Саратова былъ скорбнымъ для всѣхъ гимназистовъ, которые тѣснились, окружая его квартиру, и со слезами напутствовали его отбытіе.

Да, Чернышевскій былъ истиннымъ свѣточемъ, память о которомъ не изгладится у всѣхъ знавшихъ его по педагогическимъ и литературнымъ трудамъ и у всѣхъ тѣхъ, кто былъ счастливъ знать его лично.

Послѣдующій продолжатель преподаванія исторіи русской литературы былъ филологъ, кандидатъ университета И. Т. Миловидовъ; вполнѣ корректный при хорошемъ воспитаніи и свѣтскомъ лоскѣ, пользуясь своими познаніями и начитанностью, велъ дѣло преподаванія, пріучая слушателей къ практической работѣ, задавая имъ разнообразныя темы для сочиненій и разбора русскихъ писателей о вліяніи ихъ на литературу и общество. Общія бесѣды о достоинствѣ ученическихъ сочиненій продолжались такъ же, какъ и при предшественникѣ его Чернышевскомъ, о которомъ Миловидовъ отзывался съ особеннымъ уваженіемъ. Миловидовъ былъ любезенъ и обходителенъ съ учениками, помогалъ имъ въ работахъ своимъ знаніемъ, указывая, какъ что сдѣлать и въ какомъ источникѣ порыться, чтобы отыскать необходимыя данныя для сочиненія или разсужденія объ извѣстномъ лицѣ или предметѣ. За недостаткомъ книгъ въ гимназической скудной библіотекѣ доставалъ ихъ въ городской или у частныхъ лицъ и тѣмъ облегчалъ трудъ своихъ слушателей. Своею гуманностью и полезною дѣятельностью для учащихся онъ заслужилъ благодарность и добрую память послѣднихъ тѣмъ болѣе, что его идеи и здравыя сужденія были направлены къ правильному

пониманію жизненныхъ недуговъ того времени и указанію способовъ и средствъ къ устраненію ихъ въ будущемъ, мѣрами развитія образованія.

Всеобщая исторія (древняя, средняя, новая и русская) преподавалась, начиная съ четвертаго класса, и предметъ этотъ былъ камнемъ преткновенія и для учителя, и для учениковъ, такъ какъ ни тотъ, ни другіе не могли разсказать или разгадать, въ чемъ состоитъ дѣло всемірной исторіи вообще и русской — въ частности. Этимъ предметомъ заправлялъ [1]) кандидатъ, историко-филологъ Московскаго университета М. А. Лакомпте; молодой человѣкъ, весьма пріятный и любезный въ общеніи съ кѣмъ бы то ни было, много обѣщавшій сдѣлать въ пользу знаній своихъ учениковъ, но изъ всего этого не было никакого толку. Онъ мнилъ себя другомъ и пріятелемъ московскаго профессора исторіи Кудрявцева, который будто бы особенно отличалъ студента Лакомпте и его способности къ историческимъ изслѣдованіямъ. Этотъ педагогъ отвергалъ всякіе того времени печатные курсы по исторіи и на каждомъ урокѣ усиленно читалъ выдержки изъ обширнаго печатнаго историческаго изданія любимаго имъ профессора и друга; слушателямъ приходилось лишь хлопать ушами, такъ какъ запомнить все прочитанное учителемъ превышало юношескую силу памяти, а прочитать оригиналъ было невозможно, такъ какъ онъ былъ единственный и составлялъ собственность лектора, который съ нимъ носился, какъ кошка съ мышкой. По русской исторіи, по иниціативѣ того же Лакомпте, гимназія выписала и продавала ученикамъ краткій печатный курсъ Соловьева, который кое-какъ пережевывался учениками, и на экзаменахъ русской исторіи они могли давать отвѣты по хронологіи событій объ историческихъ русскихъ дѣятеляхъ, о походахъ и завоеваніяхъ и т. п. Что же касается исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ, то знаніе учениками этихъ премудростей отзывалось какимъ-то сумбуромъ отъ мѣшанины слышаннаго ими на такъ называемыхъ лекціяхъ (чтеніе книги) преподавателя и кое-чего почерпнутаго изъ исторіи стараго учебника. А какъ директоръ Мейеръ, считавшій себя знатокомъ исторіи, присутствуя на экзаменахъ, нерѣдко путался, а отчасти былъ запутываемъ странными и мало понятными отвѣтами экзаменующихся, то онъ ограничивался лишь ругательствомъ, не вліяя на оцѣнку знаній балломъ, который былъ всегда не ниже цифры 3. Удовлетворительные баллы учащихся были пріі-

[1]) Именно заправлялъ, но не преподавалъ и научалъ бы слушателей разумно ознакомиться, хотя вкратцѣ, съ міровыми событіями временъ и народовъ.

ятны и для учителя, и для директора, такъ какъ изъ округа получались похвалы за ученическія преуспѣянія.

Такимъ образомъ наука исторіи для учениковъ Саратовской гимназіи была terra incognita.

Математика и физика преподавались двумя учителями, изъ которыхъ одинъ умудрялъ три младшихъ класса, а другой четыре старшихъ. Всѣ отдѣлы математики, согласно программѣ, проходились по имѣвшимся въ то время печатнымъ курсамъ, значеніе и сила которыхъ чувствовалась даже и въ гимназіяхъ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. При подспорьи учебниковъ учителямъ математики оставалось лишь аккуратное посѣщеніе классовъ и своевременное заданіе уроковъ по учебникамъ, помимо всякихъ объясненій—что всегда и дѣлалось; кромѣ того они выслушивали отвѣты учениковъ по усвоенію имъ заданій и аттестовали соотвѣтственнымъ балломъ.

Исполнителями внушенія ученикамъ математическихъ премудростей были П. Я. Ефремовъ и С. А. Колесниковъ—оба кандидаты математики Казанскаго университета — заурядные знатоки своего дѣла въ особенности по неумѣнію того и другого сдѣлать преподаваемые имъ предметы интересными и доказательными, а не сухими, требующими долбни и памяти. Въ особенности плохо шелъ курсъ физики, такъ какъ учитель Колесниковъ по старости, тучности и лѣности, мало обращалъ вниманія на пользу физическаго кабинета, гдѣ, благодаря его невнимательности, всѣ вещи и предметы носили видъ запущенности; многія вещи были поломаны или разбиты отъ неумѣлаго съ ними обращенія. Опыты по физикѣ сводились къ смотрѣнію пляски разныхъ фигуръ или шариковъ изъ бузины отъ дѣйствія электричества, къ заряженію Лейденской банки при помощи электрической машины, къ умерщвленію воробья подъ стекляннымъ колпакомъ при вытягиваніи воздуха и еще кое-какихъ незатѣйливыхъ манипуляцій съ гіероновымъ шаромъ, машиною Атвуда, качаніемъ маятника и т. п. Что же касается звука, свѣта, магнетизма, простыхъ машинъ и проч., то знаніе обо всемъ этомъ, да и многомъ другомъ, ограничивалось лишь твердымъ усвоеніемъ учениками текста учебника физики Ленца.

О личныхъ достоинствахъ г.г. Колесникова и Ефремова можно сказать, что оба они, держась въ предѣлахъ видимой законности, не пренебрегали услугами состоятельныхъ родителей учениковъ въ доброхотномъ жертвованіи дровъ, сѣна или овса, и даже домашней живности; а чаще всего они внушали родителямъ необходимость домашней подготовки ихъ сыновей за хорошую поурочную плату. Впрочемъ такого сорта наставники въ Саратовской гимназіи не со-

ставляли исключенія, такъ какъ и другіе (хотя не всѣ) не прочь были поддержать свои скудныя средства при грошевыхъ окладахъ ихъ жалованья.

На гимназіи, между прочимъ, лежала обязанность вести метеорологическія наблюденія, результаты которыхъ посылались въ Казань; для этого на дворѣ гимназіи имѣлись: термометръ, дождемѣръ и флюгеръ—указатель вѣтровъ. Исполненіе наблюденій было поручено учителю Ефремову, а какъ онъ жилъ внѣ гимназіи, то всю работу по наблюденіямъ поручалъ одному изъ пансіонеровъ—ученику 7-го класса гимназіи, а вычисленіе по даннымъ изъ наблюденій и составленіе по нимъ таблицъ возлагалось на другого ученика. Такимъ образомъ ученики практиковались (конечно, съ пользою для себя) въ составленіи метеорологическихъ данныхъ для Саратова, а учитель, не принимая въ этомъ никакого личнаго участія, аккуратно высылалъ въ Казань результаты чужихъ трудовъ. Воспоминаніе объ этихъ математикахъ-учителяхъ ограничивается лишь тѣмъ, что они были и сошли со сцены.

Чистописаніе, рисованіе и каллиграфія, благодаря умѣлости учителя художника А. И. Година—хорошаго портретиста и искуснаго каллиграфа, велось съ большимъ толкомъ, и въ результатѣ гимназія, на годичныхъ актахъ, блистала выставкою художественныхъ произведеній своихъ питомцевъ. Здѣсь были прекрасные рисунки чернымъ карандашемъ и тушью разныхъ эстамповъ, головокъ, ландшафтовъ, изящныя каллиграфіи съ разноцвѣтными буквами и красиво-вычурными росчерками, исполненными отъ руки. Все это вызывало похвалу и удивленіе лицъ, посѣщавшихъ гимназическій праздникъ, и сдѣлало добрѣйшаго Година лицомъ, въ трудахъ котораго были заинтересованы многіе обыватели, дававшіе художнику заказы.

Въ кругъ гимназическихъ предметовъ преподаванія входили еще законовѣдѣніе, языки нѣмецкій, французскій и, какъ вѣнецъ премудрости языкознаній,—латинскій и греческій языки.

Такъ какъ преподаваніе древнихъ языковъ начиналось съ четвертаго класса, то ученики, желающіе по окончаніи гимназическаго курса поступить въ университетъ, должны были изучать древніе языки; тѣ же, которые, окончивъ курсъ гимназіи, не думали быть въ университетѣ—слушали курсъ законовѣдѣнія.

Учителемъ законовѣдѣнія былъ юристъ кандидатъ Казанскаго университета А. М. Имшенецкій. Человѣкъ почтеннаго возраста, довольно объемистый, добрѣйшій, любившій покой и сытный столъ. Онъ слово въ слово зналъ толстый печатный учебникъ (имя автора запамятовано), отъ котораго не отступалъ ни на іоту; поэтому изла-

гать урокъ своими словами: не допускалъ ни себѣ, ни ученикамъ, считая это за вольный духъ, и пояснялъ такъ: смыслъ закона долженъ быть ясенъ и точенъ, а потому отнюдь не допускаетъ коверкать его; а въ текстѣ учебника все изложеніе обдумано и оно не есть краснорѣчіе составителя, а заимствовано отъ тѣхъ умовъ, кои потрудились надъ изданіемъ самыхъ законовъ. Съ такимъ взглядомъ учителя изученіе законовѣдѣнія было нечто иное, какъ долбленіе въ зубряжку учебника и состояло въ слушаніи нѣвучаго басистаго голоса Имшенецкаго точныхъ изреченій учебника. Курсъ законовѣдѣнія проходили въ 4, 5 и 6 классахъ, а въ 7-мъ шло повтореніе и практика въ канцелярскомъ письмоводствѣ, т. е. составлялись разныя прошенія, отношенія, рапорты и др. образцы дѣловыхъ бумагъ. Подобныя ни къ чему негодныя занятія, при своей безполезности, вводили учениковъ только въ напрасныя траты по покупкѣ бумагъ и чернилъ.

Въ низшихъ трехъ классахъ фращузскій и нѣмецкій языки преподавались для ознакомленія учащихся съ грамматическими правилами, а съ четвертаго—преподавалась краткая литература этихъ нарѣчій съ переводами нѣмецкихъ и французскихъ писателей на русскій языкъ и обратно.

Учителемъ французскаго языка низшихъ 3-хъ классовъ былъ Вульфертъ—французъ, ветеранъ великой арміи Наполеона I, плѣненный подъ Березиной, съ разбитой параличемъ правой рукой и ногой и контуженный въ лицо съ поврежденіемъ языка. До плѣненія онъ былъ brigadier (ефрейторъ) въ одномъ изъ взводовъ какого-то французскаго кавалерійскаго полка, будто бы славно спасшагося при форсированіи черезъ р. Березину, а герой учитель, бывшій въ охранѣ переправы, не успѣлъ перебраться на другой берегъ и былъ захваченъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Смоленскъ въ лазаретъ. По излѣченіи онъ былъ взятъ какимъ-то помѣщикомъ въ деревню въ качествѣ гувернера къ сыну: затѣмъ въ 1814 году съ сыномъ помѣщика переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ, по его разсказамъ, пріобрѣлъ хорошее знакомство, и, считаясь дѣльнымъ гувернеромъ, былъ зарекомендованъ попечителю Московскаго учебнаго округа, который и исходатайствовалъ передъ графомъ Уваровымъ объ опредѣленіи его, какъ знатока, учителемъ въ Саратовскую гимназію. Краткая исторія жизненнаго пути этого педагога уже достаточно свидѣтельствуетъ о его педагогической способности; дальнѣйшее изложеніе лишь подтвердитъ ту ошибку, благодаря которой онъ попалъ въ учителя.

Какъ тяжело раненый и вдобавокъ разбитый параличемъ, Вульфертъ еле передвигалъ ногами при помощи клюки, которая служила ему и оружіемъ для воинственныхъ атакъ на учениковъ и

обороною противъ ихъ нападеній или попытокъ пугать его. Искалѣченный, обезображенный болѣзнями и ранами, Вульфертъ при взглядѣ на него былъ жалокъ, но по внутреннему его содержанію и характеру былъ извергъ, заслуживающій презрѣнія. Походка его представляла какую-то путаницу рукъ и ногъ, болтающихся впередъ, назадъ, вправо и влѣво; рѣчь же, вслѣдствіе паралича и заплетавшагося отъ поврежденія языка, была непонятна ни на русскомъ (мало ему понятномъ), ни на французскомъ языкахъ. И вотъ этотъ калѣка, входя въ классъ разсомахою, иногда натыкался на учениковъ и тотъ часъ же давалъ имъ по головамъ жестокіе удары лѣвой рукой или клюкой за то, что они не успѣли посторониться; тѣ же пріемы были имъ употребляемы, когда онъ, подзывая къ себѣ учениковъ для отвѣтовъ уроковъ, оставался недоволенъ ихъ знаніями. За то и ученики не щадили Вульферта своими изощреніями въ запугиваніи его: пускали самодвижущіяся игрушки въ видѣ мышей или крысъ, при видѣ которыхъ, не разбирая, въ чемъ дѣло, нервный педагогъ приходилъ въ ужасъ, нерѣдко сопровождавшійся обморокомъ, вызывавшимъ потребность поданія помощи, что̀ соединено было съ появленіемъ въ классъ надзирателя или инспектора. А какъ Вульфертъ боялся проявлять передъ начальствомъ свой недостатокъ поведенія по отношенію къ ученикамъ, то, придя въ сознаніе, не обнаруживалъ причины обморока, относя все къ болѣзненному своему изнуренію. Ученики же, какъ будто ни въ чемъ неповинные, не обнаруживали своей виновности, дѣлая видъ удивленія на все происшедшее. Были и другія шалости учениковъ вродѣ смазыванія медомъ стула за каѳедрой, на который Вульфертъ садился всегда опрометью, или на перо при чернильницѣ на каѳедрѣ насажпивали муху пли бумажную кляксу, и Вульфертъ, плохо видѣвшій, хваталъ перо, макалъ его въ чернильницу и, желая въ своемъ журналѣ поставить ученику отмѣтку, замарывалъ листы до невѣроятности. Много было и другихъ выходокъ со стороны учениковъ, и онѣ далеко не похвальны; но причина ихъ лежала глубже неблагоразумія юнцевъ, такъ какъ держать такого преподавателя, какъ Вульфертъ, было абсурдомъ, дѣлавшимъ уроки французскаго языка какимъ-то цирковымъ представленіемъ, гдѣ не было никакой возможности дойти не только до уразумѣнія грамматики языка, но даже выучиться читать и писать. Ученики Вульферта рѣчи его не понимали, такъ какъ онъ русскаго языка не зналъ, а родную свою рѣчь, что называется, невнятно буркалъ; уроки изъ грамматики задавались безъ всякой системы—одинъ разъ склоненія, а въ слѣдующій разъ глаголы, когда еще и первое не усвоено, и такая безалаберщина въ системѣ тянулась цѣлыхъ три года (въ младшихъ классахъ).

Результатомъ только-что изложеннаго было то, что гимназисты, добравшись до четвертаго класса, должны были снова приняться за изученіе французской грамматики, но уже подъ руководствомъ новаго учителя старшихъ классовъ Зарубаева и при благосклонномъ и внимательномъ его участіи посвящали этому весь годъ (до перехода въ 5-й классъ); съ пятаго же класса начинались переводы съ одного языка на другой при помощи преподавателя и лексикона. А какъ Зарубаевъ былъ университантъ, хорошо знавшій русскій языкъ и его литературу, равно какъ и французскій, которымъ владѣлъ, какъ роднымъ, то при настойчивости и любезной готовности его служить дѣлу съ сознаніемъ возможности выполнить свою миссію въ извѣстный періодъ времени (въ 4 года), занятія шли успѣшно и давали хорошіе результаты, дозволявшіе ученикамъ 6-го и 7-го классовъ излагать свои мысли разговорнымъ языкомъ по-французски, дѣлать переводы съ французскаго à livre ouverts и съ небольшими затрудненіями — съ русскаго на французскій. Такъ что знаніямъ французскаго языка гимназисты-саратовцы были обязаны исключительно Зарубаеву, который и пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ его учениковъ, какъ человѣкъ добрѣйшій, безъ всякихъ претензій и искренне старавшійся подѣлиться съ гимназистами своимъ знаніемъ французскаго языка и его литературы.

Греческій языкъ преподавалъ кандидатъ философъ Казанской духовной академіи Синайскій. Это былъ старикъ, посвятившій свою жизнь литературѣ эллиновъ, написалъ и издалъ составленную имъ грамматику греческаго языка, сочинялъ на этомъ языкѣ вирши и безукоризненно зналъ наизусть многія главы изъ Гомера, которыя безошибочно декламировалъ. Преподаваніе его было немногосложное и краткое: оно касалось лишь грамматическихъ правилъ и легкихъ переводовъ съ лексикономъ съ греческаго языка на русскій. Само собою разумѣется, что между изучавшими этотъ языкъ не могли народиться эллинисты.

Начинавшееся съ четвертаго класса преподаваніе латинскаго языка велъ филологъ К. В. Бауэръ, природный нѣмецъ-остзеецъ, плохо владѣвшій русскимъ языкомъ, но латынь ему далась; грамматику онъ передавалъ не иначе, какъ благозвучнымъ стихотворнымъ изложеніемъ. Личность Бауэра была, что называется, смѣлоудалая, ни передъ кѣмъ не стѣсняющаяся и не любившая указаній свыше. Громкіе басовые возгласы похвалы или порицанія учениковъ во время уроковъ, а равно словесная передача имъ правилъ грамматики звучали по всей гимназіи. Будучи умѣреннымъ либераломъ, не чуждался однако грубыхъ своихъ выходокъ; въ познаніяхъ мало чѣмъ отличался, восхваляя впрочемъ нѣмцевъ. Система преподаванія

грамматики состояла въ твердомъ зазубриваніи стихотворныхъ правилъ и умѣнія примѣнять ихъ для оборотовъ рѣчи при переводахъ. Самые переводы въ каждомъ классѣ были ежегодно одни и тѣ же клочки, повыдернутые изъ разныхъ латинскихъ книгъ.

Обыкновенно въ началѣ года Бауеръ, начиная свой первый урокъ въ четвертомъ классѣ, обращался къ ученикамъ съ внушительнымъ громогласнымъ указаніемъ на пользу и значеніе знанія латинскаго языка, который дескать дастъ возможность ознакомиться съ древнимъ римскимъ міромъ, отъ котораго, какъ отъ лучезарнаго солнца, пошли по всей вселенной яркіе лучи свѣта просвѣщенія, искусства, зодчества и ваянія. Затѣмъ, нѣсколько успокоившись, но все-таки величественнымъ голосомъ, начиналъ свой курсъ [1]) такъ:

Всѣ имена мужей, рѣкъ, всякаго народа,
Вѣтровъ и мѣсяцевъ—суть мужескаго рода.
Деревьевъ, женъ и городовъ, равно земель и острововъ
—Суть женскаго изъ всѣхъ родовъ.
То жъ, чего нельзя склонять—
—Среднимъ должно называть,

—еще вродѣ этого:

Какъ на a, равно на aë—
—Женскаго суть рода всѣ;
А на es или на as—
—Въ мужескій всѣ идутъ классъ

или:

Имена на dŏ, gŏ, iŏ—
—Женскаго суть;
Echo, tago и другіе—
—Мужескаго и т. д.

Такъ, въ стихахъ излагалась вся грамматика, заключая въ себѣ имена существительныя, глаголы, прилагательныя, мѣстоименія и проч., и составляла собою изрядную тетрадь. Здѣсь лишь для образца помѣщено только три курьезныхъ куплета, но всѣ остальные въ такомъ же родѣ. Между тѣмъ существовавшій уже въ то время довольно объемистый курсъ латинской грамматики Кюнера Бауеръ игнорировалъ, какъ негодный къ основательному изученію трактуемыхъ въ немъ правилъ и пріемовъ, несходныхъ съ тѣми, которые штудировалъ онъ лично. Однако всѣ саратовскіе гимназисты-латинисты, по окончаніи курса гимназіи, по тогдашнимъ правиламъ,

---

[1]) Стихотворная латинская грамматика была рукописная, экземпляры которой переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. Здѣсь приведено нѣсколько стиховъ.

поступали безъ экзамена лишь въ Казанскій университетъ; въ другіе же русскіе университеты поступленіе сопряжено было съ вступительными экзаменами, на которыхъ ученики Бауера частенько проваливались по-латыни. Да и немудрено было не проваливаться, такъ какъ въ гимназіи экстемпорале шло слабо, и ученики практиковались только на переводахъ Корнелія Непота или Саллюстія, а что касается Цицерона или Тита Ливія, то переводы ихъ, и то съ грѣхомъ пополамъ, могли дѣлать два-три человѣка изъ окончившихъ курсъ.

Такимъ образомъ ознакомленіе учениковъ съ латынью было по результатамъ не изъ важныхъ, благодаря системѣ самаго преподаванія и упорству учителя въ нежеланіи перейти къ болѣе удобному и общеполезному методу. Можно сказать только, что латинскій языкъ въ Саратовской гимназіи 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго вѣка преподавался лишь нѣсколько хуже и слабѣе, чѣмъ въ послѣдующіе годы, когда, въ виду мнимой возможности поднять классицизмъ въ гимназіяхъ, были вызваны заграничные славяне, не знавшіе русскаго языка, и безрезультатно для пользы юношества забивали ихъ головы древними языками.

До 1854 года въ гимназіяхъ графа Уварова юношество не просвѣщалось естествознаніемъ, но съ этого года оно было введено и былъ присланъ преподаватель; гимназія обзавелась учебниками зоологіи и ботаники съ политипажами и рисунками въ текстѣ. Прибывшій учитель [1]) только-что окончилъ кандидатскій экзаменъ естественнаго факультета Казанскаго университета, былъ прекрасный лекторъ, внимательно относившійся ко всему, что было полезно къ наилучшему уразумѣнію преподаваемаго имъ предмета; поэтому онъ, помимо классныхъ занятій, много работалъ надъ созданіемъ при гимназіи зоологическаго кабинета. Въ то время въ Саратовѣ, за неимѣніемъ мастеровъ и матеріаловъ для выдѣлки чучелъ, нужно было все это выписывать изъ Москвы, на что требовались время и средства, а какъ послѣднихъ не было, то только послѣ усиленныхъ хлопотъ и бумагомаранія, къ началу занятій слѣдующаго 1855 года воспослѣдовало ассигнованіе 300 руб. Учитель метался, чтобы хоть что-нибудь создать и пріобрѣсти на мѣстѣ, но напрасно; поэтому постепенно въ теченіе этого года и двухъ слѣдующихъ было выписано изъ Москвы небольшое количество разныхъ зоологическихъ препаратовъ для кабинета; ограниченность ассигнованной суммы и значительная стоимость чучелъ дѣлали обстановку кабинета скудною, такъ какъ многаго еще не было, а многое изъ

[1]) Имя и фамилія его за давностью запамятованы.

присланнаго, за дурною упаковкою, попорчено въ дорогѣ. Только по части флоры, да и то лишь мѣстной, въ первое же лѣто учитель составилъ довольно полный гербаріумъ. Такимъ образомъ, несмотря на умѣлость преподаванія и полное знаніе своего дѣла учителемъ, естествознаніе въ гимназіи велось, что называется, „подъ сухую“, такъ какъ ученикамъ приходилось знакомиться съ родами и видами животныхъ, да частью и растеній, изъ политипажныхъ рисунковъ учебниковъ; большихъ же, хорошо исполненныхъ красками зоологическихъ картъ въ то время не было. Вообще естествознаніе двигалось хотя и туго, но съ годами оно дѣлалось болѣе доступнымъ для всякаго желающаго ученика и все это—благодаря искреннему усердію и желанію учителя своими хлопотами и трудами сдѣлать зоологію и ботанику курсами теоретически наглядными, какъ болѣе доступными памяти юношей—что давало существенную пользу къ естествопознанію. Словомъ сказать, естествознаніе въ Саратовской гимназіи новымъ учителемъ въ два года было поставлено прочно, благодаря вполнѣ достаточному обогащенію зоологическаго кабинета множествомъ препаратовъ и прекрасныхъ иллюминованныхъ картъ и способностямъ лектора читать свой предметъ съ тою картинностью, которая дѣлала его интереснымъ для слушателей.

Нѣмецкій языкъ, преподаваемый въ гимназіи, былъ для учениковъ поистинѣ нѣмымъ, такъ какъ учитель былъ полнѣйшій невѣжда въ знаніи и пониманіи русскаго языка, и типъ этого наставника представлялъ собою табачной фабрики Сигарнаго мастера остзейца, о чемъ читатель узнаетъ ниже. Внушителемъ знаній нѣмецкаго языка былъ К. А. Гаакъ, видъ котораго былъ похожъ на египетскую мумію съ блѣдно-желтымъ цвѣтомъ кожи всего тѣла; облачался онъ въ мѣшкообразнаго покроя платье, которое сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ; его непомѣрно длинный, осѣдланный громадными очками, мертвецкій носъ, черные зубы, всегда жующіе обрѣзки сигаръ, и лицо, незнавшее улыбки — все это дѣлало изъ него страшилище, пугалу, которымъ онъ и дѣйствительно былъ для всѣхъ учащихся. Бездушный, грубый и способный къ язвительной мстительности, клонившейся къ задержанію нелюбимыхъ имъ учениковъ въ классѣ, лишеніемъ ихъ права на переводъ въ слѣдующій высшій, при посредствѣ дурного балла,—все это порождало со стороны его учениковъ полнѣйшую къ нему ненависть.

Въ то время существовала тощая печатанная грамматика нѣмецкаго языка, которая и служила учащимся основой знаній, такъ какъ Гаакъ, не владѣя русскимъ языкомъ, излагалъ все по-нѣмецки и неразборчиво, а изъ слушателей его этотъ языкъ знали лишь немногіе нѣмцы гимназисты, поэтому рѣчи преподавателя

были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. При такой обстановкѣ изученіе языка и его грамматическихъ правилъ шло черепашьимъ шагомъ, такъ что ученики только въ третьемъ классѣ, пройдя конечно 1-й и 2-й, могли зазубрить нѣмецкій учебникъ грамматики и коекакъ умѣли склонять и спрягать, да знали нѣсколько десятковъ нѣмецкихъ словъ и названій обиходной жизни. Переводы въ трехъ младшихъ классахъ заключались въ затверживаніи наизусть и отвѣтахъ передъ учителемъ короткихъ фразъ въ родѣ: Haben sie di Zeitung gelesen? Ja ich habe sie gelesen и т. п. или:

Вопросъ. Кто истинно умный? Отвѣтъ. Тотъ, кто мудрый.

— Для чего нужны щипцы?—Для сахара, чтобы не брать руками, при чемъ отвѣчающіе, сказавъ по-русски (учитель не понималъ), должны были повторить то-же самое по-нѣмецки. Для подобныхъ отвѣтовъ учитель къ своей каѳедрѣ, за которою онъ сидѣлъ, вызывалъ учениковъ парами, изъ которой одинъ вопрошалъ, а другой отвѣчалъ; высокая каѳедра закрывала отъ учителя отвѣчающихъ учениковъ снизу до груди — что давало имъ возможность преспокойно вычитывать по шпаргалкамъ, пришитымъ къ подкладкѣ полъ ихъ сюртуковъ. Такія комическія сцены проходили гладко, благодаря слѣпотѣ Гаака, который видѣлъ учениковъ какъ бы въ туманѣ. Съ четвертаго класса Гаакъ изощрялся надъ вдалбливаніемъ въ учениковъ нѣмецкой литературы, для чего каждому классу (одно и то-же ежегодно) назначались переводить извѣстные историческіе эпизоды: въ 4-мъ классѣ переводили Владиміра Мономаха — по-русской исторіи; а по-нѣмецкой—о величіи дома Бранденбурговъ; въ 5-мъ классѣ темами были: эпизоды царствованія Екатерины II и значеніе для Пруссіи Фридриха Великаго; въ 6 и 7 классахъ темы были иныя, но въ родѣ упомянутыхъ. Такіе переводы совершались или въ классѣ, при содѣйствіи учителя, или задавались ученикамъ для домашнихъ упражненій; при заданіи перевода на домъ Гаакъ бралъ у кого-либо изъ учениковъ книгу и отчеркивалъ въ ней карандашемъ тѣ мѣста, которыя подлежали переводу. А какъ Гаакъ не понималъ значенія русскихъ словъ, то помѣтки дѣлалъ какъ попало [1]), и въ результатѣ заданный текстъ былъ безъ смысла.

Съ какими познаніями нѣметчины выходили ученики, кончившіе

---

[1]) Напримѣръ: такого-то | года съ непмовѣрной быстротой послѣдовали преобразованія — далѣе слѣдуетъ ихъ перечисленіе, которое заканчивалось словами — и все это обязано мудрому Владиміру | Мономаху. Мудрый учитель ставилъ черту впереди года и затѣмъ такую же, какъ здѣсь и показано, передъ Мономаху, несмотря на то, что послѣ этого слова стояла точка.

курсъ Саратовской гимназіи при ея инспекторѣ, нѣмцѣ и достойномъ его учителѣ Гаакѣ, нетрудно догадаться, прочитавъ эти строки.

Только въ началѣ 1860-хъ годовъ формальное разслѣдованіе обнаружило, что Гаакъ дѣйствительно былъ мастеромъ табачной фабрики въ Ригѣ, гдѣ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка учинилъ насиліе надъ однимъ изъ состоятельныхъ совладѣльцевъ фабрики и, похитивъ его паспортъ и нѣкоторую сумму денегъ, впослѣдствіи благополучно выѣхалъ изъ Риги, слоняясь по городамъ и весямъ Россіи (съ чужимъ паспортомъ, по которому выдавалъ себя за Гаака), пристроился учителемъ нѣмецкаго языка въ какомъ-то училищѣ при киркѣ, а затѣмъ волею судебъ и кое-какого знакомства (подобно вышеописанному Вульферту), сдѣлался учителемъ Саратовской гимназіи. По распоряженію судебной власти самозванецъ былъ арестованъ и препровожденъ въ тюрьму. О дальнѣйшей судьбѣ этого дѣятеля, по неизвѣстности, можно сказать только: Sic transit gloria mundi.

Существовавшій при гимназіи пансіонъ, благодаря начальству, содержался въ черномъ тѣлѣ; спальныя помѣщенія и столовая, расположенные въ нижнемъ этажѣ, были темны, сыры и холодны, суконныя куртки, жилеты и панталоны питомцевъ блистали заношенностью и заплатами съ разноцвѣтными швами, сапоги покупались базарные съ толкуна. Пища была очень скудная: утромъ и вечеромъ сбитень съ $^1/_2$ фанзоля и ломтемъ ржаного хлѣба, въ полдень завтракъ изъ одного блюда (мелко рубленный ливеръ съ безвкусною мучною на водѣ подливкою или небольшой кусокъ печенки, жареной въ сметанѣ); на обѣдъ давали супъ или щи, говядина изъ которыхъ шла на второе блюдо съ добавленіемъ картофельнаго или морковнаго соуса, а если мясо употреблялось для пироговъ къ щамъ, то второе блюдо составляла таже традиціонная печенка въ сметанѣ. Въ праздники прибавлялось третье блюдо — сладкое въ родѣ сухого, миндальнаго печенья, или небольшого куска яблочнаго или съ ягодами пирога, или по одному яблоку.

Для занятій и подготовки пансіонеровъ имѣлся большой рекреаціонный залъ, уставленный столами и табуретами, а по стѣнамъ его были развѣшаны географическія карты. Во время реакціонныхъ занятій и ночью наблюденіе за пансіонерами поручалось дежурнымъ изъ учителей, которые вели между собою очередь. Надзоръ этотъ состоялъ въ спокойномъ времяпровожденіи учителя за книгой или газетой, когда онъ въ залѣ, и въ спокойномъ снѣ ночью въ особыхъ при спальняхъ помѣщеніяхъ.

Ради чистоты и опрятности всѣ пансіонеры были острижены подъ гребенку и лѣтомъ водились на купанье въ р. Волгѣ, а зи-

мою—одинъ разъ въ двѣ недѣли — мылись въ банѣ при гимназіи. Баня не отличалась теплотою, содержалась небрежно, доски половъ и лавокъ были гнилыя, воды часто не хватало, такъ какъ, за отсутствіемъ водопровода, ее приходилось доставлять бочками изъ рѣки, что въ грязныя погоды или снѣжныя зимы не давало возможности своевременно исполнить.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что начальство гимназіи въ случаяхъ пріѣзда попечителя, или ревизора изъ учебнаго округа, губернатора, предводителя дворянства и т. п., съ особеннымъ усердіемъ и заботливостью прикрывало наготу пансіонеровъ, одѣвая ихъ въ платье, хранившееся всегда (для экстренныхъ случаевъ) въ запертыхъ гардеробахъ, и улучшало пищу, замѣняя сбитень чаемъ, а скудные завтраки и обѣды — изобильными блюдами; все это туманило посѣтителей, не предполагавшихъ, что такая роскошь есть показная, а не всегдашняя, и они не скупились на похвалы и одобренія, столь пріятныя директору, какъ заботливому хозяину.

Было бы несправедливо читателю вышеизложеннаго упрекнуть меня въ пристрастіи къ обрисовкѣ только черныхъ пятенъ Саратовской гимназіи, оставляя въ сторонѣ полезность и значеніе этого заведенія, отвѣчавшія требованіямъ тогдашняго времени. Такого намѣренія у меня не было, такъ какъ, излагая свои воспоминанія, я не обходилъ молчаніемъ всего того, что давало надежду къ возможности здраваго веденія педагогическаго дѣла. Давно минувшее бытіе Саратовской гимназіи изложено въ дѣйствительной его неприглядности, такъ какъ послѣдняя была госпожею заведенія; но тамъ, гдѣ виднѣлись проблески улучшенія для гимназіи, они мною не замолчаны (географія, русская литература, законъ Божій, французскій языкъ, зоологія); но не моя вина, что все остальное не поддавалось восхваленію, такъ какъ стояло ниже всякой посредственности и къ прискорбію существовало.

Мудрое изреченіе: „законы святы, а судьи супостаты“ вполнѣ примѣнимо къ бывшимъ такъ называемымъ гимназіямъ Уварова, цѣль и программа которыхъ должны были дать юношеству основательную подготовку къ дальнѣйшему ихъ научному усовершенствованію, что̀ отчасти и выполнялось, такъ какъ многія изъ тогдашнихъ гимназій дали Россіи немало людей, извѣстныхъ впослѣдствіи на разныхъ поприщахъ дѣятельности на пользу отечества. Слѣдовательно, учрежденіе подобныхъ заведеній было не безполезное; все зависѣло отъ руководителей, и тамъ, гдѣ они были низкой пробы, то и ввѣренное имъ учрежденіе было малоцѣннымъ. И въ Саратовской гимназіи были достойные и свѣдущіе преподаватели, проникнутые вѣяніями только-что минувшей крымской кампаніи, и если

бы подобными людьми была замѣнена та старая затхлость, которая царила въ заведеніи, то гимназія могла бы цѣлесообразно отправлять свои функціи, не допуская, чтобы дѣти считались ничтожными паріями, издѣвательство надъ которыми велось невозбранно и подавляло ихъ человѣческія мыслительныя достоинства.

Къ несчастію высшія власти россійскаго просвѣщенія держали все и вся въ ежовыхъ рукавицахъ, не давая гимназіямъ правильно реагировать, и поддерживали въ нихъ тотъ режимъ, при которомъ учащіеся обязывались подчиняться строгимъ требованіямъ и обремененіямъ ихъ головъ древними классиками, отъ чего молодежи было не тепло, а холодно. Къ прискорбію всѣ эти соображенія начальства и мечты его сдѣлать юношество толковымъ, знающимъ и смиренно терпѣливымъ къ несообразностямъ, забивавшимъ ихъ мозги, дали тотъ печальный хаосъ, которымъ омрачены были юношескія натуры россіянъ даже въ недавнемъ прошломъ, когда просвѣщать нашихъ дѣтей были вызваны иностранцы славяне—знатоки древнихъ языковъ.

Сообщилъ Ив. Вороновъ.

Воспоминанія о моемъ ученіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наша старая духовная школа, извѣстная подъ именемъ „бурсы“, давно пріобрѣла себѣ печальную извѣстность—главнымъ образомъ благодаря талантливымъ „очеркамъ“ Помяловскаго. По этимъ очеркамъ лица, мало знакомыя съ духовнымъ вѣдомствомъ, и судятъ объ этой школѣ; но при этомъ допускаютъ крупную погрѣшность, не отличая низшей духовной школы—духовнаго училища—отъ средней—духовной семинаріи, и обыкновенно переносятъ то, что относится лишь къ училищу, на семинарію. Такой взглядъ на дѣло совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если духовныя училища времени, предшествовавшаго преобразованіямъ духовно-учебныхъ заведеній, произведеннымъ при оберъ-прокурорѣ Св. Синода графѣ Д. А. Толстомъ въ 1867 году, представляли нѣчто ненормальное и даже ужасное, то духовныя семинаріи и въ это время рѣзко отличались отъ нихъ. Происходило ли это отъ того, что учителя въ семинаріи были изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, а въ духовныхъ училищахъ, наоборотъ—изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, или причиной указаннаго были какія-нибудь другія обстоятельства—не беремся судить. Но различіе между состояніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ стараго времени—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Многіе изъ прошедшихъ курсъ училищъ и семинарій, порицая первыя, отдаютъ должное вторымъ. Съ цѣлью возстановить правильный взглядъ на духовныя школы стараго времени я рѣшился изложить воспоминанія о своемъ ученіи въ духовныхъ училищѣ и семинаріи. Будучи уроженцемъ одной изъ сѣвер-

ныхъ губерній, я учился въ училищѣ, находящемся въ глухомъ провинціальномъ городишкѣ, а затѣмъ въ семинаріи—въ губернскомъ городѣ. Время моего ученія съ 1852 по 1869 годъ. Все, изложенное мною въ воспоминаніяхъ, представляетъ простое воспроизведеніе дѣйствительно бывшаго безъ всякаго старанія съ моей стороны дать ему ту или другую окраску: я старался быть вполнѣ безпристрастнымъ и говорить и писать только сущую правду. Писалъ я по сохранившимся у меня памятнымъ записямъ, составлявшимся почти ежедневно въ теченіе всего моего ученія.

I.

Въ духовномъ училищѣ.

Мнѣ было семь лѣтъ, когда отецъ мой, сельскій священникъ, былъ переведенъ въ уѣздный городъ на хорошее мѣсто. Въ этомъ городѣ и было духовное училище, или, какъ въ разговорномъ языкѣ называли—„бурса“. Помню, какъ отецъ повелъ меня съ старшимъ братомъ къ смотрителю училища, который подарилъ намъ по новому экземпляру псалтири и отправилъ насъ съ отцомъ въ училище. Помню также, что отецъ поднесъ смотрителю два фунта чаю. Это было въ началѣ сентября 1852 года.

Всѣхъ классовъ въ духовномъ училищѣ было четыре, каждый съ двухгодичнымъ курсомъ. Ежедневно, разумѣется, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, было по четыре двухчасовыхъ урока. Первые три урока были отъ 8 часовъ утра до 2-хъ—по полудни; а послѣдній урокъ былъ послѣ обѣда—отъ 4-хъ до 6 часовъ вечера. Общежитія при заведеніи не было; всѣ жили на квартирахъ въ городѣ, а городскіе ученики—у родителей или, какъ сироты, у близкихъ родственниковъ. Остальные жили на частныхъ квартирахъ у жителей города, съ которыми дѣлали условія родители относительно содержанія дѣтей. Одни нанимали для дѣтей одну только квартиру, а на содержаніе ихъ оставляли муку на хлѣбъ и давали денегъ рубль или два, смотря по средствамъ отца, на такъ называемую у насъ „вологу“, то есть горячую пищу; при дешевизнѣ тогда припасовъ и крайней невзыскательности вкусовъ у иныхъ учениковъ хватало этихъ денегъ мѣсяца на два, на три. Городъ нашъ по населенію былъ невеликъ, но очень раскинутъ, вслѣдствіе того, что у богатыхъ жителей, жившихъ, большею частію, въ центрѣ города, были сады при каждомъ почти домѣ, иногда довольно большіе. Поэтому бѣдное населеніе жило въ такъ называемыхъ „пригородахъ“,

которыхъ было три, подъ разными названіями. Пригороды эти отдѣлены были отъ города большими пустыми пространствами, называвшимися обыкновенно „спольемъ“. Здѣсь-то, большею частію, и жили наши ученики въ виду дешевизны квартиръ. Лѣтомъ ходить оттуда въ училище, находившееся совсѣмъ въ другомъ концѣ города, пожалуй и пріятно. Но ходить зимой при 30 и болѣе градусахъ мороза, въ худой одеженкѣ и дырявыхъ сапогахъ, было очень трудно. Частыя вьюги, доходившія иногда до силы урагановъ, наносили огромные сугробы снѣга, которые не скоро расчищались; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ пробивались дорожки самими пѣшеходами; ходить по такимъ сугробамъ, особенно маленькимъ ученикамъ, было положительно невозможно. Таково было положеніе нашихъ учениковъ, не имѣвшихъ общежитія.

По приходѣ всѣхъ учениковъ въ классъ, предъ началомъ перваго урока была общая молитва въ особомъ залѣ; такая же молитва была тамъ же и вечеромъ послѣ четвертаго урока въ 6 часовъ. На нихъ утромъ и вечеромъ пѣлись разныя молитвы и церковныя пѣснопѣнія; продолжались они не менѣе четверти часа и были памятны намъ по тѣмъ послѣ нихъ экзекуціямъ, какія въ этомъ залѣ совершались. Жизнь учениковъ въ этомъ училищѣ проходила такъ тяжело, особенно въ первые годы, что теперь становится непонятнымъ—какъ мы могли переносить эту жизнь: да мы ли это были? Наше ли тѣло испытывало тѣ истязанія, порки и побои, какимъ ежедневно подвергали насъ начальство и учителя за малѣйшіе проступки, а иногда и безъ всякой вины. Начнемъ нашу рѣчь съ начальства и учителей училища. Смотрителей во время нашего пребыванія въ бурсѣ смѣнилось три: первый, при которомъ мы поступили въ училище, былъ свѣтскій человѣкъ, страдалъ чахоткой и умеръ черезъ годъ; второй протоіерей, прослужившій 5 лѣтъ, и третій іеромонахъ С., оставшійся еще смотрителемъ послѣ нашего перехода въ семинарію. Всѣ они были очень строгіе, но особенно послѣдній. Не лучше ихъ были и два инспектора: одинъ священникъ, учившій еще нашихъ отцовъ и въ ихъ время запоровшій до смерти одного изъ учениковъ. Дѣло это, по словамъ отцовъ, такъ въ Лету и кануло; очевидно, мѣстное начальство, боясь огласки и скандала, скрыло этотъ вопіющій и возмутительный случай. Другой инспекторъ былъ свѣтскій, маленькій, худенькій, но очень зоркій; меньше ста лозъ не давалъ ученику, на котораго онъ никогда не смотрѣлъ, а потому думалъ, что сѣкутъ мимо, вслѣдствіе чего съ перваго года и опредѣлилъ такую порцію лозъ.

При поступленіи нашемъ съ братомъ въ I-й классъ учениковъ-товарищей оказалось 63, всѣ моложе 10 лѣтъ. Мы были дѣти го-

родского священника и явились въ классъ въ гарусныхъ рубашкахъ, между тѣмъ какъ другіе товарищи, дѣти сельскихъ священниковъ, бѣдныхъ дьячковъ и пономарей, сидѣли въ армякахъ или въ грубыхъ рубашкахъ, а иные даже, если было лѣто, и босикомъ. Поэтому всѣ товарищи съ перваго урока, должно быть изъ зависти, не взлюбили насъ. Жизнь наша въ училищѣ сразу стала невыносимою: надъ нами смѣялись, намъ злорадствовали, называя насъ „баричами“, и часто безъ всякой вины били. Въ первый годъ ученія насъ не сѣкли, такъ какъ мы учились хорошо, за что товарищи еще болѣе насъ ненавидѣли. Во второй годъ мы рѣшились сойтись съ товарищами, принося имъ изъ дому хорошія закуски, и такимъ образомъ мало по малу помирились, хотя безъ дракъ не обходилось и потомъ.

Порядокъ ученія въ нашемъ училищѣ въ то время былъ такой. Учителя всѣхъ классовъ для облегченія себя назначали каждый въ своемъ классѣ такъ называемыхъ „авдиторовъ“ (auditor-слушатель) изъ лучшихъ, по ихъ мнѣнію, учениковъ. Эти авдиторы утромъ по приходѣ нашемъ въ классъ (для чего мы приходили за полчаса раньше срока) выслушивали наши уроки и отмѣчали наши отвѣты въ такъ называемыхъ „нотатахъ“. Каждый авдиторъ выслушивалъ 5, 6 человѣкъ и отмѣчалъ отвѣтъ нашъ въ нотатѣsc. (т. е.: scit—знаетъ), или ns (nescit—не знаетъ). Если не дать авдитору хорошей закуски, то онъ часто и при знаніи урока ставилъ ns. Правды, значитъ, не было и между товарищами. По приходѣ учителей въ классъ,—а хоцили они, большею частію, на часъ, иные на полтора, а были и такіе ретивые, которые являлись чуть не со звонкомъ, авдиторы подавали имъ нотату. Иные учителя не брали даже и нотаты, такъ какъ до прихода учителя всѣ отмѣченные ns должны были стоять на мѣстѣ своемъ на колѣняхъ, которыхъ они сейчасъ и замѣчали. Но многіе брали и нотаты. Нѣкоторые изъ учителей прежде всего пороли стоящихъ на колѣняхъ, а затѣмъ уже занимались своимъ дѣломъ; были впрочемъ и болѣе справедливые: внимая мольбамъ отмѣченнаго, они выслушивали его, и, если находили его знающимъ, то наказывали тогда самихъ авдиторовъ. Но такіе случаи были очень рѣдки въ теченіе моего десятилѣтняго въ училищѣ обученія. Къ сѣченію мы какъ-то привыкали; пороли насъ свои же товарищи; но это были люди отпѣтые: ничему не учились, старшіе и учителя отъ нихъ отказывались и сидѣли они на послѣднихъ партахъ. Мы называли ихъ: „сѣкарями“, а учителя—почему-то: „каппадокійцами“. Сѣкли насъ послѣ утренней или вечерней молитвы въ присутствіи всего училища, за лѣность, за громкій смѣхъ въ классѣ, за нечаянное разбитіе стекла, за порчу вещей, за неявку по какой-либо причинѣ

въ классъ и т. п. Наказывали розгами часто и невиновныхъ по доносу такъ называемаго старшаго. Это былъ одинъ изъ учениковъ IV-го класса, назначавшійся инспекторомъ; ихъ было всегда отъ 5 до 6. Должность ихъ состояла въ хожденіи по квартирамъ учениковъ младшихъ классовъ, въ слушаніи ихъ уроковъ, въ наблюденіи за ихъ шалостями; все это они записывали въ выданные имъ журналы, даже тѣхъ, кого не застали на квартирѣ, и обо всемъ доносили потомъ инспектору. Авдитора можно было ублаготворить хорошей закуской; старшаго же ничѣмъ нельзя было умилостивить: ни слезами, ни мольбами, развѣ только деньгами. Деньгами богатые ученики иногда подкупали даже учителей (хорошо помню одинъ случай съ ученикомъ II класса Поповицкимъ), приходившихъ иногда въ пьяномъ видѣ и придиравшихся къ богатымъ ученикамъ, съ которыхъ и брали деньги, вѣроятно, на водку. Иного ученика наказывали розгами три раза въ день, несмотря на его заявленіе, что его уже сѣкли два раза; на это учителя обыкновенно отвѣчали: „не овесъ и сѣять“. Иныхъ сѣкли по два раза въ день и оставляли безъ обѣда до 6 часовъ вечера. Были и такіе случаи, когда ученикъ, вопреки приказанію учителя, ни за что не хотѣлъ ложиться подъ розги: уширался за парту, кусался; учитель такого ученика приказывалъ товарищамъ вытащить изъ-за парты, говоря: „ребята, возьмите его“. Къ стыду нашему находились охотники изъ сѣкарей, вытаскивали ослушника на средину и тутъ распинали его, приподнявъ отъ полу на аршинъ, что̀ учителя называли: „сѣчь на воздусѣхъ“. Сѣкли его два сѣкаря съ двухъ сторонъ, а иногда запарывали до безчувствія, такъ что уносили его на мѣсто, а послѣ урока сторожа или товарищи отводили его домой, гдѣ онъ лежалъ иногда недѣлю и болѣе и не ходилъ въ классъ. За худое чистописаніе въ I классѣ часто сѣкли учениковъ розгами по рукамъ и заставляли потомъ опять писать. Могли ли хорошо писать вспухнувшія отъ розогъ руки? Чѣмъ руководились наши учителя при поркахъ учениковъ, укажу слѣдующіе три случая (я ихъ очень хорошо помню).

Былъ урокъ пѣнія во II классѣ; а извѣстно, что не всѣ ученики способны къ пѣнію, и потому иные, и зная ноту, поютъ худо и вздорно. Спросилъ разъ учитель пѣнія одного изъ такихъ неспособныхъ—пропѣть: „Съ нами Богъ“. Пѣснь эта по обиходу начинается съ очень высокихъ нотъ, какъ извѣстно. Лишь только ученикъ взялъ первую высокую ноту, весь классъ такъ и грохнулъ отъ смѣха, а первый ученикъ — громче всѣхъ. „Лозъ!“ крикнулъ учитель, обращаясь къ первому ученику: „ты смѣялся!“ На заявленіе ученика, что смѣялся весь классъ, учитель отвѣтилъ: „ты громче всѣхъ, Ложись!“ И влѣпилъ ему, несчастному, 150 лозъ. По окончаніи порки

ученикъ сѣлъ на свое мѣсто и долго горько плакалъ. Къ концу урока онъ немного успокоился и, увидавъ на партѣ муху, поймалъ ее и раздавилъ. Учитель, замѣтивъ это, записалъ его въ журналъ „за мухоловство“. На вечерней молитвѣ въ тотъ же день инспекторъ высѣкъ этого ученика уже за мухоловство въ классѣ и далъ ему опять 150 лозъ.

Пришелъ въ III классъ на послѣобѣденный урокъ священной исторіи одинъ учитель сильно пьяный. Вошедши въ классъ, онъ подошелъ къ первому ученику по разрядному списку и сказалъ ему: „ты мальчикъ хорошій; учишься ты хорошо; но иногда шалишь, а мнѣ драть хочется, ложись“! Дѣлать нечего, — легъ, и его высѣкли. Второй ученикъ былъ очень смирный, хорошо учился и къ удивленію всѣхъ ни разу не былъ въ жизни высѣченъ. Учитель, обратившись къ нему, сказалъ: „перваго высѣкъ, какъ же тебя не высѣчь? Ложись“! И второй ученикъ былъ высѣченъ въ первый разъ въ жизни только потому, что такъ захотѣлось пьяному учителю. Потомъ и другіе учителя съ легкой руки пьянаго учителя стали его сѣчь. А затѣмъ цѣлый уже урокъ прошелъ у него въ поркѣ остальныхъ, — уже безъ всякихъ оговорокъ. Чтобы описать третій случай, нужно сдѣлать небольшое объясненіе. Кромѣ розогъ въ нашемъ училищѣ практиковались другія наказанія. Какимъ иногда издѣвательствамъ надъ мальчикомъ, какимъ только побоямъ и истязаніямъ не подвергались бѣдные ученики! У однихъ учителей былъ обычай: „молоть кофе“, то есть учитель бралъ ученика за волосы и кружилъ его, кружилъ долго, пока у этого не образуется порядочная плѣшь; такимъ образомъ многіе изъ нашихъ учениковъ прежде времени ходили плѣшивыми. Стоять на колѣняхъ отмѣченнымъ не знающими мы не считали почти и наказаніемъ. Но вотъ было варварское наказаніе для учениковъ: стояніе на голыхъ колѣняхъ по срединѣ класса на пескѣ, при чемъ иногда время отъ времени давалось два полѣна въ руки и этой пыткѣ подвергались иногда ученики часа 2, 4, 6 и даже болѣе. Мы съ братомъ въ III классѣ подвергнуты были однажды смотрителемъ училища такому наказанію на цѣлую недѣлю, но безъ полѣнъ въ рукахъ за то, что вслѣдствіе половодицы возвратились въ училище позже недѣлей съ пасхальныхъ вакацій отъ родителей, которые по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ были переведены въ это время въ дальнее село, въ 120 верстахъ отъ города. Какъ будто мы, мальчики, были виновны въ томъ! Злѣе и свирѣпѣе всѣхъ учителей былъ преподаватель ариѳметики и географіи, священникъ о. А—ій. Это былъ звѣрь, а не учитель, не знавшій самъ предмета и заставлявшій зубрить изъ учебника: „отъ энтихъ до энтихъ“, какъ онъ выражался, не объ-

ясняя намъ рѣшительно ничего. Понятно, мы зубрили, но ничего не знали изъ ариѳметики, каждый урокъ ожидая его съ великимъ страхомъ и трепетомъ! Даже сѣкари, и тѣ его боялись, такъ какъ онъ и имъ не давалъ спуску и поролъ ихъ. Завидя его подходящимъ къ училищу, мы всѣ крестились и молились: да пронесетъ Господь мимо насъ страшную грозу! Но гроза являлась плотная, высокая, здоровая, сердитая; вошедши въ классъ и обозрѣвъ стоящихъ на колѣняхъ, еще до чтенія молитвы, она уже кричитъ громовымъ голосомъ: „лозъ“! Всѣ дрожатъ, особенно стоящіе на колѣняхъ. Не спрашивая урока и не провѣряя отмѣтокъ авдиторовъ, онъ прежде всего начинаетъ пороть незнающихъ, а такихъ у него всегда было много. Затѣмъ принимается за знающихъ, заставляетъ ихъ написать на доскѣ цифры въ два числа: вверху 1850, а внизу 15.647, и спрашиваетъ ученика, что съ ними нужно сдѣлать? Ученикъ недоумѣваетъ. И вотъ—хвать! летитъ затрещина, да какая! Ученикъ сразу падаетъ тутъ же у доски. Былъ одинъ случай съ ученикомъ, который отъ удара учителя упалъ, поблѣднѣлъ и пролежалъ безъ сознанія болѣе часа. Звѣрь струсилъ и сталъ-было поднимать ученика, говоря: „Вася, встань!“ Но тотъ не шевелился, его отнесли на мѣсто, и потомъ онъ всю жизнь не слышалъ однимъ ухомъ. Еще у этого учителя было наказаніе: подниметъ ученика за виски и пронесетъ его по классу туда и обратно. Оставшіеся въ живыхъ его ученики до сихъ поръ вспоминаютъ о немъ съ содроганіемъ. А былъ священникъ! За то и смерть его была, по словамъ очевидцевъ, самая мучительная. Избавились мы отъ него еще до смерти: пріѣхалъ ревизоръ, инспекторъ семинаріи, какъ разъ ко времени іюльскихъ экзаменовъ. Здѣсь онъ увидѣлъ наши знанія по ариѳметикѣ и тутъ же распорядился объ увольненіи звѣря-учителя. Къ началу слѣдующаго года на его мѣсто посланъ былъ другой, молодой; о немъ я скажу дальше. Былъ еще одинъ учитель латинскаго языка маленькій, горбатенькій, въ сущности—человѣкъ благодушный; но сѣчь и колотить любилъ, хотя не такъ много, какъ другіе: лозъ 10, 15. Больше онъ ставилъ на колѣни и дѣлалъ это особымъ образомъ: выставитъ гуськомъ учениковъ по всему классу другъ за другомъ по ту и другую сторону партъ, а средину оставитъ пустую для своего прохода. Затѣмъ онъ пойдетъ по классу и толкаетъ послѣдняго ученика своей маленькой ноженкой; этотъ, конечно, падаетъ, роняетъ другого, другой—третьяго и т. д. до конца, всѣ падаютъ и нарочно катятся подъ парты, а онъ самодовольно улыбается: вотъ-де я какой богатырь! Но больше всего онъ любилъ при чтеніи латинскаго текста за неправильное произношеніе словъ бить ученика въ голову кулакомъ, для чего вызывалъ всегда къ своему столу. Если ему надоѣ-

дало самому колотить въ голову, то онъ иногда вызывалъ двухъ учениковъ: одинъ читаетъ, а другой слѣдитъ за нимъ. Лишь только читающій сдѣлаетъ ошибку, учитель говоритъ другому ученику: „дай ему коку въ голову“. Тотъ даетъ. Затѣмъ перемѣняетъ ихъ роли, и уже битый бьетъ небитаго. Былъ учитель чистописанія, не тотъ, который когда-то сѣкъ по рукамъ, а другой послѣ него. Каждому ученику онъ выдавалъ особую пропись въ началѣ года, на которой были написаны какія-нибудь изреченія, напр., на моей: „Праздность есть мать всѣхъ прочихъ пороковъ“. И эту пропись писали мы до рождественныхъ экзаменовъ, такъ какъ у насъ въ теченіе года было два экзамена: передъ Рождествомъ и въ іюлѣ. Этотъ учитель чистописанія чинилъ намъ перья, такъ какъ мы писали гусиными перьями, а о стальныхъ тогда и помину не было. Для чинки перьевъ онъ собиралъ съ насъ 60 копѣекъ денегъ на перочинный ножичекъ, который и оставался всегда у него. При новомъ наборѣ учениковъ онъ дѣлалъ тотъ же сборъ. Написавъ свою пропись, каждый ученикъ подавалъ ее учителю, который разсматривалъ ее тутъ же при насъ и дѣлилъ ихъ на двѣ части. По подачѣ и пересмотрѣ всѣхъ тетрадей, онъ бралъ одну изъ этихъ частей, всегда побольше, называлъ фамиліи учениковъ, дурно написавшихъ и командовалъ: „Ложитесь всѣ разомъ! 1-му пять лозъ; 2-му десять, остальнымъ по 15, а послѣднимъ двумъ по 25 лозъ“. Являлись три—четыре сѣкаря изъ II-го класса, который былъ рядомъ съ I-мъ; а такъ какъ весь полъ былъ устланъ мальчиками, что представляло весьма смѣшную картину; то сѣкари пороли наказываемыхъ со смѣхомъ, а самъ учитель, подпирая бока руками, смѣялся громко до упаду.

Не могу пройти молчаніемъ объ одномъ учителѣ, Александрѣ Ивановичѣ Поповѣ, прослужившемъ при мнѣ 4 года. Назначенъ онъ былъ къ намъ вмѣсто учителя-звѣря. Прямо со студенческой скамьи онъ посланъ былъ учителемъ и сразу завоевалъ нашу любовь и симпатіи. Онъ въ первый же урокъ объявилъ, чтобы мы не смотрѣли на него какъ на палача-учителя, а какъ на своего старшаго брата. Онъ не заставлялъ насъ зубрить, какъ его предшественникъ, а объяснялъ толково, а на другой день требовалъ отвѣта обстоятельнаго. Умное, красивое и доброе лицо его, высокій ростъ сильно привязывали насъ къ нему. Хотя онъ иногда и шутилъ и говорилъ съ нами о самыхъ обыденныхъ предметахъ, но умѣлъ держать себя такъ, что фамиліарничать съ нимъ мы и не помышляли. Онъ много насъ облегчилъ отъ тяжелыхъ испытаній, какимъ подвергали насъ въ то же время другіе учителя. Черезъ два года онъ женился и поступилъ въ нашъ же городъ священникомъ, оставшись по-прежнему учителемъ, и былъ такимъ же добрымъ и дѣльнымъ учителемъ.

Теперь скажемъ объ одномъ памятномъ для училища и для насъ событіи. Пріѣхалъ въ нашъ городъ преосвященный и посѣтилъ всѣ храмы, а ихъ въ нашемъ маленькомъ городѣ шестнадцать, и всѣ въ благолѣпномъ состояніи, благодаря щедрости богатыхъ купцовъ, которые ежегодно ремонтируютъ ту или другую церковь на свой счетъ. Осчастливилъ онъ своимъ посѣщеніемъ и наше училище. Смотритель привелъ его къ намъ въ IV классъ. Первый вопросъ владыки при входѣ въ классъ былъ данъ первому ученику: „мышка была ли въ ковчегѣ“? Ученикъ отвѣтилъ утвердительно. Затѣмъ онъ обратился ко второму ученику: „что такое Европа“? Тотъ, не подумавъ нисколько, быстро отвѣтилъ: „Европа есть государство“.—„Худо“, сказалъ владыка и вышелъ изъ класса.

При такой печальной обстановкѣ лучшіе ученики только и думали о томъ, какъ бы скорѣе перейти въ семинарію. На семинариста мы, ученики училища, смотрѣли почти съ благоговѣніемъ. Тотъ же прежній оборванецъ и сорванецъ въ училищѣ пріѣзжалъ на родину въ приличной одеждѣ, болѣе или менѣе степенный, говорилъ о благородствѣ и держалъ себя съ нами довольно гордо. Поэтому семинарія была для насъ какимъ-то высшимъ заведеніемъ, гдѣ людей облагораживаютъ, куда принимаютъ людей дѣльныхъ.

Наконецъ, и для насъ кончились тяжелыя испытанія; наступило памятное намъ и радостное 15 іюля 1862 года, день выдачи билетовъ на проѣздъ, роспуска и объявленія списковъ. Пріѣхало много отцовъ и матерей за дѣтьми; къ 9 часамъ утра всѣ ученики, многіе съ родными, собрались въ бурсѣ. Является по порученію инспектора старшій и посылаетъ всѣхъ въ соборную церковь на молебенъ. Послѣ молебна въ соборѣ пошли мы опять въ бурсу, куда пошли и родные учениковъ. Явился инспекторъ, одѣтый въ старинный мундиръ, поношенный и ветхій, по покрою, должно быть, временъ Екатерины, съ кипой билетовъ и списковъ. Прочитавъ разрядной списокъ переведенныхъ въ семинарію по первому и второму разряду, инспекторъ подошелъ къ первому ученику, подалъ ему билетъ (а свидѣтельства отосланы были уже въ семинарію) и, къ удивленію всѣхъ—поцѣловалъ его. Это такъ поразило насъ всѣхъ, много отъ него потерпѣвшихъ, что мы, забывъ все, грянули ему: „gratias agimus“! (благодаримъ). Не выдержалъ старикъ и залился слезами, прощаясь съ нами, какъ отецъ. Наконецъ, когда первый ученикъ въ благодарность поклонился ему въ ноги, онъ тутъ окончательно смутился; положивъ руки ученику на плечи, въ такомъ положеніи стоялъ долго, приговаривая, насколько мы поняли, слова раскаянія и извиненія. Намъ тутъ показалось, что въ сущности онъ былъ добрый старичекъ, но должность, время и среда его заѣли.

Затѣмъ онъ сталъ намъ выдавать наградныя книги, конечно, лучшимъ, назначенныя смотрителемъ, такъ какъ въ училищѣ правленія никакого тогда не было, а всѣмъ управлялъ смотритель.

II.

Въ духовной семинаріи.

Выдержавъ установленный экзаменъ, мы съ братомъ поступили въ семинарію, гдѣ въ то время было три отдѣленія: 1-е низшее, называвшееся „словесность"; 2-е среднее—философія, и 3-е высшее—богословіе, по главнымъ предметамъ въ отдѣленіи. Въ каждомъ отдѣленіи былъ, какъ и въ училищѣ, двухгодичный курсъ. Все начальство было съ нами вѣжливо, говорило намъ: вы, о чемъ въ училищѣ мы и думать не могли. Обращаясь съ нами вѣжливо и благородно, профессора невольно внушали и намъ постепенно тѣ же качества. Всѣ мы понимали, что драться, грубить, дурачиться, не приготовить урока, что было обычно въ училищѣ, было какъ-то стыдно. Да и самыя науки какъ-то сразу насъ заинтересовали. Профессоръ словесности, кромѣ отчетливаго и понятнаго преподаванія своего предмета, какъ-то скоро пріучилъ насъ къ чтенію хорошихъ книгъ, часто самъ читалъ въ классѣ и мастерски, особенно произведенія Гоголя и проповѣди митрополита Филарета. Читать мы стали много, между тѣмъ какъ въ училищѣ мнѣ не удалось прочитать ни одной книжки, кромѣ Бовы королевича; да тамъ и книгъ для чтенія не было. Заставлялъ онъ насъ еженедѣльно писать сочиненія на разныя темы и внимательно прочитывалъ ихъ. Темы сначала были на тексты, въ отвѣтъ на которые мы писали такъ называемыя „хріи". Во второй годъ профессоръ словесности училъ насъ писать стихи. Частое писаніе такихъ сочиненій такъ набило инымъ руку, что они и въ другихъ классахъ писали сочиненія такого рода безъ труда.

Въ семинаріи была богатая библіотека, гдѣ я въ первый разъ въ жизни увидалъ глобусъ. Выписывались всѣ тогдашніе духовные журналы, были классическія русскія произведенія, даже много было иностранныхъ переводовъ разныхъ европейскихъ лучшихъ писателей: Шекспиръ, Бокль, Веберъ, Шлоссеръ и др.

Общежитія и въ семинаріи не было, какъ и въ училищѣ; въ первые годы при первомъ ректорѣ нанимались начальствомъ квартиры для тридцати казенныхъ воспитанниковъ, жившихъ на содержаніи хозяевъ квартиръ. Но при дешевой платѣ начальствомъ за

содержаніе хозяева, понятно, не могли кормить воспитанниковъ хорошо. Обыкновенной пищей были щи и каша, которая въ постные дни поливалась конопляным масломъ. Понятно, что одна и та же пища въ будни и праздники надоѣдала. Воспитанники жаловались на дурную пищу начальству; но пока былъ этотъ ректоръ — мирились. Новый ректоръ во избѣжаніе этихъ жалобъ предложилъ казеннымъ воспитанникамъ самимъ нанимать квартиры, а на содержаніе получать деньги изъ казны. Въ первое время выдавалось ежемѣсячно по 5 руб. 15 коп., а потомъ уже ровно по 5 рублей. Квартиры эти нанимали воспитанники у хозяевъ на разныхъ условіяхъ: одни брали комнату, а содержаніе имѣли свое; другіе жили на квартирѣ и на содержаніи хозяевъ, платя, смотря по отдаленности мѣста отъ семинаріи, 3, 4 и 5 рублей въ мѣсяцъ. Нижнее и спальное бѣлье ученики получали отъ комиссара, а иногда выдавали прямо холстомъ, а шили мы его уже на свой счетъ.

Церкви при семинаріи не было, а всѣ воспитанники ходили къ церковнымъ службамъ въ соборъ, куда приходили инспекторъ и его помощникъ и приказывали „старшимъ“ пересчитывать отсутствующихъ. „Старшіе“ въ семинаріи были на тѣхъ же правахъ, что и въ училищѣ; избирались они инспекторомъ изъ лучшихъ богослововъ, ходили по порученію инспекціи по квартирамъ воспитанниковъ, выслушивали ихъ уроки. Нѣкоторые изъ нихъ, приходя на квартиры учениковъ, не позволяли имъ въ ихъ присутствіи садиться, пока они не выслушаютъ уроковъ и не уйдутъ. Но вреда они намъ не дѣлали; большая часть изъ нихъ были люди деликатные и не придирчивые, не въ примѣръ училищнымъ. Рѣдко изъ-за нихъ доставалось воспитанникамъ младшихъ классовъ отъ инспекціи что-либо непріятное. Въ философскомъ классѣ по назначенію не инспектора, а ректора, я былъ на время въ родѣ старшаго. Онъ поручилъ мнѣ обревизовать всѣ квартиры учениковъ духовнаго училища, что я исполнилъ съ большимъ усердіемъ: обошелъ всѣ квартиры, осмотрѣлъ сундуки и одежду учениковъ, разспросилъ о положеніи и званіи ихъ родителей и все это записывалъ. Собравъ всѣ свѣдѣнія, я составилъ ректору подробный отчетъ, въ которомъ я выставилъ болѣе бѣдныхъ учениковъ, дѣтей хотя и священниковъ, но крайне бѣдныхъ и многосемейныхъ. По требованію ректора отмѣченные мною ученики были приняты на казенное содержаніе.

Оставленный на повторительный курсъ въ словесности, я, кромѣ учебныхъ занятій, долженъ былъ заботиться не только о себѣ, но и о содержаніи своей бѣдной матери. Отецъ мой, изнуренный трудами и бѣдностью, скончался въ 1864 году 26 декабря, 48 лѣтъ отъ роду, оставивъ мать съ 8 сиротами и большими долгами, сдѣ-

ланными изъ-за насъ. Сейчасъ же, конечно, меня приняли на казенное содержаніе, но на 5 рублей можно было содержать только себя. Чтобы восполнить свои недостатки и быть въ состояніи помогать матери, съ третьяго же года ученія я испросилъ у начальства разрѣшенія давать уроки, сначала довольно дешевые. Но по мѣрѣ пріобрѣтенія опытности цѣна за нихъ стала возвышаться; я готовилъ дѣтей уже въ гимназіи и въ другія заведенія и за успѣшное подготовленіе, кромѣ условленной платы (4, 5 р. въ мѣсяцъ), иногда получалъ отъ родителей въ именины и большіе праздники хорошіе подарки. Потомъ у меня было по два и по три урока въ недѣлю, а предъ окончаніемъ курса и больше. Понятно, что большую часть своихъ заработковъ я отсылалъ своей матери.

Такимъ образомъ лишніе два года въ словесности не пропали у меня безплодно, и однимъ изъ первыхъ перешелъ въ философію.

Въ этомъ (1866) году поступилъ въ семинарію еще одинъ младшій братъ, и мы жили вмѣстѣ. Философскій классъ имѣлъ свой праздникъ 1-го іюня, когда церковь празднуетъ Іустина философа. При первыхъ ректорахъ въ этотъ день философы освобождались отъ учебныхъ занятій. Но при послѣднемъ, несмотря на наши усиленныя просьбы, такой льготы не давалось. Инспекторомъ въ это время у насъ былъ благороднѣйшій человѣкъ іеромонахъ Гел., котораго, къ нашей радости, произвели 2 іюня 1867 года въ архимандриты. Сочиненія въ философіи писать было труднѣе, особенно по логикѣ и психологіи; а по другимъ предметамъ они особой трудности не представляли, такъ какъ писались, какъ въ словесности, не стѣсняясь формой и числомъ листовъ. Экзамены въ этомъ году въ нашемъ классѣ произведены были въ іюлѣ въ теченіе пяти дней. Затѣмъ составлены были разрядные списки, по обычаю, на основаніи устава, начиная съ перваго разряда и кончая вторымъ. Къ третьему разряду причислялись обыкновенно всѣ, оставленные на повторительный курсъ.

Наконецъ, я перешелъ въ богословскій классъ. Нѣкоторые изъ профессоровъ-богослововъ на своихъ первыхъ урокахъ говорили намъ рѣчи, внушая имѣть поведеніе образцовое, писать сочиненія самостоятельно; въ чемъ сомнѣваемся, обращались бы къ нимъ за разъясненіемъ; уроки учить основательно и помнить, что этотъ классъ для насъ послѣдній, что главная работа здѣсь у насъ проповѣди, поученія и экспромпты, что при хорошемъ окончаніи курса ученія дорога намъ открыта широко, и многое другое въ этомъ родѣ. Главный праздникъ здѣсь былъ Іоанна Богослова, два раза въ годъ, 26 сентября и 8 мая; дни эти праздновались всей семинаріей. Горе было писать проповѣди: требовались особыя формы, и мы были по-

ставлены въ тѣсныя рамки, въ которыя нужно было вставить массу мыслей, изложивъ ихъ въ краткой формѣ. Это насъ очень затрудняло; недоумѣваешь, бывало, что писать, куда что помѣстить. Бьешься иногда день, два и больше—все не нравится или ничего не выходитъ, а главное, надо было помѣстить массу текстовъ въ проповѣдь; чѣмъ текстовъ больше, тѣмъ проповѣдь лучше; живыхъ словъ мало полагалось. Одинъ изъ товарищей ухитрился написать проповѣдь, состоящую изъ однихъ текстовъ, а такъ какъ всякій текстъ подчеркивается, то проповѣдь его вся цѣликомъ была подчеркнута. Профессоръ и ректоръ расхвалили ее до небесъ, предложивъ автору сказать ее въ соборѣ въ большой праздникъ за обѣдней. Понялъ ли народъ эту проповѣдь, сомнительно, такъ какъ мы даже плохо ее понимали. За то онъ на той же недѣлѣ былъ посвященъ въ стихарь.

Здѣсь кстати разсказать исторію моего посвященія въ стихарь. Всѣхъ богослововъ обыкновенно посвящали въ стихарь только послѣ того, какъ ими были написаны хорошія проповѣди. Мои проповѣди были вообще недурны, но разъ я написалъ очень хорошую проповѣдь; профессоръ поставилъ лучшій баллъ, а ректоръ написалъ на ней: „Достоинъ посвященія въ стихарь“ и представилъ владыкѣ, который и согласился съ мнѣніемъ ректора. Посвящаемый въ стихарь обязанъ былъ говѣть недѣлю, исповѣдаться и въ воскресенье послѣ посвященія пріобщиться св. таинъ. Все это было мной исполнено. Но въ субботу за всенощной мнѣ велѣно было читать канонъ. Регентъ хора велѣлъ мнѣ читать по 8 ирмосовъ вмѣсто положенныхъ по уставу 14, что я и сдѣлалъ. Владыка замѣтилъ это и не велѣлъ мнѣ завтра являться въ церковь для посвященія въ стихарь, а вмѣсто меня велѣлъ ректору прислать другого, хотя бы и не подавшаго проповѣди. Такъ и было сдѣлано; я остался безъ стихаря. Мѣсяца черезъ два я написалъ новую и отличную проповѣдь, и ректоръ, не написавъ теперь ничего, отнесъ къ владыкѣ, который, прочитавъ ее, написалъ уже самъ: „достоинъ посвященія въ стихарь“. Явившись въ церковь, я увидѣлъ въ алтарѣ еще двухъ причетниковъ, назначенныхъ тоже къ посвященію, что дѣлается по уставу во время чтенія часовъ. Когда наступило время посвященія, архіерей спросилъ у иподіакона: „Кого тамъ нужно посвящать въ стихарь?“ Тотъ перечислилъ ему фамиліи. Услышавъ мою, владыка сказалъ иподіакону: „Ой, Г—а не надо, не надо! Онъ не нашъ, не нашъ!..“ Такъ я и остался опять безъ стихаря, хотя мнѣ въ то время было тяжело и обидно; на ректора это произвело непріятное впечатлѣніе. Вопреки прорицанію владыки: „онъ не нашъ“, служеніе мое до сихъ поръ болѣе 20 лѣтъ продолжается въ дух. вѣдомствѣ.

При семинаріи была воскресная школа, гдѣ учили богословы, сначала подъ руководствомъ профессора педагогики, а потомъ и самостоятельно. Занималось насъ въ школѣ всегда 10 человѣкъ и дѣло вели усердно; каждому изъ насъ хотѣлось примѣнить надъ дѣтьми тѣ методы обученія, какіе намъ сообщилъ профессоръ педагогики. Охотно мы ходили съ квартиръ въ семинарію по воскресеньямъ, куда собирались дѣти городскихъ жителей, для чего намъ былъ отведенъ свободный классъ.

Время отъ времени дѣлалась провѣрка нашихъ трудовъ по воскресной школѣ—учителемъ педагогики, ректоромъ, а иногда инспекторомъ. Въ мартѣ предъ экзаменами школьниковъ намъ приказано было заниматься съ ними усиленно, такъ что для этого освобождали насъ даже отъ воскресной обѣдни. Въ назначенный день и часъ явились мы къ владыкѣ вмѣстѣ со своими учениками во главѣ съ профессоромъ педагогики. Оставшись доволенъ экзаменами, владыка выдалъ по образку и книжкѣ, прибавивъ, что они присланы ему изъ министерства. А намъ за труды велѣлъ выдать по пяти рублей. На другой годъ профессоръ педагогики назначилъ намъ заниматься съ дѣтьми, кромѣ воскресенья, по вторникамъ и четвергамъ въ 6 часовъ вечера, такъ какъ былъ большой наплывъ учениковъ. Самое трудное для насъ было переучивать учениковъ; наученные дома: азъ, буки, вѣди.., они совсѣмъ не такъ выговаривали слова, какъ мы ихъ учили; домашніе учителя портили только дѣло. Чтобы развлечь дѣтей, мы показывали имъ картины изъ священной исторіи и разсказывали имъ изображаемыя на нихъ событія, и дѣти оживлялись.

Въ этомъ же первомъ году (1868) нашего богословскаго образованія 17 октября пріѣхалъ ревизоръ, членъ учебнаго комитета С. Ис. Л—въ для обревизованія училища и семинаріи. Сначала онъ обревизовалъ училище и нашелъ большіе безпорядки. Затѣмъ явился въ семинарію, присутствовалъ на урокахъ, ѣздилъ и по нашимъ квартирамъ и осматривалъ бытъ воспитанниковъ. Предъ отъѣздомъ онъ предложилъ начальству завести казенныя квартиры, или, какъ онъ назвалъ, „конвикты“ подъ наблюденіемъ какой-либо бѣдной вдовы изъ духовнаго званія и коммиссара, чтобы было не меньше 30 человѣкъ на одной квартирѣ. Велѣлъ двумъ младшимъ классамъ ходить ко всенощной, а намъ богословамъ къ утрени въ 6 часовъ утра, чтобы подготовлять насъ къ пастырскому званію. Наканунѣ отъѣзда онъ высказалъ начальству, что нашелъ много хорошаго и въ порядкѣ; но еще больше замѣтилъ требующаго исправленія.

Трое насъ, оканчивавшихъ курсъ, еще въ началѣ мая подали прошенія въ правленіе семинаріи о дозволеніи намъ поступить въ

духовную академію. Дѣло это тянулось довольно долго, ровно мѣсяцъ насъ уговаривали служить родинѣ, какъ просилъ владыка; но мы упорно настаивали на своемъ, доказывая, что и по окончаніи курса въ академіи придется намъ служить по духовному вѣдомству, только на болѣе высшихъ должностяхъ. Наконецъ въ началѣ іюня послѣдовала милостивая резолюція владыки: „разрѣшить означеннымъ въ прошеніяхъ воспитанникамъ семинаріи, имѣющимъ окончить курсъ, держать экзамены въ академіи: отобрать отъ нихъ удостовѣреніе, что они поѣдутъ и сдѣлаютъ обмундировку на свой счетъ; выдать имъ метрическія свидѣтельства и аттестаты подъ росписку по сдачѣ казенныхъ книгъ и наконецъ обязать подпискою прослужить въ духовномъ вѣдомствѣ за воспитаніе въ семинаріи четыре года“. Все это мы исполнили и, по сдачѣ книгъ по окончаніи курса, получили билеты на проѣздъ, метрическія свидѣтельства и аттестаты на руки. Простившись съ начальствомъ и со всѣми профессорами, мы отправились въ Петербургъ.

Михаилъ Гурьевъ.

Какъ искали серебряную руду въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ 1685 году.

Великому господину преосвященному Гавріилу, архіепископу Вологодскому и Бѣлозерскому, Якушко Галкинъ, благословенія твоего, великого господина, архіерейского прося, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ въ 193 (*т. е. 1685*) году по указу Великихъ Государей и по грамотамъ изъ Новогородцкого приказу и изъ приказу Большаго Дворца и по заручнымъ извѣтчиковымъ челобитнымъ Чернокъямской волости Ильинского дьячка Гришки Познякова Даніилова сына Попова да Команевскіе волости Іисусъ-Христова Рождества пономаря Тимошки Григорьева посланъ (я) на Бѣлоозеро и въ Бѣлозерской уѣздъ для сыску серебряные руды, а въ ызвѣстныхъ своихъ зарушныхъ челобитныхъ они извѣтчики написали имянно и подали Великимъ Государемъ въ ихъ Государьственномъ въ Посольскомъ приказѣ три челобитные, что породу съ извѣтчикомъ съ Иваномъ Хлоповымъ ходили и руду копали и серебро чистое изъ той руды плавили и кресты и персни лили и въ-рознь продавали; и въ той они, извѣтчики, винѣ и въ воровствѣ прощены и отпущены съ Москвы напередъ для указыванья рудныхъ мѣстъ, изъ коихъ мѣстъ руду имали и серебро плавили и кресты и персни лили и въ-рознь продавали. А нынѣ они, извѣтчики, въ домѣхъ своихъ не объявились, живутъ въ бѣгахъ у братей своихъ родныхъ, у священниковъ тѣхъ вышепомянутыхъ церквей у Еремія Даніилова да у Игнатья Григорьева и тѣ священники тѣхъ извѣтчиковъ, братей своихъ, у себя укрываютъ впредь для такова-жь воровства, чтобъ имъ то великое царьственное дѣло не объявить и воровать и серебро плавить и корыстоватца попрежнему. А что у священника у Игнатья Григорьева тѣхъ бѣглыхъ воровъ, извѣтчиковъ, въ домѣ видалъ извѣтчикъ-жь Иванъ

Ивановъ сынъ Хлоповъ при многихъ сторонныхъ людехъ розныхъ боярщинъ и имъ являлъ, а въ домы ихъ для выимки тѣхъ бѣглыхъ воровъ къ тѣмъ вышеупомянутымъ священникамъ безъ твоего святительского указу послать не смѣю. И о томъ великой господинъ, преосвященныі Гавріилъ, архіепископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій, противъ указу Великихъ Государей и грамотѣ и зарушныхъ ихъ извѣтчиковыхъ челобитенъ, въ ихъ воровствѣ и тѣхъ священниковъ въ той ихъ поноровкѣ, что ты, великой господинъ, преосвященный Гавріилъ архіепископъ Вологодцкій и Бѣлоозерскій, укажешь?

Наоборотъ. 1) *адресъ*: великому Господину преосвященному Гавріилу архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому. 2) *помѣта*: 193-го мая въ 27 день подалъ Козма Галкинъ.

По вышеприведенной челобитной архіепископомъ Гавріиломъ была дана 27 мая память Кириллова монастыря Новоезерскаго игумену Іонѣ съ братіею. Въ памяти приказано: „какъ къ вамъ ся память придетъ, и вамъ бы послать къ нимъ, попамъ, въ домы отъ себя монастырскихъ слугъ, сколько человѣкъ пригоже, и велѣть ихъ, извѣтчиковъ, Гришку и Тимошку, въ домахъ ихъ сыскавъ отвесть къ нему, Якову, для того Государского дѣла тотчасъ, чтобъ въ томъ дѣлѣ мотчанья не учинить. А котораго числа они, извѣтчики, сысканы и къ нему, Якову, отведены будутъ, о томъ вамъ на Вологду къ преосвященному архіепископу писать". Такова память послана съ Вологжаниномъ съ Козмою Галкинымъ мая въ 27 день.

12 октября 1685 года Яковъ Галкинъ снова подалъ архіепископу челобитную, въ которой, упомянувъ объ архіепископской памяти, посланной въ Кирилловъ Новоезерскій монастырь, и изложивъ ея содержаніе, пишетъ: „тѣхъ, бѣглыхъ извѣтчиковъ, братъ его родной попъ Еремей да сватъ его Гришкинъ, Куйской попъ Алексѣй, привели ко мнѣ на съѣзжей дворъ іюня въ 30 день, потому что они попы были по немъ, извѣтчикѣ, въ прежней записи порукою и въ бѣгахъ того бѣглаго извѣтчика, Гришку Познякова, и жену его и дѣтей держали и укрывали у себя, а Тимошка Григорьевъ сысканъ въ Комоневской волости у брата его родного, у Рожественского попа Игнатья. И бѣглые извѣтчики Гришка Позняковъ да Тимошка Григорьевъ били челомъ Великимъ Государемъ, а мнѣ подали челобитные за руками, чтобъ ихъ дать на поруки съ записьми въ сыску того великого Царственного дѣла и въ приносѣ той прямой серебряной руды; и по тѣхъ, великій святитель, извѣтчикахъ собраны поручные крѣпкіе записи въ сыску и въ приносѣ прямой серебряной руды; а порукою писались по Гришкѣ Позняковѣ отецъ его вдовой попъ Данило да братъ его родной попомарь Осипъ да розныхъ помѣстей и вотчинъ старосты и крестьяне. А въ домѣ его Гришкинѣ

живетъ зять его, дьячекъ Петрушка Ивановъ и всѣми животами владѣетъ. А по Тимошкѣ Григорьевѣ ручались — братъ его родной, Рожественской попъ Игнатей, да дьячекъ, двоюродной его Тимошкинъ братъ, Лука Осиповъ. И розныхъ помѣстей и вотчинъ старосты и крестьяне и всѣхъ порутчиковъ по нихъ, извѣтчикахъ, пятьдесятъ два человѣка. И по тѣхъ, великой святитель, порутчиковъ посылалъ я Бѣлозерскихъ площадныхъ подъячихъ Алешку Сергѣева съ товарыщи да Вологодскихъ стрѣльцовъ. И тѣ порутчики указу Великихъ Государей учинились ослушны и силны. И о томъ на нихъ порутчиковъ писано къ Великимъ Государемъ. А Рожественской попъ Игнатей да дьячекъ Лука Осиповъ били челомъ Великимъ Государемъ, а челобитную подали за руками на съѣзжемъ дворѣ, чтобъ имъ дать сроку въ сыску и поставкѣ брата ихъ, Тимошки Григорьева, противъ Государева указу сентября до двадесятого числа нынѣшняго 194 (=*1685*) году, а порутчиковъ бы ихъ не волочити до указу Великихъ Государей. И они порутчики, Рожественской попъ Игнатей да дьячекъ Лука Осиповъ, того бѣглого извѣтчика, брата своего, Тимошки Григорьева, на тотъ срочной срокъ не поставили и сами не стали, и въ томъ чинитца въ ихъ Великихъ Государей дѣлѣ и рудному сыску мотчаніе и укрываютъ ихъ, бѣглыхъ извѣтчиковъ, Гришку Познякова и Тимошку Григорьева, вышеписанные церковники они, порутчики, по-прежнему, а извѣтчикъ Гришка Позняковъ въ роспросѣ своемъ говорилъ на Ножемского попа Якима и на сына его Викулу, что они подлинно вѣдаютъ прямую серебряную руду въ Заонежскихъ погостехъ въ Лядвинской волости, потому что онъ попъ тамошной уроженецъ, а Николаевской попъ Дмитрей по сынѣ своемъ Петрѣ серебряникѣ въ статьѣ порукою. И я безъ твоего святительского указу по нихъ поповъ и дьячковъ и пономарей послать къ очнымъ ставкамъ и по порукамъ не смѣю. И о томъ великой господинъ преосвященный Гаврилъ, архіепископъ Вологодской и Бѣлозерской, противо указу Великихъ Государей объ нихъ церковныхъ причетникахъ что укажешь“.

12 октября архіепископъ Гавріилъ далъ память въ Ѳерапонтовъ монастырь строителю старцу Питириму, въ отвѣтъ на которую 20 ноября получена была слѣдующая челобитная:

„Великому Господину преосвященному Гавріилу, архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому Царской и твой святительской Богомолецъ Бѣлоозерского уѣзду Ѳерапонтова монастыря строитель чернецъ Питиримъ благословенія твоего архіерейского прошу, Бога моля челомъ бью. Въ нынѣшнемъ, государь въ 194-мъ году октября въ 17 день по твоему, государь, преосвященного Гавріила, архіепископа Вологодского и Бѣлоозерского, указу и по памяти за

приписью дьяка Ѳедора Капустина противъ Яковлевы отписки Галкина Бѣлозерского уѣзду Чернокьямскіе волости Ильинского вдоваго попа Данила и брата его родного пономаря Оску, дьячка Петрушку Иванова, Комоневскіе волости Пречистенского попа Игнатья, дьячка Лучку Осипова, Волковской волости Николаевского попа Дмитрія, противъ поручныхъ по извѣтчикахъ про серебряную руду записей да противъ извѣтчиковыхъ же Гришкиныхъ роспросныхъ рѣчей Познякова Ножемской волости Леонтьевскаго попа Якима съ сыномъ Викулкою послать къ тому дѣлу, кто въ чемъ приличится, для очистки, чтобъ ему Якову въ томъ дѣлѣ замотчанія не учинить, потому что де они попы съ товарыщи приличилися къ тому дѣлу сами волею своею. И я, богомолецъ твой, въ Бѣлозерской уѣздъ въ Чернокъямскую и въ Комоневскую и въ Волковскую и въ Ножемскую волости для высылки тѣхъ поповъ съ товарыщи къ дѣлу серебряной руды къ Михайлу Галкину посылалъ монастырскихъ служекъ Андрюшку Воронова съ товарыщи. И ноября, Государь, въ 15 день они, служки Андрюшка Вороновъ съ товарыщи подали мнѣ, богомольцу твоему, доѣзжую память, а въ доѣзжей, государь, ихъ памяти написано: Комоневской-де волости попъ Игнатей и дьячекъ Лучка изъ домовъ своихъ отбився ушли, а Чернокъямскіе-де волости попъ Данило лежитъ боленъ при смерти, а сына его Оску у посылщиковъ отбили, а дьячекъ Петрушка ушелъ, а Волковскіе волости вмѣсто попа Дмитрея взяли сына его Петрушку и отдали Михаилу Галкину, а Ножемской волости попа Якима и сына его Викулки въ домѣ не изъѣхали и вмѣсто ихъ взяли попова-жь Якимова сына Аѳонку и за поруками его выслали къ дѣлу серебряной руды къ Михайлу Галкину. И тотъ ихъ доѣздъ за руками понятыхъ людей и за ихъ посылщиковыми съ сею отпискою послалъ я, богомолецъ твой, къ тебѣ, государю, преосвященному архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому, на Вологду, а отписку, государь, и доѣздъ велѣлъ подать въ твоемъ святительскомъ судномъ приказѣ духовныхъ дѣлъ Духова монастыря игумену Аврамію да дьякамъ Ѳедору Быкову да Ѳедору Капустину.

Доѣздъ.

Лѣта 7194-го ноября въ 1 день по указу преосвященного Гавріила, архіепископа Вологодского и Бѣлоозерского, и по наказу за приписью дьяка Ѳедора Капустина и по памяти духовныхъ дѣлъ судьи, Ѳерапонтова монастыря строителя старца Питирима монастырскіе служки Андрюшка Вороновъ съ товарыщи, пріѣхавъ въ Судцкой станъ въ розные волости и взявъ съ собою въ понятые Черно-андопальской волости храму Успенія Пресвятые Богородицы попа Ѳеодота Яковлева да церковнаго дьячка Бориска Степанова

да Мондровской волости села Акимова храму Покрова Пресвятыя Богородицы вмѣсто дьячка церковного, Ивашка Иванова взяли работника его Тимошку Насонова, а сказался онъ, Тимошка, что де Михайловъ крестьянинъ Мусорского, а попъ того храму Андрей и съ братьею своей да и дьячекъ Ивашко Ивановъ учинились силны въ понятые не пошли, и изъ домовъ своихъ ушли. И мы съ тѣми понятыми пріѣхавъ въ Комоневскую волость ко храму Рожества Пресвятые Богородицы къ старостѣ поповскому, къ попу Игнатью Григорьеву да къ дьячку Лучкѣ Осипову, и они попъ Игнатей и съ дѣтми своими и дьячекъ Лучка изъ домовъ своихъ ушли и въ домѣ поповѣ сестра ево попова родная, вдова Матренна Григорьева дочь, указъ архіерейской называла воровскимъ и насъ ворами и понятыхъ людей такожъ ворами, а попа Успенского Ѳеодота называла мужикомъ и скуфью-де ты, воръ-мужикъ, положилъ на себя воровски, и въ домѣхъ у нихъ попа и дьячка искали, и въ пустомъ дворѣ у брата его-жь попова въ Тимошкинѣ дворѣ въ клѣти попъ или дьячекъ заперлись, и въ тожь время многіе и невѣдомые люди большимъ собраніемъ съ дубьемъ и съ бердыши и съ топориками и съ полѣньемъ и съ кистенями къ намъ пришли, и мы съ понятыми людми въ поповѣ избѣ заперлись, и тѣ невѣдомые люди во дворъ и въ избу къ намъ ломились и убить насъ хотѣли, и приступы къ избѣ чинили, и у дьячка Лучки въ избѣ и ночевали, и къ намъ ночью трижды приходили къ избѣ боемъ, и по окошкамъ полѣньемъ и каменьемъ били и бросали и насъ съ указомъ всячески бранили, и въ избу къ намъ ночью невѣдомые немногіе люди приходили по согласію поповы сестры вдовы Матронки, и понятыхъ— Успенского попа Ѳеодота—матерны бранили: и почто де ты, такая мать, къ намъ ходишь? какъ бы-де ты былъ доброй человѣкъ, и ты къ намъ съ такими ворами не ходилъ, вотъ-де знать добро есть человѣкъ Мондринской попъ Андрей и дьячекъ Ивашко къ намъ не идутъ, а какъ бы-де не ты, и мы бы-де знали, что чинить надъ посылщики, и впредь-бы и нимъ неповадно было къ намъ ходить. И на утріе въ Воскресной день онъ попъ Игнатей вышелъ отъ дьячка съ двора со многими людьми и съ бердыши и съ рогатины и съ топорки и съ кистенями и пошелъ отъ церкви въ деревни, и мы его, попа Игнатья, взять не смѣли для смертного убійства отъ него попа и отъ невѣдомыхъ многихъ людей. И того-жь числа взявъ съ собою тѣхъ же понятыхъ и пріѣхавъ въ Чернокъямскую волость ко храму святаго пророка Ильи ко вдовому попу Данилу, и онъ попъ Данило лежитъ въ постели при смерти, и сына его, пономаря Оску, взяли, а дьячекъ Петрушка изъ дому своего ушелъ въ деревню Гаврила Бердяева къ приказному его человѣку Корнилу,

и онъ его у себя въ клѣти и заперъ, а крестьянъ многихъ людей съ дубьемъ и съ бердыши и съ рогатины и съ топорки и съ кистенями въ попову деревню къ намъ прислалъ да и иныхъ розныхъ боярщинъ и помѣстей многіе-жь люди великимъ собраніемъ пришли къ намъ же такожь со всякимъ ружьемъ боемъ и на дворъ къ намъ и въ избу къ пономарю ломились и ворота бердыши и топорки сѣкли и въ окна въ избу на насъ дубьемъ и полѣньемъ и палками бросали, и насъ убить до смерти хотѣли и пономаря Оску убили, а сами они насъ бранятъ и говорятъ: пришли-де вы отъ вора изъ слободы отъ Якова Галкина. И мы посылщики, боясь смертного убійства, тѣмъ невѣдомымъ многимъ людемъ святительской указъ, по кого посланъ, вычели, и они указъ владычень и святаго владыку бранили и простымъ старцомъ его называли и живетъ-де онъ невѣмгдѣ, а у насъ поповъ и дьячковъ и пономарей по научкѣ Якова Галкина мучитъ и домы ихъ разоряетъ, и служащево попа Еремія въ понятые взять съ собою не дали и отъ попа изъ деревни выбили и съ улицы проводили съ дубьемъ и съ бердыши и съ топорки и съ кистенями, и вслѣдъ за нами и на насъ каменьемъ бросали, а служащей попъ Еремей въ понятые съ нами не пошелъ и отъ нихъ многихъ невѣдомыхъ людей прочь не отойдетъ, и то знатно дѣло всѣ поноровка отъ поповъ и дьячковъ и пономарей, а тѣ многіе и невѣдомые люди говорили: взавтро-де братцы сберемся сотъ съ пяти и болши и пойдемъ въ слободу Якова Галкина и совсѣмъ разоримъ, и вонъ выбьемъ. И мы ночью шли двадцать верстъ, а все лѣсомъ до слободы къ нему Якову Галкину. Да они-жь невѣдомые многіе люди понятыхъ, Успенского попа Ѳеодота съ товарыщи, и насъ посылщиковъ бранили всякою скаредною бранью: и впредь бы-де вы, попъ, и ипымъ заказывай, чтобъ къ намъ нихто съ такими указами и посылщики не ходите, будетъ-де охота живымъ быть; намъ-де не диковина вашъ владыка. И тѣхъ поповъ и церковныхъ причетниковъ, дьячковъ и пономарей противъ памяти къ Якову Галахтіонову сыну Галкину привесть было неково. А Волковской волости храму Николая чудотворца вмѣсто попа Дмитрія взяли сына ево Петрушку Дмитріева, и ево, Петрушку, по указу Преосвященного Гавріила, архіепископа Вологодцкого и Бѣлоозерского, и противъ памяти духовныхъ дѣлъ судьи Ѳерапонтова монастыря строителя старца Питирима, отданъ онъ, Петрушка, Якову Галахтіонову сыну Галкину при тѣхъ же понятыхъ людехъ и по немъ, Петрушкѣ, у него, Якова, собрана и порушная запись въ статьѣ и въ житьѣ. А подводъ намъ посылщикомъ и проводниковъ и понятыхъ никого не давали. А доѣздъ писалъ я, Андрюшка, своею рукою да мы-жь посылщики при понятомъ Ножевской волости храму

Леонтія Ростовского чюдотворца, при церковномъ дьячкѣ Павелкѣ Евсегніевѣ, того-жь храму попа Якима и сына его Викулки въ домѣхъ ихъ не изъѣхали, и вмѣсто его, попа Якима, и сына его Викулки взяли сына его попова Аѳонку и за поруками выслали въ пустую слободу на съѣзжей дворъ Якову Галахтіонову сыну Галкину ноября въ 3 день.

Наобор. рукоприкладства: Къ сему доѣзду Черно-андопольскіе волости Успенской попъ Феодоръ Яковлевъ руку приложилъ. Къ сему доѣзду Черно-андопольской волости Успенской церковной дьячекъ Бориско Стефановъ вмѣсто понятого-жь Михайлова крестьянина Мусорсково Тимошки Насонова по его велѣнью руку приложилъ. Къ сему доѣзду слушка Ивашко Исаковъ и вмѣсто товарища своего Алексѣя Васильева по ево велѣнию руку приложилъ. Къ сему доѣзду слушка Ѳетка Васильевъ руку приложилъ.

Сообщ. И. Суворовъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) [1]).

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Графъ Цукато скончался въ Гогошѣ 25-го августа, а генералъ Исаевъ умеръ на другой день. Эти двѣ смерти, двухъ командировъ отрядовъ арміи, показались неестественными, что̀ вызвало молву, будто они были отравлены. Но кѣмъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Турки не имѣли никакой возможности это сдѣлать, валахи и сербы съ ихъ смертью очутились лишенными своихъ лучшихъ защитниковъ и, наконецъ, этотъ родъ преступленія совершенно не въ нравахъ и характерѣ русскихъ. Цукато и Исаевъ погибли жертвами климата, который они не могли перенести; при чемъ, первый не вынесъ непосильнаго умственнаго и физическаго напряженія, а второй, уже достигшій 60 л., ослабѣлъ отъ невоздержанной жизни и пьянства.

Я совершенно искренно раздѣлялъ сожалѣнія всей арміи, выраженныя по поводу гибели обоихъ генераловъ, особенно графа Цукато. Онъ служилъ подъ моимъ начальствомъ въ Финляндіи въ 1790 году, и съ тѣхъ поръ я всегда цѣнилъ его мужество и таланты, которыхъ онъ имѣлъ не мало. Я тѣмъ болѣе охотно теперь отдаю справедливость его качествамъ, что на мой взглядъ, въ 1809 году, онъ велъ себя очень неудачно. Увѣренный тогда въ томъ, что Милорадовичъ, вслѣдствіе покровительства Государя и дружбы съ Аракчеевымъ, непремѣнно будетъ назначенъ главнокомандующимъ Молдавской арміей, онъ совершенно перешелъ на его сторону и раздѣлялъ всѣ интриги какъ его, такъ и этого сквернаго Филипеско. Сначала онъ хотѣлъ мнѣ навредить, а потомъ началъ наговаривать

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль 1909 г.

на князя Багратіона; но такое поведеніе его ни къ чему не послужило, такъ какъ онъ сильно ошибся. Многіе пробовали очернить его память, распространяя слухи, что будто онъ принялъ командованіе въ Малой Валахіи въ надеждахъ на выгоды, которыя доставляла эта страна всѣмъ своимъ начальникамъ. Говорили также, что будто Исаевъ очень тактично и осторожно творилъ то самое, что Зассъ дѣлалъ открыто, но эти сплетни были рѣшительно ни на чемъ не основаны. Наоборотъ, множество фактовъ доказывали противное. Цукато не заплатилъ ни одной копѣйки изъ своихъ долговъ, которыхъ у него было не мало, и оставилъ послѣ себя такъ мало денегъ, что его съ трудомъ могли похоронить на нихъ. Послѣ Исаева остался довольно значительный капиталъ, но всѣми его деньгами, брилліантами и дорогими вещами завладѣла, по его смерти, одна гречанка, которую онъ повсюду возилъ съ собой, семья же его не получила ничего.

Послѣ смерти этихъ двухъ генераловъ, какъ самый старшій, принялъ командованіе въ Малой Валахіи полковникъ Цвиленевъ. Онъ съ однимъ баталіономъ подошелъ къ Кладовѣ, и 1-го сентября крѣпость сдалась. Тамъ было найдено 2 пушки, 6 знаменъ и много провіанта. Сербы заняли это укрѣпленіе, благодаря чему сѣверъ и востокъ ихъ страны стали въ безопасности, такъ же какъ и ихъ сообщеніе съ русскими.

Цвиленевъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры; это былъ очень хорошій офицеръ, храбрый, умный и прекрасный начальникъ, но уже черезчуръ строгій, и даже жестокій, къ своимъ подчиненнымъ.

Мы уже видѣли, что графъ Каменскій, какъ только узналъ о смерти графа Цукато и Исаева, тотчасъ же отправилъ генералъ-лейтенанта Засса начальствовать въ Малую Валахію, давъ ему много войскъ. Лучшаго выбора въ военномъ отношеніи онъ не могъ сдѣлать. Собравъ, наконецъ, дивизію и понявъ ошибку, сдѣланную имъ въ началѣ кампаніи, когда онъ разбросалъ полки, графъ Каменскій отдалъ Зассу всю пѣхоту и кавалерію 16-ой дивизіи, такъ что Зассъ могъ дѣйствовать наступательно.

18-го сентября Зассъ подошелъ къ лагерю передъ Праговой, но, какъ уже было сказано выше, нашелъ крѣпость не за долго передъ этимъ покинутою турками.

Онъ подождалъ здѣсь графа Орурка, возвращающагося изъ своей командировки и, чтобы обезопасить его отступленіе, послалъ ему навстрѣчу подполковника Глѣбова съ резервнымъ баталіономъ 6-го егерскаго полка, эскадрономъ Волынскихъ уланъ и 1.000 сербами.

Зассъ, соединившись съ графомъ Оруркомъ, 10-го сентября, дви-

нулся на Брегаву. Эта крѣпость построена на рѣкѣ Тимокѣ, въ 15 верстахъ отъ Праговы, въ 60 верстахъ отъ Виддина и въ 8 верстахъ отъ Дуная; она похожа нѣсколько на Кладову, имѣетъ довольно укрѣпленную цитадель и весь городъ окруженъ укрѣпленіями. У турокъ было тамъ около 1.000 человѣкъ.

23-го сентября Зассъ приказалъ подполковнику Глѣбову атаковать это укрѣпленіе, что онъ и сдѣлалъ безъ большого труда; турки уже заперлись въ цитадели, гдѣ и были блокированы.

Но въ ночь на 26-ое они перешли Тимокъ и бѣжали, покинувъ цитадель. Отступая, турки наткнулись на Олонецкій полкъ, который, подъ начальствомъ Турчанинова, только на ночь приближался близко къ городу, а днемъ отходилъ отъ него довольно далеко. Не зная этого, турки попали подъ сильный картечный и ружейный огонь. Много ихъ было убито, а остальные спаслись бѣгствомъ. Зассъ занялъ городъ.

Турки также покинули Флорентини, построенную на Дунаѣ, въ 8 верстахъ отъ Бреговы. Зассъ приказалъ срыть обѣ эти крѣпости.

Оставаясь въ Бреговѣ и отославъ въ Большую Валахію часть войскъ, которыя должны были присоединиться къ своимъ дивизіямъ онъ такъ же отрядилъ войска къ Виддину.

10 октября полковникъ Волынскаго уланскаго полка Циммерманъ съ 5-ю эскадронами Ольвіопольскихъ гусаръ, Дерптскими драгунами и казаками, совершенно неожиданно, напалъ на турецкихъ фуражировъ, вышедшихъ изъ Виддина, и нанесъ имъ большія потери.

11-го около укрѣпленной деревни Калитанецъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Виддина, замѣтили большой отрядъ турецкой кавалеріи. Генералъ, наблюдавшій за Виддиномъ, снова отправилъ полковника Циммермана атаковать эту конницу. Циммерманъ ночью устроилъ засаду, а 12-го напалъ на тылъ турокъ и разсѣялъ ихъ, съ большими для нихъ потерями, Калитанецъ былъ сожженъ и укрѣпленія срыты.

15-го октября турки были прогнаны опять, тѣмъ же порядкомъ, изъ деревни Ниссы и Черембака, вслѣдствіе чего были принуждены отступить къ городу.

Деревни были сожжены, а болгарскія семейства переселились въ Малую Валахію. Въ это время одинъ турецкій корпусъ перешелъ р. Дрину и черезъ Боснію снова проникъ въ Сербію, угрожая Бѣлграду. Тогда генералъ Зассъ вторично послалъ графа Орурка на помощь сербамъ. Взявъ съ собой 5 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи и одинъ полкъ казаковъ, графъ Оруркъ снова двинулся на Делиградъ.

Вслѣдствіе этого движенія, Измаилъ-Бей, руководившій всѣми

операціями противъ сербовъ, возвратился въ Ниссу и тѣмъ облегчилъ операціи сербовъ по рѣкѣ Дринѣ.

15-го и 16-го октября Георгій Черный одинъ разбилъ турокъ и заставилъ ихъ отступить въ Боснію. Но графъ Оруркъ, желая окончить кампанію блестящимъ образомъ и съ пользой, 2 ноября, оставилъ Делиградъ, оправился на Тимокъ и напалъ на крѣпость Торгузовицы, расположенную по этой рѣкѣ, между Виддиномъ и Ниссомъ, въ 25 верстахъ отъ Ниссы.

Турки не помогли ей, хотя ихъ силы въ Ниссѣ были въ 4 или 5 разъ больше силъ русскихъ.

Графъ Оруркъ поставилъ батарею изъ 12 шестифунтовыхъ пушекъ, пробилъ брешь въ крѣпости и 5 ноября овладѣлъ ею. Гр. Оруркъ, преслѣдовавшій турокъ до самыхъ стѣнъ Ниссы, вернулъ Торгузовицы сербамъ и возвратился въ Малую Валахію. Этими походами окончилась кампанія въ Сербіи и Валахіи, проведенная гораздо искуснѣе Болгарской. Въ ней прославились графъ Цукато, гр. Оруркъ и генералъ Зассъ. Благодаря этой кампаніи наши сношенія съ сербами укрѣпились и окончательно утвердились за нами берега Дуная.

Сербы, гонимые со всѣхъ сторонъ турками, получили освобожденіе, а освободители ихъ завладѣли 12 крѣпостями или укрѣпленными лагерями.

Русскія войска стяжали здѣсь много славы. Цукато выказалъ при этомъ способность командовать отдѣльнымъ корпусомъ, Зассъ послѣдовалъ его примѣру и такъ же отличился своими военными талантами. Глѣбовъ, Цвиленевъ, Турчаниновъ, Шкапскій, Циммерманъ, Вороновъ и Жуковъ выдѣлились, какъ прекрасные генералы, обладающіе энергіей и крайне дѣятельные.

Но графъ Каменскій былъ недоволенъ, что генералъ Зассъ не взялъ Ниссы. Нужно было имѣть очень мало знаній относительно этого города, чтобы предполагать, что имъ такъ легко можно было овладѣть. Эта операція была немыслима и для исполненія ея потребовалось бы по крайней мѣрѣ 30.000 ч. и осадная артиллерія.

Крѣпость Нисса (Нишъ) была сильнѣе Рущука и имѣла на своихъ валахъ 300 пушекъ; защищалъ городъ Измаилъ-Бей съ войсками въ 1.500 чел. и почти столькими же вооруженными жителями. При этомъ, наступившее позднее время года не соотвѣтствовало тому предпріятію, для котораго Зассъ былъ слишкомъ слабъ.

Я, кажется, говорилъ о словахъ графа Румянцева, сказанныхъ 40 лѣтъ назадъ. Онъ находилъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ вести войну съ турками по лѣвую сторону Дуная, но и нѣтъ ничего

труднѣе, какъ воевать съ ними, перейдя эту рѣку. Онъ былъ правъ. Отъ Днѣпра до Дуная, на мѣстѣ прежняго театра войны, между Россіей и Турціей, т. е. въ Бессарабіи и около Галаца, Фокшанъ, Браилова, Бузео и Слободзеи до Аржиша и отъ Аржиша до Ольты и Жіи, вдоль лѣваго берега Дуная, простираются огромныя, совершенно открытыя равнины, весьма удобныя для веденія войны русскими. Эта мѣстность заселена христіанскими жителями, которые никогда не принимали никакого участія ни въ операціяхъ, ни въ движеніи войскъ, такъ какъ русскимъ приходилось имѣть дѣло только съ турецкими арміями, не привыкшими дѣйствовать въ открытомъ полѣ. Единственно, что представляетъ значительныя затрудненія,—такъ это крѣпости, которыя турки защищаютъ всегда съ ожесточеніемъ, но, несмотря на это, можно все-таки надѣяться, рано или поздно, завладѣть крѣпостями, если только непріятельская армія не получитъ подкрѣпленія или если она сама по себѣ—окажется слабой. Что же касается до мѣстности, лежащей по другую сторону Дуная, то она очень холмиста, перерѣзана оврагами и почти вся застроена крѣпостями, небольшими городами и даже укрѣпленными деревнями, что у турокъ равносильно крѣпостямъ.

Подвозъ провіанта происходитъ тамъ очень медленно и съ большими затрудненіями. Наконецъ, чѣмъ дальше отъ Дуная, тѣмъ болѣе и болѣе встрѣчаемъ жителей настроенныхъ воинственно; тамъ каждый сельскій житель вооружается и становится въ ряды арміи. Вслѣдствіе неудобной мѣстности, здѣсь невозможны ни быстрыя операціи, ни движенія форсированнымъ маршемъ.

Сообщеніе часто бываетъ прервано здѣсь партіями мѣстныхъ жителей, которые прекрасно знаютъ всю эту мѣстность и умѣютъ обходить горы и дефиле.

Вотъ о чемъ никто изъ насъ не имѣлъ понятія въ 1809 году, и чего графъ Каменскій совершенно не зналъ и въ 1810 г., хотя его отецъ и побывалъ на Балканахъ. Но въ Россіи военные обыкновенно читаютъ очень мало, а поэтому опыты отцовъ не имѣютъ никакого значенія для ихъ дѣтей! Итакъ, трудности, представляемыя этой страной, и недостатокъ знанія театра военныхъ дѣйствій были отчасти причиной того, что кампанія 1810 года окончилась для насъ не такими блестящими результатами, какихъ мы могли ожидать по употребленнымъ для сего средствамъ.

Не маловажное значеніе имѣли на нашъ успѣхъ ошибки графа Каменскаго, безъ которыхъ, несмотря на всѣ неудобства и трудности, кампанія могла бы быть болѣе счастливой [1]).

[1]) Главной его ошибкой я считаю то, что онъ поручилъ своему брату командованіе огромными силами. Всякій на его мѣстѣ овладѣлъ бы Вар-

А между тѣмъ можно было ожидать очень многаго отъ 80.000 русскихъ, имѣющихъ противъ себя только 50.000 турокъ! Во всѣхъ предыдущихъ войнахъ Россія никогда не выставляла противъ турокъ болѣе 40.000 ч.

Въ описаніи этой кампаніи я уже говорилъ о многихъ неправильностяхъ и ошибкахъ, но нужно, къ сожалѣнію, прибавить еще (какъ этого требуетъ исторія), что послѣ осады Силистріи и взятія Базарджика, всякій шагъ, всякое дѣйствіе были сплошными ошибками, вызванными легкомысліемъ, поспѣшностью, непослѣдовательностью и упрямствомъ.

Много времени было потеряно даромъ, при неумѣньи соблюсти свои выгоды, а разъ уже непріятелю было дано время осмотрѣться и организовать, какимъ-нибудь образомъ, свою армію, то восторжествовать надъ нимъ побѣду уже очень трудно. Всѣ арміи Европы никакъ не могли побѣдить Францію въ революціонныя войны 1799 года, а она, въ свою очередь, съ большимъ трудомъ, подчинила себѣ Вандею, тогда каждый крестьянинъ становился солдатомъ и, движимый чувствомъ патріотизма и фанатизма, кидался на поле битвы, переживая перемѣнный успѣхъ.

Военная служба и военное искусство не преслѣдуетъ цѣлей только уничтожать людей, и странны тѣ люди, которые въ столкновеніи мексиканцевъ съ испанскими кортесами видятъ побѣду въ смерти врага, купленной тысячами жертвъ съ ихъ стороны.

Гр. Каменскій не умѣлъ пользоваться ни временемъ, ни силами и еще въ іюлѣ мѣсяцѣ могъ бы заключить миръ за Балканами, а онъ даже не смогъ продержаться въ Болгаріи дольше конца осени, послѣ того какъ имъ было выиграно два большихъ сраженія и болѣе 20 менѣе важныхъ стычекъ и было взято 30 крѣпостей.

Никогда еще турецкая кампанія не была такой живой, дѣятельной и богатой событіями, и никогда еще она не оканчивалась такими неудовлетворительными результатами, такъ мало отвѣчающими общимъ ожиданіямъ государства.

Эта кампанія стоила Россіи значительное число убитыхъ и раненыхъ. Процентъ погибшихъ офицеровъ превышалъ процентъ выбывшихъ изъ строя солдатъ. Особенно много пало убитыхъ при штурмѣ Шумлы и Рущука, много погибло отъ болѣзней.

ной и, можетъ быть, взялъ бы Шумлу, и тогда война приняла бы совсѣмъ другой оборотъ.

Это упрямство или слабость графа Николая Каменскаго къ брату Сергѣю тѣмъ болѣе удивительна, что онъ нисколько не былъ ослѣпленъ на его счетъ.

Унтеръ-офицеры, по истеченіи 6-ти мѣсячнаго срока, не пріобрѣтя никакого опыта, достигали уже офицерскаго чина! Офицеры же, выпускаемые кадетскими корпусами, были ничего не знающими дѣтьми. Во всѣхъ полкахъ былъ недостатокъ въ опытныхъ офицерахъ.

Мы потеряли въ этой кампаніи 6 генераловъ; изъ нихъ 3 было убито и 3 умерли отъ болѣзней. Турки, казалось, отгадали всѣ качества нашихъ генераловъ, павшихъ отъ ихъ огня. Попандопулло, графъ Сиверсъ и Павелъ Иловайскій—были изъ числа тѣхъ немногихъ генераловъ, храбрость и знаніе которыхъ принесли бы большую пользу ихъ отечеству.

Къ такимъ генераламъ можно причислить графа Цукато и Исаева, смерть которыхъ была также большой потерей для арміи.

Что же касается до князя Василія Долгорукова, то его смерть не была оплакиваема ни семьей, ни арміей, ни отечествомъ; о немъ никто рѣшительно не пожалѣлъ.

Если эта компанія, какъ мы говорили, была богата событіями, то можно прибавить, что не скупились и на награды. Онѣ распредѣлились — самымъ страннымъ и несправедливымъ образомъ: 24 полковника были произведены въ генералъ-маіоры, но въ этихъ чинахъ ихъ оказалось нѣсколько такихъ, которые были совершенно недостойны такого повышенія. Ордена, какъ и чины, раздавались крайне несправедливо [1]). Этотъ невыносимый обычай въ Россіи, доведенный до крайней степени злоупотребленія, безразлично награждалъ орденами всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ, а часто даже не участвовавшихъ въ дѣлахъ, тогда какъ орденъ долженъ выражать благодарность родины — за блестящую службу или геройскій подвигъ, а при современныхъ условіяхъ полученіе его непремѣнно должно разочаровывать и ослаблять энергію храбраго офицера.

Служащіе въ Россіи, какъ по военной, такъ и по гражданской части, должны обладать большимъ запасомъ чести, честности и не-

---

[1]) Графъ Сергѣй Каменскій еще въ началѣ кампаніи объявилъ, что онъ будетъ раздавать награды не тѣмъ, кто ихъ заслужитъ, а тѣмъ, кому онъ захочетъ ихъ дать. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе, и мы видали, какъ онъ награждалъ всѣми русскими орденами и даже георгіевскими крестами всѣхъ своихъ адъютантовъ и приближенныхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ находились всегда на почтительномъ разстояніи отъ непріятеля. Многіе изъ нихъ, въ продолженіе всей кампаніи, ни разу даже не слыхали свиста пуль!

Полки, изъ которыхъ онъ составилъ себѣ почетную охрану, находясь все время вдали отъ поля сраженія, должны были защищать его священную особу; всѣ они были осыпаны милостями!

запятнанной нравственности и дѣлать больше, чѣмъ лежитъ на его обязанности, чтобы отличиться, такъ какъ самый несправедливый и корыстолюбивый магистратъ и самый извѣстный трусъ никогда не получаютъ должнаго наказанія, а наоборотъ, даже награждаются наравнѣ съ другими! И часто мы видимъ какъ съ генераломъ, благодаря которому мы выигрывали сраженія, обращаются такъ же, какъ и съ тѣмъ, кто покинулъ свои знамена. Желтухинъ былъ сравненъ съ Павломъ Иловайскимъ! Ордена раздавались, какъ и чины, эшелонамъ. Говорятъ, и не безъ основанія, что ордена за храбрость были настолько распространены, что ихъ можно было сравнить съ монетой, упавшей въ цѣнности до стоимости ассигнаціи [1]).

При распредѣленіи войскъ на зимнія квартиры, графъ Каменскій соединилъ дивизіи. 18-ая была помѣщена около Хотина, 12-ая около Яссъ, 11-ая вокругъ Фокшанъ, 15-ая въ Бессарабіи, эти 4 дивизіи находились подъ моимъ начальствомъ. 22-ая расположилась въ Никополѣ и въ Болгаріи, 8-ая въ Рущукѣ и въ Журжевѣ, 10-ая въ Силистріи, эти 3 дивизіи составляли корпусъ Эссена. 9-ая дивизія оставалась въ Бухарестѣ, а 10-ая въ Малой Валахіи, гдѣ продолжалъ командовать генералъ Зассъ.

Князь Суворовъ занималъ зимнюю квартиру въ Бухарестѣ, имѣя подъ своимъ начальствомъ кн. Н. Виртембергскаго [2]).

---

[1]) Единственный орденъ, которымъ дорожатъ въ Россіи, это орденъ Святаго Георгія 1-ой степени. Со времени учрежденія ордена, имъ были награждены только 8 человѣкъ, и всѣ они, за исключеніемъ одного только адмирала Чичагова, дѣйствительно заслуживали подобной награды. Въ настоящее время ни одинъ военный не имѣетъ этого ордена, даже генералъ Беннигсенъ не получилъ его за свою прекрасную прусскую кампанію.

1827 г. Потомъ онъ получилъ его за взятіе Гамбурга, въ 1814 г. Генералъ Кутузовъ получилъ этотъ орденъ за кампанію 1812 г., а генералъ Барклай—за кампанію 1814 г.

Государь, сначала, казалось, придавалъ большое значеніе Георгію 2-ой степени и собирался награждать имъ только дѣйствительно достойныхъ, но послѣ Баттинскаго сраженія мы видѣли, что этимъ орденомъ украшены графъ Сергѣй Каменскій и генералъ Уваровъ, что̀ доказываетъ, что заслуги уже не принимались во вниманіе, а все зависѣло отъ расположенія или каприза командующихъ арміями, которые, обманывая Государя, обезчестили, такимъ образомъ, свои награды!

[2]) Надо замѣтить, что года этихъ 3-хъ генераловъ, находившихся тогда въ столицѣ Валахіи, графа Николая, Суворова и Евгенія виртембергскаго, взятые вмѣстѣ, не составляли 80 лѣтъ, но это не мѣшало одному изъ нихъ командовать арміей, а другому дивизіей. Въ царствованіе Павла оказалось, однажды, въ Брестъ-Литовскѣ, 8 генераловъ, которымъ вмѣстѣ было 200 лѣтъ. Я былъ самый старшій, мнѣ было 36 лѣтъ, и былъ уже генералъ-лейтенантомъ; остальные же были: Данеръ, Милорадовичъ, Бартовъ, князь Владиміръ Долгорукій, Кологривовъ и Мюллеръ 3-й.

Всѣ полки прибыли къ мѣсту назначенія въ довольно печальномъ состояніи, уменьшившись почти вдвое и потерявъ множество убитыхъ и раненыхъ. Они прибывали безъ обозовъ и лошадей; многіе попали на свои зимнія квартиры только въ январѣ мѣсяцѣ. Но необычайная организація нашей арміи выразилась въ томъ, что къ веснѣ все уже было исправлено, пополнено, и всѣ полки оказались въ прекрасномъ состояніи.

Въ этой кампаніи у насъ было гораздо меньше больныхъ, чѣмъ въ предъидущихъ. Природа хотѣла какъ будто не только обогатить эту страну всѣми дарами, но и осыпать своими милостями; она даровала этой странѣ здоровый климатъ, чего лишены Бессарабія, Молдавія и Валахія, отдѣленныя отъ Турціи Дунаемъ.

Эта рѣка служитъ какъ бы границей, раздѣляющей двѣ страны, изъ которыхъ, насколько въ одной здоровая мѣстность, настолько въ другой она заражена. Горы и холмы, которыми покрыта Болгарія, высота этой мѣстности надъ уровнемъ моря, отсутствіе болотъ, все это имѣетъ несомнѣнное значеніе для прекраснаго климата этой страны. Большое вліяніе на разницу въ мѣстностяхъ, лежащихъ по ту и другую сторону Дуная, имѣло также обиліе водъ на лѣвомъ берегу. Жители Болгаріи, благодаря своему трудолюбію, воспользовались этими дарами природы и устроили во всякой деревнѣ много каменныхъ и мраморныхъ фонтановъ и бассейновъ, наполненныхъ водой, которая посредствомъ кирпичныхъ каналовъ проводится туда съ вершины горъ.

Наши солдаты, безжалостные разрушители, разрушили большую часть этихъ каналовъ, но жители снова ихъ исправили, какъ только мы удалились.

Что крайне удивительно, что ту самую воду, которой такъ радовались люди, почти совсѣмъ не могли выносить животныя другихъ странъ, и стада изъ Валахіи почти всѣ погибли, когда ихъ гнали черезъ Болгарію. Такая смертельность имѣла большое вліяніе на подвозъ провіанта войскамъ.

Графъ Каменскій устроилъ торжественный въѣздъ въ Бухарестъ, и произнесенныя при этомъ плохія рѣчи и плохіе стихи больше льстили его самолюбію, чѣмъ удовлетворяли его вкусу. Весь городъ былъ иллюминованъ, вездѣ были выставлены транспаранты и самого графа, при его въѣздѣ, закидали цвѣтами и лавровыми вѣнками. Жители Бухареста имѣли основаніе такъ чествовать графа Каменскаго и выражать ему свои благодарности, такъ какъ только послѣ 5 лѣтъ войны, наконецъ, пали Рущукъ и Журжево, и они почувствовали себя свободными отъ всѣхъ тревогъ. Графъ Камен-

скій оказалъ больше услугъ столицѣ Валахіи, чѣмъ своему собственному отечеству.

Я прибылъ въ Яссы въ концѣ ноября и оставался тамъ только мѣсяцъ. Получивъ разрѣшеніе ѣхать въ Петербургъ, я отправился туда въ январѣ мѣсяцѣ. Это путешествіе мнѣ было необходимо, чтобы упрочить свою судьбу и узнать, какого взгляда держались тамъ относительно меня. Прослуживъ довольно счастливо, и всегда съ большимъ усердіемъ, въ продолженіе 5 кампаній, и будучи уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, я могъ бы уже разсчитывать на полнаго генерала, тогда какъ мнѣ предпочли 9 изъ моихъ товарищей, изъ коихъ трое были достойны этого повышенія своей непорочной службой: кн. Багратіонъ, гр. Каменскій и Барклай-де-Толли, тогда какъ другіе или вовсе не служили въ этой войнѣ (Докторовъ, Ламсдорфъ, Виландъ) или же были произведены въ этотъ чинъ по желанію начальства, а не за оцѣнку своихъ заслугъ: (Милорадовичъ, гр. Сергѣй Каменскій и даже Платовъ, хотя послѣдній своей долгой службой, перенесенными несчастьями и занимаемымъ постомъ—казачьяго атамана,—получилъ право на подобную награду).

Долгое страданіе можетъ быть признано за терпѣніе и силу воли, но слишкомъ долгое страданіе доказываетъ уже подлую выносливость, а потому я рѣшился выйти въ отставку, если только ко мнѣ не отнесутся лучше и справедливѣе.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ военному министру, уважаемому генералу Барклаю, онъ отвѣтилъ мнѣ, что какъ только я увижу Государя, то вѣроятно измѣню свое намѣреніе.

И дѣйствительно я былъ принятъ моимъ повелителемъ и императрицами такъ ласково и привѣтливо, что у меня не хватило духу заговорить объ отставкѣ. Государь обѣщалъ при первой же возможности дать мнѣ повышеніе, а женѣ моей послалъ орденъ Св. Екатерины. Онъ сказалъ мнѣ: „Забудемъ это несчастное Аустерлицкое сраженіе, мы всѣ, и я первый, сдѣлали тамъ много ошибокъ“. Признаніе это было наивно!

Изъ того, что онъ мнѣ сказалъ, я увидѣлъ, что ему хорошо извѣстны всѣ подробности нашей кампаніи и что онъ особенно хорошо знаетъ всѣ частности Рущукской осады, о которой онъ не могъ вспомнить безъ содроганья. Онъ рѣшительно отказалъ дать награды за эту осаду, хотя нѣкоторые артиллерійскіе офицеры и генеральнаго штаба прекрасно дѣйствовали въ этой осадѣ и отличились своими военными подвигами. Я самъ, всѣ офицеры и полки, бывшіе со мной, даже тѣ, которые не принимали участія въ осадѣ,

всѣ потерпѣли немилость. Въ Россіи я былъ единственнымъ примѣромъ, когда генералъ, командовавшій осадой двухъ сдавшихся крѣпостей, не получилъ никакого знака благодарности отъ Государя.

Я почтительно изложилъ все это Государю и прибавилъ, что, если бы я не оставался командовать этими двумя несчастными осадами, то вѣроятно выигралъ бы Баттинское сраженіе. Онъ добродушно отвѣтилъ мнѣ: „Дорогой мой генералъ, Вы ничего не потеряете; клянусь Вамъ, но только не говорите мнѣ ничего объ этой осадѣ, мнѣ это слишкомъ тяжело!“

Въ петербургскомъ обществѣ я также замѣтилъ лестное для себя расположеніе и дружбу, которая была для меня большимъ утѣшеніемъ послѣ всѣхъ пережитыхъ непріятностей. Въ Петербургѣ я пробылъ только около 5 недѣль, а затѣмъ уѣхалъ обратно вполнѣ довольный своей поѣздкой.

Кампанія 1811 года.

Болѣзнь главнокомандующаго.

Возвращаясь изъ Петербурга въ Яссы, я встрѣтилъ въ Могилевѣ на Днѣстрѣ двѣ дивизіи, 12-ую и 18-ую, направлявшіяся въ Польшу, а три другія дивизіи шли дальше, по Днѣстру, чтобы расположиться тамъ по квартирамъ. Въ Молдавской же арміи осталась только половина тѣхъ войскъ, которыя я тамъ оставилъ. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ, я не имѣлъ никакого понятія объ этихъ обратныхъ движеніяхъ войскъ; никогда кажется, никакая тайна такъ хорошо не сохранялась [1]). Тогда я ясно увидѣлъ, что наша политика противъ французовъ и поляковъ велась

---

[1]) Передъ моимъ отъѣздомъ, графъ Сергѣй Каменскій говорилъ мнѣ, что онъ былъ назначенъ командовать арміей въ Волыни, и что двѣ дивизіи изъ корпуса его брата прибудутъ туда, чтобы соединиться съ нимъ. Мнѣ было очень непріятно видѣть его главнокомандующимъ, и я говорилъ объ этомъ съ военнымъ министромъ, который отвѣтилъ мнѣ такъ: „Вы развѣ вѣрите всему тому, что онъ говоритъ?“—„Нѣтъ“, сказалъ я,—„но тѣмъ не менѣе, надо же его куда-нибудь назначить“. „Что же вы изъ него сдѣлаете и что можно изъ него сдѣлать?“—отвѣчалъ онъ мнѣ. Изъ этого я заключилъ, что графъ Сергѣй слишкомъ льстилъ себя надеждой, которой не суждено было сбыться, такъ какъ въ Петербургѣ его прекрасно знали; и къ счастью какъ для арміи, такъ и для Россіи, онъ не былъ назначенъ главнокомандующимъ.

крайне осторожно, что вѣроятно мы будемъ принуждены перейти къ оборонительной войнѣ противъ турокъ.

Я узналъ также, что графъ Николай Каменскій былъ сильно боленъ, и что уже шесть недѣль продолжалась агонія, которая заставляла терять всякую надежду на его выздоровленіе.

Только-что я вернулся въ Яссы, какъ туда же пріѣхалъ полковникъ Воейковъ, флигель-адъютантъ Государя и пользующійся довѣріемъ и министра Барклай де Толли. Онъ мнѣ сказалъ, что у него есть какія-то тайныя приказанія отъ Государя, но что онъ можетъ ихъ сообщить мнѣ только въ Бухарестѣ. Я поѣхалъ туда, и 8-го марта Воейковъ передалъ мнѣ приказаніе Государя принять на время командованіе арміей и исполнить планы графа Каменскаго [1]).

Ниже я еще буду говорить объ этихъ планахъ, а теперь я долженъ сказать о состояніи гр. Каменскаго, его арміи и всей этой эпохи.

Гр. Каменскій, будучи очень слабаго тѣлосложенія и подверженный грудной болѣзни, часто чувствовалъ недомоганье; онъ часто хворалъ и въ дѣтствѣ, но поддерживалъ свое существованіе только лѣкарствами и всевозможными предосторожностями. Шведская кампанія дурно повліяла на его здоровье и, послѣ нея, онъ всегда чувствовалъ усталость. Характеръ у него былъ нервный, горячій, и всякое несчастье, неожиданная неудача, обманутыя надежды и горе дѣлали его больнымъ. Онъ отлично зналъ, что Государь очень не-

---

[1]) Прежде чѣмъ передать мнѣ это приказаніе, Воейковъ долженъ былъ еще исполнить другое, а именно: онъ долженъ былъ самъ удостовѣриться, насколько въ состояніи графъ Каменскій заниматься всѣми мелочами службы, и если онъ еще можетъ работать, то въ такомъ случаѣ мы оба должны были хранить секретъ.

Изъ моего журнала за 1807 г. видно, что хотя я и былъ самымъ старѣйшимъ генералъ-лейтенантомъ арміи, но государь приказалъ, чтобы мнѣ подъ команду не давали болѣе одной бригады. Въ 1811 году же онъ мнѣ довѣрилъ 100 тысячъ человѣкъ.

Въ Петербургѣ, я узналъ о болѣзни графа Каменскаго, но я никакъ не думалъ, что онъ былъ въ такой опасности. По дорогѣ въ Тульчинъ, я встрѣтилъ одного очень богатаго еврея, который занимался подрядами, и онъ подъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что въ скоромъ времени, я буду назначенъ командующимъ арміей, а поэтому онъ обратился ко мнѣ съ просьбой дозволить ему содержаніе госпиталей. Странно, что этотъ еврей зналъ больше чѣмъ я, но какимъ образомъ узналъ онъ все это?

1827 г. Когда, въ 1815 г., Наполеонъ бѣжалъ съ остр. Эльбы и приплылъ къ берегамъ Франціи, я былъ тогда на Волыни, гдѣ находилась главная квартира. Первые, кто меня извѣстилъ объ этомъ, были евреи. Курьеръ же отъ государя, находившагося тогда въ Вѣнѣ, прибылъ только черезъ два дня, не смотря на то, что ѣхалъ очень скоро. По точности и по скорости еврейская корреспонденція непостижима.

доволенъ имъ, и что онъ обязанъ былъ военному министру, что его оставили командующимъ арміей, хотя онъ также зналъ, что Барклай намѣченъ былъ замѣнить его.

Нападеніе на Рущукъ сильно поразило его; также какъ и нападеніе на Браиловъ ускорило смерть кн. Прозоровскаго.

Зиму онъ провелъ въ Бухарестѣ и совершенно не берегъ своего здоровья. Онъ доставлялъ себѣ всевозможныя удовольствія и даже удовольствія любви, которая, хотя и выражалась въ очень платонической формѣ, но все-таки заставляла его вести жизнь весьма вредную для его здоровья. Онъ давалъ балы, бодрствовалъ по цѣлымъ ночамъ и, несмотря на то, что зима была очень суровая, участвовалъ въ катаньи на саняхъ. 28 января 1811 г. онъ очень простудился, схватилъ кашель, и черезъ 5 дней онъ уже лежалъ въ страшной агоніи. Тогда онъ отдалъ, или, вѣрнѣе сказать, его заставили отдать приказъ по арміи о предоставленіи права дежурному генералу Сабанѣеву объявлять по арміи приказы и распоряженія.

Такой странный приказъ никогда не могъ бы быть имъ подписанъ, если бы онъ сохранилъ ясность памяти [1]). Когда я принялъ командованіе корпусомъ, то не обратилъ никакого вниманія, на этотъ вынужденный приказъ [2]). Но генералъ Эссенъ, болѣе трусливый, исполнилъ его въ точности и потомъ сильно раскаивался. Его-то именно и хотѣли отдалить отъ командованія, потому что ни со мной, ни съ Зассомъ такъ поступить не посмѣли бы.

О приближенныхъ гр. Каменскаго говорили, что они очень боялись новаго начальника, который могъ бы освѣтить таинственныя потемки, и что они хотѣли воспользоваться болѣзнью главнокомандующаго, чтобы покончить всѣ дѣла въ свою пользу.

Генералъ Сабанѣевъ извѣстенъ намъ, какъ прекрасный и честный человѣкъ; его прямодушіе и честность могутъ для всѣхъ служить примѣромъ. Онъ обладалъ военными талантами и съумѣлъ бы вести администрацію арміи, но онъ былъ слишкомъ признательнымъ къ гр. Каменскому и его адъютантамъ. Если онъ не раздѣлялъ ихъ интригъ, то все же онъ ихъ допускалъ; затѣмъ, у него есть слабость, покровительствуя которой можно было заслужить его благо-

---

[1]) Я даже сомнѣваюсь, чтобы этотъ приказъ былъ подписанъ имъ самимъ. Меня увѣряли, что подпись была подложная.

[2]) Теперь, въ Россіи, на случай болѣзни или смерти главнокомандующаго, начальникъ его штаба принимаетъ командованіе надъ арміей, хотя бы онъ былъ и младшимъ генераломъ.

Это правило, быть можетъ, и имѣетъ много преимуществъ, но въ немъ содержится и много недостатковъ.

воленіе. Онъ принялъ командованіе арміей, которое никогда не могло ему принадлежать.

Генералъ Эссенъ пріѣхалъ изъ Рущука въ Бухарестъ, но, увидя, что тамъ происходитъ, дѣйствовалъ очень осторожно и чтобы не подымать шуму и не компрометтировать себя, возвратился въ Рущукъ и во всемъ слушался Сабанѣева.

Черезъ 11 дней своей болѣзни, Каменскій былъ совсѣмъ въ безнадежномъ состояніи, у него похолодѣли оконечности; тогда его заставили написать завѣщаніе.

Это завѣщаніе было очень странно и поразило всѣхъ окружающихъ. Завѣщаніе составлялъ не самъ графъ, а его адъютантъ гвардіи капитанъ Закревскій, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Каменскаго. Въ этомъ дѣлѣ онъ не забылъ и себя, завѣщая себѣ 300 душъ; другимъ двумъ адъютантамъ роздалъ 200 и 150 душъ (еще одинъ адъютантъ не былъ внесенъ въ списокъ, потому что былъ его врагомъ). Всѣмъ людямъ графа онъ далъ свободу. Обращаясь къ Государю, онъ просилъ даровать милости за Рущукъ, такъ какъ самъ былъ заинтересованъ въ нихъ [1]).

Своимъ наслѣдникомъ онъ выбралъ молодого кн. Суворова, но заставилъ его, по этому поводу, играть довольно печальную роль. Гр. Николай Каменскій уже 4 дня былъ безъ сознанія, но послѣ ванны изъ вина ему, на время, стало лучше; этимъ воспользовались, чтобы прочесть ему завѣщаніе, которое онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и даже отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы. Когда же Суворовъ спросилъ его: кому онъ оставляетъ командованіе арміей, то онъ ничего не отвѣтилъ; ему повторили вопросъ, и

---

[1]) 1827 г. Этотъ Закревскій происходилъ изъ Московскаго купечества. Гр. Каменскій принялъ его офицеромъ въ свой Архангелогородскій полкъ. Затѣмъ повысилъ въ чинахъ и сдѣлалъ своимъ адъютантомъ. Будучи очень дѣятельнымъ и смышленымъ, онъ понравился графу, который приблизилъ его къ себѣ и предоставилъ ему большую роль. Говорятъ, что Закревскій былъ не особенно чистъ въ дѣлахъ Молдавіи, но я этому не вѣрю, тѣмъ болѣе, что его послѣдующее поведеніе вполнѣ опровергаетъ это подозрѣніе. Онъ такъ же пользовался покровительствомъ Барклая, что давало ему еще большее значеніе. Служебная карьера его была замѣчательна. Онъ теперь генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ и генералъ-губернаторъ Финляндіи. Онъ долго былъ дежурнымъ генераломъ арміи и выказывалъ большія способности, услужливость и честность. Его удалилъ (какъ думаютъ) съ этого мѣста гр. Аракчеевъ. Удивительно, какъ генералъ, не знающій языковъ, кромѣ русскаго, могъ управлять пятью губерніями, гдѣ не только народъ не зналъ по-русски, но даже служащіе въ этой странѣ чиновники никогда не учились этому языку.

Я вполнѣ уважаю Закревскаго за его качества, но исторія съ завѣщаніемъ гр. Каменскаго не совсѣмъ ясна.

тогда онъ отвѣтилъ по-французски: „il faut y penser“. На прежній вопросъ онъ уже молчалъ. Тогда, видя, что онъ ослабѣваетъ, взяли его руку и, водя ей, подписали завѣщаніе. Приближенные графа думали, что этотъ коварный вопросъ устроили Закревскій и Суворовъ, и этотъ послѣдній надѣялся, что графъ передастъ ему командованіе арміей. Гр. Каменскій, во время своей болѣзни, употреблялъ очень сильныя средства, которыя не только не поддерживали его жизни, но причиняли ему сильныя страданія.

Когда я пріѣхалъ, то меня не хотѣли тотчасъ допустить до него, а признали необходимымъ сначала подготовить больного для встрѣчи со старымъ знакомымъ, которая могла произвести на него сильное впечатлѣніе; наконецъ я его увидѣлъ, онъ обнялъ меня со слезами на глазахъ, говорилъ со мною очень долго, любезно и вполнѣ разумно, такъ что я не придалъ никакой вѣры тѣмъ разсказамъ, которые мнѣ передавали о потерѣ имъ разсудка, но, однако, вскорѣ я замѣтилъ, что я ошибся.

Онъ такъ и не узналъ, что я командовалъ арміей; у него иногда бывали такіе свѣтлые моменты, когда съ нимъ можно было говорить, но не о дѣлалъ, а лишь шутливо. Однажды онъ меня спросилъ, что хотятъ сдѣлать съ его братомъ, я отвѣчалъ, что не знаю; тогда онъ мнѣ сказалъ: „пусть съ нимъ дѣлаютъ, что угодно, только бы не отсылали отъ насъ“. Такъ разумно онъ не говорилъ и въ свѣтлое время своего разсудка.

Теперь перехожу къ описанію хода военныхъ событій.

Гр. Сергѣй Каменскій, какъ я уже говорилъ, передалъ командованіе корпусомъ, расположеннымъ въ Никополѣ, своему двоюродному брату кн. Вяземскому, который, за свой дурной характеръ, не былъ любимъ ни войсками, ни жителями. Онъ, не безъ основанія, былъ обвиненъ въ злоупотребленіяхъ и мошенничествахъ. Общественное мнѣніе было противъ него, да и служащіе подъ его начальствомъ не пощадили его въ разговорахъ и въ перепискѣ.

Гр. Каменскій, узнавъ объ его поведеніи и дабы показать, что онъ не протежируетъ своимъ родственникамъ, сдѣлалъ ему публичное замѣчаніе въ приказѣ. Поступокъ этотъ нельзя назвать тактичнымъ, потому что, если Вяземскій и былъ дѣйствительно виновенъ, то начальникъ можетъ судить его, но никакъ не унижать въ глазахъ подчиненныхъ. Мало того, Каменскій послалъ Сабанѣева съ нѣсколькими свитскими офицерами къ Вяземскому, чтобы отобрать отъ него 400 дукатовъ казенныхъ денегъ. Между этими деньгами были и собственныя его деньги, которыя, впрочемъ, послѣ большихъ хлопотъ, онъ получилъ обратно. Такой поступокъ былъ всѣми порицаемъ. Когда все это дошло до Петербурга, кн. Вязем-

скій былъ уволенъ отъ службы. По словамъ Вяземскаго, все это была интрига Закревскаго.

Гр. Каменскій замѣнилъ его гр. Сенъ-При. Лучшаго выбора, кажется, и нельзя было сдѣлать. Эммануилъ де Сенъ-При, старшій сынъ бывшаго французскаго посланника въ Константинополѣ, и потомъ министра внутреннихъ дѣлъ, соединялъ въ себѣ прекрасныя качества, необходимыя въ военной службѣ. Въ своихъ личныхъ качествахъ онъ былъ очень добръ и благочестивъ, что теперь въ свѣтѣ не очень то цѣнится, но эти качества облагораживаютъ человѣка и дѣлаютъ его еще болѣе уважаемымъ.

Гр. Сенъ-При можно обвинять только въ одномъ недостаткѣ: иногда снисходительный, иногда слабый, какъ начальникъ, онъ оказывалъ ненужныя уступки своимъ приближеннымъ, которые, пользуясь этимъ, вводили его въ такіе поступки, которыхъ, навѣрное, онъ самъ не рѣшился бы сдѣлать.

Онъ такъ же, какъ и Вяземскій, долженъ былъ быть подъ начальствомъ Эссена, находившагося въ Рущукѣ, но гр. Каменскій не любилъ Эссена и его начальствованіе было только внѣшнее.

Гр. Сенъ-При были поручены всѣ важныя операціи, и онъ имѣлъ 36 баталіоновъ, тогда какъ Эссенъ бездѣйствовалъ съ своими 10-ю баталіонами.

Гр. Каменскій, рѣшившись произвести, въ эту зиму, наступленіе, несмотря на суровость и многоснѣжность зимы, приказалъ гр. С.-При произвести поискъ къ сторонѣ Ловчи, гдѣ, какъ онъ думалъ, былъ слабый гарнизонъ и вовсе не было пушекъ, почему онъ предполагалъ, что ее можно взять такъ же легко, какъ въ первый разъ.

Наступленіе на Ловчу.

Гр. Сенъ-При выступилъ въ концѣ декабря съ небольшимъ отрядомъ, а именно 2 баталіона Олонецкаго полка, 2 баталіона Пензенскаго полка (переименованнаго въ 45-й егерскій) и 200 казаковъ.

31 декабря онъ подошелъ къ Ловчѣ по зимней дорогѣ, но вскорѣ сознался, что турки имѣютъ войска гораздо значительнѣе его слабыхъ силъ. Тѣмъ не менѣе, онъ спустился въ равнину, находящуюся около города, чтобы выручить казаковъ, которые слишкомъ смѣло подошли къ укрѣпленіямъ города и которыхъ турки вышли преслѣдовать.

Онъ хотя и отогналъ турокъ, но отъ огня изъ орудій понесъ незначительныя потери. Турецкая конница намѣревалась обойти его лѣвый флангъ, а вышедшій изъ города весь гарнизонъ началъ насту-

пленіе на каре 45-го егерскаго полка. Этотъ полкъ, пользовавшійся всегда дурной репутаціей, былъ подъ командою генерала Желтухина [1]), который, по обыкновенію, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, исчезъ, увѣряя, что онъ будто бы контуженъ.

Но каре полка сомкнулось, и началось серьезное дѣло. Гр. С.-При, ободрялъ егерей, хотя и находился внутри каре, но былъ моментъ, когда каре дрогнуло и могло быть взятымъ. Въ это время былъ опасно раненъ бригадъ-маіоръ Пригара. Въ концѣ концовъ, стрѣлки Олонецкаго полка поддержали егерей и уже ночью заставили турокъ отступить и обратно войти въ городъ. Мы потеряли здѣсь около 300 человѣкъ, турки тоже около того же и 2 знамя.

Гр. С.-При на другой день отошелъ отъ города, но черезъ два дня снова возвратился туда, въ надеждѣ, что ему удастся поправить эту маленькую неудачу, но, видя, полную невозможность, онъ возвратился въ Никополь и размѣстилъ свои войска по зимнимъ квартирамъ въ Болгаріи.

Въ с. Калинарахъ былъ огромный турецкій магазинъ, который былъ нами захваченъ, но 8-го января 3.000 турокъ атаковали подполковника Олонецкаго полка Булгарина, занимавшаго тамъ зимнія квартиры, но неудачно. Булгаринъ прекрасно повелъ дѣло; онъ отразилъ нападеніе и отнялъ у турокъ знамя. Съ тѣхъ поръ турки уже не дѣлали попытокъ отнять у насъ этотъ магазинъ, который и прокормилъ три полка въ теченіе 4 мѣсяцевъ.

Въ концѣ января, гр. С.-При снова предпринялъ наступленіе на Ловчу, взявъ съ собою 14 баталіоновъ и 3 полка казаковъ. 27 января онъ достигъ опять тѣхъ же высотъ, на которыхъ онъ былъ и раньше, и выставилъ противъ города свои войска.

Ловча окружена укрѣпленіями, похожими на укрѣпленія Силистріи и Рущука. Посреди города протекаетъ р. Осьма, раздѣляющая городъ на 2 части. Для защиты укрѣпленій, въ Ловчѣ было собрано до 6.000 турокъ и 3 — 4 тысячи вооруженныхъ болгаръ.

Гр. С.-При имѣлъ не болѣе 7.000 человѣкъ.

На своемъ лѣвомъ флангѣ онъ поставилъ 5 баталіоновъ, подъ командою полковника Шкапскаго, приказавъ ему построить редутъ противъ тѣхъ укрѣпленій, которыя турки имѣли на возвышенностяхъ

---

[1]) 1827 г. Этотъ самый полкъ, будучи подъ моимъ начальствомъ, покрылъ себя славою во время кампаніи 1813 и 1814 г.г., но тогда командиромъ его уже не былъ Желтухинъ. Начальникъ часто замѣняетъ цѣлый полкъ.

праваго берега р. Осьмы. Казаки поддерживали сношенія между этой колонной и прочими войсками, пользуясь маленькимъ островомъ, лежащимъ посреди замерзшей рѣки.

Турки не вѣрили въ возможность приступа съ нашей стороны и полагали, что мы отступимъ, какъ и въ первый разъ, а потому, на предложеніе С.-При о сдачѣ города, они отвѣчали дерзкимъ отказомъ и даже начали стрѣлять въ парламентера. Видя, что гр. С.-При, будучи значительно сильнѣе прежняго, не только не отступаетъ, а все еще остается на своей позиціи и укрѣпляетъ ее, турки стали ожидать нашего наступленія. Они думали, что таковое начнется съ нашего лѣваго фланга, гдѣ находился полковникъ Шкапскій; предположенія ихъ еще болѣе подтвердились, когда къ вечеру С.-При приказалъ усилить лѣвый флангъ войсками, подошедшими ночью. Турки, которыхъ, при желаніи, всегда можно легко надуть, перевели свои лучшія войска на свой правый флангъ и, въ то же время, на возвышенности, у поворота, который образуетъ р. Осьма, открыли спѣшныя работы по постройкѣ сильныхъ редутовъ, которые прикрывали бы ихъ ретраншаменты на лѣвомъ флангѣ. Бывшій при отрядѣ генеральнаго штаба подполковникъ Мишо замѣтилъ, что рабочіе были ясно видны, а это доказывало, что редутъ не имѣлъ рва, какъ это въ дѣйствительности и было. Редутъ этотъ они строили на утесѣ и воздвигали валъ изъ приносимой земли. Ночью, подпоручикъ генеральнаго штаба Малиновскій произвелъ очень смѣлую рекогносцировку этого редута и подтвердилъ заключеніе Мишо. На этотъ-то пунктъ и было рѣшено произвести атаку.

Сообщ. Е. Каменскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Сумцовъ, В. Н. Аракчеевцы въ Грузино и Аракчеевкѣ. Экскурсіонный очеркъ къ 75-лѣтію Нижегородскаго Графа Аракчеева кадетскаго корпуса. Н.-Новгородъ. 1909. Тип. Л. С. Гинзбурга. 8⁰ (14×22). VII+175+20+4 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 26 л. 600 экз.

Хвостовъ, М. М., проф. Международный исторический конгрессъ въ Берлинѣ 6—12 августа 1908 года. Казань. 1909. Изд. Совѣта о-ва археологіи. Тип. Университета. 8⁰ (17×25). 24 стр. Складъ: Казанскій университетъ и въ книжныхъ магазинахъ бр. Башмаковыхъ и Дубровина. Ц. 40 к. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Веселовскій, С. Б. Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича. М. 1909. Изд. Имп. общ. истор. и др. Россійскихъ. Тип. Синодальная. 8⁰ (19×27). 233 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 1.200 экз.

Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ. Подъ ред. С. В. Бахрушина. М. 1909. Изд. Н. Н. Клочкова (Моховая, 20). Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8⁰ (18×27). 148 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 18 л. 2.000 экз.

Житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской по синодальной рукописи XVII вѣка съ предисловіемъ А. И. Титова. М. 1909. Тип. Снегиревой (Савеловскій, св. д.). 8⁰ (16×24). 40 стр. Вѣсъ 6 л. 300 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. VII. М. 1909. Изд. Т-ва Міръ (Б. Никитская, 22). Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К⁰. 8⁰ (19×27). 49—128 стр. Съ портр. Вѣсъ 20 л. 7.000 экз.

Каталогъ выставки въ память И. С. Тургенева въ Императорской Академіи Наукъ. Мартъ, 1909 г. Спб. 1909. Тип. Имп. Академіи Наукъ (Вас. остр., 9 лин., № 12). 16⁰ (11×15). 202 стр. Вѣсъ 9 л. 1.012 экз.

Левъ Толстой. Жизнь и творчество 1828—1908 г.г. Критико-біографическое изслѣдованіе Н. Г. Молоствова и П. А. Сергѣенко подъ ред. А. Л. Волынскаго. Художественный отдѣлъ въ завѣдываніи Е. П. Самокишъ-Судковской. Изданіе „Л. Н. Толстой.—Жизнь и творчество“ отпечатано въ типографіи книгоиздательства П. П. Сойкина въ С.-Петербургѣ. Геліогравюры, меццотинто и фототипіи воспроизведены Ф. А. Брокгаузъ въ Лейпцигѣ, Ф. Брукманъ въ Мюнхенѣ и Т-вомъ Р. Голике и Вильборгъ въ С.-Петербургѣ. Бумага изготовлена на Красносельской писчебумажной фабрикѣ Т-ва Насл. К. П. Печаткина. Шрифтъ словолитни Акц. Общ. О. П. Лемана въ С.-Петербургѣ. Краски фабрики Беггрова въ С.-Петербургѣ, Бейтъ и К⁰ въ Гамбургѣ. Спб. 1909. Изд. и тип. Книгоизд. П. П. Сойкина. 4⁰ (23×30). 68 стр.+60 портретовъ, рисунковъ и автографовъ. Вѣсъ 1 ф. 10.000 экз.

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Спб. 1909. Изд. 6-е, испр. и доп. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (16×25). XI+316 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 8.000 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 2. И. С. Тургеневъ. Спб. 1909. Изд. тов. Обществ. Польза „Прометей“. Тип. „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (16×23). 271 стр. Складъ: Пушкинская, 15. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 28 л. 4.000 экз.

О Минувшемъ. Историческій сборникъ. Спб. 1909. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8⁰ (16×22). 480 стр. Складъ „Провинція“ (Екатерининская, 4). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 5.000 экз.

Отзывъ общества исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній по вопросу объ охраненіи памятниковъ старины въ Россіи. Рига. 1909. Тип. Геккеръ. 8⁰ (17×25). 30 стр. Вѣсъ 4 л. 150 экз.

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1907 годъ. М. 1908. Тип. Синодальная. 4⁰ (23×31). 94 стр. Съ таб. рис. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 600 экз.

Отчетъ о дѣятельности Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества съ 27-го авг. 1907 г. по 1-е янв. 1909 г. Спб. 1909. Тип. Флейтмана (Казанская, 45). 4⁰ (20×28). 82+4 стр. Вѣсъ 12 л. 2.000 экз.

Русско-японская война въ наблюденіяхъ и сужденіяхъ иностранцевъ. Вып. XXI. Критическій разборъ главнѣйшихъ боевъ перваго періода войны. Изъ книги подполк. французской службы Бардонно „Отъ Ялу до Ляояна“. Спб. 1909. Изд. В. Березовскаго. Тип. Тренке и Фюсно (Максимил. пер., 13). 8⁰ (16×22). 35 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1909 г.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. ***По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ***, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1908 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.